

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт философии

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2014 году

Выпуск

4

Минск
«Беларуская навука»
2017

Четвертый выпуск ежегодного сборника научных трудов Института философии НАН Беларуси является особенным. Он приурочен к Первому белорусскому философскому конгрессу «Национальная философия в глобальном мире» и посвящен проблематике становления и развития белорусской философской традиции, анализу традиционных и новых направлений философских и трансдисциплинарных исследований, оценке перспектив их развития. Авторами сборника являются известные философы и ученые Беларуси, представители партнерских научных организаций зарубежных стран.

Сборник рассчитан на философов, ученых, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется актуальными проблемами философского знания в общечеловеческом и национальном контексте, философскими подходами к пониманию человека, общества и культуры, развития науки и техники.

Сборник научных трудов «Философские исследования» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по философской отрасли науки (Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 156 от 19.06.2015 г.).

Рекомендовано:

Ученым советом ГНУ «Институт философии НАН Беларуси»,
протокол № 8 от 23 июня 2017 г.

Редакционная коллегия:

Т. И. Адуло (главный редактор), доктор философских наук, профессор;
А. Л. Куши (зам. главного редактора), кандидат философских наук, доцент;
А. О. Карасевич (ответственный секретарь), магистр психологических наук;
П. Ганчев, доктор философских наук, профессор (Болгария);
Л. Ф. Евменов, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук;
А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент;
В. А. Максимович, доктор филологических наук, профессор;
О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор (Украина);
Э. М. Сороко, доктор философских наук, доцент;
А. И. Субетто, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Д. И. Широканов, академик НАН Беларуси, доктор философских наук

Рецензенты:

П. В. Кикель, доктор философских наук, профессор
С. П. Онуприенко, доктор философских наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ ПЕРВОМУ БЕЛОРУССКОМУ ФИЛОСОФСКОМУ КОНГРЕССУ

Лазаревич А. А. Белорусский философский конгресс – закономерный этап развития философии в Беларуси.....	7
Философия в национальном и универсальном измерении (Мнения ученых).....	17
Белорусская философская традиция как феномен духовной культуры (Материалы круглого стола).....	30

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ

Евароўскі В. Б. Беларускае Сярэднявечча ў агульнаеўрапейскім сацыякультурным кантэксце.....	52
Падалінская А. А. Філасофская думка Беларусі ў эпоху Адраджэння: дыялог філасофскіх традыцый.....	69
Игнатов В. К. Социально-политическая мысль Беларуси в эпоху Контрреформации.....	84
Бабкоў І. М. Памежжа эпох, скрыжаванне культур, складка цывілізацый: інтэлектуальная культура эпохі Асветніцтва і рамантызму.....	105
Евароўскі В. Б. З'яўленне беларускай нацыянальнай ідэі.....	121

СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ

Адуло Т. И. Проблемы диалектики в белорусской философии.....	134
Лукашевич В. К., Легчилин А. А., Куиш А. Л., Павлюкевич В. И. Философско-методологические исследования в Беларуси.....	151
Адуло Т. И. Социально-философские исследования.....	172
Адуло Т. И. Философско-антропологическая проблематика в исследованиях белорусских ученых.....	191
Позняков В. В. Философия культуры в Беларуси: векторы развития.....	203
Павловская О. А., Лапцёнок А. С., Винокурова С. П., Степаненко Н. А. Национальное этическое знание в контексте социально-исторического развития Беларуси.....	226
Салеев В. А. Эстетика на Беларуси: история и современность.....	246
Евароўскі В. Б. Навуковая школа ў галіне гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі.....	262
Карасёва С. Г., Короткая Т. П., Кутузова Н. А. Религиоведение в Беларуси: институциональное оформление и предметное поле.....	277
Водопьянов П. А., Захарова Н. Е., Червинский А. С. Социально-экологическая проблематика в концептуальной структуре отечественной философии.....	293

**СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ
БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Сороко Э. М., Колесников А. В., Старжинский В. П. Теоретико-методологические проблемы трансдисциплинарных исследований	309
Лазаревич А. А., Мякчило С. А. Исследования в области философии и эпистемологии информационного общества	323
Левко А. И., Буйко Т. Н. Философия образования в Беларуси: формирование исследовательских программ	341
Санько С. І. Этнафіласофскія даследаванні ў Беларусі: праз мінулае ў будучыню	350
Завадский М. Б., Ильюшенко Н. С. Практическая философия: современные тенденции, национальная специфика	366
Сведения об авторах	381
Информация для авторов	384

CONTENTS

TOWARDS THE FIRST BELARUSIAN PHILOSOPHICAL CONGRESS

Lazarevich A. Belarussian philosophical congress is a natural stage of development of philosophy in Belarus.....	7
Philosophy in the national and universal dimension (Views of scientists).....	17
Belarussian philosophical tradition as a phenomenon of spiritual culture (Materials of the round table).....	30

HISTORICAL STAGES OF FORMATION OF THE NATIONAL PHILOSOPHICAL THOUGHT OF BELARUS

Yevarouski V. Belarussian Middle Ages in the European social-cultural context	52
Padalinskaya A. Philosophical thought of Belarus in the Renaissance: a dialogue of philosophical traditions	69
Ignatov V. Social-political thought of Belarus in the era of the Counter-Reformation	84
Babkou I. Borderland of ages, intersection of cultures, formation of civilizations: philosophy of the Enlightenment and Romanticism.....	105
Yevarouski V. Emergence of the Belarussian national idea.....	121

MODERN NATIONAL PHILOSOPHICAL THOUGHT OF BELARUS IN THE CONTEXT OF THE HISTORICAL RETROSPECTIVE

Adoulo T. Problems of dialectics in Belarussian philosophy.....	134
Lukashevich V., Legchilin A., Kuish A., Pavlyukevich V. Philosophical and methodological research in Belarus.....	151
Adoulo T. Social and philosophical research.....	172
Adoulo T. Philosophical and anthropological problems in the research of Belarussian scientists.....	191
Pazniakou V. Philosophy of culture in Belarus: vectors of development	203
Pavlovskaya O., Laptенок A., Vinokurova S., Stepanenko N. National ethical knowledge in the context of socio-historical development of Belarus	226
Saleyev V. Aesthetics of Belarus: history and modernity.....	246
Yevarouski V. Scientific school in the sphere of the history of philosophical, social and political thought of Belarus	262
Karassyova S., Karotkaya T., Kutuzova N. Religious studies in Belarus: institutional and subject field.....	277
Vodopyanov P., Zakharova N., Chervinsky A. Social-ecological problems in the conceptual structure of domestic philosophy.....	293

**FORMATION OF NEW DIRECTIONS OF RESEARCH
OF BELARUSIAN PHILOSOPHY**

Soroko E., Kolesnikov A., Starzhinsky V. Theoretical and methodological problems of trans-disciplinary research	309
Lazarevich A., Miakchilo S. Research in the field of philosophy and epistemology of the information society	323
Levko A., Buiko T. Philosophy of education in Belarus: formation of research programs	341
San'ko S. Ethnophilosophical research in Belarus: through the past to the future.....	350
Zavadski M., Iliyushenko N. Practical philosophy: current trends, national specificity.....	366
Information about authors	381
Information for authors	384

НАВСТРЕЧУ ПЕРВОМУ БЕЛОРУССКОМУ ФИЛОСОФСКОМУ КОНГРЕССУ

А. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

БЕЛОРУССКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС – ЗАКОНОМЕРНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ В БЕЛАРУСИ

Уважаемые читатели!

Нынешний выпуск ежегодника «Философские исследования» – особый. Прежде всего, он выходит в свет в год, который объявлен в Республике Беларусь Годом науки. Мероприятия этого года, как и подготавливаемые обобщающие научные труды, научно-популярные публикации, призваны целостно представить интеллектуальный капитал страны, ее вклад в глобальную систему научного знания, роль в международном научно-техническом сотрудничестве и потенциал к реализации новых трансдисциплинарных проектов. Одним из таких мероприятий и, думается, самым значимым для философской общественности Беларуси и всех ученых, чья творческая биография связана с нашей страной, станет Первый белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире».

Проведение конгресса, первого в своем роде на белорусской земле, – еще одна причина, делающая этот выпуск «Философских исследований» неординарным. Не отказываясь от общих принципов формирования структуры издания и жестких критериев отбора статей, редакция делает акцент на материалах, которые отражают замысел и основное содержание конгресса. Мы ожидаем, что они наполнят предметным содержанием предстоящий на этом мероприятии разговор о феномене национальной философской традиции, ее статусе в глобальном пространстве научного поиска и коммуникации и прежде всего о генезисе, достижениях и путях развития той системы философских знаний, ценностей и установок, которая и выступила предпосылкой и поводом для встречи философов из разных стран на гостеприимной белорусской земле.

Эта традиция опирается на деятельность выдающихся представителей интеллектуально-духовной истории Беларуси: Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского, Франциска Скорины, Сымона Будного. Она включает в себя десятки ярких имен европейской и евразийской философии, просветительства, общественно-политической и религиозной истории, таких как Л. Сапега,

К. Лыщинский, М. Смотрицкий, И. Иевлевич, Я. Снядецкий, С. Маймон, А. Довгирд, И. Абдиралович, С. Вольфсон, И. Лущицкий, В. Сербента, В. Конон, А. Майхрович и многие другие фигуры, которые являются ее достойными репрезентантами в пантеоне мировой философской культуры.

Не забудем и о тех мыслителях, чья биография тесно связана с Беларусью, несмотря на то, что традиционно их относят к духовным пространствам российской, польской культуры: это А. Мицкевич, А. Богданов, Н. Лосский, Л. Выготский и др. Такая двойная атрибуция не случайна, по-своему символична. Девять веков становления и развития философской традиции Беларуси – это история осмысления и переработки ценностно-мировоззренческих установок, характерных для парадигм философского мышления Запада и Востока, освоения матриц православной, католической, протестантской, иудейской и исламской духовности, создания на этой основе собственного, во многом уникального интеллектуального продукта, который служит сегодня идейно-символическим основанием субъектности Республики Беларусь как нации-государства в системе международных отношений и цивилизационного развития.

Мы уверены, что духовная культура Беларуси кристаллизуется именно вокруг своего интеллектуального, научно-философского стержня. Благодаря этому наша страна не только демонстрирует высокие стандарты организации и регулирования общественной жизни, безопасности и устойчивого развития, но и уверенно выходит на траекторию инновационных преобразований, интегрируется в глобальную систему высокотехнологичного производства, коммуникаций и обмена. Диалогичный (диалектический – в античном, сократовском понимании этого понятия) характер белорусского философского мышления выступил и выразителем, и в известной степени создателем того этико-эстетического комплекса, которым определяется своеобразие национальной культуры. Мы говорим о ней в терминах культуры согласия, примирения противоречий, культуры солидарности и равновесия, – всего, что манифестируется коренными лексемами белорусского духа, такими как «лад», «дабрабыт», «родны кут», «талака», «памяркоўнасць»...

Нам кажется, что именно поэтому белорусская философская традиция на нынешней стадии своего исторического пути призвана реализовать формально новую, но имплицитно присущую ей издревле функцию. Она может и должна сыграть роль питательной среды для мировоззренческого диалога, опосредующего исторически сложившиеся и вновь формирующиеся точки соприкосновения, области идейной конкуренции и конвергенции, сферы противоречий и их преодоления – словом, «перекрестки» цивилизаций, дискурсов, культур. Восток и Запад, мир традиции и пространство новаций, установки техноцентризма и природоцентризма сегодня встречаются на белорусской земле в доброжелательном, взаимообогащающем взаимодействии, как встречались и ранее, на протяжении столетий истории. Неслучайно один из крупнейших белорусских историков философии С. А. Подокшин, анализируя

в своей книге «Беларуская думка ў кантэксте гісторыі і культуры» (Минск, 2003) мировоззренческие позиции белорусских просветителей, отмечает, что наиболее перспективной оказалась та из них, в которой был сформулирован вывод о необходимости общения культур Востока и Запада. В наше время этот вывод воплотился в идеологии глобального диалога между религиями, культурами и социально-экономическими системами.

В советские годы Беларусь не раз принимала философские и междисциплинарные форумы всесоюзного масштаба, такие как Всесоюзная научно-теоретическая конференция по проблемам организации и управления (1989), 10-я Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки (1990) и др. Философские кафедры белорусских вузов, академический Институт философии с радостью раскрывали двери для стажировок и повышения квалификации ученых и преподавателей, представлявших самые разные регионы страны и ближнего зарубежья. Немало и тех, кто, приехав из других союзных республик, прочно интегрировался в белорусское философское сообщество и воспринимается сегодня как неотъемлемый его участник. Достаточно вспомнить имена академика Г. Ф. Александрова, члена-корреспондента В. И. Степанова, директора Института философии и права АН БССР в 1951–1955 гг. В. П. Сточеляса, а также И. Г. Родина, М. Т. Иовчука и многих других. Разумеется, и белорусская философская школа породила целую плеяду талантливых специалистов, которые продолжили свою продуктивную творческую деятельность в других союзных философских центрах и в дальнем зарубежье. Ярчайший пример такой научной судьбы – это фигура всемирно известного философа, академика Российской академии наук и иностранного члена Национальной академии наук Беларуси В. С. Стёпина.

Говоря о диалогообразующей, координирующей функции белорусской философской традиции, мы, разумеется, не можем обойти вниманием ее институциональные формы. Ведь диалог – это не абстрактная «среда», а сотворчество субъектов, носителей определенных мировоззрения, ценностей, эпистемы. Такими системообразующими субъектами для современной белорусской философской традиции являются факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета и, разумеется, Институт философии Национальной академии наук Беларуси.

Нашим институтом накоплен обширный опыт деятельности по организации философского сообщества страны. На протяжении десятилетий он выполнял функции «кузницы кадров» для философских кафедр республики. Через аспирантуру научного учреждения, работу в его подразделениях, защиту в нашем диссертационном совете прошли многие из тех, чьими именами обеспечивается реноме белорусской философской школы. С момента обретения независимости Республикой Беларусь Институт философии регулярно выступает республиканским координатором выполнения государственных программ научных исследований, их разделов по философским наукам.

Институт философии традиционно является и крупнейшим в стране организатором философских форумов национального и международного масштаба. С 1980-х годов здесь регулярно организуются республиканские методологические семинары, которые собирают представителей различных отраслей науки и техники, затрагивают в своей деятельности многие актуальные проблемы развития экономики и общества, фактически работая в парадигме современной фабрики мысли. Институт поддерживает и активно развивает международные научные связи, заключив договора, соглашения о сотрудничестве с тремя десятками научных и образовательных центров постсоветского пространства, Европы и Азии, а также поддерживая контакты, публикационный обмен с учеными и коллективами, представляющими более сотни городов. Особенно тесное, плодотворное сотрудничество сложилось у нас с коллегами из Института философии Российской академии наук, Института философии, политологии и религиоведения Комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан, Института исследований культуры Литвы, Института философии и права Академии наук Азербайджана, многих других научных организаций из России, Украины, Казахстана, Молдовы, Румынии, Польши, Болгарии, Словакии, Франции, ФРГ, Китая, Ирана и пр.

Более 15 лет нами реализуется программа ежегодных научных конференций, приуроченных ко Всемирному дню философии под эгидой ЮНЕСКО, памятным датам истории национальной и мировой философской мысли. Свидетельством значимости нашего вклада в развитие сети научно-гуманитарного сотрудничества можно считать то, что в 2017 г. Институт философии НАН Беларуси стал полноправным членом авторитетной глобальной организации – Международной федерации философских обществ (FISP).

В планировании наших научных мероприятий мы стремимся охватить максимально широкий спектр актуальных направлений философских и междисциплинарных исследований. Это прежде всего проблематика культуротворческого статуса философского знания и его роли в регуляции современных глобальных процессов (международные научные конференции «Философия как самопонимание культуры и посредник в диалоге культур», 2006 г.; «Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры», 2011 г.; «Философское знание и вызовы цивилизационного развития», 2016 г., и др.). Органичным дополнением этой проблематики выступает диалог во вопросам философских оснований культурного многообразия и диалога культур (научные и научно-практические конференции «Историко-культурное наследие татар-мусульман Беларуси: проблема сохранения и изучения», 2010 г.; «Межнациональное согласие и толерантность – ценностная основа евразийской интеграции», 2014 г.; «Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки», 2015 г.; круглые столы по проблемам существования и культурного развития национальных меньшинств в Беларуси под эгидой Совета Европы, 2016 г., и др.).

Большое внимание уделяется роли философии в укреплении национальной, региональной и цивилизационной идентичности (конференции «Философское наследие Беларуси как духовная основа самоидентификации нации», 2007 г.; «Национальная философия в контексте современных глобальных процессов», 2010 г.; «Историко-философские исследования в регионе Восточной Европы: опыт, задачи, социокультурная значимость», 2013 г.; «Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиция, методология исследования», 2014 г.; «Святой князь Владимир и Крещение Руси: цивилизационный выбор восточнославянского мира», 2015 г., и др.).

На научных мероприятиях, организуемых Институтом философии, широко освещаются задачи философско-методологического знания по обеспечению инновационных процессов, построению креативного общества (международные научные конференции «Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир», 2008 г.; «Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем», 2012 г.; «Интеллектуальный капитал Евразийского союза: проблемы эффективного управления и использования в обществе, основанном на знаниях», 2013 г.; вторая конференция из серии «Интеллектуальная культура Беларуси», посвященная тематике управления знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации, 2015 г., и др.). Получает системное отражение философский ракурс важнейших трендов социокультурной динамики (международная научная конференция «Семья и женщина в современном мире: социальные и культурные аспекты», 2012 г.; ряд мероприятий, относящихся к серии Довгирдовских чтений: «Довгирдовские чтения II: философская классика и современные проблемы социокультурного развития», 2011 г.; «Довгирдовские чтения III: философская антропология и социальная философия», 2012 г.; «Довгирдовские чтения IV: тенденции духовно-нравственного развития современного общества», 2013 г., и др.).

Многие организуемые форумы посвящены актуальным проблемам философии образования и воспитания (международные научные конференции «Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современном обществе: национальный и глобальный контекст», 2009 г.; «Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей», 2010 г., а также серия круглых столов по данной тематике). Проводятся мероприятия по обсуждению проблем философии религии и методологии построения партнерских отношений в системе «государство – наука – церковь – общество» (семинары и круглые столы «Традиции толерантности в сохранении свободы совести и вероисповедания», 2010 г.; «Христианские ценности как фактор духовно-нравственного развития современного человека», 2011 г.; международная научно-практическая конференция «Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы», 2014 г.).

Важным направлением деятельности Института философии также является разработка теоретико-методологических основ и обсуждение философско-мировоззренческих проблем международного сотрудничества и интеграции в рамках организуемых и проводимых научным учреждением форумов (международный круглый стол «Республика Беларусь – Европейский союз: стратегия взаимодействия в исторической перспективе», 2010 г.; международные научно-практические конференции «Беларусь и Россия в европейском контексте: проблемы государственного управления процессом модернизации», 2011 г.; «Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства», 2013 г., и др.). Существенный аспект этой же работы – мероприятия, посвященные значимым датам, событиям, фигурам в отечественной и мировой интеллектуальной истории (международные конференции «Великое культурное наследие Индии и Беларусь», 2010 г.; «Довгирдовские чтения II: философская классика и актуальные проблемы социокультурного развития», 2011 г.; «Синьхайская революция и перспективы мировых цивилизаций», 2011 г.; «Русская философия в духовно-культурном пространстве Беларуси: история и современность», 2013 г.; «Авиценна: мыслитель, ученый, гуманист», 2013 г., и др.).

Среди всех этих мероприятий следует особо выделить те, которые организуются в режиме консолидации научного сообщества республики – в сотрудничестве с минскими и региональными учреждениями высшего образования. Первая в своем роде международная научная конференция «Философия Канта и современность» (2004 г.) положила начало конструктивному сотрудничеству в организации научных мероприятий с факультетом философии Белорусского государственного университета. Складываются и другие плодотворные традиции. Их свидетельства – это серия конференций под общим названием «Белорусская политология: многообразие в единстве» в Гродненском государственном университете имени Я. Купалы, мероприятия по тематике философии прав человека в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина, регулярные конференции «Религия и общество», которые проводятся на базе Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, крупные научно-практические мероприятия на базе Минской духовной академии в Жировичах и ряд других.

С 2015 г. Институт философии осваивает новый формат работы в рамках первого в истории белорусской науки философского кластера – Республиканского центра фундаментальной и практической философии. Цель создания и деятельности этой структуры состоит в разработке и апробации путей более интенсивного вовлечения актуальных философских знаний в жизнь государства и общества, в научный и образовательный процесс. Мы убеждены, что коррелятом этого выступает в то же время и лучшее общественное понимание науки в целом и философии в частности. А это, в свою очередь, означает конструктивное участие общественности в развитии и продвижении

философских знаний, интерес к философии со стороны талантливой молодежи, которая является ресурсом воспроизводства интеллектуального капитала страны.

В числе перспективных направлений развития философского кластера – организация деятельности структур, объединяющих академический и вузовский секторы науки. На сегодняшний день при институте функционируют филиалы кафедры философии и методологии наук и кафедры политологии Белорусского государственного университета, кафедра-лаборатория социально-гуманитарной экспертизы в сфере науки и образования, организованная совместно с Институтом социогуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета. Предполагается расширить эту филиальную сеть, охватив ею как столицу, так и региональные центры философских знаний и образования.

Перед кластерной структурой стоит также задача по расширению международных связей философского сообщества республики (выполнение функции контактной среды и «биржи» международного сотрудничества в области социально-гуманитарных наук). Актуальны вопросы построения сети методологических семинаров для исследователей, педагогов, работников органов власти и управления, а также расширения издательской деятельности, популяризации достижений философской науки в Республике Беларусь и памятников национальной философской мысли.

Следует подчеркнуть, что работа, которая ведется в стенах Института философии, не стремится, да и не могла бы заместить всю полноту многогранного философского процесса в республике. Так, наш важнейший имиджевый проект по изданию «Истории философской и общественно-политической мысли Беларуси» едва ли удалось бы реализовать в полной мере без сотрудничества с кафедрой философии культуры Белорусского государственного университета и школой, которая сложилась в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова. Специалисты факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета выступают сегодня и продолжателями традиций международно признанной Минской методологической школы. На ее базе ежегодно организуются крупные международные конференции, такие как форум «Диалог культур в эпоху глобальных рисков», состоявшийся в 2016 г. Участие в подобных мероприятиях с большим интересом принимают и академические ученые.

Весомый вклад в методологическое обеспечение научного процесса вносят кафедры философии Белорусского государственного экономического университета, Белорусского национального технического университета, Белорусского государственного технологического университета, а также учреждений высшего образования Витебска, Гродно, Гомеля. Широко известна школа социальной философии, сложившаяся в Гродненском государственном университете имени Я. Купалы; ее разработки способствуют адекватному пони-

манию культурно-цивилизационных процессов на восточноевропейском пространстве. Заслуживающие внимания результаты в области философии истории и методологии изучения социально-политических процессов показывают наши брестские коллеги. Уже упоминалось о плодотворной традиции в изучении интеллектуальной культуры Беларуси и значимых аспектов религиозной жизни белорусского общества, которая сложилась в стенах Могилевского государственного университета. В стране и за рубежом известны теоретико-методологические разработки, которые выполняются на философских кафедрах Республиканского института высшей школы, Белорусского государственного университета культуры и искусств, в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники, в Академии искусств и ряде других авторитетных научно-образовательных центров.

Научно-исследовательский компонент философской работы демонстрирует свою эффективность через апробацию в системе образования. В то же время и философское образование должно реализовываться в опоре на существующий спрос на философские знания, методологию, экспертные компетенции, складывающийся в отраслях экономики, в общественной и духовной жизни. Принципиально важно, что для сложившейся в республике философской коммуникации характерна синергия фундаментально-теоретических и прикладных путей развития. На запрос «от жизни», от практики (образовательной, управленческой, кадровой, производственно-технологической, маркетинговой) белорусская философия стремится отвечать разработкой средств объяснения и предвидения, научно обоснованными рекомендациями. Единство в многообразии, синергия вузовского и академического секторов долгие годы служили залогом роста и развития философских традиций в Беларуси.

Эти соображения легли в основу новых инициатив, совместно подготовленных Институтом философии и нашими партнерскими организациями в стране и ближнем зарубежье. 2017-й стал годом рождения Белорусского философского общества – наследника традиций Белорусского отделения Всесоюзного философского общества, существовавшего в 1980-е – начале 1990-х годов. Данная структура видится не только как аккумулятор творческого потенциала белорусских философов, но и прежде всего как проводник современного научного знания и ценностей интеллектуальной культуры в общество; как посредник между научными институтами и общественными инициативами, а также, в определенной мере, как первая ступенька в науку для начинающих исследователей. В рамках Белорусского общества будут сделаны важные шаги к выстраиванию современного формата интеллектуальной работы: динамичного, привлекающего молодежь, интересного для общественности и прессы. Составляющими этого формата выступают не только дискуссии и презентации, но и ярмарки идей, открытые лекции и диспуты, инструменты повышения профессиональных компетенций, само- и взаимобразования, методической помощи исследователям, диссертантам, тем, кто изучает фи-

лософские науки. Важнейшими задачами новой общественной организации должны стать повышение роли философского знания во всех сферах жизни общества; раскрытие потенциала гуманитарной науки для решения актуальных задач развития страны; формирование благоприятных условий для научно-инновационной деятельности в области философии и междисциплинарных исследований.

Сложилось так, что создание Белорусского философского общества – факт, значимый для истории национальной философской традиции сам по себе, – предваряет еще одно этапное событие текущего года – Первый белорусский философский конгресс.

Как представляется, эти события следуют общей логике. Новое качество координации философской жизни в республике призвано стать ответом на те вызовы, с которыми сталкивается философское сообщество: это и в целом кризис философской рациональности как ценности общественного развития, и такие его проявления, как сокращение часов преподавания гуманитарных дисциплин в высшей школе, недостаточное общественное понимание философии, распространение квазифилософских учений и обскурантизма, низкие темпы воспроизводства философских кадров, недостаточное участие философских инициатив в прорывных, инновационных проектах. Все эти проблемы можно совокупно обозначить как современные вызовы национальной философской традиции.

Это с одной стороны. С другой же – эти проблемы не являются особенностью только белорусской или только «постсоветской», обобщенно говоря, философии. Они манифестируют трансформацию гуманитарной культуры, изменение ее статуса в глобальном масштабе на путях становления техногенной цивилизации. И тем самым становится очевидным, что ключи к преодолению кризиса национальной философии следует искать в логике развития философии общечеловеческой, глобальной. Синтез национального и глобального в философском процессе – залог устойчивости и воспроизводства самой культуры философского мышления, которая питается энергией личностного, субъектного смыслопорождения и научного поиска в рамках конкретного дискурса, традиции, эпистемы, но и в то же время подкрепляет надличностный, объективный, общечеловеческий потенциал философствования.

Национальный ракурс глобальной философской традиции, глобальные проекции национальной философской школы, национальное и глобальное как полярные аттракторы научного, общественно-политического, культурного, гуманитарно-технологического развития, – словом, национальное и глобальное в различных своих ипостасях – вот магистральная тема Первого белорусского философского конгресса. Его задачи состоят в том, чтобы системно раскрыть культуросозидающую роль философского знания в развитии национального государства и мирового сообщества, продемонстрировать потенциал философского знания в деле социальной консолидации общества, совершенствова-

нии процессов государственного строительства и выстраивания устойчивой архитектуры международных отношений, в упрочении духовно-нравственной сферы и продвижении таких инновационных преобразований, которые действительно соответствуют интересам повышения качества жизни людей. Необходимо, чтобы в рамках мероприятий конгресса были выявлены и отображены возможности философского знания по интеграции и синтезу научно-технических разработок и гуманитарных подходов для повышения благосостояния общества; развернуто и предметно представлен уровень развития и достижения философской науки Беларуси, стран европейского и евразийского культурного пространства.

Мы хотим, чтобы конгресс стал площадкой для встречи, дискуссии, обсуждения перспектив реализации совместных проектов делегатами философской науки академического, вузовского и общественного сектора, представителями различных отраслей научного знания, теоретиками и практиками социокультурного развития. Но его роль не только в этом. Реплики, идеи, соображения философов должны адресоваться не только друг другу. Конгресс призван выступить средством солидарного обращения к государству и обществу. Голос философского сообщества может и должен быть отчетливо слышен в дискуссии о путях дальнейшего развития университетского образования, роли в нем логико-методологического и ценностно-мировоззренческого компонента. Мнение философского сообщества должно убедительно звучать и в разговоре о путях социально-гуманитарной экспертизы общественных процессов, гражданском диалоге и консолидации общества, о рисках, возникающих на пути строительства информационного социума, и способах их преодоления.

Когда-то Карл Ясперс охарактеризовал философию как «бытие-в-пути», судьбу человека, существующего во времени. Девятьсот лет белорусской философии, как и почти девяносто лет институализованного философского знания в белорусском государстве, – это огромный, трудный и плодотворный путь, который остался за плечами. Но слово «первый» в названии конгресса – это стартовая отметка нового этапа пути. Мы очень рады, дорогие коллеги, что начинаем этот путь вместе.

ФИЛОСОФИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ И УНИВЕРСАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (Мнения ученых)

Накануне Первого белорусского философского конгресса «Национальная философия в глобальном мире» редколлегия сборника «Философские исследования» организовала блиц-интервью известных ученых, организаторов науки и специалистов в области философского знания, представляющих нашу страну и государства евразийского пространства. В число респондентов вошли академики НАН Беларуси *Е. М. Бабосов* и *Д. И. Широков* (Беларусь), профессора *В. А. Баженов* (Россия), *Я. Воленьски* (Польша), *П. Ганчев* (Болгария), *С. Л. Йосипенко* (Украина), *С. Ю. Колчигин* (Казахстан), *Г. В. Малинецкий* (Россия), *И. Мамедзаде* (Азербайджан), *С. В. Орлов* (Россия), *А. Сагикызы* (Казахстан), *М.-П. Шаулаускас* (Литва). Всем им было предложено высказать свой взгляд на проблему соотношения универсального, общечеловеческого и национально-культурного компонента в динамике философского знания. Наши уважаемые собеседники поделились своим видением социокультурной миссии, актуальных задач и перспектив национальных философских школ в условиях глобализирующегося мира.

Предлагаем вашему вниманию основные тезисы этих интервью и приглашаем к дискуссии по затронутым проблемам на страницах ежегодника «Философские исследования».

Е. М. Бабосов,

академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Давно и хорошо известно, что философия представляет собой мировоззренческую форму познания мира, вырабатывающую систему знаний об основаниях, фундаментальных принципах и сущности человеческого бытия, о наиболее существенных характеристиках отношения человека к природе, обществу, духовной жизни и к самому себе. Развиваясь в различных социально-экономических, политических и социокультурных условиях и воплощая их своеобразие в предельно абстрагированных дискурсах, философия испытывает на себе влияние специфики менталитета, базовых ценностей, традиций и образа жизни народа, вследствие чего предстает в виде национально-самобытной мировоззренческой доктрины. Это убедительно демонстрирует, к примеру, сопоставление легкой, изящной, изысканной философии французского материализма и рационально-теоретической, фундаментально-абстрактной немецкой классической философии.

В чем же заключается своеобразие национальной философии Беларуси?

С самых своих истоков, с поучений Кирилла Туровского и Евфросинии Полоцкой, квинтэссенцией белорусской философии является свобода духа и духовного возвышения человека, которое трактовалось как исключительно добровольный процесс, осуществление свободного выбора человека. При чем речь шла не о так называемой элите, состоящей из людей знатных и богатых, а о простом человеке, представлявшем, по утверждению Франциска Скорины,

выходца из «народа посполитого», то есть простого народа. В этом состояла отчетливо выраженная гуманистическая ориентация белорусской философии.

В философской доктрине знаменитого белорусского первопечатника, нашедшей отражение в его изданиях, фактически сформулирован первый светский социально-философский проект всеевропейского масштаба, предусматривающий обмен знаниями, идеями, действиями, направленными на улучшение социального бытия (разумеется, в соответствии с библейскими установлениями). Такой проект способен вызвать не только рациональное стремление изменить своими делами мир, но и вибрацию чувств и эмоций, способствующих этому изменению, мотивирующих их реализацию. Он уводит от душевной узости, от мещанской погруженности в корыстно понимаемые повседневные заботы, от душевной скупости, приучая человека смотреть на мир и действовать с любовью и добротой к людям, с духовно-нравственной стойкостью.

Отрицать наличие национального характера и менталитета и вытекающих из них специфических особенностей национальной белорусской философии – значит обеднять, делать неинтересным философский дискурс, в котором в предельно обобщенной форме кристаллизуется своеобразие менталитета и базовых ценностей белорусского народа.

Названные особенности национальной белорусской философии с нарастающей интенсивностью и масштабностью проявляются на всех этапах ее исторического развития, включая современный. Но в процессе этого развития она обогащается новыми важными гранями.

В частности, важнейшее социально-политическое и социокультурное значение приобретает в содержании и структуре белорусской философской доктрины на рубеже XIX–XX вв. национальная идея. Ее истоки коренятся в знаменитых творениях Франтишка Богушевича «Дудка беларуская» и «Смык беларускі», где впервые выявлены самостоятельность белорусского этноса и самобытность белорусского языка. Сущность национальной идеи получила отчетливое воплощение в начале XX в. в знаменитом стихотворении Янки Купалы «А хто там ідзе?», в котором прославленный белорусский песняр дал вполне определенный и однозначный ответ «беларусы». Рядом с национальным самосознанием, воплощенным в объединяющем слове «беларусы», выдающийся поэт рельефно выделил и социальное стремление белорусского народа – «людзьмі звацца». Кроме того, он представляет в своем поэтическом мировосприятии белорусов и Беларусь «у агромністай такой грамадзе», то есть общеполитическом единстве и сплоченности.

Белорусская национальная идея великолепно поэтизирована в творчестве Максима Богдановича, ярко артикулировавшем проблему национального возрождения, понимаемого как развитие и обогащение извечных духовных ценностей белорусского народа в общем потоке славянской и миро-

вой культуры, что невозможно без и вне национального самоутверждения белорусов.

Эти же идеи в разных аспектах отражены в творчестве белорусских писателей XX–XXI вв.: К. Крапивы, П. Бровки, П. Глебки, К. Чорного, В. Быкова, Р. Бородулина, Г. Буравкина, а также многих отечественных публицистов, философов и социологов.

Национальные особенности белорусской философии – несомненный факт, документированный, начиная с Франциска Скорины, множеством публикаций. Одна из наиболее существенных среди этих особенностей заключается в том, что рационально осознанная и эмоционально насыщенная любовь к своему народу не соединима с враждой, а тем более – с ненавистью к другим народам. В высших своих проявлениях национальная самобытность философствования активно миролюбива, а не просто безразлична к другим нациям. В уважении и добром отношении к ним, к их культурам, обычаям, традициям проявляется осознание силы, уверенность и подлинная мощь национальной философии, взлелеянной белорусским народом.

В. А. Бажанов,

доктор философских наук, профессор

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

В истории и философии науки давно описаны феномены стилевой и в определенной степени концептуальной специфики различных наук в различных странах. Мы можем говорить о британской¹ и «континентальной» европейской математике, датской физике с Н. Бором во главе, русской структурной химии, одним из родоначальников которой считается А. М. Бутлеров, немецкой и русской философии и т. д. В *социокультурном смысле* такое разделение вполне правомерно. В естественных и математических науках различие стилей научного дискурса и деятельности в целом с течением времени может сглаживаться; в гуманитарных науках этот процесс значительно более продолжителен и выражен в существенно меньшей степени.

Данное утверждение – не уступка радикальному релятивизму и не отрицание объективного характера научного знания, а констатация тех особенностей науки, которые, как правило, невидимы тем, кто непосредственно занят конкретными исследованиями. Однако они заметны тем ученым, которые занимают своего рода метапозицию, – историкам и философам науки. Конечно, надо иметь в виду, что научный стиль может складываться долгое время и оказывается заметным лишь постфактум. Но наука – это не тотально, так сказать, гомогенное образование, а скорее некоторое многообразие, репрезентирующее единство.

---

¹ См., например: Grattan-Guinness. English-style geometries // Nature. – 1989. – Vol. 339. – P. 349.

Я. Воленьски,

доктор хабилитированный, профессор

Ягеллонский университет, Краков, Польша

Философия, с одной стороны, понимается как совершенно универсальная наука (в данном случае термин «наука» используется в социологическом, а не методологическом смысле, то есть в значении, близком к «академической дисциплине»). С другой стороны, философия является и частью культурного наследия многих народов. Это обстоятельство подразумевает, что конкретные философские теории могут иметь или/и проявлять некоторые локальные особенности.

Говоря об африканской, американской, британской, китайской, английской, французской, немецкой, индийской, итальянской, еврейской или русской философии, мы, как правило, рассматриваем наиболее известные их течения, популярность которых может быть обусловлена рядом причин:

1) философские школы порой ссылаются как на национальные на философские системы, особо значимые в историческом плане (это касается американской, британской, английской, французской, немецкой, итальянской философии);

2) некоторые философские традиции оказываются интересны своей «необычностью», своего рода экзотичностью (африканская, индийская философия);

3) ряд национальных философских школ привлекают интерес в качестве продуктов социально-политического развития мировых супердержав (китайская, русская философия);

4) отдельные национальные школы заслуживают внимания как носители особых мировоззренческих и методологических установок (британская философия – эмпиризм, французская – рационализм, немецкая – трансцендентальные размышления и т. п.);

5) своеобразие других традиций определяется заостренностью этнонациональных проблем (еврейская философия).

Понятно, что названные критерии относительно и достаточно подвижны. Например, итальянская философия была очень важна в эпоху Возрождения, но потеряла свою значимость в последующие столетия. Более того, давая общую характеристику национальной школы, следует иметь в виду и исключения: к примеру, французская философия не была рационалистической в каждом случае, британская философия не всегда определяется эмпиризмом и др.

Безусловно, в глобальной истории философии выделяются ключевые темы и фигуры, как бы доминирующие над общим течением философского процесса, так и над процессами в «философских провинциях». Однако

важно понимать и характер национальной философии, как она складывается в отдельных странах. Каков вклад национальных философий в мировую философскую мысль? Можно ли сказать, что каждый народ имеет собственную национальную философию? Как согласовать универсальность философии с ее национальным колоритом? Эти и многие другие вопросы необходимо тщательно обсудить, если мы намерены рассматривать национальную философию по существу.

П. Ганчев,

доктор философских наук, профессор

Геополитический центр «Евразия», София, Болгария

Начну с рассуждения о судьбе философии как таковой в современном глобализированном мире, а затем поделюсь размышлениями о судьбе национальной философии в Болгарии в период после «холодной войны».

После краха социализма в Советском Союзе и странах Восточной Европы, который ознаменовал конец «холодной войны», начался новый исторический период. Именно тогда получили распространение идеи и принципы неолиберальной идеологии, по существу задававшие тон в процессах глобализации. Таким образом, первая сущностная и уникальная характеристика того периода состояла в том, что он был воплощением неолиберального глобализма. С ней тесно связана вторая характеристика: тот период явился попыткой установления однополярного мира под эгидой США. И надо признать, что 90-е годы XX в. стали десятилетием гегемонии Соединенных Штатов.

В начале нового века и тысячелетия стало очевидно, что далеко не все народы удовлетворены этой ситуацией. Исподволь начался процесс восстановления многополярного мира. На первый план вышли идеологии патриотизма и умеренного консерватизма, благодаря которым в публичной сфере продвигаются идеи и ценности национальных культур и традиций, поставлены цели по преодолению социальной несправедливости, сохранению суверенитета национальных государств.

Как в этих условиях сложилась судьба болгарской национальной философии? Во-первых, в ходе непродуманных реформ был по существу ликвидирован Институт философии Болгарской академии наук, растворенный в Институте изучения общества и знаний. Во-вторых, в болгарских университетах преподавание философии было минимизировано или вообще упразднено. До конца 1989 г. в стране существовала признанная в мире национальная философская школа, развивавшая теорию отражения в духе трудов академика Т. Павлова; прогрессировали и другие направления философской науки.

Сейчас такой признанной школы нет. Начиная с 1990-х годов многие исследователи переориентировались на изучение авторитетных западных философов или болгарских философов-немарксистов.

В этой ситуации осталось очень мало настоящих философов – тех, которые непоколебимо и принципиально продолжали бы анализировать в своих книгах и статьях проблемы науки и общественного развития.

С. Л. Йосипенко,

доктор философских наук, профессор

Институт философии имени Г. С. Сковороды Национальной академии наук Украины,
Киев, Украина

Ситуацию в философии сегодня определяет взаимодействие целого ряда разноплановых факторов.

Во-первых, сегодня у философии (и, следовательно, философов) нет общепризнанного места в системе науки, образования и в обществе в целом. В университете средних веков и раннего Нового времени философия занимала хотя и не главное, но четко определенное место как носительница ценностей цивилизации и прогресса. Она пользовалась большим престижем и в эпоху Просвещения, а в советском марксизме даже считалась наукой наук, способной раскрывать глубинные законы бытия. Утрата философией этих позиций является очень чувствительной для философов на постсоветском пространстве, особенно в том случае, когда, как в современной Украине, она перестает быть обязательным для высшего образования предметом и становится одной из дисциплин по выбору в рамках гуманитарного цикла.

Вторым фактором, также особенно чувствительным для постсоветских философов, является делегитимация представления о возможности создания и существования философской системы, которая имела бы статус единственно истинной и подлинно научной. Вследствие этого установился фактический плюрализм философий, подрывающий претензии каждой из них на истину. Причем сегодня плюрализм подразумевает не только многообразие направлений или способов философствования, характерных для европейской традиции, но и распространение восточных философских (или претендующих на философский статус) учений.

Третьим фактором является выход философии за пределы учебных аудиторий и ученых корпораций и развитие в публичном пространстве дискуссий на чисто философские темы, участниками которых являются как университетские профессора и академические исследователи, так и философы-автодидакты. Этот процесс довольно быстро разворачивается в Украине в последние годы, демонстрируя запрос на философию со стороны общества, что, с одной стороны, частично компенсирует профессиональным философам потерю академического признания, но с другой – лишает их монополии на философское знание.

Четвертым, особенно заметным в Украине, фактором является процесс национализации философии: сегодня даже те философы, которые не принимают идею самодостаточности национальной философии, считают необходимым переход философской дискуссии в стране на украинский язык. Поэтому деятельность по переводу философской классики и произведений современной философии на национальный язык занимает значительное место в философском процессе современной Украины. Признание философа как исследователя, преподавателя, публичного лектора оказывается в значительной степени зависимым от того, является ли он переводчиком и/или комментатором соответствующих оригинальных философских текстов. Этот процесс является, конечно, следствием недавно обретенной независимости, но и одновременно своеобразной попыткой (ре)конструировать свою культурную идентичность в условиях глобализации.

Все эти факторы обеспечивают сегодня философам большую свободу философствования и выбор возможностей самореализации, хотя профессиональные занятия философией требуют все более значительных усилий как теоретического, так и жизненного характера.

С. Ю. Колчигин,

доктор философских наук, профессор

А. Сагикызы,

доктор философских наук, профессор

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета по науке
Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан

Колчигин С. Ю.: Характер мировоззрения различных наций внутренне детерминирован тем идеалом, который у того или иного народа считается высшим и выступает в качестве ориентира и цели жизнедеятельности человека. Одним из таких ориентиров служит идея о том, что необходимо жить на Земле, исполняя высшие ценностно-смысловые задания среди людей и во имя людей. Этот вариант мировоззрения весьма характерен для истории казахской культуры. Ее справедливо называют «этической», и это надо понять не только в том смысле, что в ней идея этичности присутствует как одна из важнейших, а так, что эта идея является всепоглощающей в казахской мысли, своего рода альфой и омегой казахского философствования.

Сагикызы А.: Квинтэссенция этого мировоззрения в традиционной казахской мысли представлена двумя мыслителями: Абаем Кунанбаевым (1845–1904) и Шакаримом Кудайбердиевым (1858–1931). Сущность идей Абая – основоположника современного литературного казахского языка и литературы – выражена в его важнейшем понятии *нұрлы ақыл*, что означает «озаренный, одухотворенный разум», то есть разум, мыслящий позитивно, воплоща-

ющий в себе высшие нравственные принципы. Шакарим Кудайбердиев выдвигает в качестве ключевого принципа своей философии понятие *совестливого разума*, принципиально схожее с понятием *нұрлы ақыл* Абая.

Колчигин С. Ю.: В 60–80-е годы XX в. в Казахстане велась разработка проблем мышления и познания. Но не были забыты и собственно духовные аспекты человеческого бытия. Справедливо считалось, что всесторонне развитый человек – тот, кто не просто освоил определенные виды деятельности и мышления, но и прежде всего способен понимать добро и чувствовать красоту. Неслучайно в те годы интенсивно исследовались не только категории разума, но и отношения диалектики и этики.

В начале XXI в. академик Ж. М. Абдильдин поставил перед казахстанской философией новые принципиальные задачи. Философам нужно «глубже изучать душу» с целью ее развития, подчеркнул он. И сегодня этот призыв основателя казахстанской профессиональной философии реализуется достаточно широко и интенсивно. Проблематика духовности все чаще выступает на передний план в трудах казахстанских философов в последние годы.

Сагкызы А.: Разумеется, казахстанская философия не сводится единственно к идее духовности: в ней множество разнообразных течений и порой взаимоисключающих идей. Но основной интенцией философии в Казахстане в его истории и на современном этапе является, пожалуй, именно проблематика души, духовности, этичности, духовного развития человека.

На наш взгляд, это то, что должно быть в центре внимания не только казахстанской, но и мировой философии в ближайшем будущем. Ведь вся дальнейшая судьба цивилизации зависит от того, какой путь она изберет, то есть на какую философию она станет опираться – на такую, которая искажает духовную сердцевину человека, или, наоборот, на такую, что отвечает назначению человека как существа духовного, человеческого, творчески-светоносного.

Г. Г. Малинецкий,

доктор физико-математических наук, профессор

Институт прикладной математики имени М. В. Келдыша Российской академии наук,
Москва, Россия

Философия, на мой взгляд, находится в точке бифуркации. Усилия отдельных мыслителей и коллективов, случайные и субъективные моменты, касающиеся национальных философских школ, могут определить ее путь в будущее.

В одном сценарии философия остается обращенной в прошлое и опирающейся прежде всего на традицию (что сегодня и происходит во многих школах). При этом она со временем займет почетное место в музее интеллектуальных ценностей и будет восприниматься как некий исторический курьез. В сфере практической философии она вернется на скромное место служанки религии.

Однако есть и другой путь, который предвидел великий Г. Лейбниц. В свое время он назвал математику «наукой о возможных мирах». Но с не меньшим основанием это может относиться и к философии, займись она всерьез вместе с другими науками проектированием будущего. Сам Лейбниц, к примеру, был потрясен возможностью создания «считающих машин», полагал, что от них будет многое зависеть в будущем, и даже предполагал, что через некоторое время они смогут взять на себя роль беспристрастных судей (это поразительным образом перекликается с набирающими силу технологиями блокчейна, открывающими путь в прозрачный, но анонимный мир).

Мне думается, что философии стоит покинуть ее нынешнюю «башню из слоновой кости», чтобы гораздо активнее участвовать в развитии междисциплинарных подходов, и в частности теории самоорганизации и синергетики. Синергетика лежит на пересечении областей предметного знания, математического моделирования и философской рефлексии. По мысли выдающегося специалиста в области философии науки академика В. С. Стёпина, именно этот подход в XXI в. окажется в ядре научной картины мира.

С 2002 г. в книжной серии «Синергетика: от прошлого к будущему» выпущено около 100 книг на русском и испанском языках. Их разнообразие, научный уровень, интерес, проявляемый к этим работам, подтверждает прогноз В. С. Стёпина относительно перспектив нового синтеза научного знания.

Человек живет в трех пространствах: рациональном, эмоциональном и интуитивном. Усилия ученых в течение последних трех веков позволили неплохо освоить первое, мы очень мало знаем о втором и совсем плохо представляем третье. Вместе с тем на нынешнем рубеже, на котором происходит пересмотр смыслов, ценностей, проектов будущего, одних рациональных расчетов мало. Полагаю, что будущее философии определится тем, в каком виде она сможет осознать и принять этот вызов и насколько полезным окажется ее участие в решении острых проблем, вставших перед человечеством. Очень надеюсь, что благодаря усилиям всего философского сообщества после прохождения точки бифуркации – момента выбора – нам удастся пойти не вниз, а двинуться вверх.

И.-Р. Мамедзаде-оглы,
доктор философских наук, профессор

Институт философии, социологии и права Национальной академии наук
Азербайджана, Баку, Азербайджан

Философия познает мир, но каждый философ познает его по-своему, задавая вопросы и размышляя о том, что есть мир, что такое философия, является ли она национальной или универсальной и т. д. Но прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, надо задуматься об их природе. В результате каких размышлений мы приходим к такому вопрошанию? Во-первых, философия создает концепты и понятия, посредством которых философ формулирует

свои предельные вопросы, выявляет грань между знанием и незнанием. Во-вторых, этим путем философ стремится зафиксировать не только представление о своей деятельности, но и том, каков объект его исследования.

Коль скоро у каждого философа – своя философия, как полагали М. Хайдеггер, Ж. Делёз, Ф. Гваттари и мн. др., то философию в ее целостности можно представить как множество учений, противоречащих и отчасти противостоящих друг другу, но вместе с тем и дополняющих друг друга, благодаря чему создается некое их единство. Атрибутом этого единства являются и те представления, с опорой на которые нередко объявляется либо о «смерти философии», либо об ее исчерпанности, завершенности.

Надо понимать, что тезис о «смерти философии» в некотором смысле свидетельствует не о ее кончине, а только о кончине устаревшего представления о ней. Причины этого явления, наверное, немало, нередко они связаны с конкретной судьбы отдельного философа. Но есть и нечто общее даже в этих случаях «отказа» от философии на словах, как и, видимо, в подспудно выраженном понимании, что от нее никуда не деться.

Сегодня можно утверждать как минимум о трех основных причинах, требующих нового формулирования того, что есть философия. Во-первых, следует не только различать философские традиции, но и выявлять, что их объединяет. Во-вторых, успехи науки в исследованиях природы, мозга и сознания предъявляют вызовы философии со стороны науки. И в-третьих, имеется и вызов со стороны переживающих свой ренессанс религий и идеологий.

Многообразие и многоликость философии, таким образом, оказывается ее важнейшей особенностью. Наука, религия и идеология не могут подменить способность и готовность философии задавать свойственные только ей вопросы. Наука занимается объективной реальностью, а философия – прежде всего сферой соотношения объективного и субъективного компонентов опыта. В религии же превыше всего – абсолют. Но религию, науку и идеологию в их отношениях с философией объединяет то, что все они пытаются ее подчинить, тогда как философия, наверное, стремится к диалогу. В стремлении философов сохранить им присущее своеобразие и выражается сходство философий, для которого не являются преградой века и расстояния (например, Платон и Хайдеггер), и тем более – близость мыслителей одной страны и эпохи, когда они ставят перед собой задачу раскрыть особенности духовных вызовов их современности.

Но философия при всей своей многоликости еще и вписана в национальную культуру или, если вспомним Г.-В.-Ф. Гегеля, в самосознание культуры. В связи с этим перед нами встают вопросы о том, как соотносятся философия и национальная культура, национальная история. Надо учесть, что философия участвует прямо или опосредованно (через идеологию, религию, мораль) в становлении механизмов самоидентификации наций. И дело не только в языке философии – теме, несомненно определяющей эти процессы, – но и в том, что она является неотъемлемой составной частью духовной жизни общества.

С. В. Орлов,

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

Одной из важных, не до конца осмысленных задач современной философской науки является создание философии информационного общества.

Концепция современного общества как постиндустриального или информационного сформировалась в социологии, экономике и философии развитых капиталистических стран и на первых порах получила негативную оценку советских философов. До сих пор некоторые философы-марксисты считают, что это «буржуазная» концепция, не содержащая в себе ничего заслуживающего внимания. Думаю, что это заблуждение. Постиндустриалисты: Д. Белл, Э. Тоффлер, Ё. Масуда, М. Кастельс и другие, – подробно описали внешние проявления и специфику информационного (постиндустриального) общества. М. Кастельс дал ему глубокое определение уже на сущностном уровне: специфика информационного общества состоит не просто в том, что в нем циркулирует большой объем информации, а в том, что информация становится одновременно сырьем, предметом и продуктом труда. Однако методология постиндустриалистов страдает огромным недостатком: они не используют приемы анализа, разработанные К. Марксом: прежде всего у них нет разделения труда на конкретный и абстрактный. Именно такое разделение позволило в XIX в. создать теорию прибавочной стоимости и провести сущностный анализ капиталистического общества. Ограниченность методологии постиндустриалистов приводит к существованию некой «планки», предела возможностей их концепций. Материалистическая теория общества, традиционно разрабатывавшаяся философами Беларуси и России в опоре на методологию марксизма, позволит внести важный вклад в мировую философию, раскрыв концепцию информационного (постиндустриального) общества на более глубоком уровне.

Качественные изменения современного общества под воздействием информационных технологий, с нашей точки зрения, требуют определенной корректировки, уточнения и дальнейшего развития практически всех фундаментальных понятий и концепций философии. Подобно тому как анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны, последний и наиболее сложный этап развития общества служит ключом к предыдущим, более простым этапам. Мы можем теперь в несколько ином свете увидеть концепции материи, развития, человека и общества в целом. Важнейшей задачей при этом становится умение сохранить все ранее созданное содержание мировой философии, углубив и переосмыслив его с помощью новых концепций информации, виртуальной реальности, материи и сознания, компьютерного труда и т. п.

М.-П. Шаулаускас,

доктор философии, профессор

Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва

Вызовы, на которые с тревогой смотрит академическая философия, ни в коей мере не произрастают из внутренней ткани современного философского дискурса. Напротив, философия изнутри показывает недюжинное здоровье. И чем глубже мы погрузимся в осмысление не решенных пока проблем (таких, как постоянные трудности обретения правдивого знания, ума, свободной воли, справедливости, морали и т. д.) и сложнейших вопросов, связанных с ускоренным прогрессом науки, внедрением агрессивных технологий и разрушительными последствиями политики глобализации, тем плодотворнее и полезнее окажется наш полемический дискурс. Самодовольство и единодушие, а не несогласие и беспокойство являются истинными врагами философского дискурса.

Самую серьезную угрозу для академической философии представляют парафилософия, массовая культура, а также бюрократизация и хаотичная маркетингизация всей академической жизни, наблюдающаяся сейчас практика предоставления степеней бакалавра, магистра и даже Ph. D. максимально широкой аудитории, причем по минимальной цене, которую только можно вообразить. Поскольку ориентированное на массовый рынок образование будет укрепляться, то численность нашего академического философского сообщества заметно сократится.

Однако даже если профессиональная философия будет вынуждена хотя бы частично мигрировать за пределы университетских кампусов, она, безусловно, выживет в условиях бурь и битв нашего сумрачного настоящего. Это означает, что слухи о неизбежной смерти академической философии, перефразируя Марка Твена, сильно преувеличены.

Таким образом, у нас есть все основания надеяться на то, что всякого рода слухи о неизбежной смерти академической философии останутся лишь слухами и не станут реальностью. Мы можем держать в уме лакедемонский совет: сидите в тишине и выполняйте свою работу. Наша эпоха не так сильно отличается от прежних. Все фундаментальные знания рождаются в лоне философии и могут процветать только в этом уютном месте их загадочного зарождения.

Д. И. Широканов,

академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Говоря о месте философии в системе духовной культуры, о нациосозидающей функции философского знания, не следует забывать и о том, что оно по-прежнему играет роль сердцевины всей академической науки, служит ядром мировоззренческой культуры ученого.

Инновационное развитие науки, реализация конвергентных научно-технических программ возможны только в условиях преодоления дисциплинарных рамок, в режиме тесного сотрудничества специалистов различного

профиля, творческого симбиоза теоретиков и практиков. Когда речь заходит о необходимости такой концептуальной «площадки», где все они могут встретиться и наладить сотрудничество на условиях равноправия, взаимопонимания, то взгляд поневоле обращается к философскому знанию – историческому источнику и базису всех современных научных дисциплин.

Философия позволяет вести понятийно выверенный разговор о проблемах научной истины и ценностях культуры, о целях научно-технического прогресса применительно к потребностям социума, об этических императивах науки и технологий. Философский ракурс проблем постижения и преобразования мира наделяет науку подлинно гуманистическим смыслом. В этом ракурсе проявляется как специфика отдельных дисциплин, так и единство наук, предметом которых выступают природа, общество и человек.

Философия говорит о месте человека (и не только его разума, но и эмоций, верований, воли) в современном технизированном мире, о его духовном и идеологическом багаже, о нравственных, эстетических ориентирах общественного развития. В рамках философии постигаются тенденции, выявляются перспективы развития взаимосвязанных систем в социально-экономической, медико-биологической, экологической, нравственно-правовой и других сферах.

Именно философское измерение познания обеспечивает ему устойчивую ориентацию на практику – то есть на жизнь, чувства, поведение конкретных людей, общества в целом. И, конечно же, здесь имеется в виду не «человек вообще», как и неабстрактный социум, а культура, функционирующая и развивающаяся в конкретную эпоху, в своих этнонациональных рамках и диалоге с другими культурами. Эта особенность философского мышления задает диалектический характер взаимосвязи между компонентами национального и глобального, частного и универсального, насущного и вневременного для всего корпуса наук.

Ярким примером этого взаимодействия служит сама деятельность Института философии Национальной академии наук Беларуси. Наши издания и аналитика раскрывают острые проблемы сохранения духовно-культурного наследия и обеспечения гуманитарной безопасности страны, роль науки и высоких технологий в социальном развитии, актуальные вопросы нравственного воспитания, сознания и мировоззрения человека, методологические принципы участия в интеграционных проектах и многие другие темы. Институт организует диалог и сотрудничество ученых, педагогов, управленцев, специалистов предприятий, общественных деятелей, служителей церкви по актуальным проблемам социокультурного развития. Этому способствует работа совместных кафедр, межотраслевых методологических семинаров, а также общественных структур, таких как Белорусское отделение Философского общества СССР, плодотворно работавшее в 1970–1980-е годы, и возрожденное в текущем году Белорусское философское общество. Ежегодно институтом организуется ряд крупных международных конференций. Думается, что Первый белорусский философский конгресс в 2017 г. и увенчает работу, и одновременно задаст новые ориентиры для понимания миссии национальной философии в современном глобальном мире.

БЕЛОРУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ (Материалы круглого стола)

Проблема национальной философии в контексте мировой философской традиции не теряет своей актуальности. С большим интересом она обсуждалась на Международном круглом столе «Беларуская філасофская традыцыя ў кантэксце сусветнай філасофскай культуры», состоявшемся 17 ноября 2016 г. в Институте философии Национальной академии наук Беларуси. Представляем материалы этого круглого стола.

Ведущий: А.А. Лазаревич.

Участники: В. Б. Еворовский, Т. И. Адуло, О. П. Пунченко, С. И. Санько, И. М. Бобков, В. К. Игнатов, А. Л. Куиш.

Лазаревич А. А.: В рамках круглого стола я предлагаю поговорить о феномене национальной философии вообще, и в частности о специфике белорусской философии, ее особенностях, о том, что ее характеризует как определенную форму национального сознания, интеллектуальной культуры, о процессах, о ситуациях в белорусской философии в ту или иную эпоху. Итогом нашего разговора должно стать обсуждение своего рода философских «фактов», результатов, продуктов, коими могут быть философские идеи, концепции, тексты, наконец, сам процесс философской рефлексии. Предлагаю взять этот подход за основу нашей дискуссии.

Философия, будучи одним из методов познания мира, является на национальном уровне формой фиксации основных принципов проявления менталитета и культуры той или иной нации. К примеру, древнегреческая и немецкая школы философии являются не только общемировым достоянием, но и неотъемлемой частью культуры эллинской Греции и Германии, закрепляя в себе тот тип мировоззрения, который был распространен в духовной сфере нации. Таким образом, научное осмысление национальной философии и влияния мирового философского достояния на нее в рамках академического дискурса является необходимым этапом развития философско-культурной сферы жизни общества.

Важно определиться с ключевыми персонами, результатами их философствования, которые могут быть специфическими маркерами именно нашей философской традиции и национальной философии. Например, предмет и результат деятельности Минской методологической школы ясен – она выступает одним из маркеров белорусской философии второй половины XX в. О наличии подобных маркеров на других этапах формирования и развития следует подумать. То есть мы поговорим об уникальных «архетипах» национальной философской мысли, которые могут выступать аргументом в дискуссиях о компаративных характеристиках национальных философских школ и традиций. Например, если взять логико-методологическую концепцию А. Довгирда, которая имеет самостоятельное значение, то небезынтересным покажется ее рассмотрение в контексте того, о чем писали представители Минской методологической школы полтора столетия спустя.

Учитывая всеобщий, говоря современным языком – глобальный характер интеллектуального творчества, необходимо четкое понимание самого концепта «национальная философия», так как белорусская философия, впитавшая в себя наследие большинства философских школ мира, может стать основой взаимопонимания между представителями различных социокультурных типов мышления. Также весьма важными в условиях глобализации современного мира являются философский анализ стратегии развития человечества и поиск места белорусской нации и культуры в новом, стремительно меняющемся мире. В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос осмысления и сохранения философского и вообще духовно-культурного наследия Беларуси и вытекающих из этого новых задач белорусской академической философии.

Важно выйти на концентрированное выражение нашей философской традиции, понять ее уникальность и специфику. Это трудная задача, с которой можно соглашаться или не соглашаться, но если мы ее не сформулируем и не попытаемся решить, останется открытым вопрос «что такое белорусская национальная философия?». Кроме нас эту задачу никто не поставит и не решит.

Как мне представляется, белорусскую и вообще национальную философию можно рассматривать по крайней мере с четырех сторон.

1. Философия как дисциплина, понимаемая в рамках универсального определения, которое дается, например, в курсе изучения философии в вузах. В этом случае ее можно определить как особую форму познания мира, вырабатывающую систему знаний о наиболее общих характеристиках, предельно-обобщающих понятиях и фундаментальных принципах реальности и познания, бытия человека, об отношении человека и мира.

2. Философская культура как совокупность особенных форм ценностных и познавательных ориентаций. Философская деятельность определяет направленность, уровень и тип духовности, показывает неискоренимое стремление человека к высотам разума. Например, мы говорим о Логосе древних греков или о характерном традиционализме Древнего Китая, о христианско-религиозной культуре Средневековья, о гуманизме культуры Возрождения и т. д. То есть философия с этих позиций выступает в истории как выразительница ценностно-познавательных ориентаций эпох и народов. Ориентации в свою очередь видоизменяют формы и дают типологические характеристики проявления философской культуры в самой истории.

3. История философской и общественно-политической мысли Беларуси как специально ориентированная философская дисциплина, которая, зародившись в 1940-е годы, создала в рамках определенных методологических и идеологических подходов целостный нарратив, описывающий формирование и развитие философской культуры на территории Беларуси начиная с периода освоения письменности и кончая настоящим временем.

4. Философия белорусской национальной идеи – форма обоснования существования белорусов как нации, или национальная философия в узком смысле

этого слова. Здесь специфика белорусской национальной философии может базироваться на осмыслении опыта построения белорусской государственности и социально-политической модели, в особенности в последние 20 лет. Республика Беларусь – в определенном смысле исключительный случай для изучения и позиционирования. В отличие от других стран Восточной Европы здесь не было тотальной десоветизации, утверждения экстремального националистического дискурса и выбора евроатлантической геополитической интеграции. Для того чтобы понять причины и перспективы такого выбора белорусского общества и государства, нужен собственный теоретический, методологический инструментарий. Разработка такого инструментария и использование его в интерпретации белорусской социально-политической реальности может быть уникальным результатом национальной философии. В регионе Восточной Европы Беларусь – единственная страна, которая придерживалась линии модернизации, которая более всего похожа на китайскую модель, а не на восточноевропейские образцы. Такой путь Беларуси нельзя объяснить западными теориями постколониализма, демократического транзита и т. д. Как это понять и адекватно описать, сравнить с другими моделями в мире – вот это и есть задача, которая может быть определена в качестве одной из специфических черт национальной философии.

С этими четырьмя подходами к философии связаны следующие три понятия:

ментальность – совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих белорусской нации;

идеологемы или идеологические клише – то есть тот образ национальной судьбы белорусов, истории страны и ее предназначения, которые употребляются в современном политическом дискурсе;

философское наследие – элементы философской культуры Беларуси, которые являются наиболее значимыми в рамках государственной идеологии, а также национальной и интернациональной культурной политики.

Все указанные точки зрения по-разному определяют поиск ответа на вопрос о том, что есть белорусская национальная философия. Однако при рассмотрении вопроса о сущности белорусской национальной философии часто наблюдается неосознанное смешивание как результатов, так и запросов, предлагаемых этими разными подходами.

Еворовский В. Б.: В ходе дискуссии нам необходимо различить три понятия: «философская традиция», «философская культура», «история философской мысли».

Если мы говорим, что изучаем историю философской мысли Беларуси, то предполагаем, что история белорусской философии находится в рамках некоторой дисциплинарной практики. Я не буду сейчас обсуждать вопрос о том, философия – это наука или нет, но дисциплиной она является. А дисциплина

как для представления общей аудитории, так и для работы с текстом, выявляет идеалы и нормы научного познания. Любая дисциплина основана на нормах и идеалах.

Я нормы оставлю в стороне, это отдельный вопрос. А вот понятие идеала... Когда мы говорим о науке, мы отмечаем, что происходят научные революции, но тем не менее есть какая-то парадигма, есть какой-то идеал. А точнее, есть образец. И для того чтобы наша книга по истории философской мысли была востребована в философском сообществе, она должна соответствовать какому-то дисциплинарному образцу. И вот здесь возникает первая важная проблема – проблема дисциплинарного образца. Вот мы говорим об уникальности... Когда я был за границей и беседовал со своими коллегами, меня спрашивали, что я понимаю под историей белорусской философии. Люди, которые более или менее знакомы с универсальной философской традицией, воспитаны на классических идеалах, нуждаются в том, чтобы мы им объяснили, как с этим дисциплинарным образцом соотносится то, что мы называем белорусской философской традицией.

Здесь возникает следующая проблема: что такое этот дисциплинарный образец? Что надо было Хайдеггеру или Гуссерлю для того, чтобы быть Хайдеггером или Гуссерлем?.. Им надо было прочитать Аристотеля, Платона, схоластиков, Декарта и т. д., то есть приобщиться к общей традиции философии. Таким образом, каждый философ, который приходит на эту стезю, получает это классическое философское образование, то есть впитывает в себя то, что называется историей философии, и на основании этого идеала встраивает или не встраивает новый «кирпичик» в эту систему. Возможно проходит 20, 30 или 40 лет, и его фамилия появляется вот в этом, условно говоря, «мегаучебнике» по истории философии. Это – система!

Причем эти образцы существуют, мы можем их назвать, поскольку классический пример, на который у нас многие любят ссылаться, будь то история философии Гегеля или история западной философии Рассела. Если брать в таком классическом, не идеологизированном виде, то от истории философии Гегеля, от этого образца изложения философии, не намного ушла и советская история философии. Там тоже были и схоластика, и античность, и история немецкой классической философии, и буржуазная философия.

Поэтому, если мы говорим, что есть белорусская национальная философия, то мы должны считаться с тем, что любой собеседник, который находится в этом поле, имеет перед собой определенный образец. А этот образец складывается либо из упрощенной, либо из более проработанной в экспертном понимании схемы – вот это идеал истории философии, о котором я вам говорил. Поэтому первая задача – не в доказывании уникальности того, что мы делаем, а в доказывании того, что вот этот образец белорусского мышления может быть встроен в универсальную философскую традицию.

Лазаревич А. А.: Вопрос о наличии некой универсальной философской традиции весьма спорен. Любопытно было бы узнать, как, например, философия Ф. Ницше или философия Э. Гуссерля и философия Р. Декарта или Ю. Хабермаса соотносятся с этой самой универсальной философской традицией или, как Вы сказали, парадигмой.

Для меня показался удачным Ваш пример с развитием науки и научными революциями. Но научная революция как раз и фальсифицирует утверждение универсальной традиции, которой следовало бы в обязательном порядке придерживаться. Революция и связанное с ней развитие науки, как правило, сопровождаются как раз таки крушением идеалов и норм познания, методологических предпосылок, парадигм и т. д. Но даже если допустить существование некой универсальной философской традиции, задача выявления уникальности определенной идеи или концепции не может быть подменена задачей ее встраивания в традицию, поскольку идея или концепция может быть встроена в традицию, а может коренным образом с ней расходиться. В последнем случае уникальность идеи даже возрастает.

И все же, окончательно не отвергая Вашей, Валерий Борисович, точки зрения на наличие универсального философского идеала, не могу не спросить, как белорусская философия может быть на него спроецирована?

Еворовский В. Б.: Я говорю не об идеале как о том, на что надо равняться, здесь имеется в виду модель построения нарратива, коль мы считаем, что есть нарратив белорусской национальной философии. Этот нарратив начинается с Иллариона Киевского, далее мы рассматриваем Возрождение, Просвещение, Новое время. Все это есть не что иное, как попытка показать, что вся история белорусской национальной философии может быть рассмотрена с точки зрения классического историко-философского образца.

Далее, если говорим о национальных процессах, связанных с XIX–XX вв., вопрос состоит все в том же: как весь этот нарратив, в какой мере вся эта структура является философией, то есть в той или иной степени соотносится с тем общеполитическим идеалом, который находится в голове любого человека, знакомого с историей философии? Именно в этом заключается первый вопрос.

Второй вопрос, который в этой связи возникает, тот, что мы на этом пути не являемся первопроходцами. И самый классический пример – это русская философия. Если откроете любой учебник по русской философии, написанный на Западе, то скорее всего прочитаете, что история русской философии начинается с середины XVIII в. Говорят о том, что история русской философии в России начинается с фигуры М. Ломоносова. Почему? Потому что с возникновением Академии наук в России, с возникновением системы науки, похожей на западную, вся эта традиция начинает восприниматься в строгих

дисциплинарных рамках, которые предполагают как наличие науки, так и наличие философии.

Любые книги по истории философии говорят о том, что, с одной стороны, есть предыстория русской философии, которая идет до XIX в., где существуют некие философемы, а с другой стороны, идет классическая дисциплинарная русская философия, которая начинается, может быть, с Бердяева, может быть, немножко раньше. Если мы возьмем Украину, то украинская школа начинает заявлять о себе с философии Сковороды, то есть когда появляются четкие, классифицируемые тексты, которые соответствуют западному образцу, тому, что называется философией.

Теперь последнее. Тут мы говорим о специфике белорусской философии. Так сложилась традиция и так эта традиция выстроена у нас, что мы, в принципе, пытаемся интерпретировать всю или почти всю культуру Беларуси как имеющую философские идеи. То есть, когда мы говорим о Киевской Руси, мы говорим об Илларионе Киевском, о Кирилле Туровском или о ком-либо еще, мы прекрасно понимаем, что если сравнить тексты, написанные Илларионом Киевским или Кириллом Туровским, с тем, что на Западе называют философией, будь то схоластикой или другим образцом, то, в принципе, это немножко другое. Здесь есть философские элементы, но это не философские тексты. Есть культура, есть определенные стереотипы, определенные механизмы построения этой культуры, мы пытаемся эти механизмы культурных явлений изучить и на основании этого построить некий целостный нарратив, который покажет динамику философского развития.

Как я считаю, этот метод позволил нам создать нечто уникальное, написать довольно целостную картину развития именно этих элементов философского в нефилософской культуре: нефилософской культуры периода Средневековья, практически нефилософской культуры периода Возрождения и того, что называется академической философией.

Лазаревич А. А.: В контексте Ваших рассуждений, что можно рассматривать как начало, например, литовской философии: тот момент, когда литовцы стали изучать свое философское наследие либо когда они начали создавать его?

Еворовский В. Б.: Можно просто описать, как считают литовцы. Так вот, с точки зрения всех литовских учебников начало литовской философии идет с того периода, когда на литовскую землю приходят профессиональные формы, которые были заложены на Западе, – вот это образец, вот это идеал! Украинская философия строится примерно по той же схеме.

У нас схема особенная – она исходит не из дисциплинарных форм, а идет от интерпретации культуры в рамках философского дискурса, поэтому мы говорим о специфике метода белорусской истории философии.

Лазаревич А. А.: И в чем специфика этого метода?

Еворовский В. Б.: Метод белорусской философии, который является традиционным для ученых Института философии, – это поиск философских форм в нефилософских формах культуры. На этом методе построены многие наши историко-философские работы и та традиция, которую можно изучать. Далее мы синхронизируемся с теми поисками, которые происходят в Литве и Украине, и начинаем работать с классическими философскими текстами.

Адуло Т. И.: Если исходить из Вашего методологического подхода «поиска философских форм в нефилософских формах культуры», хотя, как мне представляется, он не бесспорный, то какую конкретно историческую эпоху можно взять за точку отсчета белорусской национальной философии?

Еворовский В. Б.: Вопрос, который Вы ставите, связан не с профессиональной философией, он связан с вопросом о том, когда мы можем говорить о том, что белорусы появились как нация. Есть два возможных варианта ответа: первый – это XVI век. Это наиболее традиционное рассмотрение, что национальные корни белорусов начинают развиваться с XVI в. Здесь классическая фигура Скорины, которая знаменует собой начало белорусской национальной мысли. Вторая позиция, с которой можно спорить, но я ее обозначаю, состоит в том, что в принципе возникновение белорусской нации связано с национальным возрождением и теми процессами, которые в Европе происходят где-то в середине XIX – начале XX в. Тогда собственно национальную философию можно начинать с периода «Нашей Нивы» и поиска национальной идеи, который имел место в начале XX в. Но это не проблемы возникновения национальной философии, а проблемы атрибутирования возникновения белорусской нации.

Лазаревич А. А.: В связи с изложенным закономерным является вопрос о различении философии как таковой, в ее сущностном выражении, – как формы, к примеру, критического сознания и самосознания субъекта, инструмента рефлексии или как формы постижения сущности бытия, то есть того, что мы называем философской онтологией, с одной стороны, и историко-философского нарратива – с другой. Что я имею в виду: есть, к примеру философское наследие Аниола Довгирда – белорусского философа эпохи Просвещения, и есть интерпретации его творчества в виде работ польского ученого С. Качмарека и белорусского ученого-философа Э. К. Дорошевича. Так вот, что формировало и что является белорусской философской традицией – собственно философия или ее нарратив?

Еворовский В. Б.: Если бы не было Дорошевича (реконструктора Довгирда), то Довгирд не стал бы частью белорусской философии.

Лазаревич А. А.: С этим трудно согласиться, поскольку национально-культурная идентификация чьего бы то ни было творчества не определяется наличием или отсутствием интерпретатора. Хотя должен с Вами согласиться, что популяризация играет весьма существенную роль в общественном признании. И все же, с моей точки зрения, в вопросах оценки национальной философии речь должна идти не столько о популяризации тех или иных философских идей, сколько об их уникальности, о значимости самостоятельных концепций Довгирда или Дорошевича. Именно таким образом мы сможем сфокусироваться на белорусской философии в ее идейно-теоретическом значении. А Вы всё больше говорите о реконструкции философского процесса, о нарративе. С чем, с каким философским наследием мы войдем в историю?

Еворовский В. Б.: Наша философия войдет в историю тем, насколько качественно, квалифицированно мы создали то, что называется белорусской национальной идеей. А здесь прежде всего не В. Тяпинский, а Э. Дорошевич, А. Майхрович, С. Подокшин и вся белорусская элита, которая создавала этот дискурс.

Пунченко О. П.: Мы говорим о национальной идее. Национальная идея – это общее понятие. Нужно конкретизировать. Давайте посмотрим, а что вошло в своеобразную мировую копилку идей из работ того или иного автора? Чтобы можно было сказать, что вот это – наше. Сегодня многие страны формируют свои школы. Возьмем для примера Львовско-Варшавскую неопозитивистскую школу – теперь эта школа занимается метафизикой, хочет оставить свой след в ее возрождении. Есть многие школы, которые от старого вынуждены были отказаться. Богатая была Киевская школа в гносеологическом плане. Сегодня она не развивается. Ученые-философы занимаются проблемами общественного сознания. А вот что вошло в историю – трудно сказать. К примеру, если взять А. Уёмова – то это общая параметрическая теория систем.

Еворовский В. Б.: Понял Ваш вопрос, но сначала комментарий. Львовско-Варшавская школа к Украине никакого отношения не имеет. Это чисто польское явление, которое в современной Польше имеет достаточно глубокие корни.

Пунченко О. П.: Так вот, с этих позиций, кто что внес?

Еворовский В. Б.: Есть определенная идея, определенная система, определенная научная школа, которая имеет не обязательно чисто научное достижение, а просто возможности заявить о себе на уровне мировой философии, то есть опубликоваться в рецензируемых журналах, издать книги на английском языке в Америке и так далее... И это не только чисто научные достижения, это определенные институциональные ходы – журналы и так далее. Это процесс. Публиковаться на Западе надо уметь, иметь хороший индекс цитирования, тогда вы будете в мировой элите философии.

Санько С. И.: Пачну з таго тэзіса, што праблема нацыянальнай філасофіі паўстае ўсякі раз тады, калі нацыя з'яўляе сваю самастойнасць і заяўляе пэўныя прэтэнзіі на сваё месца ў сусветнай гісторыі. Гэта безварункава, мы гэта назіралі асабліва ў працэсе паўставання мадэрных нацый. І. Кант пачаў пісаць па-нямецку, але праблему немецкай нацыянальнай філасофіі ўзняў І.-Г. Фіхтэ, а Г.-В.-Ф. Гегель сфармуляваў яе яўна ў сваім лісце Й.-Г. Фосу. Мысліцель пісаў, што М. Лютэр пераклаў на нямецкую мову Біблію, сам Фос – Гамера, а сваю задачу сам Гегель бачыў, каб прымусіць філасофію размаўляць па-нямецку. Ён гэта зрабіў, безумоўна. Што цікава, мы добра ведаем, што ёсць такая «нямецкая філасофская традыцыя», нават у розных мадыфікацыях і варыянтах, але, дзіўная рэч, французы, якія суседнічаюць з немцамі, Гегеля і Хайдэгера да сярэдзіны ХХ ст. не ведалі, у іх не было перакладаў, вельмі мала было крытычнай літаратуры. Два чалавекі пазнаёмілі французаў з нямецкай філасофіяй: гэта А. Кожаў, з аднаго боку, і з другога – Ж. Іпаліт, дарэчы настаўнік будучых зорак французскай філасофіі – М. Фуко, Ж. Дэлэза, Ж. Дэрыды і шэрага іншых.

Тое ж самае пытанне ставіў у Кітаі адзін з вядучых сучасных аўтараў – Фэн Юлань. Нацыя пачала адчуваць сваю моц, нават прэтэнзіі на сусветную гегемонію і лідарства, і ён ставіць пытанне пра нацыянальную філасофію ў другой палове ХХ ст., да гэтага моманту гэтае пытанне нават не паўставала.

Так, людзі філасофствуюць на кухнях, на канферэнцыях, разважаюць, ацэньваюць сітуацыю, так ці інакш рэфлексуюць аб сваім месцы ў навакольным свеце, але пытанне нацыянальнай філасофіі паўстае, калі нацыя заяўляе сваё права на месца ў сусветнай гісторыі. Гэта адзін бок. А калі сказаць яшчэ аб сучаснасці, то гэта – дэкларацыя сваёй прэтэнзіі на долю ў сусветным інтэлектуальным капіталі, і гэта прэтэнзія даволі сур'ёзная, бо капітал звычайна прыносіць дывідэнды. Значыць, нацыя спадзяецца, што, развіваючы нацыянальную філасофію, яна атрымае пэўныя дывідэнды, і гэта надзвычай важна.

Мы не першыя зацікаўленыя ў гэтым пытанні, ёсць мноства прыкладаў, я ўжо называў немцаў, таксама палякі на пачатку ХХ ст., калі ў іх адбылася дыскусія «што такое нацыянальная філасофія» паміж Г. Струве і К. Твардоўскім. У гэты момант Польшча мроіла пра адраджэнне Рэчы Паспалітай, і на пэўны момант у яе гэта атрымлівалася даволі паспяхова. Там дыскусія палюсавалася: з аднаго боку Твардоўскі выступаў за тое, што не можа быць нацыянальнай філасофіі, паколькі філасофія займаецца ўніверсальнымі рэчамі, агульнымі дасягненнямі чалавецтва, Струве з іншага боку пярэчыў, што ўсё ж такі яна можа і павінна быць нацыянальнай, пры гэтым спасылаўся на гісторыка-філасофскую традыцыю і меў на ўвазе ўпісанне нацыянальнай філасофіі ў яе кантэкст.

Нацыянальную філасофію можна разумець дваіста. Або па месцы яе тварэння, напрыклад, што ў Беларусі ствараецца, то адносіцца на рахунак на-

цыянальнай філасофіі. Або можна разумець яе ў больш шырокім сэнсе – як філасофію, якая так ці інакш адлюстроўвае асаблівасці светаўспрымання і светаразумеання пэўнага народа або тытульнай нацыі. Такі тэзіс вылучыў зусім нядаўна, у 2012 г., паляк Я. Валенскі. У гэтым рэчышчы працягваюць абмяркоўваць пытанне пра спецыфіку польскай нацыянальнай філасофіі і нацыянальнай філасофіі наогул. Тут мы не ўнікальныя, а проста ўпісаліся ў гэты працэс: амаль 10 гадоў таму ў нас праходзіла канферэнцыя «Філасофія як самаўсведамленне культуры». У гэтым сэнсе я пагаджуся: філасофія наогул можа разумецца як самавыраз культуры, найбольш канцэнтраваны і ёмісты ў сэнсавым дачыненні, але таксама і самарэфлексія культуры. Калі філасофія разумеецца як навука аб найбольш агульных законах развіцця Сусвету, чалавека і грамадства, то будзе іншы кантэкст. Тады гаворка будзе ісці пра спосабы легітымацыі дысцыпліны ў сістэме акадэмічных ведаў, спробы давесці, што філасофію таксама трэба лічыць навукай і яна мае права на месца ў Акадэміі навук. Праўда, яшчэ ў савецкі час дылема вырашалася вельмі проста: філасофія – універсальная па змесце і нацыянальная па форме. Рашэнне даволі простае, але не беспраблемнае, бо, калі мы, дбаючы аб захаванні такой дыялектыкі (няма зместу без формы і формы без зместу), прыгадаем Гегеля, які кажа ў другой кнізе «Логікі» пра «змест формы» і «форму зместу», то тут дыялектыка праблематызуе ў пэўным сэнсе і саму ўніверсальнасць філасофіі. Але калі мы будзем разумець нацыянальную філасофію як своеасаблівую канфігурацыю пэўных падзей думкі, то будзем мець зусім іншы ракурс.

Філасафы, якія разважалі на тэму, што такое нацыянальная філасофія, адзначалі два моманты: па-першае, гэта наяўнасць традыцыі мыслення і, па-другое, тварэнне філасофіі на нацыянальнай мове. Пра гэта кажуць і немцы, і палякі, і расіяне, і кітайцы, тут варыянтаў многа. Паколькі з першым пунктам мы худа-бедна даём рады, паказваючы, што традыцыя ўсё ж такі існуе, з другім пунктам справы абстаць значна горш. На беларускай мове пішуць адзінкі, былі адзінкавыя дысертацыі, абароненыя на беларускай мове, і тут казаць, што беларуская нацыянальная філасофія існуе ў тым сэнсе, як яе разумеюць немцы, палякі, кітайцы, рускія, мы пакуль што не можам. Гэта задача на будучыню, тут ёсць, безумоўна, аб чым думаць. Калі казаць аб магчымай спецыфіцы беларускай нацыянальнай філасофіі, яна найперш, хаця і не выключна, мусіць быць філасофіяй мовы.

Лазаревич А. А.: Калі прыняць Ваша меркаванне, што мова з'яўляецца адметнай рысай нацыянальнай філасофіі, тады ў чым унікальнасць беларускай сітуацыі: у адсутнасці філасофскіх твораў на беларускай мове? Магчыма, больш важкім тут можа падацца тэзіс, што наша ўнікальнасць – у полісемантызме, калі разглядаць усю моўную гісторыю нашай культуры – польскую, беларускую, рускую?

Санько С. И.: Я бы сказаў, што гэта стварае ўнікальную сітуацыю. Напрыклад, прынамсі, большасць адукаваных беларусаў, у адрозненне ад расіян, нармальна разумеюць польскую і ўкраінскую мовы і могуць разумець рознасць тых светапоглядаў, якія з імі карэлююцца. Я лічу, што пакуль не будзе створаны корпус філасофскіх тэкстаў на беларускай мове, казаць пра беларускую нацыянальную філасофію можна будзе толькі як аб познамадэрным праекце, пакуль ён такім і з'яўляецца. Тое, што з'явіліся чатыры тамы «Гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі» – гэта ўнікальная з'ява.

Адуло Т. И.: Одним из показателей национальной философии считается вклад в мировую философию чего-то нового.

Санько С. И.: Я сказаў – не ўклад, я як раз падкрэсліў – прэтэнзія на долю ў капітале.

Адуло Т. И.: Сошлюсь на А. Ф. Лосева. Его вклад в исследование античной эстетики огромен. Можно ли его вклад отнести к национальной русской философии?

Санько С. И.: Я думаю, хто сапраўды ўнес сур'езны ўклад у нацыянальную рускую філасофію ў XX ст., то гэта А. Ф. Лосеў.

Адуло Т. И.: Я имею в виду его многотомную историю античной эстетики: можно ли ее отнести к национальной русской философии?

Санько С. И.: Так, безумоўна. Па-першае, ён будзе сваю інтэрпрэтацыю антычнай культуры, антычнай эстэтыкі на сваім рускім разуменні, якое ідзе ад праваслаўнай традыцыі, я падкрэсліваю гэта, гэта вельмі істотны момант, і магу нават на некаторых прыкладах паказаць, дзе Лосеў ідзе за гэтай традыцыяй насуперак таму, што напісана, напрыклад, у Платона. Таму, безумоўна, ён рускі філосаф і адзін з найбуйнейшых у XX ст.

Бобков И. М.: Для мяне беларуская філасофія – гэта перш за ўсё традыцыя філасофскага мыслення ў Беларусі. Тысячагадовая традыцыя, бо філасофія прыходзіць да нас у XI–XII стст. і далей мае амаль бесперапынную гісторыю. Традыцыя не столькі лакальна-этнічная, колькі рэгіянальная, бо тэксты напісаныя на пяці-шасці літаратурных мовах, а постаці і інстытуцыі агульныя для ўсяго рэгіёна. У гэтым сэнсе сама філасофская традыцыя і ёсць галоўны інтэлектуальны выклік для сучаснай культуры. Таму што, калі мы ўявім сабе, што па Менску ў XVI–XVII стст. гуляюць прафесары філасофіі, якія на лаціне дысцутуюць між сабою пра Суарэса і Арыстоцеля, расказваць пра «адсутнасць» у тутэйшай прасторы інтэлектуальных практык ужо праблематычна.

Сам жа канцэпт беларускай філасофіі з'явіўся на даляглядзе тутэйшай думкі адносна нядаўна. Можа быць, апошнія пяць ці сем год. Дагэтуль гаварылі пра беларускае мысленне, якое размяшчае сябе па-за дысцыплінарнымі межамі і рэалізуе ў самых розных культурных і мастацкіх практыках. Пакуль мы назіраем два асноўныя тыпы выкарыстання тэрміна: да беларускай філасофіі ставяцца як да дадатковага аргумента ў нацыянальным праекце альбо як да мясцовага брэнда, які мусіць выдзеліць тутэйшых мысляроў і даць ім знак адрознасці ці нават інтэлектуальнае алібі на познекапіталістычных рынках духоўнай вытворчасці.

Пры гэтым і тыя, хто крытыкуе канцэпт, і тыя, хто карыстаецца ім, разглядаюць яго як знешняе, арнаментальнае аздабленне ўласных індывідуальных стратэгий.

З аднаго боку, «беларуская філасофія» гучыць дастаткова звыкла, патрапляючы ў шэраг падобных канцэптаў, такіх як «нямецкая філасофія», «грэчаская філасофія» альбо «філасофія Сярэднявечча». Гэтыя паняцці ўтвораны праз далучэнне прыметнікаў, якія – па сваім значэнні – кантэкстуалізуюць, г. зн. замыкаюць, абмяжоўваюць філасофію ў часе і прасторы.

І ўсё ж, нягледзячы на прызырстасць сэнсаўтварэння, словазлучэнне «беларуская філасофія» гучыць для тутэйшых філосафаў некалькі падзрона, сустракаецца з цьмяным, нетэматызаваным супрацівам з сярэдзіны самой філасофіі, якая імкнецца пазбегнуць замыкання, як ёй здаецца, у занадта цесную лакальнасць. Гэты страх перад беларускай лакальнасцю мае час і месца свайго нараджэння: другая палова XX ст., беларуская савецкая культура. Калісьці Валянцін Акудовіч сумна пажартаваў, што беларусам у савецкі час было дазволена пісаць вершы і раманы, танцаваць і спяваць, збіраць беларускі фальклор і нават здымаць кіно, пераважна пра партызанаў, але не было дазволена думаць.

Нягледзячы на ўсю метафарычнасць гэтага сцверджання, яно апісвае рэальны стан беларускай культуры ў названы перыяд, калі яна была ўлучаная ў якасці лакальнай і перыферыйна-этнаграфічнай ў іерархію, дзе на ролю ўніверсальнай магла прэтэндаваць толькі расійская культура (у яе савецкай версіі).

Такая канфігурацыя прыводзіла да таго, што прафесійная філасофская супольнасць, якая нанова пачала складвацца ў Беларусі ў другой палове XX ст., не бачыла сабе месца ў «лакальным» беларускім кантэксце і выстройвала свае інтэлектуальныя траекторыі ў дачыненні да расійска-савецкай, альбо (пры пэўнай апазіцыйнасці) еўрапейскай, альбо расійскай дарэвалюцыйнай традыцыі.

Па сутнасці, сфарміраваўся пэўны тып філасофскай суб'ектнасці, для якой лакальнага кантэксту, г. зн. Беларусі, проста не існавала. А калі гэты кантэкст і заўважаўся, дык толькі ў якасці таго, ад чаго трэба як найхутчэй адысці, пазбавіцца. У сваю чаргу і беларуская культура другой паловы XX ст. не паспявала за імклівымі сацыяльнымі зменамі ў познесавецкай мадэрнасці, калі ў выніку раптоўнай урбанізацыі асноўным «месцам пражывання» беларускага народа стаў горад.

Культура не адкрывала сябе для інтэлектуальных і філасофскіх пошукаў, яна ўсё больш і больш пераўтваралася ў сувенірна-этнаграфічны дадатак. Гэтая *канфігурацыя несустрэчы* знікла разам з канцом савецкага праекта. З аднаго боку, знайшоўшы сябе на руінах сістэмы філасофскіх навук, філосафы былі вымушаны ставіць пад пытанне свае ўласныя ідэнтычнасці, а таксама месца і ролю філасофіі ў гэтых новых абставінах.

З другога боку, беларуская культура выйшла з лакальнасці. Паўстала «іншая Беларусь», гатовая прысвоіць сабе традыцыю думкі. Напрыканцы 1990-х гадоў адбываецца сустрэча. Беларусь пачынае быць тэмай філасофскіх прадуктыўнай. З іншага боку, сама філасофія пачынае паціху рабіцца *аб'ектам жадання* ў беларускай культуры. Так нараджаецца беларуская філасофія.

Такім чынам, мы маглі б сказаць: беларуская філасофія – месца сустрэчы пэўнага тыпу мыслення: універсальнага па сваіх памкненнях і амбіцыях, грэчаскага па паходжанні, еўрапейскага па сваіх генеалогіях і нормах і адной з сярэднеўрапейскіх культур, раздзёртай між посткаланіяльным і постімперскім кантэкстамі.

Адуло Т. И.: Сергей Иванович [Санько] говорил об уникальном продукте как о маркере национальной философии. Вы, Игорь Михайлович, обратили внимание на уникальность белорусского мышления. В вашем случае этот уникальный продукт понимается как само мышление? Речь идет об оригинальности белорусского мышления? В этом есть специфическая особенность белорусской национальной философии? Словом, что считать философским продуктом? Формы и методы мышления?

Бобков И. М.: Мы за 20–30 гадоў вярнулі сабе поўнафарматную філасофскую традыцыю. Калі я яшчэ вучыўся ў 1980-я гады на адзяленні філасофіі, там вывучалі Г. Гегеля, І. Канта. А ідэі беларускай традыцыі філасофіі нам не выкладалі. Але сёння гэта ёсць. І гэта адзін з прадуктаў вельмі важных. Тое, што мы можам паказваць беларускаму грамадству вельмі сур'ёзную традыцыю думкі. І што думаць у гэтай краіне – гэта нармальна. Не толькі плясаць і распяваць фальклорныя песні, але думаць, вяртацца да саміх сабе, да кантэксту, і што ў гэтым мысленні мы разам са сталымі калегамі – немцамі, брытанцамі, кельтамі – стаім на адным узроўні.

У чым унікальнасць гэтага прадукту? У тым, што гэты інструмент – універсальны інструмент – мы скарыстоўваем для аналізу саміх сябе і для аналізу беларускага кантэксту. І вынікі і прадукты размяшчаем у сітуацыі беларускай культуры і беларускага грамадства. Унікальнасць – месца, куды трапляюць нашы вынікі і аб'ект даследвання. Паверце, пра гэта можна спрачацца, але, калі прыйдзе нейкі аспірант і скажа: «Давайце, я напішу дысертцыю пра чалавека», мы пасмяемся і адкажам, што як можна пісаць дысертцыю пра чалавека без нейкіх геакультурных абмежаванняў. Няма чалавека ўвогуле, гэта

ўтопія, ілюзія, прадукт пэўнай універсальскай ілюзіі еўрапейскага мыслення. Нам трэба навучыцца выкарыстоўваць гэтыя ўніверсальныя інструменты не для таго, каб расказаць дзядзьку Пецю з Захаду або Ёсходу, якія мы харошыя, а для таго, каб разумець саміх сябе і тыя формы жыцця і культуры, у якіх мы сёння з вамі знаходзімся. Каб напаўняць гэтыя формы сэнсам. Таму што агульная праблема постсавецкіх аўтараў – усеагульнае бессістэмнае разгляданне форм, у якіх мы існуем. Мы не можам па інэрцыі, машынальна напаўняць сэнсам жыццё. Гаварыць пра мысленне ў грамадстве патрэбна не толькі праз рацыянальную ідэйнасць...

Адуло Т. И.: Вопрос о национальной философии является дискуссионным уже на протяжении многих лет, а конкретнее – начиная со второй половины 1940-х годов, когда И. Н. Луцицкий, занимавший в то время должность ученого секретаря Президиума АН БССР, а затем являясь исполняющим обязанности директора Института философии и права АН БССР, обосновывал необходимость и важность системного исследования истории отечественной философии.

И в наши дни ряд философов, например доктор философских наук В. М. Межуев и другие, считают философию специфическим продуктом мышления древних греков, получившим в дальнейшем распространение в Европе и на других континентах. Большинство же исследователей, напротив, признают национальные философии как самобытные формы национальных культур. В самом деле как само собой разумеющееся мы признаем английскую, французскую, немецкую, итальянскую, испанскую и другие национальные философии. Но при этом не отделяем их друг от друга китайской стеной, считаем, что они взаимосвязаны между собой, что они взаимодействуют друг с другом, преодолевают национальные границы и выстраиваются в виде отдельных направлений и школ мировой философии. Существуют и так называемые пограничные культуры, что накладывает отпечаток на национальные философии. Это непосредственно касается и белорусской философии, которая была органично связана на протяжении многих веков с философией Польши, Украины, Литвы и России.

Исследование пограничных культур – сложный процесс. Он был простым и в советское время, но в значительной степени обострился после обретения бывшими республиками СССР собственной государственности, собственной субъектности в мировом сообществе. Каждое из образовавшихся новых государств стремится занять достойное место в мировом сообществе, утвердить свой статус, повысить имидж, опираясь при этом на национальные достижения в области экономики, науки и культуры, в том числе в области философии. Нередко по этой причине ведется активная борьба за духовное наследие предков, происходит своего рода «перетягивание каната». Например, известный литовский философ Р. М. Плечкайтис белорусского фи-

лософа Казимира Нарбута, родившегося под Лидой, называет Казимирасом Нарбутасом и причисляет его к литовским философам на основании того факта, что в этом белорусском регионе проживают литовцы. Можно привести и другие такого же рода примеры. Польский историк философии В. Татаркевич не считает А. Снядецкого и Е. Сняецкого ни литовскими, ни белорусскими мыслителями, литовские же и белорусские историки философии придерживаются иной точки зрения. Чтобы прийти к какому-то компромиссу в решении этого непростого вопроса, белорусский философ А. А. Бирало еще в 1970-е годы предложил взять в качестве критерия отнесения того или иного философа к конкретной национальной культуре так называемый территориальный принцип. Согласно этому критерию, если какой-то мыслитель родился в географических границах современной Беларуси, независимо от даты рождения, места обучения и дальнейшего его проживания его следует относить к белорусской культуре. Данный принцип идентификации известных деятелей пограничных культур может быть подвергнут серьезной критике, ведь когда-то вообще не было устоявшихся границ между белорусами, литовцами, поляками и русскими.

Относительно содержания понятия «национальная философия» сам я исхожу из основной посылки, суть которой сводится к признанию философии продуктом мышления древних греков. Именно они создали эту дисциплину, сформировали ее предмет, определили ее цель, разработали ее понятийно-категориальный аппарат, благодаря которому она способна не только воспроизводить в мышлении окружающий мир и самого человека, но и познавать их, осознанно на них воздействовать. И сам предмет, и методы познания мира, и цели философии уточнялись в дальнейшем представителями других этносов и государств. Философия обогащалась и развивалась на базе теоретической и предметно-практической деятельности других наций. Эта теоретическая и предметно-практическая деятельность различных наций с использованием философии и приводила к тому, что философия обретала национальную специфику, обогащалась национальным опытом, становилась важнейшим сегментом национальных культур и национальных социальных практик, то есть обретала статус национальной философии. Но при этом национальная философия не находилась в изоляции, не была оторвана от других национальных философий, она преодолевала национальные границы и в конечном счете становилась достоянием мирового сообщества. Вследствие этого она, с одной стороны, включалась в общий процесс разработки мировой философии, а с другой – получала своего рода «подпитку», импульс для дальнейшего собственного развития благодаря «общению» с национальными философиями других государств. В целом же современная мировая философия – это продукт чуть ли не трехтысячелетней мыслительной деятельности человечества и результат развития национальных культур.

Еще один вопрос, который хотелось бы здесь обсудить, – это периодизация философской мысли Беларуси.

На исследование белорусской философской мысли второй половины XIX в. наложила отпечаток схема периодизации, использовавшаяся в недалеком прошлом российскими историками философии, представившими процесс развития философии в России в виде сменяющих друг друга трех мощных направлений – революционных демократов, народничества и марксизма. Согласно этой схеме, к революционным демократам относили Янку Купалу и Якуба Коласа. Полагаю, что применительно к белорусской философии данная схема периодизации требует пересмотра.

Еворовский. В. Б.: Вы говорите о том, чтобы отыскать белорусскую национальную философию в прошлых эпохах, надо более детально изучить рукописи, тексты лекций, попытаться найти «дух земли». А как тогда Вы интерпретируете такой факт: культура у этой земли была мультикультурной всегда и есть ли смысл искать белорусскость духа этой многонациональной земли?

Адуло Т. И.: Во-первых, как отмечает литовский философ Р. М. Плечкайтис, только в библиотеках Вильнюса хранится около 600 рукописных курсов философии. «Нередко, – отмечает он, – рукописные курсы по философии не имеют титульного листа, а если он и есть, то не указаны место, год преподавания, автор лекций, однако на основании разных пометок в рукописях, их языка, стиля и способа аргументации можно установить эти данные»². Такого рода аналитическую работу белорусским исследователям следовало бы активнее проводить. Лекционные курсы имеются и в белорусских библиотеках и архивах. Сравнительный анализ содержания текстов рукописей лекционных курсов, находящихся в Литве и Беларуси, позволил бы выявить их отличительные особенности, а следовательно, обнаружить в них «белорусскость».

Во-вторых, полагаю, что философии в «чистом» виде, философии, отрешенной от реалий социального бытия, в Беларуси никогда не было. Да и в других странах тоже. Несомненно, в лекционных курсах она могла существовать в «чистом» виде. Но в процессе общения лектора со слушателем она входила в сознание конкретного человека, обремененного социальным бытием, повседневностью, уже обладающего определенным мировоззрением, которое гораздо шире его философского ядра. Философия не в состоянии полностью вытеснить сформированное мировоззрение. Вот эту «белорусскость», о которой Вы говорите, и надо искать в мировоззрении индивида, в том числе и в мировоззрении белорусского философа. Если он действительно был белорусским философом, то его «белорусскость», несомненно, должна была проявиться в его индивидуальных текстах, лекционных курсах, оценках философских трудов других мыслителей.

---

² Плечкайтис Р. М. Опыт исследования истории философии в Литве // Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы: докт. период: закономерности развития, пробл. исслед. – Минск : Наука и техника, 1987. – С. 40.

В-третьих, в опубликованных белорусскими историками философии работах для обозначения феномена белорусской философской мысли часто используется понятие «философская и общественно-политическая мысль Беларуси». О чем это свидетельствует? На мой взгляд, это свидетельствует о том, что философствование в Беларуси не сводилось к чисто спекулятивным рассуждениям (в гегелевском понимании содержания этого термина), а выходило за их рамки, устремляясь к практике жизни, к повседневности. Философы в той или иной мере пытались дать ответ на запросы социальной практики. И этого не могли не заметить исследователи. В таком случае становится понятным то, что и мышление белорусских философов тоже выходило за рамки тех схоластических курсов, которые им преподносились в иезуитских коллегиях. Яркий пример тому – мировоззренческая позиция Казимира Лыщинского, отрешившегося от Бога. Мультикультурализм не всемогущ и не в состоянии полностью разрушить этнический субстрат индивида, укореняющийся в его сознание с момента рождения. Полагаю, что и в Беларуси этнический субстрат не был поражен, в противном случае не сохранились бы язык, фольклор, национальные устои.

Игнатюк В. К.: Что Вы можете сказать о проблемном поле философских исследований 1940-х годов? Какие идеи доминировали? (Этот вопрос уже звучал в ходе дискуссии.)

Адуло Т. И.: Как известно, в 1947 г. был воссоздан Институт философии и права АН БССР. Девять лет белорусские философы фактически не занимались научными исследованиями, поэтому сначала пришлось решать задачу определения их проблемного поля. Одним из важнейших направлений стало исследование истории белорусской философии. Обратим внимание на то, что в тот исторический период исследование истории национальных философий стало одним из приоритетных направлений и в других союзных республиках – России, Украине, Грузии, Армении. В Беларуси такого рода исследования проводились в секторе истории философии нашего института, а затем к этой работе активно подключились преподаватели и аспиранты кафедры истории философии и логики Белорусского государственного университета.

В качестве приоритетных направлений исследований следует отметить проблемы общественного развития, чуть позже – диалектики, логики и теории познания, методологии науки.

Лазаревич А. А.: И все-таки, чему больше уделяли внимания белорусские философы – онтологии, гносеологии, философии науки и т. д.? В области истории философии исследования, как мне кажется, ограничились лишь изучением национальной философии.

Адуло Т. И.: Если говорить о развитии философии в Беларуси в целом во второй половине XX в., то можно было бы охарактеризовать этот процесс как сбалансированный по основным направлениям. Исследовались проблемы и онтологии, и гносеологии, и философские проблемы естествознания. В области социальной философии изучались социальная структура белорусского общества, семья, межнациональные отношения.

Игнатов В. К.: Очень многие темы, о которых я хотел говорить, освещались сегодня очень подробно, глубоко и интересно, поэтому я ограничусь лишь некоторыми соображениями в контексте того, что уже было сказано. По поводу философии. На мой взгляд, когда мы рассуждаем о философии, – и это уже было отмечено в выступлениях других участников, – превалирует европоцентричный взгляд на само понятие «философия». Когда мы пытаемся уяснить, что такое наша национальная философия, мы невольно обращаемся к тем классическим образцам, о которых упоминал Валерий Борисович [Еворовский]. То есть перед нами всегда возникает образ западноевропейского канона. Откуда, собственно, это произошло? Почему мы, скажем, не учитываем византийскую традицию? Вероятно, истоки такой методологической позиции следует искать в Античности, о чем замечательно написал А. Ф. Лосев, рассуждая о различии стиля философствования в Древнем Риме и Древней Греции. Если попытаться передать его мысль очень кратко, не прибегая к дословному цитированию, то она выглядит следующим образом: Древний Рим – это порядок, рационализм, социальная дисциплина; а Древняя Греция – это все-таки больше мистицизм. И вот это духовное наследие античного мира наложило отпечаток на культурные процессы, происходившие у нас, на нашей территории.

Второй аспект, на заре Средневековья глубоко осмысленный Августином, как мне представляется, вообще определил вектор движения философской мысли Запада. Это акцент на истории. Как писал С. С. Аверинцев, в трудах Августина, который был свидетелем крушения Западной Римской империи, когда в 410 г. Рим пал под натиском варваров, появилось острое чувство истории. И то, что заложил Августин, – об этом, кстати говоря, писали многие исследователи, – до сих пор довлеет над Западом, вернее довлело до эпохи постмодерна. То есть Запад постоянно пытался изобрести что-то новое, преодолеть то, что он уже в своем мышлении имел.

Вот как очень хорошо говорил на эту тему Валерий Борисович [Еворовский]: сначала интерпретация, потом критика, потом новые идеи. Действительно, вся философская традиция Запада развивалась именно в этом ключе. Сначала освоить то, что уже сделано до тебя, потом подвергнуть критике, затем выдвинуть новые идеи. Это и есть чувство историзма, когда необходимо все время преодолевать существующий порядок вещей. Отсюда берет начало, о чем опять же писал Аверинцев, двучленная система западного мировоззрения Средневековья. То есть библеистика существовала сама по себе, а естественнонаучный корпус

знаний – сам по себе. Это дало толчок начиная с XVII в. самостоятельному развитию на Западе науки, потому что Аристотель в умах западных теологов как бы отдельно существовал, его философское наследие было досконально изучено в рамках схоластики – естественно, освященное божественным авторитетом, но тем не менее его изучали как бы отдельно от богословия.

В Византии была совершенно другая традиция. В Византии, во-первых, не произошло крушения государственности, там сохранился весь античный корпус памятников – по крайней мере до того времени, как туда пришли крестоносцы, это все существовало. И там всегда Античность была вторична по отношению к религиозному чувству.

Это все перешло потом в белорусскую философию. Уникальность Беларуси, о чем я уже очень давно пишу, но поскольку эта идея разделяется далеко не всеми, то я еще раз хочу ее высказать, заключается, на мой взгляд, именно в том, что наша земля на протяжении столетий являлась местом встречи двух цивилизаций – западной и восточнохристианской. Это была своеобразная творческая лаборатория, где мало того, что происходило взаимное общение сначала католицизма и православия, а потом еще и протестантизма, так наряду с ними здесь существовали и иудаизм, и мусульманство. И вот это все образовывало совершенно уникальный мировоззренческий сплав, который до сих пор, как мне кажется, мы еще не осмыслили. Вот в этом, я считаю, и заключается самое главное своеобразие национальной культуры.

Лазаревич А. А.: Как не осмыслили?

Игнатов В. К.: Я бы сказал – не до конца.

Лазаревич А. А.: А до конца и не нужно, точнее – невозможно. Но я о другом: культурно-мировоззренческий сплав, о котором Вы говорите, и основанные на нем формы интеллектуального, в том числе философского, творчества – это, может быть, и есть наша белорусская уникальность, которую нужно вывести из сферы неявного знания с тем, чтобы она обрела более заметные формы.

Игнатов В. К.: Вот это, мне кажется, самое главное, что составляет основу белорусской культуры. Пластичность мышления, которая в отличие от монологичности русской традиции, о чем говорил Игорь Михайлович [Бобков], и во многом монологичности Запада, несмотря на его внешний демократизм, здесь все-таки была, действительно является непревзойденной и уникальной как по отношению к западу, так и к востоку Европы. То есть в географическом центре Европы происходили события, которые не сравнимы ни с тем, что было на Западе, ни с тем, что было в России. Но это не все. Мало того, что здесь возникали уникальные интеллектуальные продукты, соединявшие в себе и ту и другую традицию. Еще следует сказать, что Беларусь всегда находилась

в составе сначала отдельных княжеств, затем Великого Княжества Литовского, а потом Речи Посполитой и Российской империи. Это был символический духовный мост между цивилизациями, но не в униатском понимании смысла этого слова.

В подтверждение уникальности белорусской культуры можно привести немало примеров. Один из самых ярких – деятельность и творчество Симеона Полоцкого. По сути, он явился родоначальником европеизации России. Состояние, в котором пребывало Московское государство в начале XVII в., свидетельствовало о том, что оно не восприняло еще в полной мере даже византийское наследие. Симеон Полоцкий привнес в Русское царство западные традиции, которые он постиг и в Киево-Могилянском коллегиуме, и в Виленском коллегиуме, и заложил мировоззренческие основы для петровских реформ, благодаря чему стало возможным их осуществление, пусть и в усеченном виде. Преобразования Петра I глубоко изменили облик России, и она в какой-то мере соединилась с Западом.

Беларусь лишь тогда сможет выйти на мировую авансцену как страна с уникальной интеллектуальной идеей, когда она возродит в полной мере традицию хранительницы диалога цивилизаций. Ее необходимо осовременить и переосмыслить, что даст возможность нашей стране вновь выступить инициатором создания новой конфигурации общеевропейского пространства – подобно тому, как это было сделано мыслителями Киево-Могилянского коллегиума и Симеоном Полоцким в XVII в. Другими словами, мы должны создать новый интеллектуальный продукт, который был бы привлекательным и для Западной Европы, и для России. И снова попытаться соединить расколотые части Европы с тем, чтобы способствовать рождению, как сейчас принято говорить, «Большой Евразии» или осуществить проект «Большой Европы», который сейчас, по сути, находится в состоянии деградации, упадка, потому что если этого не произойдет, нас ждут впереди конфронтация и постоянные конфликты.

Еворовский В. Б.: Когда мы говорим о белорусской философии, я принимаю пафос Владимира Константиновича [Игнатова], что все эти идеи, которые мы должны сказать миру, мы должны прежде всего сказать себе, убедить себя, что мы успешная, благополучная нация. Вот когда мы проведем этот этап, когда мы убедим самих себя, вот тогда мы можем со своими проектами консолидирования наций выходить на международную арену. Поэтому все же задача белорусской философии – это вносить вклад в гармонизацию того общества, в котором мы живем.

Игнатов В. К.: Во многом соглашусь и с Вами, Валерий Борисович [Еворовский], но я считаю, что эти процессы должны идти параллельно, потому что отечественное наследие очень богато.

Оно дает нам право и возможности для того, чтобы сравнивать различные цивилизации, чтобы гармонизировать возможные картины мира. Ведь если

не удастся достигнуть гармонизации, когда каждая цивилизация сохраняет свою самобытность, но не претендует при этом на универсальность, то неизбежно будет происходить столкновение этих цивилизаций, которое может привести к тому, что мы уже не будем здесь сидеть, и никто вообще не будет сидеть и рассуждать.

Куши А. Л.: Я хотел бы вернуться к тому, с чего начинался наш круглый стол, – к поставленным задачам, и прежде всего попытаться решить вопрос самого понятия «белорусская философия», ее целей и задач, то есть рассмотреть практический аспект, который, как мне кажется, немного ушел из поля нашего зрения.

Я хотел бы дополнить высказанную идею о том, что философия – это способ самоутверждения. Как мне представляется, философия – это способ и средство самоутверждения и развития нации. Философия, наряду с экономическими и политическими средствами, должна выступать как способ развития белорусской нации. Это инструмент. Один из инструментов.

Здесь упоминалась необходимость создания моделей, концепций, идеалов развития нашей страны. Мы должны пытаться решать различные проблемы развития нашей страны в разных областях, потому что каждая из этих областей имеет философский аспект. Мы говорим о философии техники, о философии науки, о философии образования и так далее, и мы говорим здесь с общих позиций, с концептуальных позиций.

Также одной из важных проблем, как мне кажется, является адаптация философии к нашему мировоззрению, к нашей культуре. Наша философия должна чувствовать народную жизнь для того, чтобы дальше развиваться. И еще один аспект практический, который я бы хотел особенно отметить, – это просвещение, то есть популяризация наших идей.

Лазаревич А. А.: В порядке завершения нашей дискуссии выскажу несколько обобщающих тезисов. Мне кажется, что мы достаточно продуктивно поработали. Но та задача, которую я ставил в начале нашего круглого стола, решена, по моему мнению, только отчасти. Мы наметили некоторые подходы к пониманию национальной философии вообще и особенностей белорусской философии в частности. Поговорили об условиях и образцах философствования, о маркерах национальной философии. Все это можно кратко свести к следующему.

Во-первых, если есть нация, трудно отрицать наличие национальной философии как инструмента национального самосознания, как средства постижения собственной судьбы народа, как условия и фундамента самовыражения и самореализации национальной культуры в хаотичном пространстве глобального развития. Другое дело, что выявить и зафиксировать специфические, уникальные черты национальной философской культуры – задача до-

статочной сложной, особенно на коротком историческом этапе развития и в условиях доминирования массовой культуры и утопических представлений об универсальных идеалах и ценностях человечества.

Во-вторых, в контексте высказанных мнений наиболее типичными маркерами национальной философии представляются следующие.

1. Предмет исследования. Имеется в виду то, что в орбиту национальной философской рефлексии вовлекаются специфические вопросы сущности и перспектив национально-культурного развития.

2. Наличие философской традиции и возможность ее экспликации в системе норм и подходов мировой философской культуры.

3. Территориальный и языковой признак. Для белорусской философии эта характеристика традиционно не являлась ключевой. Беларусь исторически находилась и продолжает находиться на перекрестке различных культур и систем ценностей, философские взгляды и произведения излагались на многих языках, имеющих в том числе и государственный статус. Современная ситуация и тенденции укрепления национально-государственного суверенитета снимают неопределенность в отношении территориального маркера и делают акцент на усилении роли и значения белорусского языка в системе духовной культуры общества. Следовательно, прозвучавшая мысль о том, что белорусская философия нуждается в большем количестве произведений, выполненных на основе белорусских языковых практик мышления, достойна внимания.

4. Наконец, была отмечена еще одна особенность национальной философии – ментальная, то есть специфические аспекты миропонимания и мировосприятия. С этим тоже нельзя не согласиться, особенно если понимать философию как форму сознания субъекта и выражения сущности и уникальности его бытия в контексте многообразия специфических культурных норм и традиций. Белорусская культурно-мировоззренческая традиция в этом смысле не является исключением.

Естественно, существуют и другие индикаторы национальной философии, которые сегодня не были затронуты. Но из перечисленных наиболее существенными и значимыми, на мой взгляд, являются те, которые связаны с наличием традиции и того, что обычно называют результатом философского познания, размышления – философской идеи, концепции и т. п. В этом смысле конструктивной представляется организация и проведение следующего круглого стола, где мы могли бы сосредоточить внимание преимущественно на оценке белорусской философской традиции, ярких представителей этой традиции, их взглядах и разработках в контексте, разумеется, достижений и традиций мировой философской культуры.

Хочу всех поблагодарить за участие в работе данного круглого стола!

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ

УДК 1(091)(476)(075.8)

Паступіў у рэдакцыю 27.04.2017
Received 27.04.2017

В. Б. Евароўскі

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

БЕЛАРУСКАЕ СЯРЭДНЯВЕЧЧА Ў АГУЛЬНАЕЎРАПЕЙСКИМ САЦЫЯКУЛЬТУРНЫМ КАНТЭКСТЕ

Значны ўнёсак у інтэлектуальную культуру праваслаўных княстваў на тэрыторыі Беларусі ўнеслі Клімент Смаляціч, Кірыл Тураўскі і невядомы аўтар «Жыція Еўфрасінні Полацкай». Для аналізу пазіцыі дадзеных аўтараў таксама важна разумець унутрыпалітычнае становішча як асобных княстваў, так і Кіеўскай Русі ў цэлым. Існуе шэраг асаблівасцей, якія адрозніваюць, напрыклад, кіеўскую і полацкую рэлігійную думку. На падставе фактаў, прыведзеных у артыкуле, можна канстатаваць народзіны беларускай філасофіі напачатку XII ст. Без сур'ёзных змен стараруская культура і старабеларуская філасофія як яе складнік існавалі яшчэ доўгі час пасля распаду Кіеўскай Русі і пачалі змяняцца толькі ў эпоху Рэнесансу.

Ключавыя словы: стараруская культура, духоўнае развіццё, хрысціянства, праваслаўнае светаадчуванне, вечавая дэмакратыя, беларуская філасофія, маральнае багаслоўе, гістарыясофія

В. Б. Еворовский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

БЕЛОРУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Значительный вклад в интеллектуальную культуру православных княжеств на территории Беларуси внесли Климент Смолятич, Кирилл Туровский и неизвестный автор «Жития Евфросинии Полоцкой». Для анализа позиций данных авторов также важно понимать внутривосточное положение как отдельных княжеств, так и Киевской Руси в целом. Существует масса особенностей, которые различают, к примеру, киевскую и полоцкую религиозную мысль. На основании фактов, приведенных в статье, можно констатировать рождение белорусской философии в начале XII в. Без серьезных изменений старорусская культура и старобелорусская философия как ее составная часть существовали еще долгое время после распада Киевской Руси и начали изменяться только в эпоху Ренессанса.

Ключевые слова: старорусская культура, духовное развитие, христианство, православное мироощущение, вечавая демократыя, беларуская філасофія, маральнае богаслоўе, гісторыясофія

V. Yevarouski

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

BELARUSIAN MIDDLE AGES IN THE EUROPEAN SOCIAL-CULTURAL CONTEXT

A significant contribution to the intellectual culture of Orthodox principalities on the territory of Belarus was made by Clement Smolyatich, Kirill Turovsky, and unknown author of the "Life of Euphrosyne of Polotsk". To analyze the positions of these authors, it is also important to understand the internal political situation of both individual principalities and Kievan Rus as a whole. There are many distinctive features that distinguish, for example, the Kiev and Polotsk religious thought. As a result, on the base of the facts listed in the article, we can state the birth of Belarusian philosophy in the early 12th century. Old Russian culture and Old Belorussian philosophy as its component, existed long after the collapse of Kievan Rus without serious changes, and they began to change only in the Renaissance.

Keywords: *Old Russian culture, spiritual development, Christianity, Orthodox worldview, "veche" democracy, Belarusian philosophy, moral theology, historiosophy*

У 988 г., як абвясчае летапіс, Русь прыняла хрысціянства. На яе абшарах пачала фарміравацца якасна новая культура, заснаваная на хрысціянскіх канонах і прынцыпах. І калі ў гістарычным плане гэты факт не выклікае асаблівых пырэчанняў, то разгляд яго ў шырокім светапоглядным кантэксце са ўсёй відавочнасцю выяўляе надзвычайную змястоўную складанасць дадзенай падзеі. Тысячагадовы досвед духоўнага развіцця чалавечай цывілізацыі сведчыць, што акт падобнага светапогляднага значэння ні ў якім разе не быў аднамаментным, а з'яўляўся вынікам доўгага і складанага працэсу ўзаемадзеяння культур, ідэалогій, розных карцін свету.

Старажытнаруская культура, якая існавала ў агульнаеўрапейскім кагнітыўным полі, узбагачалася пры дапамозе працэсаў транскультурнага ўзаемадзеяння паміж старажытнарускай і візантыйскай, старажытнарускай і старажытнабалгарскай, старажытнарускай і скандынаўскімі культурамі. Для сярэднявечнага мыслення была характэрная крытычная акцэптацыя асноўных кірункаў антычнай філасофіі. Вылучаюцца тры каналы пранікнення і ўздзеяння антычнай спадчыны на працэс фарміравання сярэднявечнай філасофскай думкі Беларусі: балгара-візантыйскі, заходнееўрапейскі і араба-яўрэйскі.

Яшчэ ў перыяд Кіеўскай Русі распаўсюджвалася і інтэрпрэтавалася філасофска-лагічная спадчына Арыстоцеля. Візантыйскае праваслаўнае светаадчуванне фарміравалася ў складаным працэсе, які аб'ядноўваў безумоўнае прыняцце асноўных прынцыпаў хрысціянскага светатлумачэння, звычайнай канцэпцыі са сталасцю ўсведамлення і адчування высокага духоўнага здабытку антычнай філасофскай традыцыі. Ці не адгэтуль шматлікія пошукі патаемнага сэнсу ў біблейскіх тэкстах, разуменне якога даступна толькі даведчаным. Прынамсі, такое злучэнне прывяло да паступовага ачышчэння хрысціянскага веравучэння ад рэштак наіўна-міфалагічнага мыслення, першабытнага матэрыялізму, спрыяла стварэнню тэалагічнай канцэпцыі на базе філасофскай рэфлексіі.

Аднак адзначаная тэндэнцыя рацыяналізацыі хрысціянскага светапогляду падчас яго першапачатковага афармлення не была адзінай, у асобных жанрах хрысціянскай літаратуры можна выявіць і іншы падыход да біблейскіх тэкстаў. Маецца на ўвазе перш за ўсё апокрыфная літаратура, якая была распаўсюджана і аказвала вялікі ўплыў на розум людзей, якія не ўваходзілі ў кола інтэлектуальнай эліты. Апокрыфная літаратура, вядома, захоўвала ў сваёй структуры шматлікія рысы міфалагічнага светаўспрымання. Аднак дзякуючы ўніверсальна-канцэптуальнай жанравай скіраванасці яна папаўняла адсутныя сувязі і вырашала наяўныя супярэчнасці ў біблейскіх тэкстах, спрыяла крышталізацыі іх зместу да пэўнай цэласнай карціны светаладу. Абедзве тэндэнцыі выявіліся ў развіцці старажытнарускай культуры, адбіўшыся ў арыгінальнай творчасці айчынных пісьменнікаў. На старажытнарускай глебе гэтыя два падыходы, зведаўшы пэўны сінтэз, сталі базавай асновай для эстэтызацыі агульнага ўспрымання свету ў старажытнарускіх кніжнікаў. Нараўне з сачыненнямі Дыянісія Арэапагіта, Іаана Экзарха Балгарскага, Іаана Дамаскіна, Тодара Раіцкага старажытныя русічы ахвотна чыталі і перакладалі апокрыфы на біблейскую тэматыку, а таксама візантыйскія хронікі, шмат у чым створаныя на іх аснове.

Філасофскія ідэі і прыродазнаўчыя звесткі, якія змяшчаюцца ў творах візантыйскіх багасловаў, сталі нараўне з апокрыфамі і іншымі жанрамі хрысціянскай літаратуры тым першасным базісам, на якім праз некалькі стагоддзяў пачала развівацца славянская філасофская культура. Адначасова візантыйская культура стала своеасаблівым транслятарам на старажытнарускую глебу шматлікіх элементаў антычнай культуры. Уздзеянне такой складанай і шматслаёвай з'явы, як візантыйская філасофская культура, на старажытнарускую духоўнасць у значнай ступені было апасродкаваным. Такім *пасрэднікам стала балгарская культура*. Менавіта Балгарыя першая з славянскіх дзяржаў зазнала ўздзеянне візантыйскай філасофскай і тэалагічнай традыцыі. Пераклады і каментары да важнейшых прац прадстаўнікоў усходняй патрыстыкі былі зробленыя менавіта тут, а ўжо потым распаўсюдзіліся на ўвесь славянскі свет.

Пры падыходзе да аналізу культуры феадальнага тыпу агульнапрынятым лічыцца факт яе ўнутранай аднароднасці і інертнасці ў развіцці. Тыя стэрэатыпы, што ляжаць у аснове падобнага падыходу, так ці інакш абапіраюцца на парадыгму даследаванняў заходнееўрапейскага федалізму – своеасаблівага эталона ў медыявістыцы. У дачыненні да айчыннай гісторыі гэта адвольнае дапушчэнне небяспечнае ігнараваннем адрозненняў розных этапаў станаўлення, скажэннем карціны даследуемага прасторава-часовага кантынума. Пры дэталёвым аналізе культурнай спадчыны ўсходнееўрапейскага федалізму можна заўважыць не толькі нарастанне спецыфічнасцей пэўнай протаэтнай культуры (напрыклад, кіеварускай цывілізацыі), але і ўзнікненне ў яе рамках рэгіянальных адрозненняў [1, 2].

Асаблівасцю палітычнага жыцця Заходніх і Паўночна-Заходніх старажытнаарускіх зямель была наяўнасць у буйных гарадах княстваў дастаткова моцнага веча і звязаных з ім грамадскіх структур. Калі на поўдні дзякуючы высокаму развіццю земляробства хутка аформіўся клас феадалаў, які ў сярэдзіне XII ст. практычна выціснуў з сістэмы кіравання ўсе іншыя саслоўі дзяржавы, то на захадзе да гэтага часу склалася зусім іншая грамадска-палітычная сітуацыя. Тут не было такіх спрыяльных умоў для земляробства, затое злучаліся найважнейшыя гандлёвыя шляхі. Усё гэта прыводзіла да ўмацавання ўплыву сярэдняга класа – купцоў і гарадскіх рамеснікаў. У гарадах вялікую вагу мела слова веча, якое шанавалася нароўні са словам князя, а ў пытаннях унутранага жыцця было дамінуючым. Да гарадоў з развітай вечавай дэмакратыяй адносіўся Полацк. Яе ўплыў тут асабліва ўзмацніўся ў 20-я гады XII ст., калі ў сувязі з пашырэннем феадальнай раздробленасці пачаў рэзка зніжацца прэстыж княжай улады [1, 3, 4]. Цэнтрам культуры Полацка была Полацкая Сафія, у гарадскіх манастырах пісаліся і перапісваліся кнігі, збіралася бібліятэка. Аднак адзіная крыніца, якая дайшла да нас з дамангольскага Полацка, – «*Жыціе Еўфрасінні Полацкай*» [5], спадчынніцы княжага роду, унучкі імянітага Усяслава Полацкага. Еўфрасіння пасля прыняцця манаства займалася перапісаннем кніг, верагодна, пісала і сама. Яе прыгажосць і розум сталі легендарнымі, у народнай памяці яна засталася своеасаблівым сімвалам старажытнага Полацка.

Адрозненне гэтага помніка ад крыніц, створаных у Кіеве, заключаецца ў тым, што тут істотна змякчаецца сітуацыя канфрантацыі зямнога і нябеснага пачаткаў Універсуму. Не адмаўляючы безумоўны прыярытэт духоўнага над матэрыяльным, аўтар «Жыція» прызнае адносную каштоўнасць апошняга, а гэта зусім іншы акцэнт у раскрыцці суадносін матэрыяльнага і ідэальнага ў старажытнаарускай філасофіі. Аўтар «Жыція» пераносіць супрацьпастаўленне матэрыяльнага і духоўнага з анталогічнай сферы ў часавую, а звязка «дрэннае матэрыяльнае і добрае духоўнае», якая з’яўляецца пануючай у кіеўскай грамадскай думцы, тут ператвараецца ў звязку «часовае матэрыяльнае і вечнае духоўнае»; прыгажосць зямнога хуткаплынная і таму менш каштоўная, чым прыгажосць духоўная.

Еўфрасіння сыходзіць ад сусвету не з прычыны непрыняцця яго, а менавіта з-за імкнення да вечнай добрасці. Сыход да манастыра ёсць для яе ўцёкамі ад штодзённасці зямнога існавання, імкненне вырвацца з часовай мітусні да вечнага духоўнага, значэнне якога не знікае. «Но что успѣша преже нас бывшей родове наши? И женишася, и посагаша, и княжиша, но – не вѣчно. Житие их мимо тече, и слава их погибе, яко прах и хуждѣше паучины» [5].

У адрозненне ад агіёграфы Кіева, аўтар полацкага «Жыція» ніколі не разглядае вобраз Еўфрасінні ізалявана, як светлае, што абкружана цёмным. Палітра, якой малюецца атачэнне святой, значна больш разнастайная. Сваім учынкам яна не толькі сама ўзвысілася, але і праславіла горад, у якім нарадзіла-

ся, сваіх бацькоў і нават матчына ўлонне. Такім чынам, святая разглядаецца праз шырокі канкрэтна-жыццёвы кантэкст, ды і сама Еўфрасіння ніколі не адмаўлялася ад свайго атачэння, шанавала і паважала яго. У «Жыціі» праз агіяграфічную абалонку выразна праглядаецца разуменне чалавека не толькі як раба божага, але і як грамадзяніна горада, члена канкрэтнага соцыуму, і гэта другое для аўтара твора не менш важнае за першае.

Значна прыглушаныя аскетычныя ноткі і ў маральных патрабаваннях разглядаемага «Жыція». Яны накіраваны не на прыніжэнне асобнага пачатку перад веліччу Боскага Абсалюту, а на выхаванне чалавека, на ўдасканаленне яго ў духу хрысціянскіх маральных прынцыпаў, гуманістычнасць якіх, асабліва на ранніх этапах распаўсюджвання гэтай рэлігіі, несумненная: «Видѣвши же стадо божественных овец совокуплено множество, радовашеся им, яко своему спасению; на всякъ день учаше терпѣнию, воздержанию; уныя же учаше душевней чистотѣ и бестрастию телесному, говѣнию благообразну, ступанию кротку, гласу смиренну, слову благочинну, ядению и питию безмолвну, при старѣйших – молчати, мудрѣйших – послушати, ко старѣйшим – покорени, к точным и меньшим – любовь без лицемѣрия, мало вѣщати, а множайшее разумѣти» [5]. На нашу думку, у дадзеным фрагменце, які запазычаны з твораў Васілія Вялікага, выкладзены не абстрактныя маральныя палажэнні, а канкрэтныя выхаваўчыя павучанні, звод своеасаблівай жыццёвай мудрасці, накіраваны на зямное выхаванне, а не на нябеснае адрачэнне.

Часавы характар супрацьпастаўлення нябеснага і зямнога ў «Жыціі Еўфрасінні Полацкай» накладвае свой адбітак і на эстэтыку помніка. Ён маляўніча аформлены разнастайнымі метафарамамі і сімваламі; так, Еўфрасіння параўноўваецца з кветкай райскага саду, «с небопарным орелом, попаривши от запада до востока, яко луча солнечная просвѣтивши всю землю полотскую» [5]. У «Жыціі» заўважны ўплыў былінна-эпічнага стылю з яго спецыфічнымі паўтарамамі, хвалай і зваротамі. Разнастайнымі фарбамі малюецца ў «Жыціі» бачны свет, прыгажосць якога вельмі цікавіць аўтара, шмат высокіх слоў сказана тут і пра галоўную гераіню.

Такія, як нам падаецца, спецыфічныя рысы полацкага «Жыція», помніка, дзе выразна праглядаецца разуменне асобы як самастойнай каштоўнасці, ва ўсёй сукупнасці яе якасцей. «Жыціе Еўфрасінні Полацкай» адлюстроўвае сітуацыю рэальнага цяжару паўсядзённасці і руціннасці, імкненне неардынарнай асобы вырвацца з палону стэрэатыпаў і жыццёвых забабонаў да свабоды самавыяўлення і творчасці, г. зн. той рэальнага канфлікту, які можна аднесці да разрады вечных і перыпетыяў якога вывучалі мысліцелі ўсіх часоў і народаў. Менавіта гэту праблему імкнецца вырашыць Еўфрасіння Полацкая, прымаючы манаскі вобраз.

У «Жыціі Еўфрасінні Полацкай» адсутнічаюць і іншыя элементы кіеўскай агіяграфіі. У прыватнасці тут амаль не развіта лінія д'ябальскага пачатку зла, а зварот да нячыстага ў «Жыціі» хутчэй фармальны, чым сэнсавы. Свет

Еўфрасінні гарманічны і нават натуральны. Дзея адбываецца ў рэальных прасторы і часе. Такое яркае адрозненне агульнай сістэмы светаадчування «Жыцця Еўфрасінні Полацкай» ад кіеўскіх узораў шмат у чым вытлумачвае тая грамадска-палітычная сітуацыя, што існавала ў старажытным Полацку. Менавіта вечавая дэмакратыя спрыяла парасткам самасвядомасці і палітычнай актыўнасці асобы. Пастаянны ўдзел шырокіх мас у жыцці горада ставіў розум у ранг найбольш важных дабрачыннасцей, спрыяў выхаванню чалавека на аснове сацыяльных прыярытэтаў і каштоўнасцей.

Ва ўмовах вечавай дэмакратыі адбывалася фарміраванне светапогляду другога выбітнага мысліцеля – мітрапаліта Клімента Смаляціча, які, як сведчыць летапіс, да прызначэння на кафедру быў манахам манастыра ў горадзе *Зарубе*, у Смаленскай зямлі, недалёка ад Оршы. У літаратурных крыніцах і ў народнай памяці захаваліся шматлікія сведчанні пра духоўныя багацці Смаленскай зямлі; тут, як і ў Полацку, вырашальнай палітычнай сілай было веча. На Смаленшчыне ў перыяд ранняга Сярэднявечча існавала шмат школ, дзе вялося навучанне не толькі пачатковай грамаце, але і курсу навук, аб'яднанаму візантыйскай традыцыяй пад назвай «філасофія». У Смаленску месцілася бібліятэка, дзе да сярэдзіны XII ст. было сабрана каля 1000 кніг.

Старажытнарускія летапісы вельмі сціплыя на ацэнкі. Так, там амаль не сказана пра творы Іларыёна, але Кліменту Смаляцічу і яго творчасці даецца вельмі высокая ацэнка. У Іпацьеўскім летапісе ёсць наступны запіс: «В то же лѣто . постави Издславъ митрополитомъ Клима скимникъ . и бы книжникъ . и философъ . такъ якоже в Роуской земли не башеть» [6, с. 236–237]. Аднак з вялікага мноства твораў Клімента Смаляціча захавалася толькі «ПОСЛАНИЕ, НАПИСАНО КЛИМЕНТОМ, МИТРОПОЛИТОМ РУСКИМ, ФОМЪ, ПРОЗВИТЕРУ СМОЛЕНСКОМУ, ИСТОЛКОВАНО АФОНАСИЕМЪ МНИХОМЪ». Самы старажытны з вядомых спісаў гэтага паслання быў знойдзены ў складанцы XV ст. бібліятэкі Кірыла-Белазерскага манастыра. Існуе некалькі выданняў гэтага помніка, а таксама шэраг прац, прысвечаных яму. Найбольш поўнай і аўтарытэтной працай па творчасці Клімента Смаляціча з'яўляецца даследаванне Н. Нікольскага [7]. У гэтым выданні змешчаны таксама тэкст ліста, які намі выкарыстоўваецца.

Уяўляе цікавасць пытанне аб паходжанні мянушкі Клімента Смаляціча – «Філасаф». Як вядома, у Старажытнай Русі філасафам (любомудрам) звычайна звалі вельмі адукаванага чалавека, дасведчанага ў розных навук, які прачытаў шмат кніг. Фактычна мянушка «Любомудр» была сінонімам мянушкі «Кніжнік». Аднак, як гэта досыць пераканаўча паказана Е. Галубінскім і Е. Э. Ганстрэмам, сэнсавы акцэнт слова «філасаф» у адносінах да Клімента Смаляціча гэтым не вычэрпваецца. Згаданыя навукоўцы лічаць, што дадзенае слова у дачыненні да рускага мітрапаліта сведчыць аб наяўнасці адмысловага звання, якое паказвае на атрыманне вышэйшай адукацыі па візантыйскім узору [8, с. 25; 9].

Мы не ведаем, дзе і як атрымаў Клімент вышэйшую адукацыю, але магчымасць атрымання яе – гэта важкі паказчык узроўню развіцця старажытна-рускага грамадства. Дарэчы, выкарыстанне слова «філосаф» у падобным адценні можна сустрэць у «Маленні Данііла Заточніка» («А Азь бо, княже, ни за море ходиль, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвеный сотъ. Тако и азь, по многим книгамъ исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих, аки в мѣх воды морския») [10]. Падобнае разуменне тэрміна можна знайсці і ў Кіева-Пячэрскім патэрыку.

Само манаскае жыццё, адрачэнне ад свету ёсць перадумова ачышчэння розуму з мэтай глыбейшага пранікнення ў сутнасць святых слоў. Клімент Смаляціч у сваіх развагах прытрымліваецца пункту гледжання тых хрысціянскіх пісьменнікаў, якія лічылі Біблію Богам дадзенай энцыклапедыяй Універсуму, веды ў якой запісаны адмысловым сэнсавым кодам, а расшыфроўка гэтага кода і ёсць веданне пра свет. Веды Клімент параўноўвае з агнём, які, набраўшы дастатковую моц, ачышчае золата і іншыя каштоўныя металы ад прымешкаў. Як агонь, калі разгараецца, становіцца ўсёмагутным, так і розум у выніку вучэння набывае здольнасць выяўляць праўдзівы сэнс Божых тэкстаў, ачышчаць вышэйшую мудрасць ад усяго вонкавага, выкліканага ўспрыманням слова Богага недасканалым чалавечым розумам. Памайстэрску карыстаючыся хрысціянскай экзэгетыкай, Клімент Смаляціч на падставе біблейскіх і евангельскіх тэкстаў абгрунтоўвае свой галоўны тэзіс аб неабходнасці спалучэння ў манаскім жыцці маральнага ўдасканалення шляхам паслушэнства і ўстрымання ад цялесных жарсцяў з дбайным вывучэннем Святога Пісання з мэтай пазнання праз яго бачнага і нябачнага свету, дзеля максімальнага набліжэння да сэнсу Богага адкрыцця, запісанага Богам у трох вялікіх кнігах, якімі ў эпоху Сярэднявечча лічыліся Святое Пісанне, Прырода і Чалавек. «Расматрай, любимиче, рассматряти велит и разумѣти, яко вся состоатся, и съдержатся, и поспѣваются силою Божию. Ни едина бо помощь развѣ помощи Божиа, ни едина же сила развѣ силы Божиа, “вся бо, рече, елико восхотѣ, и сътвори на небеси, и на земли, и в мори, и въ всѣх безднахъ”» [7, с. 37]. Прычым атрыманне такога роду ведаў Клімент не лічыць яшчэ за філасофію, разумеючы пад апошняй нешта больш высокае.

Ліст мітрапаліта Клімента Смаляціча да прэсвітара Фамы каштоўны для нас тым, што ў гэтым тэксце ўпершыню ў гісторыі старажытнаруускай культуры мы сустракаем адносна цэласнае разуменне прыроды і сутнасці пазнання. Прызнаючы неабходнасць рацыянальных ведаў і дбайнага духоўнага ўдасканалення, Клімент Смаляціч, нягледзячы на вузкасць дастасавання яго канцэпцыі, робіць у параўнанні з аскетычнай дагматыкай кіеўскіх манахаў значны крок наперад у трактоўцы разумовых здольнасцей чалавека. У «Пасланні...» адметна вылучаюцца і глыбокія гуманістычныя і асветніцкія тэндэнцыі.

Кірыла Тураўскі (1130–1182) – адзін з самых папулярных пісьменнікаў эпохі Кіеўскай Русі, прапаведнік, епіскап Тураўскі. Аўтар урачыстых слоў, па-

вучанняў, малітваў, канонаў. Творчасць Кірылы Тураўскага з'яўляецца своеасаблівай філасофскай квінтэсенцыяй айчыннага філасофствавання таго часу. Яно адносіцца ў асноўным да сферы маральнага багаслоўя, але ў той ці іншай ступені датычыць і іншых галін сярэднявечных ведаў – анталогіі (богастваральніцтва), гнасеалогіі (богапазнання), гістарыясофіі. Творы Кірылы Тураўскага сінтэзуюць тэндэнцыі і падыходы да пазнання існага, якія існавалі да яго ў філасофскай думцы Старажытнай Русі.

Творчасць Кірылы Тураўскага з'яўляецца своеасаблівым сінтэзуючым вынікам. Яна акумулюе ў сабе ўсе тыя рэальныя дасягненні, тэндэнцыі і кірункі, якія былі выпрацаваныя за папярэднія 150 гадоў развіцця айчыннай філасофскай думкі. Пры дбайным і ўдумлівым аналізе ў яго творах можна знайсці не толькі элементы рацыяналізму заходнерускіх мысліцелей, але і відавочныя рэмінісцэнцыі «Слова аб законе і міласці» мітрапаліта Іларыёна, а таксама супярэчную ім аскетэзу манаскага Кіева. У Кірылы Тураўскага ўсім гэтым элементам знаходзіцца сваё месца, а ў сукупнасці яны атрымліваюць дадатковае развіццё, узбагачаючы і дапаўняючы адзін аднаго. Вынікам гэтага шматграннага сінтэзу з'яўляецца першая ў гісторыі старажытнарускай філасофіі цэласна выяўленая вербалізаваная сістэма Сусвету, якая апісвае практычна ўвесь комплекс стасункаў паміж духам, матэрыяй і чалавекам, што вылучаліся сярэднявечным спосабам філасофствавання.

«Словы» і «Павучанні» Кірылы Тураўскага карысталіся вялікай папулярнасцю ў старажытнарускага чытача. Вядомы багаты лік спісаў гэтых твораў, якія змяшчаліся ў зборах рознага зместу: Апакаліпсісе, Скіцкім патэрыку, Пралозе з дадаткамі, Кормчай, Сінаксары, аднак часцей за ўсё творы Кірылы Тураўскага сустракаюцца ў Златаструі і Таржэственніку і змяшчаюцца побач з творамі Іаана Златавуста, Кірылы Іерусалімскага, Грыгорыя Багаслова, Епіфанія Кіпрскага. На светапогляд Кірылы Тураўскага моцны ўплыў аказалі анталагічныя пабудовы Псеўда-Дыянісія Арэапагіта і Іаана Дамаскіна, пры выкладзе і інтэрпрэтацыі іх поглядаў Кірыла Тураўскі вольна карыстаецца славянскай філасофскай тэрміналогіяй, створанай на аснове грэчаскай, па сваёй сутнасці і форме арыстоцэлеўскай і платонаўскай.

Зыходнай асновай пабудовы свету ў Кірылы Тураўскага з'яўляецца іерархічная лесвіца стварэнняў нябеснага і зямнога свету, якая створана Богам і стаіць пад ім. Пры характарыстыцы нябеснай іерархіі, Бога і чалавека Кірыла актыўна карыстаецца метафізікай святла, часта прыносячы ў ахвяру дагматычную дакладнасць прыгажосці і вобразнасці пабудовы тэксту. Так, анёлаў у адной з малітваў ён называе «пресветлою прадстояшымі пераходнаму свету агнеобразнымі светіламі, которые круговращаются над миром соблазнов» [11]. Як і яго папярэднікі, Кірыла Тураўскі ўсяляк ухваляе крэатыўныя здольнасці Бога. Ён называе яго творцам вякоў, падаўцам скону, стваральнікам боскіх сіл, які стварыў час і гады, гадзінамі адмерыў дзень і ноч, тым, хто пачынае гады і часы вымярае, хто мае ўладу жыцця і смерці над усімі,

што жывуць на зямлі. Такім чынам, Бог для пісьменніка ёсць першапрычына ўсяго, творца бачнага і нябачнага свету, першапачынальнага часу. У паўсталым свеце Бог з'яўляецца кіраўніком і суддзёй над усімі матэрыяльнымі і духоўнымі існасцямі. У аналізе адносін Бога і чалавека Кірыла Тураўскі сінтэзуе ў сваёй сістэме два розныя падыходы, якія існавалі ў старажытнаруускай грамадскай думцы да яго. Мы маем на ўвазе падыходы Іларыёна Кіеўскага і пячэрскіх манахаў. Калі першы рускі мітрапаліт пераважна акцэнтуюе сваю ўвагу на чалавечым моманце Боскай Тройцы, то манаства, як вядома, наадварот, бачыла ў Богу нейкі абстрактны Абсалют, цалкам вольны ад уплыву матэрыяльнага, які стаіць над светам на бясконцай вышыні. Роля чалавека палягае ў тым, каб максімальна прыпадобніцца гэтаму Абсалюту, усяляк прыгнятаючы сваю першааснову.

Кірыла Тураўскі, які быў выгадаваны ў манаскім асяроддзі і здзяйсняў подзвігі, прыемныя Богу, натуральна не мог пазбегнуць уплываў аскетычнага светапогляду. Ён кажа пра тое, што пры паступленні ў манастыр чалавек павінен добра ўсведамляць тыя ахвяры, якія неабходна будзе прынесці Богу, бо пастрыжэнне патрабуе поўнага растварэння, глыбокай нівеліроўкі ўласнага «Я» перад аўтарытэтам калектыўнага «Мы» манастыра: «Ты как свеча, – павучае Кірыла паслушніка, – волен себе до двери церкви, а потом не смотри, что и как с тобой сделают. Ты как одежда знай себя до тех пор, пока не возьмут тебя в руки, а потом не сожалей, если разорвут тебя на тряпки, имей же волю свою только до ворот монастыря, по принятию же всего отдает себя в послушание» [12, с. 39].

У найбольш разгорнутым выглядзе месца і роля чалавека ў сістэме Універсуму і комплекс яго ўзаемазасункаў з Богам разглядаюцца ў прыпавесках Кірылы Тураўскага. Адна з іх пабудаваная на грунце вядомага біблейскага сюжэта пра сляпога і кульгавага і прысвечаная тлумачэнню сутнасці Боскага прадбачання, пакарання і суда, а ў рэшце рэшт дае экзэгетычнае апісанне пабудовы свету, якое падаецца ў традыцыйнай для сярэднявечнага мыслення маральна-этычнай форме. У прыпавесці пад гаспадаром вінаграда Тураўскі разумее Бога, кульгавы – гэта цела чалавека, бо яно без душы хромае, сляпы ёсць чалавечая душа, вінаграднік – гэта рай, які атачае сцяна закону; у гэтай сцяне маецца ўваход, званы чалавечым розумам, праз які і адбываецца пазнанне Божай існасці. Гаспадар вертаграда, г. зн. Бог, усёмагутны і ўсёвідучы, ад яго погляду не схаваць чалавечыя грахі, за якія заўсёды надыходзіць адплата, як у замагільным свеце для душы, так і падчас Страшнага суда для душы і цела разам. Такое пакаранне чакае ўсіх, хто не думае пра служэнне Богу, але думае аб задавальненні сваіх патрэб на гэтым свеце, клапоціцца аб целе, не падумвае аб адказе за свае справы і лічыць сваю душу за мітуслівы пар і вецер. У прыпавесці пра добрага цара і мудрага дарадчыка Кірыла Тураўскі разважае аб прыродзе чалавечай свядомасці. Ён уяўляе цела чалавека горадам, якім кіруе добры цар-розум: «Царь же есть ум, обладаай

всѣм тѣлом. Зѣло же есть благ, и кроток, и милостив – о своем бо телеси паче всего печется, тому ища потребных и крася его одежами» [11], г. зн. што ён больш за ўсё клапаціцца аб целе, патурае сваім пачуццям, якія Кірыла называе жыхарамі гэтага горада. Аднак гэты цар неразумны ў тым, што не клапаціцца гэтак аб душы, не падумае аб бясконцых муках для нечасцівых, якія жывуць тут, не рыхтуецца для будучага веку, для жыцця духоўнага і праведнага. Павіннымі ў гэтым з'яўляюцца сябры цара – жыццёвыя думкі, якія не даюць думаць аб смерці; толькі адзін мудры дарадчык стала нагадвае цару аб небяспехах, якімі пагражае яго бестурботнасць. І толькі начная мітрэнга і хваляванні, г. зн. хвароба чалавека, прымушаюць яго пакінуць зямныя клопаты і, бянтэжачы яго розум, заклікаюць узброіцца супраць небяспек. Пад гэтай зброяй Тураўскі разумее пост, малітву, слёзы, устрыманне і духоўную чысціню, паказваючы тым самым, што сапраўднае выратаванне чалавека ад злой матэрыяльнасці – гэта манастырскае жыццё і манаская мараль.

Аднак перамога над матэрыяльным пачаткам з'явілася непасільнай нават для такога спрактыкаванага манаха-праведніка, якім быў Кірыла Тураўскі. І гэта выразна паказваюць яго малітвы, якія, па меркаванні мітрапаліта Яўгена, былі напісаныя ўжо ў самым канцы жыцця старажытнарускага мысліцеля. З іх відаць, што шматгадовае супрацьстаянне спакусам матэрыяльнага свету ў канчатковым выніку не дало рэальнага плёну. Кірыла Тураўскі паранейшаму пачуваецца грэшнікам, яго мучыць страх Божай кары, ён усведамляе неадпаведнасць сваёй існасці пастаўленым духоўным мэтам: «Я предстою обреченный делами моими, нахожусь в отчаянии и не имею перемен к лучшему, струны моей души послушны ветрам греха, я сбился с правого пути, ведущего в жизнь, и уклонился на стезю беззакония. И совесть моя меня осуждает и все люди порицают, в унынии я оканчиваю все дни жизни моей, очи сердца моего ослеплены, я запятнал свою душевную рану и все тело осквернил земными деяниями, непотребному блюду я отворил чувственные двери, непрерывно от юности и донныне я делал все злое непотребное и подобно неплодной смоковнице боюсь посещения, когда придет смертная секира и придаст меня на жертву огню неугасимому» [12, с. 219].

Прычынай такога стану душы Кірыла Тураўскі лічыць абцяжаранасць духу матэрыяй. «Мой розум прыгвожджаны да зямнога», – усклікае ён. Слабасць чалавечай прыроды не дазваляе пазбавіцца яму ад цяжару, які Кірыла па прыкладзе пячэрскіх айцоў заве д'ябальскім, персаніфікуючы матэрыю ў злы пачатак. Чалавек, створаны самаўладным, усё ж слабы, каб процістаяць матэрыі: «Ты не знаешь, немощь моей природы, что я слабее всякой паутины при богоугодных подвигах» [12, с. 46]. Так Кірыла Тураўскі нечакана, здавалася б, з абсалютна процілеглага боку падыходзіць да падобнай з Іларыёнам думкі аб немагчымасці для чалавека цалкам абстрагавацца ад зямных запатрабаванняў, якія з'яўляюцца натуральнымі і ўплываюць на паводзіны і думкі чалавека.

Акрамя Бога і чалавека, Кірыла Тураўскі з пазіцыі дамаскінскай «Крыніцы веры» разглядае і іншыя існасці, якія складаюць іерархічную лесвіцу. Так, у малітвах ён згадвае аб розных прадстаўніках анельскага чыну: анёлах і архангелах, херувімах і серафімах, сілах і ўладах, аб высокіх пачатках, аб дваццаці легіёнах, якія размяшчаюцца вакол Божага пасаду і моляцца за ўвесь свет. Аднак такі характар выявы хутчэй імпліцытны, чым экспліцытны, бо ў тэкстах Тураўскі выступае заўзятым абаронцам абстрактна-дагматычнага разумення сусветнай іерархіі. Ён перасцерагае ад літаральнага разумення людскасці Хрыста, лічачы, што па сваёй сутнасці ён усё роўна застаецца Богам. І калі Хрыстос завецца чалавекам, то не вобразам, а прыпавесцю, бо чалавек не мае ніводнага падабенства Божага. Такім жа сімвалам з'яўляецца і анельскі вобраз манаха, які з-за сваёй матэрыяльнай прыроды стаць анёлам па сутнасці не можа, бо сапраўдныя анёлы належаць цалкам іншай субстанцыі – яны бесцялесныя, светлападобныя і якасна невымерныя. Кірыла Тураўскі з пазіцыі усходняй патрыстыкі карыгіруе тэзіс кіеўскіх старцаў аб тым, што сапраўдны манах з'яўляецца анёлам, звяртаючы ўвагу на важны з пункту гледжання тагачасных філасофскіх традыцый момант несупадзення субстанцыі манаха і анёла. Гэтае якаснае адрозненне дазваляе казаць пра анельскі стан не як пра рэальнае жыццё манаха, а як пра нейкі абстрактны ідэал, якога нельга дасягнуць, а можна толькі імкнуцца да яго. Што тычыцца Божага трыадзінства, то нават аб падабенстве яму не можа ісці размова; усе згадванні ў Пісанні на гэты конт ёсць толькі нейкі сімвал-загадка, які патрабуе расшыфроўкі, літаральнае ж яго разуменне прыводзіць да ерасі.

Гэтымі дагматычна абстрактнымі развагамі аб прыродзе Бога Кірыла Тураўскі не абмяжоўваецца. У «Слове аб расслабленым» дадзеная тэма атрымлівае некалькі нечаканы працяг. Нібы забыўшыся пра свае шматлікія схаластычныя развагі аб прыпадабненні чалавека вышэйшай духоўнай персоне, Кірыла загаварыў аб Богу «ў чалавечым абліччы». Ён ёсць літасцівы да чалавека і яго Збаўца.

Бог ведае аб існаванні ўсякага чалавека, галоўнага свайго стварэння, для выгоды якога ёсць ўся бачная прырода. І калі шлях чалавека да Бога цяжкі і да канца не пераадольны, то Бог асабіста спрычынены да ўсяго, што адбываецца ў свеце, не патрабуючы ніякіх лесвіц для свайго ўзыходжання; і ў гэтым таксама яго веліч. Гэты тэзіс, якому Кірыла Тураўскі надае форму прыпавесці, спрыяў разуменню Бога як выратавальніка і памагатага, набліжэнню яго ўяўлення пра Бога да канцэпцыі вышэйшага Абсалюту мітрапаліта Іларыёна, да такога разумення, якое даступна не толькі абраным манахам-аскетам, але і шырокім народным масам.

Значнае месца ў творчасці Кірылы Тураўскага займаюць пытанні гнесеалогіі. Аднак, прызнаючы каштоўнасць ведаў, ён адначасова рэзка абмяжоўвае рамкі пазнання Універсуму. Кірыла Тураўскі ўсяляк прапагандуе мудрасць, заклікае дбайна чытаць і разумець Божыя кнігі [12, с. 101].

Але ўсё ж мудрасць носіць у Кірылы Тураўскага абсалютны характар, уяўляючы нейкую нерухомую ідэальную субстанцыю, якая павінна ўвайсці ў душу чалавека без усякіх змен. Здольнасцю ж да самастойных разваг валодаюць толькі тыя, хто асвячоны знакам Святога Духа. Гэтым дарам, па меркаванні пісьменніка, валодаюць толькі прарокі і айцы царквы [12, с. 150]. Тыя, хто не адзначаны Божым знакам, могуць толькі выкладаць прачытанае, бо ў «грэшнай душы не рождаецца ні дело доброе, ні слово полезное». Большасці людзей Кірыла Тураўскі наогул адмаўляе ў магчымасці разважаць, лічачы, што «утруждающий свой мутный ум и имеющий худой разум, не могущий по порядку изложить течение мысли подвергается насмешке, подобно слепому стрельцу, не могущему попасть в намеченную цель» [12, с. 249].

Істотныя навацыі ў параўнанні са старажытнарускімі папярэднікамі ўносіць Кірыла Тураўскі ў эстэтыку тэксту. Разгорнутую і скончаную форму ў яго набывае метада дэманстрацыі праўдзівасці дагматычных тэзісаў. У Тураўскага гэтая дэманстрацыя выступае ў выглядзе своеасаблівага сілагізму з выяўленымі вялікімі і малымі пасылкамі, сувязь паміж якімі, аднак, не фармальна-лагічная, а асацыятыўна-сімвалічная. Прывядзём адзін з фрагментаў тэксту: «велики и древни сокровища, дивно и радостно откровение доброго и сильного богатства, сильны и преобильны многие останки честной трапезы... Слова евангельские, которые Христос многократно изрекал ради человеческого спасения – суть пища душам нашим. Его славный честный дом церковь имеет искусных строителей – патриархов, митрополитов, епископов, которые через чистоту и веру сделались близкими к Богу... принимают различные дары учения и искупления дара Христова» [12, с. 249]. Відавочна, што першая частка ёсць канстатаванне звыклых для абыдзённай свядомасці фактаў, якія затым шляхам знакавых асацыяцый звязваюцца з высунутымі дагматычнымі сцверджаннямі. Што датычыцца высновы, то яна павінна быць адназначнай і яе прапануецца зрабіць слухачу. На гэтым жа прынцеце дэманстрацыі ў асноўным палягаюць разгледжаныя прыпавесці Кірылы Тураўскага, дзе да просценькага і зразумелага нават неабазнанаму слухачу сюжэта шляхам асацыяцый прывязваюцца даволі складаныя для разумення дагматычныя і анталагічныя сімвалы.

Яшчэ адзін значны момант для характарыстыкі эстэтыкі тэксту Кірылы Тураўскага адзначае У. У. Колесаў. Ён зважае на строгую спарадкаванасць мовы старажытнаруускага мысліцеля. «Мастацкае адкрыццё Кірылы, – лічыць ён, – палягае ў самым першым у гісторыі рускай мовы і вельмі паслядоўным збліжэнні двух асноўных стыляў царкоўнаславянскай і рускай, у надзвычай тонкім разуменні іх спецыфікі і прыёмаў выкарыстання ў мастацкай мове. Слова “жизнь”, “житье”, “живот” у рускіх тэкстах XI–XII стст. паўстаюць у неакрэсленым ужыванні, часта чаргуюцца адно з адным і фактычна з’яўляюцца дублетами без пэўнай дыферэнцыяцыі ў значэнні і ўжыванні. У Кірылы ж гэтыя словы маюць строгую дыферэнцыяцыю. “Живот” – гэта вечнае жыццё

духу, “жыць” – гэта пакутнае існаванне. Трэцяе слова гэтага шэрага пакрывае сваім значэннем абодва папярэднія, агульнае значэнне гэтага слова – адухоўленае цела або дух у целе» [13, с. 38].

Тут перад намі своеасаблівая трыяда, дзе два словы процістаяць адзін аднаму, а трэцяе нясе сінтэзуючае значэнне. Такое глыбокае разуменне мысліцелем уласна семантычных законаў дазваляе яму будаваць шматузроўневыя канструкцыі, адрозныя не толькі сэнсавай, але і філасофскай цэласнасцю. Гэтая трыядычнасць бачная ў творах Кірылы Тураўскага не толькі на ўзроўні слова, але і сказа і тэксту ў цэлым. Па сутнасці, тут перад намі метады дзялектычнага разважання, заснаваны на прынцыпах аналізу і сінтэзы, якія дазваляюць Кірылу Тураўскаму разглядаць складаныя сэнсы праз простыя іх праявы. Гэтае паслядоўнае ўжыванне трыяд дае права казаць не толькі аб стылі выкладання, але і аб характары мыслення Кірылы. На яго зрабілі ўплыў сістэма пачуццёва-эстэтычнага ўспрымання і філасофствавання, якая склалася да таго часу на Русі, а таксама традыцыі позневізантыйскага рытарызму. Апошнія мелі абвостраную сістэму перадачы сэнсу, выразную лагічнасць тэксту, што даходзіць часам да фармалізму, які зрабіў традыцыйна лаканічным усё – аж да метафар і іншых прыёмаў упрыгожвання апавядання.

У тэкстах Кірылы Тураўскага мы бачым уключэнне традыцыйна рускіх канкрэтна-сімвалічных вобразаў, на якіх будавалася ўся дамангольская літаратура, у цвёрдыя рамкі схаластыкі і сярэднявечнай дзялектыкі, што з’яўляецца новым для старажытнарускай грамадскай думкі. Гэтае злучэнне закладвае пэўныя перадумовы для вылучэння, у прынцыпе, з сінкрэтычнага цэлага старажытнарускай літаратуры, літаратуры чыста філасофскай са сваімі сродкамі аналізу і адмысловай тэрміналогіяй; а ў творах Кірылы Тураўскага яна вельмі актыўна выкарыстоўвалася. Значную частку творчай спадчыны мысліцеля складаюць творы прамоўніцкага плана. Тры з іх, прысвечаныя падзеям Велікоднага тыдня, маюць, на наш погляд, асаблівую каштоўнасць для вывучэння поглядаў Кірылы Тураўскага на гісторыю. Высокае філасофскае напаўненне твораў, прысвечаных, здавалася б, пэўным дням праваслаўнага календара, шмат у чым тлумачыцца агульным разуменнем хрысціянскімі мысліцелямі сутнасці Велікоднага свята.

Рэлігійна-тэалагічнае разуменне свята вынікае з агульнай хрысціянскай канцэпцыі прасторава-часовага кантынууму. Свет хрысціяніна, такім чынам, аказваецца падзеленым на дзве асноўныя часткі: дні заняткаў свецкімі справамі і дні служэння Богу. І гэтыя апошнія дні з’яўляюцца святамі. Хрысціянскае свята ёсць прарыў з абыдзённасці ў вечнае, той часавы момант, дзе здабываюць рэальнае існаванне, нароўні з сучаснасцю, мінулае і будучыня – час непасрэднага суперажывання ключавых момантаў біблейскай, новазапаветнай і царкоўнай гісторыі, якія складаюць у сукупнасці гісторыю чалавецтва наогул. У гэтым плане свята Вялікадня ператвараецца для Кірылы ў грандыёзнае яднанне ўсіх прасторавых і часавых пластоў у нейкую адзіную

кропку. Прычым гэтае яднанне адбываецца ў вышэйшай фазе развіцця кожнага элемента структуры свету, якая дасягаецца адначасова да гэтага дня. Прырода, нябесны свет, чалавек славяць і вітаюць Бога ва ўсёй сваёй красе. Ды і сам Бог у дзень Вялікадня становіцца аднолькава даступным для ўсіх – для людзей і для анёлаў, і ў гэтым таксама прыгажосць і веліч Велікоднага дня: «Поистине велик день сей, не потому, что он больше часом, но ради великих чудес, совершенных спасителем» [12, с. 73]. Вялікдзень ёсць дзень абсалютнага абнаўлення свету [12, с. 80].

Карціна свята Вялікадня малюецца Кірылам Тураўскім шляхам складанага скрыжавання розных сэнсавых шэрагаў, якія плаўна і незаўважна пераходзяць адно ў другое, ствараючы карціну ўзаемазвяззі і непадзеленасці. Усё накіраванае на ўзнаўленне адчування і стану агульнага яднання – бо ўвесь бачны і нябачны свет ёсць вынік творчага чыну Бога, увесь Універсум жыве па аднолькавых законах, накіраваных звыш, ён ірэальны і першасна зададзены. Велікодны тыдзень – гэта і паўтор асноўных вех Свяшчэннай гісторыі, якія як бы з двух бакоў атачаюць момант Божага цуду. Час да Вялікадня – гэта час закону, перыяд, які заканчваецца антыпасхай, гэта час распаўсюджвання хрысціянскай веры і хрысціянскай маралі ва ўсім свеце, у тым ліку і на Русі, час ператварэння ўсяго зямнога і нябеснага [12, с. 86].

Новы Бог не патрабуе ад чалавека ніякіх матэрыяльных ахвяр, галоўнае для яго – маральнасць чалавека, і таму ахвяры Богу павінны быць маральныя. Галоўны ж дарунак, які чалавек можа прынесці Богу, – гэта адмова ад матэрыяльных памкненняў і поўнае манаскае паслушэнства: «Увенчаем братие царственный день и принесем с верою дары по силе кто что может: тот милостыню и беззлобие, и любовь, другой – чистое девство, веру и смирение, иной чтение псалмов и учение апостольское и молитву с воздыханием» [12, с. 74]. Хрысціянства, адмаўляючыся ад фармальнай маралі, лічыць асноўным прынцыпам, які дазваляе адрозніваць дабро і зло, не прытрымліваючыся традыцыям і законам, а карысць або шкоду, нанесеныя дзеяннямі чалавеку. Так, у прыпавесці Кірылы Тураўскага «расслабленный», якога абвінавацілі ў тым, што ён вылечыўся ў суботу, адказвае наступнае: «Вы ослеплены умом и хромаете, спотыкаясь о свою неправду. Если выздоровление мое не есть добро, то, во всяком случае, оно не есть зло... господь помог мне на одре болезни и весь мой недуг обратился в здоровье... Никто из нас не обижен, данный мне дар не для кого из вас не служит лишением» [12, с. 80].

Вялікдзень для Кірылы Тураўскага як часавы пункт мае трыякае значэнне: старазапаветнае як памяць аб выратаванні іўдзеяў у Егіпце, новазапаветнае як памяць аб распяцці і крыві Хрыста і сучаснае – тую гадзіну, калі мы дзякуючы прычасцю можам ачысціцца ад сваіх грахоў. І, нарэшце, Вялікдзень, – што самае галоўнае для Кірылы Тураўскага, – гэта адзіны дзень новага Царства, даступны нам для сузірання, гэта дзень, «когда тварь веселится, будучи освобождена от работы вражьей, и врата адские потряслись и силы бесовские

ужаснулись. Ныне горы и холмы испаряют радость. Ангелы дивятся, видя на Земле невидимого в небесах, видят сидящего на жеребце сущего на престоле, херувимы видят обступаемого народом, неприступного небесным силам» [12, с. 82]. Вялікдзень – гэта дзень надзеі на вызваленне ад нягод зямнога жыцця, дзень веры ў магчымасць прылучэння чалавецтва да вышэйшага Абсалюту.

Творчасць Кірылы Тураўскага, несумнеўна, артадаксальная па сваёй прыродзе. У ёй цяжка знайсці нешта, што рэзка выходзіць за межы традыцыйных канонаў візантыйскай дагматыкі і эстэтыкі, бо стагоддзі хрысціянскі светапогляд, які канчаткова сфарміраваўся да канца XII ст., ужо не даваў старажытнарускім кніжнікам такой магчымасці. Шматлікія выслоўі і абароты мовы, якімі карыстаецца Кірыла, знаёмыя па творах ранніх аўтараў. І ўсё ж творчасць гэтага мысліцеля з’яўляецца значнай вяхой у развіцці старажытнарускага філасофствавання. Гэтая творчасць увабрала ў сябе асноўныя кампаненты той карціны свету, якая сфарміравалася ў сучаснай тураўскаму мысліцелю духоўнасці. У творах Кірылы Тураўскага, напэўна, упершыню ў арыгінальнай старажытнаруускай літаратуры актыўна выкарыстоўваецца філасофская тэрміналогія, шырока ўжываецца пры разгортванні высноў і ўсяго тэксту арыстоцэлеўская дыялектыка, а знакамітыя трыяды дазваляюць лёгка перасоўвацца па Дыянісавай іерархічнай лесвіцы, якая для Кірылы з’яўляецца ўніверсальным прынцыпам пабудовы свету. Значны ўнёсак Тураўскі епіскап зрабіў у фарміраванне старажытнаруускай эстэтыкі тэксту. Яго творы, як і «Слова аб законе і міласці» мітрапаліта Іларыёна, у далейшым набылі агульнарускую значнасць і ў якасці кананічнага ўзору, і як мастацкі твор карысныя для выхавання душы і прыемныя для чытання.

Спадчына Кірылы Тураўскага можа быць разгледжана як сінтэзуючы вынік у развіцці кіева-рускай духоўнасці. Адначасова яна была тым мастком, праз які мысліцель арганічна ўваходзіў у пласт прабеларускай культуры, што зараджаўся ў гэты час. Дух своеасаблівай усходнеславянскай антычнасці перадаюць нам не толькі самі тэксты, але і пэўныя філасофскія пазіцыі, якія захоўваліся і шмат у чым працягваюць існаваць і цяпер, нягледзячы на ўсе складаныя перыпетыі айчыннай гісторыі. Як у эпоху Кіеўскай Русі, так і ў пачатковы перыяд фарміравання нацыянальнай супольнасці праявы індывідуальна-асобаснага пачатку былі дэтэрмінаваныя перш за ўсё вядучай грамадскай тэндэнцыяй умацавання і стабілізацыі ваенна-дзяржаўнай арганізацыі і яе ідэалагічных інстытутаў. Само значэнне чалавека зыходна вызначалася прынцыпам саслоўнасці, абумоўлівалася ступенню рэалізацыі яго магчымасцей у дзвюх найважнейшых сферах – сферы ваенна-палітычнага, дзяржаўнага дзеяння і ў сферы духоўнай, ідэалагічнага адлюстравання тагачасных працэсаў.

Пачатак XII ст., паводле даных гісторыкаў (у прыватнасці, Л. Гумілёва), з’яўляецца часам заняпаду Кіева-Рускай дзяржавы. «Першым адпаў Полацк...

Затым, у 1135 г., аддзяліўся Ноўгарад. Да пятнаццатага стагоддзя гэтая зямля прыйшла ў поўнае запусценне і стала засяляцца выхадцамі з Беларусі» [14, с. 24].

Канец дзяржавы, мабыць, можа разглядацца і як канец таго феномена, які можа быць названы філасофскай думкай Кіеўскай Русі. Для ўсіх наступных інтэлектуальных з’яў трэба шукаць іншыя назвы. У любым выпадку пачатак XII ст. можна назваць нараджэннем беларускай філасофіі са сваімі асаблівасцямі і спецыфікай развіцця.

Ідэалогія Вялікага Княства Літоўскага фарміравалася на некалькіх узаемадапаўняльных прасторавых падставах. Сярод іх тая прававая і палітычная спадчына, якую пакінула Русь, была першапачатковай [15–19]. Яшчэ некалькі стагоддзяў пасля распаду Кіева-Рускай дзяржавы працягвала дзейнічаць Руская Праўда, беларуска-літоўскія летапісы пачыналіся з пералічэння важнейшых момантаў «Аповесці мінулых гадоў», а адрозненне прабеларускіх крыніц ад кіеўскіх узораў патрабуе для свайго выяўлення танчэйшага філасофскага і філалагічнага аналізу. Атрымліваецца так, што культура Кіеўскай Русі перажыла гісторыю той дзяржавы, у рамках якой яна была створана, а традыцыя стаўлення да важнейшых светапоглядных пытанняў, закладзеная ў першай рускай дзяржаве, зазнала больш павольныя змены, чым сама палітычная структура.

І гэта ёсць адна з асаблівасцей сярэднявечнай духоўнасці, якая заўсёды ўтрымлівала ў сабе як доўгую гістарычную памяць, так і пакорную павагу да аўтарытэту мінулага. З-за гэтых абставін яшчэ некалькі стагоддзяў пасля згасання Кіеўскай Русі беларускія і літоўскія кніжнікі, храністы, «чыноўнікі» велікакняжацкай канцылярыі, духоўныя асобы і дыпламаты працягвалі вывучаць і старанна перапісваць старажытнарускую спадчыну, а гэтыя рукапісы прымаліся не як чужое або састарэлае, а як сваё і актуальнае. І толькі наступная за Сярэднявеччам эпоха Ренесансу прынесла ў гэты стос культуры нешта новае. Толькі тады канчаткова ў якасці паўнапраўных духоўных складнікаў сюды былі дапушчаны іншыя плыні – заходнееўрапейская і еўрапейская.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Майхрович, А. С. Поиск истинного бытия и человека: из истории философии и культуры Беларуси / А. С. Майхрович. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 245 [2] с.
2. Майхрович, А. С. Становление нравственного сознания: из истории духовной культуры Беларуси / А. С. Майхрович. – Минск : Беларус. кнігазбор, 1997. – 204 с.
3. Джаксон, Т. Н. Austr í Gørdum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках / Т. Н. Джаксон. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 207 с.
4. Краўцэвіч, А. К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага=Powstanie Wielkiego Księstwa Litewskiego / А. К. Краўцэвіч. – Rzeszów : [б. в.], 2000. – 238 с.
5. Житие... преподобной Евфросинии, игумении Спаса-Вседержителя в граде Полоцке [Электронный ресурс] / подг. текста и пер. Н. В. Понырко ; коммент. В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой. – Режим доступа : <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10128#> – Дата доступа : 03.02.2014.

6. Полное собрание русских летописей. – М. : Изд. вост. лит., 1962. – Т. 2 : Ипатьевская летопись. Воспроизведение издания 1908 г. – 938 с.
7. Никольский, Н. К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века / Н. К. Никольский. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1892. – [4], VIII, 229, [3] с., 221 л. факс.
8. Гранстрем, Е. Э. Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом» / Е. Э. Гранстрем // Тр. Отд. древнерус. лит. – 1970. – Т. XXV. – С. 18–30.
9. Голубинский, Е. Вопрос о заимствовании до-монгольскими Русскими от Греков так называемой схедаграфии, представляющей собою у последних высший курс грамотности / Е. Голубинский // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. – 1904. – Т. 2, № 9. – С. 49–59.
10. Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси : XII век / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. – С. 388–399, 688–690.
11. Слова и поучения Кирилла Туровского [Электронный ресурс] / подг. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова и Н. В. Поньрко. – Режим доступа : <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4936>. – Дата доступа : 03.02.2014.
12. Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского с предварительным очерком истории Турова и Туровской иерархии до XIII века / изд. преосвященного Евгения, еп. Минскаго и Туровскаго (ныне Астраханскаго и Ептаевскаго). – Киев : Тип. Киево-Печерск. Лавры, 1880. – [4], CIV, 296 с.
13. Колесов, В. В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского / В. В. Колесов // Тр. Отд. древнерус. лит. – 1981. – Т. XXXVI. – С. 37–49.
14. Гумилёв, Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л. Н. Гумилёв. – М. : Прогресс-Пангея, 1992. – 334, [1] с.
15. Plokhy, S. The Origins of the Slavic Nations: premodern identities in Russia, Ukraine, and Belarus / S. Plokhy. – Cambridge, UK ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2006. – XIX, 379 p.
16. Nowak, F. Medieval Slavdom and the rise of Russia / F. Nowak. – N. Y. : Cooper Square Publ., 1970. – XII, 132 p.
17. Горский, В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в. / В. С. Горский. – Киев : Наук. думка, 1988. – 215 с.
18. Яковенко, Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття / Наталія Яковенко. – Київ : Генеза, 1997. – 380 с.
19. Bain, R. N. Slavonic Europe : a Political History of Poland and Russia from 1447–1796 / R. N. Bain. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1908. – VIII, 452, 454 p.

А. А. Падалінская

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

**ФІЛАСОФСКАЯ ДУМКА БЕЛАРУСІ Ў ЭПОХУ АДРАДЖЭННЯ:
ДЫЯЛОГ ФІЛАСОФСКИХ ТРАДЫЦЫЙ**

Раскрываюцца змест і характар філасофскай думкі Беларусі ў эпоху Адраджэння, паказваецца спецыфіка дыялагічнага паяднання розных ідэйных комплексаў і філасофскіх традыцый, вызначаюцца асаблівасці рэцэпцыі філасофскіх плыняў розных гістарычных этапаў. Выяўляюцца асноўныя канстытутыўныя характарыстыкі філасофскай думкі Беларусі, якія сфарміраваліся дзякуючы шматузроўневаму абмену і дыялогу паміж рознымі культурнымі і цывілізацыйнымі сістэмамі.

Ключавыя словы: *філасофская думка Беларусі, Адраджэнне, гуманізм, антычная традыцыя, этнаканфесійны дыялог, грамадска-палітычныя ідэі і канцэпцыі, рэфарміраванне*

Е. О. Подлинская

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ:
ДИАЛОГ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ**

Раскрываются содержание и характер философской мысли Беларуси в эпоху Возрождения, показывается специфика диалогического объединения различных идейных комплексов и философских традиций, определяются особенности рецепции философских течений разных исторических этапов. Выявляются основные конститутивные характеристики философской мысли Беларуси, которые сформировались благодаря многоуровневому обмену и диалогу между разными культурными и цивилизационными системами.

Ключевые слова: *философская мысль Беларуси, Возрождение, гуманизм, античная традиция, этноконфессиональный диалог, общественно-политические идеи и концепции, реформирование*

A. Padalinskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**PHILOSOPHICAL THOUGHT OF BELARUS IN THE RENAISSANCE:
A DIALOGUE OF PHILOSOPHICAL TRADITIONS**

The article reveals the content and nature of philosophical thought of Belarus in the Renaissance; the specificity of dialogical unity of different ideological complexes and philosophical traditions is showed; the features of reception of philosophical directions of different historical stages are determined. There are revealed the basic constitutive characteristics of philosophical thought of Belarus that were formed due to multilevel exchange and dialogue between different cultural and civilizational systems.

Keywords: *philosophical thought of Belarus, Renaissance, humanism, ancient tradition, ethno-confessional dialogue, social and political ideas and concepts, reforming*

У эпоху Адраджэння ў беларускай філасофскай думцы суіснавалі і ўзаемадзейнічалі новыя і састарэлыя, перадавыя і кансерватыўныя ідэі. Гэта было абумоўлена складанасцю і супярэчліваасцю гістарычнага развіцця тагачаснай Беларусі, а таксама тым, што на беларускіх землях перакрыжоўваліся два магутныя ідэалагічныя патокі – заходні і ўсходні, сутыкаліся і сінтэзаваліся тры культурныя эпохі – Антычнасць, Сярэднявечча і Адраджэнне. Размяшчэнне паміж Усходам і Захадам, паміж праваслаўем і каталіцтвам, паміж Рускай дзяржавай і Польшчай вымагала вырашэння такіх важных праблем, як мірнае суіснаванне розных рэлігійных, ідэалагічных і светапоглядных традыцый, аб'яднанне намаганняў для захавання духоўна-культурнай ідэнтычнасці. Спецыфічнае становішча Беларусі вызначыла такую яе асаблівасць, як адкрытасць для пранікнення духоўнага вопыту іншых культур як у прасторы, так і ў часе.

Рэнесанс (франц. *Renaissance* – Адраджэнне) – гэта эпоха інтэнсіўнай культурнай і філасофскай творчасці, асноватворнай рысай якой з'яўляецца ўздым інтарэсу да антычнай спадчыны. На аснове антычнай культуры сфарміраваўся новы рэнесансна-гуманістычны светапогляд, зарадзіліся новыя філасофскія вучэнні, узрасла цікавасць да культур іншых народаў, актывізавалася творчая, рэлігійная і грамадска-палітычная дзейнасць.

Пачатак XVI ст. – гэта, як вядома, час пранікнення і зацвярджэння ў Беларусь гуманістычных ідэй, што заключалі ў сабе спробы новага асэнсавання антычнай спадчыны, незалежнай ад традыцыйных кананічных схем. Гуманістычны рух прыйшоў у Беларусь з Захаду і актуалізаваўся ў дыскурсе прадстаўнікоў айчыннай рэнесанснай культуры. Новая генерацыя гуманістаў выкарыстоўвала антычную філасофскую спадчыну як інструмент для канцэптуальнага афармлення ўласных ідэйна-тэарэтычных вучэнняў. Філасофія ў разуменні гуманістаў – гэта адыход ад анталагічнай праблематыкі і лагічна-тэалагічнай сістэмы, за выключэннем арыстоцэлеўскай логікі, пазбяганне разважанняў на тэалагічныя тэмы і звяртанне да маральных, палітычных і прыродных праблем. Філасофія пачынае разглядацца не столькі як тэарэтычныя веды, колькі як практычная мудрасць, што дае адказы на жыццёвыя пытанні, якія ўзнікаюць перад чалавекам.

С. А. Падокшын вылучыў тры перыяды ў развіцці беларускай філасофскай думкі эпохі Рэнесансу: ранні (пачатак XVI ст. – 1550-я гады) – пранікненне ў грамадскую свядомасць ідэй рэформ і рэлігійна-духоўнага абнаўлення; развіты (другая палова XVI ст.) – сінтэз рэфармацыйна-гуманістычнай тэорыі з рэальнай сацыяльна-палітычнай, царкоўнай і культурнай практыкай; позні (канец XVI – пачатак XVII ст.) – рацыяналізацыя і філасафізацыя рэнесансна-гуманістычнай думкі і выхад яе на агульнаеўрапейскую арэну, развіццё айчыннай культуры барока [1, с. 46–48; 2, с. 58–60]. І хаця гэтыя тры перыяды адрозніваліся паміж сабой па спецыфіцы грамадскага жыцця, узроўню разумовай культуры, ідэйнай дамінанце, аднак такое дзяленне можна лічыць

умоўным, бо ўсе гэтыя перыяды характарызуе пэўны шэраг агульных тэндэнцый у развіцці духоўнай культуры, пра што пойдзе гаворка далей у гэтым артыкуле, якія дазваляюць казаць пра адзінства і сінкрэтызм эпохі Рэнесансу ў цэлым.

На працягу XVI – першай паловы XVII ст. на геакультурнай прасторы Беларусі складваюцца рэальныя перадумовы станаўлення духоўнай культуры новага тыпу, якая вызначаецца наступнымі рысамі:

пашырэнне разнастайных палітычных, культурных і гандлёвых кантактаў Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) з Заходняй Еўропай; рост гарадоў, інтэнсіўнае развіццё эканомікі і таварна-грашовых адносін;

нарматыўна-прававое ўпарадкаванне грамадскага жыцця, кадыфікацыя і сістэматызацыя прававых норм, стварэнне агульнага зводу законаў – трох Статутаў ВКЛ, імкненне абгрунтаваць высокае маральна-гуманістычнае прызначэнне права, што садзейнічала развіццю такога кірунку палітыка-прававой думкі княства, які быў звязаны з канкрэтнай заканадаўчай практыкай XVI ст.;

завяршэнне палітычнай інтэграцыі ВКЛ і Польшчы і ўзнікненне адзінай федэратыўнай дзяржавы – Рэчы Паспалітай; цэнтралізацыя палітычнай улады; рост палітычнай вагі сярэдняй і дробнай шляхты; фарміраванне новай спецыфічнай грамадска-палітычнай сістэмы – шляхецкай дэмакратыі; актывізацыя дзейнасці гараджан, якія выступалі не толькі як актыўная грамадска-палітычная, але і культурна-стваральная сіла;

уласцівыя гуманістычнаму руху тэндэнцыі – дэканструкцыя сярэднявечнага светапогляду і павышэнне цікаўнасці да праблем чалавека, да грамадска-палітычнай праблематыкі, да праблем дзяржаўнасці і права, кадыфікацыі і судаводства, да маральнай праблематыкі, арыентацыя на гуманітарныя веды, актуалізацыя культурнай спадчыны Антычнасці, што сведчыла аб адсутнасці адэкватных тэарэтычных сродкаў асэнсавання новай культуры;

інтэграцыя ў культурным каркасе Рэнесансу самых разнастайных традыцый і культур – антычнай, сярэднявечнай, рэнесанснай, заходняй, усходняй (арабскай, яўрэйскай), што вызначыла плюралізм і дыялагізм айчыннай культуры. Ва ўмовах суіснавання і ўзаемадзеяння самых разнастайных культурных традыцый і канфесій на геакультурнай прасторы ВКЛ сфарміравалася своеасаблівая культура талерантнасці;

пашырэнне рэнесансна-гуманістычнага і рэфармацыйнага рухаў, якія прынеслі новую моўную стыхію (лацінская і польская мовы), садзейнічалі правядзенню шэрага дзяржаўных рэформ, развіццю ў краіне адукацыі, кнігадрукавання, мецэнацтва, фарміравання новай філасофіі і новага светапогляду, выпрацоўкі ідэй рэфарміравання грамадства.

Філасофскі прагрэс, які абазначыўся ў перыяд гуманістычнага і рэфармацыйнага рухаў, характарызаваўся як колькасцю новых, сапраўды прагрэсіўных ідэй, так і маштабам ідэй старажытных, якія фарміравалі і накіроўвалі развіццё разумовай дзейнасці, вызначалі яе характар і своеасаблівасць. Рэнесансная

філасофская думка працягвала развівацца ў кантэксце сярэднявечнай літаратуры і тэалогіі, таму несла адбітак папярэдняй эпохі. Але пад уплывам ідэй гуманізму яна набыла прагрэсіўны характар, дасягнула ўзроўню крытычнай рэфлексіі папярэдняй спадчыны і выпрацоўкі новых схем рацыянальнага мыслення. Спецыфікай рэнесанснага гуманізму на геакультурнай прасторы Беларусі было канстытуіраванне яго ў тэалагічным кантэксце, што дало падставу некаторым даследчыкам называць дадзены тып гуманізму – хрысціянскім. Менавіта ў межах гуманістычнага дыскурсу назіраюцца спробы рэфарміравання самога канону, абнаўлення рэлігійнай дактрыны. І хаця гуманісты вельмі часта падвяргалі крытыцы некаторыя пастулаты артадаксальнага хрысціянства, тым не менш грамадскія праблемы ўбіраліся ў рэлігійную абалонку і гуманісты рэпрэзентавалі свае шматлікія ідэі, канцэпцыі, прынцыпы ў рэлігійна-тэалагічным выглядзе.

У межах гуманістычнай прасторы адбываўся інтэнсіўны і шматузроўневы абмен і ўзаемаўзбагачэнне філасофскімі ідэямі і тэорыямі як у сінхронным, так і ў дыяхронным часавых зрэзах. Творчасць айчынных мысліцеляў характарызувалася разнастайнасцю прадстаўленых філасофскіх, грамадска-палітычных, палемічных твораў, якія эклектычна спалучалі антычныя, сярэднявечныя і рэнесансныя ідэі. Гэта вызначыла разнастайнасць і мазаічнасць беларускай філасофскай культуры. У эпоху Адраджэння на геакультурнай прасторы Беларусі былі прадстаўлены такія філасофскія кірункі, як арыстацэлізм, платанізм, цыцэраніянізм, стаіцызм, эпікурэізм, а таксама ідэі патрыстычнай, схаластычнай і рэнесанснай філасофіі. Але і ў межах аднаго кірунку назіраліся розныя версіі аднаго і таго ж вучэння. Так, арыстацэлізм у эпоху Адраджэння рэпрэзентаваўся ў некалькіх версіях – аўтэнтычнай, неа-платанічнай, схаластычнай, арабскай і яўрэйскай. Нават пры наяўнасці пераемнай сувязі паміж усімі гэтымі версіямі, гэта былі плыні розных эпох і культур са сваёй якаснай асаблівасцю, якая вызначалася характэрнымі для кожнай эпохі і культуры сацыяльнымі патрэбамі, духоўна-культурнымі працэсамі, этнарэлігійнымі традыцыямі. Побач з арыгінальным Арыстоцелем пачынаючы з позняга Сярэднявечча выступаў і Псеўда-Арыстоцель.

Філасофскае мысленне эпохі Адраджэння з'яўлялася прыкладам канструктыўнага дыялогу паміж рознымі культурнымі і цывілізацыйнымі сістэмамі (антычная, сярэднявечная і рэнесансная). Прычым гаворка ідзе не пра ўзаемны абмен ідэямі, а пра наследаванне кожнай наступнай эпохай дасягненняў эпох папярэдніх, пра пераемнасць у праблематыцы і ў яе паняццёва-катэгарыяльным напаяўненні, у зместавай інтэрпрэтацыі паняццяў і катэгорый, у падыходах да пастаноўкі і вырашэння праблем, што з'яўляецца істотнай прыкметай і асноўным канстытутыўным элементам любой нацыянальнай філасофіі.

Складанасць міжкультурнага дыялогу заключалася ў разнастайнасці канфесійных традыцый, філасофскіх практык і цывілізацыйных пераваг. У межах адзінага інтэлектуальнага поля адбывалася міжкультурная камунікацыя

прадстаўнікоў розных рэлігійных традыцый і кірункаў (хрысціянства, прадстаўленае праваслаўем, каталіцтвам, рэфармацыйнымі плынямі, а таксама іўдаізм і іслам). Ступень дамінацыі тых ці іншых філасофскіх ідэй залежыла ад светапогляднай асновы, рэлігійных прыхільнасцяў, этнакультурных традыцый таго ці іншага мысліцеля. Забяспечвалася шматстайнасць светапоглядных падыходаў, ідэалагічных парадыгм і ідэйных канцэпцый. І. В. Саверчанка адзначае ўнікальнасць старабеларускай філасофскай спадчыны на ўзроўні ідэй, тэматыкі і праблематыкі, бо ў ёй знайшлі адлюстраванне дыскусіі розных узроўняў і кірункаў, напоўніцу адбіўся паўнаватасны дыялог паміж сацыяльнымі станами, урадоўцамі і грамадзянамі, прадстаўнікамі розных плыняў хрысціянства [3, с. 451].

Трэба адзначыць, што філасофскі дыялог адбываўся як у межах адной гуманістычнай прасторы, так і асобнага твора. Кожны рэнесансны трактат – гэта прыклад дыялогу розных філасофскіх сістэм і кірункаў. Нягледзячы на эклектызм рэнесансных твораў, награвашчванне розных цытат як з антычных, так і з сярэднявечных філосафаў, усе запазычванні былі падпарадкаваныя адной канцэптуальнай ідэі. Цытаты з антычных філосафаў толькі надавалі вагі і аўтарытэту ўласнаму твору. Запазычаныя ідэі Антычнасці спазнавалі мадыфікацыі, відазмены, пераасэнсаванне на грунце мясцовых культурна-гістарычных і светапоглядных традыцый.

Дыялог філасофскіх культур у эпоху Рэнесансу бярэ свой пачатак яшчэ з часоў Сярэднявечча, калі антычныя філосафы выступалі ў інтэлектуальнай сістэме старабеларускага рэгіёну комплекса. У Беларусі існавала традыцыя, калі царкоўныя дзеячы ў дагматычных мэтах выкарыстоўвалі не толькі Евангелле, але і старажытных філосафаў – хрысціянізаваных і трансфармаваных Арыстоцеля, Платона і інш. Так, у прадмове да Брэсцкай Бібліі 1563 г. падкрэсліваецца карысць антычнай філасофіі для хрысціян. Калі антычныя філосафы «пісалі пра рэчы прыроджаныя, то розумы іх практычна сягалі неба і Пана ўсемагутнага, якога не ведалі, але практычна дакладна ў сваіх творах праяўлялі. Платон, Арыстоцель, Сенэка, Цыцэрон і шмат іншых, якія пісалі пра патрэбнае захаванне ў дабрадзейным жыцці, нібыта былі хрысціянамі, дзе паказвалі як павінен сябе захоўваць парадачны чалавек... калі і асаблівае завастрэнне розуму і вялікую карысць з іх браць могуць (хрысціяне), і як дабрадзейна жыць на свеце маюць» [4, с. 2].

У філасофскай думцы Беларусі пад уплывам ідэй гуманізму сфарміравалася новая канцэптуальная інтэрпрэтацыя рэчаіснасці, якая мела практычную скіраванасць на праблемы чалавека і грамадства. У кантэксце рэнесанснай культуры адбылася элімінацыя анталагічнай праблематыкі і лагічна-тэалагічнай сістэмы, за выключэннем арыстоцэлеўскай логікі, і зварот да маральных, палітычных і прыродных праблем. Беларускія гуманісты апелывалі да сацыяльна-палітычнай і этычнай праблематыкі, што было выклікана неабходнасцю ўдасканалення палітыка-прававых інстытутаў, маральна-этычных норм

і каштоўнасцей і рэфарміравання царкоўна-рэлігійнага светапогляду. Праблемы логікі, натурфіласофіі і метафізікі, якія распрацоўваліся ў заходнееўрапейскай схаластыцы, не знайшлі на землях ВКЛ дастаткова шырокага развіцця. У галіне анталогіі і гнасеалогіі новыя ідэі выяўляліся пераважна ў рэлігійна-тэалагічнай форме (рэлігійны рацыяналізм Сымона Буднага).

Зварот да антычнай філасофіі, галоўным чынам Платона, Арыстоцеля, Цыцэрона, у філасофскай думцы Беларусі эпохі Адраджэння акрамя інтэлектуальнага меў і грамадска-практычны інтарэс. Неабходнасць рэфарміравання грамадства згодна з новымі рэнесансна-гуманістычнымі ўстаноўкамі прыводзіла да рэцэпцыі антычных узораў сацыяльна-палітычнага мыслення. Адбывалася запазычванне ідэйных канструктаў антычнага грамадскага ўладкавання і разумення грамадска-палітычных адносін. Значнасць уплыву філасофіі Арыстоцеля тлумачылася асаблівасцямі яго палітычнага вучэння, якое задавальняла патрэбы грамадства таго часу. У арыстоцелевай «Палітыцы» знаходзілі вырашэнне праблем звычайў і абавязкаў грамадзяніна, форм дзяржаўнага ладу і кіравання, на «поўную моц» браліся ідэі агульнага добра і справядлівасці, дасягнення найлепшага ладу жыцця, пры якім можа быць рэалізавана справядлівае дзеянне закону. Гэтыя ўстаноўкі з'яўляліся неабходным фактарам для станаўлення і ўмацавання асноў свецкай дзяржавы. Да таго ж «Палітыка» Арыстоцеля змяшчала ў сабе шмат пазачасавых указанняў, неабходных для практыкі кіравання грамадствам. Праблема рэцэпцыі антычных канцэпцый з мэтай пабудовы ўласных тэорый была характэрна для інтэлектуальнай культуры Адраджэння ў цэлым. Прадстаўнікі айчынной палітычнай думкі Андрэй Волан, Аўгусцін Ратундус Мялецкі, Леў Сапега, а таксама польскія мысліцелі Андрэй Фрыч Маджэўскі, Станіслаў Арэхоўскі, чые творы былі шырока вядомыя ў Вялікім Княстве Літоўскім, і іншыя сваімі праграмамі грамадскіх рэформ і ідэямі дзяржаўнага адзінства і суверэннітэту, незалежнасці свецкай улады ад царкоўнай, прававой роўнасці саслоўяў узнялі грамадскую думку Рэчы Паспалітай да ўзроўню сусветных дасягненняў.

У гуманістычнай філасофска-этычнай думцы Беларусі пазначанай эпохі ажыццяўляўся працэс пераадолення сярэднявечна-тэалагічных уяўленняў. Вырашэнне маральных праблем было непасрэдна звязана з практычнымі задачамі таго часу. Чалавек імкнуўся абгрунтаваць сваё права на ўласнае разуменне Бога, на пазнанне самога сябе і свету, на творчасць і актыўную пераўтваральную дзейнасць. Даследуючы праблемы агульнага і індывідуальнага добра, натуральнага паходжання маралі, духоўнай свабоды і справядлівасці, сувязі маралі і палітыкі, маральнага ўдасканалення грамадства і асобы і г. д., айчынным мысліцелі ўсё часцей звярталіся да філасофска-этычных вучэнняў Антычнасці, да рэальнага гістарычнага вопыту і ўсё менш спасылаліся на Біблію. Рэнесансная этыка выражала памкненні на практычнае ўвасабленне антычных маральных прынцыпаў.

Грамадская думка Беларусі эпохі Рэнэсансу акумулявала антычную культурную спадчыну і балансавала паміж антычнымі і сярэднявечнымі мысліцелямі, выбіраючы з іх дактрын патрэбныя элементы для фарміравання ўласных вучэнняў. Адбывалася збіранне, супастаўленне і спалучэнне чужых думак, але вынікам такога сплаву заўсёды з'яўлялася спроба стварэння свайго, арыгінальнага сінтэзу, які не зводзіўся да сумы выкарыстаных крыніц. Так, Францыск Скарына, Мікола Гусоўскі, Міхалон Літвін, Сымон Будны, Андрэй Волан, Аўгусцін Ратундус, Саламон Рысінскі, Афанасій Філіповіч, Стэфан Зізаній і Лаўрэнцій Зізаній, Андрэй Рымша, Іпацій Пацей, Станіслаў Арэхоўскі, Аарон Алізароўскі і іншыя добра ведалі старажытную спадчыну, выкарыстоўвалі антычныя ідэі і канцэпцыі і цытавалі класічных філосафаў. С. А. Падокшын лічыць, што дадзенымі мысліцелямі быў выпрацаваны шэраг кампрамісных форм узгаднення антычнай, сярэднявечна-хрысціянскай і рэнэсансна-гуманістычнай культурна-філасофскіх традыцый [5, с. 93–94]. Як і еўрапейскія гуманісты, айчынныя мысліцелі выкарыстоўвалі пераважна этычныя і сацыяльна-палітычныя аспекты антычнага арыстацэлізму, платанізму, стаіцызму, эпікурэізму.

Філасофская думка Беларусі сталага Рэнэсансу мае яскрава выражаную сацыяльную скіраванасць. Актуальнымі былі праблемы сацыяльнай этыкі, палітыка-прававыя і юрыдычныя пытанні. Погляды гуманістаў на актуальныя пытанні тагачаснага дзяржаўнага і грамадскага жыцця часцяком рэпрэзентаваліся ў розных па жанры творах у выглядзе разважанняў, рэфлексій на тую ці іншую грамадска-палітычную тэму. Менавіта ў сацыяльна-філасофскай літаратуры Беларусі выкрышталізавалася ідэя пабудовы прававой краіны, неабходнасці панавання на ўсіх абшарах Вялікага Княства Літоўскага пісанага права, адзінага закону. Ідэі інтэлектуальнага плюралізму, талерантнасці і свабоды рэлігійнага самавызначэння, ідэі свабоды слова і свабоды думкі, рэлігійнай цяпцімасці, сацыяльнага партнёрства, неабходнасці асветы і адукацыі «паспалітага» люду прысутнічаюць у творчасці Ф. Скарыны, М. Гусоўскага, М. Літвіна, Л. Зізанія, С. Буднага, В. Цяпінскага і інш.

Вялікі гуманіст, асветнік, мысліцель і першадрукар Францыск Скарына дзякуючы навучанню ў Кракаўскім і Падуанскім універсітэтах пазнаёміўся з ідэйнымі пазіцыямі польскіх і італьянскіх гуманістаў, у першую чаргу паслядоўнікаў Арыстоцеля, што праявілася ў абмеркаванні ім ключавой анталагічнай праблемы Сярэднявечча – пра стварэнне свету «з нічога»: «Кто убо от филозофов мог поразумети, абы господь бог словом своим с ни з чего сотворил вся видимая и невидимая, но старейшине их Аристотелю, глаголющю: “З ни с чего ничто же бысть”» [6, с. 105]. Пра тое, якім аўтарытэтам карыстаўся Арыстоцель у Ф. Скарыны, сведчыць яго сцвярджэнне, што ў Бібліі схавана не толькі боская «Саламонава», але і жыццёвая «Арыстоцелева» мудрасць. На матэрыялах Святога Пісання асветнік імкнуўся раскрыць «семь наук вызволенных», сярод якіх значнае месца займала логіка Арыстоцеля. У адпавед-

насці з «Першай аналітыкай» Ф. Скарына трактаваў логіку як навуку аб доказе: «она же учитъ з доводом разознати правду от кривды» [7, с. 46].

Для Францыска Скарыны характэрна імкненне да гарманізацыі і сінтэзу вучэнняў дзвюх папярэдніх эпох. Мысліцель спалучаў у адзіны цэласны комплекс мудрасць Саламона і Арыстоцеля, узнімаючы тым самым аўтарытэт філасофска-этычных ідэй антычнага свету. Так, вызначаючы крытэрыі маральнай свядомасці, ён дапаўняў антычную справядлівасць хрысціянскім чалавекалюбствам. Вядомы гуманіст не толькі хрысціянізаваў антычную этыку, але і гуманізаваў хрысціянскія духоўныя каштоўнасці. Ф. Скарына рэнесансныя па сваім змесце сацыяльна-філасофскія ідэі прапаноўваў у сярэднявечнай форме тлумачэння Бібліі, якая давала адказы на ўсе пытанні тэарэтычнай філасофіі і практычнай мудрасці. У прадмовах Скарыны адбываецца секулярызацыя маральна-этычных поглядаў. Ідэалам для асветніка з'яўляўся чалавек, які спалучаў у сабе біблейскую і філасофскую мудрасць, гэта значыць усю сукупнасць ведаў рэнесанснай эпохі. Не адмаўляючы хрысціянскіх каштоўнасцей, ён выказваўся за асваенне еўрапейскай сістэмы адукацыі – «сямі вольных навук».

Найбуйнейшым прадстаўніком радыкальнага кірунку рэфармацыйнага руху ў Беларусі быў Сымон Будны. Ён надаў сістэматызаваны выгляд дактрыне антытрынітарызму згодна з крытэрыямі арыстоцелеўскай логікі. Творчасць гуманіста характарызуе рацыяналістычны спосаб інтэрпрэтацыі Бібліі і рэчаіснасці на аснове канцэптуальнага падыхода да Святога Пісання і натуралістычнае тлумачэнне догматаў і «цудоўных» з'яў прыроды. С. Будны не прысвяціў асобнага даследавання арыстоцелеўскай логіцы, але ў сваіх палемічных творах ён звяртаўся да логіка-дэдуктыўнага метаду, лагічных аперацый і метадаў, распрацаваных Арыстоцелем і ўдасканаленых заходнееўрапейскай схаластыкай.

Шляхам семантычнага і этымалагічнага аналізу С. Будны імкнуўся вызначыць адпаведнасць слова рэчы, што сведчыла пра наміналістычную, рэнесансна-гуманістычную тэндэнцыю ў яго гнэсеалогіі. У гэтым аспекце ён разглядаў і арыстоцелеўскую логіку, якую называў «дыялектыкай». «Што да таго, – пісаў С. Будны, – што я свае довады будую ў форме сілагізмаў, то я гэта раблю для лепшага разумення і сувязі. Няхай мае паважаныя апаненты ведаюць і памятаюць, што навука логіка, якая па-грэчаску называецца дыялектыкай, не выдуманая філосафамі, як гэта звычайна мяркуюць, а дадзена чалавеку Богам як асаблівы дар, і звязана з яго прыродай... У дыспутах апосталаў знойдзеш такія довады, быццам бы іх пісалі Парфірый ці сам Арыстоцель» [8, s. 123–124]. У творах Буднага сустракаюцца імёны Арыстоцеля, Платона, Гамера, Дэмафена, Вяргілія, Тэрэнцыя, Сенэкі, Цыцэрона, Плінія Старэйшага, Ціта Лівія, Салюсція, Аўгусціна, Томаша Аквінскага, Ларэнца Валы, Эразма Ратэрдамскага, Лютэра, Кальвіна і інш.

Папличнікам С. Буднага быў Ян Ліцыній Намыслоўскі, які прыехаў з Сілезіі з даволі акрэсленай праграмай – распаўсюджванне на тэрыторыі Вялі-

кага Княства Літоўскага ідэй антытрынітарызму. Я.-Л. Намыслоўскі з 1585 г. быў рэктарам арыянскай школы ў Іўі і выдаў у 1586 г. для гэтай школы «Дапаможнік для авалодання вучэннем Арыстоцеля», ці «Зброя вучэння Арыстоцеля» («Instrumentum doctrinarum Aristotelicum in usum Christianorum scholarum exemplis theologicis illustratum»). Гэта быў падручнік па логіцы, авалоданне якой дапамагала прадстаўнікам радыкальнага кірунку пратэстантызму абвяргаць асноўныя догматы хрысціянскай рэлігіі і забяспечвала іх патрэбнымі аргументамі для дыспутаў і рэлігійнай палемікі.

Адным з вядомых палітычных мысліцеляў і грамадскіх дзеячаў Вялікага Княства Літоўскага другой паловы XVI ст. з'яўляецца Андрэй Волан. У яго творах «Пра палітычную ці грамадзянскую свабоду», «Пра шчаслівае жыццё, або Найвышэйшае чалавечае дабро», «Пра гасудара і яго асабістыя дабрадзейнасці» выкарыстоўваюцца ідэі Арыстоцеля, Платона, Цыцэрона, Плутарха, Геродота і іншых антычных філосафаў і гісторыкаў. Гэтыя ідэі ў творчасці А. Волана набываюць суб'ектывісцкую інтэрпрэтацыю і запазычваюцца для канстытуіравання ўласнага этыка-палітычнага вучэння. У сачыненні «Пра палітычную ці грамадзянскую свабоду» А. Волан сфармуляваў асноўныя палажэнні ўласнай сацыяльнай філасофіі. Свае погляды на грамадзянскую свабоду і годнасць палітычны мысліцель падмацоўвае спасылкамі на Арыстоцеля, Платона, Цыцэрона, цытуе Гамера, Гесіода, Авідыя і іншых антычных пісьменнікаў.

Ужо ў 1-м раздзеле твора «Пра палітычную ці грамадзянскую свабоду» пры разглядзе праблемы рабства А. Волан спасылаецца на Цыцэрона: «Рабства ёсць найгоршым з усіх бедаў. Супраць яго трэба змагацца не на жыццё, а на смерць» [9, с. 12]. Для абгрунтавання сваёй крытычнай пазіцыі ў адносінах да рабства мысліцель прыводзіць прыклады з рымскай і грэчаскай гісторыі. Пры разглядзе праблем свабоды і маральных заганяў А. Волан спасылаецца на ідэі Платона, выказаныя ім у творах «Аб дзяржаве», «Законы» і «Эўфідэм». Следам за Платонам і Арыстоцелем палітычны дзеяч падзяляе даброты на духоўныя, цялесныя і маёмасныя і лічыць, што шчаслівымі людзей робіць не само валоданне дабротамі, а іх разумнае выкарыстанне [9, с. 19]. Таксама А. Волан пагаджаецца з выказваннямі Платона і Арыстоцеля наконт законаў: каб жыць у грамадстве шчасліва і быць свабодным, трэба падпарадкоўвацца законам. На думку Волана, свабода, якая ў канчатковым выніку забяспечвае шчасце, павінна праяўляцца ў законах, заснаваных на разумных і маральна прыгожых пачатках. Мысліцель, такім чынам, імкнецца звязаць этычныя і сацыяльна-палітычныя катэгорыі. Мараль і права для яго – аснова любой дзяржавы.

Вызначэнні дзяржавы, дзяржаўнага ўладкавання, форм кіравання, а таксама разгляд праблем права, шляхецтва, судаводства знаходзяцца ў А. Волана пад непасрэдным уплывам «Палітыкі» Арыстоцеля. Пры разглядзе праблем індывідуальнага дабра, шчасця, маральных каштоўнасцей, этычнага ідэалу, справядлівасці Андрэй Волан рэпрэзентуе добрае веданне этычнай дактрыны

Арыстоцеля. Ён падзяляе эўдэманістычную канцэпцыю грэчаскага філосафа, паводле якой прызначэнне зямнога чалавечага жыцця заключаецца ў шчасці, а шчасце залежыць у першую чаргу ад правільнага і свабоднага карыстання вышэйшымі дабротамі [10, s. 334]. Волян быў знаёмы не толькі з антычнай думкай, але і з сачыненнямі італьянскіх філосафаў і палітычных мысліцеляў эпохі Адраджэння – творамі Нікола Макіявелі, «Пра асалоуду, або Пра сапраўднае і фальшывае дабро» Ларэнца Вала.

У духоўнай культуры Беларусі з-за амаль поўнай адсутнасці навучальных устаноў ажно да 60-х гадоў XVI ст. амаль не існавала інстытуцыянальных умоў для развіцця філасофіі. Толькі з другой паловы XVI ст. узнікаюць каталіцкія, пратэстанцкія і праваслаўныя школы. Адукацыйная сістэма гэтых школ грунтавалася на «*septem artes liberales*», у аснову якой было пакладзена вывучэнне антычнай літаратуры, гісторыі, філасофіі. Філасофскім аўтарытэтам выступаў галоўным чынам Арыстоцель, асабліва ў галіне тэарэтычнай філасофіі, этыкі і палітыкі. Лацінская і грэчаская мовы вывучаліся па творах антычных аўтараў. І калі ў езуіцкіх школах арыстацэлізм узгаднялі з вучэннем Томаша Аквінскага, у праваслаўных – ідэі Арыстоцеля сумяшчалі з ідэямі айцоў царквы, то ў пратэстанцкіх – імкнуліся выкарыстоўваць ачышчаны арыстацэлізм. З цягам часу тэндэнцыя да сінтэзу розных дактрын узмацняецца і прыводзіць да пераўтварэння філасофскіх курсаў розных навучальных устаноў са схаластычных у эклектычныя, насычаныя разнастайнымі, супярэчлівымі філасофска-рэлігійнымі палажэннямі і ідэямі. Эклектызм выступаў як канструктыўны спосаб засваення ідэй новай філасофіі і навукі на падставе кампрамісу з традыцыйнымі рэлігійна-тэалагічнымі каштоўнасцямі і ідэаламі [11, с. 90].

У межах каталіцкага светапогляду назіраліся спробы да ўзгаднення дактрыны Арыстоцеля з хрысціянскімі ідэямі, у выніку чаго ўтварыўся схаластычны тып арыстацэлізму. З прыходам у Вялікае Княства Літоўскае езуітаў і ўтварэннем езуіцкіх калегій і Віленскай езуіцкай акадэміі каталіцкі дыкурс афармляецца як школьная дактрына ў выглядзе неасхаластычнага арыстацэлізму³. Езуіцкія школы адкрываюцца ў XVI–XVII стст. у Гродна, Мінску, Навагрудку, Оршы, Пінску, Полацку, Слуцку, Віцебску, Жодзішках, Бабруйску, Магілёве, Мсціславе і інш. [12, s. 173]. У навучальна-метадычнай пастанове (*Ratio studiorum*), якая была абавязковай для ўсіх езуіцкіх школ, указвалася, што выкладчыкі філасофіі «ўсюды павінны следаваць Арыстоцелю, акрамя тых месцаў, якія супярэчаць каталіцкаму вучэнню. Супрацьлеглыя аргументы варта рашуча адкідаць. Асабліва трэба асцерагацца Авероэса, нічога не казаць супраць св. Томаша» [13, с. 91; 14, s. 161; 15, s. 52].

³ У езуіцкіх калегіях было толькі два ніжэйшыя курсы, якія вывучалі сем вольных мастацтваў, але пры некаторых важнейшых калегіях былі яшчэ два вышэйшыя курсы: філасофскі (філасофія выкладалася пераважна па Арыстоцелю) і багаслоўскі, у якім панавалі аўтарытэт Томаша Аквінскага.

Першай вышэйшай навучальнай установай на абшары Вялікага Княства Літоўскага стала Віленская езуіцкая акадэмія, утвораная ў 1579 г. на базе Віленскага калегіума. Першую частку філасофіі ў Віленскім універсітэце складала логіка. Яна служыла дыдактычным мэтам і асноўвалася на «Арганоне» Арыстоцеля. Другую частку складала фізіка, трэцюю – метафізіка, а чацвёртую – этыка. Усе гэтыя часткі абапіраліся на адпаведныя творы Арыстоцеля, але, як правіла, выкарыстоўваліся не самі творы, а схаластычныя каментары да іх. Да практычнай філасофіі адносілі дысцыпліны, якія ўключалі праблемы маральнага і сацыяльнага быцця – этыку, эканоміку і палітыку. Выкладанне практычнай філасофіі пасля тэарэтычнай лічылася заканамерным, бо перш чым указаць шляхі для дасягнення шчасця, неабходна было ў пэўнай меры пазнаць агульныя законы Сусвету, прыроду самога пазнання. Пазнанне законаў прыроды і чалавечага мыслення разглядалася як падрыхтоўка да практычнай філасофіі. Выкладанне палітыкі было звязана з рэчаіснасцю Рэчы Паспалітай: у палітычнай тэорыі Арыстоцеля шукалі аргументы для абгрунтавання справядлівасці існуючага ладу дзяржавы і свярджалі, што выбарная манархія – гэта найлепшы грамадскі лад [16, s. 32].

Першы рэктар Віленскай езуіцкай акадэміі, аўтар працы «Соймавыя казанні» Пётр Скарга грунтаваў сваю грамадскую тэорыю на ідэях арыстацэлізму, якія выяўляліся ў дэфініцыі і класіфікацыі грамадскага ладу, а таксама ў агульных палітычных пытаннях [17, s. 294; 18, s. 39–41]. Яшчэ адным езуітам, у творчасці якога пераважаў эклектычны тып арыстацэлізму з перавагай тамізму, быў Марцін Сміглецкі. У сваёй «Логіцы» ён падрабязна аналізуе і каментуе логіку Арыстоцеля [19, s. 4].

Гуманістычная тэндэнцыя працягвае дамінаваць у Віленскім універсітэце і ў першай палове XVII ст. Выкладчыкі працягваюць звяртацца да класічнай Антычнасці, запазычваюць найлепшыя ўзоры антычнай філасофіі, што дало магчымасць назваць гэты перыяд «другім этапам Рэнесансу» [20, s. 331]. У асяроддзі выкладчыкаў аформіўся кірунак «маралістаў», як іх называлі сучаснікі, дзе адбывалася распрацоўка маральна-палітычнай дактрыны каталіцкай філасофіі. Філасофскія курсы «маралістаў» акцэнтавалі ўвагу на праблемах чалавека і грамадства, гэта значыць, што дамінуючае месца ў іх займала практычная філасофія. Да прадстаўнікоў гуманістычнай арыентацыі, якія імкнуліся ў межах схаластыкі вырашыць праблему прадмета філасофіі ў гуманістычным аспекце, належылі Мікалай Ленчыцкі, Лукаш Залускі, Станіслаў Лаўксмін, Тодар Білевіч і Аарон Алізароўскі.

Рэфармацыйны дыскурс вызначаўся спробай захавання духу сярэднявечнага арыстацэлізму шляхам рэдукцыі і элімінацыі з яго структуры палажэнняў, якія ўваходзілі ў супярэчнасць з сацыяльна-палітычнымі, рэлігійнымі, светапогляднымі і этыка-філасофскімі ўяўленнямі і патрэбамі людзей эпохі Адраджэння. Увага пратэстантаў засяродзілася на філасофскай і рэлігійнай антрапалогіі, гнасеалогіі, сацыяльнай этыцы ў агульным кантэксце біблей-

скай, дагматычнай і абрадавай крытыкі. Погляды рэфарматараў характарызаваў рацыяналістычнае богапазнанне, логіка-паняццёвы, сцэнтэтыцкі спосаб пазнання, які абспіраўся, у першую чаргу, на логіку Арыстоцеля. У творчасці С. Буднага, В. Цяпінскага, Я.-Л. Намыслоўскага, А. Волана, Пятра з Ганёндза разглядаліся пытанні структуры Бога, натуры Хрыста, разумення цудаў, індывідуальнай несмяротнасці душы, замагільнай узнагароды, суадносін ідэальнага і матэрыяльнага, пазнання, веры і розуму, багаслоўя і філасофіі і інш. У якасці падтрымкі ідэалагічных асноў рэфармацыйнай дактрыны выкарыстоўвалася не толькі логіка-метафізічнае вучэнне Арыстоцеля ў мэтах вядзення рэлігійнай палемікі, але і практычны корпус работ. Галоўнай заслугой рэфарматараў стала барацьба за інтэлектуальную свабоду і талерантнасць, крытыка дагматызму, даследаванне сацыяльна-палітычных аспектаў грамадскай думкі з улікам агульнаеўрапейскага духоўнага і палітычнага вопыту [21, с. 139].

Брацкія школы надавалі шмат увагі падрыхтоўцы навучэнцаў у сферы фармальнай логікі і ў мастацтве рэлігійнай палемікі, таму настаўнікі не абмяжоўваліся ўсходняй багаслоўскай традыцыяй, а ўводзілі ў педагагічны працэс творы або фрагменты твораў Платона, Арыстоцеля, Цыцэрона, Сенэкі і іншых антычных аўтараў. У брацкіх друкарнях праваслаўныя палемісты выдавалі свае творы і навучальныя дапаможнікі для брацкіх школ. Так, у тыпаграфіі Мамонічаў у 1586 г. у якасці падручнікаў для школы ўбачылі свет «Граматыка» і «Дыялектыка» А. Курбскага. «Дыялектыка» пачыналася артыкулам «От другие Диалектики Иоанна Спанинъбергера о силлогизме вытолковано», які змяшчаў вучэнне пра сілагізмы і быў прызначаны для патрэб школьнага асветніцтва як дадатак да «Дыялектыкі» Іаана Дамаскіна. Пра ўзровень лагічных і філасофскіх ведаў у Беларусі ў эпоху Рэнесансу могуць сведчыць лісты князя Андрэя Курбскага да Івана Жажлівага, дзе ён указвае, што ў Вялікім Княстве Літоўскім «некоторые челоуцы обретаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные» [22, с. 220]. Захаваўся рукапіс перакладу А. Курбскага на рускую мову «Дыялектыкі» Іаана Дамаскіна. Да гэтага перакладу быў прыкладзены «Сказъ А. Курбского о Лоике», дзе знаходзім: «Се уже братія возлюбленные и единопзычные за благодатию Христа нашего и Диалектика, або Лоика, наука она светлейшая словесная преведена есть... учите же и навывайте ее неленосне, и аще ее добре навывкнете, удобне намъ будет читати и разумети писанія философскіе, яко наших великих учителей христіанских, такъ и внешних философвъ» [23, с. 261].

Фарміруецца плеяда праваслаўных царкоўных і культурных дзеячаў, публіцыстаў, пісьменнікаў, якія імкнуліся сінтэзаваць праваслаўна-хрысціянскія і антычныя філасофскія ідэі. Сярод іх Стэфан Зізаній і Лаўрэнцій Зізаній, Лявонцій Карповіч, Андрэй Курбскі, Мялецкі Сматрыцкі, Томаш Яўлевіч і інш. Крыніцамі для светапогляду праваслаўных гуманістаў былі культурная спад-

чына грэка-антычнага свету, творы айцоў царквы, сярэднявечных каментараў Арыстоцеля, духоўныя здабыткі заходнееўрапейскага гуманізму. Так, М. Сматрыцкі шырока абавіраўся для аргументацыі сваіх поглядаў на гуманістаў эпохі Адраджэння, а менавіта на творы Ф. Пятраркі, Мікалая Кузанскага, Э.-С. Пікаламіні, Л. Валы, Эразма Ратэрдамскага. Гэтым ён бясспрэчна спрыяў зацвярджэнню гуманістычных ідэй у айчыннай духоўнай культуры. Акрамя таго, М. Сматрыцкі значна пашырыў крыніцазнаўчую базу айчыннай філасофіі. У працэсе палемікі шляхам аналізу твораў сваіх супраціўнікаў і выкарыстання іх сведчанняў ён уключае ў спіс цытаваных у «Фрынасе» аўтараў 141 пазіцыю. Побач з некаторымі імёнамі антычных пісьменнікаў Сматрыцкі называе многіх сярэднявечных мысляроў – Ансельма Кентэрберыйскага, Дуранда, Беду, Альберта Вялікага, Банавентуру, Томаша Аквінскага, пазнейшых – Марсілія Фічына, Дж. Саванаролу; тагачасных ідэйных праціўнікаў – Раберта Беларміна, Пятра Скаргу і інш.

Прадстаўнікі каталіцкага і рэфармацыйнага кірункаў прыхільна ставіліся да антычнай філасофскай спадчыны і актыўна выкарыстоўвалі яе ў сваёй ідэалагічнай барацьбе. Праваслаўны дыскурс таксама базіраваўся на дзвюх падставах: вучэннях айцоў усходняй царквы і ідэях антычных мысліцеляў. Аднак праваслаўная царква імкнулася выкарыстоўваць антычную спадчыну ў сваіх мэтах, не называючы крыніц, таму рэдукавала і пагрубляла тэарэтычныя дасягненні старажытнасці, асабліва Арыстоцеля, прыстасоўваючы іх да патрабаванняў уласнай дагматыкі і канонікі.

Аналіз грамадска-філасофскай думкі Беларусі другой паловы XVI ст., як і больш позняга часу, паказвае яе цесную сувязь з рэлігійным светапоглядам. Ідэя рэфарміравання царкоўных догматаў была знітавана з ідэяй рэфарміравання грамадска-палітычных інстытутаў. Выяўлялася тэндэнцыя збліжэння веры і ведаў, свецкага і рэлігійнага светаразумення. У цеснай сувязі з ідэямі свабоды веравызнання, прынцыпам верацярпімасці знаходзяцца ідэі вальнадумства і знітаваная з імі атэістычная тэндэнцыя. Атэістычны кірунак у філасофскай думцы другой паловы XVI ст. быў прадстаўлены імёнамі Стэфана Лована (Лавейкі) і Каспара Бекеша. Стэфан Лован (Лавейка) абвінавачваўся ў атэізме і матэрыялізме і прылічваўся да «секты эпікуравай». Ён лічыў, што свет існуе адвечна, выключаў Боскае ўмяшальніцтва ў чалавечыя справы, адмаўляў неўміручасць душы, замагільную адплату і г. д. На рэнесанснай натуралістычна-матэрыялістычнай традыцыі засноўваліся погляды і Каспара Бекеша, які, як і С. Лован, быў вядомы сваім адмаўленнем існавання Бога, неўміручасці душы і іншых догматаў хрысціянскай рэлігіі. З ідэямі Эпікура былі знаёмы гуманісты Станіслаў Арэхоўскі і Касьян Саковіч. Яны зыхаваўчай мэтай узялі на ўзбраенне эпікурэйскі прынцып асалоды, які разумелі як задавальненне прыродных патрэб чалавека і дасягненне душэўнага спакою. Філасофія, да якой яны ставіліся як да навукі пра лекаванне душ, павінна пераакцэнтаваць увагу з богапазнання на пазнанне чалавека, на ўсведамленне

патрэбы яго цялеснага і духоўна-маральнага развіцця. Найболей яркім прадстаўніком атэістычнай лініі ў Беларусі ў XVII ст. быў Казімір Лышчынскі.

З фарміраваннем філасофскай і грамадска-палітычнай думкі ў яе розных плынях (умераных і радыкальных) звязана ўзнікненне і развіццё кнігадрукавання. У другой палове XVI ст. на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага з'яўляюцца друкарні, сярод іх асобнае становішча займала друкарня ў Лоску Яна Карцана, які быў вядомы сваім захапленнем антычнай літаратурай. Так, у 1576 г. Я. Карцан выдаў сачыненне Цыцэрона «Пра павіннасці», перакладзенае на польскую мову паэтам і гуманістам Станіславам Кашуцкім. У сваіх каментарых да перакладу С. Кашуцкі імкнуўся наладзіць ідэйны дыялог паміж хрысціянскай і антычнай культурамі (як і Скарына), усталяваць тоеснасць некаторых уласцівых гэтым культурам філасофска-этычных каштоўнасцей. Ён намагаўся зблізіць цыцэронаўскае і хрысціянскае вучэнне пра прыроду чалавека, лічачы чалавечую прыроду недасканалай, але прыдатнай, каб выступіць асновай высокамаральнай свядомасці і дабрадзейных паводзін. Ён высока цаніў натуралізм і гуманізм цыцэронаўскай этыкі, якая засноўвалася на прынцыпе «сярэдняга абавязку».

Падводзячы вынік, можна адзначыць, што эпоха Адраджэння характарызуецца дыялагічнасцю, дапушчальнасцю іншых, адметных трактовак, плюралізмам ідэйных падыходаў і канцэпцый. Філасофская думка эпохі Адраджэння вызначаецца шырынёй і шматстайнасцю разглядаемых анталагічных, гнасеалагічных, тэалагічных, сацыяльна-палітычных, прававых, маральна-этычных пытанняў. У ёй гуманізаваліся і набліжаліся да рэальнага жыцця ідэі хрысціянскай этыкі, па-новаму інтэрпрэтавалася платонаўская і арыстоцэлеўская этыка-палітычная дактрына, адраджаліся філасофска-этычныя вучэнні стоікаў, Цыцэрона, эпікурэйцаў, выкарыстоўваліся і адаптаваліся некаторыя рэнесансна-рэфармацыйныя палажэнні.

Запачаткаваныя Адраджэннем фундаментальныя канцэпты – гуманізм, антрапацэнтрызм, натуралізм захавалі сваю актуальнасць да нашага часу. Гэта ўказвае на тую акалічнасць, што ў філасофіі існуюць так званыя вечныя праблемы, якія пераходзяць межы эпох і межы культур і захоўваюць культурную каштоўнасць незалежна ад гістарычнага часу. Погляды сучасных беларускіх гуманітарыяў на гэтую эпоху накіраваны на пошукі сакральных для сённяшняга існавання сэнсаў – дзяржаўнага суверэнітэту, вяршэнства закону, рэлігійнай свабоды, правоў чалавека, верацярпімасці, справядлівасці, свабоды слова. Пры ўсёй сваёй неадназначнасці гэтая эпоха дзіўным чынам карэлюе нашай сённяшняй сітуацыі ў Беларусі сваёй шматграннасцю і супярэчлівасцю, мультыкультурнасцю і поліканфесійнасцю, талерантнасцю і гуманізмам.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Подокшин, С. А. Проблема восточноевропейского Ренессанса и гуманизма / С. А. Подокшин // Иван Фёдоров и восточнославянское книгопечатание : сб. ст. / редкол.: И. Л. Науменко [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1984. – С. 30–49.

Філасофская думка Беларусі ў эпоху Адраджэння: дыялог філасофскіх традыцый

2. Падокшын, С. А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / С. А. Падокшын. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 283 с.
3. Саверчанка, І. В. Сацыяльныя і палітычныя стратэгіі / І. В. Саверчанка // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 2 : Протарэнесанс і Адраджэнне. – С. 438–451.
4. Biblia Brzeska. Nakł. M. Radziwiłła. – Brześć, 1563. – 2°. BN. XVI. F. 294.
5. Подокшин, С. А. Преемственность в культуре, философии и общественной мысли Белоруссии (XVI – первая половина XVIII в.) / С. А. Подокшин // Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы: дооктябрьский период: закономерности развития, проблемы исследования. – Минск : Наука и техника, 1987. – С. 85–100.
6. Скорина, Ф. Предисловия и послесловия / Ф. Скорина // Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. / Беларус. Совет. Энцикл. ; редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – С. 7–216.
7. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына ; уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўнік А. Ф. Коршунава ; паказальнікі А. Ф. Коршунава, В. А. Чамярыцкага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
8. Budny, S. O urządzie miecza używajacem (1583) / S. Budny ; wyd. St. Kot. – Warszawa: W-wo Kasy im. Mianowskiego, 1932. – 260 s.
9. Волян, А. Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе / А. Волян ; пер. з лац. Ул. Шатона. – Мінск : Зміцер Колас, 2009. – 142 с.
10. Wolan, A. O wolności politycznej czyli obywatelskiej / A. Wolan // Filozofia i myśl społeczna XVI wieku: 700 lat myśli polskiej / wybrał, oprac., wstępem i przypisami opatrzył L. Szczucki. – Warszawa : PWN, 1978. – S. 333–356.
11. Падокшын, С. А. Этнічная думка ў культуры Беларусі XVI–XVII стст. / С. А. Падокшын. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 149 с.
12. Łukaszewicz, J. Historia szkół w Koronie i w Wielkim księstwie Litewskim od najdawniejszych czasów aż do roku 1794. – Poznań : nakł. księg. J. K. Żupańskiego, 1849. – Т. 1. – 472 s.
13. Харлампович, К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века / К. В. Харлампович. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. – XIII, 524 с.
14. Czerkawski, J. Humanizm i scholastyka. Studia z dziejów kultury filozoficznej w Polsce w XVI i XVII wieku / J. Czerkawski. – Lublin : Red. wydaw. Katolickiego Uniw. Lubelskiego, 1992. – 256 s.
15. Gryżenia, K. Arystotelizm i Renesans. Filozofia bytu Piotra Fonseki. – Lublin : Red. wydaw. Katolickiego Uniw. Lubelskiego, 1995. – 213 s.
16. Plečkaitis, R. Filozofia scholastyczna i jej rozpad w dawnym Uniwersytecie Wileńskim // Filozofia na Uniwersytecie Wileńskim / praca zbiorowa pod red. R. Jadczyka i J. Pawlaka. – Toruń : Wydaw. Univ. M. Kopernika, 1997. – S. 21–34.
17. Wąsik, W. Arystoteles w Polsce / W. Wąsik // Collectanea theologica. Societatis theologorum Polonae. Cura edita. – Varsaviae, 1952. – A. XXIII. Fasc. III–IV. – S. 275–317.
18. Skarga, P. Kazania sejmowe / P. Skarga ; oprac. J. Tazbir. – Wyd. 3. – Wrocław : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1985. – 198 s.
19. Dąmbska, I. Kilka uwag o Marcine Śmigleckim i jego Logice / I. Dąmbska // Studia i materiały z dziejów nauki polskiej. Ser. E. – 1973. – Z. 5. – S. 3–9.
20. Natoński, B. Szkolnictwo jezuickie w Polsce w dobie kontrreformacji / B. Natoński // Z dziejów szkolnictwa jezuickiego w Polsce : wybór art. – Kraków : Wydaw. WAM – Księża Jezuici, 1994. – 259 s.
21. Конан, У. М. Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі : у 3 т. / У. М. Конан ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 1 : X ст. – 1905 г. – 439 с.
22. Сказанія князя Курбскага / изд. Н. Устрялова. – Изд. 2-е. – СПб. : Тип. Император. Акад. наукъ, 1842. – 508 с.
23. Трактат із Логікі Й. Спаненберга в пер. А. Д. Курбського («Діалектика») // Пам’ятки філософської культури українського народу. Пам’ятки братських шкіл на Україні. Кінець XVI – початок XVII ст. : тексти і дослідження. – Київ : Наук. думка, 1988. – С. 142–162.

В. К. Игнатов

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ В ЭПОХУ КОНТРРЕФОРМАЦИИ

Статья посвящена анализу идей сторонников церковной унии в Великом Княжестве Литовском в первой половине XVII в. Рассмотрены взгляды и деятельность Иосифа Рутского и Иосафата (Кунцевича), раскрыта роль базилианского ордена в процессе распространения униатской идеи в ранний период существования унии. Обосновано, что в эпоху Контрреформации уния не явилась объединяющим началом Запада и Востока Европы, не способствовала процессу межцерковного сближения и межцивилизационного диалога, не стала духовным фундаментом зарождения обще-европейской культуры.

Ключевые слова: Контрреформация, униатство, базилианский орден, Иосиф Рутский, Иосафат (Кунцевич), межконфессиональные конфликты

V. Ignatov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL-POLITICAL THOUGHT OF BELARUS IN THE ERA OF THE COUNTER-REFORMATION

The article is devoted to the analysis of the ideas of the Union followers of the Grand Duchy of Lithuania of the first half of the 17th century. The article examines the views and the activity of Joseph Rutsky and Jehoshaphat (Kuntsevych), discovers the role of the Bazilian order in the process of dissemination of the uniat idea in the early period of the Union. It is proved that in the Counter-Reformation epoch the Union did not become a source of joining of the East and the West of Europe, did not contribute to the process of the interchurch harmonization and cross-civilization dialogue, and did not turn into a spiritual basis of the all-European culture origination.

Keywords: Counter-Reformation, profession and practice of Uniat Church, Bazilian order, Joseph Rutsky, Jehoshaphat (Kuntsevich), interconfessional conflicts

В конце XVI в. символом грядущего всехристианского единства по замыслу ее духовных отцов должна была стать Брестская церковная уния. В современной науке до сих пор нет согласия в ответе на вопрос, суждено ли ей было открыть эру истинного единения христиан или она явилась еще одним событием в ряду нескончаемых инициатив создания ложных церковных союзов [1, с. 14–15]. Однако в истории униатской церкви существует уникальное явление, способное, кажется, примирить субъективные мнения историков культуры. Но лишь с одной-единственной точки зрения – в оценке его влия-

ния на судьбы унии. Это – феномен базилианства. Обозревая итоги более чем двухвековой истории базилианства, О. В. Щербицкий писал: «...уния, как отдельное, самостоятельное, правильно организованное и формулированное исповедание, обязана своим существованием исключительно базилианскому ордену» [2, с. 463]. «Флагманом» унии назвал базилианский орден в своей работе об Иосифе Рутском И. В. Саверченко [3, с. 23].

В глазах папства орден базилиан призван был исполнить роль «плодотворной матери», «главного рычага», «первого двигателя» унии в ее исторической миссии обращения христианского Востока к универсальной вселенской теократии римского первосвященника [4, с. 343]. С самого рождения ордена дух Рима и дух базилианства составили единую идейную «симфонию». В 1624 г. в письме к Папе основатель и духовный предводитель базилианства Иосиф Рутский писал, что орден был создан собственно «для истребления схизмы в России и отдаленнейших провинциях» (цит. по: [5, с. 438]). Секретное прошение базилиан к Папе того же года гласило, что орден представляется им «единственным в греческом обряде средством к распространению унии» (цит. по: [5, с. 438–439]). Сознывая свою историческую миссию и заслуги первых лет своего существования, базилиане уже к середине XVII в. объявили себя столпом и утверждением унии [4, с. 343].

У колыбели базилианства стояли три униатских вождя – митрополиты Ипатий Потей и Иосиф Рутский и «святой апостол» унии Иосафат (Кунцевич). Известно, что бесцветные исторические персонажи никогда не волновали научное воображение историков культуры. Поэтому следует рассмотреть основные вехи биографии третьего униатского митрополита, чтобы понять перспективы унии в период ее становления, справедливо заслуживающий названия «эпохи Иосифа Рутского».

Иосиф Вельямин (Velamin, т. е. атлас) Рутский родился в 1574 г. в местечке Рута под Новогрудком в шляхетской кальвинистской семье, но крещен был православным священником и получил имя Ян. Мнение многих биографов Иосифа Рутского о его происхождении от московского рода воевод Вельяминовых до сих пор остается предметом научных дискуссий (см., напр.: [6, с. 207, 655; 7, с. 5–10]). После получения домашнего образования в протестантском духе Иосиф Рутский учился в кальвинских гимназиях Несвижа и Вильно. Знакомство со студентами-иезуитами поселило в его душе тягу к католицизму. В 1590 г. юноша отправляется для получения дальнейшего образования в Прагу, где в 1592 г. принимает римскую веру. После этого он продолжил учебу в Вюрцбурге и Греческом Афанасиевском коллегиуме в папской столице.

Блестящие дарования Иосифа Рутского обратили на себя внимание римской конгрегации пропаганды веры, увидевшей в лице русского юноши превосходного католического миссионера в восточнохристианском мире. Но сам Иосиф никак не желал перейти в ранг адепта униатской церкви, и только благодаря личному настоянию Папы Климента VIII он принял греческий обряд.

В 1603 г. Иосиф Рутский возвращается на родину и вскоре становится ближайшим сподвижником Митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Ипатия Потей. В 1605 г. Ипатий Потей назначает Иосифа Рутского ректором униатской семинарии в Вильно. Во время своего заведования семинарией Иосиф Рутский составляет проект реформы униатской церкви, изложенный им в сочинении «Discursus» [7, с. 15–19].

Духовное процветание и величие, совершенство монашеского подвижничества, глубина и утонченность патристической традиции восточного христианства – все это, по мнению автора трактата, – удел прошлого. Современная же картина внутренней жизни православия мрачна и безотраднa. В монастырях нет иноков, а среди белого духовенства нет достойных пастырей. Глубина духовного и морального падения восточнохристианской церкви так велика, что у нее никогда не достанет собственных сил для возрождения. Единственный источник, способный вернуть жизнь православию, – это римско-католическая церковь, средоточие всей христианской науки и истинной святости жизни. Униаты должны стать благодарными учениками латинских наставников. Дабы избежать соблазна перехода в римскую веру, униатам не следует для получения образования отправляться в западные католические центры, а создавать собственные альма-матер. Для этого необходимо пригласить миссионеров из латинского ордена, наиболее близкого правилам и имени святого Василия Великого, с целью подготовки и обучения нового униатского монашества. Оно должно составить органически цельную, стройную и сильную монашескую корпорацию, способную достигнуть главной цели своей деятельности – распространения унии в восточнохристианском мире.

После написания «Discursus'a» будущий реформатор униатской церкви не сразу стал на путь практического воплощения своих преобразовательных замыслов. В конце 1605 г. Иосиф Рутский оставляет должность заведующего униатской духовной семинарией и отправляется в качестве переводчика папского посланца кармелита о. Павла в Москву. В русской столице молодой миссионер неоднократно посещал пребывающего в это время на царском троне Лжедмитрия I и убеждал его отправлять московских юношей для получения образования в Речь Посполитую. Вернувшись в Вильно, Иосиф Рутский был послан Ипатием Потеем в Рим, где представил свой проект реформы униатской церкви.

Папское одобрение идей миссионера открыло новый период в его жизни. После возвращения в Вильно Иосиф Рутский в сентябре 1607 г. становится монахом монастыря Святой Троицы, где уже в течение нескольких лет предавался иноческим подвигам его товарищ и единомышленник, будущий «мученик унии» Иосафат (Кунцевич). Вскоре Ипатий Потей посвящает Иосифа Рутского в сан диакона, а потом и пресвитера.

С приходом Иосифа Рутского в виленскую обитель Святой Троицы начинается возрождение монашеской жизни в униатской церкви и постепен-

ное превращение монастыря в духовный центр новой религиозной общины. С его именем связано основание первого базилианского новициата [5, с. 458]. Внутреннее устройство новициата определялось папской буллой, изданной в марте 1603 г. [5, с. 460–463]. В новициате Иосиф Рутский начинает преподавать необходимые для нового униатского монашества богословие, церковнославянский и латинский языки, свободные науки [8, с. 499]. В качестве советников молодой наставник избирает отцов-иезуитов Фабриция Ковальского и Григория Гружевского, а добровольными помощниками его становятся учителя иезуитских школ [7, с. 22]. В скором времени в новициате Иосифа Рутского собирается около 100 юношей [8, с. 499].

В конце 1607 г. Иосиф Рутский издал на старобелорусском и польском языках сочинение «ТЕЗЕЗ. Сиреч известны предложения от учений, еже о Тайнах Церковных. На размышление к общему состезанию данны честным отцем Иосифом Вельмином Рутским, иноком Закону святого Василия, в монастыру Виленском Святое Живоначалное Тройцы», предназначенное для богословского диспута в январе 1608 г. [9, с. 57–58]. Основная идея этого трактата – церковное единство всех христиан. Автор сознательно избегает разговора о доктринарных и социально-культурных расхождениях православия и католицизма, направляя весь свой критический пафос в адрес протестантизма. Произведение Иосифа Рутского использовалось в качестве учебного пособия в новициате монастыря Святой Троицы, а позднее – и в других базилианских школах [10, с. 256].

Просветительское подвижничество и благочестие Иосифа Рутского, принесшие Свято-Троицкому монастырю славу образца монашеской жизни, были высоко оценены униатским митрополитом Ипатием Потеем. В июле 1608 г. он издал грамоту о назначении иеромонаха Троицкого монастыря Иосифа Рутского своим епархиальным заместителем [11, с. 262–263]. Однако стремительное выдвижение иеромонаха на первые роли в униатской церкви вызвало сильное недовольство троицкого архимандрита Самуила (Сенчило) и протопопа виленских униатских церквей Варфоломея Жашковского. Между униатскими вождями и базилианскими монахами, с одной стороны, и отрекшимися от повиновения митрополиту духовными лицами Вильно и православными горожанами, с другой, развернулась ожесточенная борьба, едва не стоившая Ипатию Потеем жизни (см., напр.: [12, с. 67–68; 13, с. 42–61; 14, с. 554–565]).

Исход этой схватки оказался не в пользу последних: Самуил (Сенчило) был изгнан из Троицкого монастыря, а Иосиф Рутский окончательно стал его главой [15, с. 132–133]. Теперь основатель новициата мог спокойно трудиться на ниве униатского просвещения. В 1609 г. Иосиф Рутский возводит в Свято-Троицком монастыре новое, хорошо приспособленное для монашеской жизни здание. Образованных монахов наставник новициата посылает в другие униатские монастыри, распространяя базилианскую идею «сначала в Новогрудке, потом в Минске, Жировицах, Бытене» (цит. по: [5, с. 459]).

Успешная просветительская деятельность троицких монахов внушила Иосифу Рутскому мысль о способности базилиан руководить всем образованием в униатской церкви. Во время сейма 1613 г. он выхлопотал у короля привилей, предоставлявший виленской братии, «которая се в побожности и в науках вызволенных твичыла... школы в том панстве нашом, а меновите в Новагородку, в Менску и по иных местех наших, где бы се тым иноком найспособней видело, фундовать и в tych школах учыти всих наук, водлуг преможения их, языком Кгрецким, Латинским, Словеньским, Польским и Руским... есмо и... вечно» [16, с. 70]. Для привлечения к изучению наук молодежи Сигизмунд III предоставлял будущим униатским училищам «все права, вольности и привилея, которые школы наши католицкие... мают» [16, с. 70]. Королевская грамота возбранила вмешательство в управление и распоряжение школами трибунальным чином и изымала учеников из-под власти светского суда. Для «большого безпеченства» униатских школ король вручил им все права в области образования, запретив существование в государстве других учебных заведений, за исключением католических [16, с. 71]. К этому времени Иосиф Рутский был уже посвящен Ипатием Потеем в сан Галицкого епископа, назначен митрополичьим коадьютором, наконец, объявлен преемником главы униатской церкви [17, с. 429–430].

27 апреля 1613 г. Ипатий Потей, «будучи в летех дозрелых и здоровья неспособнаго», составил духовное завещание, где еще раз высказал убежденность в правоте того дела, которому он так ревностно служил всю жизнь [18, с. 392–393]. По завещанию митрополита виленская семинария монастыря Святой Троицы получила латинские книги духовного содержания, в частности Библию, сочинения отцов церкви [19, с. 415].

После смерти Ипатия Потей, последовавшей 18 июля 1613 г., Сигизмунд III 8 августа того же года предоставил Иосифу Рутскому митрополию Киевскую и все митрополичьи имения [20, с. 2]. В 1614 г. новый униатский митрополит получает утверждение в своей должности от Папы Павла V. Принимая послание римского первосвященника, Иосиф Рутский в присутствии папского нунция Лелия произнес на латинском языке символ веры и дал присягу «всегда быть верным и послушным римской апостольской церкви, всегда защищать регалии Св. Петра, почитать папского нунция и легата, исполнять правила святых отцов, заботиться о вверяемой ему церкви и о покорности ее папскому престолу, давать во всем отчет папам, пользоваться всем имуществом Киевской митрополии и сохранять оное в целости, под угрозой законных наказаний» (цит. по: [7, с. 28]).

Главной заботой нового митрополита стало осуществление своих реформаторских замыслов. Вскоре после получения королевской грамоты на монопольное руководство образованием в униатской церкви и митрополичьей кафедры Иосиф Рутский основывает в Новоградке школу для детей шляхты и горожан [8, с. 501]. Во второй половине 1615 г. была открыта школа

в Минске [8, с. 501]. В этом же году Иосиф Рутский с мыслью об обретении новых возможностей для образования базилианских новициев отправляется в Рим [21, с. 244–245]. По ходатайству униатского митрополита Папа Павел V 2 декабря 1615 г. издал распоряжение о постоянном замещении четырех вакансий в Афанасиевском коллегиуме русскими униатами с содержанием их за счет конгрегации пропаганды веры [8, с. 502]. А 3 декабря 1615 г. римский первосвященник в своей булле подтвердил дарованное польским королем униатским монахам исключительное право образования юношества и в видах поощрения молодежи к занятиям уравнивал в правах униатские школы и их воспитанников с иезуитскими [8, с. 501]. В этом же году и в начале следующего Папа предоставил униатским юношам еще 18 стипендий в различных алумнатах: две – в Вене, две – в Праге, две – в Ольмюце, шесть – в Брунсберге и шесть – в Вильне [8, с. 502].

Ко времени Новогрудской конгрегации (1617 г.), положившей начало существованию базилианского ордена, униатская церковь располагала такими образовательными учреждениями, как Виленская троицкая семинария, с которой был соединен новициат, три низших школы: в Минске, Новогрудке и Владимире, и несколько десятков стипендий в католических коллегиумах [5, с. 477–478].

В глазах Иосифа Рутского монашеская жизнь Запада обладала непререкаемым авторитетом. Но для создания униатского ордена он не мог совершенно отказаться от восточнохристианской традиции. «Правила монашеской жизни» святого Василия издавна служили образцом, определяющим внутренний порядок православных церквей и монастырей [22, с. 499]. Как и вся униатская церковь, базилианский орден с самого первого дня своего существования пытался примирить дух религиозного прозелитизма и настроение аскетической созерцательности. Однако главная цель базилианства – распространение нового церковного союза – с неизбежностью вела к падению в глазах его адептов престижа уединенной жизни, монашеской мистики, исихазма [23, с. 79]. Стремление овладеть жизненной стихией и направить ее к исполнению собственных замыслов все сильнее сближало базилиан с орденом иезуитов, постигшим к тому времени уже многие секреты управления судьбами христианского мира.

На открытии первой базилианской конгрегации в Новогрудке в июле 1617 г. Иосиф Рутский заявил о необходимости реформы униатской церкви [24, с. 9–10]. Он высказал убеждение, что исправление духовенства возможно только путем возрождения монашества, призванного выделить из своих рядов достойных кандидатов для замещения всех высших должностей в церковной иерархии, а учителями новых адептов базилианского ордена должны стать отцы-иезуиты. Кроме того, иезуиты на первых порах руководили на конгрегациях всеми рассуждениями базилиан и духовным воспитанием [24, с. 8, 9; 25, с. 18]. Два иезуита – Симон Прусский и Андрей Конинский – были направлены в Речь Посполитую генералом ордена Муцио Виттелески в ответ на просьбу

Иосифа Рутского, высказанную им во время его пребывания в Риме в 1615 г. [24, с. 9–10].

Столь близкие отношения между обоими орденами не могли не повлиять на характер и содержание школьного униатского образования [21, с. 250]. В униатских учебных заведениях преподавались латинский, греческий, церковнославянский, польский и старобелорусский языки, «свободные науки». Ученики должны были изучать церковное пение, церемонии, нравственное богословие и катехизис. Характерное для униатской церкви «эпохи Рутского» срединное положение между православием и католицизмом находит свое выражение и в школьном деле. Если в методе преподавания нравственного богословия легко можно было угадать педагогические приемы иезуитов, то при изучении прочих духовных предметов и катехизиса униатские учителя оставались на православной почве [8, с. 521]. Та же ситуация была и в области школьных порядков и педагогических принципов. В отличие от училищ, отнятых у православных и подчиненных белому духовенству, базилианские школы в наибольшей степени были пропитаны иезуитским духом [8, с. 522].

Первая базилианская конгрегация утвердила представленный Иосифом Рутским устав базилианского ордена [24]. Ко времени третьей базилианской конгрегации, состоявшейся в 1623 г. в местечке Рута, первоначальное устройство ордена было в основном завершено [26]. Однако каноны базилианства не оставались неизменными. Подобно своим идейным вдохновителям – иезуитам, базилиане чутко улавливали дух времени и сообразно обстоятельствам утверждали на своих конгрегациях новые формы организации ордена [5, с. 481–482].

Неопределенное, колеблющееся состояние унии не могло не повлиять на деятельность Иосифа Рутского, лишив ее гармонической стройности и цельности. С одной стороны, он часто выступал как истый католик, прибегая к самым жестоким методам борьбы с православными [27, с. 39–40, 42, 47]. С другой – как для предотвращения обвинений со стороны православных в измене базилиан греко-восточной обрядности, так и для привлечения их в унию Иосиф Рутский неоднократно заявлял о возвращении к «чистой восточной традиции» [28, с. 159] и даже выхлопотал в 1626 г. у римской конгрегации распространения веры декрет о запрете русским униатам и в особенности базилианам переходить в католический обряд [5, с. 449]. Тем не менее латинское начало в его деятельности была преобладающим: к концу жизни митрополита порядки и обычаи католицизма почти утратили статус противных духу униатской церкви (см., напр.: [29, с. 6–7; 30, с. XI; 31, с. II; 32, с. 20–23; 33, с. 42–43]).

Каковы же итоги деятельности Иосифа Рутского и его духовного детища в рассматриваемую нами эпоху? Сам митрополит и другие униатские владыки в своем донесении 1623 г. римской конгрегации распространения веры писали: «...мы имеем уже семь епископов, которые занимают кафедры почти всех русских епархий, тогда как у схизматиков остался только один епис-

коп Львовский. Почти тридцать городов приняли унию: Вильна, Новогрудок, Луцк, Владимир и пр. В числе принявших ее есть и дворяне, даже из знатных, и между ними три сенатора, один воевода... и два каштеляна, тогда как из схизматиков нет теперь ни одного сенатора. У нас уже до двадцати монастырей и более, которые занимают наши монахи базилиане. Эти монахи содержат школы для воспитания юношества, и из виленской нашей школы, или семинарии, начали выходить богословы, искусные в греческом и латинском языках, чего при наших отцах на Руси не бывало. По примеру иноков и мирские пастыри в своей простоте повинуются своим епископам, принимают от них посвящение, получают святое миро, собираются к ним на Синоды, бывающие ежегодно» (цит. по: [6, с. 270]).

Несомненно, религиозное подвижничество, фанатический прозелитизм и реформаторский талант навсегда обеспечили Иосифу Рутскому одно из главных мест в пантеоне униатских вождей. Но возможно ли назвать его «апостолом единства и веры» (И. Саверченко), церковным деятелем, который хотел «усилить восточную традицию» (С. Сенник), теологом, политиком и дипломатом, создавшим «совершенное церковное здание» (В. Конон)?

Иезуитская идея, что уния – «мост», «переходная мера», «временное чистилище» на пути к полному слиянию бывшего православия с католицизмом, была альфой и омегой всех помыслов и деяний выдающегося ученика латинского церковного ордена. Заповедям своей альма-матер Иосиф Рутский остался верен и на пороге смерти: «...свидетельствуюсь пред всеми, что я верую во все, что предложила св. католическая церковь и что без этой веры и, в частности, помимо общения с римскою церковью никто не может быть спасен, во имя чего я всегда готов был умереть, особенно тогда, когда представлялись смертные случаи. Повинуясь папе римскому, я был викарием его в этом царстве и теперь в этом повиновении умираю» (цит. по: [7, с. 41]).

Рожденное едва ли не в канун бурного, драматического и противоречивого XVII в., новое духовное дитя христианства предвосхитило облик грядущей эпохи. Уния оказалась парадоксально разноликой: в ней переплелись возвышенный пафос и низменные страсти, экзальтированный альтруизм и жесточайшее насилие, утонченная духовная изысканность и примитивный мирской утилитаризм.

Все это мы видим в жизни и творчестве духовных отцов унии, ее приверженцев и предводителей. Среди них – униатский полоцкий архиепископ Иосафат (Кунцевич).

О знаменитом униатском деятеле написано немало трудов. Одни из них содержат справочный материал о нем (см., напр.: [34–38]), другие – специальные разделы (см., напр.: [39, с. 200–216; 12, с. 121–139; 40, с. 95–98; 41, с. 157–159]), наконец, третьи являются работами, посвященными исследованию жизни и творчества униатского архиепископа (см., напр.: [42–45]).

Иосафат (Кунцевич) родился в 1580 г. в городе Владимире-Волынском в семье православных горожан. В своей речи на сейме 1620 г. волынский чаш-

ник Лаврентий Древинский объявил, что «ныне именуемый архиепископ полоцкий, родившийся во Владимире, есть сын купца некоего сапожника, а оттуда образовав себе фамилию шляхетскую, Кунцевичем титулует себя» (цит. по: [46, с. 72]), хотя впоследствии биографы Иосафата (Кунцевича) не раз поддавались искушению наделить его знатностью происхождения (см., напр.: [47, s. 80]). Где будущий архиепископ получил первоначальное образование – не известно: утверждение Э. Ликовского о том, что Иосафат (Кунцевич) учился в местной школе [48, s. 335], решительно опровергает К. В. Харлампович [8, с. 515]. С полной уверенностью можно лишь сказать, что ученость юного Иосафата (Кунцевича) не превосходила умения читать славянские и польские книги.

Прибыв по торговым делам в Вильно, юноша сблизился с монахами униатского Свято-Троицкого монастыря. Вскоре идея церковной унии всецело покоряет пылкую и впечатлительную душу Иосафата (Кунцевича). Он начинает посещать иезуитский коллегиум, где профессора Фабриций Гроза и Гавриил Грушевский, отдавая дань природным дарованиям и религиозному рвению юноши, преподают ему курс наук на славянском языке и развивают его набожность и преданность униатской идее до фанатизма. В 1604 г. Иосафат (Кунцевич) был пострижен митрополитом Ипатием Потеем в монахи, а еще через пять лет его возвели в священнический сан.

В лице Иосафата (Кунцевича) униатская церковь обрела не только экзальтированного подвижника, самоисступленно предававшегося монашеским подвигам умерщвления плоти, но прежде всего талантливому проповеднику унии. Его искусство пленять сердца и души людей было столь велико, что в короткое время едва ли не половина жителей Вильны сделались горячими приверженцами нового вероисповедания.

Однако не только апостольским красноречием покорял Иосафат (Кунцевич) своих слушателей. Религиозный энтузиазм его питался большими познаниями, приобретенными им еще тогда, когда он в звании послушника долгое время частным образом обучался разным наукам у иезуитских преподавателей. Католические биографы Иосафата (Кунцевича) упоминают даже о его литературных трудах, каковыми являются: «О порче славянских книг противниками митрополита и о заблуждениях, которые рассеиваются братскими типографиями Вильны, Острога и Львова», «О крещении св. Владимира», «О духе и обязанностях монашеской жизни», «О целибате клира», «Советы иереям», «Катехизис», «Рассуждение о спорных пунктах между схизматиками и католиками» (см., напр.: [48, s. 347; 47, s. 89–90, 198–200]). В то же время латинские авторы почти ни слова не говорят о содержании этих богословских трактатов знаменитого униата. В своей фундаментальной монографии об Иосафате (Кунцевиче) А. Гэпэн объясняет это несчастливой судьбой его виленских произведений, разбросанных во время последующих житейских бурь по разным библиотекам и не ставших достоянием католиков [47, s. 90]. Однако многие исследователи не единожды высказывали сомнение в подлинно-

сти авторства Иосафата (Кунцевича) в отношении упомянутых сочинений (см., напр.: [12, с. 329–330; 49, с. 378]).

Ревность к унии быстро выдвинула Иосафата (Кунцевича) в первые ряды новой религиозной общины. В 1608–1609 гг. он состоял одним из преподавателей Троицкой семинарии, затем был возведен на архимандрию Бытенскую, потом – Жировицкую, а в 1614 г. становится настоятелем Виленского Троицкого монастыря. Отныне Иосафат (Кунцевич) входит в круг ближайших сподвижников Иосифа Рутского в деле распространения базилианской идеи. В 1617 г. по рекомендации Иосифа Рутского Иосафат (Кунцевич) королевской грамотой был назначен коадьютором Полоцкой и Витебской архиепископий и преемником престарелого полоцкого архиепископа Гедеона Брольницкого, скончавшегося в следующем, 1618 г.

Вступление в резиденцию Полоцкой архиепископии предоставляло Иосафату (Кунцевичу) поистине безграничные возможности для упрочения своего титула «ловца человеков»: ведь к тому времени в числе его прозелитов значились такие известные фигуры, как автор саркастической речи смоленский каштелян Иван Мелешко [50]; сподвижник Константина Острожского в борьбе за православие новогрудский воевода Федор Скумин-Тышкевич и его сын Януш, референдарий Великого Княжества Литовского, впоследствии трокский и виленский воевода; бывший кальвинист полоцкий воевода Михаил Друцкий-Соколинский и многие другие [41, s. 158].

Однако уже во время торжественного ритуала чествования нового владыки произошла знаменательная сцена, ставшая прологом антиуниатского сопротивления Иосафату (Кунцевичу) православных горожан: один из бургомистров, приветствуя архиепископа, в заключение своей торжественной речи произнес: «Если вступаешь в град сей с благими намерениями, гряди во имя Господне; если же замышляешь противное, лучше бы тебе не входить в него!» (цит. по: [51, с. 12]).

Вольнолюбивый дух города мог принять только разумные меры нового владыки во благо паствы: реставрацию церквей, исправление духовенства, заботу о просвещении, благотворительную деятельность. До тех пор, пока Иосафат (Кунцевич) действовал своими проповедями, наставлениями, убеждениями, пока новый архиепископ строго соблюдал православную обрядность, прихожане благосклонно внимали ему, и даже те, кто ни под каким видом не желал принять новую веру, говорили: «Если бы Иосафат был нашим, то мы пили бы воду, в которой он оmyвает ноги» (цит. по: [47, s. 220]).

Однако идея покорения унией православия и навсегда запечатлевшаяся в душе юного Иосафата (Кунцевича) проповедь иезуитов о блаженстве на небесах святых мучеников побуждали его к новым религиозным подвигам. Как только апостольское красноречие архиепископа оказалось бессильным перед лицом независимости и самобытности православного города, он не замедлил прибегнуть к самым решительным и крутым мерам в целях воцарения униатского единомыслия в подвластной ему епархии.

В конце 1618 г. Иосафат (Кунцевич) решил посетить Могилев. Но едва весть о приближении архиепископа дошла до могилевских жителей, как они заперли городские ворота, а сами с оружием в руках расположились на валу вокруг города. Навстречу Иосафату (Кунцевичу) вышли все власти Могилева с цеховыми хоругвями и, осыпая его упреками в вероотступничестве, посоветовали владыке удалиться восвояси, чтобы его не постигла участь Рогозы в Слуцке, Потeya в Киеве, Вильне и Львове, а Грековича в Перемышле и других местах (см., напр.: [42, с. 54; 48, s. 351–352]). Иосафат (Кунцевич) вынужден был повиноваться, но угроза последовать по стопам первого униатского митрополита, едва не погибшего в 1609 г. от рук противника унии (см., напр.: [42, с. 52]), не только не испугала полоцкого архиепископа, но еще более воспламенила его.

Вскоре он лично отправился в Варшаву с жалобой к королю. 22 марта 1619 г. Сигизмунд III издал декрет, предписывавший предводителей могилевского мятежа предать смерти, все духовенство, церкви и монастыри Могилева с их имениями, имуществом и доходами подчинить власти Иосафата (Кунцевича), а могилевским гражданам спустя шесть недель после издания декрета запретить посещение этих церквей и монастырей под угрозой уплаты 20 000 злотых в королевскую казну [52]. Кроме того, полоцкий владыка выхлопотал у короля указ, повелевавший передать под его юрисдикцию все православные церкви и монастыри в Полоцке, Витебске, Мстиславле, Орше и во всех пределах его архиепископии (см., напр.: [53, с. 8; 54, с. 34]). Декрет польского монарха наносил тяжелый удар по суверенитету городских республик. Однако их жители находились под патронатством короля, и поэтому обязаны были следовать воле верховного правителя (см., напр.: [42, с. 59; 51, с. 20–21]).

Отныне религиозное рвение Иосафата (Кунцевича) было умножено мощью правительственного механизма и он мог действовать во всеоружии прав, дарованных ему государственной властью. На основании королевской грамоты полоцкий владыка разослал по всей своей епархии циркуляры, где торжественно провозглашалось объединение церквей, всему духовенству и прихожанам предписывалось немедленно объявить себя униатами, а все противящиеся распоряжения архиепископа рассматривались как нарушители общественного порядка, достойные самого жестокого наказания. Для обращения непокорных в новую веру Иосафат (Кунцевич) использовал все средства – от запечатывания церквей, изгнания духовенства из приходов, судебных тяжб с владельцами церковной собственности до заключения священников в тюрьму, вооруженного захвата монастырей и приказов выкапывать из могил тела недавно умерших православных и отдавать их на съедение собакам (см., напр.: [55, с. 400–401; 42, с. 54–55]).

Насильственное обращение в униатство пробудило сильную ненависть православного общества к вождям вероучения. Все громче стали раздаваться голоса приверженцев восточнохристианской веры, призывавшие к сопро-

тивлению унии и ее неистовому распространителю. В 1620 г. иерусалимский патриарх Феофан, восстанавливая высшую православную иерархию в Речи Посполитой, посвятил на Полоцкую архиепископию Мелетия (Смотрицкого). Апостольские послания и универсалы нового православного владыки были с восторгом восприняты белорусскими горожанами и стали знаменем открытого неповиновения Иосафату (Кунцевичу).

Но ни покушения на свою жизнь [6, с. 427], ни слухи о сношениях жителей Полоцкой епархии с казаками [51, с. 48–49], ни планы религиозного примирения православных с униатами, вынашиваемые государственными деятелями Речи Посполитой [12, с. 118–121] – ничто не могло поколебать ненависть Иосафата (Кунцевича) к иноверию и его пламенное желание мученичества. В начале 1622 г. он обращается с письмами к Иосифу Рутскому [56] и Льву Сапеге⁴, где говорит об антиуниатских настроениях жителей городов его архиепископии, призывает Иосифа Рутского хлопотать у короля о всемерном содействии делу унии, полагая, что если она будет принесена в жертву казакам, то они станут орудием Божьей кары, и выражает упреки канцлеру в его равнодушии к истинной вере и единой спасающей церкви.

Ответное письмо Льва Сапегы от 22 марта 1622 г. – выдающийся памятник культуры эпохи барокко. Вот его основное содержание: «Признаюсь, что и я заботился о деле унии и что было бы неблагоприятно оставить это дело; но мне никогда и на ум не приходило того, что ваше преосвященство будете присоединять к ней столь насильственными мерами. Всевышний зовет к себе кротко: *прийдите ко мне вси...*, а не хочет и не приемлет рабов, влекомых насильно... Руководясь не столько любовью к ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы злоупотреблением своей власти, своими поступками, противными священной воле и приказаниям речи посполитой, зажгли те опасные искры, которые всем нам угрожают пагубным и всеистребляющим пожаром. Вы пишете “*что и политика обращает на них внимание*”, а я прибавлю: не только политика, но и правительство; ибо от повиновения их (православных) больше пользы для края, нежели от вашей унии. Поэтому вы должны соображать власть свою и обязанности пастыря с волею короля и намерениями правительства, – помня, что власть ваша ограничена и что затеи ваши, противные спокойствию и общей пользе, будут сочтены оскорблением величества... Вы пишете: “*об обращении отщепенцев*”... нужно заботиться об их обращении и о том, чтобы было едино стадо и один пастырь; но нужно это делать благоразумно и сообразно с обстоятельствами времени, как дело зависящее от свободного согласия, – особенно в нашем отечестве, в котором решительно не применима сентенция: “*понуди внити*”... “*Я обязан, говорите вы, подражать епископам*”... Подражать св. епископам в терпении, славословии Бога, подражать напр., Златоустому и другим великим иерархам, – дело похваль-

---

⁴ Главное содержание этого письма видно из ответа Льва Сапегы, помещенного далее в тексте.

ное; но нужно подражать им и в благочестии, учительстве, долготерпении и примерной жизни... Снова пишете: *“если неправовверные нападают на меня, то я поневоле должен защищаться”*... Мудрый человек должен употребить все меры благоразумия, прежде чем возьмется за оружие, – не писать никаких писем к начальству его корол. величества, не отвечать ему угрозами, как это делаете вы. Апостолы и другие святые никогда так не поступали. Продолжаете, *“что вам вольно топить неуниатов, рубить им головы”*... Нет, не должно так поступать с ними; потому что божественное евангелие строго внушает всем мстителям, в том числе и вам: *мне отмщение, аз воздам... “Не принимающих унии, пишете дальше, нужно изгнать из государства”*... Избави Бог нашу отчизну от этого безрассудства!.. Лучше бы, кажется, было сделать разрыв с этою неугомонною союзницей; потому что мы никогда не видали в нашей отчизне таких нестроений, какие посеяла среди нас эта благовидная уния... Укажите, ваше преосвященство, кого вы приобрели, кого уловили такую суровостию вашею, строгостию, печатанием и запираaniem церквей? Окажется, что в (самом) Полоцке вы потеряли и тех, которые (доселе) были вам послушны. Из овец вы превратили их в козлищ, повергли в опасность государство, а может быть, в погибель и всех нас католиков. Вместо радости, пресловутая ваша уния наделала нам только хлопот, раздоров, и так нам опротивела, что мы желали бы лучше остаться без нее; так много, по ее милости, мы терпим беспокойств, огорчений и докуч. Вот плод вашей пресловутой унии! Сказать правду, она приобрела известность только смутами и раздорами, которые произвела она в народе и в целом крае! Если – избави Бог – отчизна наша потрясется (вы своею суровостию пролагаете к тому торную дорогу), что тогда будет с вашею униєю?.. Если мы станем еще более стеснять их религию, то произойдут неизбежные раздоры в обществе. Повсюду уже раздастся молва, что они навсегда желают разорвать всякую с нами связь... И поэтому-то мы не хотим, чтобы эта, столь пагубная для нас, уния до конца погубила нас...» [57, с. 218–222].

Однако Иосафат (Кунцевич) остался глух к призывам Льва Сапеги. В ответном письме к канцлеру от 22 апреля 1622 г. [12, с. 334–344] он отверг все обвинения в свой адрес, утверждая, что его главной заботой было исполнение своих пастырских обязанностей согласно воле Бога, монарха и во благо Речи Посполитой и что не может существовать подлинный мир в государстве, если унижена униатская церковь, ибо это не тот дарованный Христом мир на земле, а тот, о котором он сказал: *Я принес вам не мир, но меч*. «Что может быть общего у света и тьмы? – писал Иосафат (Кунцевич). – О каком согласии может идти речь у Христа с Дьяволом; у католиков со схизматиками или еретиками; у церкви католической с богохульством схизматическим. Что же это будет за мир, если будут оскорблять Господа, если права, дарованные Богом Св. Петру и его наследникам на епископскую столицу и всемирную церковь, будет позволено нарушать; если она будет лишена власти верховного пастыря

(от Христа поставленного), а схизматики присвоят ее себе: воистину Петр Св. и все потомки его, епископы римские, будут зывать к Божьему отмщению за такое бесправие» (цит. по: [12, с. 338]).

В октябре 1623 г. Иосафат (Кунцевич) отправился в Витебск, желая любой ценой утвердить там унию. Он знал о враждебных настроениях против него жителей города, но желание покрыть себя славой мученика совершенно затмило в нем страх смерти. Тема скорого конца стала постоянной гостьей в письмах полоцкого архиепископа, проповедях, беседах и даже во время трапезы. Как-то незадолго до посещения Витебска Иосафат (Кунцевич), отвечая на упреки близких в том, что он и за столом не может отрешиться от разговоров о смерти, сказал: «Как вам никто не запрещает есть, так и мне никто не запретит умереть за моего Бога и святую апостольскую веру» (цит. по: [47, s. 277]).

12 ноября 1623 г. Иосафат (Кунцевич) возвращался в свой дом. В это время его протодиакон Дорофей заметил, как православный священник Илья направляется за город совершать воскресную службу в шалаше, устроенном гонимыми приверженцами восточной веры. Протодиакон и слуги полоцкого архиепископа схватили о. Илью и заперли в архиерейской кухне.

Тотчас же загудел вечерной колокол и раздался набат в городских церквях. Со всех концов Витебска к дому архиепископа устремилась огромная толпа. Народ разбил ворота, искалечил архиерейскую прислугу и затем ворвался в комнату, где молился Иосафат (Кунцевич). Один из нападавших ударил его по голове палкой, а другой нанес удар топором. Тело владыки вытащили во двор и, заметив еще признаки жизни, выстрелили в него двумя пулями. Дом архиепископа был разграблен толпой, а его труп подвергся издевательскому надругательству. Наконец, мертвеца столкнули с высокого берега к реке, рыбаки отвезли его на середину Двины и, наполнив власяницу камнями, бросили в воду [47, s. 285–286; 12, с. 133; 58].

На третий день после убийства тело архиепископа по приказанию замкового каштеляна было вытащено из реки и, по законном освидетельствовании, отвезено в Полоцк, где и погребено в Софийском соборе.

Весть о смерти Иосафата (Кунцевича) быстро разнеслась по всей Речи Посполитой и вскоре дошла до столицы римского первосвященника. В начале 1624 г. Папа Урбан VIII, откликаясь на известие о мученической кончине униатского архиепископа, направил польскому монарху послание с требованием сурового наказания виновных в смерти полоцкого архиепископа [59].

Сигизмунд III не только не воспротивился повелению верховного пастыря, но и сумел предвосхитить его. В январе 1624 г. в Витебск прибыла уполномоченная королем комиссия для суда над виновниками бунта. Во главе комиссии стоял Лев Сапега, всего лишь год назад призывавший Иосафата (Кунцевича) к веротерпимости и христианской любви. Однако на сей раз канцлер Великого Княжества Литовского призван был сыграть роль строгого судьи, сурово карающего виновников жестокого и бесчеловечного преступления.

В атмосфере распространения ультракатолического фанатизма и известий о скором нападении казаков комиссия спешно, в течение трех дней, разобрала дело и вынесла приговор. Около 100 человек приговорили к смерти, однако большинству из них еще ранее удалось скрыться. Двадцать человек казнили; имущество всех конфисковали. Витебск был лишен магдебургского права, вечевой колокол – символ независимости, снят, ратуша разрушена. Пречистенскую соборную церковь, при которой произошло убийство, судьи постановили сломать, а на ее месте за счет горожан построить новую, более обширную и величественную, и на колокольне повесить колокол, отлитый из колоколов прежней церкви, колокола ратуши и колоколов, звучавших в качестве сигнала к мятежу, с надписью о преступлении витебских жителей [60]. Все граждане Витебска должны были стать униатами, а следующими королевскими декретами в Полоцке, Могилеве, Орше, Мстиславле исповедание восточнохристианской веры запрещалось и всем ее последователям на белорусских землях повелевалось принять унию [51, с. 70].

Витебская трагедия нанесла огромный урон христианскому облику православной веры. «Православие, доселе, можно сказать, безобидное в своей стойкости, явилось, перед глазами всех простодушно или умышленно легковверных, с окровавленными руками...» [51, с. 79], тогда как вокруг личности Иосафата (Кунцевича) на волне христианского раскаяния православных [61, с. 239] и религиозного фанатизма иезуитов стал складываться культ святости.

Посмертное прославление Иосафата (Кунцевича) стало источником религиозного вдохновения приверженцев оплота унии – ордена базилиан. В декабре 1623 г. униатский митрополит Иосиф Рутский сообщил о смерти униатского архиепископа Папе Урбану VIII, а в феврале 1624 г. – о приговоре королевской комиссии по делу об убийстве полоцкого архиепископа – начальнику конгрегации распространения веры кардиналу Бандини [62] и вскоре с разрешения римского первосвященника созвал в Полоцке собор высшего униатского духовенства для торжественного отпевания тела принявшего мученическую кончину владыки, куда были приглашены и представители католического клира [49, с. 383]. Гроб с набальзамированными останками покойника был извлечен из склепа и поставлен в церкви.

Поклонники Иосафата (Кунцевича) стали описывать и превозносить его деяния, добродетельность и чудеса (см., напр.: [47, s. 301–302; 63, s. 347–350; 42, с. 64–65; 39, с. 214–216]). В 1643 г. состоялся акт его беатификации, а в 1867 г. Папа Пий IX причислил Иосафата (Кунцевича) к лику святых католической церкви, даруя его «патроном России и Польши» [47, s. 377–388, 422–425, 431–436].

Гроб с телом Иосафата (Кунцевича) находился в Софийском соборе вплоть до завоевания Полоцка в 1654 г. войсками русского царя Алексея Михайловича [49, с. 386–392]. Незадолго до их вторжения в город униатский митрополит и полоцкий архиепископ Антоний (Селява) перенес мощи Иосафата (Кунцевича) сначала в Жировицы, а затем – в Замостье. В 1667 г. преемник

владыки Антония Гавриил (Коленда) в связи с переходом Полоцка к Речи Посполитой возвратил гроб с телом Иосафата (Кунцевича) в место его первоначального захоронения. В 1705 г. мощи католического мученика были тайно вывезены из города базилианами в связи с угрозой Петра I сжечь их вместе с монахами, вызвавшими царственный гнев [2, с. 69–70]. После многолетних странствований и нескольких тайных захоронений гроб с телом Иосафата (Кунцевича) в 1769 г. был извлечен из склепа и поставлен в монастырской церкви г. Белы [64, с. 247–250]. В 1874 г. останки мученика были замурованы в церковной стене [43, с. 18]. В 1914 г. мощи Иосафата (Кунцевича) были перевезены в Вену, а во время Второй мировой войны – в Рим, где они и находятся до сих пор [65, s. 188].

Декретом Римской священной конгрегации обрядов от 6 мая 1643 г. Иосафату (Кунцевичу) была установлена общая служба [49, с. 394]. В 1746 г. итальянские базилиане с разрешения конгрегации обрядов и Папы Клементя XI издали в Риме книгу, где под 12 ноября поместили латинскую службу католическому мученику. Вскоре и униатские монахи Речи Посполитой составили особую службу Иосафату (Кунцевичу) [29, с. 425–430].

Во второй половине XVIII в. культ католического мученика распространился по всей Речи Посполитой. В селе Страдеч князем Сапегой была построена церковь в честь Иосафата (Кунцевича) [43, с. 21]. Но в 1839 г. после воссоединения страдечских прихожан с православием день празднования памяти католического мученика был заменен празднованием памяти святых Софии, Веры, Надежды и Любви с возведением в их честь нового храма.

Однако и в XIX в., и поныне Иосафат (Кунцевич) остается символом унии и антиправославия (см., напр.: [66, с. 82–83]).

Четыре столетия истории унии показали, что она не стала подлинно христианским творением. Но в ее бесплодности виноваты отнюдь не недостойные ученики апостолов унии, а сами ее творцы, в числе коих был и причисленный римской церковью к пантеону святых мучеников Иосафат (Кунцевич).

Еще до своего официального рождения уния подчинила себя идее папской теократии, и если до эпохи Замойского собора (1720 г.) она еще несла в себе внешние проявления верности восточнохристианской обрядности, то после него православные черты в унии делаются почти неразличимыми [67, с. 181–186]. Идеалом для отцов унии стал орден иезуитов, достигавший в своих вершинных проявлениях почти невозможной гармонии благочестивой созерцательности и активного миссионерства [68, с. 208–211].

Католический образ мыслей пронизывает всю деятельность и творчество Иосафата (Кунцевича). Латинские писатели влагают в уста униатского архиепископа такое, например, высказывание об иезуитах: «Между ними и мною нет никакой разницы, только одеяние и обряды. Та же самая вера, та же самая надежда, и та же самая любовь; их дело и мое имеют одну и ту же цель: восхваление Бога и спасение душ. Их враг – мой враг, и по-моему, и Бога. Ибо

враг этого ордена, столь много совершившего добрых дел, не может снискать любовь Господа Бога» (цит. по: [47, s. 206–207]).

В какой бы роли ни выступал Иосафат (Кунцевич) – послушника, архимандрита, архиепископа, он неукоснительно следовал иезуитскому принципу добровольного послушания начальствующим как земным представителям самого Бога. Вот образец его «отеческого» наставления, адресованного неизвестному игумену: «Отец Игумен! Нарочито посылаю рассылных моих, прибегаю к письму и вновь напоминаю об исправлении. Ибо я слышал, что ты снова *возвращаешься на свои блевотины*, а потому не хотел прибыть, по письму моему, и на собор. Так знай же и то, что я вас и сам найду, и, вероятно, будет для вас последняя ваша *лесть горшая первых*. Ибо я вижу, что ты *воздаешь ми злая возблагая и ненависть за возлюбление мое*. В заключение же будь здоров и исправляйся. Из Полоцка, вторая неделя... св. поста, февраля, 1621 года. В любви же Христовой брат» (цит. по: [49, с. 380]).

Апостольское служение ближнему в глазах Иосафата (Кунцевича) – исключительная прерогатива духовенства. Его «Советы иереям» не оставляют мирянам ни малейших шансов на независимую от клира организацию духовной жизни в миру. Так, один из «советов» архиепископа гласит: «Священники обязаны всемерно помогать нам, архиереям, если какая-нибудь светская власть вмешивается в церковные дела и вызывает раскол» (цит. по: [65, s. 237]). Или: «Священники не могут позволить никому из светских произносить речи или проповеди с кафедры в церкви» (цит. по: [65, s. 238]).

Естественно, что в такой системе воззрений нет места веротерпимости. Иосафат (Кунцевич), как он сам видит себя, – это апостол, обладающий абсолютной непогрешимостью, ибо его вера питается верой римского престола, где восседает земной наместник, поставленный от Бога. Поэтому здесь невозможна ни христианская любовь, ни евангельская жертвенность, «которая готова душу положить для обращения неверных, но без насилия их совести, в духе убеждения, а не угнетения и принуждения», а есть только «кровавые, но блестящие подвиги на пользу и распространение папского владычества и преобладания» [69, с. 414].

И, наконец, вселенскость Иосафата (Кунцевича) – это, скорее, космополитизм, добровольно предающий «любовь к отеческим гробам», но вовсе не «всечеловечность» (Ф. Достоевский), ибо, как писал Н. А. Бердяев, «всечеловечность не имеет ничего общего с интернационализмом, всечеловечность есть высшая полнота всего национального» [70, с. 128–129]. «Можно желать братства и единения русских, французов, англичан, немцев и всех народов земли, но нельзя желать, чтобы с лица земли исчезли выражения национальных ликов, национальных духовных типов и культур» [70, с. 124].

Именно поэтому в начале XXI в. христианское человечество, рисуя облик нового столетия, не может вдохновляться духовным завещанием архитекторов унии, провозгласивших ее в канун века XVII-го как идеал вечного братского союза всех христиан.

Список использованных источников

1. Марозава, С. Брэсцкая унія ў нацыянальна-культурным развіцці Беларусі (гістарыяграфія праблемы) / С. Марозава // 3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі) / пад. рэд. М. В. Бича, П. А. Лойкі; Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Экаперспектыва, 1996. – С. 5–16.
2. Щербицкий, О. В. История базилианского ордена / О. В. Щербицкий // Христиан. чтение. – 1864. – Ч. 1. – С. 11–75, 419–464.
3. Саверчанка, І. Апостал яднання і веры: Язэп Ручкі / І. Саверчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 67 с.
4. Крачковский, Ю. Ф. Очерки униатской церкви. Продолжение, XX–XXIII / Ю. Ф. Крачковский // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1876. – Кн. 4. – С. 343–404.
5. Петров, Н. Очерк истории базилианского ордена в бывшей Польше / Н. Петров // Тр. Киев. Духов. Акад. – 1870. – Т. 2. – С. 428–494.
6. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: в 9 т. (11 кн.) / Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. – М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1994–1996. – Кн. 6: Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1720). – 1996. – 797, [3] с.: 16 л. цв. ил.
7. Турук, Ф. Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский (1613–1617) и его значение в истории униатской Западной русской церкви / Ф. Турук. – Пг., 1916. – 41 с.
8. Харлампович, К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви / К. В. Харлампович. – Казань, 1898. – XIII, 524, LXII с.
9. Конан, У. Я. Ручкі і станаўленне уніяцкай царквы / У. Конан // 3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі) / пад. рэд. М. В. Бича, П. А. Лойкі; Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Экаперспектыва, 1996. – С. 54–71.
10. Szegda, M. Rutski / M. Szegda // Polski Słownik Biograficzny. – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991. – Z. 137 (T. 33/2). – S. 256–260.
11. 1608 Июля 21. Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потя Литовскому духовенству, об определении иеромонаха Иосифа Велямина-Рутского епархиальным наместником, с подтверждением, чтобы все духовные лица были ему подсудными // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. – СПб., 1851. – Т. 4. – С. 262–263.
12. Коялович, М. О. Литовская церковная уния: в 2 т. / М. О. Коялович. – СПб., 1861. – Т. 2. – 442 с.
13. Щербицкий, О. В. Виленский Свято-Троицкий монастырь / О. В. Щербицкий. – Вильна: Тип. Губерн. правл., 1885. – 190, III с.; 20.
14. [Жукович, П.] Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.) / [соч.] проф. П. Жуковича. – СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1901. – XXII, 610 с.
15. 1609 г. Февраля 20. Королевский приказ Виленской ратуше о передаче Виленского Троицкого монастыря Рутскому, и об оказании ему при этом помощи // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна, 1869. – Т. 6. – С. 132–133.
16. 1615, октября 19. Королевская грамота Виленскому Троицкому униатскому монастырю на право тамошних Базилиан основывать школы в Новогрудке, Минске и пр., и учить там на правах римско-католических школ // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб., 1865. – Т. 2. – С. 69–71.
17. 1612 Июня 16 и Августа 28. а) Настольная грамота Киевского Униатского митрополита Ипатия Потя новопоставленному Галицкому епископу Иосифу Рутскому, коадьютору

Киевской митрополии, с предоставлением ему в управление Лаврашевского монастыря; б) Присяжный лист Галицкого епископа Иосифа, и в) Жалованная королевская подтверждающая грамота ему же Иосифу, на звание митрополичьего коадьютора и на пожизненное владение Лаврашевским монастырем, с отчинными его людьми, угодьями и доходами // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. – СПб., 1851. – Т. 4. – С. 429–432.

18. Духовное завещание униатского митрополита Ипатия Потеея. Апология унии. 1609 года, ноября 19 // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов. – Киев, 1883. – Ч. 1, т. 6. – С. 391–396.

19. Дополнение к духовному завещанию митрополита Ипатия Потеея. Распределение им остающегося после него церковного и другого имущества. 1613 года, апреля 27 // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов. – Киев, 1883. – Ч. 1, т. 6. – С. 413–415.

20. Жукович, П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.) / П. Жукович. – СПб., 1903–1912. – Вып. 1–6. – Вып. 2 : 1615–1619 гг. – 1904. – IV, 121 с.

21. Савич, А. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI–XVIII в. / А. Савич. – Київ, 1929. – 340 с. – (Всеукраїнська Академія Наук. Збірник історично-філологічного відділу ; № 90).

22. Фаррар, Ф. В. Жизнь и труды святых Отцев и Учителей Церкви: очерки церковной истории в биографиях : пер. с англ. / Ф. В. Фаррар. – СПб. : Тузов, 1891. – XI, 4, 1036 с.

23. Крачковский, Ю. Ф. Очерки униатской церкви. I–IX / Ю. Ф. Крачковский // Чтения въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. – М. : Университет. тип., 1871. – Кн. 1. – С. 1–150.

24. Congregacya Nowogrodowicka I. Anno 1617 // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна, 1900. – Т. 12. – С. 7–17.

25. Congregacya II. Ławryszowska 1621 г. // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна, 1900. – Т. 12. – С. 17–27.

26. Congregacya Rutska III. Anno 1623 // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна, 1900. – Т. 12. – С. 27–30.

27. Жукович, П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.) / П. Жукович. – СПб., 1903–1912. – Вып. 1–6. – Вып. 4 : 1623–1625 гг. – 1908. – V, 173, 32 с.

28. Сенік, С. Два митрополити – Потій і Рутський. Дискусія / С. Сенік // Історичний контекст, укладення Берестейської унії і перше поунійне покоління : матеріали Перших «Берестейських читань», Львів, Івано-Франківськ, Київ, 1–6 жовтня 1994 р. / ред. Б. Гудзяк. – Львів, 1995. – С. 137–172.

29. Хойнацкий, А. Ф. Западнорусская церковная уния в ее богослужении и обрядах / А. Ф. Хойнацкий. – Киев : Тип. Киево-Печерской Лавры, 1871. – 475 с.

30. [Бобровский, П. О.] Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I : ист. исслед. по арх. документам : с прил. алф. указ. имен и предметов / [соч.] П. О. Бобровского. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. – XVI, 394 с.

31. Коялович, М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния собств. Е. И. В. Канцелярии, 1873. – [2], XII, 400 с.

32. Павлович, С. К. Опыт истории Замойского униатского провинциального собора (1720 год) / С. К. Павлович. – Гродна : Губерн. тип., 1904. – [2], 254 с.

33. Щербицкий, О. В. Достопримечательности Виленского Свято-Троицкого монастыря / О. В. Щербицкий. – Вильно : [б. и.], 1914. – 46 с.

34. Иосафат // Христианство : энцикл. слов. : в 3 т. / редкол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.), А. Н. Мешков, Ю. Н. Попов. – М. : Большая Рос. энцикл., 1993–1995. – Т. 1. – 1993. – С. 638.

35. Иосафат Кунцевич // Православная богословская энциклопедия. – СПб. : Изд. преемников А. П. Лопухина, 1906. – Т. 7. – С. 339–342.

36. Jozafat Kuncewicz // *Podręczna Encyklopedia Kościelna*. – Warszawa, 1910. – Т. 19/20. – С. 117–118.
37. Świącki, T. Kuncewicz Jozafat / T. Świącki // *Historyczne pamiątki znamienitych rodziny osób Dawnej Polski* / T. Świącki. – Warszawa, 1858. – Т. 1. – С. 131.
38. Kuncewicz Jozafat // *Bibliografia historii polskiej* / комп. L. Finkel. – Warszawa, 1955. – Cz. I. – S. 442, 710.
39. Демьянович, А. Иезуиты в Западной России (в 1659–1772 годах). Окончание / А. Демьянович // *Журн. М-ва народ. просвещения*. – 1871. – Ч. 158. – С. 181–231.
40. Брянцев, П. Д. Очерк древней Литвы и Западной России / П. Д. Брянцев. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1891. – 150 с.
41. Łukaszewicz, J. Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie / J. Łukaszewicz. – Poznań : w Drukarni Orędownika na Garbarach, 1842–1843. – Т. 1. – 1842. – VIII, 414, [1] s.
42. Коялович, М. О. Иосафат Кунцевич / М. О. Коялович // *Православ. обозрение*. – 1861. – Т. 5. – С. 50–66.
43. Паевский, Л. С. Лжемученик Иосафат Кунцевич : (униатский Полоцкий архиепископ) / [настоятель Каменец-Литовской церкви, свящ. Лев Паевский]. – [Гродно] : Гродн. губерн. тип., 1895. – 22 с.
44. Правда об Иосафате Кунцевиче : [факс. изд.]. – Минск : Правосл. Братство во имя Архистратига Михаила Мин. епархии, 1993. – 17 [1] с.
45. В. Р. [Раџобка, В.]. Światy Jozafat Kuncewić / В. Р. – Wilnia, 1916. – 16 s.
46. Историческое известие о возникшей в Польше Унии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной через два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униятов на благочестивых тамошних жителей гонении: по Высочайшему блаженныя памяти императрицы Екатерины II повелению, из хранящихся Государственной Коллегии Иностранных дел в Московском Архиве актов и разных исторических книг, Действительным Статским Советником Николаем Бантышем-Каменским 1795 года собранное / [Н. Бантыш-Каменский]. – М. : В Синод. тип., 1805. – [2] 254 с.
47. Guépin, A. Żywot ś. Jozafata Kuncewicza męczennika, arcybiskupa połockiego / A. Guépin. – Lwów : nakł. księg. Gubrynowicza i Schmidta, 1907. – 439 s.
48. Unia brzeska (r. 1596) / opow. przez E. Likowskiego. Poznań : nakł. aut. ; Kraków : w komisie księg. Gebethnera, 1896. – XX, 424 s.
49. Петров, Н. И. Униатский лжемученик Иосафат Кунцевич и посмертное чествование его бывшими униатами юго-западной и западной России / Н. И. Петров // *Памятники русской старины в западных губерниях*. – СПб., 1885. – Вып. 8 : Холмская Русь. – С. 375–399.
50. 1589. Речь Ивана Мелешка, каштеляна Смоленского, произнесенная на Варшавском сейме в присутствии короля Сигизмунда III, против покровительствуемого Польскими королями влияния Немцев и Поляков на обычаи и приемы жизни в Руси и Литве // *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России*. – СПб., 1865. – Т. 2. – С. 188–190.
51. Кулиш, П. А. История воссоединения Руси : в 3 т. / П. А. Кулиш. – М., 1874–1877. – Т. 3 : Религиозное, социальное и национальное движение в эпоху Иова Борецкого. – 1877. – [6], IV, 374 с.
52. 1619 г. марта 22. Решение короля Сигизмунда III по делу об отказе жителей Могилева подчиниться униатскому архиепископу Кунцевичу // *Белоруссия в эпоху феодализма : сб. док. и материалов* / под ред.: А. И. Азаров [и др.]. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1. – С. 442–443.
53. Говорский, К. А. Иосафат Кунцевич, униатский полоцкий архиепископ / К. А. Говорский. – Вильна : в тип. Губерн. правления, 1865. – 32 с.
54. Коялович, М. О. Ответ газете LEMONDE, усиливающейся доказать, что наше русское мнение об Иосафате Кунцевиче несправедливо / М. О. Коялович // *Вестн. Запад. России*. – 1865. – Т. 1, кн. 2.– Отд. 3. – С. 22–36.
55. 1623 г. – Из жалобы православной шляхты Белоруссии и Украины Варшавскому сейму на притеснения и преследования, чинимые католической и униатской церквями православ-

ному населению // Белоруссия в эпоху феодализма : сб. докум. и материалов / под ред.: А. И. Азаров [и др.]. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1. – С. 393–403.

56. Письмо архиеп. Иосафата Кунцевича к митроп. Иосифу Рутскому о непреклонности к унии Витебских, Полоцких и Могилевских мещан, об их интригах и возмущениях против нее и Кунцевича, о ходатайстве, со стороны митрополита, у короля по делу унии в сих городах, – с выражением упрека канцлеру Л. Сапеге, за его письма в защиту православия. 1622 г. // Витебская старина : в 5 т. / сост. А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1883. – Т. 1. – С. 216–217.

57. Ответ Льва Сапегы, канцлера Литовского на письмо Полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича. 1622 г. // Витебская старина : в 5 т. / сост. А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1883. – Т. 1. – С. 218–223.

58. 1623 г. ноября 21. – Донесение Витебского магистрата оршанскому подстаросте Друцкому-Любецкому об убийстве горожанами униатского архиепископа Кунцевича // Белоруссия в эпоху феодализма : сб. докум. и материалов / под ред.: А. И. Азаров [и др.]. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1. – С. 444–445.

59. Письмо папы Урбана королю Сигизмунду III, с убеждением не оставить без наказания Витебских жителей за умерщвление Полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. 10 Февраля 1624 г. // Витебская старина : в 5 т. / сост. А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1883. – Т. 1. – С. 238–239.

60. Решение Комиссарского суда по делу об убиении Полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. 1624 г. Января 22 // Витебская старина : в 5 т. / сост. А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1883. – Т. 1. – С. 223–238.

61. Голубев, С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (опыт исторического исследования) : в 2 т. / С. Т. Голубев. – Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. – Т. 1. – XII, 559 с.

62. Письмо униатского митрополита Иосифа Рутского кардиналу Бандину о разных наказаниях, присужденных Витеблянам за совершенное преступление. 11 февраля 1624 г. // Витебская старина : в 5 т. / сост. А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1883. – Т. 1. – С. 239–240.

63. Wiszniewski, M. *Historia literatury polskiej* : w 10 t. / M. Wiszniewski. – Kraków : w Druk. Uniwersyteckiej, 1851. – Т. 8. – 504 s.

64. Сикорский, И. Реликвии Иосафата Кунцевича / И. Сикорский // Журн. М-ва народ. просвещения. – 1870. – Ч. 152. – С. 245–253.

65. Panucevič, V. *Šv. Jazafat, Archijap. Połacki, 1623–1963: Referat čytany na Tydni Chyścianskaj Jednaści 19 studzienia 1963.* – Chicago, 1963. – 255 s.

66. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого // Православ. собеседник. – 1885. – Ч. 1. – С. 39–90, 163–200, 300–312.

67. Зноско, К., прот. Исторический очерк церковной унии. Ее происхождение и характер / прот. Константин Зноско. – М. : Мартис, 1993. – 240 с.

68. Хольц, Л. История христианского монашества / Л. Хольц. – СПб. : Святой крест, 1993. – 425 с.

69. Хойнацкий, А. Православие и уния в лице двух своих защитников, преподобного Иова Почаевского и Иосафата Кунцевича / А. Хойнацкий // Тр. Киев. духов. акад. – 1882. – Т. 2. – С. 409–426.

70. Бердяев, Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев // Избранные труды / Н. А. Бердяев ; [сост., авторы коммент. Т. А. Филиппова, П. Н. Баратов ; авт. вступ. ст. Т. А. Филиппова]. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 43–240.

I. М. Бабкоў

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

**ПАМЕЖЖА ЭПОХ, СКРЫЖАВАННЕ КУЛЬТУР,
СКЛАДКА ЦЫВІЛІЗАЦЫЙ: ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
ЭПОХІ АСВЕТНІЦТВА І РАМАНТЫЗМУ**

Артыкул прысвечаны эвалюцыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі першай паловы XIX ст. На аснове метадалагічнага інструментарыя гісторыі ідэй і інтэлектуальнай гісторыі аналізуецца інтэлектуальная культура эпохі ў тыпалагічным аспекце: гісторыка-культурныя эпохі, агульныя тэндэнцыі, філасофскія кірункі, пазіцыі асобных персанаў. Робіцца выснова пра пераходны характар эпохі, пра культурнае і інтэлектуальнае памежжа, якое прыводзіць да канфігурацыі «два Асветніцтва, тры Рамантызмы». Аналізуюцца чатыры фазы развіцця інтэлектуальнай культуры з рознымі дамінантамі: эпістэмалагічная фаза, фаза рамантычнай крытыкі, фаза рамантычнага месіянізму і фаза рамантычнага спірытуалізму і кансерватыўнага паварота.

Ключавыя словы: гісторыя філасофіі Беларусі, гісторыя ідэй, Асветніцтва, рамантызм, Віленскі ўніверсітэт, Я. Снядэцкі, А. Доўгірд, Ю. Галухоўскі, А. Міцкевіч

И. М. Бобков

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**РУБЕЖ ВЕКОВ, ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУР, СКЛАДКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ
ПРОСВЕЩЕНИЯ И РОМАНТИЗМА**

Статья посвящена эволюции философской и общественно-политической мысли Беларуси первой половины XIX столетия. На основе методологического инструментария истории идей и интеллектуальной истории анализируется интеллектуальная культура эпохи в типологическом аспекте: историко-культурные эпохи, общие тенденции, философские направления, позиции отдельных персон. Делается вывод про переходный характер эпохи, про культурное и интеллектуальное пограничье, которое приводит к конфигурации «два Просвещения, три Романтизма». Анализируются четыре фазы развития интеллектуальной культуры с разными доминантами: эпистемологическая фаза, фаза романтической критики, фаза романтического мессианизма и фаза романтического спиритуализма и консервативного поворота.

Ключевые слова: история философии Беларуси, история идей, Просвещение, романтизм, Виленский университет, Я. Снядзецкий, А. Довгирд, Ю. Голуховский, А. Мицкевич

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

BORDERLAND OF AGES, INTERSECTION OF CULTURES, FORMATION OF CIVILIZATIONS: PHILOSOPHY OF THE ENLIGHTENMENT AND ROMANTICISM

Article is devoted to the evolution of philosophical and political thought of Belarus of the first half of the 19th century. On the base of the methodological tools of the history of ideas and intellectual history, there is analyzed the intellectual culture of the era in typological aspect: the historical and cultural epochs, general trends, philosophical trends, the position of personalities. There is made the conclusion about the nature of the transition period, the cultural and intellectual frontier, which leads to the configuration "two Enlightenments, three Romanticisms". There are analyzed four phases of development of intellectual culture, with different dominants: the epistemological phase, the phase of the romantic critics, the romantic messianism phase, and the phase of romantic spiritualism and conservative turn.

Keywords: *history of Belarusian philosophy, history of ideas, the Enlightenment, Romanticism, Vilnius University, Yan Sniadecki, Aniol Dowgird, Yuzef Goluchowski, Adam Mickiewicz*

Канец XVIII – першая палова XIX ст. займае на мапе эпох асаблівае месца і як гістарычны перыяд мае бясспрэчную цэльнасць. І цэльнасць гэтая звязаная не толькі з гістарычнай унікальнасцю, адзінкавай канфігурацыяй гістарычных падзей, але таксама з сістэмнымі зменамі ў палітычным, сацыяльным і культурным полі тагачаснага грамадства. Першы план – назавём яго гістарычнай сінгулярнасцю эпохі – даследаваны больш менш падрабязна, хаця і тут ёсць пэўныя лакуны і недаацэнкі. З гэтай перспектывы перад намі адкрываецца адасоблены гістарычны перыяд з насычанай інтэлектуальнай гісторыяй. У сваёй доўгай – *longue durée* – версіі, разам з перадгісторыяй 1790-х і пасляслоўем 1860-х, ён займае больш за фармальна-арыфметычныя паўстагоддзя. Пазначаны перыяд пачынаецца і завяршаецца двума паўстаннямі, трэцяе ўтварае яго цэнтр і кульмінацыю. Паміж імі – цэлы феерверк разломаў і гістарычных паваротаў, пры якіх ужо сацыяльна-палітычны ландшафт, што нібыта склаўся, радыкальна мяняецца, набывае новыя якасці і кірункі.

Перш за ўсё, пасля канчатковага падзелу Рэчы Паспалітай паўстае зусім новая структурацыя палітычнага поля са старой прававой базай, адносна аўтаномным грамадствам і знешнім дзяржаўным кіраваннем. І хаця першыя захады новай улады (у часы Кацярыны II і Паўла) тычыліся фармальнай лаяльнасці насельніцтва «нованабытых земляў» [1] і былі скіраваныя на падтрыманне стабільнасці, у сацыяльна-палітычнай прасторы пачалі адбывацца істотныя змены. У гэтыя перыяды пачынае ўзрастаць розніца між тэрыторыямі былой Рэчы Паспалітай, якія існавалі на правах аўтаноміі (Варшаўскае княства, потым Каралеўства Польскае), і тэрыторыямі, якія былі «вернутыя», г. зн далучаныя да ўласна Расійскай імперыі як яе заходнія губерні.

Сярод гэтых «вернутых» – усе землі Вялікага Княства Літоўскага (Беларусь і Літва), а таксама тэрыторыі праваберэжнай Украіны (Валынь, Падолле

і адміністрацыйна далучаны да іх Кіеў), якія ад XVI да канца XVIII ст. складалі частку Каралеўства Польскага. Разам яны ствараюць новы імперскі Запад – рэгіён, які вылучаецца не толькі этнакультурна і канфесійна, але і цывілізацыйна. Гэты новы Запад аб'яднаны не толькі шматлікай рыма-каталіцкай шляхтай, якая эканамічна і сацыяльна дамінуе, складае эліту грамадства, не толькі памяццю пра Рэч Паспалітую, але і супольнымі перспектывамі, патэнцыйнай будучыняй, якую старыя эліты вымушаны шукаць ужо ў межах новай дзяржаўнасці.

Адміністрацыйна рэгіён дзеліцца на губерні і генерал-губернатарствы, але паралельна, паверх гэтага вайскова-адміністрацыйнага падзела паўстаюць зусім іншыя межы і ідэнтычнасці. Самае важная з іх – Віленская навучальная акруга з Віленскім універсітэтам як цэнтральнай адміністрацыйнай інстытуцыяй і сістэмай гімназій. Вільня выконвае ролю цэнтра, задае нормы і інтэлектуальны стыль. У ролі інтэлектуальнай і (крыху) адміністрацыйнай апазіцыі выступае Полацк (езуіцкі калегіум, потым – акадэмія), які напачатку канкурыруе з Вільняй за ўплыў як на мясцовае грамадства, так і на пецяярбургскія эліты. Валынь, якая фармальна не мае нават аўтаноміі, але тым не менш (у асобе Т. Чацкага) спрабуе праводзіць цалкам самастойную адукацыйную палітыку, і не толькі ў змесце адукацыі, але і ў стылі. Валынь стварае трэцюю зону адрознасці, якая канчаткова выходзіць на паверхню пасля паўстання Крамянецкага ліцэя. Ліцэй, які фармальна ўваходзіў у Віленскую адукацыйную вертыкаль, быў абавязаны падпарадкоўвацца і ўзгадняць свае адукацыйныя матэрыялы, але насамрэч прэтэндаваў на выключнасць або ўнікальнасць.

Такім чынам, у межах гэтай новай геакультурнай адзінкі выстройваюцца ўнутраны падзел і ўнутраныя апазіцыі. Першая трэць XIX ст., эпоха Аляксандра I, структураваная гэтымі апазіцыямі. Яна пачынаецца энтузіязмам і ліберальнымі рэформамі, працягваецца вайной з Напалеонам і ўрэшце завяршаецца расчараваннем і кансерватыўным паваротам. Адкрытая палеміка Вільні з Полацкам. Схаваная – з Валынню і Падолам. І самае нечаканае – палеміка Вільні з Варшавай. Трэба адзначыць, што гэтыя супрацьстаянні не з'яўляліся супрацьстаяннямі выключна лакальных эліт, але ў значна большай ступені ідэй і стыляў. Палеміка Вільні і Полацка была сярод самых заўважных і прачытвалася сучаснікамі як проціпастаўленне прагрэса і рэакцыі, асветніцтва і цемрашальства [2]. У другой палове 1830-х гадоў, ужо ў Мікалаеўскую эпоху, пасля паўстання і закрыцця ўсіх адукацыйных праектаў да структурацыі, якая ўжо склалася, далучаюцца альтэрнатыўныя цэнтры – Кіеў і Пецяярбург. Кіеўскі ўніверсітэт, задуманы імперскімі ўладамі як альтэрнатыва Вільні, у першыя гады сваёй дзейнасці прымае значную частку студэнтаў апошняга і ў 1840-я «выбухае» радыкальнымі праектамі (тайнае таварыства «Кірыла-Мяфодзіеўскае братэрства», часопіс «Гвезда»).

Пецяярбург, у якім заўсёды існавала вялікая беларуская дыяспара, разглядаецца сучаснікамі як цэнтр кансерватызму і традыцыяналізму (палітыч-

на-літаратурнае выданне «Tygodnik Petersburski»). У той жа час падаўленне паўстання і з'яўленне «вялікай эміграцыі» прыводзіць да таго, што полем дзеяння шляхецкіх рэвалюцыянераў на мяжы 30-х і 40-х гадоў XIX ст. становіцца «Еўропа і ўсё свет»: кнігі, асобы, праекты ўзнікаюць у Парыжы і Лондане, Рыме і Жэневе.

У самой імперыі 1840-я гады – час заціхання і нармалізацыі. Асноўным месцам захавання культуры канчаткова становіцца шляхецкі маёнтак, а формай – індывідуальныя і групавыя праекты ды ініцыятывы. 1840–1850-я гады даюць нам безліч прыкладаў новых, не звязаных з цэнтрам і дзяржавай культурных пачынанняў. Самыя заўважныя сярод іх – віленскі часопіс «Атенеум» (галоўны рэдактар Язэп Крашэўскі), а таксама ўжо ўпамнутыя «Гвезда» і «Tygodnik Petersburski». Асобна трэба адзначыць літаратурна-навуковыя альманахі «Rocznik Literacki» і «Pamiętnik naukowo-literacki» Рамуальда Падбярэскага. Гэтыя выданні абазначаюць тэндэнцыю пераводу культурнай прадукцыі на новыя, капіталістычныя рэйкі: тэндэнцыя, якая ўжо так моцна заявіла сябе ў Парыжы і Пецярбургу.

Гэта часы прарастання новых ідэнтычнасцей. Паступова мяняюцца культурныя нормы, побач з традыцыйнай польскай мовай, якая, нягледзячы на забарону публічнага ўжывання, застаецца культурнай *lingua franca* рэгіёна, прыходзяць руская, а таксама літоўская, беларуская, украінская. Нараджаюцца лакальныя праекты, якія ставяць пад пытанне ўжо складзены баланс ідэнтычнасцей. Беларусь Яна Баршчэўскага, Літва Тэадора Нарбута, Украіна Тараса Шаўчэнкі і кірыла-мяфодзіеўцаў – усё гэта пачынаецца і прарастае паступова, як мясцовая ініцыятыва, але ўрэшце набірае моц і ўладу. У гэтыя часы ў асяроддзі элітаў канчаткова замацоўваецца ідэя ненармальнасці і ненатуральнасці для рэгіёна «чужой» улады, а новыя праекты набываюць «рэвалюцыйны», антыімперскі і антыкаланіяльны пафас. Урэшце напрыканцы перыяду на змену гетэракультурнай рэальнасці «еўрапейскай Сарматыі» канчаткова прыходзіць «усходнееўрапейскае памежжа», у якім польскае і беларускае, украінскае, габрэйскае і «еврейское», ліцвінскае і літоўскае, рускае, русінскае і расейскае, рэканструяванае мінулае і ўяўленая будучыня, шляхецкае і хлопскае дзіўным спосабам пераплецены, аб'яднаны ў адну, полі- і транскультурную рэальнасць [3].

І ўсё гэта існуе ў матрыцы і ў палітычным полі праекта постпятроўскай Расіі як складаная частка і важны фактар ужо ўнутранай палітыкі. Як праблема, якой гэтая дзяржава так і не зможа даць рады. Тэма Расійскай імперыі надзвычай міфалагізаваная як са знешняй перспектывы, так і з унутранай. Будучы праектам шматнацыянальным і шматмоўным, наратыў яе гісторыі напісаны пераважна з этнадзяржаўніцкіх пазіцый, як гісторыя *рускай* дзяржавы, альбо *руская дзяржаўная гісторыя*. У той жа час гісторыкі разумеюць, што праект постпятроўскай Расіі (пецярбургскі перыяд) не мае ніякага дачынення да этнічнай альбо нацыянальнай дзяржаўнасці. Ён пачынаецца з прыхо-

ду ў Маскоўскае царства «нямецкіх» элітаў Інфлянтаў, якія цягам наступных стагоддзяў знаходзяцца ў пошуку традыцый і ідэнтычнасці, а таксама інструментаў кантролю над шматэтнічным і шматканфесійным насельніцтвам ды разлеглай тэрыторыяй. Ужо даўно існуе неабходнасць іншай гісторыі пост-пятроўскай Расіі, у якой будзе месца шматлікім лакальным і рэгіянальным праектам, ідэнтычнасцям і альтэрнатывам, якія ў XVIII і XIX стст. складалі асноўную яе рэальнасць.

Васемнацатае стагоддзе – час татальнага панавання «нямецкіх» элітаў. Кульмінацыяй гэтай эпохі з’яўляецца цараванне Кацярыны II, якая пераўтварае «служылых», «гасударавых людзей» у дваранства, убудаванае ў новую сістэму «службы». У гэтым, дарэчы, парадаксальнае падабенства апошняга перыяду Рэчы Паспалітай і пачатковага перыяду Расійскай імперыі: і там і там мы бачым недастатковасць дзяржаўных механізмаў, слабасць улады, разрыў між уладай і грамадствам, чужыя альбо адчужаныя эліты. У пачатку XIX ст. гісторыя падзяляецца на дзве адносна аўтаномных зоны: ліберальную, у часы царавання Аляксандра I, і халодную суворую Мікалаеўскую эпоху. Бліскуючая і кароткая інтэрмедыя між першым і другім – прыход і сыход Напалеона.

У дачыненні да нованабытых зямель палітыка Расейскай імперыі парадаксальная. З аднаго боку, пачынаючы ад Кацярыны II, ідэалагічна сцвярджаецца што гэта землі «вернутыя» з чужынскага, г. зн. польскага, панавання. З іншага – асноўная тэндэнцыя першых дзесяцігоддзяў – улучэнне польскамоўнай шляхты ў структуру дзяржаўнай службы, скарыстанне яе як важнага адміністрацыйнага і інтэлектуальнага рэсурсу ў выстройванні лініі кіравання. Да таго ж заходнія губерні ўтвараюць «свой, блізкі Захад», які дае псіхалагічнае адчуванне Еўропы, пастаўляе ўзоры культурных і палітычных інстытуцый. Так, адукацыйная рэформа, якая пачынаецца ў Аляксандраўскую эпоху, шмат у чым спісана з адукацыйнай рэформы Рэчы Паспалітай, а Камісія Нацыянальнай Адукацыі (як і судовая сістэма) застаецца і дзейнічае пасля падзелаў. Тым не менш праект інтэграцыі шляхты ў сістэму службы (мягкая каланізацыя) правальваецца, а Студзеньскае паўстанне ставіць на «мядовым месяцы» тлустую кропку.

Заходнія губерні з тэрыторыі-донара, пастаўшчыка ідэй і рэсурсаў пераўтвараюцца ў месца-праблему, поле канфлікта і нават ідэалагічнай вайны. Дзяржаўная палітыка Пецярга ў гэты новы перыяд пачынае будавацца на падзелах і аслабленнях. А таксама на ідэі паніжэння «культурнага капіталу», механічнай каланізацыі, своеасаблівай «зачыстцы» ад нелаяльных элітаў і «чужой» культуры. Гэтая палітыка, паслядоўна праведзеная да канца XIX ст., прыводзіць урэшце да зусім іншай мадэлі рэгіёна: на месца надзвычайна структураванага полікультурнага грамадства, рознамоўнага і рознаканфесійнага, але пры гэтым злучанага ў адзінае цэлае, прыходзіць сацыяльна падзеленае, няпоўнае грамадства з антаганізаванымі элементамі, у якім адзіным натуральным і легітымным прадстаўніком прызнаецца сялянства. Асноўным

рэпрэзэнтантам рэгіёна становіцца някрасаўскі *мужык-беларус*, маўклівы, худы, з калтуном у галаве, які паслухмяна будзе імперскую чыгунку. Ён прадстаўляе ідэальны матэрыял для каланізацыі, і за права выкарыстоўваць яго ў якасці такога матэрыялу ў далейшым пачнуцца сапраўдныя *каланіяльныя* войны.

Такім чынам, у XIX ст. у дачыненні да народаў і грамадстваў былой Рэчы Паспалітай Расейская імперыя выступае адначасова як знешняя рамка, што аб'ядноўвае/абмяжоўвае гэты перыяд, і як новы дзяржаўны кантэкст, на які вымушаныя зважаць (і нават браць удзел) эліты краіны. Але перш за ўсё як радыкальны дэканструктар традыцыйнага грамадства, адмысловы «ледакол» мадэрнасці, новая дзяржава «ўзламвае» традыцыйныя станавыя падзелы, спрабуючы падзяляць і кіраваць асобнымі часткамі.

Парадаксальна, але менавіта гэтае паслядоўна праведзенае разасабленне, антаганізацыя сацыяльнага поля прыводзіць у другой палове XIX ст. да нарастання рэвалюцыйных настрояў, фарміравання новых праектаў (беларускі, украінскі, габрэйскі), у якіх нацыянальнае і сацыяльна-вызваленчае спляўлена ў адзінае неразрыўнае і непадзельнае цэлае.

І менавіта гэты рэвалюцыйны Захад паставіць апошняю кропку ў гісторыі Расійскай імперыі напачатку XX ст.

Асобы і ідэі займаюць важнае месца ў гэтым перыядзе, асабліва ў параўнанні з асабістай невыразнасцю папярэдняга, XIX ст. Ніколі раней у гісторыі рэгіёна роля асоб не была такой істотнай і такой заўважнай. І гутарка не толькі пра новыя магчымасці кар'еры, што адкрываліся ў сітуацыі недахопу адміністрацыйных рэсурсаў у Расійскай імперыі. Асоба ў гэты перыяд пачынае выламвацца з сацыяльнага асяроддзя, ставіць пад пытанне сацыяльныя патэрны і культурныя маскі, не супадаць з імі. А ў выніку рамантычнай рэвалюцыі гэтае права на нязгоду, на несупадзенне становіцца нормай культуры.

Пры гэтым у першай палове XIX ст. адначасова суіснуюць тры тыпы элітаў.

Магнатэрыя, што спрабуе ў віры гістарычных катаклізмаў захаваць калі не ўплывы, дык хаця б маёмасць. Частка яе спрабуе знайсці месца сярод элітаў імперыі, упісацца ў кацярынінскую сістэму «службы», іншая застаецца ў маёнтках, будуючы лакальныя ўтопіі. У пазначаны перыяд такімі важнымі месцамі становяцца Залесе Агінскіх, Шчорсы Храптовіча, Лагойск Тышкевічаў. Напрыканцы эпохі ўзорным месцам выступаюць Вашкоўцы Бохвіца. Магнатэрыя застаецца, але ўжо на гістарычным сыходзе. Старая эпоха ўсё яшчэ прысутнічае і ўплывае, асабліва ў першыя дзесяцігоддзі эпохі. Але ўрэшце развітваецца ціха і незаўважна (як ціха і незаўважна жыву і памёр у Пецярбургу Станіслаў Аўгуст Панятоўскі). Тыя, хто хочучь браць удзел у новай, вымушаны набываць новы стыль і новую ролю. Узоры такой ролі – Адам Чартарыйскі, ягоная кар'ера ад закладніка і амаль вязня да сябра імператара Аляксандра I, куратара Віленскай навучальнай акругі, а далей паўстанне, эміграцыя, зусім іншая роля й іншая эпоха. Ян Патоцкі, авантурыст, арыен-

таліст, містык, падарожнік, які быў вядомы сучаснікам са сваёй калабарацыі з імперскімі ўладамі, але ў гісторыі застаўся як аўтар недапісанага рамана на французскай мове «Рукапіс, знойдзены ў Сарагосе». Тадэвуш Чацкі, які спрабуе пераўтварыць Валынь і Падолле ў месца навук і новага стылю. Міхал Агінскі, што спрабуе тварыць з Залесся ўтопію.

Але калі казаць пра ідэі, тэксты, і грамадскую значнасць, на цэнтральнае месца ў гэты час выходзіць прафесура Віленскага ўніверсітэта. Прыкладам гэтага, другога тыпу з’яўляецца Ян Снядэцкі – матэматык і астраном, рэктар універсітэта. Новыя познеасветніцкія эліты групуюцца вакол адукацыйных інстытуцыяў і абапіраюцца ў большай ступені на сілу ідэі і ўладу дыскурса, чым на месца альбо функцыю. У той жа час самі адукацыйныя інстытуцыі губляюць аўтаномію (і акадэмічную і інстытуцыйную) і становяцца часткай імперскай вертыкалі ўлады. Віленскі ўніверсітэт, у адрозненне ад Галоўнай школы і нават ад езуіцкай акадэміі, існуе не на фундушы, а на дзяржаўныя датацыі. І колькасць «месцаў» у ім абмежаваная.

У другой палове гэтага перыяду з’яўляецца яшчэ адзін тып асобы, не падобныя ні на першую, ні на другую. Тып, які прадстаўляе новыя, альтэрнатыўныя эліты, што нараджаюцца ў эпоху рамантызму ў дробнашляхецкіх асяродках. Гэта выхадцы з дробнай шляхты – слоя, які не проста патрапляе ў інтэлектуальны і культурны авангард эпохі, але і ўпершыню выходзіць на авансцэну гісторыі. Усіх іх аб’ядноўвае тое, што яны звязаны не столькі інстытуцыйнай, колькі з ідэйнай і ідэалагічнай пазіцыяй. І менавіта ў сувязі з гэтай пазіцыяй паўстаюць іх праекты. Адам Міцкевіч і Адам Чарноцкі (Зарыян Даленга-Хадакоўскі), Томаш Зан і Ян Баршчэўскі, Ян Чачот – частка з іх выбірае кон бяздомных інтэлектуалаў, але большасць спрабуе ўтрымацца ў маёнтках, разглядаючы іх як важны сродак і апошні бастыён аўтаномнасці.

Інтэлектуальнай дамінантай эпохі традыцыйна выступае гісторыя ўзлёту (і падзення) Віленскага ўніверсітэта [4, 5]. Атрымаўшы імператарскі прывілей, абапіраючыся на Галоўную школу, ён надзвычай хутка набірае абароты. З новым пакаленнем прафесуры і новым тыпам студэнтаў ён, па сутнасці, фарміруе за два з паловай дзесяцігоддзя іншую, паралельную рэальнасць. Гэта не проста самая вялікая ў імперыі адукацыйная інстытуцыя, адміністрацыйны цэнтр Віленскай навучальнай акругі. Віленскі ўніверсітэт выступае як будучыня рэгіёна. Ён мае пэўную культурную і інтэлектуальную місію, звязаную з навукамі, ведамі. Менавіта гэтая місія дазволіць называць Вільню Паўночнымі Атэнамі. У той жа час гэты Вільня-цэнтрызм ва ўспрыманні эпохі вядзе да некаторых перакосаў і непаразуменняў. Некаторыя сюжэты расказваюцца як асобныя гісторыі, а ў самім віленскім міфе некаторыя рэчы высоўваюцца на авансцэну (Ян Снядэцкі, філаматы і філарэты), іншыя ж з’явы недаацэненыя і недаінтэрпрэтаваныя.

Абсалютна недаінтэрпрэтаванае іншае таварыства – шубраўцаў. Недаацэненая «полацкая» і пецябургская часткі. Зусім не ўбачаныя як часткі нова-

га гештальту Валынь і Падолле. Зрэшты, як асобная гісторыя існуе сюжэт з касаваннем уніі і лёсам уніяцкіх элітаў. І самае галоўнае: зачараваныя асабістасцямі, ідэямі і гісторыямі даследчыкі забываюць пра тое, што за фасадам пазітыўнага віленскага міфа (Паўночныя Атэны, узлёт культуры і духа) адбываецца зусім іншая гісторыя: радыкальная дэканструкцыя сармацкай цывілізацыі, разрыў з мінулым.

Першая палова XIX ст. – час канчатковага развіцця з «еўрапейскай Сарматыяй» і новай рэканфігурацыі рэгіёна. Час, калі выклікі (заходняй) мадэрнасці дасягаюць Усходняй Еўропы, правакуючы самыя разнастайныя палітычныя і інтэлектуальныя адказы. Распачынаецца тое, што мы можам назваць распадам традыцыйнага грамадства. Сацыяльная прастора трансфармуецца, сацыяльнае поле пачынае змяняцца. Кожная сацыяльная «зона» мае цяпер сваю ўласную дынаміку развіцця, сваю ўласную тэмпаральнасць, жыве на розных хуткасцях, але ў агульным полі прыцягнення мадэрнасці. Грамадства пачынае бачыцца як сутыкненне, канфлікт, а часам і накладка гэтых тэмпаральнасцей. Асабліва гэта бачна на прыкладзе інтэлектуальнай культуры эпохі.

Інтэлектуальная культура эпохі: падзеі, дыскурсы, эпістэмы

Перш за ўсё мы назіраем пэўныя сімптомы *разрыву з мінулым*. Шмат хто з назіральнікаў адзначае гэтыя сімптомы: разрыў эпох, разыходжанні пакаленняў, прыспешанае адчуванне часу, распад матэрыі сацыяльнага. Шмат якія культурныя феномены нясуць у сабе «цяжар» пераходнасці, адначасовага існавання розных стыляў, ідэй, парадыгмаў. Старога і новага. Пачынае радыкальна трансфармавацца культурная ідэнтычнасць. Адбываецца праблематызацыя асобы, разрыў з сацыяльнымі і культурнымі маскамі, адкрыццё ўнутранага жыцця, з'яўляецца імкненне знешняе замяніць унутраным. Нараджаюцца мадэрны тып асобы і мадэрная суб'ектыўнасць.

Але гэтая эпоха не толькі развітваецца з мінулым. Яна спрабуе перахаваць, захаваць мінулае, але на іншым узроўні. Мы маглі б сказаць, што ў гэтую эпоху ўпершыню паўстаюць механізмы культурнай памяці, для якіх сармацкая цывілізацыя і яе спадчына выступаюць не проста як аб'ект крытычнага разрыву, але і як аб'ект жадання, настальгічнай рэканструкцыі. Адбываюцца змены ў сістэме рацыянальнасці, дзе назіраецца не проста канфлікт між старым і новым, але палярызацыя і антаганізацыя эпістэمالогічных апраўраў мыслення і культуры, канфлікт як са знешнімі практыкамі, так і ўнутры сістэмы. З'яўляюцца новыя апазіцыі, новая карціна свету, у якой апазіцыі мадэрнае/традыцыйнае (адсталае), цэнтр/перыферыя, суб'ектыўнае/аб'ектыўнае (знешняе) канчаткова фарміруюць канцэптuallyны і светапоглядны касцяк светагляду эпохі. Урэшце інтэлектуальная і культурная прастора распадаецца на тры асобныя зоны: прастора ведання (эпістэمالогія), прастора мастацтва

(эстэтычнае), прастора практыкі (этыка-палітычнае). Усё гэта разам і фарміруе адмысловы тып інтэлектуальнай культуры, які мы можам назваць мадэрным.

Адзінкавае эпохі дастаткова вядомае [6, 7]. З гэтай перспектывы першая палова XIX ст. добра даследавана і рызыка адкрыцця новых імёнаў і твораў мінімальна, хаця і верагодна. Асноўныя з гэтых імёнаў – Ян Снядэцкі, Анёл Доўгірд і Юзаф Галухоўскі, творцы, якія рэпрэзентуюць філасофію ў яе акадэмічна-інстытуцыйным увасабленні. Сама філасофская сітуацыя выступае ў гэтыя часы, з аднаго боку, як сітуацыя філасофскага плюралізму: Снядэцкі, Доўгірд і Галухоўскі прадстаўляюць тры альтэрнатыўныя кірункі, тры розныя праграмы выхаду з крызіса – пазітывісцкую, трансцэдэнтальную і антрапалагічную. Крыху маладзейшы Міхал Вішнеўскі фармальна працягвае лінію Я. Снядэцкага, хаця ўжо зусім у іншай эпосе. З іншага боку, гэтыя пачаткі так і не прыводзяць да паўстання акадэмічных школаў філасофіі і пасля закрыцця Віленскага ўніверсітэта акадэмічная, прафесійная філасофія знікае з культурнага поля аж да 20-х гадоў XX ст.

У той жа час, калі мы пачынаем больш уважліва і дэталізавана ўглядацца ў эпоху, адкрываецца крыху іншая карціна. Па-першае, важная і недаацэненая постаць Уладзіслаў Быхавец. Ён адзіны сапраўдны «вучань» І. Канта, доктар філасофіі, першы перакладчык кантаўскіх твораў на польскую мову. Быхавец спрабуе заняць месца на інтэлектуальнай сцэне, але па не да канца зразумелых прычынах так і застаецца аўтсайдарам і памірае «ў беднасці, што мяжуе з жабрацтвам». Па-другое, надзвычай цікавым можа быць улучэнне ў кантэкст разгляду Міхала Вішнеўскага. Яго творчая актыўнасць сталага перыяду звязаная пераважна з Кракавым, дзе выходзяць асноўныя кнігі і дзе ўрэшце ён займае пасаду прафесара філасофіі Кракаўскага ўніверсітэта. Але станаўленне яго як філосафа адбывалася ў віленскім кантэксце. Ён бярэ ўдзел у конкурсе на пасаду прафесара філасофіі Віленскага ўніверсітэта, і хаця праігравае другому прадстаўніку «паўднёвай школы» – Галухоўскаму, працягвае сачыць за віленскай сцэнай. Пра гэта сведчыць надрукаваная ананімная крытычная рэцэнзія на першы том «Логікі» А. Доўгірда, рэцэнзія, з якой Доўгірд зацята палемізуе. Што цікава, яго манаграфія пра Ф. Бэкана, што выходзіць у 1834 г., адназначна звязаная з кантэкстам тутэйшых палемік.

Размежаванне адбываецца не толькі па філасофскіх пазіцыях, але і па месцы ў эпістэме. У гэтым сэнсе, як гэта ні дзіўна, Доўгірд і Снядэцкі аказваюцца на адным баку барыкады (познеасветніцкім), а Галухоўскі і Вішнеўскі – на другім, які з пэўнай нацяжкай можна назваць протарамантычным, але з пэўнасцю постасветніцкім.

Закрыццё Віленскага ўніверсітэта прыводзіць да знікнення філасофіі як універсітэцкай дысцыпліны, як прафесійнай дзейнасці, але не да знікнення філасофіі самой па сабе. І ясна не да знікнення думкі. Надзвычай важным аўтарам у кантэксте гісторыі думкі з'яўляецца Адам Міцкевіч. Правамернасць разгляду Міцкевіча як мысляра сёння ўжо не трэба даводзіць, але для бела-

рускага кантэксту ён усё яшчэ выступае «пяўцом роднай зямелькі» і «нашым слаўным земляком». У той жа час і «Гісторыя польскага народа і польскага пілігрымства», і ягоная публіцыстыка часоў «Пілігрыма» і «Трыбуны народаў», і асабліва «Лекцыі па славянскіх літаратурах» з'яўляюцца надзвычай важнымі інтэлектуальнымі крыніцамі эпохі, якія дазваляюць гаварыць пра ідэі Міцкевіча. І нарэшце Фларыян Бохвіц і Гэнрык Жавускі. У 1840–1850-х гадах, пасля закрыцця Віленскага ўніверсітэта гэтыя два аўтары выводзяць філасофію з універсітэцкіх аўдыторый, куды яна з такой цяжкасцю вярталася напачатку стагоддзя, на прастору мыслення, публічных дыскусій і асабістага жыцця і, у пэўным сэнсе, інтэлектуальна завяршаюць эпоху.

Калі пераходзіць да тыпалогіі інтэлектуальнай культуры, да гісторыка-культурных эпох, першая палова XIX ст. складаецца з дзвюх частак: позняя Асветніцтва і рамантызм. Пры гэтым Асветніцтва і рамантызм традыцыйна бачацца як канфліктныя эпохі, якія прапануюць розныя тыпы мыслення і мусяць разглядацца асобна. Традыцыйная гістарыяграфія радыкальна іх разводзіць [8–11].

Па-першае, Асветніцтва і рамантызм унутрана звязаныя, пераплеценыя, яны знаходзяць сябе ў першай фазе мадэрнасці з аднолькавымі пытаннямі, хаця й рознымі адказамі. Па-другое, месца філасофіі ў гэтых сістэмах аднолькава праблематычнае, хаця й рознае. Па-трэцяе, на культурным і цывілізацыйным памежжы асветніцкі розум знаходзіць сябе перад выбарам розных моў, культур, сацыяльных праграм. Менавіта культурнае і цывілізацыйнае памежжа генерыруе канфігурацыю «двух Асветніцтваў і трох Рамантызмаў», якая з'яўляецца адной з самых важных асаблівасцей дадзенага перыяду ў нашым рэгіёне. Два Асветніцтвы: польскае і расейскае, і тры рамантызмы: літвінскі, беларускі і ўкраінскі. У гэтых плынях былі не проста розныя эпістэمالогіі і культурныя і сацыяльныя праграмы, але і розныя сацыякультурныя месцазнаходжанні. У пэўным сэнсе мы можам сказаць, што польскае і расійскае Асветніцтвы выступаюць як знешні выклік, які ў выніку генерыруе сітуацыю трох рамантычных «тутэйшых» адказаў.

Два Асветніцтвы, тры рамантызмы

На адмысловую сітуацыю сутыкнення двух асветніцкіх праектаў на прастору беларускага памежжа звярнуў увагу Э. Дарашэвіч [8]. Але ён не расшыфроўваў і не дэталізаваў сваю заўвагу, адзначыўшы, што гэта было польскае і расійскае Асветніцтвы і што беларуская прастора мусяць разглядацца як прастора іх сінтэзу. Польскі асветніцкі праект даследаваны дастаткова падрабязна. Праграма расійскага Асветніцтва на тэрыторыях заходніх губерняў не была прадметам аналізу. Сам праект рацыянальнага ўпарадкавання тэрыторыі імперыі асветніцкі ў сваёй сутнасці і выяўляе той самы альянс розуму і ўлады, пра які пісаў Мішэль Фуко.

Гэта відавочна рознаскіраваныя праграмы. Праграма польскага Асветніцтва – пабудова новай польскай нацыі. Праект жа «разумнай імперыі» мае на мэце «ўлучэнне» польскай шляхты ў склад кіроўнай эліты імперыі, як гэта было з нямецкай шляхтай Інфлянтаў. Польскасць – важны рэсурс імперскай улады. І першы і другі праекты, сутыкаючыся міжсобку, разглядаюць саму прастору беларуска-ўкраінска-літоўскага памежжа выключна як крыніцу рэсурсаў альбо як аб’ект каланізацыі. Яны існуюць па-над прасторай [12].

У адказ на гэтыя знешнія выклікі пачынаюць фарміравацца мясцовыя, тутэйшыя адказы. Яны прымаюць форму ліцвінскага, беларускага і ўкраінскага рамантызмаў. Гэтыя тры рамантызмы існуюць паралельна, у пэўным узаемаабмене і нават сімбіёзе. Агульным для ўсіх трох праектаў з’яўляецца супрацьстаянне знешнім выклікам і апірышча на мясцовыя (сімвалічныя) рэсурсы і тутэйшыя ідэнтычнасці [13].

Ліцвінскі рамантызм мае адмысловую праграму двух бунтаў. Ён адначасова і антыасветніцкі і антыімперскі. Ягоны локус – дробная шляхта, якая знаходзіцца на сацыяльным і культурным памежжы. Беларускі рамантызм – метафізіка прасторы. Пры гэтым трансфармуецца сам вобраз «культуры». Адбываецца адкрыццё народнай культуры, шляхецкая культура перастае быць адзіным «манапалістам». Мы можам гаварыць пра працэсы апазнавання «гетэракультурнасці» гэтых прастораў у першай палове XIX ст., спробы выбудовы новай іерархіі культуры, паўставаўнае культурнага выбару і транскультурнасці.

Асобна трэба дадаць «габрэйскую» тэму. Тутэйшае габрэйства з’яўлялася даўняй і арганічнай часткай тутэйшай прасторы, якая існавала аўтаномна. Але якраз гэтая аўтаномнасць пачынае ставіцца пад пытанне [14].

Асветніцтвы і рамантызмы фарміруюць матрыцы і праграмы, задаюць ідэі і поле прыцягнення, але ідэйнае і ідэалагічнае напаўненне залежыць ад асоб, ад кантэкста. Гэта звязана яшчэ і з тым, што, у адрозненне ад Асветніцтва, якое займае амаль стагоддзе, рамантызм – адна з самых кароткіх гісторыка-культурных эпох і практычна супадае з жыццём адной генерацыі. Тое, што ў больш «працяглая» эпохі бывае разведзена ў часе і прасторы, рэалізавана ў творчасці розных творцаў, а часам і розных пакаленняў, у часы рамантызму згрупавана, скандэнсавана на адцінку ў некалькі дзесяцігоддзяў.

Адпаведна інтэнсіўнасць інтэлектуальнага жыцця ў эпоху рамантызму больш высокая, а геакультурная разнастайнасць (і ўвогуле звязанасць творчасці, мыслення і самой культуры з пэўным месцам) упершыню стаецца фактам культуры, уведзіцца ў якасці істотнага фактара ў інтэлектуальныя, літаратурныя, філасофскія тэксты, а часам стаецца і аб’ектам аналізу ў гэтых тэкстах. Тым не менш нават на такой кароткай дыстанцыі эпоха рамантызму праходзіць некалькі істотных унутраных паваротаў, «пунктаў біфуркацыі», у выніку чаго інтэлектуальны ландшафт набывае новыя вымярэнні, змяняюцца акцэнты, дамінанты, а часам і ўвогуле вектар развіцця.

Дыхранія: чатыры фазы трансфармацыі інтэлектуальнай культуры

Пераходзячы да плана дыяхраніі, мы выдзяляем чатыры фазы эвалюцыі думкі, чатыры мікраэпохі, кожная са сваёй інтэлектуальнай павесткай і парадыгмай. У кожнай з іх мы маем серыю здарэнняў, якія выступаюць як зоны канцэнтрацыі і як пункты крышталізацыі думкі.

Фазы думкі не проста ідуць адна за адной, яны накладваюцца адна на адну, узаемадзейнічаюць. Пры гэтым унутраны драматызм эпохі праяўляецца ў сітуацыі інтэлектуальнай і ідэалагічнай накладкі, калі шмат якія тэндэнцыі эпохі, падзеі думкі, што мусяць быць разведзеныя ў тыпалагічным аналізе, у гістарычнай рэальнасці накладваюцца адна на адну, палемізуюць адна з адной, а часам і ўвогуле ўтвараюць гібрыдныя формы.

Распазнаванне гэтага драматызму часцяком стаецца праблемай для даследчыкаў: паўстае спакуса зняцця самой праблемы – як праз зварот да больш шырокіх часавых адцінкаў, у кантэксце якіх эпоха выглядае дастаткова гамагенна, так і праз выбар пэўнай дамінанты, праз якую прачытваецца ўвесь інтэлектуальны ландшафт эпохі.

Першая такая зона «канцэнтрацыі» размяшчаецца ў першых дзесяцігоддзях XIX ст. Месцам падзей выступае віленскі акадэмічны асяродак. Інтэлектуальным выклікам, пунктам уваходу – Кант і новы статус філасофіі ў нямецкіх універсітэтах. У Вільні, нягледзячы на з'яўленне кафедры філасофіі, пасада прафесара застаецца вакантнай і, што больш істотна, непажаданай. Першы прафесар Ян Генрых Абіхт прызначаецца праз пратэкцыю нямецкага акадэмічнага лобі ў Пецярбургу і «займае катэдру без усялякага плёну». Пасля яго смерці прафесар не прызначаецца (Анёл Доўгірд доўгі час працуе як заступнік). Паралельна ў Кракаве распачынаецца дыскусія пра І. Канта, пра цывілізацыйнае і інтэлектуальнае адставанне польскай філасофіі.

Вільня, якая ўжо горда ўсведамляе сябе «паўночнымі Атэнамі», але без філасофіі, вымушаная ўвайсці ў спрэчку. Яе асноўныя ўдзельнікі ў першай фазе – Ян Снядэцкі і Анёл Доўгірд, у другой – Юзаф Галухоўскі і Міхал Вішнеўскі. Гэта спрэчка пра розум, ягонае месца і межы, пра новыя навукі, а таксама пра ролю і задачы філасофіі ў новай эпосе, у якой толькі навука выступае адзінай легітымнай формай ведання.

У 1820 г. новага імпэту дадае конкурс на пасаду прафесара філасофіі. Паводле ўмоў конкурсу прэтэндэнты мусяць прадставіць даклад, у якім ясна вызначыць сваю пазіцыю ў дачыненні да структуры філасофіі як дысцыпліны, яе мэт і задач. У выніку паўстаюць надзвычай важныя тэксты, што даюць эпістэمالагічны зрэд інтэлектуальнай культуры гэтага перыяду. У спрэчках і абмеркаваннях адбываецца фарміраванне трох новых філасофскіх пазіцый, эпістэمالагічных перспектыў мыслення: трансцэдэнтальнай, пазітывісцкай,

і антрапалагічнай, а таксама двух тыпаў філасофскай культуры: познеасветніцкай і рамантычнай.

Другі акт гэтай спрэчкі пра розум распачынаецца пасля выбару Галухоўскага на пасаду прафесара, нечаканай папулярнасці яго лекцый і ўрэшце вядомых падзей, што прыводзяць да звальнення Ю. Галухоўскага спрабуе тлумачыць сваю пазіцыю М. Навасільцаву, той адказвае. Навасільцаў палічыў «небяспечным» вяртанне філасофіі ў такой форме, з новымі функцыямі і задачамі. Тэмай другога акта выступае сацыяльная функцыя розуму, а таксама сувязь розуму і ўлады. Аказалася што розум не толькі ўніверсальны, але і кантэкстуальны, вымушаны шукаць сабе месца і ролю ў канкрэтным грамадстве, канкрэтным соцыуме.

Другая зона – ад 1822 г. да сярэдзіны 1830-х гадоў, можа быць названая крытычнай, і яе маніфестацыяй ёсць выхад у 1822 г. «Паэзіі» Адама Міцкевіча. Хаця самі тэндэнцыі з’явіліся раней, менавіта з’яўленне верша «Рамантычнасць» Міцкевіча сабрала і сфакусіравала розныя праявы контр-асветніцкіх ініцыятыў і прымусіла ставіцца да іх не як да рэштак абскурантызму, а як да новай рамантычнай парадыгмы.

У самым агульным сэнсе можна сказаць, што ў гэтай фазе ў выніку рамантычнага павароту адбываецца аспрэчванне таго тыпу рацыянальнасці, што быў прапанаваны Асветніцтвам. Гэтае аспрэчванне рэалізуецца ў розных формах і рознымі спосабамі. Перш за ўсё праз паўстаўненне новых локусаў (месцаў) мыслення і культуратворчасці. Самым важным сярод новых месцаў стаецца вёска і традыцыйная культура. Адным з самых істотных наступстваў рамантычнай рэвалюцыі ў культуры сталася паўстаўненне этнаграфічных даследаванняў. У гетэракультурным грамадстве з пераходнай культурнай ідэнтычнасцю (Літва) «дыскурс этнаграфіі» стаўся першай спробай запачаткаваць лучнасць між двума культурнымі палямі: полем дробнашляхецкай культуры, сацыяльна блізкай вясцоўцам, і полем традыцыйнай культуры.

У адрозненне ад праекту асветнікаў, каланізацыйнага ў сваёй сутнасці, этнаграфічны праект рамантыкаў палягаў на стварэнні зон узаемапрапікання, узаеманакладкі і вёў у выніку да стварэння гібрыдных тэкстаў, прамаркаваных культурнай дыгласіяй, а часам і бікультурнасцю. І хаця вядучым фактарам у гэтым павароце з’яўлялася рамантычная літаратура, у межах новага дыскурсу вельмі рана паўстаюць спробы рэфлексіі над новай культурнай сітуацыяй, якая супрацьпастаўляецца, з аднаго боку, асветніцкаму рацыяналізму і навукацэнтрызму, а з іншага – імкнення прасачыць сваю генеалогію і легітымізаваць сябе праз параўнанне з іншымі культурнымі эпохамі і стылямі.

Усё гэта ўрэшце прывяло да таго, што поруч з традыцыйнымі акадэмічным дыскурсам паўстае рамантычная думка, якая мае сваю прадметнасць, свае дыскурсійныя сродкі і сваю лінію развіцця. Гэтая рамантычная думка звяртаецца напярэці да чытача перадусім як чытача літаратуры і прэтэндуе

на пэўную веда пра чалавека, веда, якую не ў стане прапанаваць навука. У той жа час відавочны літаратурацэнтрызм новай інтэлектуальнай фармацыі вельмі рана пачаў усведамляцца як часовая мяжа, якая непазбежна мусіць быць перасягнутая ў выніку трыумфальнага шэсця новай веды. Паўстанне 1831 г. з'явілася той падзеяй, што абумовіла (і справакавала) выхад новай інтэлектуальнай фармацыі па-за межы літаратурнага дыскурсу. У выніку ў рамантычнай перспектыве адбываецца своеасаблівая крышталізацыя некаторых ідэй, канцэпцый і гістарыясофскіх схем, якая прыбрала форму месіянізму і рамантычнага спірытуалізму.

Трэцяя фаза пачынаецца напачатку 1830-х і цягнецца да 1840-х гадоў. Яна звязаная з крышталізацыяй у новай перспектыве рамантычнага месіянізму як апрычнай герменэўтыкі гісторыі. Каталізатарам выступае студзенскае паўстанне, гістарычная параза і масавая эміграцыя. «Польскае» пытанне становіцца актуальнай і агульнаеўрапейскай праблемай. Але і адваротна, агульнаеўрапейскія праблемы і тэндэнцыі становяцца ў выніку тым кантэкстам, у якім і праз які толькі й можна цяпер прадумаць будучыню рэгіёна. Новыя, мадэрныя формы жыцця выступаюць як «норма і ўзор».

Інтэлектуальная кульмінацыя трэцяй фазы – «Кнігі польскага народа і польскага пілігрымства», а таксама «Пан Тадэвуш» А. Міцкевіча. Месцам новага мадэрнага мыслення становіцца ўвесь свет. У самім рэгіёне пасля паразы паўстання, закрыцця Віленскага ўніверсітэта і маргіналізацыі Вільні на першыя ролі выходзяць Кіеў і Пецярбург. У трэцяй фазе адбываецца апазнаванне і аналіз выклікаў мадэрнасці і адпаведна фарміраванне тутэйшых адказаў на гэтыя выклікі. Нечаканым наступствам гэтага пошуку з'яўляецца паўстаўанне рамантычнага спірытуалізму.

Чацвёртая фаза пачынаецца з канца 1830-х і мае сваю кульмінацыю напачатку і ў сярэдзіне 1840-х гадоў. Цэнтральнай падзеяй гэтай фазы з'яўляецца паўстаўанне рамантычнага спірытуалізму. Пад рамантычным спірытуалізмам у дадзеным кантэксце мы будзем разумець размаітыя практыкі «адухаўлення» часу і прасторы, характэрныя для позняй фазы рамантызму. Гэта не толькі традыцыя хрысціянскай і постхрысціянскай містыкі (Анжэй Тавянскі), але і спроба разгадка духа прасторы (Ян Баршчэўскі) і нават духа народа.

Рамантычны спірытуалізм выконвае ролю своеасаблівай антрапалогіі і эпістэмалогіі рамантычнай думкі, ён звяртаецца да таямніцы чалавечага свету. Лейтматывам гэтага новага разумення чалавека з'яўлялася цэласнасць Духа, супрацьпастаўленая частковасці і «мёртвасці» розуму. Гэтая цэласнасць праяўляецца на ўзроўні разумення света як цэлага. Завяршэнне гэтай фазы звязана з выяўленнем абмежаванасці рамантычнай «антрапалогіі», з адкрыццём і аналізам межаў «чалавечага» і ў выніку з кансерватыўным паваротам, з'яўленнем традыцыяналізму і метафіласофскай крытыкі філасофіі з аднаго боку і з паўстаўаннем радыкальнай крытыкі мадэрнасці злева, з перспектывы народніцтва – з іншага.

* * *

Падсумоўваючы, мы можам дэталізаваць і паглыбіць першапачатковую тэзу, што першая палова XIX ст. з'яўляецца момантам нараджэння мадэрнай ідэйна-ідэалагічнай канфігурацыі ў Беларусі і Літве. Можна сцвярджаць, што гэты перыяд з'яўляецца не толькі момантам прыходу мадэрнасці і нараджэння новых нацыянальных праектаў, але і часам паўстання новага тыпу інтэлектуальнай культуры. Гэта праяўляецца як у знешніх прыметах, вонкавых асаблівасцях, так і ў больш глыбінных, эпістэмных рэчах.

Распачынаецца гэты перыяд з вяртання філасофіі і эпістэмалагічнымі дыскусіямі, працягваецца крытыкай розуму і завяршаецца станаўленнем месіянізму і спірытуалізму. Менавіта месіянізм і рамантычны спірытуалізм з'яўляюцца цэнтральнай падзеяй гісторыі думкі 30–40-х гадоў XIX ст. у Беларусі і Літве. У сярэдзіне стагоддзя ўзнікае раздарожжа: разыходжанне на рэвалюцыйна-дэмакратычныя праекты і кансэрватыўныя, на польскі праект (які далей пераходзіць у пазітывісцкую фазу), беларуска-ўкраінскую зону, якая ідзе да рэвалюцыйнага народніцтва, з'яўляючыся аб'ектам радыкальнай каланізацыі, і ўласна літоўскі праект, што абапіраецца на клір і заможнае сялянства.

Пры гэтым з другой паловы XIX ст. пачынаецца размежаванне ў самім польскім праекце. Адна частка далучаецца да асноўнага польскага праекта ў якасці крэсаў. Іншая фарміруе ідэалогію «краёвасці», разглядаючы польскую мову і культуру як адну з мясцовых і прапануючы новую ролю «метакультуры». Канчаткова адбываецца пераход ад старой, «сармацкай» ідэнтычнасці да мадэрнай, замест «еўрапейскай сарматы» ўсталёўваецца «ўсходнееўрапейскае памежжа», дзе ўсе культуры рэгіёна апелююць да агульнага мінулага, але пры гэтым існуюць паралельна і канкурэнтна.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Анішчанка, Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796 гады) : у дапам. выкл., аспірантам і студэнтам / Я. К. Анішчанка ; рэд. У. А. Сосна ; Гуманітар.-экан. недзярж. ін-т. – Мінск : Веды, 1998. – 212 с.
2. Chmielowski, P. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815–1823) / P. Chmielowski. – Warszawa : Druk. S. Sikorskiego, 1898. – 163 s.
3. Бабкоў, І. М. Філасофія Яна Снядэцкага / І. М. Бабкоў. – Мінск : Часоп. «Фрагмэнты» : Логвінаў ; Вільнюс, 2002. – 135 с.
4. Bieliński, J. Uniwersytet Wileński (1579–1831) : w 3 t. / J. Bieliński. – Kraków : Druk Anczyca i S-ki, 1899–1900. – 3 т.
5. Filozofia na Uniwersytecie Wileńskim / zb. pod red. R. Jadczyka i J. Pawlaka. – Toruń : Wydaw. Uniw. Mikołaja Kopernika, 1997. – 191 s.
6. Polska myśl filozoficzna i społeczna / red. A. Walicki. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1973. – Т. 1 : 1831–1863. – 679 s.
7. Struwe, H. Historia logiki, jako teoryi poznania w Polsce / H. Struwe. – Warszawa : Nakł. Aut., 1911. – 541 s.

8. Дорошевич, Э. К. Содержание понятия «эпоха Просвещения» в Белоруссии / Э. К. Дорошевич // *Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы: докт. период: закономерности развития, проблемы исследования / Ин-т философии и права АН БССР, Ин-т философии, социологии и права АН ЛитССР*; под ред. А. С. Майхровича, Р. М. Плечкайтиса. – Минск : Наука и техника, 1987. – С. 257–274.

9. Конон, В. М. Просветительская эстетика в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX века / В. М. Конон // *Историко-философские исследования*. – Минск : Университетское, 1991. – Вып. 1. – С. 91–108.

10. *Polska myśl filozoficzna. Oświecenie. Romantyzm*. – Warszawa : PWN, 1964. – 497 s.

11. Мохнач, Н. Н. От просвещения к революционному демократизму: обществ.-полит. и филос. мысль Белоруссии конца 10-х – начала 50-х гг. XIX в. / Н. Н. Мохнач ; Акад. наук БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1976. – 184 с.

12. Куль-Сяльверстава, С. Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. – 1820-я гг.) / С. Я. Куль-Сяльверстава ; навук. рэд. П. І. Брыгадзін. – Мінск : Бел. дзярж. ун-т, 2000. – 260 с.

13. Snyder, T. *The reconstruction of nations : Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999* / T. Snyder. – New Haven : Yale Univ. Press, 2003. – XV, 367 p.

14. Eisenbach, M. *Emancypacja Żydów na ziemiach polskich 1785–1870 na tle europejskim* / M. Eisenbach. – Warszawa : PIW, 1988. – 679 s.

В. Б. Евароўскі

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

З'ЯЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬнай ІДЭІ

Беларуская нацыянальная ідэя не з'яўляецца чыста тэарэтычным канструктам. Яна стагоддзямі выспявала ў грамадстве і з'явіла сябе бліжэй да канца XIX ст. Гэтакі спрыяла маса ўмоў, сярод якіх геаграфічнае становішча нашых зямель, іх гістарычны лёс і тая інтэлектуальная прастора, што была сфарміравана як вынік супярэчлівых палітычных і сацыяльных працэсаў, якія адбываліся на беларускіх землях у позняй Рэчы Паспалітай і ў складзе Расійскай імперыі. Адным з найпростых штуршкаў да канцэптуальнага фарміравання ўласна беларускай нацыянальнай ідэі і, як вынік, беларускай нацыянальнай дзяржавы была спрэчка дзвюх інтэлектуальна-філасофскіх плыняў. Умоўна іх можна падзяліць на польскую і рускую. Яны з розных бакоў пераасэнсоўвалі інтэлектуальную і духоўную спадчыну, што пакінулі прабацькі, якія жылі ў Кіеўскай Русі, Вялікім Княстве Літоўскім, Рэчы Паспалітай. Апроч пісьменнікаў ідэі беларускай самастойнай нацыянальнасці прасочвалі ў сваіх працах навукоўцы, палітыкі і філосафы, такія як М. Доўнар-Запольскі, А. Луцкевіч, І. Абдзіраловіч. Пачынальна з тых часоў беларуская нацыя пачала ўспрымацца іншымі нацыямі як самастойная і культурна адмежаваная ад усіх іншых.

Ключавыя словы: нацыянальная беларуская філасофія, нацыянальнае адраджэнне, інтэлігенцкі комплекс, праект беларускага нацыянальнага адраджэння, беларуская нацыянальная ідэя, беларуская ідэнтычнасць, славянафільства

В. Б. Еворовский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПОЯВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Вне всякого сомнения белорусская национальная идея не является просто мертвым теоретическим конструктом. Она веками вызревала в обществе и явила себя ближе к концу XIX в. Этому способствовало масса условий, среди которых географическое положение наших земель, их историческая судьба и то интеллектуальное пространство, что было сформировано как следствие противоречивых политических и социальных процессов, происходивших на белорусских землях в поздней Речи Посполитой и в составе Российской империи. Одним из непосредственных толчков к концептуальному формированию собственно белорусской национальной идеи и, как следствие, белорусского национального государства был спор двух интеллектуально-философских течений. Условно их можно разделить на польское и русское течения. Они с разных сторон переосмысливали интеллектуальное и духовное наследие, которое оставили прародители, жившие в Киевской Руси, Великом Княжестве Литовском, Речи Посполитой. Кроме писателей идеи белорусской самостоятельной национальности отражали в своих работах ученые, политики и философы, такие как М. Довнар-Запольский, А. Луцкевич, И. Абдиралович. Начиная с тех времен белорусская нация начала восприниматься другими нациями как самостоятельная и культурно обособленная от всех других.

Ключевые слова: национальная белорусская философия, национальное возрождение, интеллигентский комплекс, проект белорусского национального возрождения, белорусская национальная идея, белорусская идентичность, славянофильство

V. Yevarouski

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

EMERGENCE OF THE BELARUSIAN NATIONAL IDEA

Without a doubt, the Belarusian national idea is not just a dead theoretical construct. It has matured for centuries in society and revealed itself closer to the end of the 19th century. This was promoted by a lot of conditions, including the geographic location of our lands, their historical destiny, and the intellectual space that was formed as a result of the contradictory political and social processes that took place on Belarusian lands in the late Commonwealth and as part of the Russian Empire. One of the immediate impulses to the conceptual formation of the Belarusian national idea itself and, as a consequence, the Belarusian national state, was a dispute between two intellectual and philosophical trends. Conditionally they can be divided into Polish and Russian directions. As a result, nationalist tendencies became very popular among the elite. This can be traced in the headlines of local newspapers, magazines, and in serious literary works. In addition to writers, the ideas of the Belarusian independent nationality are traced in the works of scientists, politicians and philosophers, such as Mitrofan Dovnar-Zapolsky, Anton Lutskevich, Ignat Abdiralovich.

Keywords: national Belarusian philosophy, national revival, intellectual complex, project of the Belarusian national revival, Belarusian national idea, Belarusian identity, Slavophilism

Беларусь і яе інтэлектуальная і творчая эліта з канца XIX ст. пачалі заяўляць аб сабе спачатку праз літаратуру, а пазней праз канструяванне гісторыі і філасофскую эсэістыку. Аднак адносна позні пачатак самаасэнсавання прынёс у ідэалогію нацыянальнага адраджэння свае асаблівасці. Так, адной з тэндэнцый станаўлення ўжо іманентнай беларускай кагнітыўнай прасторы было радыкальнае пераасэнсаванне (у параўнанні з папярэдняй інтэлектуальнай традыцыяй усходнеўрапейскага рэгіёна) той духоўнай спадчыны, якую пакінулі беларусам Кіеўская Русь і Вялікае Княства Літоўскае. Дадзеная інтэлектуальная эвалюцыя знайшла сваё лагічнае завяршэнне ў эсе «Адвечным шляхам» Ігната Абдзіраловіча [1]. Менавіта ў гэтым творы ўпершыню выразна сфармулявана тая філасофская канцэпцыя, якая без усякіх умоўнасцей і агавораў можа быць названа ўласна нацыянальна-беларускай. Ігнат Абдзіраловіч, першы беларускі нацыянальны філосаф, малюе сваю нацыю як ідэнтычнасць, «заціснутую» паміж Усходам і Захадам, Расіяй і Польшчай, як народ, якому здрадзіла яго эліта, таму што прыняла «заходнюю» або «ўсходнюю» арыентацыю [1, с. 8].

Гэты першы выключна філасофскі падыход да асэнсавання нацыянальнага лёсу беларусаў знаходзіўся ў рэчышчы той светапогляднай традыцыі, з якой вырастала не толькі нацыянальная філасофія, але і беларуская нацыя ў цэлым. Аднак адначасова гэта была і нейкая па-дзялектычнаму новая, упэўненая негатыў тых стратэгіяў асэнсавання працэсаў інтэлектуальнага развіцця і кагнітыўнай канфігурацыі Беларусі, якія мелі месца ў папярэднім Абдзіраловічу XIX ст., дзе лейтматывам было менавіта саперніцтва геаграфічна па-рознаму арыентаваных частак айчыннай эліты.

У XIX ст. у літаратуры, якая развівалася на тэрыторыі цяперашняй Беларусі, можна заўважыць тры асноўныя культурныя кампаненты, звязаныя

з рознымі варыянтамі рамантызаванага мінулага. Мы маем на ўвазе беларускі, польскі і рускі элементы, з усё больш глыбокай тэндэнцыяй апошняга да зліцця з ідучым з Усходу вялікарускім уплывам [2, 3]. Дзве характэрныя для XIX ст. айчынныя традыцыі рамантычнага пераасэнсавання гісторыі мы, з пэўнай доляй умоўнасці, можам геаграфічна ўтоесніць з Захадам і Усходам. Польская традыцыя, якая ідзе ад Адама Міцкевіча, і руская, звязаная з Міхасём Каяловічам, у сваёй бескампраміснай барацьбе сталі (па сваёй волі або міжвольна) «бабкамі-павітухамі» новай беларускай культуры, якая ў адчувальным, дэклараваным і прызнаным суседзямі выгледзе ўзнікае менавіта ў канцы XIX – пачатку XX ст. У кантэксце лакальнай беларускай гісторыі атрыбутыўнасць Адама Міцкевіча як паляка, а Міхася Каяловіча як расіяніна маюць дастатковую долю ўмоўнасці. Ліцвін Міцкевіч («gente Lithuani, natione Poloni») і прадстаўнік «заходняй галіны» вялікарускага народа Каяловіч па-рознаму інтэрпрэтавалі адзінае культурнае поле, што духоўна ўзнікала на рамантызацыі гісторыі і кагнітыўнай канфігурацыі ментальнай прасторы Вялікага Княства Літоўскага [4]. Менавіта разбурэнне гэтага феадальнага кангламерату паставіла пытанне аб падзеле яго спадчыны, прыстасаванні яе для вырашэння ўзніклых новых праблем размежавання некалі адзінага этнасу.

Грамадства, якому Канстытуцыя Канстытуцыя 3 мая 1791 г. і наступныя падзелы Рэчы Паспалітай нанеслі смяротныя ўдары, якія захаваліся ў асноўным толькі ў форме гістарычнай памяці, тым не менш спрадудыравала ў разглядаемы намі перыяд, прынамсі, дзве версіі рамантызацыі. Яны сталі правобразамі для літаратурнай творчасці і сацыяльнай дзейнасці дзвюх непрамірных кагорт айчыннай інтэлігенцыі, якія мы з вялікай доляй умоўнасці называем «рускай» і «польскай» партыямі. Прадстаўнікі і першай і другой ў пераважнай сваёй большасці былі і па паходжанні і па выхаванні мясцовымі, «тутэйшымі» людзьмі. У прыватнасці, умоўнасць падобнага размежавання адлюстроўвае і вядомы выраз «gente Lithuani, natione Poloni», дзе прыналежнасць да Літоўскай зямлі не адмаўляе польскую нацыянальнасць. Такім жа чароўным чынам у Міхася Каяловіча руска-літоўскі этнас, які меў незалежную культурную шматвяковую гісторыю, ператвараецца ў непарыўную частку вялікарускага народа. А нашыя адрозненні ўяўляюцца ім як нейкі субстрат, «які павінен сустракацца паблажліва» і якому літасціва дазвалялася жыць, «пакуль яму судзіць жыць гісторыя» [5, с. 3–4].

Гэтыя асаблівасці айчыннага этнічнага кантэксту можна паказаць на прыкладзе варыянтаў генералізацыі метафары Зімеля аб тых, хто ў розны час «прышоў сюды сёння, каб застацца заўтра» («heute kommt und morgen bleibt») [6], з выкарыстаннем тэрміна «тутэйшыя»⁵. Гэтае беларускае слова не перакладаецца літаральна на іншыя славянскія мовы, хоць сэнс яго лёгка схопліваецца. Антонімамі да слова «тутэйшы» ў беларускай мове з’яўляюцца «тамтэйшы»

⁵ Так, паводле М. Шкялёнка, тыповымі «тутэйшымі» былі Адам Міцкевіч і «краеўцы», «тутэйшасцю» вызначалася і пазіцыя рэдакцыі «Przeglądu Wileńskiego» [7, с. 127].

і «чужынец», гэта значыць або «які жыве па-за дадзенай прасторай», або «чужы для яе і які імкнецца разбурыць традыцыйны для гэтай прасторы соцыум». Выкарыстанне трыяды «тутэйшы – тамтэйшы – чужынец» у такім максімальна агульным кантэксце ёсць, вядома ж, плён больш позніх інтэлектуальных спекуляцый. У рамках жа народнай феадальнай культуры гэтая трыяда не з'яўляецца чымсьці незвычайным. Тамтэйшым мог лічыцца жыхар суседняй вёскі, аднавясковец, вернік іншай царквы. Чужынец – прадстаўнік іншай этнічнай і сацыяльнай групы [8, с. 557–559]. Аднак варта яшчэ раз падкрэсліць, што ўсе яны – тутэйшыя, тамтэйшыя, чужынцы – у рамках феадальнага грамадства знаходзіліся пад уладай адзінага закону.

Аднак у XIX ст., калі, з аднаго боку, адбываўся распад феадальных структур Вялікага Княства Літоўскага і І Рэчы Паспалітай, а з другога, – хоць і павольна, але выяўляліся тэндэнцыі дыферэнцыяцыі ўсходнееўрапейскай прасторы па тыпе нацыянальнага будаўніцтва, у дзеячаў айчыннай культуры з'яўляецца спакуса распаўсюдзіць рамкі пазначанай намі трыяды «тутэйшы – тамтэйшы – чужынец» на ўсё сучаснае ім грамадства на тэрыторыі этнічнай Беларусі, стварыўшы на гэтай аснове нейкі вобраз абагульненага ворага.

Тэмы згубленай свабоды і пошуку шляхоў будучага вызвалення аж да канца XIX – пачатку XX ст. былі дамінуючымі ў айчыннай беларускай і польскай літаратуры. У якасці ілюстрацыі гэтага можа служыць беларускамоўны верш Уладзіслава Сыракомлі (1823–1862) «Добрыя весці», які з дакладнасцю паўтарае схему, прапанаваную Адамам Міцкевічам. У Сыракомлі добрыя весткі нясе нам «вечер з заходніх нябёс»:

Там, на Заходзе, праліваюць кроў,
Б'юцца для славы, свабоды і чesці
І робяць вольных людзей з мужыкоў [...]
Мужык і шляхціц засядзе на лаве,
Каб весці раду а сваей зямлі.
Як трэба думаць а грамадскай справе,
На адно мейсца, як браты, прыйшлі [...]
Мужык і шляхціц на каня усядзе
Касіць касою, рубаць тапаром!
Эй, згіне вораг, як Бог нам поможа
За нашу крыўду, за горкі наш жаль [...]
Пяром на карце, сахой на ніве
Адзін другому роўнасць засцярог.
Эй, у свабодзе заживём шчасліве,
Мы будзем дзеткі, а наш бацька – Бог! [9, с. 15–16]

У вершы аўтар выказвае глыбокія надзеі на «заходні вечер», які павінен вырашыць усе праблемы сучаснага яму беларускага жыцця, а менавіта выгнаць «маскалей-чужынцаў» і ўсталяваць разумны эквілібрыум паміж усімі чальцамі феадальнага грамадства, якое няўхільна разбуралася. Адначасова на беларускіх землях у сярэдзіне XIX ст. выразнае філасофскае асэнсаванне

атрымлівае іншая тэндэнцыя, якая дагэтуль застаецца крытычнай для ўсяго айчыннага мыслення, а менавіта асэнсаванне стану тагачаснага беларускага грамадства як гістарычна-геаграфічна прамежкавага. У дадзеным варыянце, які меў свае карані ў творчасці Адама Міцкевіча, мы бачым класічную дыхатамію асвечанага, а такім чынам, добрага Захаду і варварскага і адмоўна афарбаванага Усходу. Эмацыйныя фарбы для гэтай дыхатаміі ў розных сюжэтах беларускай інтэлектуальнай гісторыі, вядома, былі рознымі, але само праціпастаўленне, на жаль, не пераадоленае дагэтуль.

У творчай спадчыне большасці пісьменнікаў, з імёнаў якіх пачынаецца гісторыя ўласна беларускай літаратуры (Уладзіслаў Сыракомля, Кастусь Каліноўскі, Францішак Багушэвіч), можна знайсці творы, напісаныя і на беларускай, і на польскай мовах. У п’есе Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча (1808–1884) «Сялянка» наогул можна назіраць двухмоўе, калі паны і шляхта размаўляюць па-польску, а сяляне – па-беларуску. А. Майхровіч разглядае гэты феномен як выраз пісьменнікам ідэі-мары «аб ідэалізаваным боку Беларусі, дзе захаваныя формы простых добразычлівых адносін абшарніка і селяніна». Для Дуніна-Марцінкевіча Беларусь – «ідэалізаваная краіна, дзе пануюць адносіны братэрства, кахання і гасціннасці. Там “старапольскае” і “беларускае” выступаюць як ідэнтычныя, цэласна-аднапарадкавыя абазначэнні» [3, с. 146].

Польскі даследчык Ежы Ядліцкі, аналізуючы духоўную сітуацыю ў Польшчы XIX ст., адзначае, што «шляхецкі двор, а ў канцы XIX ст. сялянская хата сталі “пляцоўкай” польскасці і ўзорам сельскага анёльскага ўзору польскай культуры, у якім літаратура, гісторыя і філасофская спекуляцыя занялі сваё годнае месца» [10, с. 31–32]. Працягваючы наш аналіз спецыфікі гістарычнай асновы існавання беларускай нацыі, варта адзначыць, што тая скіраванасць рамантычнай ідэалізацыі на шляхецкія і сялянскія слаі, безумоўна, характэрная і актуальная і для пачатковых этапаў станаўлення беларускага нацыянальнага наратыву. Тут, на тэрыторыях былога Вялікага Княства Літоўскага (як і на тэрыторыі ўсёй Рэчы Паспалітай), усе нацыянальныя ідэі ствараліся таксама акурат на ідэалізацыі двух тыпаў каштоўнасцей. «Правільны» шляхецкі двор і адукаваная сялянская хата сталі пачаткамі для станаўлення парадыгмаў развіцця ўсіх нацый-спадчынніц Вялікага Княства Літоўскага – беларускай, літоўскай, польскай і ўкраінскай. Аднак, калі падыходзіць да аналізу ўласна вытокаў незалежнай беларускай нацыі, то трэба адзначыць, што шляхецкі двор і яго каштоўнасці паступова атрымліваюць тут маргінальны статус, на першае ж месца выходзіць «сялянскі двор» і пошукі «мужыцкай праўды».

Мы нездарма ўзялі гэтыя два апошнія словазлучэнні ў двукоссі. Відавочна, што шляхецкі двор можа ўяўляцца як нешта рэальнае, здольнае выяўляць свае думкі і пачуцці як праз мастацкую творчасць, так і ў філасофскіх і палітычных трактатах. З «мужыцкай праўдай» было складаней. Рэальны беларускі селянін, уцягнуты ў цяжкую паўсядзённую фізічную працу, які жыве ў патрыярхальным духоўным асяроддзі, быў практычна няздольны да рэфлексіў-

нага мыслення. Голасам мужыка загаварыла тая ж шляхта, якая ўзяла на сябе, па прыкладзе рускай інтэлігенцыі, цяжкую (і часта няўдзячную) працу вяшчальніка «нямотнай большасці». Так, у беларускай літаратуры з'яўляецца выява «адукаванага мужыка», які павінен быў данесці праўду «“цёмнаму” селяніну, што ўвесь век звекаваў у сваёй вёсцы» [11, с. 5].

Найбольш вядомыя з такіх мужычкоў «Яська-гаспадар з-пад Вільні» і «Мацей Бурачок». Гэтымі псеўданімамі падпісвалі свае творы адзін з кіраўнікоў паўстання 1863 г. Кастусь Каліноўскі (1838–1864) і класік беларускай літаратуры Францішак Багушэвіч (1840–1900), якія пісалі на мове народа дзеля яго асветы. Асноўным адрозненнем іх твораў ад папярэдняй інтэлектуальнай традыцыі з'яўляецца адкрытае абвяшчэнне прымату сялянскіх інтарэсаў і дамінавання яго праўды над праўдамі іншых саслоўяў, калі менавіта вольны народ, які мае і ўсведамляе свае правы, з'яўляецца асновай вольнага грамадства.

У прыватнасці, Кастусь Каліноўскі лічыў, што асвета народа прымусіць яго змагацца за сваю свабоду: эканамічную, палітычную, рэлігійную. Галоўны вораг Кастуся Каліноўскага як дзеяча нацыянальна-вызваленчага руху таксама традыцыйны – маскоўскі царызм. Пазітыўная праграма кіраўніка паўстання 1863 г. уяўляецца нам як абноўлены варыянт ягелонскай ідэі, якая набывала ў разгляданы перыяд выгляд федэратыўнай рэспублікі, што можа аб'яднаць народы і землі Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага. Пры гэтым падобнае аб'яднанне павінна было забяспечыць вольнае нацыянальнае развіццё беларусаў і літоўцаў, а таксама магчымасць самакіравання («самарондства»): «Народзе, як толькі калі пачуеш, што браты твае з-пад Варшавы б'юцца за праўду і свабоду, тагды і ты не аставайся заду, но ўхапіўшы за што зможаш, за касу, сякеру, цэлай грамадой ідзі ваяваці за свае чалавечае і народнае права, за сваю зямлю радную. Бо я табе з-пад шубеніцы кажу, Народзе, што тагды толькі заживеш шчасліва, калі над табою Маскаля ўжэ не будзе» [12, с. 84].

Славянафільская і правая расійская прэса рэзка выступілі супраць паўстання. У прыватнасці, І. С. Аксакаў называў «Мужыцкую праўду» «паскудным польскім тварэннем, паклёпам на Расію». Зусім іншыя словы знайшліся ў гэтага маскоўскага славянафіла для М. Каяловіча.

Міхась Каяловіч выказвае свае погляды на ўладкаванне беларускіх зямель у асноўным праз гістарычныя сачыненні, якія, зрэшты, па сваёй скіраванасці маюць мала агульнага з класічнымі акадэмічнымі даследаваннямі, арыентаванымі на аб'ектыўнасць і бесстароннасць. Да такой скіраванасці навуковай працы М. А. Каяловіч ставіцца з непрытоеным скептыцызмам. У разборы «Крытычных зацемак» К. І. Бястужава-Руміна на сваю кнігу «Гісторыя рускай самасвядомасці» ён заклікае не давяраць «зманлівай аб'ектыўнасці». «У гісторыі яе менш за ўсё; у гісторыі амаль усё суб'ектыўна». Перабраўшы ўсе віды суб'ектыўнасці, Каяловіч абраў сваёй метадалогіяй «суб'ектыўнасць славянафільскі» [13, с. 5]. Такім чынам, у руках аўтара яго працы ператвараюцца ў сродак палітычнай барацьбы ў імя пераўтварэння роднай яму зямлі,

якую ён заве Заходняй Расіяй. Яе тэрыторыя, паводле Каяловіча, уключае ў сябе Беларусь, Літву, а разам з імі і Маларосію, гэта значыць усю тую краіну, якая ляжыць на захад ад Дняпра і на паўднёвы захад ад Дзвіны. «Завучы гэтую краіну Заходняй Расіяй, мы, відавочна, глядзім на яе з тых рускіх пунктаў, сукупнасць якіх населеная больш або менш шчыльна і суцэльна рускім народам» [5, с. 6].

Мы ўжо казалі, што ідэі Ягелонскай эпохі могуць разглядацца як зыходны пункт для фарміравання светапогляду Адама Міцкевіча і яго паслядоўнікаў. Вызначыць вытокі пошукаў М. Каяловіча значна складаней. Каб наблізіцца да адказу на гэтае пытанне, працягнем прыведзеную вышэй цытату з «Лекцыі па гісторыі Заходняй Расіі»: «Сярэдзінная частка Расіі, населеная больш суцэльным і шчыльным рускім народам, без сумневу, складае самыя цвёрдыя задаткі Рускага жыцця, а такім чынам, жыцця заходнярускага» [5, с. 4–5]. З гэтага можна зрабіць выснову, што погляды Каяловіча вельмі блізкія да славянафільскіх пошукаў спрадвечна рускай душы, умацавання і захавання яе самабытнасці ва ўмовах надыходзячай заходняй цывілізацыі. Аднак гэтым агульнарасійскім кантэкстам яны не вычэрпваюцца. Было б моцным спрашчэннем прадставіць айчыннага «суб’ектыўнага славянафіла» як чыстай вады калабарацыяніста, які выконвае чужую сацыяльную замову. Пры ўсёй сінхранічнасці пошукаў Каяловіча з той палітыкай, якую праводзіла Расія на тэрыторыі Беларусі [14–16] у разгляданы перыяд (параўн.: [17]), яго творчасць шмат у чым абапіралася на мясцовую праваслаўную традыцыю, што брала свае вытокі ў дзейнасці Кіева-Магілянскай акадэміі, а таксама некаторых яе вучняў, у прыватнасці Сімяона Полацкага, які бачыў у рускім цары знак будучага агульнаславянскага і ўсеправаслаўнага адзінства. У тым жа канфесійным кантэксте ўзнікае і іншы комплекс ідэі, які стаў пазней краевугольным каменем у канцэпцыі М. Каяловіча, а менавіта пошук непарушанага быцця для беларускай праваслаўнай эліты ў гісторыі Кіеўскай Русі як перыяду адзінага агульнарускага існавання.

І, нарэшце, яшчэ адзін складнік – гэта тое, што родніць «заходнерускага славянафіла» з дзейнасцю яго выклятых ворагаў з «польскай партыі». Гэта знакаміты «інтэлігенцкі комплекс» – спецыфічны феномен усходнееўрапейскай прасторы, заснаваны на міфалагізацыі народа, прыпісванні яму нейкіх нормаў «правільнага быцця», а затым пабудове ўсёй сваёй дзейнасці як барацьбы за гэты народ у той форме, як ён разумеецца тым або іншым мысляром.

Пры аналізе той традыцыі, якую мы (падкрэсліваем гэта яшчэ раз) з вялікай доляй умоўнасці звалі «заходняй», мы ў асноўным сутыкаліся з рэвалюцыйна-дэмакратычнай версіяй ідэалізацыі народнай свядомасці, вельмі блізкай да дзейнасці той расійскай інтэлігенцыі, якая вядзе свой радавод ад Чарнышэўскага, народніцкага руху, тых псіхалагічных комплексаў, што былі яскрава прааналізаваныя ў «Вехах». У выпадку Каяловіча паданні аб народзе іншыя, хоць агульны пафас той жа.

Прызнаючы адзіна праўдзівым існаваннем для свайго народа відавочна міфічны «залаты век» чыстага рускага жыцця (які не меў амаль нічога супольнага з рэальнай гісторыяй Кіеўскай Русі), асноўнай перашкодай для яго ўцаравання Каяловіч бачыць усе тыя шматгранныя і шматвектарныя культурныя напластаванні, якія паўсталі на нашых землях пасля распаду старажытнаруускай дзяржавы. Перш за ўсё «ворагамі спрадвечна рускага народа» ён лічыць усіх палякаў (не толькі этнічных, але і «тутэйшых»), якія ў яго паўстаюць як трымальнікі фарпостаў еўрапейскай цывілізацыі, што імкнецца разбурыць цывілізацыю рускую. Адзіным выратаваннем з гэтай сітуацыі Каяловічу бачыцца фізічнае вызваленне месца для трыадзінага рускага народа шляхам выпяцнення ўсіх чужых элементаў на іх спрадвечныя тэрыторыі [5, с. 29].

У гэтых няпростых умовах у канцы XIX – пачатку XX ст. з’явілася новая беларуская літаратура, якая ўсведамлялася і адкрыта абвяшчала сваю творчую незалежнасць ад літаратуры расійскай і польскай. З імёнаў Цёткі (Алаізы Пашкевіч, 1876–1916), Янкі Купалы (Івана Луцэвіча, 1882–1942), Якуба Коласа (Канстанціна Міцкевіча, 1882–1956), Максіма Багдановіча (1891–1917) пачаўся працэс «пераадолення парога нябыту, усталяванага для беларусаў як нацыі панаваннем афіцыйнай ідэалогіі, паводле якой такога народа няма наогул, а ёсць толькі заходняя галіна асноўнага ўсходнеславянскага племені» [18, с. 162].

У нацыянальнай гісторыі дзейнічаюць механізмы, падобныя, напрыклад, да аповедаў пра перыпетыі жыцця нейкай сям’і, калі для таго, каб выкласці нешта на паперы і зрабіць здабыткам грамадскасці патрэбны спадкаемцы, для каго тыя ці іншыя падзеі або гістарычныя факты, звязаныя з жыццём асобных персаналій, значна больш важныя, чым тое, што не мае прамога дачынення да прадметаў іх зацікаўлення. Аднак падобная выбіральнасць уяўляе сабой сур’ёзную небяспеку. Канцэнтруючыся на тым, што нас цікавіць, мы падпарадкоўваемся законам літаратурнага жанру і ставім на першае месца тое мноства персанажаў, якое нас нечым прыцягвае, і тым самым парушаем больш-менш натуральную іерархію асоб і працэсаў, што існуе ў пэўную гістарычную эпоху. Своеасаблівыя посткаланіяльныя студыі [19, 20] у нашым, у пэўным сэнсе каланіяльным, мінулым. Аднак, працягваючы нашу аналогію сямейнай і нацыянальнай гісторыі, мы можам адзначыць момант, якому ва ўсёй разнастайнасці кагнітыўных структур уласціва неадназначнасць. Зварот нашага дамінуючага цяпер дыскурсу ў сканфігураванае па іншых канонах мінулае прыводзіць да таго, што мы часам не бачым тое, што бачыць павінны. Так, па-за ўвагай застаюцца рэальныя звязкі, духоўныя і (тое, што найчасцей мы не заўважаем) рэальныя эканамічныя і сацыяльныя падструктуры інтэлектуальнага, а таксама звязаных з ім сімвалічных палёў [21–23].

Мабыць, толькі на паперы натуральна і нязмушана атрымліваецца, што беларускае вырастае з беларускага, а ў межах «генеалогій» мы не можам пазбавіцца ад спакусы атаясаміць гісторыю канкрэтнай ідэі менавіта з тым міфам, які ўкладаюць у структуру выпявання нацыянальнага яе яўныя або ка-

лектыўна-безыменныя аўтары. Напрыклад, з'яўляецца канцэпт «беларускага культурнага накаплення» [24, с. 44] як нейкая кумуляцыя беларускага ў межах чужога або нейтральнага ў адносінах да гэтага пераднацыянальнага субстрату (а ў нашым выпадку імперскага [14, 15, 25–27]) асяроддзя.

Не зусім дакладна казаць пра тое, што беларуская ідэнтычнасць выбудовалася выключна з «чыста беларускіх ідэй». Немагчыма звесці ўсю гісторыю Усходняй Еўропы толькі да своеасаблівай шмат у чым пасіўнай рэакцыі на ўздзеянне Санкт-Пецярбургу ці Масквы як цэнтраў Расійскай імперыі. Тады ў выпадку Беларусі перыяду заняпаду Расійскай імперыі мы атрымаем не традыцыйную карціну сутыкнення расійскай экспансіі на Захад з польскім імкненнем на Усход [14, 15], але больш набліжаную да рэальнай вільня-і мінска-цэнтрывую рэгіянальную канфігурацыю, у якой Масква, Варшава і Пецярбург былі не асноўнымі патокамі, а фонам для фарміравання ўсіх тых нацыянальных ідэнтычнасцей, што былі ў гэтым рэгіёне.

Пакіньце думаць аб слаўным мінулым,
Сваёю думкай яго не ўскрасіце...
Любіце прышласці яснасць душою,
Паддайцеся шчыра лёсаў сваюлі,
Сцяліце працаю ціхай сваёю
Шляхі да прышлай праменістай долі [28, с. 297, 409 (пераклад)].

Так (яшчэ на польскай мове) пісаў у 1906 г. у адным з сваіх вершаў Янка Купала, і, нібы адгукваючыся на гэты заклік, беларуская інтэлігенцыя ў пачатку XX ст. зрабіла спробу пачаць гісторыю свайго народа з чыстага ліста, падводзячы рашучую рысу пад тымі спрэчкамі ўсходняй і заходняй партый айчынай інтэлігенцыі аб праве на спадчыну Русі і Вялікага Княства Літоўскага.

Як і ў шматлікія іншыя моманты ўзнікнення Новага, інтэлектуальнай творчасцю заняліся людзі, якія ўсведамлялі сябе вольнымі ад кансерватызму сваіх папярэднікаў [29, с. 4]. У гэты адносна кароткі момант пярэдадня Кастрычніцкай рэвалюцыі здавалася магчымым канчаткова разбурыць ранейшыя пути праявы духоўнасці, дасягнуць нябачанай раней свабоды самавыяўлення. Само станаўленне такога радыкальнага тыпу канцэптуалізацыі гісторыі прасочваецца, у прыватнасці, пры аналізе першых досведаў беларускіх Petit Lavisse, г. зн. кніг, якія прэтэндавалі на паданне гісторыі беларускай нацыі як цэласнага, лагічнага і несупярэчлівага працэсу. У прыватнасці, адзін з пачынальнікаў беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі М. Доўнар-Запольскі пісаў: «Мы складаем нацыю, адрозную ад іншых рускіх народнасцяў сваёй мовай, этнаграфічна асаблівасцямі і агульным культурным укладам жыцця, якія склаліся гістарычна. Ужо гэтая адна акалічнасць дае нам права на самастойнае дзяржаўнае існаванне... У гістарычным стасунку мы ўяўляем сабой нацыю, якая толькі каля 150 гадоў складала правінцыю Расійскай Імперыі...» [30, с. 87].

Гэтыя словы з артыкула Доўнар-Запольскага, надрукаванага ў кіеўскім «Белорусском Слове», у наступным вызначылі як агульны дух яго «Истории

Беларусі» [31], так і той метадалагічны канон, які і цяпер шмат у чым з'яўляецца дамінуючым у напісанні гістарычных прац і філасофскіх рэфлексій над лёсам нашай нацыі. З іншага боку, прыведзеныя радкі з артыкула не ёсць простае гістарычнае канстатаванне, гэта хутчэй адзін з варыянтаў асэнсавання існай у момант творчасці Доўнар-Запольскага сацыяльнай рэальнасці і яе спекуляцыйнага фону. Тут мы назіраем такі працэс, калі, з аднаго боку, пэўнае апавяданне аб мінуўшчыне падпарадкоўваецца вонкавай для яго логіцы сучасных гісторыка-культурных і палітычных працэсаў, а з другога – гэтае мінулае, якое апісваецца гісторыкам, становіцца як бы «сховішчам» для тых чаканняў аўтара, якім не наканавана або дачасна спраўдзіцца ў перажыванай ім сучаснасці. Гэта значыць мінулае становіцца папярэджаннем той версіі будучыні, у якую той або іншы стваральнік гісторыі верыць.

М. Доўнар-Запольскі звярнуўся да сваіх абагульняючых прац па гісторыі Беларусі, калі ў галовах айчынай інтэлігенцыі панавалі рамантызм, а асновай для арэчаўлення гэтых ідэй выступала рэвалюцыйна-дэмакратычная ідэалогія. Філасофскія падставы беларускага рэвалюцыйнага дэмакратызму былі прадметам шматгадовых і ўсебаковых даследаванняў Альфрэда Майхровіча. Кажучы аб безумоўна прагрэсіўнай значнасці рэвалюцыйна-дэмакратычных тэндэнцый у беларускім грамадска-палітычным жыцці пачатку ХХ ст., А. С. Майхровіч падкрэсліваў неадназначнасць, неаднастайнасць і супярэчліваць яго ўнутранай структуры.

Такім чынам, у дачыненні да ідэалогіі рэвалюцыйнага дэмакратызму (якая стала падчас Кастрычніцкай рэвалюцыі адначасова агульным карэлятам метадалогіі гістарычных даследаванняў у Беларусі) можна казаць аб сваім уласным тыпе проціпастаўлення актуальнасці мінуламу. Як мы ўжо адзначалі, гэта мінулае адмаўляецца праз пераадоленне ўсіх пэўных форм яго існавання дзеля пошукаў нейкага міфічнага «залатога веку» вольнага і праўдзівага існавання беларускага этнасу. Менавіта так Старажытная Русь, Вялікае Княства Літоўскае – гэтыя сацыяльныя структуры, у якіх так або інакш нарошчваліся патэнцыялы беларускай нацыі – на пачатку ХХ ст. са знакавых і пераходзячых каштоўнасцей ператвараліся ў такія, што мінаюць, у сваёй большасці чужародныя моманты развіцця нейкай (відавочна, шмат у чым міфічнай) першапачатковай этнічнасці, якая існуе адвечна і набывае сілу незалежна ад свайго сацыякультурнага асяроддзя. І ў гэтым, мабыць, прынцыповае адрозненне пачатку нашай інтэлектуальнай айчынай гісторыі ад ХІХ ст., калі ў жыцці прабіваліся суседнія ідэалагічныя праграмы цэнтральнаеўрапейскіх народаў.

Першапачатковая гісторыя новай беларускай літаратуры ўкладвалася ў вылучаныя А. С. Майхровічам тэндэнцыі разумення місіі творцы як светача, які нясе ў народ асвету дзеля яго свабоды. Аднак паступова тут пачынаюць дамінаваць новыя калізій паміж творчымі патэнцыямі аўтараў і нарастаючай бездухоўнасцю навакольнай рэальнасці. Так, на змену настаўніку-падзвіжніку, абкружанаму ўдзячным народам, прыходзіць «выява лёсу і жыцця чалавека як пагружаных у цямрэчу бед і пакут, у зло навакольнага свету» [18, с. 187].

Не варта забываць таксама, што разглядаемы намі перыяд на нашых землях ёсць пачатак мадэрнасці, г. зн. часу, калі рэзка ўзрастае той кампанент, які мы цяпер называем мабільнасцю [32]. Ужо недалёкая для той ментальнай матрыцы Першая сусветная вайна абудзіла грандыёзнае перамяшчэнне народаў. Далейшая савецкая індустрыялізацыя выклікала новы рух і пераразмеркаванне пазіцый паміж горадамі і вёскай. Нарэшце, мадэрнасць [33, 34] – гэта, з аднаго боку, сапраўды абуджэнне чалавека праз рэзкае ўзмацненне працэсаў размывання як традыцыйных, так і архаічных грамадстваў, а з іншага – ужо не рекамендаванасць, а абавязковасць адукаванасці і адукацыі. Для еўрапейскай ментальнай гісторыі першага 20-годдзя XX ст. падобнае ўспрыманне свету не было ўнікальным. У Заходняй Еўропе набірала папулярнасць ніцшэанства, якое абвясціла адзіным вырашчаваннем цывілізацыі прыход звышчалавека. У рускай філасофіі працамі М. Бярдзяева і Л. Шэстава закладваюцца асновы экзістэнцыяльнага разумення свету. Так і ў беларускай літаратуры ўсё часцей і часцей родная Беларусь бачыцца «забраным краем», дзеці якога самі становяцца «чужынцамі», служаць варожым сілам, нават не ведаючы гэтага. У гэтай сітуацыі чалавек застаецца сам-насам са сваёй праўдай, а адзінай формай пераадолення навакольнага свету можа лічыцца «ідэйна-валявая дзея, уласцівае і рухі духу сапраўднага паэта, якая папярэджала будучыню народа і была накіраваная да яе» [18, с. 187].

Пачуцці, эмоцыі, што сведчаць пра чалавечыя радасць і гора, – любімы прадмет паэтычнага натхнення. Паэзіі, відаць, лягчэй праз гарэнне разам з душамаі, што ўслаўляюцца, адгадаць адзнакі вечнага, гэтыя блікі «жыццёвага кода», што адлюстроўваюцца ў пачуццях. У 1919 г. з-пад пяра Янкі Купалы выходзіць наступнае:

Паўстань з народа нашага, прарок,
Праяваў бураломных варажбіт,
І мудрым словам скінь з народу ўрок,
Якім быў век праз ворага спавіт [35, с. 65].

Тут да экзістэнцыяльнага пачуцця самоты арганічна дадаюцца месіянскія інтанацыі, так падобныя на пошукі Ніцшэ. Ужо не сам народ, а Асоба павінна не толькі вызваліць цела чалавека, які пакутуе ў палітычнай і эканамічнай няволі, але і ачысціць яго душу. І гэта стала апошнім словам у філасофскім і эстэтычным афармленні «Першага праекту беларускага Адраджэння», наступнае развіццё якога было перапынена савецкай уладай.

Па сутнасці, гамагеннасць і кагерэнтнасць нацыянальнага дыскурсу, вырашчаванага падчас пачатковага станаўлення беларускай ідэі, былі перадамовай як развіцця Савецкай Беларусі, так і адносна спакойнай і бесканфліктнай сітуацыі набыцця ўжо канчатковай незалежнасці ў пачатку 1990-х. У гэтым – значэнне культурных і грамадскіх дзеячаў перыяду беларускага нацыянальнага Адраджэння.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветагляду / Ігнат Абдзіраловіч ; прадм. С. Дубаўца. – [4-е выд.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 42, [4] с. – (Згукі мінуўшчыны).
2. Майхрович, А. С. Белорусские революционные демократы: важнейшие аспекты мировоззрения / А. С. Майхрович ; ред. Н. С. Купчин. – Минск : Наука и техника, 1977. – 205, [2] с.
3. Майхрович, А. С. Поиск истинного бытия и человека: из истории философии и культуры Беларуси / А. С. Майхрович ; под ред. Д. И. Широканова. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 245, [2] с.
4. Еворовский, В. Б. Польско-российское интеллектуальное соперничество в Беларуси и становление ее национального самосознания (век девятнадцатый): опыт историко-антропологической реконструкции / В. Б. Еворовский // *Slavica Ludensia*. – 2006. – Т. 22. – С. 47–65.
5. Коялович, М. И. Лекции по истории Западной России / М. И. Коялович. – [М.] : Тип. Бахметева, [1864]. – 393, 41 с., [1] л. генеалогич. табл.
6. Simmel, G. Exkurs über den Fremden / G. Simmel // *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. – 1908. – Bd. 3. – S. 764–771.
7. Шкялёнак, М. Аб «Гутэйшых» / М. Шкялёнак // *Беларусь і суседзі : гіст. нарысы / Мікола Шкялёнак ; [уклад. А. Гесь і інш. ; прадм., камент. С. Чыгрын]*. – Беласток : Беларус. гіст. т-ва, 2003. – 297, [1] с.
8. Лобач, У. А. Чужынец / У. А. Лобач // *Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн.* – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 557–559.
9. Сыракомля, У. Добрыя весці : паэзія, проза, крытыка / Уладзіслаў Сыракомля. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 325, [2] с.
10. Jedlicki, J. Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują: studia z dziejów idei i wyobraźni XIX wieku / J. Jedlicki. – Warszawa : Państw. Wydaw. Naukowe, 1988. – 372 s.
11. Багушэвіч, Ф. Творы / Францішак Багушэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 309 с.
12. Каліноўскі, К. За нашу вольнасць : творы, дакументы / Кастусь Каліноўскі. – Мінск : Беларус. Кнігазбор, 1999. – 459 с., [2] л. іл.
13. Коялович М. О. Разбор критики К. Н. Бестужева-Рюмина на сочинение М. О. Кояловича: «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» / [соч.] М. О. Кояловича. – СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1885. – 28 с.
14. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. – М. : Новое лит. обозрение, 2008. – 240, [1] с.
15. Бережная, Л. А. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная, М. Д. Долбилов ; ред. А. И. Миллер. – М. : Новое лит. обозрение, 2006. – 605 с., [602] л. цв. карт.
16. Staliūnas, D. Between Russification and Divide and Rule: Russian Nationality Policy in the Western Borderlands in mid-19th Century / D. Staliūnas // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge*. – 2007. – Bd. 55, H. 3. – S. 357–373.
17. Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамад. мысьлі на Беларусі ў XIX і пач. XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 350 с.
18. Майхрович, А. С. Становление нравственного сознания: из истории духовной культуры Беларуси / А. С. Майхрович. – Минск : Беларус. Кнігазбор, 1997. – 204 с.
19. Райнеке, Ю. С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия) : дис. ... канд. филол. наук ; специальность 10.01.03 / Ю. С. Райнеке. – М. : Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова, 2002. – 211 с.
20. Jay, G. American Literature and the New Historicism. The Example of Frederick Douglass / G. Jay // *Revisionary Interventions into the Americanist Canon* / ed. D. A. Pease. – Durham : Duke Univ. Press, 1994. – P. 211–242.
21. Bourdieu, P. La spécificité du champ scientifique et les conditions sociales du progrès de la raison / P. Bourdieu // *Sociologie et Sociétés*. – 1975. – Vol. 7, № 1. – P. 91–118.

22. Bourdieu, P. *Champ scientifique* / P. Bourdieu // *Actes de la recherche en sciences sociales*. – 1976. – № 2/3. – P. 85–94.
24. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй: польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864–1917 гг. / А. Ф. Смалянчук. – Гродна : ГРДУ, 2001. – 320, [1] с.
25. Миллер, А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А. И. Миллер. – СПб. : Алетейя, 2000. – 267, [3] с., [6] л. карт., портр.
26. Norkus, Z. *Nepasiskelbusioji imperija: Lietuvos Didžioji Kunigaikštija lyginamosios istorinės imperijos sociologijos požiūriu* / Z. Norkus. – Vilnius : Aidai, 2009. – 473, 471 s.
27. Norkus, Z. *The Grand Duchy of Lithuania in the Retrospective of Comparative Historical Sociology of Empires* / Z. Norkus // *World Political Sci. Rev.* – 2008. – Vol. 3, № 4. – P. 1–41.
28. Купала, Я. Поўны збор твораў : у 9 т. / Янка Купала. – Мінск : Маст. літ., 1995. – Т. 1 : Вершы. Переклады, 1904–1907. – 461, [1] с.
29. Майхровіч, А. С. Які ён, шлях Беларусі да дэмакратычнай дзяржавы? / А. С. Майхровіч. – Мінск : Права і эканоміка, 1996. – 38 с.
30. [Доўнар-Запольскі, М.] Кіеўская публіцыстыка М. В. Доўнар-Запольскага / М. Доўнар-Запольскі // *Спадчына*. – 2002. – № 5/6. – С. 82–106.
31. Довнар-Запольский, М. В. *История Белоруссии* / М. В. Довнар-Запольский ; редкол.: В. М. Лебедева (отв. ред.) [и др.] ; предисл. В. М. Лебедевой [и др.]. – Минск : Беларусь, 2003. – 678, [1] с.
32. Breen, R. *Social mobility in Europe* / R. Breen, B. W. Mach. – Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2010. – XX, 2, 445, 441 p.
33. Bauman, Z. *Liquid modernity* / Zygmunt Bauman. – Cambridge, UK, Malden, MA : Polity Press ; Blackwell, 2000. – VI, 228 p.
34. Habermas, J. *Die Moderne – ein unvollendetes Projekt* / Jürgen Habermas // *Wege aus der Moderne : Schlüsseltexte der Postmoderne-Diskussion* / Hrsg. W. Welsch, J. Baudrillard. – Weinheim : VCH, Acta Humaniora, 1988. – III. Philosophie. – S. 177–192.
35. Купала, Я. Поўны збор твораў : у 9 т. / Янка Купала. – Мінск : Маст. літ., 1997. – Т. 4 : Вершы, пераклады, 1915–1929. – 445, [1] с.

СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ

УДК 1(091):[101.8]

Поступила в редакцию 20.04.2017

Received 20.04.2017

Т. И. Адуло

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТИКИ В БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Раскрывается процесс утверждения в белорусской философской мысли XX в. учения о диалектике и вклад белорусских ученых в теоретическое осмысление ее законов и категорий.

Ключевые слова: философия Беларуси, материалистическая диалектика, основные законы диалектики, философские категории, диалектическая логика

T. Adoulo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PROBLEMS OF DIALECTICS IN BELARUSIAN PHILOSOPHY

The article reveals the process of establishing the doctrine of dialectics in Belarusian philosophical thought of the 20th century and the contribution of Belarusian scientists to the theoretical comprehension of its laws and categories.

Keywords: philosophy of Belarus, materialistic dialectics, basic laws of dialectics, philosophical categories, dialectical logic

Диалектика по праву признается ядром философии. Неудивительно, что философы разных эпох, начиная еще с Античности, уделяли ей особое внимание. Но наиболее весомый вклад в развитие диалектики внесли выдающиеся представители классической немецкой философии, в особенности Г. Гегель. В дальнейшем благодаря теоретическим разработкам К. Маркса и Ф. Энгельса диалектика превратилась в мощный инструмент познания и преобразования мира.

В интеллектуальной мысли Беларуси элементы стихийной диалектики обнаруживаются еще в XII в. – в сочинениях Климента Смолятича (учение о трех последовательно сменяющих друг друга стадиях общества) и Кирилла Туровского (идея единства микро- и макрокосмоса). В эпоху Возрождения отдельные диалектические идеи проводились в работах М. Сарбевского,

Ф. Скорины, Н. Гусовского и др. (мысль о целостности, гармонии человека и природы). Во второй половине XVIII в. в Беларуси получили широкое распространение преодолевавшие метафизические представления о мире естественнонаучные концепции Н. Коперника, Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Ньютона и др. В первой половине XIX в. на мировоззрение многих белорусских мыслителей – А. Довгирда, Ю. Голуховского и др. – оказала влияние классическая немецкая философия. В 40-е годы XIX в. уже «фактически не было ни одной работы, вышедшей в это время и посвященной философским, религиозным и социально-политическим вопросам, где бы так или иначе не затрагивались гегелевские идеи или идеи его последователей» [1, с. 133]. Во второй половине XIX в. стихийная диалектика отчасти воплотилась в художественных произведениях классиков белорусской литературы – М. Богдановича, Я. Коласа, Я. Купалы (социальные противоречия, этнические процессы).

С 20-х годов XX в. в Беларуси, как и в СССР в целом, получила распространение материалистическая диалектика. Она стала объектом теоретического осмысления С. Я. Вольфсона, Б. Э. Быховского, С. З. Каценбогена, И. М. Ильюшина и других белорусских философов. Характерные особенности той исторической эпохи, безусловно, наложили отпечаток и на предметную область исследований, и на способ мышления белорусских ученых. Еще Г. Гегель в свое время пришел к заключению: «Столь же нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос» [2, с. 55].

Изучение диалектики, прежде всего разработанной К. Марксом материалистической диалектики, велось преподавателями философских кафедр вузов. В Белорусском государственном университете с момента его основания в 1921 г. на факультете общественных наук образованы кафедра философских дисциплин, на которой работал профессор В. Н. Ивановский, и кафедра исторического материализма – ее профессором был избран С. Я. Вольфсон. В дальнейшем учреждена кафедра диалектического материализма. Именно на этих кафедрах изучались труды К. Маркса и Ф. Энгельса, причем не только переведенные на русский язык, но и в оригинале, и на их основе создавались учебные курсы, в которых наряду с другими проблемами рассматривались и проблемы диалектики.

Обосновывая важность изучения материалистической диалектики, Б. Э. Быховский отмечал: «Тщательное и глубокое изучение диалектики, основательное умение пользоваться ею как методом исследования обязательны для каждого марксиста» [3, с. 246]. Он же еще в 1924 г. одним из первых обратил внимание на фундаментальные теоретические разработки В. И. Ленина в области диалектики.

С. Я. Вольфсон подготовил в 1922 г. один из первых в СССР учебников по диалектическому материализму, выдержавший в дальнейшем семь изда-

ний и получивший положительные рецензии специалистов [4]. В нем автор воспроизвел процесс развития диалектических идей в истории мировой философской мысли, начиная с эллинской эпохи и заканчивая классиками марксизма, на основе анализа работ Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» охарактеризовал особенности диалектического и метафизического способов мышления, показал принципиальное отличие материалистической диалектики К. Маркса от идеалистической диалектики Г. Гегеля и диалектики от теории эволюции, раскрыл содержание и взаимосвязь объективной и субъективной диалектики, а также содержание и взаимосвязь основных философских категорий – противоречия, количества, качества, отрицания и др. Однако в учебнике, даже в последнем, седьмом, издании основные законы диалектики не были выделены в качестве таковых и даже не перечислены.

В отличие от московских научно-исследовательских учреждений, где теоретические дискуссии в области философии переросли в жесткие идеологические баталии «механистов» (А. А. Скворцов-Степанов, А. К. Тимирязев, Ш. Варьяш и др.) и «диалектиков» (А. М. Деборин, Н. Карев, Я. Э. Стэн, И. К. Луппол и др.), в Беларуси процесс утверждения материалистической линии в философии и диалектике прошел довольно спокойно. Отчасти это объясняется наличием очень немногочисленного слоя интеллигенции, интересовавшейся и профессионально занимавшейся философской проблематикой, а также тем, что ведущий белорусский философ той эпохи С. Я. Вольфсон как мыслитель и теоретик сформировался на трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. В. Плеханова, с семьей которого поддерживал тесные связи.

Другой ведущий философ – профессор кафедры философских дисциплин Белорусского государственного университета В. Н. Ивановский, – будучи сторонником английского позитивизма, тем не менее не относился критически к марксизму, активно защищал «научную философию», по многим позициям разделял взгляды К. Маркса на историю, нередко высказывая диалектические мысли. «Рассматривая всю совокупность знания и культуры с некоторой более общей и широкой точки зрения, – отмечал он, – истинная философия не может не отучать человека от косного догматизма; представляя его уму динамику культуры, она делает его воззрения и оценки более широкими, более способными схватывать истинный дух и смысл явлений, – “диалектическим” в том смысле, в каком это слово употреблял покойный Г. В. Плеханов» [5, с. 139]. Утверждение диалектико-материалистической философии прошло быстро и по причине того, что, как показали в своих исследованиях Н. С. Купчин и О. И. Ефремова [6, с. 481–539], еще в начале XX в. марксизм получил в Беларуси достаточно широкое распространение.

Анализ публикаций белорусских философов 1920-х годов позволяет сделать заключение все же не о дальнейшем теоретическом развитии ими диалектики, а лишь об ее усвоении – изучении, пропаганде теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса в области диалектики, защите его от разного рода искажений.

В начале 1930-х годов значительно больше внимания стало уделяться анализу и осмыслению ленинского вклада в дальнейшую разработку проблем материалистической диалектики, чему в немалой степени способствовали публикации в 1929–1930 гг. «Философских тетрадей» В. И. Ленина и постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”», ориентировавшее советских ученых на дальнейшее исследование ленинского этапа в развитии марксистской философии [7, с. 80–81]. В работах научно-публицистического жанра С. Я. Вольфсона, И. М. Ильюшина и других философов раскрывались историческое значение создания основоположниками марксизма материалистической диалектики и роль В. И. Ленина в ее дальнейшем развитии, разъяснялась сущность основных законов и категорий материалистической диалектики, определялось значение диалектико-материалистического метода в познании и преобразовании окружающей действительности. Философы не ограничивались изучением и пропагандой лишь материалистической диалектики. Они анализировали также философско-теоретическое наследие в этой области предшественников К. Маркса, в особенности Г. Гегеля. Диалектике Г. Гегеля уделено значительное внимание в публикациях С. Я. Вольфсона и Б. Э. Быховского. Реализация ленинского указания о необходимости и важности материалистической переработки гегелевской диалектики была, как известно, одним из основных направлений научной деятельности советских философов [8, с. 215].

Однако пропаганда белорусскими философами материалистической диалектики не всегда выдерживалась в русле идей классиков марксизма. В конце 1930-х годов ими нередко воспроизводились ошибочные положения работы И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» [9], хотя в отдельных моментах в процессе трактовки диалектики белорусские философы шли все-таки вслед за Ф. Энгельсом, а не за И. В. Сталиным. Например, в публикациях С. Я. Вольфсона и И. М. Ильюшина рассматривался закон отрицания отрицания, обосновывалась идея единства диалектики, логики и теории познания. Философы в диалектическом ключе рассматривали процесс познания человеком окружающей действительности, большое значение придавали диалектическому материализму как методологии науки в целом и естествознания в особенности. В качестве позитивной стороны деятельности белорусских философов и естествоиспытателей в 1930-е годы, прежде всего известного математика академика АН БССР Ц. Л. Бурстина, отметим то, что они в целом с диалектических позиций подходили к анализу и оценке великих открытий первой половины XX в. – теории относительности А. Эйнштейна, соотношения неопределенностей В. Гейзенберга и др. [10, с. 38–40].

В послевоенные годы интерес белорусских философов к проблемам диалектики значительно возрос, а сами исследования диалектики проводились уже на более высоком теоретическом уровне. К тому времени философские факультеты ведущих университетов СССР сформировали на марксистской платформе молодое поколение профессиональных философов. В Беларуси

в 1950-е годы «философскую элиту» составляли приехавшие из России на работу в Минск В. И. Степанов, И. Г. Родин, В. Н. Панкратов, Е. В. Петушкова, академик АН СССР Г. Ф. Александров. Наряду с ними приступили к работе выпускники открытого в 1947 г. отделения философии, логики и психологии Белорусского государственного университета. Ведущим специалистом в области диалектики был В. И. Степанов, который в 1948–1979 гг. возглавлял кафедру диалектического и исторического материализма университета.

Здесь уместно будет сказать об условиях, в которых приходилось работать философам. Отношение государственных идеологических структур и официальных лиц к философии и в особенности к диалектике в 20–50-е годы XX в. нельзя признать однозначным, о чем свидетельствуют философские дискуссии 1920-х и 1940-х годов. Труды философов-классиков, а также работы, раскрывающие сущность теории диалектики, издавались в ту историческую эпоху достаточно большими тиражами. И на первый взгляд могло бы сложиться мнение об уважительном отношении официальных лиц к диалектике. Но это не совсем так. В условиях, когда в стране все в большей мере утверждались командно-административная система, а следовательно, и соответствующие стереотипы мыслительной деятельности, диалектика как основа критически мыслящего разума по существу не могла быть поощряема. В лучшем случае утвердившаяся общественная система могла позволить ученым «разрабатывать» лишь субъективную диалектику в виде универсальных абстрактных схем, оторванных от бытия, от социальной диалектики, от практики жизни. К тому же не следует забывать и о том, что сталинская трактовка диалектики, изложенная им в научно-популярной форме для массовой аудитории, но обретшая в сознании подавляющей части советских философов статус «абсолютной истины», довлела над исследователями, не позволяла им выходить за рамки этой упрощенной схемы. Об этом можно судить по первым кандидатским диссертациям по диалектике, выполненным и успешно защищенным в 1950-е годы белорусскими философами В. И. Горбачем и П. Д. Пузиковым [11, 12].

Преодоление метафизических схем и идеологических установок 1930-х годов, образовавшегося разрыва между субъективной и объективной диалектикой, творческое осмысление содержания работ Г. Гегеля, В. Г. Белинского, К. Маркса, В. И. Ленина, посвященных диалектике, стало возможным в Беларуси, как и в целом в СССР, лишь в середине 50-х годов XX в. Именно в эти годы исследование диалектики стало системным и велось уже на базе ленинских работ. Определенный вклад в разработку теории диалектики внесли белорусские философы В. И. Степанов, В. И. Горбач, В. М. Ковалгин, В. Д. Морозов, Д. И. Широков и работавший в то время в Минске академик АН СССР Г. Ф. Александров. Теоретические разработки велись по следующим направлениям:

- а) анализ базовых принципов диалектики;
- б) исследование категорий и основных законов диалектики;

в) осмысление и систематизация теоретических разработок в области диалектики К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина;

г) выявление методологической роли диалектики для научных разработок в области естественных наук.

Впрочем, в этот период исследование диалектики стало ведущим направлением научной деятельности философов и в других научно-исследовательских центрах СССР. Особая заслуга принадлежала П. В. Копнину и как исследователю, и как создателю научных школ в Томске, Киеве и Москве.

Один из ведущих философов той эпохи В. И. Степанов сконцентрировал внимание на самой, пожалуй, сложной философской проблеме – проблеме тождества диалектики, логики и теории познания. Он исходил из признания существования материалистической диалектики как единственной науки, которая одновременно выполняет функции гносеологии и логики. По мнению ученого, материалистическая диалектика – это наука, а «не субъективистское жонглирование понятиями» [13, с. 35]. Она представляет собой отражение в сознании человека диалектического процесса развития материальной действительности: в диалектической гибкости понятий отражается многосторонность материального процесса и его единство. Характеризуя диалектику, В. И. Степанов не ограничивался приведением тех или иных ее дефиниций, а стремился вскрыть суть диалектического развития предмета, обосновать убедительное, аргументированное доказательство его непрерывного развития. В этом плане философ концентрировал мысль на исследовании противоположных сторон предмета, их взаимосвязи и взаимоотношении, проявляющихся в их диалектическом тождестве и борьбе. Закон единства и борьбы противоположностей как закон развития объективного мира, считал он, «проявляется и действует в противоречиях познания и формах их разрешения. Так, например, противоречия абстрактного и конкретного, общего, особенно и единичного, абсолютного и относительного, бесконечного и конечного, сущности и явления, покоя и движения – это противоречия объективной действительности, они характеризуют не только материальный мир, но и форму познания» [13, с. 74].

В качестве же основных принципов материалистической диалектики ученый признавал принципы развития, единства мира и всеобщей связи, взаимообусловленности явлений природы и общества. Без признания этих принципов диалектика как философская наука невозможна. Ученый резко критиковал попытки превращения диалектики в софистику или же подмены ее «простой и спокойной эволюцией».

Большое внимание В. И. Степанов уделял раскрытию роли диалектики в практической деятельности. Диалектика – не застывшая схема, а подлинно творческий метод изучения и преобразования действительности. «Именно потому, что диалектика рассматривается в неразрывной связи с движением научного познания, с обогащением его содержания и развитием его формы,

т. е. в конечном итоге с теорией познания, в ней исключается какой бы то ни было догматизм и она выступает как вечно живое, всегда развивающееся знание», – писал ученый [13, с. 73].

В систематизированном виде эти теоретические идеи впервые изложены В. И. Степановым в коллективной монографии «О “Философских тетрадах” В. И. Ленина», изданной в Москве в 1959 г. [13]. Данная монография, в авторский коллектив которой вошли и другие известные белорусские ученые – в частности В. И. Горбач, В. М. Ковалгин, П. Д. Пузииков, Г. А. Левин, а также работавший в то время в Беларуси Г. Ф. Александров, явилась важной вехой в развитии советской диалектической философской мысли. Книга была издана в Москве, а ее тираж составил 30 000 экземпляров. Для философской литературы он был огромным. Эта книга, направленная своим содержанием на преодоление консерватизма и догматизма в философии, подтолкнула к разработке диалектики и другие научно-исследовательские центры СССР. Логично предположить, что поворот многих исследователей от гносеологии и классической логики к диалектической логике в какой-то степени был «спровоцирован» выходом в свет первой в СССР монографии, посвященной «Философским тетрадам» В. И. Ленина, центральное место в которой заняли проблемы диалектики.

Вскоре под руководством и при непосредственном участии Г. Ф. Александрова была подготовлена и опубликована монография «Развитие В. И. Лениным марксистского учения о законах диалектики» [14], которая стала продолжением предыдущего коллективного исследования о «Философских тетрадах». В этой работе представлены взгляды В. И. Ленина на предмет материалистической диалектики, диалектический метод, проблему совпадения (единство, тождество) диалектики, логики и теории познания, принципы всеобщей связи в объективной действительности, а также на основные законы диалектики. Характерная особенность данной монографии состояла в том, что ее авторы – Г. Ф. Александров, В. И. Горбач и В. М. Ковалгин – рассмотрели основные законы диалектики осуществили в следующей последовательности: закон перехода количественных изменений в качественные – закон единства и борьбы противоположностей – закон отрицания отрицания, хотя и признавали тот факт, что «из законов диалектики, прочно вошедших в метод познания, прежде всего нужно отметить закон единства и борьбы противоположностей» [14, с. 69]. Приняв за отправную точку рассмотрения законов диалектики принцип всеобщей связи явлений, авторы пришли к заключению о том, что «наиболее существенные всеобщие черты взаимосвязи и взаимодействия качественной и количественной сторон явлений, взаимовлияния, их изменений отражает особый закон – закон перехода количественных изменений в качественные и обратно» [14, с. 169].

Продолжили исследование диалектики и другие белорусские философы, в основном воспитанники В. И. Степанова, который за многие годы работы

в Беларуси подготовил не одно поколение ученых, в том числе специалистов в области диалектики – Е. М. Бабосова, В. И. Горбача Д. И. Широканова и др.

В частности, В. И. Горбач сосредоточил внимание на философской категории «противоречие» [15, 16]. По признанию самого ученого, на протяжении многих лет он «стремился развить и обосновать ту мысль, что виды противоречий и формы их разрешения многообразны и многогранны, что развиваются не только явления в целом, но и их противоположности и противоречия, и что особенности “развертывания” противоречий, как и их роль в развитии явлений, далеко не одинаковы в различных условиях» [16, с. 10]. В монографии «Проблемы диалектических противоречий» (1972) он раскрыл сущность, структуру и функции противоречий (сконцентрировал внимание на понятиях «тождество», «различие», «противоположность», «противоречие», «единство», «борьба», «взаимопроникновение», «взаимопереходы» и др.), определил основные их виды (общие и специфические, внутренние и внешние, основные и неосновные, антагонистические и неантагонистические, необходимые и случайные, действительные и возможные и др.), выявил специфику их функционирования в конкретных условиях. Автор пришел к выводу о том, что «научность и планомерность в познании возникающих противоречий, регулирование их развития, своевременность и оптимальность разрешения – важные достоинства и неперемennые условия гармоничного и ускоренного развития нового общественного строя» [16, с. 332]. К сожалению, руководство страны не испытывало желания прислушиваться к выводам обществоведов. Объективно формирующиеся социальные противоречия не только не разрешались своевременно, но даже и не изучались на должном уровне. Фактически они «загонялись внутрь», что в конечном счете и привело страну к краху в 1990-е годы.

Е. М. Бабосов в работе «Диалектика анализа и синтеза в научном познании» [17] отстаивал диалектическую логику, раскрывал ее методологическую роль в познавательной деятельности субъекта. «Основная задача научного мышления, – утверждал ученый, – познать мир как единое целое во всем его многообразии, во взаимосвязи его явлений, сторон и тенденций развития, в их закономерных взаимозависимостях» [17, с. 5]. Эти идеи актуальны и в наши дни. Сейчас, в весьма противоречивую и непредсказуемую историческую эпоху, которую американский социолог Д. Белл называет «эпохой разобщенности», диалектическое мышление, как никогда ранее, становится востребованным для выработки теоретически обоснованной, выверенной стратегии развития мирового сообщества.

Большое внимание белорусские философы уделяли исследованию категорий. В 1960-е годы это направление стало приоритетным для Д. И. Широканова. Он продолжил ту философскую линию, которую отстаивал и утверждал в своих учениках В. И. Степанов, – умение диалектически мыслить, смотреть на окружающий мир как на мир, обладающий внутренними противоречиями

и развивающийся по диалектическим законам. Ядро философии – диалектика. Понять законы диалектики – означает выработать у себя способность понимать многогранный мир во всех его взаимосвязях и взаимозависимостях. Но постичь сущность законов диалектики не представляется возможным без постижения природы и диалектического характера самих философских категорий – тех предельно общих понятий, которые-то и позволяют воспроизвести в человеческой мысли весь богатый, сложный и такой изменчивый мир, окружающий человека. В одиночку В. И. Степанов решить эти проблемы не мог. Но он сориентировал на их решение своих аспирантов и коллег, прежде всего тех, кто работал в Академии наук БССР. Ведь только академическая система позволяла научному сотруднику, не обремененному педагогической практикой, полностью посвятить себя научно-исследовательской работе. Не без напутствия В. И. Степанова Д. И. Широканов отдал не один год своей научной деятельности исследованию природы, сущности и диалектической взаимосвязи философских категорий, их роли в истории и теории научного познания. Кандидатская диссертация Д. И. Широканова, выполненная под научным руководством В. И. Степанова, посвящена исследованию категорий необходимости и случайности. В дальнейшем эта проблематика была значительно расширена за счет выявления специфики функционирования закона необходимости и случайности в генетике. Полученные научные результаты опубликованы в монографии «Диалектика необходимости и случайности» [18]. Исследование философских категорий обрело системный характер, вылившийся в фундаментальные труды «Взаимосвязь категорий диалектики» [19], «Философские категории в естественнонаучном познании» [20] и другие, получившие признание среди ученых.

Наряду с Д. И. Широкановым исследованием проблем диалектики занимались и другие сотрудники Института философии и права АН БССР. А. К. Манеев раскрывал диалектическую сущность зеноновских апорий, предмет формальной логики и диалектики [21, 22], А. А. Толкачев выявлял единство строения и движения материи [23], Ч. С. Славинский – всеобщее и специфическое в диалектических противоречиях [24], Э. В. Волкова – роль категорий диалектики в изучении биологических явлений [25], В. Г. Бондарев, В. А. Героименко, Т. А. Горолевич исследовали проблему детерминизма [26], П. Д. Пузиков продолжил начатую еще Е. М. Бабосовым работу по раскрытию сущности диалектической логики и выявлению эвристического потенциала анализа и синтеза [27], сотрудники сектора истории философии Э. К. Дорошевич, В. М. Конон и другие, осуществив историко-философский экскурс, воспроизвели картину становления диалектических идей в философской мысли Беларуси до-октябрьского периода [1].

Определенная работа по исследованию и разработке проблем диалектики велась преподавателями вузов, причем как совместно с академическими сотрудниками, так и самостоятельно. Одним из фундаментальных совместных

исследований, выполненных преподавателями Белорусского государственного университета и сотрудниками Института философии и права АН БССР, явилась монография «Диалектический материализм как методология естественнонаучного познания» [28]. Определенный интерес в этой монографии представляет раздел А. В. Самускевича, посвященный проблеме движения. Как и большинство исследователей, автор исходил из принципа неразрывности материи и движения, отстаивал идею самодвижения, саморазвития материи, которая, по его убеждению, «представляет собой не только экстенсивно-протяжную, но и внутренне активную, динамичную интенсивную сущность» [28, с. 60]. На протяжении ряда лет ученый работал над проблемой классификации форм движения материи и в качестве основных критериев их классификации предложил следующие:

- а) привязка форм движения к конкретным материальным структурам;
- б) тип взаимодействия и тип противоречия, присущие данной форме движения;
- в) общность законов, управляющих данной формой движения;
- г) генетический принцип, то есть принцип исторического развития формы движения материи.

На основании этих критериев исследователь выделил следующие общие формы движения: механическую, тепловую, кибернетическую и гравитационную [28, с. 66–69].

Из работ в области диалектики, выполненных преподавателями вузов самостоятельно, можно отметить коллективную монографию «Вопросы диалектического материализма» [29], работы В. Д. Морозова [30, 31] и В. Л. Акулова [32].

В. Л. Акулов предпринял попытку реализации принципиально нового подхода к систематизации категорий и законов материалистической диалектики, основанного на принципе материалистического монизма и методе восхождения от абстрактного к конкретному. Он обратил внимание на то, что философы, сконцентрировав внимание на проблеме единства диалектики, логики и теории познания, упустили из виду онтологические основания мыслительной деятельности субъекта, что с научной точки зрения недопустимо, поскольку «объективная диалектика, т. е. диалектика как теория бытия, не может не иметь первенства перед диалектикой как логикой и теорией познания, диалектикой как методологией. Но именно потому и исследование логико-методологических проблем может быть по-настоящему плодотворным лишь на основе разработки теории объективной диалектики» [32, с. 5]. Ученый отстаивал точку зрения, согласно которой разрабатываемая система категорий должна быть системой, «более или менее адекватно отражающей систему природы» [32, с. 6]. В основу выстраиваемой системы законов и категорий диалектики В. Л. Акулов положил учение материалистической диалектики о противоречивости материи как способе ее бытия и единстве (тождестве) противоположностей, а в качестве ее первого звена (исходной ступени) – противоречие

общего (всеобщего) и единичного (отдельного), поскольку «именно оно выступает и как являющееся первым гносеологически, и как наиболее абстрактное, содержащееся уже в самой операции определения тождества и различия» [32, с. 98]. По утверждению исследователя, проблема противоречия общего (всеобщего) и единичного (отдельного) занимает «особое место в системе философской науки, ибо отвечает на вопрос о том, каким образом материя, будучи единой и себе тождественной, выступает одновременно как неисчерпаемое многообразие вещей» [32, с. 98]. Вслед за этим, считал ученый, идет противоречие причины и следствия, поскольку «с ним непосредственно связано решение фундаментальной проблемы философии, проблемы субстанции как самообразующейся и саморазвивающейся системы» [32, с. 103]. Затем автор перешел к рассмотрению противоречия возможности и действительности как способу «бытия данной материальной системы» [32, с. 120], противоречия необходимости и случайности, что связано «с процессом перехода возможности в действительность» [32, с. 121], противоречия количества и качества как характеристики материи со стороны тождества и различия и, наконец, к противоречию уничтожения и сохранения как способу перехода какого-либо материального образования «в свое иное, в свою противоположность, в другое качественное состояние» [32, с. 138].

Полученные белорусскими философами научные результаты воплощались в научные статьи, монографии, лекционные курсы и в успешно защищенные диссертационные работы. По проблемам диалектики были защищены докторские диссертации В. И. Горбачем, Д. И. Широкановым и В. Л. Акуловым [33–35], а также ряд кандидатских диссертаций [36–38].

Белорусские ученые изучали и анализировали работы в области диалектики зарубежных философов, давали им объективную оценку. Как известно, с середины XX в. марксистская теория постоянно подвергалась жесткой критике со стороны зарубежных оппонентов. Французские философы сконцентрировали внимание на главном в учении К. Маркса – диалектике. Л. Ф. Евменов отмечал: «Все они – и Валь, и Ипполит, и Гурвич, и Мерло-Понти, и, конечно же, Сартр, считая себя виднейшими и истинными диалектиками современности, заявляют, что ведут огромную работу по очищению диалектики от метафизики и догматизма, по ее “демумификации”, что они ни мало, ни много “диалектизируют диалектику”» [39, с. 55]. В контексте идеологического противостояния двух социальных систем главная опасность для материалистической диалектики и марксистской теории в целом теоретических построений французских философов состояла в том, что они под видом якобы дальнейшего развития разрушали их базовые положения.

Именно поэтому перед советскими философами в качестве приоритетной была поставлена задача системного анализа работ французских философов второй половины XX в. Одним из первых в СССР занялся исследованием этой актуальной и политически значимой темы Л. Ф. Евменов.

В монографии «Диалектика и революция» он рассмотрел различные концепции диалектики французских мыслителей 1950–1970-х годов и пришел к выводу о том, что «современные французские антимарксисты представляют собой отряд наиболее утонченных, наиболее эрудированных, наиболее квалифицированных оппонентов марксизма» [39, с. 12], которые «вслед за объективной диалектикой природы выбрасывают и объективную диалектику истории, сводя диалектику истории лишь к диалектике субъективной, понимаемой как мысль, мыслительная деятельность, “открытое сознание”, т. е. к деятельности в целом» [39, с. 80]. В конечном счете французские мыслители вместо диалектики предложили не что иное, как субъективно-идеалистическую метафизику. Монография Л. Ф. Евменова, с одной стороны, раскрывала сущность материалистической диалектики, разработанной К. Марксом, с другой – рефлексировала отношение к ней французских философов в 1950–1970-е годы. Она не потеряла своей актуальности и в наши дни.

Начиная с 1990-х годов интерес к диалектике заметно снизился. Главной причиной этому послужило проведенное административным путем еще до распада СССР реформирование номенклатуры специальностей в отрасли философских наук в силу радикальной смены страной политического курса. В отличие от Украины, где диалектика была сохранена в виде специальности «диалектика и методология познания», в России и Беларуси пошли иным путем: специальность «диалектический и исторический материализм» заменили специальностями «онтология и теория познания» и «социальная философия», то есть исключили диалектику как специальность. В России даже из учебных программ и учебников по философии была изъята тема, посвященная диалектике [40, 41]. В Беларуси не решились на столь радикальные преобразования: в учебном пособии «Философия», изданном под редакцией Н. И. Жукова в 1996 г., по-прежнему была глава «Теория диалектики» [42, с. 111–193], в учебном пособии «Философия» (редактор Ю. А. Харин) дан целый раздел «Материалистическая диалектика и ее альтернативы» [43, с. 117–191]. Тем не менее, поскольку подготовка и защиты диссертаций шли по специальности «онтология и теория познания», то диалектика в меньшей степени привлекала к себе молодых исследователей. Более того, в своих работах они уже не использовали диалектический метод, считая его неконструктивным. Взамен ему предпочли синергетический, компаративный и другие методы. Впрочем, синергетический метод во многих исследованиях лишь заявляли, не более того.

Защитой и исследованием диалектики занимались в основном ученые советской эпохи, хотя делать это было непросто, поскольку мнение философского сообщества было не на их стороне. В частности, продолжил работу над систематизацией философских категорий и законов диалектики В. Л. Акулов. Он внес отдельные уточнения в разработанную ранее свою концепцию и изложил ее в учебнике.

Трактуя философию как науку, призванную «дать цельную картину мира», он акцентировал внимание на диалектике – инструменте, позволяющем философии выполнять две ее функции – мировоззренческую и методологическую [44, с. 5]. Основное затруднение, с которым сталкиваются ученые в процессе исследования диалектики, – это отыскание исходного принципа, дающего возможность раскрыть сущность диалектики, представить в системном виде ее понятийно-категориальный аппарат. Как и другие авторы, В. Л. Акулов начинает исследование диалектики с анализа проблемы движения и приходит к выводу о том, что «движение есть противоречие и процесс разрешения противоречий и что эта противоречивость бытия в наиболее абстрактной форме предстает как противоречие тождества и различия» [44, с. 91]. На основе этого вывода ученый в процессе дальнейшего исследования диалектики раскрывает сущность противоречий, характеризующих «бытие любой материальной системы как единого материального мира» [44, с. 91]. В отличие от устоявшейся в советских учебниках схемы изложения диалектики в виде трех основных законов и системы категорий В. Л. Акулов представил ее в виде восьми законов: отрицания общего и единичного, сущности и явления, причины и следствия, действительности и возможности, необходимости и случайности, содержания и формы, взаимного перехода количественных и качественных изменений, отрицания отрицания [44, с. 111–193]. То есть если в прошлом в учебниках по философии сначала излагались три основных закона диалектики, а после этого рассматривались категории как своего рода «дополнение» или же «привесок» к фундаментальным законам, то в данном случае автор попытался уравнять по своей значимости и функциональной нагрузке законы и категории, упразднить лежащую между ними границу.

И в самом деле, что такое категории, как не те же необходимые, устойчивые, повторяющиеся связи между явлениями, то есть законы объективного мира, воспроизведенные посредством мышления и представленные в сознании человека в форме мысли или, как отмечает А. Г. Спиркин, «формы, отражения в мысли универсальных законов объективного мира» [45, с. 226]?

Это во-первых. Во-вторых, такое изложение диалектики позволило В. Л. Акулову более последовательно раскрыть и сущность диалектики, выстраивая логический ряд самих категорий, то есть законов, и способ использования диалектики как метода познания окружающей действительности. В-третьих, выстраивая в такой последовательности законы диалектики, автор предпринял попытку решить важную задачу поиска того исходного звена, способного помочь исследователю проследить весь сложный путь, который проходит в своей жизни любое явление, начиная с зарождения и заканчивая гибелью, раскрыть те внешние и внутренние причины, которые позволяют любому явлению стать (или не стать) именно тем, а не иным явлением, выявить логику его развития.

Разделы, посвященные проблемам диалектики, включались и в другие учебники по философии, издававшиеся в Беларуси [45]. Впрочем, и в России

происходит трансформация установок по отношению к диалектике и ее оценок – на смену сугубо негативным приходят нейтральные, а то и вовсе позитивные установки и такие же ее оценки, подтверждением чему может служить учебник «Философия», выполненный под редакцией В. В. Миронова [46].

И все-таки в области диалектики в ближайшие годы предстоит проделать масштабную исследовательскую работу, так как за годы реформирования философской науки именно она наиболее пострадала. И дело вовсе не в том, что она не исследовалась на протяжении многих лет, что были забыты прорывные теоретические идеи П. В. Копнина, Э. В. Ильенкова и других выдающихся советских философов, внесших огромный вклад в ее разработку. Эти просчеты можно было бы преодолеть при наличии у молодых исследователей интереса к диалектике. Но его-то, к сожалению, у них и нет.

Как негативную тенденцию отметим и то, что в последнее время произошел радикальный пересмотр понятийно-категориального аппарата философии, то есть того инструмента (орудия), с помощью которого выявляются и фиксируются объективно существующие взаимосвязи и взаимоотношения между явлениями и процессами. Иногда философские понятия низводятся до уровня быденного языка. Но философская мысль не может быть зафиксирована посредством быденного языка. Язык философии состоит из выработанных на протяжении столетий специальных понятий, лишен образности и эмоциональности, за каждым философским понятием, а тем более категорией закреплена конкретное содержание. Сами философские понятия и категории обрели системность. В совокупности они представляют собой орудия, с помощью которых исследователь в состоянии на принятом философском сообществом языке описывать и объяснять окружающий мир – природу, человека, общество, выстраивать разнообразные философско-теоретические концепции. Философия – это не какой-то абстрактный «дискурс» и не образное мышление, а логически обоснованные умозаключения. В свое время Г. Гегель очень резко критиковал тех, кто относил философов к абстрактно мыслящим людям. Он считал философское мышление самым конкретным мышлением, но только в виде диалектического мышления.

Несомненно, философские понятия и категории в содержательном плане не являются застывшими: они постоянно впитывают в себя новые научные результаты и результаты предметно-практической деятельности человека. Тем не менее каждая категория фиксирует четко очерченный либо объект, либо взаимоотношения между объектами, либо изменения в объекте и т. д. В современной же философии используются понятия, которые не обладают подобной строгостью («ризома», «габитус», «интенциональность» и др.). Более того, абсолютизируя герменевтический метод, некоторые исследователи настаивают на своем «законном» праве вкладывать в известные понятия *собственное* содержание (смысл), так же как и на своем «законном» праве придерживаться *собственного* истолкования того или иного факта, *собственного* «прочтения»

текста того или иного философа, наконец, *собственного* видения мира, даже если оно входит в явное противоречие с научными фактами. Все это неизбежно ведет к релятивизму и гносеологическому нигилизму. По причине «размытости» понятийно-категориального аппарата философия теряет статус научной дисциплины: как и любая другая наука, лишенная собственного «орудия труда», она не способна получать новое знание, то есть развиваться.

В результате столь радикального пересмотра самого предмета философии и ее понятийно-категориального аппарата оказалась под угрозой разрушения система коммуникации в области философии. В самом деле способны ли два или более субъектов общаться, дискутировать или хотя бы обмениваться информацией, не говоря уже о совместном осмыслении проблем, если каждый из них говорит на своем собственном языке, вкладывает в используемое понятие свое собственное содержание?

И все же не станем терять надежды на восстановлении высокого статуса диалектики, а вместе с этим и статуса философии как научной дисциплины, ибо какой прок от философии, если она не будет выполнять отведенную ей миссию – служить человечеству надежным инструментом познания окружающего мира и разумного результативного практического действия.

Список использованных источников

1. Идеи материализма и диалектики в Белоруссии : (доокт. период) / [С. А. Подокшин [и др.] ; редкол.: К. П. Буслов (гл. ред.) и др.]. – Минск : Наука и техника, 1980. – 344 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. Б. Г. Столпнера и М. И. Левиной ; ред. и сост.: Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
3. Быховский, Б. Материализм и диалектика в творчестве В. И. Ленина / Б. Быховский // Под знаменем марксизма. – 1924. – № 2. – С. 240–255.
4. Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм : курс лекций, читанных в Белорус. гос. ун-те : в 3 ч. / С. Я. Вольфсон. – Изд. 7-е, испр. и доп. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1929. – Ч. 1–3. – 512 с.
5. Ивановский, В. Н. Методологическое введение в науку и философию / В. Н. Ивановский. – Минск : Белтрестпечат, 1923. – Т. 1. – XLII, 239 с.
6. Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.) / [В. М. Коннон [и др.] ; редкол.: К. П. Буслов (гл. ред.) и др.] ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1973. – 557 с.
7. Советская печать в документах : сб. – М. : Госполитиздат, 1961. – 559 с.
8. История марксистской диалектики. Ленинский этап / В. И. Столяров [и др.] ; отв. ред. Г. А. Курсанов ; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1973. – 606 с.
9. Сталин, И. О диалектическом и историческом материализме (Сентябрь 1938 г.) / И. Сталин. – М. : Госполитиздат, 1945. – 36 с.
10. Адуло, Т. И. Проблемы философско-теоретического осмысления в Беларуси физических открытий XX века / Т. И. Адуло // Время и вечность: философия, логика, познание : сб. науч. тр. к 90-летию А. К. Манеева. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 35–49.
11. Горбач, В. И. И. В. Сталин о законе перехода от старого качества к новому : автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. И. Горбач ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1953. – 19 с.

12. Пузиков, П. Д. Многообразие форм перехода от старого качества к новому : автореф. дис. ... канд. филос. наук / П. Д. Пузиков ; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. – М., 1955. – 16 с.
13. О «Философских тетрадах» В. И. Ленина / АН СССР, Ин-т философии ; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – М. : Соцэргиз, 1959. – 448 с.
14. Александров, Г. Ф. Развитие В. И. Лениным марксистского учения о законах диалектики / Г. Ф. Александров, В. И. Горбач, В. М. Ковалгин. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 441 с.
15. Горбач, В. И. О видах противоречий / В. И. Горбач. – Минск : Наука и техника, 1964. – 272 с.
16. Горбач, В. И. Проблемы диалектических противоречий / В. И. Горбач. – М. : Наука, 1972. – 359 с.
17. Бабосов, Е. М. Диалектика анализа и синтеза в научном познании / Е. М. Бабосов. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1963. – 350 с.
18. Широканов, Д. И. Диалектика необходимости и случайности / Д. И. Широканов. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 249 с.
19. Широканов, Д. И. Взаимосвязь категорий диалектики / Д. И. Широканов. – Минск : Наука и техника, 1969. – 250 с.
20. Философские категории в естественнонаучном познании / [Д. И. Широканов и др.]. – Минск : Наука и техника, 1972. – 192 с.
21. Манеев, А. К. Философский анализ зеноновских апорий / А. К. Манеев. – Минск : Наука и техника, 1972. – 198 с.
22. Манеев, А. К. Предмет формальной логики и диалектика / А. К. Манеев. – Минск : Наука и техника, 1964. – 207 с.
23. Толкачев, А. А. Единство строения и движения материи / А. А. Толкачев ; [ред. И. И. Петровский]. – Минск : Наука и техника, 1964. – 104 с.
24. Славинский, Ч. С. Всеобщее и специфическое в диалектических противоречиях и их познании (на материалах физики и астрономии) / Ч. С. Славинский ; [науч. ред. В. И. Горбач]. – Минск : Наука и техника, 1975. – 144 с.
25. Роль категорий диалектики в изучении биологических явлений / [Э. В. Волкова и др.]. – Минск : Наука и техника, 1967. – 250 с.
26. Детерминизм: системы, развитие / [В. Г. Бондарев и др. ; редкол.: Д. И. Широканов (отв. ред.), В. А. Героименко, Т. А. Горолевич]. – Минск : Наука и техника, 1985. – 261 с.
27. Пузиков, П. Д. Анализ и синтез – от мысли к вещи / П. Д. Пузиков ; [ред. Д. П. Горский]. – Минск : Наука и техника, 1969. – 136 с.
28. Диалектический материализм как методология естественно-научного познания; [редкол.: В. И. Степанов (гл. ред.) и др.]. – Минск : Наука и техника, 1965. – 332 с.
29. Вопросы диалектического материализма / ред. В. И. Степанов. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 299 с.
30. Морозов, В. Д. Проблемы развития в философии и естествознании : ист.-филос. очерк / В. Д. Морозов. – Минск : Вышэйш. шк., 1969. – 448 с.
31. Морозов, В. Д. Диалектика: системы и развитие / В. Д. Морозов, В. В. Морозов. – Минск : Вышэйш. шк., 1978. – 223 с.
32. Акулов, В. Л. Диалектический материализм как система: опыт теоретического анализа / В. Л. Акулов. – Минск : Университетское, 1986. – 319 с.
33. Горбач, В. И. Проблемы противоречий : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В. И. Горбач ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1967. – 40 с.
34. Широканов, Д. И. Взаимосвязь категорий диалектики : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Д. И. Широканов ; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. – Минск, 1971. – 39 с.
35. Акулов, В. Л. Принцип материалистического монизма и проблема субстанции: (онтологический аспект системы категорий и законов диалектического материализма) : автореф.

дис. ... д-ра филос. наук / В. Л. Акулов ; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. – Минск, 1982. – 44 с.

36. Забелло, З. И. Диалектический материализм о причинности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / З. И. Забелло ; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. – Минск, 1957. – 19 с.

37. Волкова, Э. В. Категория общего и отдельного в разработке теории биологического вида : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Э. В. Волкова ; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. – Минск, 1964. – 18 с.

38. Филюков, А. И. Категория «сущность» и «явление» и их роль в биологическом исследовании : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. И. Филюков ; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. – Минск, 1965. – 20 с.

39. Евменов, Л. Ф. Диалектика и революция / Л. Ф. Евменов // Сочинения : в 5 т. – Минск : БИП-С Плюс, 2006. – Т. 1. – С. 8–192.

40. Введение в философию : учеб. пособие для вузов / И. Т. Фролов [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2002. – 623 с.

41. Кармин, А. С. Философия / А. С. Кармин, Г. Г. Бернацкий. – СПб. : ДНК, 2001. – 536 с.

42. Философия : учеб. пособие / под ред. Н. И. Жукова. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск : ООО «НТЦ АПИ», 1996. – 328 с.

43. Философия : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / Ю. А. Харин [и др.] ; под общ. ред. Ю. А. Харина. – 8-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2006. – 448 с.

44. Акулов, В. Л. Основы философии : сокращ. курс лекций / В. Л. Акулов. – 2-е изд. – Минск : МГЛУ, 2011. – 224 с.

45. Спиркин, А. Г. Философия : учебник / А. Г. Спиркин. – 2-е изд. – М. : Гардарики, 2002. – 736 с.

46. Философия : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / [В. К. Лукашевич и др.] ; под ред. В. К. Лукашевича. – Минск : БГЭУ, 2012. – 461 с.

47. Философия : учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. – М. : Инфра-М, 2011. – 928 с.

В. К. Лукашевич, А. А. Легчилин, А. Л. Куиш, В. И. Павлюкевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

В работе показывается становление и развитие исследований в области логики, философии и методологии познания в Беларуси. Указаны этапы, направления, школы; представлены основные разрабатываемые проблемы, идеи, результаты. Дается историческая оценка логико-философских исследований белорусских философов в контексте европейской философской мысли.

Ключевые слова: логика, философия познания, философия и методология науки, социокультурные основания научного знания, междисциплинарные взаимосвязи, трансдисциплинарность в науке

V. Lukashevich, A. Legchilin, A. Kuish, V. Pavlyukevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL RESEARCH IN BELARUS

In the work, there is showed the formation and development of research in the field of logics, philosophy and methodology of cognition in Belarus. The stages, directions and schools are indicated; the main studied problems, ideas and results are presented. A historical assessment of logical and philosophical studies of Belarusian philosophers in the context of European philosophical thought is given.

Keywords: logics, philosophy of cognition, philosophy and methodology of science, social-cultural base of scientific knowledge, interdisciplinary relationships, transdisciplinarity in science

Рассматривая путь развития, пройденный тем или иным народом, мы вправе анализировать его философские системы как отражающие содержание жизни данного народа в контексте мировой истории. Точно так же при взгляде на философский путь, пройденный Беларусью, его можно трактовать как концентрированное выражение сути исторического бытия народа. В данном ключе мы попытаемся провести историко-философский обзор наиболее значимых исследований проблем логики, философии и методологии познания в Беларуси на протяжении XVI–XXI вв.

Развитие логической науки в Беларуси

Представляется целесообразным начать рассмотрение обозначенного обширного круга проблем с истории и современного состояния логической науки в Беларуси. Следует отметить, что зарождение и развертывание данной области теоретического знания у нас в стране вполне вписывается в общий европейский контекст развития этой науки по наличию спектра трактовок предмета логики, ее роли в системе научного знания, ее связи с философией и методологией познания.

Развитие логической науки на протяжении истории философской мысли в Беларуси, так же как и в Европе в целом, реализуется в трех основных вариантах. Первый вариант базируется на трактовке логики в ее достаточно тесной взаимосвязи, а порой в непосредственном единстве с методологией и философией познания. Такой подход, конечно же, сказывается на интерпретации логического знания, на толковании методов, законов и правил логики. При данном подходе логика характеризуется в своих наиболее существенных аспектах как наука о законах и формах правильного мышления, о базисных понятиях, приемах и методах познания и законах, лежащих в основе этих методов. Предложенное определение не является, конечно же, строгой дефиницией логики; оно лишь отражает базовые идеи трактовки данной науки как части эпистемологии и научной методологии. Некоторые современные авторы такое понимание логики называют расширительным толкованием данной области теоретического знания.

Второй вариант трактовки логики связан с выделением собственно логической стороны знания в общем контексте философско-методологической проблематики. В таком случае логика может рассматриваться как наука, исследующая рассуждения и системным образом раскрывающая законы, которые являются базисом и критерием обоснованности рассуждений в соответствующих областях познания. Логическая наука предстает как большой открытый комплекс определенных систем с соответствующей философско-методологической интерпретацией, постоянно пополняющийся в ходе развития данной науки. Каждую из логических систем, претендующих на охват способов рассуждений, характерных для некоторой области знания, иногда тоже называют логикой.

Третий вариант реализации и функционирования логического знания – это разработка учебников и учебных пособий. Естественно, что та или иная трактовка логики сказывается на содержании учебников, находя в них определенное воплощение.

Предлагаемый далее обзор развития логико-философских исследований в нашей стране подтверждает идею о реализации логической науки в Беларуси в трех названных вариантах, характерных для истории европейской логико-философской мысли.

Первое упоминание об опубликованных исследованиях логических идей в Беларуси относится к XVI в. Благодаря новейшим изысканиям белорусских, литовских, польских историков философии можно попытаться реконструировать процесс включения логической проблематики в философскую культуру белорусского народа.

В XVI–XVIII вв. в учебных заведениях на территории Беларуси преподавалась в основном схоластизированная логика Аристотеля. К этому же времени относится и появление исследований, которые оказали большое влияние на распространение логических знаний, отвечавших новому уровню развития науки и культуры Беларуси.

Первое печатное произведение, дошедшее до нас, – «От другие диалектики Иона Спанинбергера о силлогизме вытолковано». Это оригинальное издание во всем достаточно богато и самобытно наследии белорусского кириллического книгопечатания XVI–XVIII вв. Оно никогда больше не переиздавалось. Вышедшее в типографии Мамоничей в Вильно около 1586 г., произведение предназначалось для учебных целей православных, прежде всего братских школ, уделявших в то время большое внимание подготовке учащихся в сфере формальной логики, их обучению искусству религиозной полемики [1, с. 65].

Перевод этого учебного руководства с латинского сделан князем А. М. Курбским. В издании приводятся определение силлогизма, разделение силлогизмов на «утверждающие и прящие» (положительные и отрицательные) и их примеры; описаны «образцы» (фигуры) силлогизмов и конкретные силлогизмы трех «образцов». Также дано определение «чинов» (модусов) силлогизмов и примеры их по всем трем фигурам, формулируются правила силлогизмов. Раскрывается суть энтимемы, ее определение, рассматриваются варианты энтимем без большей (меньшей) посылки. Данному переводу А. М. Курбского, по мнению исследователя этой работы Н. К. Гаврюшина, суждено было стать первым русским печатным изданием по логике [2].

Обращение А. М. Курбского к переводу произведений в области логики свидетельствует о том, что в западнорусских землях конца XVI в. ощущался недостаток в подобной литературе. Но еще бóльшую потребность в логической литературе испытывала господствующая идеология Речи Посполитой, в состав которой в XVII–XVIII вв. входили белорусские земли. Аристотелевская силлогистика в интерпретации средневековых схоластов воспринималась католической церковью как весьма полезное знание. Поэтому вторая половина XVII и XVIII век для Беларуси – это, наряду с этикой и метафизикой, «век логики». Мы условно назвали данный период так, потому что в XVI и XIX вв. появление логических трактатов – событие редкое. Кроме того, логика в XIX в. уже не играет той роли органона, да и канона, которую она выполняла в рамках господствующей идеологии в прошлом.

Сравнивая сочинения и учебные курсы лекций по логике в XVI–XVIII вв., исследователи обращают внимание на форму изложения и отношение к тому или иному авторитету. Так, до середины XVII в. трактаты по логике писались преимущественно в форме комментариев к «Органону» Аристотеля. Характерным в этом отношении является фундаментальное произведение Мартина Смиглецкого «Логика», изданное в 1618 г. в Вильно. Во второй половине XVII в. подобные сочинения встречаются реже. Появляется уже некоторая самостоятельность в трактовке принятых в схоластике положений Аристотеля. Исследования по истории развития схоластической логики в Литве позволили Р. Плечкайтису [3] сделать вывод о том, что она содержала идеи, близкие математической логике.

Наиболее ярко и последовательно переход от схоластической логики к логике Нового времени в регионе, в который входила территория современной Беларуси,

происходит в 50–60-е годы XVIII в. Как в мировоззрении в целом, так и в его фундаментальных основаниях идет ломка сложившихся стереотипов, болезненное отрицание своих собственных многовековых предпосылок. Дело в том, что по мере осознания ограниченности схоластизированной аристотелевской силлогистики логическая наука начинает подвергаться тотальной критике. Пересмотр отношения к схоластической логике был детерминирован как внешними обстоятельствами, связанными с социально-экономическим развитием региона, так и собственным развитием науки и культуры в Западной Европе. Отчетливо эти тенденции выражены в логических трактатах профессора философии Новогрудской коллегии Станислава Шадурского и профессоров философии Виленского университета Бенедикта Добшевича и Казимира Нарбута⁶. Их основные сочинения в области логики близки не только по времени, но и по логической сути, которая в них выражена. В данных трактатах предпринимается попытка разрешить традиционные схоластические проблемы с помощью нетривиальных логических идей, предложенных Р. Декартом, Г. Лейбницем, Х. Вольфом, Д. Локком и другими западноевропейскими мыслителями Нового времени.

Представления о развитии логики на землях Беларуси во второй половине XVIII в. могут в определенной степени дать также рукописные конспекты лекций неизвестных авторов: «Курс философии» (Полоцк, 1737), «Трактат о диалектике» (Новогрудок, 1744), «Источник наук, или Диалектика» (Минск, 1759), «Введение в общую философию Аристотеля» (Полоцк, 1770) [4]. В них рассматриваются взаимоотношения простых, сложных, модальных и гипотетических высказываний.

В конце XVIII – первой половине XIX в. логическое образование на территории Беларуси претерпевает значительные изменения. В Вильно выходит специально написанная для польских школ «Логика» Этьенна Бонно де Кондильяка (1802). Это произведение сыграло заметную роль в формировании новой логической культуры в регионе. Э.-Б. де Кондильяк как логик интересен тем, что он в логической проблематике придавал большое значение аналитическому методу, обратился к проблеме взаимосвязи мышления и языка, которые в это время становятся в центре внимания западноевропейских мыслителей. Крупным вкладом в развитие логических идей явился также изданный в 1828 г. в Полоцке «Трактат о присущих мышлению правилах, или Логика теоретическая и практическая» Анёла Довгирда. Для А. Довгирда логика никогда не была самодовлеющей научной дисциплиной. Он рассматривал ее как «орудие мысли». Специального исследования заслуживает научная и педагогическая деятельность представителей Полоцкой иезуитской академии начала XIX в., которые отдавали приоритет схоластической логике.

В первые два десятилетия XX в. логическая наука на территории Беларуси в основном изучалась в учебных заведениях по русским изданиям и перево-

---

⁶ Шадурский С. Начала рассуждений в диалогах и упражнениях по логике, этике и метафизике. – Новогрудок, 1760; Добшевич Б. Лекции по логике... – Вильно, 1761; Нарбут К. Логика. – Вильно, 1769.

дам с польского. Она вводится в подготовку педагогических кадров в качестве учебной дисциплины. В связи с этим появляются учебные пособия по логической культуре мышления, по истории логики. Так, в 1909 г. в Минске выходит брошюра И. И. Цунзера «Первая мысль. Сборник систематически расположенных первоначальных упражнений в изложении мыслей», а в 1916 г. в Витебске – работа русского профессора философии Варшавского университета Е. А. Боброва «Историческое введение в логику». Иных значительных работ по логике в Беларуси в этот период не публиковалось.

Новые работы по логике появляются после открытия высших учебных заведений и научных центров в Советской Беларуси. В первые годы советской власти разработка проблем логики связана в основном с деятельностью Белорусского государственного университета. В 1920-е годы здесь работал известный в России философ В. Н. Ивановский. В свой курс лекций по формальной логике он включал традиционные вопросы аристотелевской логики – учение о понятии, суждении и дедуктивном умозаключении. В курсе логики и методологии науки содержались разделы по истории науки, классификации наук, сообщались сведения об основных приемах и методах научного исследования. Лекции В. Н. Ивановского по логике и методологии науки легли в основу его фундаментальных произведений, изданных в Минске (например, [5]). Логика и методология наук, подчеркивал ученый, должна быть положена в основу каждого исследования и предшествовать любому научному поиску.

В 20–40-е годы XX в. в философских кругах Советской Беларуси достаточно долго «выяснялись» отношения диалектической логики с формальной. Эта проблематика в последующем рассматривалась вплоть до конца 1980-х годов в работах многих представителей диалектического материализма, или, как стали чаще говорить в то время, «материалистической диалектики», в Беларуси и Советском Союзе в целом. Тезис о непреходящем методологическом значении диалектической логики активно отстаивался в научных статьях и книгах, обсуждался в академической среде, популяризовался на страницах периодической печати, излагался в лекциях перед студентами и массовой аудиторией. С. Я. Вольфсон, Б. Э. Быховский, С. З. Каценбоген, Р. М. Выдра и другие ученые-философы подчеркивали приоритет диалектической логики перед формальной [6–10]. В последующем такой подход, с теми или иными вариациями, проявляется у ряда советских философов, работавших в более позднее время. Иногда эта проблематика затрагивается и сейчас некоторыми исследователями в Беларуси и на постсоветском пространстве в целом.

В 1950–1970-е годы логическая тематика расширяется и углубляется. Объектом исследования становятся и более специальные проблемы логики. Чаще всего они анализируются в контексте научного познания. В частности, вопросы логики рассматриваются в связи с разработкой различного рода общепhilosophических проблем [11–13]. Наряду с теоретическими исследованиями в этот период создаются работы прикладного характера (учебники и пособия,

практикумы, курсы лекций и т. п.), раскрываются логические основы творческого мышления [14–19]. Кроме того, учеными активно анализируется мышление с точки зрения логических форм и средств в процессе познания [20–23], исследуется логико-гносеологическая природа гипотезы, сравнения, обсуждаются отдельные вопросы семантики, роль и значение символизации и формализации в познании с позиций логики [24–28], логические аспекты вопроса, научной проблемы [29, 30]. С 1970-х годов разрабатываются вопросы и математической логики [31–33].

В настоящее время многие белорусские философы активно продолжают исследовательскую работу логико-философской направленности. Достаточно полный обзор этой проблематики требует отдельного рассмотрения. Здесь ограничимся лишь констатацией некоторых направлений, разрабатываемых отдельными авторами: В. Ф. Берков – философия и методология познания; В. И. Чуешов – концепция аргументологии в XXI в.; Я. С. Яскевич – проблемы аргументации и развития знания; В. И. Левкович – эволюция идей доказательности в математическом познании; А. А. Легчилин – развитие логических идей в историко-философском контексте; Г. И. Малыхина – философия и методология науки; С. В. Воробьева – философско-семантические проблемы аргументации и коммуникации; А. Н. Шуман – философско-культурологический контекст развития и интерпретации логических идей; В. И. Павлюкевич – логико-философский анализ базисных идей методологии познания; В. А. Иноземцев – приложения логики в информатике и исследовании проблем искусственного интеллекта; П. В. Барковский – феномены понимания в контексте современной герменевтической философии; М. Р. Диско-Шуман – иерархические модели аргументации в науке. Имеют место и другие разработки логико-философских идей и концепций. В целом круг вопросов данной сферы, рассматриваемых философами Беларуси, весьма обширен.

Философы нашей страны, которые ведут исследования в сфере логики, значительное внимание в своем творчестве уделяют разработке соответствующих учебников и учебных пособий. В 1970–1990-е годы обширную деятельность в этом направлении осуществляла кафедра истории философии и логики Белорусского государственного университета. Были подготовлены и изданы многие учебники и учебные пособия по логике. Среди них можно отметить «Сборник упражнений по логике» под редакцией А. С. Клевчени. Сборник дополнялся, совершенствовался и был издан трижды – в 1977, 1981, 1990 гг. Авторами сборника выступили В. И. Бартон, В. Ф. Берков, И. И. Дубинин, Р. М. Ильинковская, А. С. Клевченя, А. М. Лебедев, В. И. Павлюкевич, А. П. Хилькевич. В 1994 г. этой же кафедрой издано учебное пособие «Логика» (авторы – В. И. Бартон, В. Ф. Берков, И. И. Дубинин, В. Я. Кочергин, Я. С. Яскевич).

В последующем, в конце 1990-х и 2000-е годы, многие белорусские философы выпускали в свет учебную литературу по логике индивидуально или небольшими творческими коллективами. Учебник «Логика» (авторы – В. Ф. Берков,

Я. С. Яскевич, В. И. Павлюкевич) с 1996 г. выдержал уже 10 изданий. Многократно издавали учебники и учебные пособия по логике В. И. Бартон, Г. И. Малыхина, В. И. Чуешов, С. В. Воробьева, П. В. Барковский, М. Н. Трушко, В. А. Галенок.

Завершая краткий обзор работ логической направленности в нашей стране, в целом можно отметить, что логико-философские исследования в Беларуси имеют глубокие исторические корни. Активная разработка этих проблем продолжается у нас и в настоящее время. Белорусские философы (В. Ф. Берков, В. И. Чуешов, Я. С. Яскевич, А. А. Легчилин, Г. И. Малыхина, С. В. Воробьева, А. Н. Шуман, В. И. Павлюкевич, В. А. Иноземцев, Н. В. Малая, Д. В. Баташев, Т. И. Врублевская-Токер и др.) активно участвуют в крупнейших международных форумах по логико-философской проблематике – «Смирновские чтения по логике» (Москва); «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке» (Санкт-Петербург) и др.

Философия и методология познания в трудах белорусских исследователей

Начиная со второй половины 1950-х годов в Институте философии и права Академии наук БССР в русле традиций материалистической диалектики сформировалась известная своими результативными исследованиями в области философии и методологии познания теоретическая школа. Значительный организационный и творческий вклад в ее становление внесли К. П. Буслов, Г. Ф. Александров, П. Д. Пузиков, Е. М. Бабосов, Д. И. Широканов, В. И. Степанов.

К числу первых результатов деятельности этой школы относятся такие труды, как «Диалектика необходимости и случайности» Д. И. Широканова (1960); «Диалектика анализа и синтеза в научном познании» Е. М. Бабосова (1963); «Аналитическая способность мышления» П. Д. Пузикова (1965) и др. Академические разработки по философско-методологической проблематике в последующем концентрировались преимущественно в возглавляемом Д. И. Широкановым отделе диалектического материализма и философских вопросов естествознания. Кроме уже указанной работы Д. И. Широканова следует отметить и такие его монографии по указанной проблематике, как «Взаимосвязь категорий диалектики» (1969); «Диалектика познания и категория субстанции» (1974). Д. И. Широкановым и сотрудниками его отдела разрабатывается концепция взаимосвязи диалектических категорий как целостной системы; изучаются фундаментальные проблемы познания, генезиса понятий и их роли в творческом научном поиске; анализируются креативные подходы к логико-методологическим аспектам развития знания; разносторонне и многопланово исследуются философские вопросы естествознания, техники, философско-методологические проблемы развития математики; раскрываются философские аспекты аргументации; большое внимание уделяется ряду вопросов становления и развития соответствующих особенностей стилей мышления в познании.

Заметную роль в развитии философско-методологических исследований в Беларуси сыграли следующие издания, также выпущенные в Институте философии сотрудниками данного отдела, в которых анализируют разнообразные спектры философских и логико-методологических проблем научного познания: А. К. Манеев «Философский анализ антиномий науки» (1974); М. К. Буслова «Моделирование в процессе познания» (1975); А. И. Петрушик «Творческая активность субъекта познания» (1975); А. И. Филоков, П. А. Водопьянов «Динамическое равновесие человека и природы» (1977); коллективные труды: «Проблема уровней и систем в научном познании» (1970); «Философские категории в естественнонаучном познании» (1972); «Моделирование и познание» (1974); «Творчество и научное познание» (1976); «Наука: организация и управление» (1977); «Закономерности развития и методы познания современной науки» (1978) и др.

В настоящее время представителями этой школы значительное внимание уделяется исследованию философских аспектов процесса глобализации, проблем и тенденций развития постиндустриального общества, социальной экологии, синергетики, трансдисциплинарной проблематики, философско-методологических проблем глобальной информатизации социума.

В ходе разработки философско-методологической проблематики при непосредственном сотрудничестве с отделом, возглавляемым Д. И. Широкановым, в Беларуси выросли известные ученые: П. А. Водопьянов, В. А. Героименко, А. И. Зеленков, А. А. Лазаревич, В. И. Левкович, А. И. Лойко, В. К. Лукашевич, А. К. Манеев, А. И. Осипов, А. И. Петрушик, О. П. Пунченко, М. А. Слемнёв, Э. М. Сороко, В. П. Старжинский, А. П. Трофименко, Т. М. Тузова и др.

1970–1980-е годы в значительной мере можно назвать периодом расцвета советской философской культуры. В научной жизни философского сообщества Советского Союза в то время проблемы диалектики, логики, философии и методологии познания были представлены весьма широко и многопланово. Ими занимались и многочисленные белорусские авторы, создавшие цикл оригинальных работ, богатых логико-методологическим и философским потенциалом: К. П. Буслов, П. Д. Пузиков, Е. М. Бабосов, Д. И. Широканов, А. А. Михайлов, В. С. Стёпин, П. А. Водопьянов, А. Н. Данилов, Л. Ф. Евменов, И. Н. Лущицкий, А. И. Савастюк, В. И. Степанов, Т. И. Адуло, В. Л. Акулов, В. Ф. Берков, В. А. Героименко, В. И. Горбач, А. Н. Елсуков, И. И. Жбанкова, Г. А. Жебит, Н. И. Жуков, А. И. Зеленков, В. Н. Калмыков, П. В. Кикель, Ч. С. Кирвель, А. С. Клевченя, Л. Ф. Кузнецова, А. А. Лазаревич, В. И. Левкович, В. К. Лукашевич, М. А. Можейко, А. И. Осипов, В. В. Поздняков, О. П. Пунченко, А. В. Рубанов, М. А. Слемнёв, Э. М. Сороко, Т. М. Тузова, Л. В. Уваров, Ю. А. Харин, Я. С. Яскевич. Значительный вклад в развитие данного направления в философии познания внесли также Е. А. Алексеева, Н. П. Баранов, А. М. Бобр, М. К. Буслова, Т. А. Горолевич, Е. В. Дмитриев, А. П. Ждановский, А. С. Круковский, А. А. Легчилин, А. К. Манеев, В. Т. Новиков, А. И. Петрушик, А. В. Самускевич, Ч. С. Славинский, А. А. Толкачев, А. И. Филоков, В. А. Царенков и др.

Таким образом, исследования в области философии и методологии науки являлись одним из наиболее развитых направлений белорусской философии, хотя вопрос времени появления в Беларуси работ в этих областях и четкого выделения их в самостоятельное направление является довольно сложным. На заре своего зарождения (1920–1940-е годы) они тесно переплетаются с логико-философскими исследованиями, которые имеют на Беларуси давние традиции. Однако если говорить о методологии науки как определившейся самостоятельной научной дисциплине, то начало активной фазы такого рода разработок у нас в стране следует отнести к 1960-м годам. Можно отметить, что определенное влияние на их появление и развитие оказали исследования по философии науки, которые активно проводились в то (и более раннее) время на Западе. Но установкой многих наших философов являлось рассмотрение стоящих перед наукой проблем с позиций материалистической диалектики, что было в значительной мере обусловлено принятой в то время марксистско-ленинской парадигмой. Почти все эти разработки проводились тогда на основе и с позиций весьма широко трактуемой диалектики. Ставилась задача трансформировать результаты этих исследований, приспособив их прямо или косвенно к методологии науки.

С 1970-х годов проблематика логико-методологических изысканий расширяется, они становятся более ориентированными на структурно-системный подход. Разработка философских проблем современной науки осуществляется по таким направлениям, как методология исследования сложных систем, творчество и рациональность, гуманистические модели в современной методологии научного познания и образования и др. В эти годы проводится сравнительный анализ методологических подходов научного познания; исследуются условия, способствующие разработке новых идей; рассматриваются способы преодоления сложившихся стереотипов мышления, являющихся сдерживающим фактором развития знаний; выявляются новые аспекты в методологии социального познания, расширяющие рамки анализа субъект-объектных и субъект-субъектных отношений; раскрывается значение внелогических форм знания; определяется роль аксиологического подхода в определении критериев социально-политического развития. Результаты исследований этих проблем опубликованы в монографиях: «Диалектика социального отрицания» Ю. А. Харина (1972); «Понятие “состояние” и его методологическая роль в физике» В. П. Старжинского (1979); «Устойчивость и динамика биосферы» П. А. Водопьянова (1981); «Модели и метод моделирования в человеческой деятельности» В. К. Лукашевича (1983); «Информация и познавательные потребности» Г. И. Щербицкого (1983); «Системно-структурный подход в химии» М. К. Бусловой (1984); «Современные концепции бесконечности и реальность» Т. А. Горолевич (1984); «Взаимоопределенность в бытии и познании» А. А. Толкачева (1985); «Социальная природа творческого мышления» Е. В. Дмитриева (1989); «Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы

практической деятельности» А. И. Осипова (1989); «Научный метод: структура, обоснование, развитие» В. К. Лукашевича (1991); «Математическое творчество: открытие и обоснование» В. И. Левковича (1993); а также в коллективных трудах: «Диалектическая концепция понятия» (1982); «Методологические проблемы научного знания» (1983); «Методологические аспекты научного познания и социального действия» (1985); «Принципы единства и развития в научном познании» (1988); «Современное образование в системе науки и практики» (1990).

Наряду с уже обозначенными проблемами философии и методологии познания, анализ которых проводился белорусскими философами академической школы, немаловажную роль играют научные изыскания в следующих направлениях: активная роль форм знания в развитии науки, структура личностного знания и его роль в создании многоуровневых экспертных систем (В. А. Героименко); глобальная информатизация социума, коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания становления информационного общества (А. А. Лазаревич); логико-методологические вопросы аргументации в математическом познании, исторические типы математического доказательства, эволюция системности математического знания, влияние искусственных интеллектуальных систем на математическое творчество (В. И. Левкович); концепция научного метода как формы функционального синтеза предметного и нормативного знания, генетические и функциональные связи предметно-концептуального, операционно-нормативного и логического аспектов знания (В. К. Лукашевич); гносеологический статус, специфика и функции философских категорий в процессе познания (А. И. Осипов).

Важное место в деятельности философского сообщества Беларуси принадлежит так называемой Минской философско-методологической школе, сформировавшейся в 1970-е годы. Ее творческие достижения стали широко известны не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. В данной философской школе разрабатывались фундаментальные проблемы теории познания, структуры и генезиса научной теории, оснований научного знания, типологии научной рациональности, методологии естественных и социальных наук, механизмов внутренней и социокультурной обусловленности научного познания, активно велись исследования истории науки, разрабатывались проблемы критериев идентификации и демаркации научного знания, анализа понятия псевдонауки.

Признанным основоположником и лидером Минской философско-методологической школы стал известный специалист в области теории познания, философии и методологии науки В. С. Стёпин. Его фундаментальная монография «Становление научной теории» (1976) и последующие публикации сыграли ключевую роль в формировании и развитии данной школы. Появляется серия значимых работ других представителей Минской школы. Это прежде всего труды таких известных белорусских ученых, как А. Н. Елсуков («Методы

научного познания», 1978, в соавторстве с В. С. Стёпиным; «Эмпирическое познание и факты науки», 1984; «Познание и миф», 1984; «Теория и эксперимент» 1986); А. И. Зеленков («Принцип отрицания в философии и науке», 1981); Л. Ф. Кузнецова («Картина мира и ее функции в научном познании», 1984); Е. В. Петушкова («Отражение в живой природе. Динамика теоретических моделей», 1983); Я. С. Яскевич («Определения в науке», 1982; «В поисках идеала строгого мышления», 1989). К проблемам, обсуждаемым в минской философско-методологической школе, обращались в своих публикациях В. Ф. Берков, В. И. Дынич, Е. А. Ельяшевич, Е. А. Толкачев, Л. М. Томильчик и другие ученые. Были изданы коллективные монографии многих из этих авторов («Природа научного знания», 1979; «Идеалы и нормы научного исследования», 1981; «Научные революции в динамике культуры», 1987), защищены диссертационные работы.

Важной чертой Минской философско-методологической школы следует назвать ее открытость. Она исторически складывалась в теснейших взаимосвязях с исследователями Москвы, Ленинграда, Киева, Томска, Новосибирска и других философских центров. Как заведующий кафедрой философии и методологии науки философского факультета Белорусского государственного университета В. С. Стёпин расширял и укреплял философские контакты. Важной особенностью в деятельности Минской школы, которая в значительной мере определила ее эффективность, является то, что исследования проводились, как сказали бы сейчас, в открытом информационном режиме. Взаимопроникновение идей было гарантом профессиональной поддержки, а результаты становились достоянием научного сообщества задолго до их формального завершения в виде публикации статей и монографий.

Философы Беларуси из Академии наук и вузов нашей республики вели активное сотрудничество с крупнейшими философскими центрами Советского Союза в Москве, Ленинграде, Киеве, Новосибирске, Томске, Тбилиси, Ереване, а также с университетами и философскими кафедрами других городов и республик огромной советской страны. Белорусские ученые принимали активное участие в регулярно проводившихся один раз в четыре года крупнейших всесоюзных конференциях по логике, методологии и философии науки. Всего было проведено 10 таких конференций. Апогеем признания заслуг белорусских философов в XX в. и своеобразным финалом советского периода исследований в области логики и методологии философского знания можно считать проходившую 24–26 сентября 1990 г. в Минске X Всесоюзную конференцию по логике, методологии и философии науки. Конференция была организована совместно с Институтом философии АН СССР и прошла на большом подъеме с изданием многотомных тезисов докладов и выступлений [44].

Начиная с 1990-х годов в теоретико-методологических разработках важное место заняли следующие проблемы: индивидуально-творческие основания научно-познавательных исследований; конституирующая роль сознания

и режимов его деятельности; модель производства и функционирования научного знания в информационном обществе; раскрытие базисных характеристик научной и философской рациональности; а также такие вопросы, как анализ структуры субъектов познания; соотношение рационального (методологико-нормативного) и субъектно-поискового в познании; информация и творчество в современной цивилизации; новые коммуникативные возможности, открываемые компьютерными технологиями; анализ важнейших современных моделей знания с учетом процессов глобальной компьютеризации. Результаты исследований по этим проблемам получили отражение в коллективном труде «Стереотипы и динамика мышления» (1993); в работах Е. А. Алексеевой «Рациональность и сознание. Историко-теоретический очерк проблемы становления рациональности» (1991); В. К. Бонько, С. П. Кулика «Мышление человека и проблема компьютеризации» (1992); В. А. Героименко, А. А. Лазаревича, Л. Г. Титаренко «Знание. Компьютер. Общество» (1992); А. А. Лазаревича «Научное знание в информационном обществе» (1993); Ч. С. Славинского «Субъект творческого познания» (1993) и др.

Белорусские философы провели значительную работу по изучению социокультурной составляющей научных знаний. В индивидуальных и коллективных трудах был исследован широкий круг вопросов, связанных с пониманием науки как целостной системы знаний, ее функций и роли в жизнедеятельности общества и человека. Сделан анализ социокультурной детерминации современной науки, путей интенсификации научных разработок; раскрыты социальные, культурные, внутринаучные, индивидуальные условия труда ученых; выявлены конструктивно-эвристические функции философии в научно-исследовательской деятельности; определены место социального прогнозирования и проектирования в процессе опредмечивания научных знаний, роль научно-технической информации и государственной политики в функционировании и развитии современной науки. Как продолжение международной исследовательской дискуссии по вопросам анализа социокультурных оснований научного знания 1993 г. в Минске была издана книга «Мировоззренческие структуры в научном познании». В Белорусском государственном университете на базе кафедры философии и методологии науки прошли международные научные конференции, посвященные проблемам социального познания и его философско-методологическим основаниям.

Философами нашей республики проведены результативные исследования специфики конституирования культурной традиции как системного механизма стабилизации и роста научного знания, его освоения в различных типах деятельности. В этом направлении известны работы таких ученых, как В. В. Анохина, А. В. Барковская, А. М. Бобр, А. Н. Данилов, Е. А. Дудко, А. И. Екадумов, А. Н. Елсуков, А. П. Ждановский, А. И. Зеленков, Н. А. Кандричин, П. С. Карако, Л. Ф. Кузнецова, А. А. Легчилин, В. Т. Новиков, А. Т. Павлова, А. В. Рубанов, С. Г. Савина, О. В. Терещенко, Л. Г. Титаренко, Е. В. Хомич,

А. В. Яскевич и др. В работах Е. А. Алексеевой, В. Ф. Беркова, М. К. Бусловой, П. А. Водопьянова, В. С. Вязовкина, Г. А. Жебита, П. В. Кикеля, Ч. С. Кирвеля, А. А. Лазаревича, А. И. Лойко, В. К. Лукашевича, А. И. Осипова, В. В. Позднякова, А. В. Самускевича, Э. М. Сороко, Т. М. Тузовой, Л. В. Уварова, Ю. А. Харина, В. А. Царенкова, Д. И. Широканова, Я. С. Яскевич и других ученых были продолжены исследования функций философских и метатеоретических оснований науки в развитии современного научного знания и его интеграции в культуру. При этом были зафиксированы существенные различия в механизмах приращения знаний на дисциплинарном и междисциплинарном уровнях.

Значительную роль в жизни философского сообщества республики во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов играла Международная академия организационных и управленческих наук (МАОУН). Ее организатором и президентом был Г. А. Жебит. Членами этой академии являлись Е. М. Бабосов, Д. И. Широканов и многие другие известные ученые нашей страны. Академия поддерживала обширные международные контакты. При ней действовал дискуссионный научный клуб, бессменным председателем которого был Г. А. Жебит. Клуб осуществлял широкое междисциплинарное сотрудничество. Его заседания проводились еженедельно. Докладчиками на заседаниях были ведущие специалисты во всех сферах научной и организационной жизни республики.

В настоящее время большое значение придается исследованию комплекса социальных проблем применительно как к относительно стабильным социумам, так и к тем социальным системам, которые находятся в состоянии цивилизационных трансформаций. При этом значительное внимание уделяется такой существенной особенности современного общества, как глобальная информатизация, которая охватила все сферы его функционирования. В этих исследованиях широко используются идеи трансдисциплинарности, реализующиеся с привлечением концептуальных подходов и методологических стандартов, которые разработаны в методологии науки, философии, культурологии. Результаты философско-методологических разработок получили свое отражение в исследованиях проблем постиндустриального общества, глобализации, синергетики и др.

О развернутости этих исследований и многообразии тематики говорят названия работ: «Человек на рубеже тысячелетий: поиск духовных оснований бытия» (автор – Т. И. Адуло); «Детерминистские представления в истории методологии социальных наук» (В. Ф. Берков); «Философия образования как методологическая рефлексия педагогики: о возможностях и границах педагогической науки» (Т. Н. Буйко); «Становление новой цивилизации в условиях биосферного века» (П. А. Водопьянов); «Организационно-управленческая деятельность (опыт системного анализа и синтеза социально-философского и экономико-правового аспектов)» (Г. А. Жебит); «Идея преемственности как предмет осмысления в классических версиях философской рефлексии» (А. И. Зеленков); «Беларусь и Россия: историософское и цивилизационное

единство» (Л. Е. Криштапович); «Глобальное коммуникационное общество» (2008), «Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания» (2015, автор обеих – А. А. Лазаревич); «Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетических и постмодернистских парадигм» (М. А. Можейко); «Методология инновационной деятельности: философия техники и философская антропология» (А. И. Лойко, Е. Б. Якимович); «Экологическая культура в сознании детей и взрослых Беларуси: грани становления» (С. П. Онуприенко); «Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонии систем» (Э. М. Сороко); «На пути к обществу инноваций» (В. П. Старжинский, В. В. Цепкало); «Философия сознания в контексте анализа специфики теории и методологии гуманитарного познания» (Т. М. Тузова); «Какой быть аргументологии в XXI веке?» (В. И. Чуешов); «Философия и наука: время диалога, ответственность и надежды» (2014), «Ценностное переосмысление современного мироустройства: методология междисциплинарного синтеза» (автор обеих – Я. С. Яскевич). Известны также работы Е. А. Алексеевой «Проблема опыта в методологии социально-гуманитарного познания», В. А. Белокрыловой «Понятие превращенной формы: диалектическое наследие в постнеклассической социальной теории», М. К. Бусловой «Информационные технологии в современном обществе», М. Г. Волнистой «Междисциплинарный подход к исследованию социума как целостной динамической системы», Д. А. Вятченина «Нечеткие методы автоматической классификации», Н. И. Губарева «Человек в системе социоприродных связей»; С. В. Давидовского «Социальное познание и индивидуальное восприятие личности», Н. Е. Захаровой «Движение категорий философии природы к понятию социоприродной целостности», Т. А. Капитоновой «Нейросетевое моделирование в распознавании образов: философско-методологические аспекты», А. В. Колесникова «Повышение эффективности образования в вузе. Компьютеризация, когнитивный подход и организационные совершенствования», Н. А. Лазаревич «Биотехнологический прогресс: естественнонаучные и социальные основания», С. А. Мякчило «Коммуникативно-деятельностный подход к рефлексии в философии и междисциплинарных исследованиях», О. А. Павловской «Нравственное воспитание в условиях становления информационного общества: теоретико-методологические аспекты», Д. П. Рыбки «Деятельность секции гуманитарных наук: 20 конкурсных лет (БРФФИ 1991–2011 гг.)», А. Н. Спаскова «Структура времени в естественнонаучных дисциплинах», О. Л. Сташкевич «Повышение функционального качества образования посредством синтеза моделей классического и инновационного образования», А. С. Червинского «Качество окружающей среды (философско-методологический анализ)» и др.

Высокую международную оценку получила коллективная монография, написанная белорусскими авторами Д. И. Широкановым, М. К. Бусловой,

А. С. Червинским совместно с учеными Республики Молдова, – «Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям» (Минск, 2009). Данной работе присуждена премия трех академий наук – Украины, Беларуси и Молдовы.

В настоящее время белорусские философы стремятся не упускать из виду те традиции, которые были заложены еще в 1970-х годах в рамках философско-методологических разработок, учитывая и достижения Минской философско-методологической школы: исследования структуры научного знания и его трансформации в процессе развития, анализ структуры научной теории и с этих позиций отношений и связей между теориями в системе научного знания и ряд других разработок. Среди исследователей, занимающихся этими проблемами, можно назвать таких ученых, как Е. М. Бабосов, В. Ф. Берков, В. В. Демиров, А. И. Зеленков, Н. Г. Кембровская, А. Л. Куиш, А. А. Лазаревич, В. И. Левкович, В. К. Лукашевич, С. А. Мякчило, А. И. Осипов, Э. М. Сороко, А. Н. Спасков, Е. А. Толкачев, Л. М. Томильчик, Д. И. Широканов, Я. С. Яскевич и др.

Можно отметить, что развитие философско-методологических исследований, которые стали значительной вехой в системе отечественного философского знания, способствовало повышению авторитета Беларуси среди других философских центров, сформировавшихся в Советском Союзе и продолжающих активную деятельность в настоящее время.

Философская мысль Беларуси в системе междисциплинарного сотрудничества

Значительное место в деятельности белорусских философов отводится сотрудничеству представителей философской науки Беларуси с учеными академических институтов, реализовавшееся в форме методологических семинаров. Эти семинары способствовали развертыванию диалога как эффективного способа творческого взаимодействия, взаимовлияния представителей различных областей научного знания. Академический Институт философии являлся при этом исследовательской базой стратегий междисциплинарного сотрудничества и трансдисциплинарного научного синтеза.

Проблемы междисциплинарных взаимодействий были в сфере ключевых направлений научной деятельности в 1970–1980-е годы Института философии и права, играющего роль базового философского учреждения в системе философских (методологических) семинаров Академии наук, а затем научных учреждений и высших учебных заведений БССР. В постановлении Бюро Президиума Академии наук БССР «О создании бюро философских (методологических) семинаров» (1977 г.) отмечалось, что такого рода семинары (свыше 70 в Академии) стали действенной формой «философского обобщения знания». В состав бюро вошли выдающиеся ученые республики К. П. Буслов, Н. В. Бирилло, Ф. И. Федоров, Р. Г. Гарецкий, Е. М. Бабосов, Д. И. Широканов,

Н. Н. Зацепин, другие видные исследователи. Председателем бюро был назначен Е. М. Бабосов. Институту философии и права как базовому учреждению, ответственному за философское обеспечение семинаров, поручалось организовать работу философов-консультантов, обобщать опыт работы, проводить научные форумы для обсуждения ее результатов.

Республиканский совет был учрежден постановлением Президиума Академии наук БССР «О Республиканском совете методологических семинаров при Президиуме АН БССР» (1983 г.). Структура совета получила необходимое развитие за счет создания трех секций: философских (методологических) проблем общественных, естественных и технических наук. В секции вошли известные в Беларуси и за ее пределами крупные ученые, организаторы науки и высшей школы Н. В. Бирилло, Ф. И. Федоров, А. Г. Шашков, А. И. Журавский, В. Г. Спринджук, А. Д. Закревский, Н. С. Мисюк, директор Института проблем управления народным хозяйством Госплана БССР Ф. А. Дронов, ректор Гродненского государственного университета А. В. Бодаков, проректор по научной работе Гомельского государственного университета М. В. Научитель, руководители научных подразделений и кафедр вузов В. А. Коваленко, А. Д. Павлова, О. С. Терновой, Л. В. Уваров, П. А. Шитов, Ю. А. Харин, А. Ф. Яцкевич, В. С. Стёпин, Л. М. Томильчик, П. А. Водопьянов, И. И. Жбанкова, В. К. Савченко, Л. Л. Васильев, Л. А. Башкиров, Л. И. Гурский и др. Институт философии и права как базовое учреждение был соответственно представлен в руководстве совета. Его возглавил директор Института философии и права Е. М. Бабосов, заместителями назначены Д. И. Широканов и В. К. Лукашевич.

Постановление о создании Республиканского совета существенно повышало статус формирования, курирующего работу семинаров, расширяло поле его деятельности (в этот период в республике работало свыше 300 семинаров), содержало установку на усиление исследовательской составляющей в работе семинаров, в частности на укрепление связи их тематики с планами научно-исследовательской деятельности научных учреждений и вузов.

Одним из важнейших направлений исследовательской работы в первой половине 1980-х годов стала разработка философско-методологических проблем взаимодействия общественных, естественных и технических наук. Различные аспекты этой проблематики в течение ряда лет изучались на занятиях семинаров практически всех научных учреждений АН БССР. Для того чтобы сделать результаты этой работы общим достоянием и обеспечить действенную научную коммуникацию в дальнейшем, бюро философских (методологических) семинаров в 1981–1983 гг. провело цикл общеакадемических конференций по философско-методологическим проблемам взаимодействия наук. В каждой из этих конференций принимали участие сотрудники различных научных центров и вузов СССР, что повышало уровень конференций и интерес к их работе.

Результаты этой работы нашли отражение в коллективной монографии «Философско-методологические проблемы взаимодействия наук» [60]. В ней

была раскрыта специфика методологических проблем взаимодействия общественных, естественных и технических наук в условиях продолжающейся научно-технической революции (Е. М. Бабосов). Утверждалось что в этой ситуации непременным условием выполнения каждой наукой своей функции является наличие в ее понятийном аппарате методологических принципов, закладывающих основы взаимосвязи внутренних и внешних факторов взаимодействия наук в единстве мировоззренческих, методологических и практических аспектов. Соответственно в каждой науке актуальны вопросы, связанные с формированием фундаментальных структур теоретического и практического мышления, решение которых предполагает выработку способов преодоления внешней разобщенности исследователей коррелятивно процессам внутренней интеграции знания, накоплением конструктивных элементов на метатеоретическом уровне в содержании философских оснований науки, научной картины исследуемой реальности, идеалов и норм научного исследования (А. И. Петрушик, В. С. Стёпин, Л. Ф. Кузнецова). Основной объем такой работы, по мнению В. С. Стёпина, должен осуществляться в русле философских исследований, составляющих их второй слой, где общеполитические и философско-гносеологические принципы «конкретизируются применительно к исследованию механизмов развития научных знаний и служат основанием для разработки конкретных методологических регулятивов непосредственно внедряемых в науку» [61, с. 86].

Реализацией такого рода ориентации стало исследование концептуально-го взаимодействия наук и сопряженного с ним развития метода научного познания (В. К. Лукашевич), инвариантов в структуре знания (Э. М. Сороко), роли логических форм в интеграции научного знания (В. И. Павлюкевич), а также ряда вопросов, связанных со спецификой взаимодействия конкретных дисциплин: физики и математики в процессе становления физической теории (В. А. Героименко), физики, химии и биологии в контексте революции в биологии (В. К. Савченко), биологии, геологии и механики в русле поиска новых схем объяснения и технических решений (А. И. Добролюбов), философии и медицины в изучении природы человека (Л. В. Уваров, Э. А. Фотова) и др.

Новый этап исследовательской работы философских (методологических) семинаров по проблемам междисциплинарных взаимодействий был связан с анализом факторов и тенденций развития научно-технического прогресса, задающих более широкий контекст видения проблемы. Работа проводилась в виде обсуждения проблематики на занятиях семинаров, межсеминарских, вузовских, общеакадемических и республиканских конференциях с участием ученых, представляющих научные центры и вузы СССР. Ее результаты отражены в коллективной монографии «Научно-технический прогресс: взаимодействие факторов и тенденции развития» [63].

В данной работе в контексте сложившейся в мире и СССР социально-экономической ситуации проанализированы проблемы единства социального

и научно-технического прогресса (Е. М. Бабосов), развития социально-природных взаимоотношений (А. И. Антипенко, П. А. Водопьянов), системного характера научного прогресса во взаимодействии с социокультурными традициями (А. И. Зеленков), научного прогресса и сопряженного с ним процесса развития методов исследования (В. К. Лукашевич), преемственности знания и генерации радикально новых идей в современной науке (Л. М. Томильчик).

Важной тематической и концептуальной особенностью коллективной монографии была направленность на отражение механизма системной связи социальных, экономических, интеллектуально-научных, технических и философско-методологических аспектов и факторов научно-технического прогресса. Преемственно продолжалась тематика научно-технических революций (Д. И. Широканов), а также анализировались тенденции в развитии систем искусственного интеллекта (В. В. Мартынов), оптоэлектронных систем обработки информации (А. К. Есман), микроминиатюризации в электронном приборо- и машиностроении (В. К. Александров), направленность практических приложений биологической науки, и в частности теории самоорганизующейся эволюции (П. С. Карако, В. К. Савченко).

В научных результатах философских (методологических) семинаров отчетливо обозначились перспективные тематические линии, получившие статус приоритетных направлений в современной отечественной науке, и сопряженные с ними философско-методологические проблемы. В их числе: особенности развития национальной экономики и духовно-культурной сферы Республики Беларусь; разработка правового регулирования социально-экономических, политических и инновационных процессов в жизнедеятельности белорусского социума; история Беларуси в контексте мировой истории; основные тенденции в природопользовании; когнитивные и технические проблемы создания материалоемких и энергоэкономных экорезонансных технологий; развитие нанотехнологий; перспективы фармацевтики на основе биохимических исследований живого; синергетические механизмы системной организации; социальный статус науки и ученого в современном мире; этические нормы деятельности ученого и формы коммуникации в современной науке; динамика схем предмето- и объектогенеза, объяснение и аргументация в трансдисциплинарных исследованиях; формы интеграции науки, образования и производства в перспективе развития инновационного комплекса; наука в системе властных отношений в обществе; научно-техническая политика и будущее цивилизации.

Завершая относительно краткий обзор сферы философско-методологических исследований в Беларуси, можно признать высокую ценность духовного наследия, выработанного в недрах ее культуры, которое было создано плечевой академических и университетских философов при разработке проблем логики, методологии и философии познания.

Философско-методологические исследования в Беларуси активно продолжают с учетом тенденций и запросов времени. Как в Институте философии НАН Беларуси, так и в университетской среде регулярно проводятся научные конференции, посвященные проблемам философии и методологии науки, которые являются дискуссионной площадкой для широкого круга ученых с целью апробации своих идей. Издаются научные журналы, на страницах которых исследователи получают возможность высказаться по широкому спектру проблем, связанных с развитием философского и научного знания. Это такие издания, как ежегодный сборник научных трудов Института философии НАН Беларуси «Философские исследования», «Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук», «Вестники» и «Ученые записки» университетов и профильных институтов.

Список использованных источников

1. Кніга Беларусі (1517–1917) = Книга Белоруссии (1517—1917) : звод. каталог / Дзярж. б-ка БССР імя У. І. Леніна, Беларус. Савец. Энцыкл. ; [склад.: Г. Я. Галенчанка, Т. В. Непарожная, Т. К. Радзевіч ; навук. рэд.: С. Х. Александровіч, Н. Б. Ватацы, І. П. Хаўратовіч]. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 614, [1] с., [12] л. іл.
2. Гаврюшин, Н. К. Первая российская «Логика» / Н. К. Гаврюшин // Альм. библиофила. – 1983. – Вып. 15. – С. 238–242.
3. Плечкайтис, Р. М. Схоластическая логика и ее распад в Литве : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р. М. Плечкайтис ; М-во высш. и сред. спец. образования СССР, Вильнюс. гос. ун-т им. В. Капсукаса. – Вильнюс, 1962. – 19 с.
4. Бирало, А. А. Философская и общественная мысль в Белоруссии и Литве в конце XVII – середине XVIII в. / А. А. Бирало ; [науч. ред. И. Н. Лущицкий]. – Минск : Изд-во БГУ, 1971. – 179 с.
5. Ивановский, Вл. Н. Методологическое введение в науку и философию / Вл. Н. Ивановский. – Минск : Белтрестпечат, 1923. – 286 с.
6. Вальфсон, С. Я. Прыродазнаўства і марксісты / С. Я. Вальфсон // Польша. – 1926. – № 8.
7. Выдра, Р. М. Материалистическая диалектика : стеногр. лекции / Р. М. Выдра ; Воскрес. коммунист. ун-т. – Гомель : Агитпроп окружкома КП(б)Б, 1928. – 15 с.
8. Быхоўскі, Б. Э. Фармальна-метафізічная лёгіка / Б. Э. Быхоўскі // Польша. – 1928. – № 2.
9. Левін, Г. А. Ленинская теория адлюстравання / Г. А. Левін // Зап. Беларус. Акад. навук. – Минск, 1934. – Кн. 3.
10. Ильюшин, И. М. Энгельс и вопросы познания / И. М. Ильюшин // Изв. Акад. наук БССР. – 1941. – № 1.
11. Кірушын, П. М. Энгельс і пытанні логікі / П. М. Кірушын // Вес. Акад. навук БССР. – 1951. – № 1.
12. Протасеня, П. Ф. Происхождение сознания и его особенности / П. Ф. Протасеня. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1959. – 38, [2] с.
13. Манеев, А. К. Предмет формальной логики и диалектика / А. К. Манеев. – Минск : Наука и техника, 1964. – 205, [2] с.
14. Развіццё лагічнага мыслення вучняў у працэсе выкладання матэматыкі ў сярэдняй школе : метад. пісьмо / М-ва асветы БССР. – Мінск : Дзярж. вучэб.-пед. выд-ва БССР, 1958. – 109, [2] с.
15. Драбкина, М. Е. Логические упражнения по элементарной математике : учеб. пособие для мат. фак. пед. вузов / М. Е. Драбкина. – Минск : Высш. шк., 1965. – 160 с.
16. Столяр, А. А. Элементарное введение в математическую логику / А. А. Столяр. – М. : Просвещение, 1965. – 161, [2] с.

17. Столяр, А. А. Как мы рассуждаем? / А. А. Столяр. – Минск : Нар. асвета, 1968. – 107, [2] с.
18. Кляўчэня, А. С. Роля лагічнага мыслення ў навучанні / А. С. Кляўчэня // Нар. асвета. – 1966. – № 1.
19. Розет, И. М. Что такое эвристика? / И. М. Розет. – Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1969. – 120 с.
20. Бабосов, Е. М. Диалектика анализа и синтеза в научном познании / Е. М. Бабосов. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1963. – 349, [1] с.
21. Пузииков, П. Д. Аналитическая способность мышления / П. Д. Пузииков. – Минск : Наука и техника, 1965. – 257, [1] с.
22. Пузииков, П. Д. Анализ и синтез – от мысли к вещи / П. Д. Пузииков. – Минск : Наука и техника, 1969. – 136 с.
23. Пузииков, П. Д. Понятия и их определения / П. Д. Пузииков. – Минск : Наука и техника, 1970. – 70, [1] с.
24. Гносеологические проблемы формализации / АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1969. – 268 с.
25. Уваров, Л. В. Символизация в познании / Л. В. Уваров. – Минск : Наука и техника, 1971. – 125, [2] с.
26. Хилькевич, А. П. Гносеологическая природа гипотезы / А. П. Хилькевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1974. – 157, [2] с.
27. Буслова, М. К. Моделирование в процессе познания: на материалах химии / М. К. Буслова ; науч. ред. А. П. Шептулин. – Минск : Наука и техника, 1975. – 160 с.
28. Бартон, В. И. Сравнение как форма мысли / В. И. Бартон. – Минск : Новое знание, 2001. – 336 с.
29. Берков, В. Ф. Вопрос как форма мысли / В. Ф. Берков ; науч. ред. А. С. Клевчени. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1972. – 136 с.
30. Берков, В. Ф. Научная проблема: логико-методологический аспект / В. Ф. Берков. – Минск : Изд-во БГУ, 1979. – 126, [1] с.
31. Вольвачёв, Р. Т. Неразрешимость проблемы изоморфизма и сопряженности коммуникативных матричных групп и алгебр / Р. Т. Вольвачёв // Изв. Акад. наук БССР. Сер. физ.-мат. наук. – 1975. – № 5. – С. 98–101.
32. Мощенский, В. А. Специальная полнота некоторых языков k -значных логик / В. А. Мощенский // Методы дискретного анализа в исследовании функциональных систем. – 1981. – № 36. – С. 39–45.
33. Горлов, В. В. О конгруэнциях на замкнутых классах k -значных логик, определяемых предикатами / В. В. Горлов // Мат. заметки. – 1985. – № 5. – С. 356–363.
34. Логика / под ред. Г. А. Левина. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1974. – 355, [1] с.
35. Логика : учеб. пособие для студентов гуманитар. фак. вузов / В. Ф. Берков [и др.]. – Минск : Выш. шк., 1994. – 296 с.
36. Берков, В. Ф. Логика : учеб. пособие [для вузов] / В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, В. И. Павлюкевич. – Минск : НТОО «ТетраСистемс», 1998. – 474 с.
37. Логика и риторика : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / сост.: В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич. – Минск : НТОО «ТетраСистемс», 1997. – 623 с.
38. Сборник упражнений по логике / под ред. А. С. Клевчени, В. И. Бартона. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981. – 222, [1] с.
39. Берков, В. Ф. Логика : задачи и упражнения : практикум / В. Ф. Берков. – Минск : НТОО «ТетраСистемс», 1998. – 221 с.
40. Логика. Логические основы общения : хрестоматия / сост.: В. Ф. Берков [и др.]. – М. : Наука, 1994. – 333 с.
41. Берков, В. Ф. Противоречия в науке / В. Ф. Берков. – Минск : Выш. шк., 1980. – 93 с.
42. Берков, В. Ф. Структура и генезис научной проблемы / В. Ф. Берков. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1983. – 238 с.

Философско-методологические исследования в Беларуси

---

43. Акулов, В. Л. Диалектический материализм как система: опыт теоретического анализа / В. Л. Акулов. – Минск : Университетское, 1986. – 318, [1] с.
44. X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки (24–26 сент. 1990 г.) : тез. докл. и выступлений / редкол.: В. С. Степин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1990. – 174 с.
45. Берков, В. Ф. Философия и методология науки / В. Ф. Берков. – М. : Новое знание, 2004. – 335 с.
46. Лукашевич, В. К. Философия и методология науки : учеб. пособие / В. К. Лукашевич. – Минск : Современ. шк., 2006. – 319 с.
47. Водопьянов, П. А. Философия и методология науки: учеб.-метод. пособие для аспирантов и соискателей БГТУ / П. А. Водопьянов, П. М. Бурак. – Минск : БГТУ, 2006. – 124, [2] с.
48. Философия и методология науки : учеб. пособие для аспирантов / под ред. проф. А. И. Зеленкова. – Минск : Асар, 2007. – 377 с.
49. Философия и методология науки : метод. пособие для магистрантов и аспирантов / под общ. ред. проф. А. И. Лойко. – Минск : БНТУ, 2008. – 120, [1] с.
50. Бабосов, Е. М. Наука – движущая сила модернизации страны / Е. М. Бабосов // Белорусская наука в условиях модернизации: социологический анализ : сб. науч. ст. / редкол. : М. И. Артюхин [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 327 с.
51. Бабосов, Е. М. Социальные аспекты научно-технической революции / Е. М. Бабосов. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1976. – 478 с.
52. Бабосов, Е. М. Философия науки и культуры / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 582 с.
53. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / рэд. кал.: В. Б. Евароўскі [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2008–... – Т. 1–4.
54. Головнёв А. И. Наука Беларуси в XX веке / А. И. Головнёв. – Минск : Беларус. навука, 2001.
55. Зеленков, А. И. Минская методологическая школа / А. И. Зеленков // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 512–515.
56. Зеленков, А. И. Минская философско-методологическая школа как социокогнитивный феномен / А. И. Зеленков // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 3. – С. 44–49.
57. Легчилин, А. А. Логико-методологические исследования в Беларуси: историко-философский обзор / А. А. Легчилин // Философия. Методология. Познание : сб. науч. тр. к 85-летию академика Д. И. Широканова / науч. ред.: А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2014. – С. 170–177.
58. Институт философии НАН Беларуси: источник и символ самосознания культуры / ред. А. А. Лазаревич. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 380 с.
59. Важно, чтобы работа не прекращалась... (интервью с академиком В. С. Стёпиным ведет член-корреспондент РАН И. Т. Касавин) / составит. И. Т. Касавин // Вопр. философии. – 2004. – № 9. – С. 61–71.
60. Философско-методологические проблемы взаимодействия наук / редкол.: Е. М. Бабосов [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1985. – 279 с.
61. Степин, В. С. Методологический анализ науки и его роль в современном научном исследовании / В. С. Степин // Философско-методологические проблемы взаимодействия наук / редкол.: Е. М. Бабосов [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1985. – 279 с.
62. Философия. Методология. Познание : сб. науч. тр. к 85-летию академика Д. И. Широканова / науч. ред.: А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2014. – 366 с.
63. Научно-технический прогресс: взаимодействие факторов и тенденции развития / редкол.: Е. М. Бабосов [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1989. – 263 с.

Т. И. Адуло

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Раскрывается процесс формирования и развития социально-философских исследований в Беларуси в XX в. Отечественная философская мысль представлена в органичной связи с теми преобразованиями, которые охватили все стороны общественной жизни Беларуси в послереволюционный период. Для нее характерны четко выдержанная материалистическая линия и нацеленность на формирование у людей научного мировоззрения. Философы решали жизненно важные задачи – осмысливали новые процессы, которые протекали в семье, государстве, нации и других социальных институтах, формировали в человеке патриотизм, коллективизм, ответственность. Большое внимание уделяли критике идеологии фашизма и других антигуманных социологических концепций 1930-х годов. Выявлены те существенные изменения, которые произошли в предмете, проблематике и практической ориентации социальной философии на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: социальная философия Беларуси, общественные процессы, социальные институты, человек, государство, нация, семья

T. Adoulo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL RESEARCH

The process of formation and development of social and philosophical research in Belarus in the 20th century is disclosed in the article. Domestic philosophical thought is presented in organic connection with those transformations that covered all aspects of public life of Belarus in the post-revolutionary period. A well-defined materialistic line and focus on the formation of scientific worldview are typical for it. Philosophers solved vital tasks – they comprehended the new processes that took place in the family, state, nation, and other social institutions, formed patriotism, collectivism, and responsibility. Much attention was paid to criticism of the ideology of fascism and other inhuman sociological concepts of the 1930-s. Those significant changes that occurred in the subject, problems and practical orientation of social philosophy at the turn of the 20th–21st centuries, are revealed.

Keywords: social philosophy of Belarus, social processes, social institutions, human, state, nation, family

Философия по своей природе является уникальным интеллектуальным продуктом древних греков. Спустя столетия она вышла далеко за пределы Греции, обогатилась новыми идеями и, заняв прочное место в духовной жизни различных обществ, обрела статус самодостаточной фундаментальной дисциплины.

К нашим далеким предкам разрозненные философские идеи пришли еще в эпоху Киевской Руси. В период Великого Княжества Литовского и Речи Пос-

политой философская мысль представляла уже весомый пласт духовной культуры белорусского этноса, хотя для полноценного ее развития не всегда складывались благоприятные условия.

Октябрьская революция 1917 года охватила все стороны общественной жизни, в том числе и духовную сферу. Еще в 1920-е годы в СССР был запланирован и в течение 70 лет реализовывался масштабный интеллектуальный проект «советская философия». Он базировался на теоретическом наследии классиков марксизма и идеях В. И. Ленина [1, с. 23–33], воспринятых политиками и исследователями как «философское завещание» вождя революции. Наряду с российскими философами в реализации этого проекта принимали участие философы из других союзных республик СССР.

Относиться к советской философии можно по-разному: принимать и в целом позитивно оценивать ее [2] или, наоборот, отвергать ее полностью, что сейчас нередко и наблюдается. Тем не менее она стала реальным фактом, представляет собой результат интеллектуальной деятельности не мыслителей-одиночек, не принявших советскую власть и идейно боровшихся с нею, не своеобразный продукт принудительного интеллектуального труда ученых-гуманитариев, как это пытаются представить отдельные исследователи, а результат в основном творческого мышления огромного числа работавших с полной отдачей людей, которые осознанно создавали самобытный пласт мировой философии XX века. Неудивительно, что отдельные исследователи и в наши дни считают, что «по глубине и богатству теоретического содержания» западная философия «уступает советской философии» [3, с. 5]. В содержательном плане эта философия выстраивалась только в материалистическом ключе, базировалась на теоретико-методологических разработках К. Маркса, Ф. Энгельса и их предшественников, была строго ориентирована на формирование у людей научного мировоззрения и теоретическое обеспечение социального проекта «построения коммунистического общества». По этой причине те исследователи, которые не разделяли базовых положений марксизма и не считали нужным (или возможным) строительство в СССР коммунистического общества, исключались из сообщества советских философов. В 1920-е годы частично по собственной инициативе, а в основном по принуждению власти они покинули страну и продолжили свою теоретическую деятельность уже за рубежом. В дальнейшем такая же участь постигла и других философов, не разделявших полностью или частично идей марксизма и советской практики, например А. А. Зиновьева. Все эти факторы необходимо учитывать при исследовании и оценке философской мысли Беларуси XX века.

Важное место в советской, в том числе и белорусской, философии отводилось социально-философской проблематике, поскольку теоретические разработки в этой области философской науки призваны были выступать в качестве теоретической основы социальной практики – построения общества нового типа, в котором не допускалась эксплуатация человека человеком.

Таким образом, именно социалистическое строительство вызвало необходимость дальнейшего развития марксистской теории, включая философию, применительно к конкретно-историческим условиям СССР, поскольку К. Маркс и Ф. Энгельс разработали ее лишь в общем виде на основе анализа зрелого капиталистического общества, характерного для отдельных европейских государств. Однако же это строительство потребовало философско-теоретического осмысления тех социальных изменений и процессов, которые происходили в стране, вступившей на путь построения социализма, с целью разработки планов дальнейшего преобразования общества на научной основе и возможного использования опыта СССР в других странах.

В первые послереволюционные годы разрабатывались лишь общие контуры социальной философии. Б. Э. Быховский, С. Я. Вольфсон, С. З. Каценбоген и другие белорусские ученые осваивали труды К. Маркса и Ф. Энгельса, определяли предметную область дисциплины, готовили лекционные курсы [4, 5]. Например, в учебнике С. Я. Вольфсона «Диалектический материализм» значительное место отведено проблемам общественного развития – раскрывались сущность материалистического понимания истории; специфика взаимосвязи базиса и надстройки; роль субъекта, классов и классовой борьбы в историческом процессе; нравственность, право, религия и искусство как формы общественного сознания и др. [6]. В седьмое издание учебника включена глава о семье. Таким образом, С. Я. Вольфсоном воспроизведен процесс зарождения и формирования философии истории как специальной отрасли науки, стремящейся «внести общие принципы в теорию исторического познания» [6, с. 235].

В дальнейшем в публикациях белорусских ученых уже на базе марксистской философии и с учетом социальной практики раскрывались отдельные стороны процесса становления общества нового типа. Развитие государства, семьи, формирование на новой основе межэтнических отношений, нравственности наряду с вопросами динамики взаимоотношений СССР с капиталистическим миром стали предметом анализа философов в Беларуси. Важное место в их исследованиях занимали проблемы развития социальной структуры общества [7, 8]. В частности, подчеркивалась решающая роль социалистической революции в ее коренном изменении, раскрывались характерные черты личности рабочего, колхозника, интеллигента. Философы пытались проследить влияние изменившихся общественных условий и характера производственной деятельности на процесс формирования качественно нового отношения работников к своему труду. Они отмечали, что превращение труда из «тяжелой обязанности» в дело чести в значительной степени способствовало выработке у работников сознательной дисциплины труда. Исследователи акцентировали внимание на том, что добросовестное отношение к труду характеризует не отдельных энтузиастов, а представляет собой массовое, типическое явление, обусловленное процессами «социалистической переделки» и экономических основ, и духовной жизни общества. В социалистическом соревновании,

стахановском движении, творческом подъеме народных масс они усматривали контуры новых общественных отношений, на основе проведенных социологических исследований сделали вывод об изменении в позитивном ключе духовных запросов, повышении политической активности, значительном развитии научного кругозора, идейного и культурного уровня рабочих и крестьян.

Белорусские философы пытались проанализировать актуальный вопрос о преодолении классовых различий, различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней. Вслед за К. Марксом они отводили решающую роль в этом процессе рабочему классу, считали возможным полное уничтожение классовых различий лишь в долгосрочной перспективе. Проведя сравнительный анализ положения трудящихся классов в Беларуси и капиталистических странах, ученые сделали заключение о преимуществе социалистического пути развития общества.

Важное место в работах белорусских обществоведов занимали проблемы развития государства и права. Обращаясь к идейному наследию К. Маркса и Ф. Энгельса и осмысливая практику социалистических преобразований в стране, они выясняли сущность социалистического государства, прогнозировали пути его дальнейшего развития. Как важный шаг преобразований в этой сфере они расценивали активное вовлечение трудящихся в управленческий процесс – прежде всего их непосредственное участие в работе Советов. Философы отстаивали точку зрения, согласно которой победа социализма в стране привела к изменению сущности и функций государства, а не к его отмиранию. По их мнению, социалистическое государство должно было выполнять внутренние и внешние функции, важнейшими из которых являлся контроль за мерой труда и потребления, организация защиты социалистических завоеваний от внешних врагов, оказание помощи пролетарскому и национально-освободительному движению и др. [9, с. 34].

Особую актуальность в теории и практике в 1930-е годы обрели проблемы развития наций. С. Я. Вольфсон, И. М. Ильюшин, Р. М. Выдра и другие философы опубликовали ряд работ по проблемам социалистических наций, анализу и критике различных расовых «теорий», идеологии национализма, членоконенавистнических концепций войны [8–11]. В противовес западным теоретикам тех лет, которые рассматривали нации или расы (для многих из них эти понятия были равнозначными) неизменными, раз навсегда данными, белорусские ученые руководствовались методологическим принципом конкретно-исторического подхода к исследуемому объекту. В их работах утверждалось, что социалистическая революция, уничтожив частную собственность на средства производства – экономическую основу эксплуатации (в том числе и угнетение наций), породила новый характер взаимоотношений между нациями. На смену дискриминационному принципу по отношению к национальным меньшинствам, доминировавшему в социальной практике дореволюционной России, пришли юридически закрепленные равноправные отношения между

нациями, независимо от того, большие они или малые. Постепенно преодолевались национальная рознь, вражда, недоверие между народами огромного многонационального государства.

В публикациях освещалась проблема интернационализма. В частности указывалось, что построение основ социализма в СССР подняло на новую ступень пролетарский интернационализм. Многонациональный пролетариат СССР, впервые в мире добившись освобождения, стал авангардом международного рабочего класса. Это позволило ему оказывать помощь пролетарскому и национально-освободительному движению в других странах.

Ученые анализировали в своих работах закономерности дальнейшего развития наций и национальных отношений в СССР. Считая экономику основой для выравнивания всех сфер национальной жизни, они прослеживали процесс экономического подъема союзных республик после Октябрьской революции. При этом, говоря о результатах политики выравнивания уровней экономического и культурного развития республик, философы подчеркивали особое значение осуществлявшегося фактического равенства наций при социализме в отличие от капитализма, способного лишь на «провозглашение формального равенства и свободы при фактическом закреплении» [8, с. 47]. Созданные в процессе социалистического строительства экономические, политические, духовные возможности для развития наций реализовывались на основе взаимной помощи и сотрудничества. Расцвет и сближение наций явились, по мнению белорусских ученых, двумя сторонами единого диалектического процесса национального развития при социализме. Вместе с тем они считали, что процесс разрешения национального вопроса, унаследованного от старого общества, не следует сводить к какому-то единовременному акту. Философы стремились выяснить причины и наметить пути преодоления имевших место в сознании отдельных граждан и в повседневной практике проявлений национализма. В результате они пришли к заключению, что активная пропагандистская деятельность зарубежных идеологов, направленная на разжигание межнациональной вражды, а также живучесть пережитков прошлых эпох являются главными причинами проявления отдельных националистических тенденций в стране [9, с. 49–63; 11, с. 74–79]. «Сотни фашиствующих биологов, психологов, педагогов, социологов, медиков, философов, этнографов, антропологов, – отмечал С. Я. Вольфсон, – ведут наступление на научном фронте, чтобы оправдать “философию неравноценности” рас» [10, с. 145–146].

В 1930-е годы внимание С. Я. Вольфсона, В. Н. Перцева привлекали проблемы развития семьи и брака [12–15]. Семья их интересовала прежде всего как та ячейка общества, в которой происходило производство и воспроизводство рабочей силы. Вместе с тем, и это, пожалуй, главное, перед учеными стояла задача показать «всемирно-историческое значение того переворота, который осуществлен в СССР в семейно-брачной области» [12, с. 4] в результате

социалистической революции, теоретически осмыслить закономерности формирования и пути дальнейшего развития семьи нового типа.

Формирование новой семьи рассматривалось как процесс многоплановый и неразрывно связанный со становлением социалистических производственных отношений. Философы указывали на изменение при социализме функций семьи. Прежде всего они отмечали отпадение характерной для прошлых эпох функции накопления собственности. И хотя экономическая основа моногамии отпала, моногамный брак не исчез. Но при этом само понятие «моногамный брак» наполнялось новым содержанием. Как отмечал С. Я. Вольфсон, при социализме моногамия перестала быть фиктивной – «пролетарская революция лишает моногамию ее частнособственнического характера, обуславливающего две наиболее специфические черты буржуазной моногамии – господствующее положение в ней мужчины и ее принудительную пожизненность» [14, с. 54]. Утверждению моногамии в ее новом качестве способствовало юридическое и все более обеспечиваемое фактическое равноправие полов. В связи с этим вопросу эмансипации женщины – одному из существенных звеньев формирования новых брачно-семейных отношений – белорусские ученые уделили самое серьезное внимание. Экономическое, политическое и духовное расширение женщины (хотя полного фактического равенства полов в то время еще не было, причем философы правильно усматривали это неравенство в более низкой квалификации женского труда, менее активном участии женщин, особенно бывших царских окраин, в культурной и политической жизни страны, загруженности их домашней работой и т. д.) «производило глубокое революционизирующее воздействие на весь строй семейных отношений, на весь семейный быт» [12, с. 216]. Являясь равноправными, люди, вступающие в брак, руководствовались не экономическим расчетом, а идейной общностью, взаимной любовью, что в свою очередь изменяло характер моногамии.

С развитием личности в процессе построения общества нового типа постепенно изменялась психология вступающих в брак. В отношениях между мужчиной и женщиной, выражаясь словами К. Маркса, все в большей мере стало обнаруживаться, «в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*, или в какой мере *человеческая* сущность стала для него *естественной* сущностью» [16, с. 587]. Качественно новую черту брачно-семейных отношений в стране философы усматривали в постоянно увеличивающемся числе смешанных браков. Этот факт они использовали как важный аргумент в процессе критики расовых теорий, взятых на вооружение фашистскими идеологами, и указывали на то, что в СССР этнические факторы не являлись серьезным препятствием при вступлении в брак. Это обстоятельство ученые рассматривали как следствие в целом гармонично развивающихся в СССР межэтнических отношений. Дальнейшее развитие брачно-семейных отношений философы связывали с развитием производительных сил в стране, совершенствованием на их основе быта, атеистическим и нравственным вос-

питанием людей, то есть признавали роль материальных и социально-психологических факторов упрочения семьи.

Ученые раскрывали также состояние брака и семьи в капиталистических государствах, отмечали научную несостоятельность и негуманный характер путей и методов «оздоровления» семьи, предложенных западными теоретиками, особенно идеологами национал-социализма.

Белорусские философы не могли не ощущать жесткого идеологического и политического противостояния СССР и Запада, грозившего вылиться в масштабную войну, не могли не осознавать последствий активной пропаганды и утверждения в массовом сознании граждан ряда западноевропейских государств фашистской идеологии. Именно поэтому они столь активно занимались контрпропагандой. Теоретические исследования С. Я. Вольфсона [10, 11], в которых на обширном теоретическом и фактическом материале раскрыты истоки и сущность расовых теорий, взятых на вооружение политиками Германии и Италии, издавались в Минске и Москве, были широко известны в стране, активно использовались в агитационно-пропагандистской работе.

Говоря о развитии социальной философии в Беларуси в довоенный период (официально эта философия называлась историческим материализмом), нельзя не сказать и о тех препятствиях, которые не позволяли ученым полностью использовать свой интеллектуальный потенциал. В качестве такого препятствия выступала главным образом жесткая централизованная система управления научными исследованиями и научными кадрами. С позиции современных социальных знаний и с учетом социальной практики мы должны признать и то, что в работах белорусских философов той исторической эпохи не так уж редко должное трактовалось как сущее.

По-разному сложились судьбы немногочисленного отряда белорусских философов в годы Великой Отечественной войны. С. Я. Вольфсон погиб в ее начале, И. Н. Лущицкий, И. С. Чимбург, Н. И. Шаповалов воевали в рядах Красной Армии, И. М. Ильюшин стал одним из организаторов партизанского движения в Беларуси, Б. Э. Быховский и М. Т. Иовчук, еще в довоенные годы уехавшие в Москву, вместе с российскими учеными активно участвовали в реализации различных научно-исследовательских проектов. Так, Б. Э. Быховский, являлся одним из авторов и редакторов первой в СССР многотомной истории философии.

Разработке проблем социальной философии, в особенности теории построения гуманного общества, белорусские философы уделяли большое внимание и в послевоенные годы. К. П. Буслов, В. И. Бовш, Н. Г. Крутько, А. И. Савастюк раскрывали объективные предпосылки и движущие силы социалистической революции, роль субъективного фактора в революционном процессе, методы и формы подготовки масс к революции, главные силы мирового революционного процесса, формы перехода разных стран к социализму, динамику основного противоречия той эпохи – противоречия между капиталистической

и социалистической системами, закономерный характер обострения идеологического противоборства двух социальных систем, роль международного коммунистического движения [17–20], осуществляли критический анализ идей социал-реформизма и разнообразных концепций общественного прогресса, ориентированных на отрицание закономерности социалистической революции [21].

К сожалению, не все исследовавшиеся белорусскими философами тех лет проблемы общественного развития были теоретически осмыслены на должном уровне – официальные партийные документы сковывали мышление ученых. Авторы не могли выходить за рамки принятых партийных документов, в которых зачастую идеологические установки выдавались за социальную истину. Уровень социально-философских исследований снижался и в силу того, что в философию (не только на философские кафедры вузов, но и в научно-исследовательские организации) приходили люди с партийными билетами, которые не имели базового философского образования (в Беларуси прием студентов на специальность «философия» впервые был объявлен в 1947 г., через несколько лет прерван и восстановлен лишь в 1966 г.), не уяснили сущности учения К. Маркса. Причиной имевших место догматизма и схоластики было не само учение К. Маркса, а незнание многими «исследователями» и политиками, принимавшими исторические решения, подлинного К. Маркса и его диалектического метода. Тем не менее нет убедительных аргументов полностью отказать исследователям той эпохи в компетентности, а тем более в патриотичности. Они предупреждали советских людей об опасности, об угрозе над страной, которая избрала свой особый путь развития и не хотела быть лишь территорией для проведения масштабных социальных экспериментов западных политтехнологов. Однако философы в состоянии лишь обосновывать идеи, политические же решения – грамотные или же ошибочные – принимают политики.

В исследованиях философов нашли отражение общие и специфические закономерности строительства социализма в СССР, особенности преобразования общественных отношений в переходный период, основные этапы изменения классовой структуры и классовых отношений общества, теория и практика преодоления противоположностей между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, коренные изменения в области межэтнических отношений. В 1973 г. в Минске была проведена Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Ленинский план построения социализма и его осуществление в СССР», на которой обсуждались важнейшие проблемы теории строительства социализма. Состоявшаяся конференция явилась свидетельством усилившегося творческого сотрудничества белорусских философов с философами других республик СССР при решении важнейших теоретических и практических проблем.

В опубликованных работах осмысливались изменения, происходившие в различных сферах общества, пути его дальнейшего развития и совершен-

ствования [22–24]. Одним из направлений научно-исследовательской деятельности философов в 1960–1970-е годы стало изучение социально-классовой структуры советского общества. На основе статистических данных, конкретных социологических исследований рассмотрены экономические, духовные и политические основы изменения структуры рабочего класса, процессы, связанные с изменениями характера труда, быта, духовного облика рабочих [25]. Наряду с этим раскрыты причины и сам механизм изменений в различных областях жизнедеятельности белорусского крестьянства, проанализирован характер труда, быта и его духовных устоев [26], воссозданы важнейшие тенденции объективного процесса зарождения и становления советской интеллигенции, раскрыта качественная характеристика различных социально-профессиональных отрядов интеллигенции (городской и сельской, интеллигенции сферы просвещения, здравоохранения и т. д.), выявлена роль интеллигенции в формировании нового духовного облика советских людей [27].

Учитывая актуальность темы и научную новизну полученных результатов, руководство АН БССР инициировало проведение в Минске Всесоюзной научно-теоретической конференции «Изменение социальной структуры советского общества». Она успешно прошла в 1966 г. и стала важной вехой в развитии отечественной социально-философской мысли.

В исследованиях белорусских философов была продолжена разработка проблем брака и семьи при социализме. Рассматривались экономический, демографический, правовой и нравственный аспекты процесса развития семьи, факторы и пути упрочения стабильности семьи, роль женщины в экономической и политической сферах общественной жизни, произошедшие изменения и пути преодоления имевших место различий в быту городских и сельских семей, роль семьи в формировании личности [28]. Широкое применение конкретных социологических исследований позволило ученым более глубоко проникнуть в один из наиболее сложных социальных институтов и вскрыть новые стороны семейно-брачных отношений (например, влияние уровня зрелости, а также дифференцированности индивидуального сознания членов семьи на стабильность брака).

Получили дальнейшее теоретическое осмысление различные аспекты нации и межнациональных отношений. Е. М. Бабосов, К. П. Буслов, А. И. Головнев и другие ученые рассматривали образование социалистических наций и их союз как великое завоевание социализма. При этом выясняли экономическую основу развития и сближения наций, закономерный характер процесса укрепления социально-политического единства социалистических наций, сближения национальных культур [29–31]. В отличие от работ 1930–1950-х годов, раскрывавших по преимуществу интернационализацию экономической жизни, в работах 1960–1970-х годов анализировался процесс интернационализации в социально-политической и духовной сферах общественной жизни.

Сущность, составные элементы, характер и содержание изменений в политической системе советского общества также стали предметом анализа Е. М. Бабосова, К. П. Буслова и др. В центре их внимания находились следующие вопросы: общенародный характер социалистического государства; место и функции в экономической, социальной, политической и культурной жизни советского общества, общественных организаций и трудовых коллективов; расширение прав граждан, повышение роли Советов, совершенствование государственного аппарата и народного контроля и др. Была проделана значительная работа по исследованию проблем управления – раскрывалась сущность и объективные основы научного управления социалистическим обществом, основные функции и принципы управления на различных уровнях социальной организации, структура субъекта и объекта управления [32].

Одним из направлений научных исследований белорусских философов стали различные аспекты научно-технической революции (НТР). Это был период, когда в Беларуси, так же как и в других союзных республиках, решался жизненно важный вопрос создания мощной научно-технологической базы народно-хозяйственного комплекса. Ряд содержательных трудов по этой проблеме опубликовал Е. М. Бабосов [33–35]. Он раскрыл сущность НТР, ее типологические особенности, соотношение НТР и социального прогресса, показал влияние НТР на изменение социальной структуры общества, развитие духовной культуры. Ученый сконцентрировал внимание на главном субъекте НТР – человеке, его всестороннем развитии и совершенствовании, обосновал возросшую потребность значительного повышения как профессионально-технического уровня, так и духовно-культурного потенциала трудящихся.

В поле научных интересов белорусских философов были законы общественного развития и особенности их функционирования в конкретно-исторических условиях, проблемы социального прогресса [17]. Исследование закономерностей общественного процесса предполагало в качестве необходимого компонента раскрытие взаимосвязи жизнедеятельности общества и личности, включая проблемы свободы личности, а также вопрос о научном предвидении в общественной жизни. В работах К. П. Буслова, Е. М. Бабосова и других философов раскрывалась сущность марксистского решения проблемы исторической закономерности и свободы личности, содержался критический анализ взглядов на эти проблемы западноевропейских исследователей. В 1960–1980-е годы анализировались также формы общественного сознания, механизм социальной детерминации и взаимосвязи различных структурных элементов общественного сознания.

Для системного изучения социума необходимы были серьезные разработки в области методологических оснований социальных исследований. Существенный вклад в решение этой проблемы внес Ю. А. Харин. Он развил учение о социальной диалектике, утвердил ее в качестве необходимого и важнейшего инструмента постижения сущности исторического процесса и совре-

менной эпохи. Первой вехой в разработке диалектики общественного развития стала его монография «Диалектика социального отрицания» [36]. В ней раскрыта диалектическая сущность отрицания, представлен механизм функционирования закона отрицания отрицания в социуме, выявлена специфика духовного отрицания, обоснована несовместимость диалектически трактуемого социального отрицания и нигилизма. В дальнейшем Ю. А. Харин поставил перед собой более масштабную цель – разработку социальной диалектики как таковой. Ученый, как и некоторые другие советские философы, например П. В. Копнин, считал, что категории и законы диалектики длительное время разрабатывались преимущественно применительно к естествознанию. «Между тем, по существу, ни одна категория диалектического материализма не может развиваться и обогащаться новым содержанием и поэтому быть формой мышления без учета опыта познания истории и теории современного общества», а поэтому «назрела постановка вопроса о развитии в рамках общего учения об объективной диалектике специальной теории – социальной диалектики» [37, с. 14], которая «имеет свой относительно самостоятельный предмет анализа» [37, с. 23]. Начинать столь масштабный научный проект пришлось с разработки понятийно-категориального аппарата – многие категории социальной диалектики впервые представлены в трудах Ю. А. Харина и в изданной в 1978 г. под его редакцией коллективной монографии «Категории социальной диалектики» [37].

В 1980 г. под редакцией Ю. А. Харина опубликована вторая коллективная монография «Социальное действие». Ее авторы – вузовские и академические ученые – раскрыли понятие, структуру, виды, детерминанты и регуляцию социального действия; сущность и методологическую функцию социального взаимодействия; эпистемологическую и аксиологическую роль прогнозов в структуре социального действия; организационно-управленческую функцию прогнозов в социальном действии и другие вопросы. В книге проведен анализ таких видов социального действия, как производственное, политическое, управленческое, познавательное, моральное и религиозное. Результаты исследования позволили сделать обоснованный вывод о том, что на современном этапе развития теории «немыслимо адекватное воспроизведение и анализ социальной реальности без обращения в научном исследовании к мировоззренческо-методологическому потенциалу понятия социального действия как одной из важнейших категорий» [38, с. 250]. В 1985 г. увидела свет монография Ю. А. Харина «Марксистская социальная диалектика», в которой, по сути, подводился итог многолетнего труда автора в данной области философских исследований [39].

Созданный ученым и его коллегами фундаментальный теоретический задел послужил мощным импульсом для творческих исканий других авторов. Например, и в настоящее время внимание обществоведов обращено на различные аспекты социального времени, социального пространства и других

социальных феноменов. Не потеряла своей актуальности в наши дни проблема дальнейшей разработки категорий и законов социальной диалектики. Думается, нынешняя философская дисциплина под названием «социальная философия», в отличие от исторического материализма, получившего распространение в СССР, не обладает да и не стремится, к сожалению, обладать системой категорий, позволяющих теоретическому мышлению адекватно воспроизводить и логически осмысливать современные социальные процессы во всем их многообразии, а следовательно, она не в состоянии служить прочной теоретической основой выверенных социальных действий.

Теоретико-методологические проблемы исследования социума получили в дальнейшем разработку в публикациях Т. И. Адуло, Ч. С. Кирвеля, О. А. Романова и других белорусских философов [40–43].

Девяностые годы XX века ознаменовались геополитическими событиями планетарного масштаба – распадом социалистического лагеря и СССР, крушением коммунистической идеологии и советской философии. Все это серьезным образом отразилось на работе белорусских философов. Тем не менее и в этот период философские исследования проводились, хотя, возможно, не так интенсивно, как раньше. Из различных областей философии в те годы наиболее востребованными оказались работы, относящиеся к сфере социума.

Весомый вклад в осмысление проблем той эпохи внес Е. М. Бабосов. На основе статистических данных, полученных в результате проведенных социологических исследований, он раскрывал динамику и коллизии общественного сознания, стремился отыскать конкретные причины возникшей проблемной ситуации, грозящей перерасти в масштабное социальное противостояние огромных масс людей [44]. Обобщающим трудом, посвященным различным аспектам переходной эпохи, социальной трансформации, стала его монография «Модернизация социальных систем» [45], в которой раскрыты особенности модернизации экономической, политической, социальной и культурной сфер общества.

Различные стороны переходной эпохи раскрыты в работах Т. И. Адуло, Ч. С. Кирвеля, Л. Е. Криштаповича и других философов [46–50]. В противовес либеральным мировоззренческим ценностям и установкам, получившим широкое распространение в конце XX в., на теоретическом и эмпирическом материале доказана необходимость в переходную эпоху различных институтов: государственных и негосударственных, регламентирующих и регулирующих социальные процессы, в том числе духовно-культурные.

Было изучено реальное состояние социальной консолидации общества в России и Беларуси на том этапе исторического развития, проведен социологический и политологический анализ условий и факторов, способствующих консолидации общества, выявлены предпосылки и основные факторы формирования социальной консолидации в контексте функционирующих социально-политических и духовно-нравственных систем ценностей, обобщен

мировой опыт в обеспечении социальной консолидации, раскрыты пути его адаптации к белорусско-российским реалиям [46, 50].

Углублено теоретическое осмысление идеологии как формы общественного сознания и специфического социального феномена, а также идеологии белорусского государства [51–55]. Выявлены особенности процесса разработки идеологической доктрины – раскрыта диалектика *объективных* (историческая эпоха, общественно-политическая ситуация и др.) и *субъективных* (личность идеолога, мотивы деятельности и др.) факторов, влияющих на процесс разработки идеологии, обоснованы базовые методологические принципы, обеспечивающие ее системность (идеология представлена как *теоретическое знание*, а также *духовное образование*, базирующееся на национальных устоях и традициях), исследован механизм реализации идеологической доктрины применительно к конкретно-историческим условиям белорусского общества.

В начале XXI в. опубликован ряд содержательных работ, посвященных социальному прогнозированию, а также различным моделям общественного развития в начале нового тысячелетия. В частности в трудах П. Г. Никитенко и других ученых получила дальнейшую разработку ноосферная модель общества [56–58].

С 1990-х годов белорусские ученые фактически перестали использовать формационный подход К. Маркса в качестве методологической основы при исследовании социума. На смену ему пришли цивилизационный подход, синергетический и другие методы. На их основе выполнен ряд исследований [59–62]. Однако и формационный подход еще не исчерпал своего когнитивного потенциала и успешно использовался белорусскими учеными [63].

Наряду с исследованием теоретических проблем социума белорусские ученые вели большую работу по пропаганде знаний среди населения, подготовке учебных методических пособий [64].

В 1990-е годы в адрес социальной философии советского периода было высказано много упреков, причем не совсем справедливых. При оценке научных работ, в том числе работ из советского прошлого, надо подходить конкретно и уж тем более не руководствоваться сиюминутными политическими пристрастиями. Важно помнить и о том, что философия – это продукт конкретной исторической эпохи, а потому налет духа эпохи на стиль мышления и на саму философскую мысль неизбежен.

Таким же объективным продуктом была и советская философия социума под названием «исторический материализм». Для нее характерны четко выдержанная материалистическая линия и идеологическая направленность, жесткая «привязка» к социальной практике. Если же говорить о белорусской философии советского периода, то следует отметить, что она превратилась в самостоятельную дисциплину. Ее субъектом были не интеллектуалы-одиночки, как в прошлом, а большие группы профессионально подготовленных лиц. Философия стала достоянием широких слоев населения, основой миро-

видения для многих людей. Кроме того, философия решала жизненно значимые задачи – осмысливала, может быть, не всегда правильно, актуальные проблемы общества, исследовала те новые процессы, которые протекали в семье, государстве, нации и других социальных институтах, формировала в человеке патриотизм, коллективизм, ответственность.

В XXI в. начался новый этап в развитии белорусской социальной философии – появились новые темы исследований, активизировались контакты с коллегами из дальнего зарубежья, национальная философская мысль уже не через посредников, а напрямую стала выходить в мировое интеллектуальное пространство. К теоретическим разработкам белорусских философов в области социальной философии последних лет можно отнести следующие:

на основе выделения и анализа потенциала и динамики базовых элементов общества (народонаселение, природные ресурсы, экономика и др.) в системном виде представлена социально-философская и философско-антропологическая картина мира конца XX – начала XXI в.;

определена качественная характеристика современной исторической эпохи, раскрыты социальные противоречия, сущность и основные тенденции процессов глобализации и регионализации в социально-экономической, политической и духовной сферах общественной жизни, представлены основные региональные центры на постсоветском пространстве и в мире;

проведен сравнительный анализ инновационной и ноосферной моделей общественного развития, концепций «экономики знаний» и «ноосферной экономики», получивших в последние годы обоснование (выяснено, что ноосферная модель, базирующаяся на принципах Разума, научной мысли нации, свободе научного творчества, образовании и воспитанию, а также принципах равноправного взаимоотношения рас и народов, обладает мощным гуманистическим потенциалом, притягательной силой и имеет перспективу реализации в XXI в.);

углублено понимание сущности современного общества в контексте его антропологической составляющей, сделан вывод о необходимости пересмотра взгляда на современную историю и перспективы общественного развития с позиции антропологического их измерения;

осуществлен сравнительный анализ структурной организации наиболее популярных в Беларуси онлайн-сообществ, существующих на платформе социальных сетей Интернета, выявлены значение и масштабы коммуникации, опосредованной электронными сетевыми коммуникациями в современном обществе, раскрыто влияние современных информационно-коммуникационных технологий на специфику научно-исследовательской деятельности [65, 66];

обоснованы концептуальные подходы, философско-методологические принципы и основания, позволяющие продуктивно моделировать антропологические сценарии и современные социальные процессы: с одной стороны, раскрыт эвристический потенциал собственно философских методов – диа-

лектического метода, метода восхождения абстрактного к конкретному, логического и исторического и др., с другой – показана ограниченность активно используемых в настоящее время отдельными течениями (постмодернизмом и др.) нефилософских методов, ведущих к спекулятивно-субъективистскому истолкованию общества, государства, исторического процесса;

вычленены проблемные вопросы в области социально-философской науки, требующие дальнейшего философско-теоретического исследования, к которым отнесены: разграничение теоретической социологии и социальной философии, уточнение и систематизация понятийно-категориального аппарата социальной философии, углубление диалектической взаимосвязи философской антропологии и социальной философии, объекты которых – человек и общество – представляют собой диалектическое тождество, обосновано предложение о необходимости образования новой дисциплины в области философских наук – «Философия истории» и разработки ее паспорта.

Также белорусскими учеными осуществлено комплексное философско-теоретическое исследование идеологических процессов в переходную эпоху, интеллектуального и духовного как феноменов сознания индивида и факторов современного инновационного процесса в их исторической динамике – раскрыты сущность интеллекта как определяющего фактора бытия человека и социума, специфика его функционирования в XXI столетии, выявлены основные тенденции в изменении его роли и статуса в общественной жизни, обоснованы конкретные способы повышения интеллектуального потенциала белорусской нации в условиях инновационного развития экономики; показана необходимость и осуществлена философская рефлексия интеллектуального капитала: выделены и конкретизированы в содержательном плане базовые понятия, позволяющие на философско-теоретическом уровне исследовать состояние и динамику национального интеллекта, – «человеческий капитал», «интеллектуальный капитал», «уровень развития интеллектуального капитала», «степень включенности интеллектуального капитала в хозяйственную и духовную жизнь общества», «потенциальная и актуальная интеллектуальные составляющие общества» и др.; определены структурные элементы интеллектуального капитала, к которым отнесены: знания в конкретной области (высокая профессиональная культура); культура мышления, базирующаяся на диалектике как методе постижения сущности природного и социального бытия; социальные знания, позволяющие прогнозировать ход истории, планировать свои действия, соизмерять их с возможными результатами; экологические знания и экологическая культура, что важно в плане сохранения окружающей среды; правовая, нравственная и эстетическая культура; психологические знания, способствующие на научном уровне организовывать производственный процесс, создавать здоровый моральный климат в трудовом коллективе; исторические знания как компонент выработки национальной стратегии; осуществлен философский анализ стратегии интеллектуального

развития Беларуси до 2030 г., предложены сценарии экономического развития Республики Беларусь в контексте динамики национального интеллектуального капитала.

Полученные научные результаты и теоретические выводы исследований белорусских философов апробированы в дискуссиях на многочисленных международных научных форумах, изложены в опубликованных работах, изданных в Беларуси, России, Украине, Литве, Великобритании, Польше, Сербии и Германии.

Думается, философия социума наряду с другими дисциплинами гуманитарного профиля останется востребованной и в XXI столетии. Но для того чтобы быть в состоянии давать людям грамотные ответы на волнующие их вопросы и отвечать постоянно возрастающим запросам социальной практики, она и сама должна постоянно развиваться в методологическом и теоретическом плане.

Список использованных источников

1. Ленин, В. И. О значении воинствующего материализма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 45. – С. 23–33.
2. Философия в СССР и постсоветской России / В. Ф. Пустарников [и др.] // Философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 201–209.
3. Акулов, В. Л. Основы философии : сокращ. курс лекций / В. Л. Акулов. – 2-е изд. – Минск : МГЛУ, 2011. – 224 с.
4. Быхоўскі, Б. Э. Марксізм і філасофія / Б. Э. Быхоўскі // Польша. – 1926. – № 5. – С. 73–93.
5. Каценбоген, С. З. Марксистская социология : курс лекций, читанный в 1924–25 академическом году на педагогическом факультете общественных наук БГУ / С. З. Каценбоген. – Минск : Рабпрос, 1925. – Ч. 1, 2. – 283 с.
6. Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм : курс лекций, читанных в Белорусском государственном университете / С. Я. Вольфсон. – Изд. 7-е, испр. и доп. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1929. – Ч. 1–3. – 512 с.
7. Вольфсон, С. Я. Интеллигенция как общественная прослойка при капитализме и социализме / С. Я. Вольфсон // Под знаменем марксизма. – 1939. – № 8. – С. 16–38.
8. Вольфсон, С. Я. Аб пралетарскім інтернацыяналізме ў нацыянальна-каланіяльным пытанні / С. Я. Вольфсон, І. М. Глюшын. – Менск : Беларус. акад. навук, 1935. – 150 с.
9. Выдра, Р. Перамога ленінскай нацыянальнай палітыкі / Р. Выдра // Бальшавік Беларусі. – 1935. – № 1–2. – С. 31–64.
10. Вольфсон, С. Я. Расовые «теории» германского фашизма / С. Я. Вольфсон // Против фашистского мракобесия и демагогии / под ред. И. Дворкина [и др.]. – М. : Соцэкгиз, 1936. – С. 143–179.
11. Вольфсон, С. Я. Супраць расавых тэорый / С. Я. Вольфсон. – Менск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1935. – 100 с.
12. Вольфсон, С. Я. Сям’я і шлюб у іх гістарычным развіцці / С. Я. Вольфсон. – Менск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1937. – 268 с.
13. Вольфсон, С. Я. Семья и брак в их историческом развитии / С. Я. Вольфсон. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 243 с.
14. Вольфсон, С. Я. Социализм и семья / С. Я. Вольфсон // Под знаменем марксизма. – 1936. – № 6. – С. 31–64.
15. Перцев, В. Н. Проблемы семьи, частной собственности и государства в работах Энгельса / В. Н. Перцев // Изв. Акад. наук БССР, отд. обществ. наук. – 1941. – № 1. – С. 45–90.

16. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1956. – С. 517–642.
17. Буслов, К. П. Проблемы социального прогресса в трудах В. И. Ленина (1917–1923 гг.) / К. П. Буслов. – Минск : Изд-во АН БССР, 1963. – 515 с.
18. Крутько, Н. Г. Демократические движения – форма подхода масс к социалистической революции / Н. Г. Крутько. – Минск : Наука и техника, 1968. – 266 с.
19. Бовш, В. И. Обострение идеологического противоборства двух социальных систем / В. И. Бовш. – Минск : Беларусь, 1976. – 174 с.
20. Савастюк, А. И. Основное противоречие нашей эпохи и мировой революционный процесс / А. И. Савастюк. – Минск : Наука и техника, 1980. – 184 с.
21. Давидюк, Г. П. Критика теории «единого индустриального общества» / Г. П. Давидюк. – Минск : Наука и техника, 1968. – 229 с.
22. Буслов, К. П. Социально-историческое развитие классов в СССР / К. П. Буслов. – Минск : Наука и техника, 1979. – 344 с.
23. Проблемы формирования потребностей человека в условиях развитого социализма. – Минск : Беларусь, 1978. – 207 с.
24. Буслов, К. П. Формирование социального в человеке / К. П. Буслов. – Минск : Наука и техника, 1980. – 159 с.
25. Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе строительства коммунизма / под ред. К. П. Буслова, Г. П. Давидюка, Е. Х. Капеляна. – Минск : Наука и техника, 1965. – 256 с.
26. Социальные изменения в современном селе / под ред. В. И. Бовша, В. Д. Лаптенка. – Минск : Наука и техника, 1978. – 164 с.
27. Структура советской интеллигенции : (по материалам БССР). – Минск : Наука и техника, 1970. – 220 с.
28. Лаптенюк, С. Д. Семья и духовное развитие личности / С. Д. Лаптенюк. – Минск : Беларусь, 1972. – 126 с.
29. Горбач, У. І. Беларускі народ у барацьбе за мір і дружбу паміж народамі / У. І. Горбач, А. І. Галаўнёў. – Мінск : Дзяржвыд. БССР. Рэд. масава-паліт. літ., 1958. – 86 с.
30. Интернационализация : сущность, тенденции, перспективы. – Минск : Беларусь, 1977. – 174 с.
31. Фарміраванне і развіццё беларускай сацыялістычнай нацыі. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1958. – 270 с.
32. Наука: организация и управление : (методол. вопросы) / под ред. П. Д. Пузикова [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1977. – 261 с.
33. Бабосов, Е. М. Социальные аспекты научно-технической революции / Е. М. Бабосов. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 478 с.
34. Бабосов, Е. М. Научно-техническая революция и модернизация католицизма / Е. М. Бабосов. – Минск : Наука и техника, 1971. – 456 с.
35. Научно-техническая революция и новые горизонты советского человека. – Минск : Наука и техника, 1978. – 296 с.
36. Харин, Ю. А. Диалектика социального отрицания / Ю. А. Харин. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 280 с.
37. Категории социальной диалектики / под ред. Ю. А. Харина. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 199 с.
38. Социальное действие / под ред. Ю. А. Харина. – Минск : Наука и техника, 1980. – 255 с.
39. Харин, Ю. А. Марксистская социальная диалектика / Ю. А. Харин. – Минск : Университетское, 1985. – 320 с.
40. Адуло, Т. И. В поисках сущности бытия: философия на рубеже XX–XXI веков / Т. И. Адуло. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 447 с.
41. Адуло, Т. И. Предмет и проблемное поле социальной философии: прошлое, настоящее, обозримое будущее / Т. И. Адуло // Человек и общество на рубеже тысячелетий: в поисках

устойчивых оснований мироздания : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии ; науч. ред. Т. И. Адуло. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 8–46.

42. Адуло, Т. И. Философско-историческое постижение социума: способна ли социальная философия решать эту задачу? / Т. И. Адуло // Перспективы. Сер. Філософія, політологія, соціологія. – 2014. – № 1 (59). – С. 8–15.

43. Романов, О. А. К проблеме уточнения границ тематического поля социальной философии и философии истории / О. А. Романов // Учен. зап. Витебск. гос. ун-та им. П. М. Машерова. – 2015. – Т. 19. – С. 118–126.

44. Бабосов, Е. М. Человек на пороге рынка: социальные ожидания населения / Е. М. Бабосов. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 174 с.

45. Бабосов, Е. М. Модернизация социальных систем / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 256 с.

46. Адуло, Т. И. Формирование рыночных экономических отношений и проблемы политического согласия в Беларуси на рубеже XX–XXI веков / Т. И. Адуло // Вісн. Луган. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. Соціол. науки. – 2012. – № 23 (258). – С. 58–77.

47. Белорусский путь / под ред. О. В. Пролесковского, Л. Е. Криштаповича. – Минск : Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2010. – 495 с.

48. Республика Беларусь: общество, политика, экономика, люди / О. В. Пролесковский [и др.] ; Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : Беларус. Дом печати, 2010. – 296 с.

49. Савченко, В. К. Глобальные изменения и судьбы цивилизации / В. К. Савченко. – Минск : Право и экономика, 2015. – 173 с.

50. Социальная консолидация общества : (сравн. анализ на материалах России и Белоруссии) / Т. И. Адуло [и др.] ; Науч.-исслед. ин-т соц. исслед. Рос. гос. соц. ун-та, Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – М. ; Минск, 2004. – 154 с.

51. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию : материалы постоянно действующего семинара рук. работников респ. и местн. гос. органов. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 191 с.

52. Идеология и молодежь Беларуси : пособие / Л. С. Аверин [и др.]; под ред. Л. Е. Землякова, С. Д. Лаптенка ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – 387 с.

53. Бабосов, Е. М. Идеология белорусского государства : теоретические и практические аспекты / Е. М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2008. – 488 с.

54. Мельник, В. А. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие / В. А. Мельник. – Минск : Выш. шк., 2010. – 343 с.

55. Адуло, Т. И. Философские основания идеологии государства: учеб.-метод. пособие / Т. И. Адуло. – Минск : Право и экономика, 2011. – 210 с.

56. Никитенко, П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 479 с.

57. Учение В. И. Вернадского о ноосфере и антикризисное социально-экономическое развитие Беларуси : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 22–23 окт. 2009 г., г. Минск / Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2010. – 694 с.

58. Adoulo, T. The Ontological Basis and Humanistic Potential of V. I. Vernadsky's Social and Anthropological Projects / Tadeouch Adoulo // Russian Thought in Europe: reception, polemics, development. – Kraków, E. Akademia Ignatianum : Wydaw. WAM, 2013. – S. 481–496.

59. Бабосов, Е. М. Современный социум: характер и направленность развития / Е. М. Бабосов, Ч. С. Кирвель, О. А. Романов. – Минск : Четыре четверти, 2013. – 728 с.

60. Романов, О. А. Восточнославянская цивилизация в горизонте открытой истории / О. А. Романов. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 334 с.

61. Романов, О. А. Восточнославянская цивилизация и глобальная динамика / О. А. Романов. – Saarbrücken : LAMBERT Academic Publ., 2014. – 366 с.

62. Шавель, С. А. Перспективы развития социума / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 507 с.

63. Философско-теоретический анализ социальной динамики и моделирование современных антропологических процессов, обоснование национальных приоритетов в развитии человеческого потенциала / Т. И. Адуло [и др.] ; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2015. – 385 с. – Деп. в ГУ «БелИСА» 30.06.2016 № Д201614.

64. Кирвель, Ч. С. Социальная философия : учеб. пособие / Ч. С. Кирвель, О. А. Романов. – 2-е изд., доп. – Минск : Выш. шк., 2013. – 495 с.

65. Новицкая, Т. Е. Онлайн-сообщества как виртуальная форма социального пространства / Т. Е. Новицкая // XXI век: Россия в условиях кардинально меняющегося общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15–17 апр. 2013 г.) : в 9 ч. / Междунар. ин-т экономики и права ; под общ. ред. Ф. Л. Шарова. – М., 2013. – Ч. 8 – С. 168–180.

66. Новицкая, Т. Е. Социокультурный потенциал научных интернет-сообществ / Т. Е. Новицкая // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Междунар. науч. конф., Саратов, 8 апр. 2016 г. / под ред. Ю. О. Бронниковой, Л. В. Мясниковой, Т. Г. Фирсовой (отв. ред.). – М. : Перо, 2016. – С. 934–939.

Т. И. Адуло

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ БЕЛОРУССКИХ УЧЕНЫХ**

Раскрывается процесс формирования и развития философско-антропологической проблематики в исследованиях белорусских ученых XX в. Философская мысль представлена в органичной связи с теми преобразованиями, которые охватили все стороны общественной жизни в Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь, философская антропология, человек, природа человека, мировоззрение, интеллект, образ жизни, антропологические сценарии

T. Adoulo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS
IN THE RESEARCH OF BELARUSIAN SCIENTISTS**

Reveals the process of formation and development of philosophical-anthropological problems in the research of Belarusian scientists of the 20th century. Philosophical thought is presented in organic connection with transformations that covered all aspects of public life in Belarus.

Keywords: Belarus, philosophical anthropology, human, human nature, world view, intelligence, way of life, anthropological scenarios

Самые первые попытки теоретического осмысления человека нашими далекими предками связаны с принятием христианства на Руси и зарождением философии. Еще в XII столетии о человеке, его деяниях и помыслах рассуждал великий «книжник и философ», Киевский митрополит Климент Смолятич в дошедшем до нас единственном произведении «Послание пресвитеру Фоме». Он трактовал человека с позиции креационизма и провиденциализма, что характерно для эпохи теоцентризма. Идея избавления человека от греха с помощью молитвы стала центральной в творчестве Кирилла Туровского – известного богослова, исправно исполнявшего христианскую миссию на белорусских землях. Более развитые, пронизанные гуманизмом взгляды на человека характерны для Ф. Скорины, Н. Гусовского, С. Будного, А. Волана, В. Тяпинского и других мыслителей XV–XVI вв. Особую актуальность проблема человека приобрела в конце XIX – начале XX в. Она нашла своеобразное отражение в творчестве В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богусевича, К. Калиновского, Н. К. Судзиловского-Русселя, М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа и др.

Основы системного философского исследования человека на базе марксистской методологии были заложены в Беларуси в 30-е годы XX в. С. М. Василейским, С. Я. Вольфсоном, С. З. Каценбогеном, С. М. Ривесом и другими учеными. В их работах раскрывались этнические особенности населения Беларуси [1, 2], специфика образа жизни горожан и сельчан [3–5], особенности формирования мировоззрения школьников [6], проблемы образования и профориентации молодежи [7–9]. Белорусские философы провели большую работу по исследованию института семьи – на конкретном социологическом материале выявили те позитивные изменения, которые произошли в этом институте в новых исторических условиях, показали ошибочность концепции «отмирания семьи», получившей распространение в 1920-е годы [10].

В послевоенные годы научно-исследовательская работа в области философско-антропологической проблематики была продолжена. В частности К. П. Буслов, Е. М. Бабосов, И. Я. Жибуль и другие белорусские философы в соответствии с теми задачами, которые ставились перед обществоведами партийными и советскими органами страны, раскрывали различные аспекты образа жизни советских людей [11–16]. В методологическом плане они исходили из признания органичной взаимосвязи процесса формирования нового образа жизни людей в СССР с процессом становления и упрочения социалистических общественных отношений. Е. М. Бабосов отмечал: «Образ жизни понимается как система жизнедеятельности людей, определяемая прежде всего способом производства, социально-экономическими, политическими, идеологическими, культурными условиями функционирования определенной общественно-экономической формации» [13, с. 21]. Более того, как указывал К. П. Буслов, «в наши дни уже наметился переход от непосредственного планирования экономики, общественных отношений и культурного строительства к плановому регулированию воспитания общественного в человеке, к формированию политической культуры, индивидуального богатства и многообразия индивидуальности» [14, с. 4].

В исследованиях содержался анализ многообразных факторов и условий, способствующих становлению гармонично развитой личности, выяснялась роль семьи, школы, вуза, трудового коллектива в решении этой задачи. Философы внесли определенный вклад в раскрытие диалектики национального и интернационального в воспитательном процессе, механизма перехода знаний в глубокие внутренние убеждения.

Проводились исследования человека и в сугубо философском ключе [17]. В работе «Культура, философия и духовный мир человека: теоретико-методологический аспект» Т. И. Адуло раскрыл исторический процесс формирования философской культуры, выяснил механизм ее функционирования в различные исторические эпохи, показал ее возрастающую роль для социализации личности в современных условиях [18].

Человек рассматривался белорусскими философами в контексте научно-технической революции как характерной особенностью общественных процессов XX в. В результате Е. М. Бабосов пришел к следующему выводу: «Поскольку в своей глубинной сущности НТР (научно-техническая революция. – *Ред.*) представляет собой революционный переворот в современных производительных силах, она не ограничивается революционными сдвигами в науке и технике, но затрагивает в первую очередь главную производительную силу общества – человека. А это означает, что вне рассмотрения влияния НТР на человека, на его повседневный труд, быт, отдых, на социально-экономические отношения между людьми, равно как и вне рассмотрения влияния социально-экономических отношений на революционные сдвиги в науке, технике и производстве, нельзя правильно понять сущность исследуемого социального процесса» [19, с. 4]. И поэтому именно человек становится главным объектом дальнейших научных поисков ученого.

Одной из первых работ по этой теме стала монография Е. М. Бабосова «Личность, коллектив, общество» [11]. В ней содержался анализ многообразных факторов и условий формирования гармонически развитой личности, выяснялась роль семьи, школы, вуза, трудового коллектива, утверждалась необходимость единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, перехода знаний в глубокие внутренние убеждения. Многие из обоснованных автором положений не потеряли актуальности и в наши дни. Ученый при этом приходит к следующему заключению: чтобы постичь сущность и динамику человека, недостаточно диалектической логики и чисто абстрактного мышления. Наряду с теоретическим постижением бытия не менее важно систематически «замерять» постоянно происходящие в самом человеке изменения. Осуществить это можно путем изучения общественного сознания. Ведь «общественное сознание, которое вполне измеримо и может быть достаточно адекватно оценено средствами социологии и социальной психологии, очень живо и заинтересованно реагирует на все преобразования, происходящие в нашем обществе» [20, с. 6]. Следовательно, необходим синтез философии и эмпирической социологии. Возглавив Институт философии и права АН БССР, Е. М. Бабосов уделил самое серьезное внимание исследованию человека и социума на эмпирическом уровне. Для этой цели был создан сектор исторического материализма и методологических проблем социологических исследований, укомплектованный опытными и молодыми специалистами. В результате в течение каких-то десяти лет сотрудниками этого сектора под руководством Е. М. Бабосова успешно реализовались фундаментальные научные проекты в области социальной структуры общества, молодежной политики, духовной культуры.

В целом философское осмысление человека в Беларуси в период с 1920-х по 1990-е годы велось в логико-методологическом (Д. И. Широканов, А. И. Петрущик и др.), социологическом (Е. М. Бабосов, К. П. Буслов, И. Я. Жибуль

и др.), политологически-правовом (Л. Ф. Евменов и др.), культурологическом (Т. И. Адуло, А. И. Головнев, Ю. А. Гусев, Л. А. Гуцаленко и др.) и историко-философском (А. А. Бирало, Э. К. Дорошевич, В. М. Конон и др.) аспектах.

Безусловно, в ту эпоху и сама тематика научно-исследовательской работы (НИР), и ход ее выполнения жестко регламентировались и контролировались партийными и государственными органами, что не могло не сказаться на содержании исследований. В связи с этим, характеризуя работу белорусских философов тех лет, мы поневоле вынуждены обратиться к вопросу о свободе философского творчества. Думается, и практика убеждает нас в этом, что абсолютной свободой в своем индивидуальном творчестве философы не обладают, тем более, если речь идет об «академических» исследователях (имеются в виду те ученые, которые работают в системе академий наук). Но и неакадемические философы не обладают абсолютной свободой хотя бы потому, что являются субъектами конкретной исторической эпохи, которая, несомненно, накладывает отпечаток на способ их мышления. Они, безусловно, могут и должны своей критической мыслью опережать свою эпоху, но при этом не имеют права забывать о том, что чрезмерный отрыв от действительности ведет к созданию лишь социальных утопий, не более.

По мере расширения философско-теоретических знаний о человеке и их дифференциации все более актуальной становилась задача создания специальных научных подразделений гуманитарного профиля, занимающихся изучением человека. Одним из первых таких учреждений стала проблемная лаборатория социологических исследований, созданная в Белорусском государственном университете в 1967 г. Сначала ею руководил И. Н. Луцицкий, в дальнейшем – Г. П. Давидюк и другие ученые. В Национальной академии наук Беларуси подобного рода специализированное научно-исследовательское подразделение было создано лишь в 1989 г. – в Институте философии и права образован отдел философских проблем человека.

Уже в первые годы научным сотрудникам отдела пришлось решать ряд важных теоретических и методологических проблем. Как известно, в 1960–1970-е годы базовым методологическим положением для подавляющего большинства исследователей стал абсолютизированный, метафизически трактуемый тезис о человеке как совокупности всех общественных отношений, в результате чего вне поля зрения оказались многие «собственно человеческие» проблемы, в особенности сложный, трудно поддающийся описанию средствами рационального мышления внутренний мир человека. Ведь советской философией отвергалась как ненаучная и абсолютно неприемлемая не только западноевропейская (экзистенциализм и др.), но и русская (Ф. М. Достоевский, Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский, Н. А. Бердяев и др.) традиции исследования человека, хотя еще П. Л. Лавров, совершенно оправданно ратовавший за изучение человека в контексте «всех общественных начал», заставил многих усомниться в способности лишь рациональными средствами постичь по-

будительные причины тех или иных поступков людей, объяснить, почему они поднимались на штурм Бастилии.

В условиях «перестройки» во второй половине 1980-х годов многие обществоведы впали в другую крайность – некритического усвоения и перенесения на национальную почву иррационалистических, мистических трактовок человека. Кризис охватил как теорию, так и социальную практику. Все более отчетливо стала проявляться разрушительная тенденция в социально-экономической, политической и духовно-культурной сферах. Ученые сконцентрировали внимание на критике прошлой эпохи и практически не занимались разработкой новой гуманистической социальной модели. Они оказались не в состоянии ни объяснить происходящее, ни предложить политикам теоретически обоснованную программу выхода из кризиса. Поэтому неслучайно отдел философских проблем человека в 1991–1995 гг. вел НИР по проблеме онтологических оснований человека – раскрывал диалектику взаимодействия внешне-бытийных и внутренне-психологических факторов духовной жизни человека. Исследовательская программа делилась на три относительно самостоятельных раздела. В первом разделе – «Субъективная онтология человеческого бытия» – исследовались внутренние условия человеческого поведения и мышления. Во втором – «Объективная онтология человеческого разума» – рассматривались природные и социальные источники человеческих качеств. В третьем – «Диалектическое единство субъективных и объективных онтологических структур человеческого бытия в современном мире» – разрабатывалась философская концептуальная схема развития современного человека [21, 22]. При этом акцентировалось внимание на проблеме гуманизации.

Еще одним важнейшим направлением стало исследование социальной сущности, системного характера и конкретно-исторической специфики духовного развития человека в условиях трансформации общественных отношений. Сотрудниками отдела философских проблем человека была изучена и раскрыта специфика действия объективных механизмов духовного производства в конкретно-исторических условиях общественной нестабильности, заложены теоретические основы построения модели социально-системного качества человека, связывающие сознание и деятельность индивида с конструктивными и деструктивными силами, которые формирует в нем социальная система. В этом методологическом ключе проведено исследование белорусского национального характера, раскрывающее его цивилизационную природу. Показана скрытая сущность влияния рыночных преобразований и западной идеологии на самосознание белорусского народа, что позволило сделать вывод о необходимости усиления целенаправленного регулирования духовной сферы белорусского общества. Утверждался приоритет объективных законов разума против мистицизма обыденного сознания, утопизма социального проектирования, произвола частного интереса.

Выяснялась специфика современной культурно-духовной ситуации, ее истоки и роль в социализации личности. Акцентировалось внимание на кризисных явлениях духовной жизни, заметном снижении интеллектуального, нравственного, эстетического потенциала индивида. На материалах классических и современных литературных источников были исследованы двойственные, противоречивые образования в структуре субъективной реальности индивида, столь характерные для человека периода кризиса и разрушения общественной системы, когда обостряются противоречия в бытии и сознании, сталкиваются альтернативные варианты развития, конкурирующие программы борющихся сил, многообразные мнения личностей. Этой проблематике посвящены монографии Т. И. Адуло «Философия в системе духовной культуры: проблемы социального функционирования» [23], «Человек на рубеже тысячелетий: поиск духовных оснований бытия» [24], О. А. Павловской «Нравственная природа человека: опыт античной философии» [25] и другие работы.

Учитывая важность изучения проблем духовной культуры в переходный период, а также принимая во внимание научные интересы и имеющиеся у научных сотрудников индивидуальные теоретические заделы в этой области исследований, отдел философских проблем человека в 2004 г. был преобразован в отдел философской антропологии и философии культуры. Сотрудники отдела под научным руководством Т. И. Адуло выполнили три темы фундаментальных исследований – «Трансформация общества и современная философская антропология», «Бытие и эволюция человека в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Человек в XXI веке: сущность бытия и интеллектуального развития»; одну тему и одно задание прикладных исследований – «Проблемы социальной консолидации общества в процессе глобализации (сравнительный анализ на материалах России и Беларуси)», «Мировоззренческая адаптация жителей села к рыночным условиям хозяйствования».

В процессе выполнения названных тем была уточнена и углублена методология исследования философско-антропологической проблематики, осуществлен системный анализ бытия и духовного мира человека в условиях социальных трансформаций, определена сфера интеллектуальной деятельности, проанализированы философско-исторические картины развития общества и сценарии изменения социально-культурного статуса человека в глобализирующемся мире, раскрыта сущность человека как субъекта современной техногенной цивилизации, теоретически обоснованы три основных возможных антропологических сценария в XXI в. – антропо-катастрофический (пессимистический), антропо-созидающий (оптимистический) и антропо-устойчивый (взвешенно-оптимистический), выявлена вероятность развития человечества по каждому из них. Наряду с этим было углублено понимание содержания понятий «социальный капитал» и «человеческий капитал», раскрыта двойственная сущность человеческого капитала: с одной стороны, он выступает как ме-

рило присущих человеку социальных качеств, с другой – как неотъемлемая составляющая экономического потенциала страны [26, 27].

Также сотрудниками отдела философской антропологии и философии культуры проведено комплексное теоретическое и прикладное исследование жителей белорусского села в контексте социальных реалий на рубеже XX–XXI вв., изучены характерные черты бытия и духовного мира жителей села в условиях социальной трансформации и в связи с этим проанализированы актуальные вопросы, связанные с их адаптацией к рыночной экономике [28]. Сделан вывод о том, что радикальные социальные трансформации (фактически социальные революции) объективно ведут общество к серьезным издержкам. Реформы на селе 90-х годов XX в. были непродуманными и поспешными. Они в основном сводились к идее «фермеризации». Но ни объективных, ни субъективных предпосылок к радикальному реформированию села не было. Агрокомплексу в результате реформ нанесен огромный ущерб – резко снизился уровень жизни граждан, увеличилась численность безработных, произошло падение духовно-нравственных устоев общества. Социальная практика убеждает нас в том, что даже при государственном регулировании и весьма взвешенном подходе к реформированию аграрного сектора, что характерно для Беларуси, процесс перехода к так называемым рыночным отношениям связан с огромными издержками и для граждан, и для государства. Фермеры способны работать эффективно. Но для перехода от коллективных хозяйств к фермерским требуются огромные финансовые затраты и многие годы продуманной и взвешенной аграрной политики, а также повседневной кропотливой работы теоретиков-политиков и хозяйственников-практиков. Проводимые экономические реформы непременно должны сопровождаться повышением благосостояния основной массы граждан. Тогда они будут ими поняты и поддержаны. Одна из серьезнейших проблем – *темпы* рыночного реформирования общества. С одной стороны, опасно замедление темпов реформ, поскольку любой переходный период – это фаза неустойчивости, неустроенности, разбалансированности. Он не может продолжаться слишком долго. Но и чрезмерное ускорение, базирующееся на чисто волевых решениях, не подкрепленных реальными делами, не менее опасно [28].

В 2008 г. в Институте философии НАН Беларуси образован Центр социально-философских и антропологических исследований, в котором исследование философских проблем человека явилось приоритетным: научные сотрудники изучали интеллектуальный потенциал человека как определяющий фактор развития социума в XXI столетии, интеллектуальное пространство современной Беларуси и его динамику, феномен человеческого капитала, национально-культурную идентичность белорусского народа в условиях глобализации, экологическую культуру, факторы социоприродной устойчивости и инновационного развития белорусского общества, выявляли механизмы предотвращения социально-экологических рисков и угроз биотехнологиче-

ских инноваций, специфику духовно-культурных процессов в молодежной среде [29–31]. Центр выступил в качестве координатора международной научной конференции, посвященной философско-антропологической и социальной проблематике, проведенной на базе Института философии в 2012 г. [32]. В 2011–2015 гг. центр выполнил задание НИР «Философско-теоретический анализ социальной динамики и моделирование современных антропологических процессов, обоснование национальных приоритетов в развитии человеческого потенциала», в ходе которого были обоснованы концептуальные подходы, философско-методологические принципы и основания, позволяющие продуктивно моделировать антропологические сценарии и современные социальные процессы, определены стратегические приоритеты белорусского государства и конкретные пути их достижения; раскрыта возрастающая роль интеллекта в различных сферах общественной жизни, предложены способы повышения интеллектуального и духовного потенциала нации как основы инновационного развития экономики; выявлены истоки превращенных форм жизни человека, идущих вразрез с его гуманной сущностью, обоснованы пути их преодоления и недопущения их воспроизводства [33].

Но не только академический Институт философии занимался исследованием философско-антропологической проблематики. Сложились и другие научные центры – в Белорусском государственном университете, Минском государственном педагогическом университете имени Максима Танка, Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина и других вузах. Но все они в большей степени ограничивались проведением социологических эмпирических исследований, не выходя на уровень их философско-антропологического обобщения.

Одним из немногих белорусских ученых, сумевших осуществить диалектический синтез философских и социологических исследований в области человека, является Е. М. Бабосов. Как уже отмечалось, еще в советский период он пришел к мысли о необходимости выстраивать философско-теоретическое осмысление человека в контексте социальной системы и в органичной связи с эмпирическими исследованиями. Этим методологическим принципом ученый руководствуется и в настоящее время [34]. В предисловии к монографии «Человекомерность социальных систем» он отмечает: «С каждым новым человеком, который приходит в мир, в социальную реальность входит нечто новое, уникальное, неповторимое, а в своих конкретных проявлениях и действиях личность индивидуальна по способу своего существования и социальна по своей сути» [35, с. 6].

Свои философско-антропологические исследования Е. М. Бабосов органично привязывает к злободневным проблемам социальной практики. В частности в последние годы многие его работы посвящены инновационным стратегиям подготовки руководителей в контексте повышения конкурентоспособности объектов управления. Это не случайно. Как известно, проблема подготовки

руководителей различного уровня применительно к разнообразным сферам хозяйственной и общественной жизни еще с древнейших времен привлекала внимание исследователей (например, философские трактаты древнекитайских и древнеиндийских мыслителей, сочинения Платона и Аристотеля). Не пропал интерес к этой теме и в XX в. Но особенно остро он встал перед молодыми государствами, обретшими независимость в 1990-е годы. В управленческой деятельности в ту пору они руководствовались отчасти старым багажом знаний, а отчасти лишь здравым рассудком, шли путем «проб и ошибок», поскольку прошлый опыт был уже мало пригоден для решения постоянно возникающих нестандартных задач национального строительства, а новых теоретических разработок еще не было. Такая ситуация сложилась и в Беларуси. Таким образом, актуальность разрабатываемой в последние годы Е. М. Бабосовым проблемы обуславливалась, с одной стороны, отсутствием у нашего государства должного национального опыта подготовки руководителей. С другой стороны, она порождалась необходимостью решения на государственном уровне новых, доселе неизвестных задач, связанных с переводом национальной экономики, да и всего государства, на инновационный путь развития. Все это неизбежно требовало подготовки нового поколения управленцев, обладающих необходимой компетенцией для выполнения столь масштабных задач.

В работах белорусского ученого, базирующихся на эмпирическом материале проведенных конкретных социологических исследований, раскрываются качественное состояние и кадровый потенциал различных управленческих институтов в Беларуси, выявляются специфические особенности, позитивные и негативные стороны процесса подготовки руководителей в стране, даются конкретные предложения по его модернизации.

Разработки Е. М. Бабосова нацелены на развитие у обучаемых креативных способов мышления и действия, необходимых в условиях быстро изменяющихся управленческих ситуаций.

В качестве позитивного момента философско-антропологических исследований последних лет отметим то, что в них предпринята попытка преодоления технократического мышления, которое было характерно для советской эпохи. Известный белорусский философ Ю. А. Харин, на протяжении многих десятилетий работавший в техническом вузе, отмечал: «Технократическое сознание исключает категории нравственности, совести, человеческого переживания и достоинства. Технократическому мышлению (проявляющемуся нередко не только в среде научной и технической интеллигенции, но и в деятельности многих политиков и гуманитариев) свойствен взгляд на человека только как на обучаемый программируемый компонент и “винтик” системы, как на объект разнообразных манипуляций. Между тем многоаспектный философский анализ предполагает рассмотрение человека как самостоятельной и самоценной личности, субъекта культуры и свободы, носителя собственных целей и интересов» [36, с. 9]. Следует назвать ряд других публикаций, в кото-

рых осмысление общественных процессов велось с позиции их антропологического измерения [37–40].

Подводя итог, отметим следующее. Антропологическая проблематика заняла важное место в философских исследованиях белорусских ученых, особенно в постперестроечную эпоху. По-видимому, она останется приоритетным направлением в гуманитарной науке и в XXI в. Прорыв в области человековедения на рубеже XX–XXI вв. отдельные исследователи связывают с появившимися уникальными возможностями естественных и технических наук, позволившими человеческому разуму проникнуть в самые глубинные структурные уровни неживой и живой природы, исследовать сложнейшие феномены человеческой жизни. Но надо сказать и о значительно расширившемся диапазоне исследования человека гуманитарными науками. Наряду с традиционными, устоявшимися подходами к человеку – научным, религиозным, правовым, моральным, эстетическим, экологическим и т. д., в последние годы в Беларуси получили право на существование герменевтический, синергетический, психоаналитический и другие подходы, позволяющие более глубоко проанализировать различные стороны жизни, поведения и поступков человека. Думается, философско-антропологические исследования будут востребованы и в дальнейшем, но именно *философско-антропологические*. Слишком много накопилось на Земле зла. Повернуть человечество на гуманный путь – задача и политиков, и философов.

Список использованных источников

1. Гарэцкі, Г. Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР / Г. Гарэцкі // Польша. – 1929. – № 5. – С. 77–144.
2. Зборнік праграм і інструкцый па краззнаўству. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1932. – 142 с.
3. Драгілёў, М. Аб знішчэнні процілегласці паміж горадам і вёскай / М. Драгілёў // Бальшавік Беларусі. – 1932. – № 11–12. – С. 28–44.
4. Палянскі, М. Культура і быт у калгасах / М. Палянскі. – Мінск : Белдзяржвыдавецтва, 1930. – 130 с.
5. Сербента, В. Ленін і сацыялістычная рэканструкцыя вёскі / В. Сербента // Польша. – 1930. – № 1. – С. 90–104.
6. Ривес, С. М. Социальные представления современного белорусского школьника / С. М. Ривес // Тр. Белорус. гос. ун-та. – 1928. – № 19. – С. 73–102.
7. Василейский, С. М. Введение в теорию и практику психологических, педологических и психотехнических исследований / С. М. Василейский. – Минск : Белгосиздат, 1927. – 306 с.
8. Василейский, С. М. Из теории и практики профориентации и профконсультации / С. М. Василейский, А. А. Гэйваровский, С. М. Вержболович. – Минск : Нарком-труд, 1929. – 138 с.
9. Дихтяр, С. Р. Рабочая молодежь Белоруссии. Численность, состав, условия труда, физическое состояние / С. Р. Дихтяр, Б. Я. Смулевич, Д. Л. Эйгорн. – Минск : Бел. медыч. думка, 1926. – 157 с.
10. Вольфсон, С. Я. Семья и брак в их историческом развитии / С. Я. Вольфсон. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 243 с.

11. Бабосов, Е. М. Личность, коллектив, общество / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларусь, 1975. – 94 с.
12. Гуманизация общественных отношений и возрастание активности трудящихся / под ред. К. П. Буслова. – Минск : Наука и техника, 1975. – 199 с.
13. Бабосов, Е. М. Образ жизни, рожденный Октябрем / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларусь 1978. – 111 с.
14. Буслов, К. П. Формирование социального в человеке / К. П. Буслов. – Минск : Наука и техника, 1980. – 159 с.
15. Советский образ жизни: содержание, структура, динамика / [под ред. К. П. Буслова]. – Минск : Наука и техника, 1980. – 287 с.
16. Жибуль, И. Я. Гуманизм советского образа жизни / И. Я. Жибуль. – Минск : Наука и техника, 1982. – 166 с.
17. Человек: филос. аспекты сознания и деятельности / [Т. И. Адуло и др.] ; под ред. Д. И. Широканова, А. И. Петрущика. – Минск : Наука и техника, 1989. – 206 с.
18. Адуло, Т. И. Культура, философия и духовный мир человека: теоретико-методологический аспект / Т. И. Адуло. – Минск : Наука и техника, 1986. – 149 с.
19. Бабосов, Е. М. Социальные аспекты научно-технической революции / Е. М. Бабосов. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 478 с.
20. Бабосов, Е. М. Человек на пороге рынка: социальные ожидания населения / Е. М. Бабосов. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 174 с.
21. Петрущик, А. И. Концепция двух онтологий в решении философских проблем человека / А. И. Петрущик // Онтологические проблемы научного творчества. – СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1992.
22. Петрущик, А. И. Диалектика антропологической индивидуализации и социальной коммуникации в развивающем образовании / А. И. Петрущик // Теоретические проблемы развивающего образования : сб. ст. – Минск : ПКООО «Полибиг», 2002. – С. 101–106.
23. Адуло, Т. И. Философия в системе духовной культуры: проблемы социального функционирования / Т. И. Адуло. – Минск : Акад. наук Беларуси, 1993. – 154 с.
24. Адуло, Т. И. Человек на рубеже тысячелетий: поиск духовных оснований бытия / Т. И. Адуло. – Минск : ИСПИ, 2003. – 205 с.
25. Павловская, О. А. Нравственная природа человека: опыт античной философии / О. А. Павловская. – Минск : Право и экономика, 2003. – 95 с.
26. Адуло, Т. И. Трансформация общества и современная философская антропология / Т. И. Адуло, Н. И. Губарев, О. А. Павловская. – Минск : Нац. акад. наук Беларуси, 2005. – 314 с.
27. Адуло, Т. И. Человек в условиях социальных трансформаций: филос.-антропол. анализ / Т. И. Адуло, О. А. Павловская ; науч. ред. Д. И. Широканов. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 310 с.
28. Адуло, Т. Мировоззренческая адаптация сельчан к рыночным условиям / Т. Адуло // Беларус. думка. – 2007. – № 8. – С. 3–9.
29. Человек в XXI веке: сущность бытия и интеллектуального развития (Отчет о НИР № ГР 20064482) [Электронный ресурс] / Т. И. Адуло [и др.] ; ГНУ «Ин-т философии НАН Беларуси». – Минск, 2010. – 257 с. – Деп. в ГУ «БелИСА» 06.06.2011 г., № 201114.
30. Человек и общество на рубеже тысячелетий: в поисках устойчивых оснований мироздания : сб. науч. ст. / науч. ред. Т. И. Адуло. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 251 с.
31. Адуло, Т. И. В поисках сущности бытия: философия на рубеже XX–XXI веков / Т. И. Адуло. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 447 с.
32. Довгирдовские чтения – III : философская антропология и социальная философия : материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 26–27 апр. 2012 г. / [науч. ред. сов.: Т. И. Адуло и др.]. – Минск : Право и экономика, 2012. – 421 с.
33. Философско-теоретический анализ социальной динамики и моделирование современных антропологических процессов, обоснование национальных приоритетов в развитии че-

ловческого потенциала / Т. И. Адуло [и др.] ; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2015. – 385 с. – Деп. в ГУ «БелИСА» 30.06.2016 г., № Д201614.

34. Бабосов, Е. М. Человек в социальных системах / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 481 с.

35. Бабосов, Е. М. Человекомерность социальных систем / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 392 с.

36. Философия : учеб. для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / Ю. А. Харин [и др.] ; под общ. ред. Ю. А. Харина. – 8-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2006. – 448 с.

37. Адуло, Т. И. От глобализма к антропологизму XXI столетия / Т. И. Адуло // Философско-методологические проблемы социального познания: материалы Респ. филос. чт., Минск, 20 нояб. 2008 г. / редкол.: М. И. Демчук [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – С. 4–28.

38. Куксачёв, Н. Н. Понятие сострадания в «Поэтике» и «Риторике» Аристотеля / Н. Н. Куксачёв // Филос. исслед. – Минск : Беларус. навука, 2016. – Вып. 3. – С. 134–141.

39. Середа, Ю. П. Трансформация индивида как субъекта современных социальных практик: социально-философский анализ / Ю. П. Середа // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2013. – Вып. 12. – С. 271–277.

40. Середа, Ю. П. Особенности трансформации ценностно-нормативной компоненты современного общества / Ю. П. Середа // Филос. исслед. – Минск : Беларус. навука, 2016. – Вып. 3. – С. 89–100.

В. В. Позняков

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ В БЕЛАРУСИ: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Раскрываются основные направления и особенности развития философско-культурологического знания в Беларуси. Определяется соотношение философии и теории культуры. Актуализируется необходимость в разработке понятийно-категориального аппарата фундаментальной культурологии. Выделяются основные векторы ее развития по признаку базовых элементов, в частности: проблема субъекта культуры и культуротворческой деятельности; ценностное содержание; семиотические структуры и архетипический слой национальной культуры; ее типологические особенности в контексте современной мультикультурной динамики. Определяется вклад белорусских философов в развитие структурно-функционального и компаративного анализа культурной реальности.

Ключевые слова: культура, философия культуры, культурология, универсалии культуры и ее типы, национальная культура и ее динамика, культурное пространство, социокультурная динамика

V. Pazniakou

Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

PHILOSOPHY OF CULTURE IN BELARUS: VECTORS OF DEVELOPMENT

The main directions and particularities of the development of philosophical and cultural knowledge in Belarus are revealed. The correlation between philosophy and theory of culture is determined. The need to develop a conceptual-categorical apparatus of fundamental cultural studies is actualized. The main vectors of its development are singled out on the base of the following elements: the problem of the subject of culture and cultural activity; value content; semiotics structures and archetypal layer of national culture; its typological differences in the context of modern multicultural dynamics. The contribution of Belarusian philosophers to the development of structural-functional and comparative analysis of cultural reality is determined.

Keywords: culture, philosophy of culture, culturology (sacience of culture), universals of culture and its types, national culture and its dynamics, cultural space, social-cultural dynamics

При обращении к теме развития философско-культурологического знания в Беларуси исследователь оказывается перед необходимостью определения исходной аналитической позиции: какой из возможных подходов окажется более результативным, то есть полнее представит сам процесс обогащения философско-культурологического знания в нашей стране. В данной статье мы будем исходить не из персоналий, а из фундаментальных направлений, которые уже выкристаллизовались в процессе философско-культурологического

дискурса и, как нам представляется, наиболее содержательно представляют специфику его динамики.

Какие же направления мы выделяем? Полагаем, что нужно исходить из структурных оснований относительно самостоятельного объекта исследования – культуры. Иными словами, через обращение к сущности и структуре культуры мы должны выйти на подсистемы, выделенные по признаку ее фундаментальных универсалий. Разумеется, могут быть другие траектории построения содержания. Например, весьма продуктивным окажется стремление исследователя выделить и описать «здание культуры» через призму метода восходящей индукции при том понимании, что в конкретном структурном элементе неявно содержатся элементы всех других структурных оснований культурной целостности, ставшей объектом философского рассмотрения. Возможен еще один исследовательский вектор, успешно используемый. Это философская экспликация культуры через призму ее соотношения с цивилизацией. Введение в научный аппарат понимания культуры как программ отношений, жизнедеятельности и поведения субъектов задает новый философско-теоретический ракурс понимания и исследования конкретных культурных реалий. Таким образом, гипотетически можно предположить, что количество исходных исследовательских позиций в области философского анализа культуры едва ли не такое же, сколько насчитывается определений культуры, которая явлена перед взыскующим взором исследователя как мир человека, практикующего сложность, многогранность его отношения к миру и самому себе. Культура, следовательно, предстает как реальность, объективированная и воплощенная в ее всеобщих формах. Она несет в себе пафос постоянного обновления и совершенствования человека, задавая ему всякий раз определенный в своей содержательности идеал возвышения над обыденным, себе равным существованием.

Вместе с тем нельзя не заметить, что традиция, ограничивающая культуру исключительно сферой духа, оказалась чреватой односторонностью, отрывающей духовное содержание не столько от материально-вещественной предметности, сколько от усилий по его овладению. Более того, само духовное содержание как та или иная (то есть характерная для определенного типа цивилизации) идеальная реальность внутренне неоднородно, противоречиво; оно наделяется статусом абсолютной человекотворческой субстанции скорее потенциально, нежели обладает таковым актуально.

Своеобразным отражением указанной недостаточности определения культуры стала попытка представить ее как «совокупность материальных и духовных ценностей» – некоторый компромисс, казалось бы преодолевающий абстрактную возвышенность «духовного» приземляющим его производством «материального». Сторонники такого понимания могут оказаться в «ситуации казуса», наивно полагая, что «совокупность ценностей» сама придет к человеку. В действительности «совокупность» нередко оказывается не храмом добродет-

телей, а ателье проката: в первый приходят по зову сердца, во второе – в силу внешней необходимости.

Проблема категориального аппарата философско-культурологического знания. Какие же философско-культурологические предпосылки мы находим в массиве философского знания «с белорусской спецификой»? По-прежнему остра проблема «демаркации» философии и теории культуры. Линия разграничения пролегает по логико-теоретическим границам истории, философии и теории культуры. В то время как теория культуры ориентирована на работу с культурно-цивилизационным материалом на языке категорий, философия культуры несет в себе так называемые предельные основания культуры, ее субъектов и цивилизационных форм. В таком понимании философия культуры представляет огромный, постоянно обогащающий себя концептуально организованный мыслительный материал: теории, подходы, принципы, категории, методы и т. д. Вне работы с этим материалом развитие культурологии как философии и теории культуры весьма проблематично.

Решение такой задачи потребовало от белорусских ученых разграничения двух стратегий развития культурологического знания. Во-первых, становление философии культуры, выявляющей основания, границы и проблемы философско-культурологического дискурса, структурно и обобщенно коррелирующего с проблематикой и базовыми категориями философско-культурологических систем. Во-вторых, развитие научного знания, которое постепенно ориентирует себя на построение теории культуры как фундаментального направления в развитии гуманитарного знания. Графически указанные стратегии можно представить как наложенные друг на друга окружности, границы которых не совпадают. Зона взаимного перекрытия кругов образует пространство, в котором «взаращиваются» и диалогизируют общие характеристики философии культуры и фундаментальной теории культуры. Таким образом, философия культуры изучает культуру как реальность в массиве философского знания, а теория культуры, опираясь на него, формирует собственный категориальный аппарат. Эта стратегия имеет тенденцию к расширению области философского анализа культуры за счет разработки новых подходов и ареалов философско-культурологического исследования. В творческую жизнь вступают новые поколения философов. Они открывают в разработанных философских системах проблемы, на фундаменте которых воздвигают новые и надстраивают уже возведенные здания философии культуры.

Фундаментальная теория культуры есть прежде всего теория с присущим ей научным аппаратом. При этом важно заметить, что научный аппарат собственно культурологии как фундаментальной теории пребывает пока в стадии формирования; он отмечен неполнотой категориального ряда. Поэтому одной из актуальнейших задач становится разработка такого «списка категорий», который позволил бы наложить его на культурную реальность, раскрыть ее сущность, структуру, функции, динамику состояния и развития.

В трудах белорусских ученых философско-культурологическое знание предстает как сопряженные области относительно самостоятельных, предметно отграниченных философско-культурологических аналитических позиций, тесно привязанных к современным тенденциям в философии культуры и, что принципиально значимо, – к реальной социокультурной и цивилизационной динамике. Отсюда в культурологическом знании преобладают тематизмы тех философских подходов, в русле которых описывается культура как философская, диверсифицированная в предметном отношении реальность. Выделение всеобщих форм культуры (например, ценностного, в себе различного содержания) дает возможность глубоко проанализировать ее конкретные типы. Они могут быть классифицированы по признакам субъекта (культура личности, социальной группы, общности, общества); социально-пространственному критерию (культура локальная, региональная, субрегиональная, ойкумена); социально-временному основанию (исторические типы, выделяемые по формационным, цивилизационным и другим критериям) и т. д. Подчеркнем: во всех классификациях будет присутствовать нечто общее, потому как все типы существуют в определенных всеобщих формах – универсалиях культуры.

Обобщение накопленного теоретического и эмпирического материала, освещенного через призму фундаментального знания о культурных формах, приближает фундаментальную теорию культуры к соответствующему философскому знанию, но не сливается с ней. Ее назначение состоит в том, чтобы представить культуру в качестве теории, опирающейся на свой понятийно-категориальный аппарат именно теоретико-культурологического знания. Для этого она переосмысливает категориальное содержание предметных форм культуры, теории и философии культуры посредством постепенно формируемого методологического инструментария, через призму которого культурология как теория идентифицирует предметно-дисциплинарные проблемы. Их разрешение образует теоретическое основание культурологических исследований.

В поле сопряжения теория культуры и философия культуры, то сливаясь, то отталкиваясь друг от друга, тесно взаимодействуют по признаку взаимодополнительности. В этом отношении философия культуры, теория и история культуры чрезвычайно близки, особенно в плане методологических ресурсов исследования реальных процессов социокультурной динамики. Они формируют смысловое поле культуры, которое возделывается и упорядочивается фундаментальной теорией культуры. Рассматриваемое с таких позиций гуманитарно-культурологическое направление объективно предстает перед мыслящим взором теоретика как богатый материал, который нуждается в строгой научной систематизации (например, классификация подходов, формирование категориальных кластеров по признаку динамики культуры, форм трансляции культурного опыта, культуротворческой активности субъектов и др.). Пока эта задача развития фундаментальной культурологии далека от решения.

То обстоятельство, что культурологическое знание пока пребывает в состоянии недостаточной теоретической отрефлексированности, влечет за собой лавинообразное преобладание эмпирического материала (в том числе и на уровне диссертационных исследований по культурологии, искусствоведению) при явной недостаточности его философского и теоретико-культурологического осмысления на языке фундаментальной теории и философии культуры. Эта ситуация указывает на актуальную необходимость разработки системно организованного понятийно-категориального знания как упорядоченного инструментария теоретико-культурологического и философского осмысления реалий культуры, культурно-цивилизационных форм и их субъектов.

Очевидно осознание недостаточности теоретико-методологического инструментария для исследования культуры. Она представлена в философских исследованиях как видимая вершина айсберга, отламывая от которой по кусочку, исследователь стремится познать ее подводную часть. Отсюда отсутствие в арсенале философских исследований крупных работ обобщающего характера. Данная тенденция носит не столько оценочный, сколько констатирующий характер и как таковая косвенным образом указывает на необходимость развития фундаментальных философско-культурологических исследований. Потребность в них очевидна в контексте методологической и методической востребованности таких исследований.

Вместе с тем фрагментарный, точечный характер культурологических исследований неявно сообщает современному философско-культурологическому знанию императив необходимости. Действительно, чтобы выйти на уровень дисциплинарно организованного культурологического знания, философия и теория культуры должны проделать гигантскую предварительную работу, во-первых, по «инвентаризации» накопленного опыта философского осмысления культурно-цивилизационной реальности, во-вторых, по его научной систематизации в виде упорядочения основных философско-концептуальных описаний культуры, категориального оформления знания, конструирования новых и переосмысления существующих продуктивных теоретико-методологических подходов к исследованию типового разнообразия культур и их динамики. Нельзя сказать, что эта работа не делается, но масштабы ее должны быть более значимыми.

Очевидно стремление обособить проблемное поле философии культуры посредством отдельных категорий высокой степени абстрагирования. На поле таких творческих поисков мы отмечаем исключительно плодотворные результаты. Это выражается прежде всего в выделении фундаментального понятийно-категориального аппарата в области историко-культурного анализа, за которым находятся, во-первых, тот или иной сегмент белорусской национальной культуры, во-вторых, стремление определить исторические формы ее развития и на этой основе выделить категориальные единицы философско-культурологического знания. Отталкиваясь от этого положения,

выделим наиболее существенные, на наш взгляд, тенденции в философском анализе культуры с национальной спецификой.

Современные исследователи оказались перед проблемой гораздо более фундаментальной, чем можно было представить. Речь идет о необходимости разработки теоретико-методологических оснований сравнительного изучения культур в рамках прежде всего типологии культур, выявлении общих тенденций в развитии культурно-цивилизационной реальности, описании типобразующих признаков национальной культуры. Основания такого анализа исследователи искали и отчасти находили во внешних признаках культур. Однако для их системного представления предпосылок было недостаточно. Причиной этого стала практически неразработанная в теории культуры проблема категориального аппарата. Это обстоятельство сделало во многом формальным приложение этих и других подходов к анализу культурных целостностей. Сущность проблемы скрывалась за невыявленностью базовых универсалий культуры, философски и теоретически осмысленных. Таким образом, философы и культурологи оказались перед проблемой фундаментального характера – необходимостью разработки понятийно-категориального аппарата теоретико-культурологического знания. Нерешенность проблемы сказалась не только на состоянии теоретического знания, но и на поисках философско-методологических инструментов решения практических проблем. Сложилась ситуация парадокса «замкнутого круга»: чтобы привести в действие философские, методологические и теоретические ресурсы культурологического знания в его философской и теоретической специфике, необходимо было разработать понятийно-категориальный аппарат теоретической культурологии. А для того чтобы сделать это, нужно обращаться к богатому опыту философского осмысления культуры. Это обстоятельство существенно предопределило направления и содержание дальнейших поисков в области философии культуры и фундаментальной теоретической культурологии. По форме и содержанию они носят характер обращения к частным или относительно обособленным локусам философского осмысления культуры. Философско-культурологические поиски велись преимущественно в русле выявления сущностных оснований и проблем национальной культуры с сильно выраженным этническим субстратом.

Обострение проблемы национальной самобытности и развития в условиях современной мультикультурной динамики придало новый импульс осмыслению проблемы белорусской национальной культуры в современной культурно-цивилизационной динамике. Ставится и обсуждается ряд проблем. Одна из самых существенных связана с необходимостью идентификации культурологического подхода как методологической позиции субъекта.

Здесь уместно привести пример теоретического плана. В области гуманитарного знания постепенно складывалось направление, которое могло бы повлечь за собой более продуктивные инициативы в области формирования теории культуры. Но этого не произошло. Речь идет о попытке теоретически

и философски осмыслить такую категорию динамики культуры, как традиция: является ли она отдельной специфической формой трансляции культурного опыта или же обладает статусом синтетической категории высокого уровня обобщения. Если традиция представляет собой философско-культурологическую категорию, то что именно она выражает, какие существенные отношения фиксируются в ней? Если же под традицией понимается совокупность традиционных форм нерелексивного культурного наследования, то, следовательно, перед методологом встает вопрос о том, какие традиционные формы трансляции обобщает в себе категория традиции.

Неопределенность категориального статуса традиции стала следствием поверхностного философского осмысления динамики отбора и наследования достижений культуры. Однако такая рефлексия повлекла за собой необходимость обратить более пристальное внимание на подсистему наследования, трансляции культурного опыта и его содержание. Стало ясным, что в рамках понимания традиции как одной из многих категорий философского знания невозможно выделить ее категориальное своеобразие. Оказалось, что более конкретной категорией стало такое понятие, как «традиционные формы трансляции культурного опыта». Таким образом, внимание философов и культурологов было переключено на особенности традиции, которые выделяются на основе сопоставления и функционального сравнения более частных и ограниченных по объему и функциям форм отбора, трансляции и наследования культурного опыта. Философско-культурологическое знание оказалось перед необходимостью разработки целостного сегмента философии и теории культуры, которые мы называем традиционными формами трансляции культурно-цивилизационного опыта. Возникла проблема критериального характера: по каким основаниям формировать своеобразный понятийно-категориальный кластер, семантическим ядром которого является понятие традиционных форм трансляции?

Выделение понятия «традиционные формы трансляции» позволило, во-первых, выделить их общую специфику, во-вторых, специфицировать, функционально и содержательно отграничить отдельные, более частные категории, выражающие наиболее существенные отношения, взаимосвязи и взаимодействия в трансляционном секторе культуры. Такими категориальными формами, образующими предметное поле философско-культурологического анализа, являются традиции, ритуалы, обычаи, обряды, культовые действия, традиционные праздники и др. Культурно-цивилизационные формы отбора и трансляции достижений культуры пребывают в относительно-синкретической целостности, внутри себя различенной по признаку самих форм, функционально содержательных и семиотически выраженных. Наиболее универсальной формой трансляции культурного опыта стала традиция, которая ассимилировала более частные формы. Аналогичные примеры можно привести из области институционально-организационной сферы культуротворческого процесса, ценностного содержания культуры и др.

Анализ белорусской культуры в контексте современной культурно-цивилизационной динамики. Реализация культурного потенциала научно-технического прогресса не обязательно должна приводить к тождественным последствиям в национально-культурных системах. При всех их различиях неизбежны изменения на уровне общекультурном, то есть системном. Появляются и развиваются на национальной почве новые способы производства, распределения, хранения и транслирования опредмеченных духовных ценностей; интенсифицируется «выход» духовного опыта нации на уровень общецивилизационный, а общечеловеческое обретает национальный колорит; возникают и развиваются новые формы реализации творческого потенциала субъекта (деятельностный уровень культуры). Процессы синтеза накладываются на внутренние противоречия национально-культурных типов, по которым можно выделить определенные уровни интеграции общецивилизационных приобретений: а) национально-культурная общность; б) локально-территориальная культурно-этническая среда; в) культурные типы сравнительно немногочисленных этнических, социально-демографических и иных групп; г) культурный опыт индивида. Такая исследовательская тенденция отчетливо проявляет себя в творчестве белорусских философов. Она получила конкретное, более предметное продолжение в рассмотрении национальной культуры через призму индивида как субъекта – носителя этнонациональной культуры.

Будучи исключительно динамичным явлением, национальная самобытность, особенно человека молодого, подвержена воздействию артефактов современной техногенной цивилизации. Находясь в условиях относительно автономного существования, он обладает широкими возможностями выбора в мире ценностей и способов (программ) деятельности. Противоречия между культурно-цивилизационными явлениями (например, массовыми и элитарными) могут способствовать формированию маргинального типа личности. Состояние «разорванного сознания» усиливается повышенной рефлексивностью, колебаниями между традиционными обстоятельствами культурного бытия (например, в национально-культурной среде) и формирующейся новой общецивилизационной реальностью. В связи с этим необходимо отметить, что индивид оказывается в ситуации, когда он сам и никто другой должен сделать выбор в мире ценностей. Он должен проявить себя как внутренне свободная личность, способная противостоять отчуждающим влияниям цивилизации. Представление о том, что социокультурное развитие той или иной страны осуществляет себя параллельно, в культурно-цивилизационном вакууме, обрекает любую культуру на отставание. Каждая культурно-цивилизационная система должна проявлять свою способность адаптироваться к динамике реальностей, а возникающие различия, противоречия необходимо разрешать на путях диалога и сотрудничества [12, 22].

В развитии современной цивилизации наступил такой момент, когда приоритеты культуры являются гарантом ее сохранения. Иными словами,

культура выступает сегодня как универсальная ценность, сближающая народы, страны, регионы в соборном ощущении принадлежности к одному времени, одной эпохе. Культура, в сущности, есть единственный язык общения народов, осознавших хрупкость и неповторимость своего бытия. Ширится понимание цивилизации в культурном измерении. Но поскольку культура есть «возделывание» человека, то прогрессивность цивилизации в качестве своего критерия имеет гуманистический, человекотворческий вектор. Эта мысль постоянно присутствует в исследовательских интенциях и творчестве белорусских философов, в частности Е. М. Бабосова, Ю. А. Гусева, Л. А. Гуцаленко, А. С. Майхровича и др.

В последние десятилетия интенсивно стала исследоваться тема *этнонациональной культурной динамики*. Пришло понимание того, что теоретическая непроясненность экзистенциальных для общности культурных реалий и фундаментальных категориальных структур ведет к издержкам в области национально-культурного развития. Это более общее понимание соотношения этнического и национального в динамике культуры.

Этнонациональное в духовной культуре является культурно-типовым единством этнического (традиционного) и профессионального (цивилизационного). В типологическом отношении этнонациональное представляет собой синкретическую целостность культуры, в которой взаимодействуют этнические элементы культур не только титульного этноса. Отдельный и принципиальный вопрос: как представлены культуры общностей в трансляционной инфраструктуре национальной культуры?

При обсуждении этого вопроса возникает интересная проблема: происходит ли в настоящем процесс развития этнического или же оно представляет собой лишь преданье старины глубокой? Конечно, существует определенный соблазн упростить ответ на вопрос, ограничив его источниками аутентичного народного творчества. Полагаем, однако, что аутентично-этническое также претерпевает процесс изменения и, возможно, обогащения своего содержания национально-культурным.

В контексте этнонационального трансформируется и наполняется новым содержанием понятие национальной культуры. Сказывается явная недостаточность традиционного определения ее как культуры, функционирующей в национально-государственных образованиях. Понимание национальной культуры как культуры народа, проживающего в едином государстве и на одной территории, достаточно распространено в научной литературе. Проблема состоит в том, чтобы выяснить, каким образом этнокультурное присутствует в единой и общей национальной культуре. Здесь возникает целый спектр вопросов. В каких формах живет этнокультурное в национальной культуре? Каким образом оно транслируется? Какие превращения оно обретает? Какие секторы культуры наиболее (наименее) адаптивны к межкультурному взаимодействию на локальном, региональном, субрегиональном уровнях, а также

на микроуровне культурной формы? Сохраняются ли чисто аутентичные элементы в этнонациональном? Какие качественные, типологически фиксируемые признаки обретает национальная культура? Каков хронотоп этнонационального в синхронно-диахронной динамике культуры? Как традиционные формы трансляции культурного опыта включаются в институциональную коммуникативную структуру национальной культуры? Каковы характерные для общности формы культуротворчества и наборы деятельностей (кстати, часто определяемые природной средой)? Что собой представляют сегодня носители национальной культуры, осознающие себя таковыми и объединенные общими и разделяемыми ими ценностями и символами? Ответы на эти вопросы весьма существенны для углубления в сущность и специфику национальной культуры, ее философского и теоретико-культурологического постижения.

В условиях универсализации цивилизационных связей область этнического переходит в сферу внутреннего, не столь явно выраженную в предметном отношении, в отличие от исторического (традиционного) периода формирования общности. Постепенное исчезновение явно выраженного этнического в предметно-объективированных формах спровоцировало неоправданные утверждения об исчезновении (разрушении, уничтожении) национальной культуры, нередко сопровождаемые политическими спекуляциями с конъюнктурным налетом. При этом игнорируется общая закономерность трансформации этнического в русле модернизационных процессов, не говоря уж об инновационных типах культуры. В традиционных культурах также имеют место цивилизационные превращения этнического (например, в формах трансляции культурного опыта, включения этнокультурного в процессы модернизации).

Понятие этнонационального включает чрезвычайно широкий круг явлений, соотносимых со структурным разнообразием культуры. В более конкретном выражении таковыми являются: ценностная семантика национальной культуры и ее совокупного субъекта; семиотические структуры (символы, аутентичные и канонические тесты и др.); архетипический протопласт и другие формы культуры. В ценностном отношении этнонациональное представляет собой мир идеальных сущностей, определяющих ценностно-содержательное наполнение предметных форм национальной культуры, и в особенности мировоззренческие структуры ее носителей. В семиотическом плане этническое представляет собой набор базисных символов, образующих основание фрагментов культурного опыта и предпосылку его трансляции [21]. В культурно-коммуникативном аспекте включение этнического субстрата в национальную культуру позволяет сопрягать традиционные и инновационные формы трансляции культурного опыта, более эффективно осуществлять процесс культурной коммуникации. В культуротворческом отношении профессиональные формы культуры – научно-гуманитарная и художественная – питаются этническим протопластом, представляющим собой материал для осмысления и построения художественных (но не только) образов. Этнокультурное

трансформируется в профессиональной культуре, образует «материал» для творческой переработки. В функциональном отношении этнический субстрат поддерживает преемственность в развитии культуры как универсальной формы саморазвития общности и ее творческого присутствия в истории.

Этническое присутствует в национальном органичном образе. Его, если можно так сказать, субстрат ведет к образованию типотличительных признаков культурной целостности по признаку самобытности. В структурном отношении этническое является относительно самостоятельной подсистемой культуры, развивающейся в синкретическом единстве с профессиональной составляющей. В содержательном плане этническое определяет прежде всего ценностную семантику этнонационального типа культуры – такое утверждение достойно специального исследования. В плане культурной динамики этнонациональное представляет собой единую систему трансляции, закрепления и обновления культурно-цивилизационного опыта, дифференцированную внутри себя на рефлексивные и нерефлексивные формы культурной трансляции и трансмутации. В формально-стилевом плане этнонациональное представляет собой формально-содержательную семиотико-семантическую целостность – культуру-тип, обладающую своей самобытностью. Таким образом, этническое интегрируется в целостный культуротворческий процесс, синкретически представляя себя в этнонациональном.

Указанные признаки позволяют рассматривать этнонациональное не только с позиций титульного этноса. В социокультурной полиэтнической ситуации этническое содержание культурных общностей может включаться в общенациональную культуру, существенно ее обогащая. Здесь возникают проблемы цивилизационного и культурного плана, связанные с необходимостью трансляции в национальную культуру аутентичных образцов других этнокультур, конкретных ценностей культурных общностей. Заметим, что в условиях межкультурного пограничья такое взаимообогащение достаточно очевидно. Национальная культура исследуется как универсальная форма творческого самовыражения нации, ее самопознания и развития – народа, осознающего себя в истории и в своей актуальной неповторимости. Национальная культура – это культура единства нации. Анализу этих проблем существенное внимание уделили Е. М. Бабосов, Н. Н. Беспамятных, И. Я. Левяш, С. А. Подокшин и др. [1, 2, 8, 10, 22].

В белорусской культурологической мысли получила развитие тема базовых оснований национальной культуры. Мы выделяем прежде всего проблему архетипических образований этнонациональной культуры, рассматриваемых на этническом и национальном уровнях. Правда, следует заметить, что слабая философско-культурологическая отрефлексированность общей типологии культуры как методологической базы такого анализа, особенно при обращении аналитиков к исследованию типологической диверсификации культуры, не делает такие попытки достаточно успешными. Так случилось с феноме-

ном архетипического и архетипа в белорусской культуре. Опираясь на мощную гуманитарную традицию (заметим, не только философскую), белорусские исследователи выявили ряд признаков архетипического в культуре (В. М. Конон, С. И. Санько [24–31]). Возникла необходимость построения теории архетипов и форм его бытия в национальной культуре, включая и ее этнический субстрат. Эта необходимость оказалась труднореализуема в условиях недостаточной «прописанности» категориального строя культуры, позволяющего спроецировать феномен архетипа и архетипического на типологическое и структурное своеобразие национальной культуры.

Так, проблема архетипических оснований культуры рассматривается как одна из фундаментальных категорий культуры. Белорусские исследователи концентрируют усилия на формах представленности в реальной динамике национальной культуры архетипо-символических форм культуры, выражающих прежде всего фундаментальные начала культуры с этнонациональной спецификой. В последние десятилетия внимание исследователей привлекают первообразы этнической культуры, что получило выражение в обращении к анализу архетипических универсалий культуры (В. М. Конон, С. И. Санько и др. [24–31]).

Отчетливо обозначилась растущая актуальность проблемы, которая была поставлена и проанализирована Ю. А. Гусевым [4, 5]. Это тема *свободы творчества и ответственности субъекта*, рассматриваемая с позиций социального и экзистенциального выбора. Философ исследовал проблему свободы творческого самовыражения и ответственности художника, которая раскрывается им в ряде концептуальных построений: анализ творческой личности, осуществляемый в контекстах фундаментальной философии, теории и методологии творчества и творческой деятельности; диалектика объективного и субъективного, свободы и ответственности, классового и общечеловеческого. Отдельное место занимает рассмотрение субъекта в параметрах свободы творчества, творческого самоопределения и самовыражения художника в различных социокультурных контекстах; интерпретация творческой индивидуальности как субъекта социального творчества и ответственности. Творческая деятельность субъекта, в частности художника, опирается на естественные предпосылки (например, на материал, данный природой) и свободу выбора субъекта. Последняя представляет собой необходимость разнопорядкового свойства. Во-первых, для творческой личности креативный процесс является глубокой внутренней потребностью и даже необходимостью. Творя, он существует как художник. Во-вторых, творческая индивидуальность творит в условиях социальных и социально-групповых ограничений (например, классовых, субкультурных), существенно влияющих на выбор и характер творческой деятельности. Данная тема является относительно самостоятельной в белорусской философии культуры. Она имеет четкий вектор теоретической и методологической необходимости в ее продолжении и обогащении [4, 5].

Проблемы философско-культурологической компаративистики. Они представлены прежде всего работами Н. Н. Беспмятных, А. А. Павильча [2, 16]. Объектом рассмотрения стала преимущественно методологическая проблематика компаративной динамики культуры. В частности, А. А. Павильчем теоретически исследуются такие проблемы, как метод сравнительного анализа и методологическое ядро научного направления – компаративистики. Ученый исходит из понимания конкретной культуры как внутри себя диверсифицированной целостности. Существенным результатом приращения культурологического знания стала реализация попытки построить системное философско-культурологическое знание, выполняющее методологическую функцию. В качестве эмпирического материала исследования автор избрал область культурного опыта как эмпирической реальности. Обращение к культурно-цивилизационной динамике позволило вычленить отдельные культуры и рассмотреть их с позиций определения оснований, на которых было бы возможным построить их сравнительный анализ как относительно самостоятельных образований.

Основное внимание исследователей направлено на выделение целостностей, в основание которых положен преимущественно формационный подход. Однако наряду с ним существенным вкладом в философско-культурологическое знание стало рассмотрение соотношения неотрефлексированного эмпирического и теоретически осмысленного опыта культуры. Теоретически неотрефлексированный опыт взаимодействия культур стал эмпирической предпосылкой для продвижения по пути сравнительного анализа, основанного на философски и теоретически осмысленных совпадениях, сходных чертах и различиях культур.

Отчетливо просматривается ряд актуальных векторов развития культурологического знания. Во-первых, необходимость развития философии культуры и фундаментальной теории культуры, в частности обогащения ее категориального аппарата. Во-вторых, не потеряла своей актуальности проблема разработки методологических оснований культурологических исследований, среди которых философия культуры занимает свое место. В-третьих, подтверждается потребность в изучении реальных динамических процессов в культуре, выявлении объективных противоречий и тенденций культурно-цивилизационного развития. В-четвертых, отдельно укажем на растущую необходимость исследования динамики истории и современной белорусской национальной культуры на основе применения методологии компаративного и междисциплинарного анализа. В-пятых, немаловажное значение в указанных контекстах имеет актуализация в современном культурологическом знании опыта применения компаративных методов и практик при исследовании культурных реалий [13, 17, 18].

Отдельный срез актуальности обусловлен непроясненностью сущности, концептуального содержания, методологии и методики приложения компара-

тивных методов к культурным реалиям как прошлого, так и настоящего. Ряд исследователей обуславливают необходимость методологии использования компаративного подхода и недостаточной разработанностью данного «исследовательского проекта» в его предметных, проблемных, содержательных, методологических, детерминационных аспектах. Актуализируя необходимость дальнейших исследований, современные исследователи подчеркивают методологическую значимость компаративного, семиологического, исторического, герменевтического, системного подходов в философско-культурологических исследованиях. Современная мультикультурная динамика только усиливает необходимость перехода с эмпирического уровня культурологического анализа на фундаментально-методологический уровень. Это обстоятельство обуславливает применение методологии междисциплинарного синтеза в изучении динамических процессов в культуре. В ходе развития междисциплинарных исследований не утратила своей актуальности проблема формирования целостной фундаментальной теории культуры, которая, будучи результатом методологического абстрагирования от инструментальной конкретики других подходов, тяготеет к тому, чтобы стать методологией культурологических исследований.

Актуальная значимость развития компаративных исследований определяется потребностью в формировании типологических теорий культуры. В таком контексте исследования истории, теории национальной культуры позволят системно и целостно реконструировать объективные процессы ее динамики. Таким образом, позволительно сделать вывод о том, что противоречия и проблемы национально-культурного развития еще недостаточно отрефлексированы на философско-методологическом и теоретико-культурологическом уровнях. Происходят неявные, имплицитные процессы в «теле» национальной культуры, которые требуют более глубокого научного осмысления. Национальная культура нуждается в применении системного подхода и междисциплинарных исследовательских интенциях, разработке комплексных системных критериев исследования и оценки динамики этнонациональных процессов в культуре. В таком отношении можно утверждать, что сложность объекта исследования и практически неограниченного его предметного поля требует адекватной методологии. Однако содержание самого подхода как методологического инструментария анализа эмпирического и теоретического опыта культурологических исследований не всегда определяется даже при том, что полностью в концептуальном виде авторские версии методологического ресурса исследований культуры пока не созрели.

Список таких фактов не поддается завершению и ставит исследователя перед необходимостью фундаментального, сущностного анализа проблемы в категориях теории культуры. Нередко ученые осознают непоследовательность и отсутствие системы критериев сравнения, и это не случайно. Исследователи сталкиваются с необходимостью представления нерефлексивных форм раз-

работки и использования философии и теории культуры на языке основных «универсалий» культуры ее основных подсистем. Нам представляется, что в работах по философии и теории культуры недостаточно реализуется потенциал фундаментальной культурологии (теории культуры), в частности по таким разделам, как «Морфология культуры», «Семиология культуры», «Аксиология культуры», «Праксеология культуры» и др. Исследователи не всегда используют методологический ресурс функционального анализа как эффективного методологического инструментария изучения культурных реалий и динамики культуры в целом. Важно при этом показать, каким образом существенные структурные различия, а также сходства культур между собой обуславливают динамический процесс, реализуемый в механизмах заимствования и отторжения социокультурных форм, и почему это происходит. На место теоретических рефлексий нередко предлагают «авторитет фактов» и персоналий вместо того, чтобы, опираясь на них, предложить концептуальное знание о сущности предметных форм национальной культуры или какого-либо другого типа.

Ученые предлагают весьма широкий спектр современной компаративистики: сравнительный метод в гуманитарном и социальном познании, формирование основ культурологической компаративистики в гуманитарном знании, анализ специфики компаративного подхода в интерпретации мифотворчества и религий; выявление теоретической и методологической инструментальности сравнительных исследований в культурной антропологии. Обосновывается вывод о том, что сравнительный метод составляет основу компаративного подхода в гуманитарных и социальных науках. Фактически здесь содержится общеметодологическое знание, на основе которого возможна разработка применения компаративного подхода в культурологических исследованиях. Как видим, в сферу научного интереса вовлекается исключительно широкий спектр направлений (и проблем), достойных того, чтобы каждое из них стало темой специального анализа (А. А. Павильч) [16].

Вместе с тем возникает ряд вопросов методологического характера: в чем заключена сущность конкретного подхода? Каково его содержание? Каким образом сущность подхода проявляет себя в конкретных формах культуры и практиках теоретического осмысления тех или иных проблем? Возможно ли системное представление для того, чтобы осуществить сравнительный анализ целого вида (формы, типа) культуры? Какова специфика такого опыта в применении конкретного подхода к современной культурологии? И др.

Нам представляется, что в исследованиях по культурологии недостаточно прописаны именно логико-методологические основания. Нередко авторы пребывают в плену персоналий, не поднимаясь на уровень фундаментального культурологического знания. Имеет место недостаточное использование фундаментальной теории культуры, через призму универсалий которой следует, на наш взгляд, рассматривать как отдельные формы культуры, так и культуру в целом. В противном случае анализ будет бессистемным и эклектичным.

Мультикультурная динамика как объект философско-культурологического изучения. Рассуждая о конкретных парадигмах культурологического знания (например, компаративной модели кросс-культурных исследований, сравнительном методе в структуре подхода), авторы исследований нередко сталкиваются с необходимостью определения сущности, содержания и места того или иного подхода в методологическом арсенале культурологии. В этом случае представляется вполне правомерным обращение исследователей к опыту «философии культуры» как «универсальной метадисциплины».

В качестве одного из объектов философско-культурологического анализа рассматривается мультикультурная динамика и соответствующие ей исторические, философские и теоретико-культурологические векторы исследования. Однако недостаточное развитие категориальной базы своим следствием имеет теоретическую и философско-методологическую неотрефлексированность реального опыта мультикультурных процессов. Отсюда мультикультурность нередко ассоциируется с множеством культур, что оставляет в тени философского и теоретического анализа проблему особой динамики конкретной культуры и взаимодействующих культур. В формах и содержании мультикультурных процессов образовались своеобразные лакуны, которые целесообразно было бы рассматривать на уровне базовых универсалий культуры: субъекты культуротворческого процесса, ценностная семантика национальной культуры в контексте мультикультурной динамики, превращения семиотических структур культуры и конкретного культурного типа, институциональной сферы мультикультурной динамики, актуального компаративного анализа культур, вовлеченных в активный культурно-цивилизационный процесс. В целом можно констатировать, что обращение к феноменам мультикультурности и мультикультурализма как отражения первого во втором существенно определяется реальными мультикультурными процессами как новой предметной области философско-культурологического исследования [14, 16, 24].

В заключение отметим, что в области исследования культурно-цивилизационной динамики постепенно формируется своеобразная философско-и теоретико-культурологическая организация или структура культурологических исследований. Возникает необходимость в определении и использовании комплексного анализа, включающего систему научных подходов, исходных базовых принципов, конкретных методов, направленных на постижение сущности культуры и форм ее проявления в исследовательских и интерпретационных практиках.

Обратим внимание на актуальность версификации культурологического знания. Этот процесс находит выражение в относительно широком спектре философских подходов и теоретико-культурологических интерпретаций конкретных объектов культурологического анализа, например этнонациональных. Возникает проблема анализа культуры пограничья на методологической базе философии культуры и теоретическом фундаменте дисциплинарно ор-

ганизованной культурологии. Вообще феномен философско-теоретического пограничья в культурологических исследованиях достаточно отчетливо определяется в своих границах по мере того, как преодолеваются проблемы использования проработанного понятийно-категориального аппарата развивающимися методологическими ресурсами философии, методологии и фундаментальной теории культуры.

То обстоятельство, что происходит дисциплинарная версификация культурологической проблематики в поле изучения культуры пограничья, свидетельствует о сложности объекта исследования, который допускает формирование полидисциплинарного культурологического знания, внутри себя диверсифицированного. Феномен полидисциплинарности сам может стать объектом культурологического исследования. Тем не менее затруднения в области языка культурологии, то есть ее понятийно-категориального строя, существенно ограничивают дисциплинарно организованное культурологическое знание о культуре. На проблему полидисциплинарности культурологического знания можно посмотреть и со стороны методологических, проектных, прогностических, мировоззренческих и образовательно-воспитательных ресурсов фундаментальной – философской и теоретической – культурологии. Проецирование философско-методологического и культурологического знания на объекты культуры позволяет глубже проникнуть в их сущность. Следовательно, речь, по нашему мнению, идет не о разнообразии моделей, а о приложении компаративистики к новым гуманитарным областям, что является свидетельством возрастания методологического ресурса фундаментального культурологического знания.

Белорусская культура в структурах культурного пограничья. Обогащению мировой цивилизации способствует духовное взаимодействие народов. В связи с этим возникает необходимость в исследовании национальной культуры в условиях новой – глобальной – исторической реальности. Укажем на существенные изменения в динамике социокультурного процесса в постиндустриальный период. Прежде всего, это связь подвижных структур научно-технического прогресса с «омассовлением» духовных продуктов, их стандартизацией; изменения в технологиях творческого поиска, ограничивающих возможности индивидуальной инициативы творческой индивидуальности; взаимодействие экономических, производственно-технических, научных, информационных и других подсистем, которое усиливает диахроническую и синхроническую преемственность культур, их связь с общецивилизационными процессами. Проблема, следовательно, заключается в том, приобретает ли универсализм новые, национально-специфические черты или же, напротив, ведет к утрате национально-культурной аутентичности народов. В работах белорусских философов обосновывается позиция о необходимости моделирования новых форм белорусской национальной культуры в контексте универсальной, региональной и локально-культурной динамики [2, 9, 12, 15, 24].

Прикладной потенциал современного философско-культурологического знания. Философия культуры и теория культуры в образовательной среде. Перспективы применения такого знания существенно определены, во-первых, областью его приложения в каждом конкретном случае, во-вторых, избирательным характером философско-культурологического знания, раскрывающего свои возможности по мере накопления философско-методологических и теоретико-культурологических ресурсов в исследовании сложных социальных и естественных объектов, вовлеченных в процесс отношения человека к миру, то есть таких объектов, которые могут быть гуманитарно измеряемыми. Сочетание философско- и теоретико-культурологического знания может быть применимо к теоретическому моделированию практически любых процессов и форм взаимодействия культур. Здесь перед субъектом исследования неизбежно возникают трудности эксплицирования объектов моделирования на языке культурологических понятий, категорий, подходов, методов. Философская культурология выступает как методологический инструмент. В качестве примера назовем формирование метапредметных компетенций специалиста. Если субъект исследования станет их рассматривать в контексте фундаментального культурологического знания, то сущность моделирования будет раскрываться на языке философско-культурологического знания. Философия и теория культуры будут пребывать в отношении взаимодополнительности, что найдет свое выражение в их взаимосвязи и взаимодействии [7, 9, 11, 17, 20].

Философия культуры отчетливо выявляет себя в области обеспечения коммуникативной культуры в межкультурном диалоге [24]. Подтверждаются неисчерпаемые возможности философской диалогистики как теоретического источника построений коммуникативных практик, в частности концепций Э. Левинаса, М. Бубера, М. А. Бахтина, Ю. М. Лотмана и др.

Важно включить в поле анализа получение ответов на ряд существенных вопросов, в частности: в каком «культурном материале» осуществляется моделирование (специфика культурного объекта как фрагмента культурной реальности, его отношений с другими, свойств, функций, динамики и т. д.)? Каковы основания отбора объектов моделирования в процессе сопоставления, аналогии и сравнения? Каков процесс моделирования, его технология применительно к специфике образовательной сферы и различных модусов взаимодействия культурных целостностей (области субъектов, творческих деятельностей, ценностного содержания, семиотических структур и др.)? Нередко авторы дискурсивным путем определяют тот или иной вид культуры (например, коммуникативную). Называя признаки явления, исследователь чувствует себя неуверенно в использовании общенаучных категорий философии культуры и теории культуры, не обладая их методологическими возможностями.

Современные культурно-цивилизационные процессы требуют переосмысления роли таких институтов культуры, как учреждения образования. Они

традиционно рассматриваются в качестве преимущественно трансляторов «знаниевой» культуры. Однако соотносительность существующего уровня подготовки специалистов с проблемами реальной жизни, перспективами динамического развития общества выдвигает на передний план острейшую необходимость понимания общекультурных оснований профессиональной и внепрофессиональной деятельности современного человека. Принцип непрерывного профессионального роста и духовного развития личности окажется лишь благим пожеланием, если будет игнорироваться собственно гуманитарный аспект образования и деятельности всех типов учебных заведений. Известный российский ученый О. С. Анисимов выдвинул концепцию современной школы. Ее назначение – готовить учащихся к жизни. Следовательно, определение содержания самой жизни, выделение в ней существенных моментов (например, культура принятия оптимальных решений и их исполнение) влечет необходимость разработки соответствующих культурных программ. Это школа духовного ваяния личности и методологизации сознания.

Проблема гуманитаризации образования предполагает теснейшую интеграцию естественных, технических и «общественных» дисциплин на научной и общекультурной гуманистической основе. Однако осмысление этих проблем свидетельствует о том, что технократический, узкофункциональный подход к формированию специалиста и воспитанию человека еще далеко не преодолен как в общественном сознании в целом, так и в практике работы существующих учреждений образования. Среди значительной части преподавателей утрачивается (не успев себя утвердить) осознание того, что научная, образовательная, воспитательная деятельность в своих институциональных, индивидуально-личностных и содержательных аспектах в принципе гуманитарна. В связи с этим формирование кафедр культурологии, введение в школах, гимназиях, училищах, лицеях, вузах курсов (факультативов) по теории и истории культуры следует считать вполне оправданным. Это своеобразная (но запоздалая) реакция на поток бездуховности и варварства, угрожающий обществу и молодому поколению, выражение озабоченности мыслящей интеллигенции перед угрозой обесценивания достоинства и жизни человека. Культурное содержание повседневности должно стать своеобразным кредо как «учителя», так и «ученика», как «художника», так и «режиссера», как «композитора», так и «исполнителя». Создание культурологических циклов – это слабый побег надежды на то, что удастся предотвратить кризис культуры [10, 21, 24].

Рассматривая тенденции в отечественной философии культуры, мы не можем обойти стороной философию культурологического образования в нашей стране. По характеру она носит циклический характер. Введение в учебные планы общего среднего и высшего образования курсов культурологии, отечественной и мировой культуры способствовало институализации культурологического направления. Это получило выражение в создании кафедр куль-

турологии, советов по защите диссертаций, введении соответствующей магистерской подготовки.

Становление новой дисциплины – и в форме философско-методологической пропедевтики, и в теоретико-содержательном, и в организационно-институциональном планах – выдвигает ряд проблем, которые должны стать предметом дальнейшего изучения и которые необходимо безотлагательно решать. В практически-педагогическом отношении исключительно актуальным представляется более тесное увязывание философско- и теоретико-культурологических, исторических, социологических и воспитательных потенциалов курсов. Целесообразно разрабатывать и вводить в учебный процесс прикладные технологии культурной деятельности, преодолевающие разрыв между теорией и практическим ее применением. Следует реализовать более гибкую систему организации образовательной деятельности культурологической и культурной направленности, предусмотрев при этом не только обязательные дисциплины, но и курсы по выбору. Важно в содержании предлагаемых курсов преодолеть известное противопоставление гуманитарных и технократических точек зрения и их представлений; поэтому целесообразно предлагать программы интегрированных знаний и исследований на прочной философско-культурологической основе.

В системе учреждений непрерывного образования следует сформировать культурологические центры, сочетающие в своей деятельности учебно-образовательную, информационно-, организационно- и научно-методическое направления. Необходима определенная координация в теоретико-содержательном, педагогическом, организационном отношениях усилий учреждений системы среднего образования (школа, гимназия, училище, колледж, лицей) и вузов с тем, чтобы обеспечить определенную преемственность в содержании и методах обучения и преподавания. В изучении национальной культуры целесообразно обратить внимание на ряд аспектов, которые имеют самое непосредственное отношение к построению учебного курса. Это – типологические особенности национальной культуры в ее диахроническом и синхроническом срезам; национальная культура в условиях рыночной и коммерческой организации; соотношение профессионального и стихийно-народного, самодеятельного в национальной культуре; диалог, взаимодействие культур и судьба национальной культуры; взаимосвязь традиционной и современной «массовой» культуры, топосоциология национальной культуры. Очевидна необходимость создания учебных, методических и теоретических работ, отражающих современный уровень исследования культуры, ее место в гуманитаризации образования и воспитания; важно поощрять эксперимент и междисциплинарные проекты в создании фундаментальных работ и учебных пособий нового поколения, в основу которых должен быть положен в качестве дидактико-методологического принцип диалога культур. Необходимо переосмыслить место и роль преподавателя и методиста в системе непрерывного образования.

Пребывая в поле сопряжения теории и практического опыта, их деятельность приобретает характер науко-практики.

Отчетливо проявляют себя инновационные тенденции в культурологических исследованиях, которые заключаются в ряде актуальных творческих ориентиров: в осуществлении сравнительного анализа концептуальных подходов к исследованию культуры и цивилизации; авторском теоретико-концептуальном представлении культуры как объекта философского анализа; раскрытии методологического ресурса той или иной авторской концепции философии культуры и ее динамики; в обосновании влияния разрабатываемой субъектом исследования теоретико-методологической концепции на развитие фундаментального культурологического знания; определении перспектив дальнейшего исследования в указанном направлении. Типологический (парадигмальный) философский анализ культуры имеет значение для: а) развития фундаментального культурологического знания; б) социокультурного анализа-синтеза, моделирования, проектирования, конструирования, прогнозирования и рефлексии культурологических объектов; в) формирования исследовательских стратегий изучения культуры в целом и национальных культур, включая культуру Беларуси. По-прежнему актуальна необходимость применения результатов философско-культурологических исследований в системе образования, использовании их в воспитательном процессе, а также в области формирования, становления и развития институтов гуманитарной экспертизы и культурологического консалтинга.

Парадокс нашего времени состоит в том, что недостаток культурности (качество субъекта) выходит из ряда привычных «дефицитов». Специфика удовлетворения этого «дефицита» лежит не столько вне человека, сколько в преодолении «остаточного принципа» в нем самом. Ленивое сознание, обуреваемое потребительскими соблазнами, уподобляется позиции известного персонажа В. Маяковского: «Сделайте нам красиво!» Ему трудно понять, что красота и совершенство предполагают ориентацию личности на самотворение, самораскрытие своей индивидуальности, самоутверждение в мире культуры.

Актуальность проблемы носит двусторонний, органически взаимосвязанный и целостный характер. Во-первых, сформировалась поликультурная ситуация, для которой характерно многообразие культурных систем и их влияний на человека: типов, направлений, стилей, новых жанров и видов культуротворчества, взаимопереплетений профессиональной и народной культуры, традиций и новаций, этнического и национального, национального и наднационального. Во-вторых, в субъективно-личностном отношении острота проблемы осознается как необходимость индивидуального самоопределения в мире культурных и псевдокультурных влияний. В объективно-культурном плане способы самоопределения и ценностные ориентации отдельных личностей определяют состояние культуры и тенденции ее развития. Но осознает ли современное молодое поколение универсальную ценность культуры?

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Философские проблемы бытия, познания, веры и культуры / Е. М. Бабосов. – Минск : РИВШ, 2010. – 358 с.
2. Беспамятных, Н. Н. Этнокультурное пограничье и беларусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н. Н. Беспамятных ; под науч. ред. проф. М. А. Можейко. – Минск : РИВШ, 2007. – 404 с.
3. Бородич, А. А. Аксиология социального действия / А. А. Бородич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 275 с.
4. Гусев, Ю. А. Познание и творчество: логико-гносеологические проблемы художественного творчества / Ю. А. Гусев. – Минск : Университетское, 1987. – 254 с.
5. Гусев, Ю. А. Крах одного мифа / Ю. А. Гусев. – Минск : Университетское, 1989. – 255 с.
6. Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции, методология исследования : материалы Первой междунар. науч. конф., г. Минск, 13–14 нояб. 2014 г. / Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2015. – 542 с.
7. Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации : материалы Второй междунар. науч. конф., г. Минск, 12–13 нояб. 2015 г. / Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2016. – 465 с.
8. Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь / Е. М. Бабосов [и др.] ; науч. ред. И. Я. Левяш. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 382 с.
9. Крукоўскі, М. І. Філасофія культуры: уводзіны ў тэарэтычную культуралогію : вучэб. дапам. / М. І. Крукоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – 192 с.
10. Лазаревич, А. А. Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / А. А. Лазаревич ; науч. ред. И. Я. Левяш. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 537 с.
11. Логика достоинства и свободы личности: посвящ. 85-летию Института философии НАН Беларуси / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 377 с.
12. Мальдзіс, А. І. Францызскі Скарына як прыхільнік збліжэння і ўзаемаразумення людзей і народаў / А. І. Мальдзіс ; Акад. навук Беларус. ССР, Беларус. кам. славістаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 35 с. – (X Міжнародны з'езд славістаў : даклады).
13. Мартынов, В. Ф. Фундаментальная культурология : курс лекций / В. Ф. Мартынов. – Минск : Современ. знание, 2010. – 336 с.
14. Методология и стратегии развития современного образования : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Нац. ин-та образования, г. Минск, 11 дек. 2014 г. – Минск : Нац. ин-т образования, 2015. – 567 с.
15. «Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье / под ред. И. Я. Левяша. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2012. – 502 с.
16. Павильч, А. А. Становление и трансформация статуса культурологической кампаративистики / А. А. Павильч. – Минск : МГЛУ, 2011. – 260 с.
17. Позняков, В. В. Субкультура: типологический образ / В. В. Позняков // Искусство и культура. – 2011. – № 4. – С. 92–104.
18. Позняков, В. В. Мультикультура в странах Евросоюза: опыт и уроки для Беларуси / В. В. Позняков // Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства / А. А. Коваленя [и др.] ; под ред. Л. Ф. Евменова ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2013. – С. 414–457.
19. Позняков, В. В. Методический ресурс фундаментальной культурологии: культура как семиотическая система. Ч. 2 / В. В. Позняков // Мастац. адукацыя і культура. – 2012. – № 4. – С. 3–10.
20. Позняков, В. В. Культурология: будущее в настоящем / В. В. Позняков // Наука и инновации. – 2015. – № 9. – С. 5–11.

Философия культуры в Беларуси: векторы развития

---

21. Прырода, чалавек, культура: праблемы гармоніі : матэрыялы Міжнар. канф., г. Мінск, 25–26 сакав. 2003 г. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры, 2003. – 489 с.
22. Подокшин, С. А. Франциск Скорина / С. А. Подокшин. – М. : Мысль, 1981. – 216 с.
23. Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі : матэрыялы Міжнар. сімп., г. Мінск, 9–10 ліп. 2002 г. : у 2-х кн. / рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСаЭС «Чарнобыль», 2003. – Кн. 2. – 352 с.
24. Санько, С. Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралогіі / С. Санько. – Мінск : БГАКЦ, 1998. – 190 с.
25. Санько, С. Некаторыя падставовыя прасторавыя і часавыя структуры ў беларускім фальклёры / С. Санько // Круга : Crivica. Baltica. Indogermanica. – 1998. – № 1. – С. 3–38.
26. Санько, С. І. Анталогія сімвала і тыпалогія сяміялагічных парадыгм / С. І. Санько // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2004. – № 3. – С. 11–16.
27. Санько, С. [Артыкулы] / С. Санько // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік. – Мінск : Беларусь, 2004.
28. Санько, С. І. Актуальныя праблемы захавання гісторыка-культурнага наследия Беларусі / С. І. Санько, А. В. Дерман // Безопаснасць Беларусі в гуманітарнай сфэре: сацыо-культурныя і духоўно-нравственыя праблемы. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – С. 366–374.
29. Санько, С. І. Баладны сюжэт «Удава, яе дачка і сыны-карабельнікі» і індаеўрапейскі «царскі наратыў» / С. Санько // Беларускі фальклор : матэрыялы і даследаванні : зб. навук. арт. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – Вып. 1. – С. 20–58.
30. Санько, С. Белорусское этногоническое предание / С. Санько // Белая Вежа. – 2014. – № 1 (8). – С. 257–263.
31. Санько, С. Генеалогія і герменеўтыка матыву «міфічная істота на дрэве» ў замоўных тэкстах: светапоглядны і кампаратыўны аспекты / С. Санько // Беларускі фальклор : матэрыялы і даследаванні : зб. навук. арт. – Мінск, 2016. – Вып. 3. – С. 10–52.
32. Скарына і яго эпоха / пад рэд. В. А. Чамярыцкага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 482 с.
33. Суша, А. А. Скорина – человек мира / А. А. Суша. – Минск : Беларус. энцыкл., 2016. – 303 с.
34. Смолік, А. І. Беларуская культуралогія: гісторыя і сучаснасць / А. І. Смолік. – Мінск : БДУКМ, 2014. – 276 с.
35. Философия как самопонимание культуры и посредник в диалоге культур : материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 9–10 нояб. 2006 г. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 374 с.
36. Ширшов, И. Е. Динамика культуры / И. Е. Ширшов. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1980. – 110 с.
37. Углик, И. Г. Основы мифологии / И. Г. Углик. – Минск : РИВШ, 2009. – 181 с.

О. А. Павловская¹, А. С. Лаптёнок², С. П. Винокурова³, Н. А. Степаненко¹

¹Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

²Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

³Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЭТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

Рассматривается эволюция морального сознания и философско-этической мысли в соответствии с конкретно-историческими этапами развития белорусского общества, прослеживается соотношение и взаимосвязь двух основных направлений в процессе духовно-нравственного развития Беларуси: формирование национального самосознания и личностное развитие человека.

Ключевые слова: этика, мораль, духовно-нравственные ценности, национальное самосознание, культура личности, нравственное воспитание

O. Pavlovskaya¹, A. Laptенок², S. Vinokurova³, N. Stepanenko¹

¹Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

²Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

³Belarusian State Academy of Arts, Minsk, Belarus

NATIONAL ETHICAL KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF SOCIO-HISTORICAL DEVELOPMENT OF BELARUS

The evolution of moral consciousness and philosophical and ethical thought is considered in accordance with the concrete historical stages of development of the Belarusian society, the correlation and interconnection of the two main directions in the process of the spiritual and moral development of Belarus is traced: the formation of national consciousness and personal development of man.

Keywords: ethics, morality, spiritual and moral values, national identity, culture of personality, moral education

Происходящие в настоящее время перемены рельефно высвечивают значение морального фактора в решении актуальных проблем обеспечения глобальной и национальной безопасности, инновационного развития социума, оздоровления социально-психологической обстановки, урегулирования сложных политических ситуаций, предотвращения межнациональных и межконфессиональных конфликтов. «В условиях современного стремительного развития постиндустриального информационного общества, базирующегося на экономике знаний, – отмечает академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов, – существенно возрастает значимость всех сегментов знаний, в том числе и знаний этических. А это означает возрастание роли нравственной культуры, одной

из основных характеристик которой является знание личностью основных принципов и норм нравственности, то есть этических знаний. В такой ситуации новые грани актуальности приобретают знания основных нравственных категорий, таких, в частности, как долг, ответственность, нравственный выбор, справедливость и т. д.» [2, с. 376].

В вопросах познания морали (нравственности) существуют богатейшая философско-теоретическая традиция, значительный творческий потенциал, нашедший отражение в художественной культуре, исторический опыт постижения нравственных ценностей, закрепленный в традиционных формах религиозного сознания, разнообразная сокровищница народной мудрости, запечатленная в афоризмах, песнях, сказках, былинах, и т. п.

Проблемы этического характера являлись по существу одними из центральных в творчестве многих философов, начиная от Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля, и последовательно обогащались и развивались в различных направлениях и философских школах. Мировое философское наследие содержит мощный эвристический потенциал, который востребован в современном научном поиске сущности и особенностей проявления духовно-нравственной жизни.

Значительный вклад в познание содержания и исторической специфики морали, в обоснование практических путей нравственного развития общества и человека внесли советские ученые: С. Ф. Анисимов, Р. Г. Апресян, Л. М. Архангельский, В. И. Бакштановский, В. А. Блюмкин, А. А. Гусейнов, О. Г. Дробницкий, В. Г. Иванов, В. А. Канке, В. П. Кобляков, Л. В. Максимов, А. В. Разин, А. П. Скрипник, Ю. В. Согомонов, А. И. Титаренко, В. И. Толстых, О. П. Целикова, В. Н. Шердаков и др. В настоящее время российские исследователи продолжают развивать традиции научного поиска в области этического знания.

Большое внимание разработке теоретико-методологических, историко-культурных и социально-практических аспектов развития морального сознания уделялось и уделяется в научных разработках белорусских исследователей – Т. И. Адуло, Е. М. Бабосова, Е. В. Беляевой, М. И. Боровского, С. П. Винокуровой, И. Л. Зеленковой, В. М. Конона, С. Д. Лаптёнка, А. С. Лаптёнка, А. И. Левко, А. С. Майхровича, П. Г. Мартысюка, Т. В. Мишаткиной, О. А. Павловской, В. И. Писаренко, И. Я. Писаренко, С. А. Подокшина, П. Н. Савастёнка, Я. С. Яскевич и др.

Накопленный опыт теоретико-методологического познания морали (нравственности), ее конкретного выражения в представлениях о добре и зле, долге, справедливости, ответственности, чести и достоинстве, ее реального воплощения в поступках и жизненной позиции людей, взаимоотношениях между различными социальными субъектами убедительно свидетельствует о значимости конкретно-исторического подхода. Важный пласт этических исследований непосредственно связан с процессом этногенеза и формирования

национального самосознания, а также с личностным развитием человека в духовной жизни белорусского народа.

Национальная составляющая в структуре духовно-нравственного потенциала современного человека уходит своими корнями в историческое прошлое белорусского народа. «Исторические пути формирования этноса, – пишет А. С. Лаптёнок, – накладывают отпечаток на каждого его представителя, сознающего свою принадлежность к нему. Складывается неповторимый тип национального характера, что неизбежно сказывается на системе поведения, обычаях, традициях, которые характерны именно для данного этноса. Соответственно в этой системе обязательно присутствует ряд личностных образцов, идеалов, которые транслируются существующей культурой и неизменно используются в воспитательном процессе» [13, с. 5].

Среди национальных достижений в сфере этики существенное место занимают исследования историко-культурных предпосылок становления менталитета белорусского народа, особенностей формирования общественно-политической и философской мысли, в рамках которых отчетливо обозначился и моральный фактор.

Известно, что на начальных этапах процесса этногенеза доминировало массовое начало (общинное) в структурах общественного и индивидуального сознания, элементы личностного порядка находились лишь в зачаточном состоянии, представления о мироздании и человеке, божественном и земном, добре и зле, красивом и безобразном существовали в синкретическом виде. В рамках языческой обрядности формировался и своеобразный моральный кодекс. «Славяне, как и другие народы на этой ступени развития, привлекли природу для регулирования общественных отношений. Но у других народов такое регулирование осуществлялось на уровне запретов (табу). Славянские же духи не табуизированы, они как будто только учат, подсказывают человеку, когда и как поступить, даже как выйти из трудного положения и как обмануть лешего, домового. Табу у ряда народов бессловесно, а у славян оно в виде правил здравого смысла излагалось в поговорках, преданиях, приметах, позже – в сказках и мифах» [36, с. 47].

Богатейший фольклор восточнославянских народов наглядно демонстрирует не только представления наших предков о мироздании, тех или иных явлениях природы, растительном и животном мире, но и определенную совокупность моральных ценностей, посредством которых регулировались отношения между людьми в повседневной жизни, воспитывалось молодое поколение, осуществлялись контакты с другими этносами.

Научные изыскания В. М. Конона по проблеме аутентичного фольклора показывают многогранность и глубину процесса народного самопознания, в котором весьма отчетливо в символической форме выразились и гуманистический смысл, и представления о свободе и справедливости. «Аўтэнтычны фальклор – гэта мастацкая “біблія” працоўнага народа: як у Бібліі ў рэлігій-

на-симвалічных вобразах і сюжэтах адлюстравалася драматычны шлях станаўлення чалавечай духоўнасці, так і праз фальклор народная душа сягае далёка ўвысь, за вузкія межы свайго штодзённага побыту, здзіўляючы нас сваёй духоўнай празорлівасцю» [12, с. 176–177].

Моральны опыт традыцыйнага творчства адражае не толькі здравы сэнс у самоарганізацыі народнай жыцці, но і «вечную» мечту о народным счастьі і добрай доле, надзею і веру ў іх асабленне. Як адзначае В. М. Конон, безымянные стварацелі народных сказок і песен, «увабраўшы ў сваю паэтычна ўражлівую, спагадлівую душу ўсе радасці, пакуты і трагічныя канфлікты свайго часу, да болу сэрца спасцігнуўшы, як *не трэба* жыць, далі нам у неўміручых творах крапаючыя сваім драматызмам карціны непазбежнай пагібелі несправядлівага свету гвалту і бездухоўнасці. Разам з тым яны прыдчынілі дзверы ў свет гарманічнага, духоўна багатага жыцця, якое павінна быць» [12, с. 177].

Прыняцце хрысціянства явілось важным паворотным моментам у духоўным развіцці народаў, прыбшая іх к ідэям і ценностям агучелавеческага садржання і всемірна-історычнага значымасці. «Началась новая культурна-історычная эпоха, – пішет А. С. Майхрович, – адмеченная сменой міфалагічнага, замкнута-родовага, прыродна-натуралістычнага істалаквання рэальнасці новым універсальным міравоззрэннем, котрое пакоілось на прынцеіпе духоўнага творення, іерархічнасці існуючага, дуалізме ідэальнага і рэальнага, духоўна-наравственнага разумення чалавека» [23, с. 16].

У історыі беларускага народа началася осмыслення універсалізма хрысціянскіх ценнасцей связываюць з просветітельскай дэятельнасцю Ефросініі Полацкай. Осмысленню іе жыцці і хрысціянскага подвіга посвящаны рабаты А. С. Майхровича. У сазнанні народа образ монахіні-просветітельніцы оліцетвораля сабой прымер подвижнічества, істіннага служення Богу, дастойнага воплащення хрысціянства ў жыцці чалавека. «Жыццё Ефросініі, – пішет беларускі іссалаваталь, – утверждала возмояжнасць дасціжэння ў зямной жыцці ступені ідэальнага абраца, што становілось вескім рэальным аргументам ў пользу існуючага высшай аценываючай рэальнасці. Іменна утвержденне налічя іея рэальнасці, а таке такого канкретнага зямнага абраца савершенствования, как подвижніца, фарміравала неабходымые духоўна-ценнасныя орыентыры, центры постояннага індывідуальна-духоўнага прытяжэння, первостепенной значымасці, феномены сокровенна-інтымных пережываній і размышленій» [23, с. 53].

Процесс хрысціянізацыі на дрэвнеславянскіх землях імел сваю спецыфіку, котрая выражалась прыеде всего ў абразованні такога феномена, как двоеверіе. Двоеверіе прадставляло сабой своеобразны снтэз хрысціянства і язычества. Іе появленне было обуславлено сацыяльна-історычным развіцціем Кіевскай Русі, ў ходе котрага отчетліво праявілось пратыворечіе: с одной саораны, неабходымасць укрэплення саударственнага властвы с помо-

стью христианства византийского образца, с другой – устойчивое сохранение в сознании народа языческих образов, мифов, обрядов и праздников.

Динамичное осуществление процесса этногенеза белорусов приходится на период существования Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (ВКЛ) – с конца XIII до середины XVII в. В целях предотвращения внешней военной экспансии произошло объединение разрозненных земель в составе ВКЛ под единой высшей политической властью. Это, с одной стороны, способствовало консолидации территорий, на которых проживали белорусы, формированию их специфических лингвистических особенностей (языка), своеобразного образа жизни, с другой – создало объективные условия для межэтнического культурного обмена, что, естественно, отразилось на формировании менталитета белорусов, усилив в нем элементы общечеловеческого плана.

Значительное распространение на территории Великого Княжества Литовского получили идеи Возрождения и Реформации с их характерными чертами моральных представлений. Большое внимание этому историческому периоду уделяется в работах С. А. Подокшина. В монографии «Этычная думка ў культуры Беларусі XVI–XVII стст.» он осуществляет глубокий анализ творчества таких отечественных мыслителей, как Франциск Скорина, Николай Гусовский, Михалон Литвин, Сымон Будный, Андрей Волян, Бенеш Будный, Фауст Социн и др. В философско-этических воззрениях этих мыслителей отчетливо прослеживается стремление гармонично связать в единое целое традиционные представления о должном и ренессансные гуманистические идеи. Так, анализируя философское творчество Франциска Скорины, С. А. Подокшин пишет: «У сваім этычным вученні Скарына зрабіў спробу злучыць сузіральную візантыйска-праваслаўную парадыгму зямнога жыцця з заходнееўрапейскім ідэалам духоўнай і сацыяльнай актыўнасці, адраджаючы тым самым цэласнасць хрысціянска-гуманістычнага вучэння аб прадавызначэнні чалавека» [34, с. 35].

Установлено, что протестантские воззрения получили преимущественное распространение среди магнатов и шляхты. При этом активное участие представителей этих социальных слоев в реформационном движении оставило заметный след в формировании самосознания белорусского народа, развитии национальной культуры. Как отмечает С. А. Подокшин, причиной этого было проявление осознанной мировоззренческой и гражданской позиции представителей аристократии и шляхты, их стремление реформировать существующую религиозную, социально-политическую и духовно-культурную жизнь общества. «На волне Возрождения и Реформации формируется идея свободы, суверенитета во всех его аспектах – религиозном, национально-культурном, государственном. Реформация, утвердившая принцип личностного отношения к Богу, проложила путь не только к религиозной, но и к национально-культурной свободе» [32, с. 106].

Ренессансный гуманизм и реформационное движение оказали заметное влияние на духовно-нравственное развитие белорусского народа. Творчество Франциска Скорины, Сымона Будного, Николая Гусовского, Мелетия Смотрицкого и других мыслителей способствовали просвещению народа, формированию как национального, так и личностного сознания, постижению нравственной сути христианства. Начало книгопечатания, издание библейских текстов на родном языке и с комментариями способствовали проникновению идей христианства в массовое сознание. По мнению С. А. Подокшина, «біблейскія кнігі, у якіх асвятляліся пытанні практычнай маралі, гісторыі, права, зямнога жыцця Хрыста і апосталаў, Скарына лічыў цалкам даступнымі простаму чалавеку і настойліва рэкамендаваў апошняму іх чытаць і нават вывучаць. Тым самым Скарына імкнуўся абгрунтаваць права дэмакратычнага чытача на свабоднае вывучэнне Бібліі, сцвярджаючы па сутнасці рэфармацыйна-гуманістычны асобны прынцып адносін чалавека да веры» [34, с. 30]. Реформация укоренила в общественную жизнь Великого Княжества Литовского идеи веротерпимости, толерантности, они нашли отражение в ряде государственных документов.

Развернувшийся процесс формирования национального самосознания европейских народов в XVI в. был теснейшим образом связан с возникновением национальных религий, обретением национальной государственности, осмыслением христианских нравственных ценностей. Белорусский народ также включился в этот процесс. В тот исторический период завоевание религиозной независимости признавалось важным условием государственной суверенизации белорусского народа. Стремление местной православной церкви освободиться от диктата Москвы, распространение протестантизма, заключение церковной унии и введение униатства – во всем этом отчетливо просматриваются попытки создать свою национальную церковь. «Хоць пратэстантызм і не стаў нацыянальнай рэлігіяй, царквой, аднак ён аказаў моцны ўплыў на сацыяльна-палітычнае, рэлігійна-царкоўнае і духоўна-культурнае жыццё грамадства... ён прапанаваў грамадству плюралістычную мадэль рэлігійна-культурнага жыцця» [33, с. 104]. Униатство, хотя и получило очень широкое распространение среди белорусов (преимущественно среди крестьянства), также не стало национальной религией. По мнению С. А. Подокшина, «існавала толькі тэндэнцыя ператварэння ўніяцтва ў нацыянальную беларускую царкву» [33, с. 105].

Следует отметить, что процесс становления национального сознания белорусского народа в середине XVII в. нередко осложнялся по политическим причинам. Белорусские земли не раз становились полем военных сражений, были оккупированы, разорены, разграблены. Такая ситуация отрицательным образом сказалась на демографическом состоянии белорусского народа, на его социально-экономическом и духовно-культурном развитии, не говоря уже о возможности оформления своей национальной религии, обретения национальной государственности.

Зарождающийся и постепенно набирающий силу процесс национально-освободительного движения в противовес экономическому и политическому засилью польских и русских феодалов становится важнейшим фактором возрождения и дальнейшего развития национального самосознания белорусского народа.

Проявление личностного фактора в ходе развития национально-освободительного движения нашло концентрированное выражение в призыве «Людзьмі звацца!», в котором обретение национального самосознания практически неотделимо от формирования чувства собственного человеческого достоинства личности.

Заметное влияние на формирование философской и общественно-политической мысли Беларуси оказали идеи Просвещения. В монографии Н. Н. Мохнач «Общественно-политическая и этическая мысль Белоруссии начала XIX в.» рассматриваются социально-этические воззрения Я. Чечота, А. Мицкевича, Ф. Савича, Ф. Малевского, О. Петрашкевича, отмечается, что «общей была идея о том, что любой вид рабства оказывает губительное и деморализующее влияние не только на угнетенных, но и свободных членов общества» [27, с. 66]. Важное значение в философской мысли белорусских просветителей придавалось проблеме сущности человека, которая хотя и интерпретировалась в абстрактно-гуманистическом и романтическом духе, но все же отстаивала идеи активности личности и просветительско-воспитательной деятельности как исходного и необходимого условия существования различных форм человеческого сообщества, при этом особо подчеркивалась роль нравственности. «Одной из главных задач признавалось изменение нравственного состояния общества, а в иерархии нравственных норм – служение общему благу. Поэтому первой общественной обязанностью человека выступала его деятельность, а это предполагало прежде всего предельную концентрацию его волевых усилий. Воспитание воли, таким образом, оказывалось важнейшим в формировании истинно нравственного человека» [27, с. 69].

Сильнейшим импульсом для роста национального самосознания белорусского народа стал начавшийся во второй половине XIX – начале XX в. процесс демократизации общественной жизни, получивший название эпохи национального возрождения. Для белорусского народа эта эпоха связана с такими общественными и культурными деятелями, как К. Калиновский, Ф. Богушевич, А. Гуринович, Тётка, Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, М. Горецкий и др.

По мнению А. С. Майхровича, в демократическом движении в Беларуси отчетливо проявились две взаимосвязанные тенденции: первая была обусловлена социальной потребностью слома средневеково-сословных структур и необходимостью выхода на историческую арену широких масс; вторая выражала потребность национального самоопределения народа, которая опирается на глубинные процессы этнической самоидентификации и духовной консоли-

дации. Историческая закономерность в сломе феодально-сословных структур и преобразования общественной жизни на демократических началах открывает простор для реализации индивидуально-личностных и гуманистических ценностей, в то же время она сопровождается развертыванием процесса национально-культурного самоопределения различных народов. Причем, если в процессе национального самоопределения не находят должного отражения и развития индивидуально-личностные и гуманистические ценности, а воспроизводятся преимущественно старые этнокультурные образцы, то «подобная подмена цели, объективно выявляющая полную зависимость от старых духовно-идеологических структур, оборачивается тем, что под новым флагом фактически консервируется прошлое» [23, с. 124].

Как отмечает А. С. Майхрович, в социально-моральном плане белорусское демократическое движение опиралось, с одной стороны, «на достаточно широкий содержательный объем выработанных ранее нравственных представлений, прежде всего в русле христианской доктрины» (К. Калиновский, Ф. Богушевич), с другой – на принципы трудовой этики, которая являлась по существу «утилитарной, крестьянской, связанной с идеями живорождения и животворения и бережного отношения ко всему живому, а также с осознанием своей фундаментальной роли в жизни общества как кормителя» [23, с. 127]. В истоках народной жизни усматривались образцы истинности, подлинности и справедливости человеческого существования, что весьма существенно идеализировало всю систему духовно-нравственных представлений.

Идеализация нравственных основ народной жизни с одной стороны, клерикализация религиозных отношений – с другой отодвинули на задний план христианские нравственные ценности. Так, в газете «Минский листок», выходившей в конце XIX – начале XX в., в статье «Мораль XIX века» высоко отзывались о народной этике: «Правила народные быстрее ведут к цели, проще и практичнее каких-либо идеалов Ветхого и Нового заветов» [цит. по: 29, с. 409]. Христианская традиция преимущественно проявлялась в культовой практике, формировании политико-идеологических доктрин.

В целом, оценивая духовно-нравственный потенциал демократического движения в Беларуси второй половины XIX – начала XX в., следует согласиться с мнением А. С. Майхровича о том, что разрабатываемая видными представителями этого движения – К. Калиновским, Ф. Богушевичем, Я. Купалой, Я. Коласом – этическая доктрина «содержала такие слагаемые, такие принципы, реализация которых на практике, в социальной жизни означала возникновение ситуаций, связанных с насилием, разрушениями и гибелью людей, что вступало в противоречие с универсальным нравственным принципом самоценности человека» [23, с. 139].

Лихолетье, вызванное военными и революционными событиями начала XX в., послужило толчком для усиления борьбы за национальное самоопределение, для активного проявления на практике личностных качеств людей.

Открывшиеся в ходе революционного процесса демократические перспективы актуализировали вопрос о национальной государственности, что и было осуществлено в ходе образования БССР.

В советский период для белорусов открылись широкие возможности для духовно-культурного развития. Влияние передовых научно-технических и культурных достижений, развитие системы народного образования и просвещения, появление национальной литературы и искусства и, конечно же, созидательный труд на благо общества, героическая борьба с иноземными захватчиками, дружба народов – эти факторы заметно обогатили менталитет белорусов. Советская система образования и воспитания хотя и носила преимущественно идеологизированный характер, но в то же время она включала и нравственные ценности общечеловеческого характера. Устойчивую реализацию в сознании и поведении многих людей получили такие принципы, как патриотизм, коллективизм, интернационализм, гуманизм.

Огромное значение в духовно-нравственном развитии белорусского народа имела его героическая борьба с немецко-фашистскими захватчиками. Уничтожая врагов в ходе военных операций, партизанских рейдов, подпольных акций, белорусы вместе с другими народами Советского Союза вышли на качественно новый уровень развития сознания – интернациональный. Качественные перемены в менталитете белорусского народа были закреплены приданием международного статуса БССР как полноправного члена ООН, подтверждены достижениями в экономике, культуре, вызывающими естественное чувство гордости у людей за свою страну.

Социально-политическая ситуация находила отражение в развитии этического знания. Известно, что в советский период теоретико-философский анализ моральных проблем носил преимущественно идеологизированный и политизированный характер. Принцип партийности распространился и на нравственную сферу. В 60-е годы XX в., во времена распространения коммунистической идеологии, мораль хотя и сохраняла влияние со стороны политических ориентиров, безусловно, имела и собственное звучание в системе общественного сознания. В частности, это отразилось в разработке соответствующего понятийного аппарата, официальном принятии основополагающего документа с названием: «Моральный кодекс строителя коммунизма». Следует отметить, что в содержательном плане нравственная сфера периода советской истории включала в себя не только партийно-идеологические установки, но и целый ряд моральных ценностей общечеловеческого характера. Самостоятельный статус получило нравственное воспитание как важнейшее направление системы коммунистического воспитания.

В 1970–1980-е годы в советской философской литературе большое внимание уделялось разработке теоретико-методологических проблем сущности, содержания, конкретно-исторической специфики морали, ее значения в процессе социалистического строительства. Белорусские исследователи сосре-

доточили свое внимание как на изучении морального сознания и этической мысли с историко-культурных и историко-философских позиций, так и на освещении актуальных проблем социально-нравственного развития советского общества и человека.

Следует также отметить успешную подготовку в стране специалистов высшей квалификации, профессиональные интересы которых связаны с этической проблематикой. Так, в 1973 г. по специальности 09.00.05 «Марксистско-ленинская этика» была защищена кандидатская диссертация В. И. Писаренко на тему: «Сущность и основные пути формирования нравственного сознания советского учителя». Впоследствии, получив ученое звание доцента, она многие годы преподавала педагогическую этику будущим учителям в Минском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького. Подготовленная ею в соавторстве монография «Педагогическая этика» неоднократно переиздавалась и была переведена на испанский, болгарский, литовский языки.

В 1978 г. по специальности «Этика» была защищена кандидатская диссертация И. Л. Зеленковой на тему: «Проблема смысла жизни в русском этическом иррационализме конца XIX – начала XX века (критический анализ)». Многие годы она успешно преподавала этику в Белорусском государственном университете. Профессор И. Л. Зеленкова является автором научных монографий и статей по проблемам нравственности, а также учебников и учебных пособий для студентов высших учебных заведений.

По специальности «Этика» в последующие годы защищены кандидатские диссертации: Т. И. Матюшковой «Идейно-нравственное самовоспитание рабочей молодежи в условиях развитого социализма», А. С. Лаптёнок «Нравственная культура советского общества (этико-методологический анализ)»; О. А. Павловской «Формирование нравственной культуры личности (на материалах трудовых коллективов БССР)», Е. В. Беляевой «Понятие и структура нравственных отношений», Н. И. Мушинским «Концепция социальной справедливости в этико-политическом наследии Аристотеля» и др. В 2007 г. А. С. Лаптёнок защитил докторскую диссертацию по специальности 09.00.05 «Этика» на тему: «Моральное наследие в динамике культуры: проблема статуса и механизмов трансляции». Отметим, что на защиты по этическим проблемам активно приглашались официальные оппоненты из ведущих научных и учебных центров России, отдельные кандидатские диссертации были защищены в Ленинградском государственном университете (И. Л. Зеленкова А. С. Лаптёнок).

Белорусские ученые обращались к этической проблематике и в русле философских исследований. Так, в 1983 г. была защищена докторская диссертация М. И. Боровским на тему: «Детерминация нравственного поведения личности (философско-социальные проблемы)», в 1993 г. – докторская диссертация С. П. Винокуровой на тему: «Личность как субъект нравственных отношений: проблема научного обоснования».

Таким образом, можно констатировать, что в республике сложилась национальная этическая школа, представители которой получили международное признание, успешно работают в области морально-этических проблем, имеют научные публикации по теме, подготовили учеников.

В теоретико-методологическом отношении были получены значительные результаты в исследовании сферы духовной культуры. Научная разработка проблем культуры проводилась с позиций системного и диалектического подходов, что позволило более целостно и комплексно представить этот социальный феномен, показать его в динамике с учетом различных факторов. Основной акцент в философском анализе культуры был сделан на освещении ее личностного аспекта, при котором раскрываются закономерности и особенности процессов усвоения и реализации отдельным человеком различных систем культурных ценностей в контексте конкретно-исторических детерминант социального бытия. Данная проблематика нашла отражение в коллективной монографии «Роль культуры в формировании личности» [35].

В системе культуры выделяются такие основные компоненты, как культура труда, политическая культура, культура общения, экологическая культура, культура свободного времени, эстетическая культура. Особое место в этой системе занимает нравственная культура. По мнению Е. М. Бабосова, специфика нравственной культуры как качественной характеристики духовно-практического освоения мира человеком состоит в том, что она свидетельствует, в какой мере человек стал для себя родовым существом, а также стал для себя человеком и мыслит себя таковым. Нравственная культура «может служить мерилем человечности стремлений, отношений, действий людей. Мера воплощенности человечности в нравственной культуре предстает как в объективном выражении, обусловленном уровнем социально-экономического, политического и духовного развития общества, так и в субъективном, зависящем от степени социального и духовного развития конкретного индивида» [3, с. 19–20].

В советские годы стало формироваться такое направление, как социология морали. Впервые в ходе проведения конкретно-социологических исследований был получен и проанализирован большой эмпирический материал о проявлении моральных ценностей в сознании и поведении советских людей. Большой вклад в развитие этого направления внесли белорусские исследователи: Е. М. Бабосов, С. П. Винокурова, С. Д. Лаптёнок, И. Я. Писаренко, В. И. Русецкая, П. Н. Савастёнок, С. А. Шавель и др. Как отмечает С. П. Винокурова, «конкретные социологические исследования поставляют материал для оценки взаимосвязи социального и индивидуального, проявляющейся в степени совпадения объективных моральных требований и мотивов, ведущих к реализации этих требований в поведении и действиях конкретной личности» [7, с. 137].

В 1984 г. было проведено совместное белорусско-эстонское социологическое исследование «Моральные ориентации и формирование активной жизненной позиции советской молодежи». Данное исследование стало одним

из первых в стране, посвященным выявлению особенностей морального сознания и поведения молодого поколения. При анализе и интерпретации эмпирического материала о структуре и направленности нравственных ориентаций основное внимание было сосредоточено на выявлении взаимосвязей и пропорций между различными компонентами морали у представителей различных групп молодежи. Такой методологический подход позволил дать многомерное представление о нравственных установках и жизненных позициях молодых людей, занятых разными видами деятельности (учеба в школе, техникуме, вузе, профессиональная деятельность рабочего, инженера, учителя) и проживающих в различных городах. Полученные в ходе социологического опроса результаты отражены в авторских статьях, представлены в коллективной монографии «Нравственный облик советской молодежи: опыт социологического анализа» [28].

Тема нравственного развития человека получила свое развитие в проведенном в 1987 г. конкретно-социологическом исследовании «Нравственное сознание личности» (опрошено 4,5 тыс. человек в Минске, Гродно, Витебске, Гомеле, Могилеве, Бобруйске). Наряду с информацией об основных тенденциях нравственного развития общества и личности в ходе исследования был получен сигнал о наличии кризисных явлений в системе духовных ориентаций, на которые в свое время белорусские ученые обращали внимание партийных и государственных органов. Так, в общем ряду моральных качеств наряду с позитивными (добросовестность, отзывчивость, бережное отношение к природе, чувство хозяина) респондентами были названы потребительство и эгоизм, что в то время расценивалось негативным образом. Настораживали и такие показатели: 57 % опрошенных считали, что им довольно часто приходилось наблюдать в поведении окружающих расхождение слова и дела, 36 % отмечали, что практически не наблюдали проявления чувства долга, 32 % говорили о пассивности при необходимости защитить несправедливо обиженного человека, 34 % выделяли в качестве часто встречающегося явления лицемерие, 39 % – употребление нецензурных выражений, 30 % – недобросовестное отношение к труду, 22 % – равнодушие к судьбам коллег по работе, 22 % – подхалимство, угодничество [31, с. 49–51].

Проведенные конкретно-социологические исследования позволили заметно приблизить научный поиск к реальной жизни, определить основные тенденции социально-культурного развития, выявить проблемные зоны и существующие противоречия. В прикладном отношении отчетливо обозначились основные направления, методы и средства формирования морального сознания личности с учетом социально-демографических характеристик и конкретных условий жизни и деятельности.

Особое внимание уделялось изучению специфики формирования мировоззрения советской молодежи, активизации ее роли в общественной жизни, повышению эффективности идейно-воспитательной работы. На основе резуль-

татов конкретно-социологических исследований была представлена реальная ситуация в молодежной сфере, показаны как позитивные стороны в процессе нравственного развития личности, так и имеющие место трудности, противоречия, разработаны конкретные рекомендации по совершенствованию образовательно-воспитательной деятельности. Среди актуальных молодежных проблем, исследуемых также и с позиций этики, отмечались: проблема профессионального самоопределения молодого человека, роль морально-психологических факторов, влияющих на выбор им своего жизненного пути [8, 9]; проблема включенности молодежи в научно-техническую деятельность, проявления своих моральных качеств в научном творчестве [26]; проблема совершенствования идейно-воспитательной работы в молодежной среде на основе развития и обогащения духовных ценностей личности и общества [11].

Важное социально-практическое значение имели научные разработки по проблемам нравственного воспитания и самовоспитания, моральной регуляции, формирования нравственной культуры личности в различных видах деятельности, проявления ее активной гражданской позиции. Эти проблемы нашли отражение в научных публикациях Е. М. Бабосова, Е. А. Борковской, А. П. Вардомацкого, С. П. Винокуровой, А. С. Лаптёнка, Т. И. Матюшковой, О. А. Павловской, В. И. Русецкой и др.

Одно из направлений исследовательской работы связано с изучением проблемы духовно-нравственного развития личности в системе семейно-брачных отношений. Наиболее обстоятельный анализ этой проблемы представлен в работах С. Д. Лаптёнка [17–22]. На основе философско-социологического анализа автором рассматривается семья как природная и социокультурная среда формирования личности, как относительно самостоятельная саморазвивающаяся система бытия людей, в которой духовно-нравственные потребности, интересы и цели являются определяющими.

Со временем в ходе советской истории все более заметным становилось противоречие: с одной стороны, динамично развивающийся менталитет белорусского народа, его приобщение к достижениям мировой культуры, их плодотворное усвоение и развитие на национальной почве, с другой – устаревшая командно-административная система, которая по своим морально-психологическим характеристикам становилась тормозом в поступательном развитии социума. Разрешение данного противоречия обусловило переход к новому этапу становления белорусской государственности – образованию Республики Беларусь. Данному государственному образованию присущи все признаки независимой государственности, то есть юридически оно обладает всей полнотой политической власти. Но в практической жизни и государство, и общество столкнулись с множеством проблем, решение которых выходит за рамки политико-правовой сферы, и прежде всего это проблемы духовно-нравственного характера.

В условиях переходного общества складывается ситуация, когда о нравственности достаточно часто упоминается на вербальном уровне, но явно

ощущается недостаток в плане ее серьезного образовательно-культурного освоения и воспитательно-практического воплощения. В научно-теоретическом плане также возникает целый ряд проблем, связанный с уровнем научного постижения сути моральных явлений в контексте современных социально-культурных реалий. Многими исследователями отмечается, что в настоящее время достижения естественнонаучного, научно-технического плана значительно опережают результаты научного поиска в области социально-гуманитарного знания, и прежде всего в его этической части. Весьма проблематичной представляется ситуация и в сфере преподавания этики как учебной дисциплины. Здесь наблюдается существенный отрыв учебных программ и материалов от реальных социально-культурных процессов, от волнующих молодого человека проблемных жизненных ситуаций, а следовательно, воспитательно-практический потенциал этики не используется в должной мере для формирования культуры личности.

Обострение социально-психологической обстановки в условиях переходного периода способствовало тому, что решение злободневных моральных проблем стало чаще всего связываться со сферой религиозного сознания. При этом, как правило, не учитываются поликонфессиональный характер общества, исторический опыт секуляризации общественной жизни и эмансипации личности, права человека на свободу совести и свободу вероисповедания.

Сегодня можно сказать, что постепенно возвращается понимание значения философии как ведущей теоретико-методологической базы для осмысления и поиска оптимальных решений актуальных проблем духовно-нравственного развития человека. Именно в рамках философии представляется возможным вести конструктивный, научно обоснованный, логически выстроенный, исторически выверенный разговор о сути, содержании нравственных ценностей, особенностях их отражения в сознании и поведении личности, перспективах духовного развития социума.

В последнее время среди ученых заметно повышается интерес к проблемам духовно-нравственной жизни общества и личности. Научные исследования как в Российской Федерации, так и в нашей республике свидетельствуют об актуализации социально-этической проблематики в контексте происходящих в обществе кардинальных преобразований, обусловленных научно-техническим прогрессом.

Отличительной особенностью современных общественных трансформаций является возрастание роли личности как субъекта социально-нравственных отношений. «Личностное возвышение человека – отмечает Е. М. Бабосов, – неразрывно связано с качественными изменениями “ядра” личностной самоидентификации, основными компонентами которой являются сознание, креативность мышления и действия и система ценностных ориентаций, воплощенных в практических проявлениях нравственности. Такой теоретико-методологический подход актуализирует выявление основных направлений влия-

ния нравственности на становление, развитие и повседневную деятельность человека в условиях постиндустриального информационного общества, базирующегося на экономике знаний и новейших технологий, в том числе и социальных. Непременным требованием такого подхода становится признание того факта, что субъектом и объектом нравственной регуляции практически может выступать каждый человек» [4, с. 364].

Перенесение акцента на человека как ведущего субъекта в системе социальной регуляции значительно актуализирует проблему гармонического взаимодействия философско-антропологических и этических знаний. Если философская антропология открывает широкие возможности для развития теоретико-методологической базы этики, то последняя в свою очередь значительно обогащает в содержательном плане представления о духовном мире личности. Среди множества духовных пристрастий и ориентаций человека особое место занимают нравственные ценности, которые являются своеобразным стержнем его внутреннего мира. Через призму таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость, ответственность и безответственность, уважение и пренебрежение, счастье и несчастье, любовь и ненависть, происходит осмысление, оценка и самооценка различных человеческих действий и отношений. Большой регулирующей и саморегулирующей силой в жизнедеятельности человека обладают совесть, чувство долга, чувство собственного человеческого достоинства. Этическое знание позволяет существенно расширить и углубить наши представления о человеке как реальном субъекте социальных трансформаций, перейти от декларативных заявлений о значении в жизни общества человеческого фактора к раскрытию духовно-нравственного потенциала личности и его последовательной активизации, а также творческому развитию в системе реальных отношений. Данная исследовательская позиция нашла отражение в книге Т. И. Адуло, О. А. Павловской [1].

В контексте происходящих в современном обществе трансформаций наиболее перспективным и плодотворным представляется анализ этической проблематики на базе социально-философского знания. В развернутом комплексе исследований социального бытия важное место занимают проблемы источников, движущих сил, субъектов общественного развития, среди которых определенную роль играет и моральный фактор. Изучение морали в качестве движущей силы конкретно-исторического развития общества, возникающих при этом социокультурных достижений и противоречий, а также специфических черт проявления духовно-нравственного потенциала личности на современном этапе представлено в монографии О. А. Павловской [30]. В работе подчеркивается, что мораль является одним из сложнейших и уникальных феноменов человеческого бытия, без нее невозможно ни его осуществление и сохранение, ни его изменение и качественное преобразование. «С одной стороны, она как совокупность идеалов, принципов, норм, правил, императивов

регулирует взаимоотношения между людьми в рамках данной социальной системы, обеспечивая тем самым ее стабильность и упорядоченность. С другой стороны, мораль как способ отражения и фиксации негативных социальных и психологических состояний сигнализирует о неблагополучии, беспокойстве, нарастающих кризисных явлениях в жизни людей. С третьей стороны, мораль как способ предвосхищения грядущих перемен в социальной и индивидуальной жизни аккумулирует позитивную духовную информацию, которая становится внутренним источником преобразовательной деятельности, задает ей определенную направленность, содержательность и эффективность. Эти три признака (стороны) морали позволяют более отчетливо представить ее в качестве фактора социального бытия, в определенной мере обозначить ее структурно-функциональное содержание в общей социокультурной динамике» [30, с. 181–182].

Характерным для современной этики является и поиск новых методологических подходов. В этой связи представляется интересным использование синергетического подхода, для которого характерным является интерпретация любого исследуемого объекта в виде нелинейной, открытой, самоорганизующейся системы. В монографии Е. В. Беляевой [6] на основе синергетического подхода представлена теоретическая модель исторической динамики систем нравственности, что позволяет существенно конкретизировать их в структурно-функциональном плане применительно к тем или иным социокультурным эпохам. Анализируя на большом фактологическом материале реальные проявления традиционной, модерной и постмодерной систем нравственности, показаны способы их соотношения и образования синкретических форм, которые выражены в феноменах глубокой традиции и неотрадиционализма.

Большие теоретико-прикладные возможности открываются в современном этическом познании с использованием философско-культурологического подхода, что позволяет представить более развернутый анализ отражения морального наследия (как общемирового, так и национального уровня) в системе культуры в процессе взаимодействия различных типов цивилизаций, а также более детально исследовать сущность, содержание и роль в социальной динамике самого феномена нравственной культуры. Разработке этической проблематики в данном теоретико-методологическом ракурсе посвящены монографии А. С. Лаптёнка [14, 16]. Как отмечает автор, обращение к моральному наследию не означает возврат к устаревшим формам бытия, все равно в динамично развивающемся обществе на передний план будут выходить актуальные проблемы жизни людей. Но для самой личности это способствует развитию ее самосознания, опираясь на моральный опыт предыдущих поколений.

В социально-практическом плане чрезвычайно важной является проблема нравственного воспитания в системе образования. А. С. Лаптёнок, исследуя эту проблему, выявляет специфику нравственного воспитания в современной

культуре, которая определяется, «во-первых, тем, что оно осуществляется в открытом информационном и педагогическом пространстве. Во-вторых, происходит индивидуализация современной культуры, возрастание значимости личностного начала в социальной жизни. В-третьих, наблюдается противоположный предыдущему процесс, связанный с увеличением, благодаря современным средствам коммуникации, возможностей манипулятивного воздействия на сознание и поведение индивида. В-четвертых, сущностное отличие организации воспитательного воздействия в современных учреждениях образования состоит в наличии в культуре ценностной неопределенности, когда понятие нормы теряет свою регулятивную роль» [15, с. 252].

Социально ориентированный характер имеют исследования духовно-нравственных отношений в контексте актуальных проблем социально-культурного развития Республики Беларусь. Среди них – место и роль духовно-нравственных ценностей в системе национальной безопасности [5], теоретические и прикладные аспекты духовно-нравственного воспитания как современного социокультурного феномена [10], формирование личностной культуры как основания предупреждения и преодоления социальных девиаций в молодежной среде [25].

В последнее время активно развивается такое направление этического знания, как биоэтика. Это направление возникло в начале 70-х годов XX в. в качестве междисциплинарного научно-практического направления, охватывающего круг моральных проблем экологии и биомедицины. На становление биоэтики повлияло отсутствие необходимой системы этических, правовых и социокультурных механизмов контроля и регуляции использования результатов новейших информационных, экономических и биомедицинских технологий, которые превращаются в могущественную силу, воздействующую не только на окружающую природную среду, сферу обитания человека, но и на его мысли, привычки, образ жизни, систему ценностей, тем самым усугубляя антропологический кризис.

В настоящее время выделяются следующие основные направления биоэтики, которые предметно сформировались в процессе разработки ее проблематики: экологическое, биомедицинское и глобальное. Экологическая биоэтика обосновывает ценность и право на сохранение всех природных существ, природы в целом, рассматривает проблемы взаимоотношения человека с биocenozами и со всей биосферой. Биомедицинская этика исследует, во-первых, моральные противоречия, возникающие в процессе социальных взаимодействий в области сохранения и воспроизводства здоровья людей, во-вторых, нравственные аспекты развития и использования биотехнологий (клонирование, генная инженерия и др.). Целью глобальной биоэтики является создание определенной программы эволюции человеческой нравственности, которая ориентирована на принятие ответственных решений в сфере охраны здоровья человека и сохранение природной среды.

Биоэтическая проблематика привлекает к себе повышенный интерес среди исследователей. Известными специалистами в этой области в Беларуси являются С. Д. Денисов, Н. А. Лазаревич, Т. В. Мишаткина, Н. А. Степаненко, Я. С. Яскевич и др.

Региональный эксперт ЮНЕСКО по биоэтике в Беларуси Т. В. Мишаткина отмечает, что «круг проблем социальной биоэтики чрезвычайно широк. Она включает в себя моральную оценку проблем “опасного” знания, медикализации, роста населения планеты, агрессии, насилия и терроризма, биологического и химического оружия, торговли людьми, проблемы старения, детей-сирот, инвалидов и ветеранов, проблемы садомазохизма, проституции и нетрадиционной сексуальной ориентации, стигматизации, стерилизации, суицида, смертной казни, эвтаназии, аборта, проблемы больных СПИДом, психических больных, людей без определенного места жительства, но прежде всего – проблемы общественного здоровья» [24, с. 11].

В биоэтике нашли свое отражение особенности и тенденции глобальных изменений в современном мире и соответствующие им поиски новой системы нравственных ориентиров и смыслов производства и использования научного знания. По мнению Я. С. Яскевич, взаимовлияние нравственного и научного дискурсов для отечественной модели биоэтики весьма органично. «Ее центральной проблематикой как раз является в большой степени разработка нравственных норм и принципов, регламентирующих человеческое поведение в науках о жизни, человеке, живой природе (биосе). Тем самым актуализируются диалог и взаимообогащение естественнонаучного и гуманитарного дискурса, происходит междисциплинарный синтез и мировоззренческо-нравственное оздоровление общества» [37, с. 59].

Таким образом, в настоящее время и на общественном, и на государственном уровнях ощущается опасение, что невнимание к насущным социально-моральным проблемам, неспособность найти адекватные и эффективные пути их решения могут привести к непредсказуемым социальным последствиям. С учетом чрезвычайной актуальности духовно-нравственной проблематики в условиях современного транзитивного общества, востребованности данного рода разработок в идеологическом процессе, системе образования следует признать целесообразным расширение теоретико-методологических и прикладных социально-этических исследований, более тесной их взаимосвязи с решением насущных задач по повышению уровня нравственной культуры личности и общества, оптимизации процессов нравственного воспитания и самовоспитания. Важную роль в этом направлении должна сыграть актуализация историко-этических исследований, призванных сохранять память о прошлом моральном опыте, обеспечить передачу норм и правил поколениям настоящему и будущим, прогнозировать перспективу духовно-нравственного развития личности и общества, способствовать преемственности в нравственном прогрессе.

Список использованных источников

1. Адуло, Т. И. Человек в условиях социальных трансформаций: философско-антропологический анализ / Т. И. Адуло, О. А. Павловская. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 311 с.
2. Бабосов, Е. М. Модернизация социальных систем / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 256 с.
3. Бабосов, Е. М. Нравственная культура личности / Е. М. Бабосов. – Минск : Наука и техника, 1985. – 184 с.
4. Бабосов, Е. М. Человекомерность социальных систем / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 392 с.
5. Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / под ред. О. А. Павловской. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 519 с.
6. Беляева, Е. В. Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е. В. Беляева. – Минск : Экономпресс, 2007. – 464 с.
7. Винокурова, С. П. Нравственная культура личности: способ социологического анализа / С. П. Винокурова // Роль культуры в формировании личности / Е. М. Бабосов [и др.] ; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Наука и техника, 1980. – 192 с.
8. Выбор молодежью жизненного пути: опыт межрегион. социол. исслед. / под ред. Е. М. Бабосова, М. Х. Титмы. – Минск : Наука и техника, 1988. – 158 с.
9. Выпускник перед выбором пути: соц.-нравств. облик / Е. М. Бабосов [и др.] ; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Нар. асвета, 1988. – 239 с.
10. Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / под ред. О. А. Павловской. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 451 с.
11. Идеино-воспитательная работа в условиях ускорения / под ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Наука и техника, 1989. – 255 с.
12. Конан, У. Ля вытокаў самапазнання: станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору / У. Конан. – Минск : Маст. літ., 1989. – 238 с.
13. Лаптёнок, А. С. Мораль в культуре этноса / А. С. Лаптёнок // Адукацыя і выхаванне. – 1999 – № 2. – С. 3–10.
14. Лаптёнок, А. С. Моральное наследие в социодинамике культуры / А. С. Лаптёнок. – Минск : БГУ, 2002. – 124 с.
15. Лаптёнок, А. С. Нравственная культура личности как объект образовательно-воспитательной деятельности / А. С. Лаптёнок // Молодежь в зоне риска: социально-культурные основы профилактики пьянства и алкоголизма / под ред. О. А. Павловской ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 250–261.
16. Лаптёнок, А. С. Нравственная культура общества: преемственность и новации / А. С. Лаптёнок. – Минск : Нац. ин-т образования, 1999. – 202 с.
17. Лаптёнок, С. Д. Мораль и семья / С. Д. Лаптёнок. – Минск : Наука и техника, 1967. – 246 с.
18. Лаптёнок, С. Д. Нравственная сущность семейно-брачных отношений / С. Д. Лаптёнок. – М. : Знание, 1990. – 48 с.
19. Лаптёнок, С. Д. Нравственное развитие личности в семье / С. Д. Лаптёнок. – М. : Знание, 1977. – 64 с.
20. Лаптёнок, С. Д. Семья и духовное развитие личности / С. Д. Лаптёнок. – Минск : Беларусь, 1977. – 126 с.
21. Лаптёнок, С. Д. Система нравственного воспитания / С. Д. Лаптёнок. – М. : Знание, 1982. – 64 с.
22. Лаптёнок, С. Д. Советская семья: социально-этические проблемы / С. Д. Лаптёнок. – Минск : Беларус. навука, 1985. – 176 с.
23. Майхрович, А. С. Становление нравственного сознания: из истории духовной культуры Беларуси / А. С. Майхрович. – Минск : Беларус. кнігазбор, 1997. – 206 с.

24. Мишаткина, Т. В. Феномен общественного здоровья в контексте глобальной и социальной биоэтики / Т. В. Мишаткина, Е. Л. Богдан // Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии : материалы Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Витебск, 2 дек. 2016 г.) / М-во здравоохранения Респ. Беларусь, Витеб. гос. мед. ун-т. – Витебск : ВГМУ, 2016. – С. 10–15.
25. Молодежь в зоне риска: социально-культурные основы профилактики пьянства и алкоголизма / под ред. О. А. Павловской. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 429 с.
26. Молодежь и научно-технический прогресс / под ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Наука и техника, 1989. – 172 с.
27. Мохнач, Н. Н. Общественно-политическая и этическая мысль Белоруссии начала XIX в. / Н. Н. Мохнач. – Минск : Наука и техника, 1985. – 93 с.
28. Нравственный облик советской молодежи: опыт социологического анализа / под ред. Е. М. Бабосова, М. Х. Титмы. – Минск : Наука и техника, 1985. – 151 с.
29. Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.). – Минск : Наука и техника, 1973. – 560 с.
30. Павловская, О. А. Моральный фактор в жизни человека и общества: исторические уроки и современные проблемы / О. А. Павловская. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 578 с.
31. Павловская, О. А. Нравственность. Личность. Трудовой коллектив / О. А. Павловская. – Минск : Наука и техника, 1991. – 96 с.
32. Падокшын, С. А. Беларуская думка ў кантэксте гісторыі і культуры / С. А. Падокшын. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 316 с.
33. Падокшын, С. А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура: філасофска-гістарычны аналіз / С. А. Падокшын. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 111 с.
34. Падокшын, С. А. Этычная думка ў культуры Беларусі XVI–XVII стст. / С. А. Падокшын. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 151 с.
35. Роль культуры в формировании личности / под науч. ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Наука и техника, 1980. – 192 с.
36. Филлист, Г. М. Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия / Г. М. Филлист. – Минск : Беларусь, 1988. – 253 с.
37. Яскевич, Я. С. Биоэтика в контексте междисциплинарных стратегий и механизмов создания этических комитетов / Я. С. Яскевич // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: проблемы геномики, психологии и виртуалистики / отв. ред. Ф. Г. Майленова. – М. : ИФ РАН, 2007. – С. 48–68.

В. А. Салеев

Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь

ЭСТЕТИКА НА БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается становление эстетической мысли Беларуси на протяжении десяти веков. Особое внимание уделяется формированию эстетики как философской науки и поискам эстетиков Беларуси (а также наибольшие достижения) в XX в. в области истории, теории эстетики, отечественного дизайна.

Ключевые слова: *эстетика, белорусская культура, искусство, художественное творчество, эстетическое воспитание, дизайн, философия искусства, эстетические идеалы, эстетический вкус*

V. Saleyev

Belarusian State Academy of Arts, Minsk, Belarus

AESTHETICS OF BELARUS: HISTORY AND MODERNITY

The article deals with the formation of the aesthetic thought of Belarus throughout the 10 centuries. Particular attention is paid to the formation of aesthetics as a philosophical science and the search of Belarusian aesthetics (and also the greatest achievements) in the 20th century: in the field of history, theory of aesthetics, national design.

Keywords: *aesthetics, Belarusian culture, art, artistic creativity, aesthetic education, design, art philosophy, aesthetic ideals, aesthetic taste*

Эстетическое всегда присутствует в культуре этноса, во многом за счет своей яркости и выразительности обуславливая ее своеобразие в ряду инациональных культур.

В самом основании эстетического лежит непреходящая ценность, ибо красота, наряду с Верой, Истиной и Добром, принадлежит к миру вечных, наивысших, неуничтожимых духовных ценностей.

Однако человек XXI века, столкнувшийся с эстетическим в современную технологическо-информационную эпоху, может встать в тупик, обнаружив его дихотомичную природу.

Эта двойственность проявляется при углубленном подходе к миру эстетики. Ибо конечное суждение об эстетическом принадлежит философии, поскольку наиболее общее абстрагированное представление о прекрасном и совершенном (что наиболее точно отражает суть эстетического) раскрывается только при помощи философского анализа и философской рефлексии.

Внутренняя структура эстетической ценности (наиболее концентрированной выражающей существование эстетического в действительности, в сознании людей и в искусстве) наполнена конкретно-чувственным содержанием. Последнее и характеризует в наибольшей степени специфику эстетического. «Крестный отец» эстетики немецкий философ Александр Баумгартен, который ввел в научный оборот сам термин «эстетика», образовал, как известно, название новой науки от греческого прилагательного *aistheticos* – «чувствующий, чувственно восприимчивый». Впоследствии понятие «эстетический» приобрело многозначность и, сохраняя в себе субстрат чувственного в содержательном плане, интенционально было связано (начиная с древнегреческой эпохи) с прекрасным и искусством.

Этот конкретно-чувственный стержень сразу бросается в глаза, он неустраним, вокруг его интерпретации веками велся философский дискурс. Первоначально казалось, что проблема решается в рамках гносеологии. Именно поэтому, как утверждал известный советский эстетик А. Гулыга, в первоначальной интерпретации А. Баумгартена эстетика представляла как «низшая ступень гносеологии, наука о чувственном познании, совершенной формой которого является красота» [1, с. 3].

Однако в течение XX в. исследователи уверились, что в конкретно-чувственном основании эстетического лежат и онтологические и антропологические корни; тем более оно может (и на наш взгляд – должно!) иметь аксиологическую интерпретацию.

Неустанно попытки философов в последние три столетия выделить в особую структуру этот центральный компонент эстетического и рационально его объяснить не увенчались успехом. Хотя все же и современная эстетика временами демонстрирует приближение к качественному объяснению сущностной природы эстетического. Одно из них, весьма значимое, на наш взгляд, принадлежит А. Ф. Лосеву.

Ученый-мыслитель утверждал, что «специфику эстетического необходимо искать в этом неподдельном слиянии чувственно-материальных и идеально-смысловых моментов, по причине чего она занимает как бы промежуточное положение между сферой единичных материальных предметов и областью абстрактной мысли. В эстетическом все чувственное и ощущаемое и в то же время осмысленное и выразительное» [2, с. 575].

Этот конкретно-чувственный компонент, который интенционально актуализирует эстетическую ситуацию (встречу эстетического субъекта с эстетическим объектом) выявляется в момент непосредственного восприятия индивидом свойств и качеств эстетического объекта. И еще одна специфическая черта эстетического: в процессе эстетического восприятия обязательно возникает мощная эмоциональная реакция человека – переживание, в которое, как правило, вовлечены все чувства. Вся чувственная структура внутреннего мира человека напрягается в целостном восприятии эстетического объекта

(роза цветущая, закат догорающий, прекрасная картина великого Рембрандта) – и переживает в считанные минуты приобщение к высокому совершенству.

Эмоциональная окрашенность эстетического сознания не всегда улавливается философами, которые на «верхнем уровне» создают эстетические теории, постулируют философско-аргументированные доктрины. Но в их построениях эстетическое предстает по большей части в столь абстрагированном виде, что здесь совершенно не угадывается животворный конкретно-чувственный облик прекрасного. Все сказанное относится не только к индивидуальным проявлениям эстетического отношения – в известной степени это касается и групповых проявлений, высшим «этажом» которых следует признать эстетические представления этноса.

Следует заметить, что эти представления этноса не сразу выражаются в обобщенной, философской форме.

Постижение эстетического возникает в глубокой древности. Мифологическое сознание, как подтверждают историки культуры, при всей своей целостности и синтетичности всегда содержало и выделяло в себе эстетический компонент. Первоначально, разумеется, эстетическое было связано с пользой: выросло из пользы (марксистские философские разработки этого феномена, которые обнажают генезис эстетического, ныне, на наш взгляд, незаслуженно забыты). И наскальные рисунки первобытных людей в Африке, и находки из ареала первобытной культуры в Сибири наглядно свидетельствуют об этом. Разумеется, восточнославянское летоисчисление несравнимо с древнейшим временем Месопотамии или Египта. Но можно не сомневаться, что к IX–X вв. потомки кривичей (полочан и смолян), дреговичей и радимичей, поселившиеся на протобелорусской земле, уже накопили не только опыт жизнедеятельности, вплотную связанный с протобелорусской природой, но и опыт духовного бытия, в котором довольно весомое место принадлежало и эстетическому. Достаточно сказать, что поклонение избранным языческим богам (у кривичей это были Ярила и Велес, у дреговичей, – как у большинства союзов восточнославянских племен, Перун, у радимичей – Мокошь) придавали особый оттенок эстетическим представлениям древних восточных славян, достаточно ярко выражались в творениях материальной культуры, дошедших до наших дней. Можно утверждать, что уже тогда были заложены специфические черты, обуславливающие своеобразие эстетического видения представителей Западной Руси (по древнерусским представлениям).

Эстетическая составляющая постоянно присутствовала в духовном опыте наших предков; и в эпоху «зрелого» Средневековья, в эпоху появления письменности, это по большей части имплицитное присутствие, наконец, выразилось. И в философско-теологических размышлениях наших предков и в письменных источниках присутствует ярко выраженное эстетическое начало. Так, автор «Жития Евфросинии Полоцкой» ее устами утверждает, что видимая красота «мира сего и красная суть и славна, но вскоре минует, яко

сон, яко цвет увядает. Вечная же и невидимая во веки пребывает» [3, с. 72]. На более высоком, приближающемся к философскому, уровне христианская трактовка прекрасного присутствует и в творениях Кирилла Туровского, который разделяет божественное и реальное, устанавливает иерархическую шкалу прекрасного (помещая чувственную красоту на низшую ступень в сравнении с «красотой духовной»). Однако, как справедливо пишут исследователи, эта доктрина не свободна от элементов языческого (дохристианского) взгляда, сохраняющегося в традиции эстетического восприятия, где красота природы (солнце, небесная высота, преисподняя глубина, весна и пробуждение новых молодых сил) [4, с. 26–28] одухотворяется, сопрягается с человеком, становится мерилем оценки его бытия. У Кирилла Туровского обнаруживаются зачатки концепции художественного творчества и понимания искусства. Мыслитель, оратор и писатель исходит из теологического толкования процесса художественного творчества («дар слова есть божественный дар»), хотя нельзя не отметить шедевр древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», который может служить примером почти идеального эстетического наполнения, содержит в себе глубоко эстетические описания явлений природы и философско-эстетический анализ сущности человеческого бытия. Показательно, что «Слово» включает в себя и «сказания древнебелорусской истории, самостоятельные по своему характеру. Это, в частности, повествование о полоцком князе Всеславе, выдержанное в стиле гимна мудрому правителю и полководцу, и рассказ о битве на реке Немиге, полный сложных символических образов и мифологических намеков» [5, с. 20].

С конца XIII по начало XVII в. обозначается качественно новый этап истории Беларуси – это период формирования белорусского этноса. Тенденция к децентрализации, возникшая еще в начале XIII в. в недрах древнерусского государства, получила благодаря главным образом татаро-монгольскому нашествию мощное ускорение. С конца XIII в. обнаружилось три центра, претендующих на ведущую роль в восстановлении былой «святой Руси»: Галицко-Волынское княжество, Великое Княжество Литовское, Русское и Жемайтское и Московское княжество. Впоследствии, к концу XVI в., первое из княжеств утратило всякую политическую значимость. Великое Княжество Литовское вступило в федеративную связь с Коронай Польской, образовав Речь Посполитую; Московское княжество, объединив разными способами восточную и северную части бывшей Древней Руси, выросло в мощное Русское государство. Формирование белорусской народности шло на территории, которая целиком входила в состав Великого Княжества Литовского (хотя белорусские земли занимали в княжестве неодинаковое положение; Полоцкая и Витебская земли (ядро Белой Руси) имели определенную автономию и пользовались политическими привилегиями). С точки зрения развития культуры важным фактором выступает тот факт, что практически до конца XVI в. в Великом Княжестве Литовском велось делопроизводство и судопроизвод-

ство, а также писались статуты, грамоты, летописи и хроники, постановления сейма и художественные и церковные произведения на старобелорусском языке, который представлял своеобразную модификацию древнерусского языка (языка восточнославянской общности) [6, с. 7].

Весь ход социально-культурного развития Великого Княжества Литовского и факторы, указанные выше, обусловили своеобразное развитие эстетической мысли на Беларуси. Многочисленные исследования, проведенные историками и философами в последней трети XX в., наглядно показали, что в культуре Беларуси в XVI в. ведущими были животворные идеи Ренессанса. Особенно плодотворным был период раннего Ренессанса, захвативший первую половину XVI в. (по классификации В. М. Конона [6, с. 14–17]).

Эпоха Возрождения принесла качественно новое понимание эстетического на Беларусь. «Ренессанс с наибольшей силой выразился в художественной культуре Белоруссии в таких видах искусства, как архитектура и литература» [7, с. 35].

Эстетическая проблематика осмысленно концентрируется в художественном творчестве Николая Гусовского (автора знаменитой поэмы «Песнь о зубре») и Яна из Вислицы; в яркой публицистике Стефана и Лаврентия Зизаниев, Сымона Будного, Василия Тяпинского.

Особое место в развитии эстетической мысли на Беларуси занимает эстетическое наследие титана белорусского Возрождения Франциска Скорины. Он не оставил нам философски оформленное эстетическое учение: в его наследии нет специальных эстетических трактатов. Но эстетическое (наряду с этическим) пронизывает все философско-познавательное отношение Скорины к миру. Оно выявляется в его мирозерцании, в его полиграфическом искусстве, в высоком художественном вкусе, с которым выполнены его гравюры (включая знаменитый «Автопортрет»), в языке его «предисловий» и «послесловий», которые перенасыщены эстетической лексикой. Важнейшим компонентом отношения человека к миру восточнославянский первопечатник считает любовь (причем в этой доктрине мыслитель сочетает библейские традиции с ренессансными воззрениями на человека и его место в мире), где главенствующее место занимает любовь к Родине. Наиболее ярко патриотическая любовь в изложении Франциска Скорины встречается в предисловии к книге «Юдифь»: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плавающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы і тым подобная боронять ульев своих – тако ж и люди, игде зродилися и ускармлиены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають» [8, с. 59].

Здесь мы видим эстетизацию природы, ее обитателей с одновременным проецированием жизнедеятельных интенций последних на человека. Показательно, что по своему внутреннему содержанию мысли Скорины совпадают с классической древнегреческой теорией «Калокагатии», где эстетиче-

ское органично сопрягается с этическим, прекрасное – с нравственно совершенным. Скорина не уклоняется от возможности исследовать сущностную природу искусства, постичь суть художественного. У него есть целый ряд суждений о воздействии искусства на человека, в частности – музыки и пения [8, с. 10, 154]. Показательно, что великий гуманист обнаруживает очень тонкое понимание прекрасного, его исключительное воздействие на эмоциональную сторону внутреннего мира человека. «Искусство в представлении Скорины не только пробуждает в человеке “чувства добрые”, делает его более человечным, гуманным, но и приносит радость, вводит человека в мир красоты, доставляет собственно эстетическое наслаждение» [9, с. 63].

Следует отметить, что Франциску Скорине в гуманистическом толковании Библии удалось совместить понятия веры, насчитывающие столетия (и особенно акцентированные в эпоху Средневековья) с ренессансным мировоззрением, полагающимся на активность и суверенность личности. Можно полагать, что апостол белорусской духовности трактует Священное Писание как выдающееся, в том числе художественное творение человечества. Это, в свою очередь, приводит просветителя к выдвиганию эстетических критериев, которые и придают творению искусства подлинную художественность. Именно исходя из этих критериев Скорина из других евангельских книг выделяет Евангелие от Луки: «Святой Лука писал ест о слове, божием найвышшей, наичистой и нарядней, нежели другие» [8, с. 117].

Весьма важным является и тот факт, что в публицистике Франциска Скорины, по верному замечанию В. Конона, «содержатся в еще нераскрытой форме некоторые начала литературно-художественной критики, одной из важнейших форм выражения эстетической мысли» [6, с. 47].

И во второй половине XVI в. достаточно ярко проявила себя эстетика позднего белорусского Ренессанса, хотя следует отметить, что собственно эстетические проблемы в эту эпоху зачастую отходили на второй план, уступая место проблемам философским, культурологическим, этическим. Например в доктрине духовного писателя и гуманиста Сымона Будного этическое явно превалирует над эстетическим. Чувственные аспекты прекрасного игнорируются Будным, особенно в первый «прокальвинистский» период его мирозерцания. Однако в главном мыслитель сумел выразиться как идеолог Ренессанса: он подвергал сомнению божественное происхождение искусства, настаивал на существовании реальной основы художественного творчества. «Из его эстетической концепции вытекало, что искусство не символ, а адекватное воспроизведение действительности» [9, с. 120]. Тем не менее Сымон Будный обращался порой и к символическим средствам выражения в искусстве, что, вероятно, объясняется влиянием барокко на белорусскую художественную культуру. Василий Тяпинский, Стефан и Лаврентий Зизании продолжили традицию Возрождения, так ярко выразившуюся в творчестве Франциска Скорины и Сымона Будного. В чисто эстетическом аспекте сле-

дует признать в их наследии конструктивные попытки возродить восточно-славянские традиции в области культуры, связать их с традициями Античности и лучших достижений эпохи Возрождения, приобщить к ним культуру Беларуси. Отсюда – любовь к «славянскому» языку, выявление непреходящих ценностей родного слова, поиски гуманистического идеала в эстетической целостности, противопоставление подлинно прекрасного внешне привлекательному, напыщенному и по сути своей отвратительному [4, с. 76–77].

Следующий этап истории Беларуси (начало XVII – конец XVIII в.) характеризуется усложнением социально-культурной ситуации. Последствия двух уний: Люблинской 1569 г. и Брестской (церковной) 1596 г., – привели к натиску Контрреформации, распространению католичества и связанной с ним полонизации, внедрению униатства. Последнее претендовало на роль национальной религии (по данным историков, к концу XVIII в. – при последнем разделе Речи Посполитой и включении Беларуси в состав Российской империи, от 60 до 75 % белорусов исповедовали униатство). Резко меняется ситуация в культуре Беларуси. Языками науки и искусства становятся латинский и польский. Последний и в Великом Княжестве Литовском вытесняет старобелорусский (на котором написаны все три статута Великого Княжества Литовского) и становится официальным государственным языком. Культура на Беларуси два столетия развивается как бы на двух «этажах». Первый, верхний, «этаж» составляет шляхетская культура с польским языком, с ориентацией на Европу. На втором, нижнем, «этаже» развивается народная культура с белорусским языком и своеобразным этническим мировосприятием: здесь процветают ремесла, фольклор, народный театр (и, прежде всего, батлейка), углубляются эстетические представления белорусского народа.

Впрочем, в XVII в. эстетические доктрины на Беларуси, как бы продолжая эволюцию возрожденческих идей, выражают систему взглядов, принятых в общих рамках европейского барокко и классицизма.

Доктрины Симеона Полоцкого и Матяя-Казимира Сарбевского – крупнейших представителей барокко в культуре Беларуси, интересны в компаративном плане: их философские постулаты и разнонаправленная система трактовки эстетических ценностей, приводит к различающимся ориентациям на видовое доминирование искусства. Симеон Полоцкий выстраивает своеобразную ценностную систему понимания прекрасного: высшие ступени ее тесно связаны с божественным, но природа и человек постигаются при помощи органов чувств – и это реальная красота. «Художник подобен пчеле, собирающей от благоуханных цветов прекрасное и полезное... и при этом изображает не только виденное, но ... то, что художник не видел, он передает силой воображения посредством виденного им» [4, с. 103]. Симеон Полоцкий строит оригинальную классификацию искусств, выводя на первое место изобразительное искусство («иконотворение») и, ссылаясь на античных авторов, возводит его в степень «началодержательного (первенствующего)» [6, с. 106]. Впоследствии,

в московский период своего творчества, мыслитель выступил в качестве реформатора русского стихосложения, введя в него силлабический строй. Он пересотворил «Псалтирь», написав ее силлабическим стихом. «Сборник стихов Симеона “Ветроград многоцветный” (“Сад шматколерны”, 1678) в свое время послужил для русской публики энциклопедией знаний по истории, религиоведению, античной мифологии, натурфилософии, космологии, этике и христианской символике» [10, с. 198].

Другой представитель белорусского барокко – Матей-Казимир Сарбевский, преподававший в Полоцке теорию литературы, ораторское искусство и античную культуру (позднее философию и теологию в Виленской иезуитской академии), выстроил иерархическую лестницу видов искусства: на ее высшей ступени находятся «словесные искусства»; изобразительные же искусства располагаются значительно ниже, «ибо живопись лишь показывает, что могло бы быть, но в ней не заключено утверждение, что то, что могло бы быть, существует» [11, с. 59]. В то же время, М.-К. Сарбевский, по утверждению В. М. Конона, «впервые в нашем Центрально-Восточном европейском регионе потребовал раскрыть античную философию и эстетику методами герменевтики» [10, с. 189].

В поэтике М.-К. Сарбевского (как и в позднем творчестве Симеона Полоцкого) с достаточной силой выявились и эстетические тенденции восходящего классицизма.

Эстетическая система классицизма при отсутствии национальной государственности белорусской народности осложнила развитие белорусской художественной культуры. Художественная литература развивается в рамках народной культуры вплоть до середины XIX в., смыкается с фольклором и противостоит официальной «шляхетской» культуре.

На развитии других ведущих видов искусства (театр, архитектура, изобразительное искусство) лежит печать усиливающегося полонистического влияния.

Все это не могло не сказаться на развитии эстетической мысли Беларуси в XVIII в.

Эстетика Беларуси в XVIII в. (особенно во второй его половине) развивалась в русле идей европейского Просвещения. Особую роль сыграл в развитии этих идей Виленский университет, в котором плодотворно работали и уроженцы Беларуси. Деятели позднего Просвещения Центрально-Восточной Европы Казимир Нарбут, Ян Снядецкий, Филипп Голянский, Эвсебий Словацкий, Леон Боровский, Анёл Довгирд в своих философских воззрениях обращались и к эстетической проблематике. Так, Я. Снядецкий задавался вопросом о сущности прекрасного [4, с. 123], Ф. Голянский и Э. Словацкий – проблемами классификации искусств, стиля и эстетического вкуса, Л. Боровский исследовал поэзию различных народов, особо отличал эстетическую ценность фольклора [10, с. 251–264, 266–270]. Он различал эстетические доктрины Античности, Ренессанса и классицизма, отмечая, однако, что «нормативная

эстетика Буало и других теоретиков классицизма сдерживала свободу творчества. Эстетика, или наука о хорошем вкусе, писал Л. Боровский, должна избегать поверхностных определений художественного таланта, ориентироваться на разум и природу» [10, с. 272].

Оригинальный философ Анёл Довгирд выступил как бы завершителем философии Просвещения на Беларуси. В своих лекциях виленский профессор отводил известное место и проблемам эстетики, которую он трактовал как науку о художественном творчестве и эстетическом воспитании. Эстетика, согласно его концепции, исследует прежде всего логику становления искусства и закономерности его восприятия. Довгирд утверждает разнообразные возможности создания художественных образов в искусстве: «Одним объектам воображения соответствуют реальные предметы, другим – созданные образы фантазии поэта или художника, народного сказочника, музыканта» [10, с. 276].

Анёл Довгирд соединял эстетическое с психологическим восприятием искусства. Поэтому в центре эстетических воззрений мыслителя была проблема эстетического вкуса; критерии вкуса выступали у него главными основаниями оценки прекрасного.

Искания просветителей XVIII в. подготовили взлет белорусской эстетики, который наметился к середине XIX в. «Именно на протяжении XIX века происходит возрождение белорусской художественной культуры, развитие своеобразной белорусской национальной мысли на фоне возникновения и утверждения романтизма как метода философско-эстетического отношения к действительности и искусству» [7, с. 49].

Белорусский романтизм, испытавший значительное влияние польского романтизма (сыгравшего роль катализатора национального самосознания в польской культуре), сформировался на идеях Просвещения и выразился прежде всего в литературе, хотя преобладающее большинство писателей – Адам Мицкевич, Ян Чечот, Винцент Коротынский, Владислав Сырокомля, Ян Барщевский и даже родоначальник новой белорусской литературы Винцент Дунин-Марцинкевич – писали не только на белорусском, но и (порой преимущественно) на польском языке.

Важным слагаемым эстетической панорамы эпохи белорусского романтизма можно считать анонимное художественное творчество, тесно связанное с фольклором, по своему уровню стоящее в ряду профессиональной художественной литературы (белорусские поэмы первой половины XIX в. «Энеида навыварат» и «Тарас на Парнасе»).

Теоретические положения романтизма в белорусской эстетике выражены широко, но недостаточно четко. В. Дунин-Марцинкевич, например, постулирует перспективы развития белорусской культуры на основе синтеза двух направлений в национальной культуре – шляхетской и народной. В эстетике писателя определяющей эстетической категорией выступает эстетический идеал (на понимании которого лежит непреодоленное влияние классицизма).

Во второй половине XIX в. ведущее место заняла философская доктрина белорусского революционного демократизма. В эстетике это выразилось в тесном переплетении социально-политических, нравственных и эстетических идеалов.

Это наглядно видно в воззрениях Кастуся Калиновского. В газете «Мужыцкая праўда» основной представала идея социального и национального освобождения; эстетический идеал виделся в духовном величии и могуществе трудового народа.

Наиболее разработанными постулаты эстетики революционного демократизма оказались в творчестве писателя Франтишка Богушевича и его последователей – поэтов Янки Лучины и Адама Гуриновича. Задача создания национального искусства сочетается в эстетике Ф. Богушевича с обоснованием народности; его развитие обусловлено функционированием родного языка. «Много было таких народов, что утратили прежде всего язык свой... а потом и совсем замерли. Не покидайте же языка нашего белорусского, чтобы не умерли» [12, с. 17]. В эстетике писателя на первый план выходит категория «правды», которая основывается на справедливости и включает в себя в качестве равнозначных частей истину, добро и красоту.

Эти идеи нашли свое продолжение на новом, более высоком уровне уже в XX в. Как пишет выдающийся историк белорусской эстетики В. Конон, «в конце XIX – начале XX веков в Беларуси состоялось освоение достижений белорусской эстетики и литературно-художественной критики на этапе столкновения и синтеза реалистических и модернистских направлений в эстетике» [10, с. 420].

Особую роль в становлении белорусской национальной эстетики в первое десятилетие XX в. (1905–1917 гг.) сыграли художественная критика и публицистика, оформившееся к этому времени в качестве зрелого компонента национальной культуры.

Следует заметить, что в 10-х годах XX в. шло созревание белорусской философской мысли. Об этом свидетельствует философское эссе Игната Абдираловича (Кончевского) «Адвечным шляхам» (Вильно, 1921), в котором автор, помимо философской проблематики (где магистральной идеей выступает философское осмысление исторического пути белорусского этноса и поиски утверждения своеобразия его культуры), затрагивает и проблемы эстетики [13].

В частности, мыслитель постулирует положение о творчестве, которое он считает «настоящей основой жизни», только наличие творчества во всех сферах человеческой жизнедеятельности обеспечивает свободное бытие человека и последний «удовлетворит свое природное стремление быть творцом» [13, с. 26]. Касается И. Абдиралович и проблемы искусства, определяя его как «создание чистой формы, бесконечное, неисчерпаемое создание» и утверждая, что художник обречен на бесконечный поиск для еще большего углубления, еще более отвечающего «своей внутренней правде» [13, с. 26–27].

Так или иначе, но можно с достаточным уровнем достоверности утверждать, что качественно усиливающийся уровень философской рефлексии и достижения белорусской литературно-художественной критики 10-х годов XX в. (группирующееся вокруг газеты «Наша Ніва» – рупора белорусского национального самосознания) заложили основы белорусской научной эстетики. Об этом свидетельствуют и слова обладающего тонким эстетическим чутьем выдающегося поэта Максима Богдановича, который в черновом наброске одной из последних своих незаконченных работ писал: «В наше время по всей литературе заметно течение, которое основывает такую научную критику по наблюдению над художественными фактами... обладающими той же степенью достоверности, как суждения науки» [14, с. 459].

На развитие эстетической мысли повлияла и практика художественной жизни в Беларуси. В 1918–1920 гг. белорусское искусство находилось в сфере влияния авангардизма – футуризма, кубизма, супрематизма. Последнюю доктрину разрабатывал Казимир Малевич, художник с мировым именем, руководитель группы художников УНОВИС (утвердители нового искусства).

В развитие эстетики на территории Беларуси известный вклад внесли литературно-художественные объединения «Маладняк» (1923–1928 гг.), членами которого были Янка Купала, Якуб Колас, Змитрок Бядуля, Адам Бабареко, Владимир Дубовка, Кузьма Чорный и др.; «Узвышша» (1926–1931 гг.) – Адам Бабареко, Владимир Дубовка, Язэп Пуца, Кондрат Крапива, Петр Глебка и др.; «Польмя» (1927–1932 гг.) – Янка Купала, Якуб Колас, Тишка Гартный и др.

Совершенствованию эстетической мысли Беларуси способствовал и значительно повысившийся уровень искусствоведческой науки (особенно работы конца 1920-х годов Ю. Н. Дрейзина в области музыкознания и Н. Н. Щекотихина в области белорусского изобразительного искусства и архитектуры).

Именно в 20-х годах XX в. сложились все предпосылки (к последним можно отнести и появление философских работ С. Я. Вольфсона) для появления философско-аналитической эстетики на Беларуси.

Ее пионером может быть признан Е. И. Боричевский. В своем исследовании «О природе эстетического суждения» он анализирует эстетическое наследие И. Канта, делает акцент на мировоззренческой стороне эстетического суждения. В то же время теоретической новизной работы следует признать положение о признании первичным основанием эстетического суждения «чувство наслаждения»; а также идею относительно того, что эстетическое суждение выражает внутренний мир индивида и поэтому «есть своего рода художественное творчество» [15, с. 32], а также попытка установить типологию эстетических суждений [15, с. 10].

В другой своей работе Е. И. Боричевский обосновывает значимость эстетических категорий в литературном творчестве [16].

Однако социальная ситуация на Беларуси к 1930-м годам значительно усложнилась.

Это существенным образом сказалось и на эстетике, которая постепенно становилась однозначно идеологически направленной – марксистской – и «развивалась главным образом в форме прикладной социологии искусства – литературно-художественной критики и нормативных программных документов, стремящихся доказать социально-классовую обусловленность художественных направлений, стилей и творчества отдельных писателей, художников, композиторов» [17, с. 32].

Такая же тенденция была характерна и для 1940–1950-х годов. В 1950 г. вышла в свет монография И. В. Гуторова [18], которая, с одной стороны, как бы продолжает традиции 1930–1940-х годов, с другой стороны, как бы открывает новый отсчет в развитии белорусской эстетики, несмотря на ее явные изъяны (присущие и второй его работе «Философско-эстетические взгляды А. С. Пушкина» [19]) – известную упрощенность, оттенки вульгарного социологизма 1930-х годов, неразработанность эстетической понятийной системы и эстетического инструментария. Все же эти работы отразили острую потребность в теоретико-эстетических исследованиях. Отзвуком этой потребности можно считать и появление в 1956 г. проблемной статьи А. С. Лакизо [20], в которой в качестве основополагающей ставилась проблема предмета эстетики.

В 1960-х годах в белорусской эстетике осуществляются качественные изменения: поступательно выявились *три* направления развития эстетических исследований: общее искусствоведение и критика, история эстетики и теория эстетики как специфическая философская наука. Примером первого направления можно представить монографии А. Б. Ладыгиной «Народнасць савецкага мастацтва і беларуская музыка» (1961) и «Искусство и современность» (1964), второго – статьи и небольшую работу В. Конона «Развіццё эстэтычнай думкі Беларусі (1917–1934)», третьего – брошюру В. Н. Старовойтова «Искусство как форма общественного сознания» (1963) и монографию Н. И. Крюковского «Логика красоты» (1965). Последняя упомянутая работа по праву стала флагманом теории эстетики в Беларуси. В ней анализируется структура эстетического объекта, рассматриваются эстетические свойства действительности – цвет, звук, ритм, пропорциональность, симметрия, прекрасное в природе и человеке. В качестве эстетического субъекта представлена эстетика в искусстве. Выдвигается понятие стилей, субординационная связь между основными эстетическими категориями и стилями.

1970-е годы XX в. могут быть признаны временем высшего взлета эстетической науки в БССР. В этом десятилетии вышли значительные работы по истории отечественной эстетики: «От Ренессанса к классицизму: становление эстетической мысли Белоруссии в XVI–XVIII вв.» В. М. Конона (Минск, 1978); «Эстетические взгляды Якуба Коласа» А. С. Майхровича (Минск, 1970); основополагающая работа по истории отечественной эстетики, сохраняющая и поныне свою научную значимость, «Очерк истории эстетической мысли Белоруссии» Э. К. Дорошевича, В. М. Конона (Москва, 1972); «Современная

эстетика Белоруссии» В. А. Салеева (Минск, 1979), которая соединила в себе исторические и современные пласты развития белорусской эстетики...

В теории эстетики значительными работами можно считать работу А. С. Майхровича «Об эстетическом освоении действительности» (Минск, 1973), где рассматривается становление человеческого эстетического сознания, и две монографии Н. И. Крюковского «Основные эстетические категории. Опыт систематизации» (Минск, 1974) и «Кибернетика и законы красоты. Философский очерк» (Минск, 1977). В первой работе Н. И. Крюковский развивает идеи А. С. Майхровича и сочетает эстетический подход с методологией природоведческих наук, во второй анализирует эстетическое на фоне таких понятий, как оригинальность и избыточность информации, обратная связь, изоморфизм и гомоморфизм, энтропии и неэнтропии. Так, определяя своеобразие эстетической информации, автор пишет, что она «имеет количественный максимум в случае отношения, близкого отношению изоморфизма, и снижается до нуля при полном отсутствии связи между объектом и субъектом, как и при полном их тождестве (автоморфизме). Упомянутый максимум приходится на момент единства “оригинальности” и “банальности”, а нули – на моменты соответственно абсолютной “оригинальности” и абсолютной “банальности”» [21, с. 139]. А. Б. Ладыгина защищает докторскую диссертацию по марксистско-ленинской эстетике в разрезе преемственности в соотношении народности, партийности, современности. В 1979 г. в соавторстве с В. В. Грининым она выпускает книгу «Искусство: диалектика и преемственность». В монографии В. А. Салеева «Искусство и его оценка» (Минск, 1977) впервые обосновывается аксиологический подход к искусству, представляется типология массового реципиента искусства. Здесь же аргументированно представлена дифференциация эстетического и художественного отношений; последнее выстраивается на основе художественной ценности, которая «представляет собой как бы синтез эстетического и неэстетического, отраженного, созданного в искусстве (разумеется, при решающей роли эстетического). Это определяет специфику художественного отношения. Оно отличается от эстетического, на наш взгляд, большей усложненностью, большей комплексностью, несмотря на то, что и то и другое отношения имеют однотипные уровни: восприятие и переживание, вкус, идеал» [22, с. 115]. На новый качественный уровень выходит развитие технической эстетики в Беларуси. Ведущие теоретики дизайна И. Я. Герасименко, И. Ф. Селезнев, Г. Т. Сытенко, А. В. Чернышев публикуют свои работы в знаменитых сборниках 1970-х годов «Техническая эстетика», «Труды ВНИИТЭ» (Москва). В 1970 г. И. Ф. Селезнев защищает первую кандидатскую диссертацию по художественному конструированию бытовых приборов; в 1978 г. он выпускает монографию «Дизайн. Проблемы материально-художественной культуры». В 1975-м появляется и первое пособие по эстетике «Марксистско-ленинская эстетика: хрестоматия» (составители А. И. Петров, Г. В. Ратников). Значительная работа проводилась и по эстети-

ческому воспитанию. В 1970–1980-е годы прошли три республиканские конференции по эстетическому воспитанию, выпущено много сборников тезисов (особенно важной в этом плане оказывается сборник, играющий роль итогового: «Эстетическое воспитание молодежи. Проблемы и опыт», Минск, 1986).

В 1976 и 1980-х годах Н. И. Крюковский и А. Б. Ладыгина приняли участие в работе всемирных конгрессов по эстетике в Румынии и ФРГ. В 1980-е годы шло укрепление позиций белорусской эстетики на пространстве СССР. В начале 1980-х защищает докторскую диссертацию по истории белорусской эстетики В. М. Конон, в середине – Н. И. Крюковский (по основным категориям), в конце – Ю. А. Гусев (о месте и роли художника в буржуазном обществе). В 1983 г. выходит в свет монография Н. И. Крюковского «*Homo pulcher. Человек прекрасный*», где впервые предлагается оценка человека с точки зрения эстетики. В конце 1980-х появляется тенденция сочетания работ по эстетике с культурологическими работами. Примером могут служить книга В. М. Конона «*Ля вытокаў самапазнання*» про образование духовных ценностей в свете фольклора (Минск, 1989), а также брошюра В. А. Салеева [23]. В 1990 г. состоялся съезд эстетиков и деятелей эстетического воспитания Беларуси. Представители всех областей и столицы выбрали руководство Белорусской эстетической ассоциации (президент – Н. И. Крюковский, первый вице-президент – В. А. Салеев, вице-президент – В. П. Скороходов).

Тенденция сочетания культурологии и эстетики продолжается в 1990-х годах. Примерами могут служить книга В. М. Конона «*Святло паэзіі і цені жыцця. Лірыка Максіма Багдановіча*» (Минск, 1991), работы В. А. Салеева «*Этническое в системе национальной художественной культуры*» (Москва, 1992, в этом же году В. А. Салеев защитил докторскую диссертацию по эстетике) и «*Этнопедагогика и эстетическое развитие личности*» (Минск, 1999). «*Культурологический*» ответ несет на себе и первая значительная работа В. Ф. Мартынова «*Философия красоты*» (Минск, 1999). В ней рассматривается модификация эпохальных форм красоты в европейской культуре, утрата чувства гармонии в техногенной цивилизации. В монографии В. А. Салеева и О. В. Ивашкевич «*Эстетическое восприятие и детская фантазия*» (Минск, 1999) впервые рассматриваются теоретические проблемы эстетического восприятия игры и детской фантазии.

В 1999 г. выходит из печати и обобщающая в области дизайна работа А. В. Чернышева «*Формальная композиция, творческий практикум по основам дизайна*» (Минск, 1999). Она будто бы предвосхищает новый расцвет практического раздела эстетики – технической эстетики и дизайна. Уже в XXI в., в 2001 и 2003 гг., были защищены новаторские диссертации в этой области К. А. Стрикелевой и В. П. Кляuze, в первое десятилетие XXI в. появляются новые работы Я. Ю. Ленсу.

Обобщая все сказанное, можно считать, что в течение XX века в Беларуси сложилась отечественная школа эстетики как специфической науки. Вы-

росшая из литературно-художественных направлений (публицистики, художественной критики, позднее – искусствоведения), имплицитно вмещающих в себя эстетическое, белорусская эстетическая мысль к концу столетия выразила себя в работах по истории и теории эстетики, выполненных на достойном научном, международном (в лучших своих образцах) уровне.

В XXI столетии, к сожалению, этот непрерывный прогресс, наблюдающийся с 60-х годов XX в., был приостановлен. Во многом это обусловлено тем, что многие ведущие эстетики Беларуси (Н. И. Крюковский, А. С. Майхрович, В. М. Конон, Ю. А. Гусев) ушли из жизни. Усложнившиеся экономические условия развития Беларуси (как и многих стран постсоветского пространства), современные цивилизационные вызовы глобализации, агрессивное внедрение информационных технологий, трудности в постижении современных знаний и снижение статуса науки в глазах определенной части молодежи не способствуют притоку молодых сил в эстетическую науку.

Однако некоторые достижения присущи белорусской эстетике и в XXI столетии. Окончательно оформилась эстетическая школа в Белорусской академии музыки (ее создателем справедливо считается А. Б. Ладыгина), которую ныне представляют кандидаты наук А. Рошупкин, Г. Драговец и ряд молодых исследователей. Появился ряд пособий по эстетике Т. В. Карнажицкой (Минск, 2004); В. А. Салеева и Е. В. Кирпиченок (Минск, 2012).

Определенным достижением можно считать участие представителей Беларуси в работе 19-го (юбилейного) международного эстетического конгресса (Краков, 2013 г.). Доклады М. В. Салеевой «Интуирование как художественная методология» и В. А. Салеева «Мир эстетики в неоаксиологическом измерении» [24] вызвали определенный интерес у участников конгресса.

Существенным вкладом в белорусскую эстетику начала нового века можно считать книги В. М. Конона «Избранное» и «Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі» (т. 1, Минск, 2010). Правда, последняя работа была задумана выдающимся историком эстетики Беларуси в трех томах. Вышел только первый...

Известным дополнением к разработке теории эстетической мысли являются монографические исследования В. А. Салеева «Мастацтва. Мастацтва і сучаснасць» (Минск, 2006) и «Проблемы теории искусства» (Минск, 2016). В первой из них как бы подводятся итоги развития искусства и эстетико-культурологической мысли Беларуси в XX в.; во второй исследуется природа искусства и его теория сквозь призму философско-эстетических воззрений.

Эти небольшие (по сравнению с 70–80-ми годами XX в.) позитивные сдвиги приводят к осторожному оптимизму. Верится, что белорусская эстетика, преодолев нынешний кризис переходного периода, вновь выйдет на необходимый высокий уровень и примет достойное участие в развитии европейской эстетической мысли в XXI веке.

Список использованных источников

1. Гулыга, А. В. Принципы эстетики / А. В. Гулыга. – М. : Политиздат, 1987. – 286 с.
2. Лосев, А. Эстетика / А. Лосев // Философская энциклопедия : в 5 т. / редкол.: Ф. В. Константинов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Совет. энцикл., 1960–1970. – Т. 5 : Сигнальные системы – Яшты. – 1970. – 740 с.
3. Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры / склад. А. Ф. Коршунаў. – Мінск : Вучпедвыд БССР, 1959. – 468 с.
4. Дорошевич, Э. К. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии / Э. К. Дорошевич, В. М. Конон. – М. : Искусство, 1972. – 319 с.
5. Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.) / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права ; [редкол.: К. П. Буслов (гл. ред.) и др.]. – Минск : Наука и техника, 1973. – 556, [1] с.
6. Конон, В. М. От Ренессанса к классицизму: становление эстет. мысли Белоруссии в XVI–XVIII вв. / В. М. Конон ; ред. А. С. Майхрович ; Акад. наук БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1978. – 156, [2] с.
7. Салеев, В. А. Современная эстетика Белоруссии / В. А. Салеев. – Минск : Выш. шк., 1979. – 218, [3] с.
8. Скарына, Ф. Прадмовы і пасляслоўі : [зб.] / Францыск Скарына ; [рэд. В. В. Барысенка ; уступ, камент. А. Ф. Коршунава ; Акад. навук Беларус. ССР, Ин-т літаратуры імя Я. Купалы]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 237, [1] с., [1] л. партр.
9. Подокшин, С. А. Скорина и Будный : очерк философских взглядов / С. А. Подокшин ; науч. ред. А. С. Майхрович ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1974. – 173, [2] с.
10. Конон, Ул. Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі : у 3 т. / Ул. Конон. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 1 : Х ст. – 1905 г. – 439 с.
11. Вайткунас, Г. Очерк развития эстетической мысли в Литве / Г. Вайткунас. – М. : Искусство, 1972. – 231 с.
12. Багушэвіч, Ф. Творы / Францішак Багушэвіч. – Мінск : Беларусь, 1967. – 228 с.
13. Канчэўскі І. У. [Абдзіраловіч І.] Адвечным шляхам : дасьледзіны беларус. сьветагляду / І. У. Канчэўскі ; прадм. С. Дубаўца. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 43 с. – (Згукі мінуўшчыны).
14. Багдановіч, М. Збор твораў : у 2 т. / М. А. Багдановіч ; рэд. В. В. Барысенка [і інш.] ; АН БССР, Ин-т літ. імя Я. Купалы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – Т. 2 : Проза, літаратурна-крытычныя і публіцыстычныя артыкулы, пісьмы. – 575 с.
15. Боричевский, Е. И. О природе эстетического суждения / Е. И. Боричевский. – Минск : Белтрестпечать, 1923. – 12 с.
16. Барычэўскі, Я. І. Паэтыка літаратурных жанраў / Я. І. Барычэўскі ; апрац. У. Дзяржынскі. – Мінск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1927. – 163, [4] с.
17. Конон, В. М. Эстетическая мысль Советской Белоруссии / В. М. Конон ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1978. – 110, [2] с.
18. Гуторов, И. В. Эстетические основы советской литературы / И. В. Гуторов ; [ред. М. Т. Лыньков] ; Акад. наук Белорус. ССР. – Минск, 1950. – 514, [2] с.
19. Гуторов, И. В. Философско-эстетические взгляды А. С. Пушкина / И. В. Гуторов. – Минск : Изд. Белорус. ун-та, 1957. – 88 с.
20. Лакизо, А. С. К вопросу об отношении философии к эстетике / А. С. Лакизо // Науч. тр. по философии. – Минск : Изд-во БГУ, 1956. – Вып. 1. – С. 130–139.
21. Крюковский, Н. И. Кибернетика и законы красоты : филос. очерк / Н. И. Крюковский. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1977. – 252, [2] с.
22. Салеев, В. А. Искусство и его оценка / В. А. Салеев. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – 156, [2] с.
23. Салееў, В. А. Нацыянальная самасьвядомасьць і мастацкая культура / В. А. Салееў ; Праўленне тав-ва «Веды» БССР. – Мінск, 1990. – 22 с.
24. Aesthetics in action. Abstract book // 19th International Congress of Aesthetics. – Kraków, 2013. – P. 254–256.

В. Б. Евароўскі

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

НАВУКОВАЯ ШКОЛА Ў ГАЛІНЕ ГІСТОРЫІ ФІЛАСОФСКОЙ І ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЙ ДУМКІ БЕЛАРУСІ

Філасофская думка на беларускіх землях развіваецца на працягу дастаткова вялікай колькасці гістарычнага часу. Пачынаючы з сярэдзіны ХХ ст. праца па аб'гульненні рэфлексіі і каментаванні асобных фрагментаў нацыянальнай філасофскай спадчыны дасягнула «крытычнай масы», што неўзабаве прывяло да станаўлення і сталення цэлай навуковай школы гісторыка-філасофскіх даследаванняў. Адначасова з гэтым фарміраваўся тэрэтычны кірунак развіцця навуковай школы са сваімі арыгінальнымі ідэямі і канцэптуальнымі схемамі. Сярод асоб, якія ў свой час вызначалі напрамку развіцця гісторыка-філасофскіх даследаванняў, трэба адзначыць К. П. Буслова, А. С. Майхровіча, У. М. Конона і інш. На сённяшні момант справядліва размаўляць аб станаўленні паўнаважнай навуковай школы гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. Яе адметнай рысай з'яўляецца наяўнасць унікальнай філасофскай традыцыі, плюралізму думкі і метадаў мыслення, у нейкім сэнсе крытыцызм і міждысцыплінарнасць. Гэта забяспечвае добрую дынаміку вынаходніцтва новых ведаў, не разбураючы пры гэтым фундаментальныя і якасныя часткі ўласнай філасофскай традыцыі. Такім чынам, айчынная філасофія, дзякуючы таксама і намаганням прадстаўнікоў нашай навуковай школы, безумоўна, стала раўнапраўнай часткай сусветнай філасофскай спадчыны.

Ключавыя словы: беларуская філасофія, гісторыя філасофіі, навуковая школа, філасофская традыцыя, плюралізм, Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, анталогічная гісторыя беларускай філасофскай думкі, накаленне Школы

В. Б. Еворовский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

НАУЧНАЯ ШКОЛА В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ

Философская мысль на белорусской земле развивается на протяжении достаточно длительного исторического периода. Начиная с середины ХХ в. работа по обобщению рефлексии и комментированию отдельных фрагментов национального философского наследия достигла «критической массы», что вскоре привело к становлению и взролению целой научной школы историко-философских исследований. Одновременно с этим формировалось теоретическое направление развития научной школы со своими оригинальными идеями и концептуальными схемами. Среди лиц, которые в свое время определяли направления развития историко-философских исследований, следует отметить К. П. Буслова, А. С. Майхровича, В. М. Конона и др. Сегодня следует говорить о становлении полноценной научной школы истории философ-

ской и общественно-политической мысли Беларуси, отличительной чертой которой является наличие уникальной философской традиции, плюрализма мысли и методов мышления, в каком-то смысле критицизм и междисциплинарность. Это обеспечивает хорошую динамику появления новых знаний, не разрушая при этом фундаментальных и качественных частей собственной философской традиции. Таким образом, отечественная философия, благодаря также усилиям представителей нашей научной школы, безусловно, стала равноправной частью мирового философского наследия.

Ключевые слова: белорусский философия, история философии, научная школа, философская традиция, плюрализм, Институт философии Национальной академии наук Беларуси, онтологическая история белорусской философской мысли, поколение Школы

V. Yevarouski

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SCIENTIFIC SCHOOL IN THE SPHERE OF THE HISTORY OF PHILOSOPHICAL, SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT OF BELARUS

Philosophical thought on the Belarusian land is developed for quite a large amount of historical time. Since the middle of the twentieth century, the work of reflection generalization and commenting individual fragments of the national philosophical heritage has reached a “critical mass”, which soon led to the formation and maturation of the whole scientific school of historical and philosophical studies. At the same time, a theoretical direction of development of scientific school with their original ideas and conceptual schemes was rapidly developing. Among those, who determined the directions of development of historical and philosophical studies, there should be noted K. P. Buslov, A. S. Mayhrovich, U. M. Conan and others, which is described in the article. Today one can talk about formation of a full-fledged scientific school of “the history of philosophical and political thought of Belarus”, the distinguishing feature of which is the presence of a unique philosophical tradition, pluralism of thought and ways of thinking, criticism and interdisciplinarity. This provides a good dynamics of the invention of new knowledge, not rejecting the fundamental and qualitative part of their own philosophical tradition. Thus the domestic philosophy, thanks also to the efforts of members of our scientific school, definitely became an equal part of the world philosophical heritage.

Keywords: *Belarusian philosophy, history of philosophy, scientific school, philosophical tradition, pluralism, Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus, the Belarusian ontological history of philosophical thought, the generation of School*

Этап станаўлення (60–80-я гады XX стагоддзя)

Мэтанакіраваныя даследаванні ў галіне беларускай філасофіі праводзяцца ў Інстытуце філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ўжо больш за паўстагоддзя. Такім чынам, наша навуковая школа мае сваю гісторыю, пэўныя дасягненні і традыцыю. Таму пры аналізе гісторыі філасофіі Беларусі мы можам зыходзіць з двух магчымых кірункаў. З аднаго боку, прадмет даследавання ўяўляе сабой навуку або шматразова апісаны працэс атрымання новых ведаў.

З другога боку, гісторыя беларускай філасофіі – прадукт творчасці навуковых калектываў якія мэтанакіравана і прафесійна займаюцца пэўнага роду дзейнасцю: даследуюць мінулае нацыянальнай думкі, апісваюць і рэпрэзентуюць яго.

Перыяд сталасці школы гісторыка-філасофскіх даследаванняў у Беларусі прыпадае на канец 60-х – пачатак 70-х гадоў XX ст. Пасля выхаду кнігі «Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избранные произведения XVI – начала XIX в.» [1] надышоў час, калі да збору матэрыялу і абагульнення асобных фрагментаў інтэлектуальнай рэальнасці мінулага дадалося напісанне тэарэтычных прац, прысвечаных не толькі пэўнаму абагульненню сабранага матэрыялу, але і задумванню той ці іншай канцэптывальнай схемы, здольнай ахапіць усю рэальнасць і паказаць некаторыя тэндэнцыі яе развіцця. Нейкім прамежковым пунктам гэтай працы было выданне ў 1973 г. пад рэдакцыяй К. П. Буслова «Очерков истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.)» [2]. Па сутнасці, з гэтых дзвюх кніг і пачынае назапашвацца вопыт комплексных даследаванняў у галіне беларускай філасофіі. Праз абагульненне здабыткаў пасляваеннага перыяду адбываецца выбудоўванне тых метадалагічных узораў, на якіх і цяпер грунтуюцца нашыя даследаванні ў галіне гісторыі філасофіі Беларусі.

Збіраць матэрыял, апісваць асобныя персаналіі ці эпохі магчыма, не толькі прытрымліваючыся розных метадалогій, але і кіруючыся рознымі сістэмамі пераконвання або ідэалагічнымі прынцыпамі. Нельга інтэнсіфікацыю развіцця гэтага навуковага кірунку гэтак жа цалкам звесці да нейкіх унутраных механізмаў назапашвання і развіцця ведаў у гэтай галіне гісторыка-філасофскіх даследаванняў. Больш за тое, няправільна разглядаць развіццё гісторыка-філасофскіх даследаванняў у Беларусі па-за кантэкстам агульнага культурнага фону Савецкага Саюза 1960–1970-х гадоў. Перш за ўсё неабходна адзначыць, што працы па гісторыі нацыянальнай філасофіі прыкладна ў гэты ж час з’яўляюцца і ва Украіне [5, 6], і ў Літве [7].

Па сутнасці, для многіх нацыянальных філасофій гэтай прасторы агульнасаюзная гісторыя адначасова была цэласнай версіяй і ўласна лакальнага развіцця, ад якой ужо, зыходзячы з інстытуцыянальных традыцый савецкай філасофіі, вымушаны былі адштурхоўвацца і ўсе далейшыя нацыянальныя тэорыі. Гісторыя філасофскай думкі Беларусі не была тут выключэннем.

Тэндэнцыі развіцця марксісцка-ленінскай філасофіі ў СССР адначасова адкрывалі шырокі шлях да паглыбленага і прафесійнага аналізу ўсёй шматграннай філасофскай спадчыны дамарксісцкага перыяду найперш праз няўна дэкларуемы зварот да Г. Гегеля, і ў прыватнасці да яго схемы гісторыка-філасофскага працэсу [8]. У Беларусі такая пазіцыя стымулявала іншыя важныя пласты даследаванняў, які мы цяпер называем станаўленнем прафесійнай філасофіі ў Беларусі [9, 10]. І гэта перадусім «адкрыццё» эпохі Асветніцтва ў Беларусі [11, с. 479–485], якое належыць Э. К. Дарашэвічу і А. А. Біралу. Крыху пазней тэма беларускага Асветніцтва была развіта Э. К. Дарашэвічам ў шэрагу фундаментальных прац [12–14], а таксама стала тэмай яго доктарскай дысертацыі [15].

Другі – фундаментальны блок, на які традыцыйна абапіраецца айчынная школа гісторыка-філасофскіх даследаванняў. Мы маем на ўвазе тэмы, распра-

цаваныя Д. І. Шыраканавым і М. С. Купчыным у рамках праекта «История философии в СССР», звязаныя з агульнапалітычнымі поглядамі беларускіх рэвалюцыйных дэмакратаў (Ф. Багушэвіч, Я. Лучына, К. Каліноўскі). У чацвёртым томе гэтага выдання даследчыкамі была зроблена спроба ўвядзення ў зварот філасофскага разгляду творчай спадчыны Якуба Коласа і Янкі Купалы [16, с. 652]. У 1970-я гады вышэйадзначаны беларускі рэвалюцыйны дэмакратызм разглядаўся ў крыху абстрактным і ўрэзаным выглядзе – як частка агульнай барацьбы супраць самадзяржаўя, што адбывалася на тэрыторыі Расійскай імперыі. Пазней, дзякуючы найперш даследаванням А. С. Майхровіча [17–19], творчасць і сацыяльная дзейнасць беларускіх рэвалюцыйных дэмакратаў была арганічна звязана з агульным працэсам нацыянальнага развіцця нашай нацыі (гл. пра гэта [20, с. 63–81; 21]).

Ацэньваючы гэты першапачатковы этап, можна адзначыць, што яго дасягненні, прычым не толькі канцэптуальна-метадалагічнага, але і арганізацыйнага плана, былі надзвычай прадуктыўнымі для далейшага развіцця школы гісторыка-філасофскіх даследаванняў у Беларусі. Гэтая наша выснова пацвярджаецца ўжо тым, што ў наступныя два дзесяцігоддзі выходзіць шэраг фундаментальных манаграфій [22–24], а па выніках даследаванняў калектыў гісторыкаў філасофіі (А. С. Майхровіч, С. А. Падокшын, У. М. Конан і інш.) у 1984 г. атрымаў Дзяржаўную прэмію БССР за цыкл прац па гісторыі філасофіі і грамадскай думкі Беларусі дакастрычніцкага перыяду. Такія высокія дасягненні абумоўлены тым, што ўжо на гэтым, першапачатковым этапе развіцця школы ў межах калектыву даследчыкаў беларускай філасофіі была створана творчая атмасфера, вольная ад дагматызму і ідэалагічнай абмежаванасці. Па ўспамінах супрацоўнікаў, з тых далёкіх часоў склалася традыцыя грунтоўнай і нязмушанай дыскусіі пры абмеркаванні, свабоднай ад аўтарытарызму і навязвання пунктаў гледжання, што спрыяла развіццю творчага патэнцыялу ў прадстаўнікоў беларускай філасофскай школы.

Пры разглядзе генезісу школы гісторыка-філасофскіх даследаванняў Беларусі мы робім акцэнт на інстытуцыйным аспекце, гэта значыць звяртаем увагу не на ўсю традыцыю даследаванняў, але менавіта на той кірунак, які звязаны з дзейнасцю школы ў Акадэміі навук. Вядома, любое падобнае вылучэнне заўсёды будзе ўмоўным, паколькі тое «інтэлектуальнае цела», у якім развіваліся даследаванні па гісторыі беларускай філасофіі, на ўсіх этапах было значна больш аб'ёмным, чым структура акадэмічнай навукі. У прыватнасці, адначасова альтэрнатывай і карысным дадаткам былі тыя даследаванні па беларускай філасофіі, што праводзіліся ў Беларускім дзяржаўным універсітэце. Дзейнасць навуковай школы звязана з такімі імёнамі, як І. М. Лушчыцкі [25], А. А. Бірала [26, 27], А. С. Кляўчэня [28, 29], М. І. Юська [30], А. А. Лягчылін [31], В. Ф. Шалькевіч [32, 33], С. А. Малевіч [34] і інш.

Аднак прынцыповае адрозненне паміж гэтымі дзвюма інстытуцыямі, што заўсёды канкуруравалі між сабой, усё ж было. І звязана яно са статусам ціка-

вай для нас галіны нацыянальнай філасофскай думкі. Калі для ўніверсітэта «беларускі напрамак» аж да таго часу, калі наша краіна набыла незалежнасць, заставаўся справай другаснай, то для Інстытута філасофіі менавіта гісторыя філасофскай грамадска-палітычнай думкі Беларусі была «галоўнай гісторыяй філасофіі», па якой у асноўным пісаліся манаграфіі і абараняліся дысертацыі [15, 35]. З іншага боку, у тых даследаваннях, што праводзілі акадэмічныя вучоныя, як правіла, удзельнічалі і выкладчыкі ўніверсітэта. Не сталі выключэннем «Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.)» [2], надрукаваныя ў 1973 г.

Для аднаўлення ўласна гісторыі школы гісторыка-філасофскіх даследаванняў Беларусі дадзенае выданне ўжо на ўзроўні першага знаёмства з ім дорыць нам некалькі цікавых момантаў. Гэта першая абагульняючая праца, якая прэзентуе ўжо на даследчае (а не хрэстаматыйнае) апісанне ўсёй цэласнай гісторыі айчынай думкі. Да таго ж менавіта ў гэтай кнізе ўпершыню адлюстраваны вынікі даследаванняў А. С. Майхровіча У. М. Конана, Э. К. Дарашэвіча, К. С. Пракошынай, С. А. Падокшына, Н. М. Махнач. Напрыканцы зробім яшчэ адно назіранне. Падобна да фігур на шахматнай дошцы, вучоныя занялі ў дысцыплінарнай структуры нацыянальнай гісторыка-філасофскай навукі строга вызначанае месца. Замацаваўшы за сабой пэўныя дзялячкі, яны адначасова задалі і тыя асноўныя кірункі даследаванняў, у якіх потым развівалася айчынная школа.

Раздзел кнігі, прысвечаны раньняму перыяду беларускай думкі, быў напісаны У. М. Конанам, а асобныя параграфы, звязаныя з эпохай Адраджэння, – С. А. Падокшыным. Рэлігійная праблематыка стала сферай інтарэсаў К. С. Пракошынай, а Асветы – Э. К. Дарашэвіча. У гэтай жа манаграфіі ўпершыню адлюстраваны вынікі праведзеных А. С. Майхровічам даследаванняў рэвалюцыйнага дэмакратызму, а таксама творчасці Янкі Купалы і Якуба Коласа.

Закранаючы ўжо канцэптualныя моманты аналізуемых «Очерков...» [2], можна адзначыць і тое, што тыя першыя тэксты «патрыярхаў беларускай філасофскай думкі», якія там змешчаны, адначасова з’явіліся таксама пачаткам асэнсавання «космасу нацыянальнай філасофіі». Даследчыкі ўводзілі ў навуковы абарот шэраг важных метадалагічных канцэптаў, якія пазней будуць развіты да ўзроўню шырокіх абагульненняў і змястоўных эксплікацый. Гэта, у прыватнасці, тычыцца намаляваных А. С. Майхровічам вобразаў Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча, Янкі Купалы і Якуба Коласа. Менавіта тут мы ўпершыню знаходзім думкі Альфрэда Сцяпанавіча пра ўтапічны характар ідэй Дуніна-Марцінкевіча, а таксама адносна гіпербалізацыі гэтым беларускім пісьменнікам абстрактна-гуманістычных паняццяў. Гэта падмацоўваецца ўпэўненасцю, што, нягледзячы на сваю абмежаванасць, гэта дзейнасць з’явілася «глебай для ўсведамлення неабходнасці існавання літаратуры на беларускай мове... вытокамі рэальных крокаў у гэтым кірунку» [2, с. 302–303].

Прыкладна ў той жа час у гісторыі школы гісторыка-філасофскіх даследаванняў Беларусі вызначылася іншая важная тэндэнцыя. Першасная метадало-

гія, на аснове якой ствараліся першыя абагульняючыя работы [1, 2, 25], была выпрацавана з апорай на агульнасаюзную праграму даследаванняў шматнацыянальнай савецкай філасофіі. У 1970-я гады практычна адначасова прапаноўваліся ўжо дзве «ўнутраныя» парадыгмы тэарэтычнага асэнсавання беларускай нацыянальнай філасофіі, якія, па-першае, абапіраліся на тое, што мы ўмоўна можам назваць беларускім духоўным вопытам, а па-другое, з'яўляліся ў цэлым самастойнымі канцэпцыямі. Мы маем на ўвазе манаграфію «Об эстетическом освоении действительности» А. С. Майхровіча [36] і працу У. М. Конана і Э. К. Дарашэвіча «Очерк истории эстетической мысли Белоруссии» [12].

Зусім невялікая па аб'ёме (181 старонка) работа заўсёды была прадметам асаблівага гонару Альфрэда Сцяпанавіча. У гэтай манаграфіі даследчык зрабіў надзвычай рэдкую для савецкай гуманітарнай навукі спробу асабліва дадатнага філасофствавання, у аснову якога была пакладзена прэтэнзія на самастойнае выбудоўванне гісторыка-філасофскага працэсу. У гэтым дачыненні ў агульным корпусе філасофскай спадчыны Беларусі яна займае асаблівае месца. Па сутнасці, манаграфія А. С. Майхровіча – гэта другая пасля «Адвечным шляхам» [37] спроба цэласнага тэарэтычнага асэнсавання гістарычнага працэсу (на гэты раз універсальнага) з пункту гледжання беларускага нацыянальнага досведу. Тут мы бачым не запазычванне гатовых рэцэптаў з існуючага арсенала марксісцка-ленінскай філасофіі, але амаль незалежны рух па асноўных вехах універсальнага інтэлектуальнага развіцця.

У цэлым аналізуемая канцэпцыя ўяўляе складаны і шматгранны сінтэз, прынамсі, трох кампанентаў. Па-першае, пры аналізе эстэтычнага развіцця А. С. Майхровіч актыўна выкарыстоўвае работы А. Ф. Лосева і яго досвед аналізу дынамікі антычнай эстэтычнай думкі. Па-другое, у манаграфіі «Об эстетическом освоении действительности» гэты беларускі філосаф упершыню апрабоўвае гегелеўскія схемы рэпрэзентацыі гісторыка-філасофскага працэсу як дынамічнай мадэлі. І па-трэцяе, замест традыцыйнага для марксізму-ленінізму прызнання класавай барацьбы і прымата эканомікі як галоўных рухаючых сіл гісторыі Альфрэд Сцяпанавіч нібы вяртаецца да ранняга К. Маркса, гаворачы пра веліч працы наогул у трох яе іпастасях: пераўтварэння грамадства, узбагачэння чалавека і ўскладнення пазнавальнай дзейнасці.

Навуковая спадчына А. С. Майхровіча шматгранная і ахоплівае амаль увесь спектр пытанняў, над якімі і цяпер працягвае працаваць айчынная гісторыя філасофіі. Гэта працы ў галіне гісторыі культуры, сацыяльнай філасофіі, эстэтыкі, этыкі. Ён імкнуўся не толькі выкладаць гісторыю беларускай думкі, але і канцэптuallyна выбудоўваць яе асноўныя вехі, звязваючы тэксты, персаналіі, а таксама інтэрпрэтацыі перыядаў у адзіную лінію, падпарадкаваную агульнай ідэі збудавання. У якасці стрыжня, што спалучаў усе эпохі і народы ў агульную гісторыю, А. С. Майхровіч прызнаваў ідэі гуманізму, а эвалюцыю грамадства вучоны разглядаў менавіта як яго гуманізацыю.

З гэтага пункту гледжання ў першай главе манаграфіі А. С. Майхровіч разглядае эвалюцыю чалавечай цывілізацыі, якую падзяляе на фазы, што азначаюць узровень гуманізацыі. У якасці першаснай фазы існавання чалавечтва ён разглядае «нарматыўна-забаронную табуіраванасць» першабытнага грамадства. Маральнасць, якая мае свой пачатак у Антычнасці, дасягае сваёй завершанасці ў светапоглядзе, што склаўся на аснове хрысціянскіх прынцыпаў, а менавіта ў той антрапалагічнай мадэлі, перадумовай якой з'яўляецца хрысціянскае веравызнанне.

Сваімі працамі А. С. Майхровіч стварыў трывалы метадалагічны каркас для ажыццяўлення цяперашніх даследаванняў, а таксама выканання вялікай і ўсеабдымнай праграмы па напісанні шматтомнай гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. Творчая спадчына А. С. Майхровіча з'яўляецца базісам паспяховага развіцця айчыннай школы гісторыі філасофіі, што вывучае духоўную спадчыну нашага народа.

Уладзімір Конан – таксама знакавая постаць школы філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. Хаця для тых, хто знаёмы з творчасцю гэтага філосафа, відавочна, што сутнасць яго спадчыны не можа быць зведзена толькі да нейкай пэўнай галіны філасофіі і да галіны гуманітарыстыкі наогул. Ён уяўляў сабой рэдкі для сучаснасці тып вучонага-энцыклапедыста. У беларускай культуры Уладзімір Міхайлавіч лічыўся прызнаным аўтарытэтам шмат у якіх галінах ведаў: ад фалькларыстыкі і культуралогіі да беларускай філалогіі і мастацтвазнаўства. І ўсё ж дазволім сабе меркаванне, што, звяртаючыся да ўсіх шматлікіх прадметаў свайго зацікаўлення, ён выступаў найперш як філосаф – гэта значыць імкнуўся шляхам напрацоўкі і наступнай інтэрпрэтацыі выкарыстоўваць велічэзны факталагічны матэрыял перш за ўсё для верыфікацыі пэўнай канцэпцыі беларускага нацыянальнага генезу. Пры гэтым, вядома, нельга меркаваць, што ён быў пад ціскам нейкай канцэпцыі, пад якую «падганяў» матэрыял, хутчэй мы можам выказаць здагадку пра тое, што гэты філосаф практыкаваў нейкую *універсальную метадалогію*, якая, як і ў любых іншых выпадках, абапіралася, з аднаго боку, на структуру перакананняў, а з іншага – на выбар канона з універсальнай школы думкі.

Аднак пры аналізе асаблівасці дыялектыкі У. М. Конана неабходна вылучыць яшчэ адзін істотны момант, які мае дачыненне ўжо не да філасофска-тэарэтычных, а да агульнасветапоглядных асноў яго творчасці. Гаворачы пра мэты і задачы сваёй кнігі «Ля вытокаў самапазнання...», ён бярэ за аснову менавіта ўзнаўленне народнай культуры [38, с. 3], гэта значыць, ператварэнне гэтай спадчыны ў нацыянальную рэальнасць ва ўсёй цэласнасці. Мы тут, па сутнасці, бачым філасофскае пераасэнсаванне той жа, ужо адзначанай намі ў пачатку артыкула рэвалюцыйна-дэмакратычнай мадэлі. Кніга «Ля вытокаў самапазнання...», што выйшла ў свет напярэдадні набыцця суверэннага Беларускага, сваёй назвай наглядна паказала той кірунак пошуку вытокаў, які, магчыма, у крыху метафарычнай і завуяляванай форме вызначае народны ка-

рані новага беларускага Адраджэння. Да гэтай жа канвы дыялектыкі архаічнага і сучаснага, як падкрэслівае С. І. Санько [39, с. 27], У. М. Конан звяртаецца і ў сваёй апошняй рабоце – першым томе «Гісторыі эстэтычнай думкі Беларусі» [40].

Калі даследаванні А. С. Майхровіча ў галіне гісторыі філасофіі пачыналіся з параўнальна невялікай па аб'ёме манаграфіі [36], то для У. М. Конана такімі ўводзінамі стала напісаная разам з Э. К. Дарашэвічам кніга «Очерк истории эстетической мысли Белоруссии» [12]. Перш чым звярнуцца непасрэдна да гэтай працы, адзначым дзіўнае падабенства двух загаловаў. І Майхровіч і Конан пачыналі менавіта з эстэтыкі. Гэта, у прынцыпе, у адносінах да агульнай гісторыі беларускай любамудрасці з'яўляецца заканамерным, паколькі відавочна, што асноўнай субстанцыяй існавання крайніх бачанняў свету была менавіта мастацкая культура.

З іншага боку, «Очерк истории эстетической мысли Белоруссии» не зводзіцца да класічнай эстэтычнай парадэгмы, але выходзіць на выключна філасофскія абагульненні, разглядаючы генезіс айчынай культуры менавіта як гісторыю думкі. Па сутнасці, у гэтай працы мы маем (бадай, упершыню) спробу такой канцэптуалізацыі, якая выходзіць за тэя дэскрыптыўныя межы, што можна вызначыць як «*філасофская думка ў Беларусі*», і, наадварот, патрабуе менавіта *гісторыі філасофіі Беларусі* як нейкай канцэптуальна аформленай і метадалагічна структураванай субстанцыі, імпліцытна прывязанай да нашага «нацыянальнага космасу».

Дадзеная манаграфія Конана і Дарашэвіча, хаця не ў прама дэклараванай форме, але ўсё ж відавочна ставіла задачу рэканструкцыі беларускай культуры менавіта як адзінага духоўнага цела, што мела ўнутры нейкую іманентную логіку развіцця.

Гаворачы пра тое, як працавала схема полілінгвістычнай мадэлі беларускай філасофіі, адзначым, што яна стварыла вельмі камфортныя ўмовы для шматграннай работы па назапашванні матэрыялу, яго перакладу і філасофскай інтэрпрэтацыі. У гісторыю аддзела гісторыі філасофіі ўвайшлі вельмі цёплыя ўспаміны пра рэгулярныя камандзіроўкі супрацоўнікаў у Вільнюс, Маскву і Ленінград, дзе з надзвычайнай скрупулёзнасцю выбіраліся і капіраваліся разнастайныя крыніцы, у тым ліку на лацінскай і польскай мовах. Вынікі гэтай працы сталі асновай для напісання манаграфій і навуковых артыкулаў У. В. Дуброўскага [41], А. Я. Цукермана [42], Л. А. Чарнышовай [43]. Крыху пазней, ужо ў пачатку 1990-х гадоў, выйшла ў свет своеасаблівая анталогія «Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в.» [44], у якой змешчалася большая частка перакладзеных і інтэрпрэтаваных крыніц. На гэтай жа факталагічнай базе дзякуючы арганізацыйным намаганням і тэарэтычным напрацоўкам К. С. Пракошынай [45, 46] была створана школа беларускага рэлігіязнаўства.

Назапашаны матэрыял стаў факталагічнай базай для вялікай колькасці даследаванняў, прысвечаных як асобным персаналіям, так і цэлым эпохам.

Мы ўжо адзначалі кардынальнае значэнне ключавых для разумення айчыннай філасофскай думкі рэканструкцый такіх стадый яе развіцця, як Асветніцтва, якое даследаваў Э. К. Дарашэвіч [12, 13, 15], а таксама Адраджэнне – любімая тэма намаганняў С. А. Падокшына [47]. Беларускі рамантызм і позняе Асветніцтва даследавала Н. М. Махнач [48–50]. А. С. Майхровіч на працягу ўсёй сваёй творчасці цаглінка за цаглінкай будаваў цэласную і шматгранную карціну дынамікі станаўлення беларускай нацыянальнай ідэі, а таксама канцэптуалізаваў Сярэднявечча і ранні Рэнесанс [17–19, 51]. Нейкай канкурэнтнай мадэллю выступалі канструкцыі У. М. Конана [52, 53].

Працэсы перабудовы і дэмакратызацыі грамадства дазволілі беларускім філосафам зрабіць чарговы крок, які па сваёй значнасці стаў вянец агульнай тэорыі айчыннай думкі. Менавіта ў сумеснай беларуска-літоўскай манаграфіі «Філасофская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы: дооктябрьский период: закономерности развития, проблемы исследования» [23] упершыню многія рэчы былі названы сваімі імёнамі. Тут у дадатак да абстрактных у пэўнай ступені разваг пра рэвалюцыйна-вызваленчую барацьбу беларускага народа ў выразнай і зразумелай форме быў уведзены канцэпт «нацыянальнай філасофскай думкі» і пастаўлена задача распрацоўкі «агульнай канцэпцыі нацыянальнага гісторыка-філасофскага працэсу» [23, с. 4–5]. Крыху пазней гэтая ўжо відавочна эксплікаваная навуковая праграма становіцца краевугольным каменем апошніх манаграфій А. С. Майхровіча [19, 51]. Тыя інтэнцыі свабоды і эмансipaцыі ад нацыянальнага і класавага ўціску, што ставіліся гэтым філосафам на ўсіх этапах яго творчасці, былі тут пададзены квінтэсенцыяй беларускай нацыянальнай ідэі, светапоглядным падмуркам станаўлення Рэспублікі Беларусь як суверэннай і незалежнай дзяржавы [54, 55].

Сучасны стан і перспектывы развіцця

Не ва ўсіх нацыянальных навуковых традыцыях ёсць такая дысцыпліна, як уласная гісторыя філасофіі. Самым простым адказам на тое, чаму на Беларусі працягваюць шукаць нефіласофскія формы філасофствавання, з'яўляецца выраз накшталт «я раблю так, бо так рабілі да мяне». На самой справе ёсць традыцыя ці, дакладней кажучы, навуковая школа, існаванне якой падпарадкоўваецца сваім уласным законам. Нейкая навуковая школа мае момант свайго нараджэння, свайго росквіту і, нажаль, разбурэння. Больш таго, навуковая школа разам са сваёй уласнай гісторыяй узнікнення і развіцця, ці геніялогіяй, мае тое, што называецца легендарнай гісторыяй, бо шмат якія даследчыкі захоўваюць сярэднявечную сціпласць. Так, С. А. Падокшын, упершыню распрацоўваючы канцэптуальныя высновы беларускага Рэнесансу, знаходзіў «вытокі» сваёй канцэпцыі ў М. Багдановіча, Ц. Любаўскага. А. С. Майхровіч свае разважанні аб лёсах беларускай цывілізацыі (дарэчы, у духу філасофіі

Г.-В.-Ф. Гегеля) укладваў у вусны Еўфрасінні Полацкай ці невядомых аўтараў старажытных беларускіх летапісаў.

Якія ж здабыткі прынесла беларуская гісторыка-філасофская традыцыя савецкага і постсавецкага перыяду? Яна пачыналася з селекцыі фрагментаў, якія мелі філасофскія канатацыі, а скончылася пошукамі існага быцця і чалавека Альфрэда Майхровіча [19] і архетыпамі культуры Уладзіміра Конана [56]. Цікава тут і другое, гэта па вялікім рахунку другасная філасофская дысцыпліна выхавала інтэлектуальных волатаў нацыянальнага маштабу: У. Конана, А. Майхровіча, С. Падокшына. Нешта падобнае мы можам назіраць у філасофскай традыцыі нашых суседзяў [57]. Імёны Раманаса Плячкайціса [58] у Літве, Вілена Горскага [59, 60] ва Украіне самі па сабе з'яўляюцца сімвалічнымі. Была такая асаблівасць савецкай гуманітарнай навукі, што самае цікавае ў ёй рабілася на маргінэсе. Савецкі час – гэта перыяд панавання завуаліраваных форм. Калі кнігі пачынальнікаў беларускага нацыянальнага адраджэння ляжалі ў спецсховішчах, даследаванні ў галіне, напрыклад, Сярэднявечча і Рэнэсансу заставаліся амаль адзінай формай развіцця самасвядомасці беларускай нацыі.

Вядома, мы працягваем традыцыю. Але што ёсць гэта традыцыя? Бо калі мы не маем адказу на гэтае пытанне, немажліва ні яе падсумаваць, ні яе развіццё. У 2008–2013 гг. наша даследчая група падрыхтавала і выпусціла ў свет тры тамы «Гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі»... Гэту гісторыю аўтарскі калектыў лічыў менавіта падсумаваннем і развіццём той традыцыі, асновы якой закладваліся ў 1970–1990-я гады. Калі праводзіць пэўныя аналогіі з агульнай гісторыяй філасофіі, то перад намі ў гэтай справе паўсталі выклікі крытычнага перыяду, не ў сэнсе развіцця з мінулай спадчынай навуковай школы і нават не ў спробе яе пераасэнсавання, а хутчэй у кантаўскім сэнсе крытычнай філасофіі.

У максімальна абагульненым выглядзе такі падыход, з аднаго боку, мае на ўвазе рэфлексію над самімі асновамі той ці іншай карціны філасофскага працэсу, а з іншага – ужо з улікам гэтай важнай крытычнай работы – новае рэканструяванне таго, што мы ўмоўна назвалі анталагічнай гісторыяй беларускай філасофскай думкі. Акрамя таго, асаблівасцю новага перыяду дзейнасці школы было і тое, што можна адзначыць як плюралізм думкі ва ўмовах, калі розныя даследчыкі прыйшлі ва ўлонне школы не толькі па-свойму трапіўшы ў прафесію, але з уласнымі метадалагічнымі праграмамі, апасродкаванымі тымі канкрэтнымі ўчасткамі работы, якім яны прысвяцілі сваю творчую актыўнасць.

Напрыклад, С. І. Санько асноўную сферу сваіх акадэмічных зацікаўленняў [61, 62] вызначае як кампаратыўную гісторыю светапоглядаў з адмысловым акцэнтам на ўзнаўленні ключавых фрагментаў светапоглядных сістэм грамадстваў, гісторыя якіх слаба (або зусім не) дакументаваная. У прыватнасці, значная ўвага ў гэтых даследаваннях надаецца рэканструкцыі традыцыйнага светапогляду насельніцтва Беларусі ў розныя гістарычныя эпохі.

Шэраг навацый у структуру нацыянальных гісторыка-філасофскіх даследаванняў уносіць І. М. Бабкоў [9; 10; 20, с. 32–37]. Прычым значэнне яго творчасці ў дынаміцы агульнага канона школы можна ахарактарызаваць з розных бакоў. Найперш, мы бачым тут пэўны сінтэз інтэнцыі дадатнай філасофіі са спробай крытычнага пераасэнсавання прадмета нацыянальнай думкі, які разглядае вучоны. З іншага боку, творчасць гэтага філосафа ахарактарызуецца адданасцю стратэгіям постструктуралізму і посткаланіяльных даследаванняў, якія І. М. Бабкоў паслядоўна праводзіць пры вывучэнні цікавых для яго аб'ектаў беларускай філасофскай спадчыны. У гэтым дачыненні заслугоўвае ўвагі прасоўваемая ім арыгінальная мадэль айчыннага Асветніцтва, канцэптуалізацыя плыняў рамантызму ў Беларусі з першай у гісторыі школы спробай уключэння гэтай інтэлектуальнай структуры ў агульны працэс нацыянальнага будаўніцтва.

У манаграфіі «Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.)» [63] і іншых публікацыях [64, 65] В. У. Старасценкі на аснове помнікаў грамадска-філасофскай думкі ажыццёўлена сістэмная рэканструкцыя перадумоў і фактараў фарміравання, станаўлення і развіцця нацыянальнай самасвядомасці беларусаў канца XVI – першай паловы XVII ст. у кантэксце асаблівасцей нацыянальна-культурнага і рэлігійнага жыцця Беларусі ў гэты перыяд.

Аляксей Дзермант працуе ў галіне гісторыі ідэй і сацыяльнай філасофіі. Займаецца вывучэннем генезісу правасвядомасці ў еўрапейскай традыцыі, ролі традыцыйнага маральна-прававога складніку ў фарміраванні нацыянальнай ідэнтычнасці. У працэсе падрыхтоўкі шасцітомнага выдання «Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі» вучоны правёў даследаванне рэцэпцыі рымскай рэспубліканскай і імперскай ідэй у Вялікімі Княстве Літоўскім. Даследуе асаблівасці фарміравання філасофіі еўрапейскага традыцыяналізму і яе ўплыў на погляды дзеячаў беларускага нацыянальнага адраджэння. Плённы сінтэз падыходаў сучаснага рэлігіязнаўства пры рэканструкцыі шырокіх пластоў беларускай духоўнай гісторыі дэманструе Н. А. Кутузава [66]. Стратэгіі лінгвістычнага аналізу прынеслі пэўныя вынікі І. М. Новіку [67] пры даследаванні станаўлення беларускай савецкай філасофіі 20–30-х гадоў XX ст.

У нашай сённяшняй практыцы гісторыка-філасофскіх даследаванняў сучаснае пакаленне школы (узнаўляючы найлепшыя ўзоры айчыннай гісторыка-філасофскай школы, даючы чытачу судакрануцца з думкай мэтраў і патрыярхаў гэтай дысцыпліны ў Беларусі) адначасова ўводзіць шмат якіх «навінаў» – гэта і метадалагічны апарат, рэlevantны дасягненням сучаснай гуманітарыстыкі, і новыя крыніцы, не даследаваныя і не задзейнічаныя ў папярэднія часы. Напрыклад, пры ўжыванні плюралізму да канцэптаў і персаналіяў беларускага Адраджэння пры напісанні другога тома гісторыі філасофіі мы атрымалі такія парадаксальныя пары практычна раўназначнага ўжы-

вання, як матэрыялізм і эгацэнтрызм, атэізм і ірацыянальнае перажыванне найвышэйшага, рацыяналізм і *melancholia generosa*, дэмакратызм і элітарнасць, асветніцтва і «рынак сімвалічнай прадукцыі».

Гісторыя філасофіі нацыі заўсёды з'яўляецца калектыўнай працай, якая аб'ядноўвае ў сабе галасы і сучасных навукоўцаў, і навукоўцаў, якія ўжо пайшлі з жыцця. У гэтых умовах дасягненне цэласнасці і сістэматычнасці канчатковага прадукту патрабуе сапраўды ўсеабдымнай працы. З аднаго боку, для нас заўсёды важныя першапачатковыя сэнсы, закладзеныя ў тым або іншым філасофскім тэксце, які ўключаецца ў корпус нацыянальнай гісторыі філасофіі. З іншага боку, неабходна надзвычайная павага да працы таго або іншага аўтара, думкі якога выкарыстоўваюцца пры стварэнні такой гісторыі. І, нарэшце, трэцяе – аб'ядноўваючы розныя часавыя зрэзы ў адзінае цэлае, мы бяром на сябе вельмі няўдзячную задачу: злучыць заўсёды неадназначную сучаснасць з яшчэ больш загадкавым мінулым.

Не «рухаючы старыну» – гэта і новае інстытуцыянальнае разуменне нашай «гісторыка-філасофскай працы» не толькі з традыцыйнага пункта гледжання (суадносіны навуковец – грамадства, навуковец – дзяржава), але і ў значэнні сацыяльнай адказнасці перад сваёй навуковай карпарацыяй, гэта значыць, перад сваёй галоўнай і апошняй інстанцыяй, якая не проста ацэньвае, але і прадудыруе першапачатковую легітымачыю ўсіх канцэптואльных пабудоў і факталагічных прадуктаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии : избр. произведения XVI – нач. XIX в. / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии ; [под общ. ред. В. А. Сербенты]. – Минск : Изд-во АН БССР, 1962. – 524 с.
2. Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.) / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права; [редкол.: К. П. Буслов (гл. ред.) и др.]. – Минск : Наука и техника, 1973. – 556, [1] с.
3. Ленин, В. И. К характеристике экономического романтизма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М. : Политиздат, 1967. – Т. 2. – С. 125–261.
4. Ленин, В. И. И. Ф. Арманд. 30 ноября 1916 г. / В. И. Ленин. // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 49. – С. 329–330.
5. Від Вишнеського до Сковороди (з історыі філасофскай думкі на Украіні XVI–XVII ст.) / ред. В. М. Нічкі. – Київ : Наук. думка, 1972. – 142 с.
6. Нарис історыі філасофіі на Украіні / ред. колегія: Д. Острынін (гол.) [та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1966. – 656 с.
7. Plečkaitis, R. Feodalizmo laikotarpio filosofija Lietuvoje: filosofija Lietuvos mokyklose XVI–XVIII amžiais / R. Plečkaitis. – Vilnius : Mintis, 1975. – 529 p., 528 leaves of plates.
8. Hegel, G. W. F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie : in 4 T. (Bd 6–9) / G. W. F. Hegel ; Hrsg. P. Garniron, W. Jaeschke. – Hamburg : F. Mainer Verlag, 1986. – Bd 6. – 876 S.
9. Бабкоў, І. Каралеўства Беларусь. Вытлумачэнні ру[і]наў / Ігар Бабкоў. – Менск : Логвінаў, 2005. – 140, [1] с. – (Галерэя Б).
10. Бабкоў, І. Філасофія Яна Снядэцкага / Ігар Бабкоў. – Мінск : Часоп. «Фрагмэнты» : Логвінаў ; Вільнюс, 2002. – 135 с. – (Гісторыя думкі).

11. История философии в СССР : в 5 т. / АН СССР, Ин-т философии МГУ им. М. В. Ломоносова, Филос. фак. ; редкол.: В. Е. Евграфов [и др.]. – М. : Наука, 1968. – Т. 2. – 601 с.
12. Дорошевич, Э. К. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии / Э. К. Дорошевич, В. М. Конон. – М. : Искусство, 1972. – 319 с.
13. Дорошевич, Э. К. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии / Э. К. Дорошевич. – Минск : Наука и техника, 1971. – 246 с.
14. Дорошевич, Э. К. Аниол Довгирд – мыслитель эпохи Просвещения / Э. К. Дорошевич. – Минск : Наука и техника, 1967. – 253 с.
15. Дорошевич, Э. К. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / Э. К. Дорошевич. – Минск, 1983. – 395 с.
16. История философии в СССР : в 5 т. / АН СССР, Ин-т философии МГУ им. М. В. Ломоносова, Филос. фак. ; редкол.: В. Е. Евграфов [и др.]. – М. : Наука, 1971. – Т. 4. – 836 с.
17. Майхрович, А. С. Янка Купала и Якуб Колас: вопросы мировоззрения / А. С. Майхрович ; ред. В. М. Конон. – Минск : Наука и техника, 1982. – 246 с.
18. Майхрович, А. С. Белорусские революционные демократы: важнейшие аспекты мировоззрения / А. С. Майхрович ; ред. Н. С. Купчин. – Минск : Наука и техника, 1977. – 205, [2] с.
19. Майхрович, А. С. Поиск истинного бытия и человека: из истории философии и культуры Беларуси / А. С. Майхрович ; ред. Д. И. Широканов. – Минск : Наука і тэхніка, 1992. – 245, [2] с.
20. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / В. Б. Евароўскі [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т. 1. – 540 с.
21. Yevarouski, V. Searchings after the Cognitive Centre. (The Case Of Belarus) / V. Yevarouski // Limes: Cultural Regionalistics. – 2010. – Vol. 3, N 1. – P. 5–27.
22. Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии: дооктябрьский период / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права ; ред. К. П. Буслов. – Минск : Наука и техника, 1977. – 279 с.
23. Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы: дооктябрьский период: закономерности развития, проблемы исследования / под ред. А. С. Майхровича. – Минск : Наука и техника, 1987. – 335, [1] с.
24. Идеи материализма и диалектики в Белоруссии: дооктябрьский период / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права ; ред. К. П. Буслов. – Минск : Наука и техника, 1980. – 344 с.
25. Лушчыцкі, І. М. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі Беларусі ў другой палавіне XIX веку / І. М. Лушчыцкі ; М-ва выш. адукацыі СССР, Беларус. дзярж. ун-т імя У. І. Леніна. – Мінск : Выд-ва Беларус. дзярж. ун-та, 1958. – 367 с.
26. Бирало, А. А. Философская и общественная мысль в Белоруссии и Литве в конце XVII – середине XVIII в. / А. А. Бирало. – Минск : Изд-во БГУ, 1971. – 179 с.
28. Клевченя, А. С. Очерки по истории марксистско-ленинской философской мысли в Польше / А. С. Клевченя. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 254 с.
29. Клевченя, А. С. Стефан Руднянский (Из истории марксистско-ленинской мысли в Польше) / А. С. Клевченя. – Минск : Наука и техника, 1968. – 254 с.
30. Иосько, М. И. Николай Судзиловский-Руссель: жизнь, революционная деятельность и мировоззрение / М. И. Иосько. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 335 с.
31. Легчилин, А. А. Рецепции немецкой философии в Беларуси и Литве / А. А. Легчилин, В. Ф. Шалькевич // Историко-философские исследования в регионах Восточной Европы: опыт, задачи, социокультурное значение : материалы междунар. науч. конф., г. Минск, 26 апр. 2013 г. / [редкол.: А. А. Лазаревич (сопредседатель) и др.]. – Минск : Право и экономика, 2013. – С. 68–76.
32. Шалькевіч, В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В. Ф. Шалькевіч. – Мінск : Грамад. аб'яд-не «Маладзеж. супольніцтва», 2002. – 247 с.
33. Шалькевіч, В. Ф. Кастусь Каліноўскі: старонкі біяграфіі / В. Ф. Шалькевіч. – Мінск : [б. в.], 1985. – 125, [2] с.

34. Малевич, С. А. Вопросы исторического материализма в трудах Людвиг Крживицкого: из истории формирования марксистской философии в Польше / С. А. Малевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1971. – 179 с.
35. Майхрович, А. С. Белорусские революционные демократы: формирование и важнейшие аспекты мировоззрения : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / А. С. Майхрович. – Минск, 1982. – 399 с.
36. Майхрович, А. С. Об эстетическом освоении действительности / А. С. Майхрович. – Минск : Наука и техника, 1973. – 181 с.
37. Канчэўскі, І. У. [Абдзіраловіч І.] Адвечным шляхам : дасьледзіны беларус. свѣтагляду / І. У. Канчэўскі ; прадм. С. Дубаўца. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 43 с. – (Згукі мінуўшчыны).
38. Конан, У. М. Ля вытокаў самапазнання: станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору / У. М. Конан. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 238 с.
39. Отчет о научно-исследовательской работе «Філасофія ў сістэме нацыянальнай культуры: параўнальны аналіз гісторыка-філасофскіх даследаванняў у Беларусі і Украіне» (заключительный договор с БРФФИ № Г1К-039 от 15 апр. 2011 г. / В. Б. Еворовский [и др.]. – Минск : Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси, 2013. – 91 с.
40. Конан, У. М. Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі : у 3 т. / У. М. Конан. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 1. – 438 с.
41. Дубровский, В. В. Казимир Нарбут / В. В. Дубровский. – Минск : Наука и техника, 1979. – 136 с.
42. Цукерман, А. Я. Философская мысль в Белоруссии середины XVIII века / А. Я. Цукерман. – Минск : Наука и техника, 1980. – 111 с.
43. Чернышева, Л. А. Латиноязычная традиция в культуре белорусского барокко / Л. А. Чернышева ; ред. М. П. Стриженок // Белоруссика: книговедение, источники, библиография. – Минск : Фундамент. б-ка им. Я. Коласа, 1980. – С. 68–80.
44. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / ред. А. С. Майхрович. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 318, [1] с.
45. Прокошина, Е. С. Казимир Лыщинский / Е. С. Прокошина. – Минск : Беларусь, 1986. – 93 с.
46. Прокошина, Е. С. Очерк свободомыслия и атеизма в Белоруссии в XIX в. / Е. С. Прокошина. – Минск : Наука и техника, 1973. – 226 с.
47. Подокшин, С. А. Философская мысль эпохи Возрождения в Белоруссии: от Скорины до Симеона Полоцкого / С. А. Подокшин. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – 283, [2] с.
48. Мохнач, Н. Н. Общественно-политическая и этическая мысль Белоруссии начала XIX в. / Н. Н. Мохнач. – Минск : Наука и техника, 1985. – 94 с.
49. Мохнач, Н. Н. От просвещения к революционному демократизму: обществ.-полит. и филос. мысль Белоруссии конца 10-х – начала 50-х годов XIX в. / Н. Н. Мохнач. – Минск : Наука и техника, 1976. – 184 с.
50. Мохнач, Н. Н. Идеиная борьба в Белоруссии в 30–40-е годы XIX в. / Н. Н. Мохнач. – Минск : Наука и техника, 1971. – 157 с.
51. Майхрович, А. С. Становление нравственного сознания: из истории духовной культуры Беларуси / А. С. Майхрович. – Минск : Беларус. кнігазбор, 1997. – 204 с.
52. Конон, В. М. Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в. / В. М. Конон. – Минск : Наука и техника, 1985. – 200 с.
53. Конон, В. М. От Ренессанса к классицизму: становление эстетической мысли Белоруссии в XVI–XVIII вв. / В. М. Конон. – Минск : Наука и техника, 1978. – 158 с.
54. Майхрович, А. С. Які ён, шлях Беларусі да дэмакратычнай дзяржавы? / А. С. Майхрович. – Мінск : Права і эканоміка, 1996. – 38 с.
55. Майхрович, А. С. Идеология: сущность, назначение, возможности / А. С. Майхрович. – Минск : Право и экономика, 2001. – 76, [2] с.

56. Конан, У. М. Беларуская мастацкая культура эпохі Сярэднявяхаў і Рэнесансу / У. М. Конан. – Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, Навук.-асветн. цэнтр, 2006. – Т. 1. – 175, [1] с.
57. Yevarouski, V. R. Plečkaitis and Belarusian Tradition of Studies in the National History of Philosophy / V. Yevarouski // Problemos. – 2010. – Supplement. – P. 28–37.
58. Plečkaitis, R. Lietuvos filosofijos istorija / R. Plečkaitis. – Vilnius : Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2004. – 715 p.
59. Горьский, В. С. Святі Київської Русі / В. С. Горьский. – Київ : Абрис, 1994. – 175 с.
60. Горьский, В. С. Історія української філософії / В. С. Горьский. – Київ : Наук. думка, 1996. – 288 с.
61. Санько, С. І. Штуды з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі / С. І. Санько. – Менск : БГАКЦ, 1998. – 189 с.
62. Дзермант, А. Этнагенез баларусаў: навука і ідэалогія / А. Дзермант, С. Санько // Arche. – 2005. – № 5. – С. 233–253.
63. Старостенко, В. В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.) / В. В. Старостенко. – Могилев : [Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова], 2001. – 197, [1] с.
64. Старостенко, В. В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории / В. В. Старостенко. – Могилев : [Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова], 2011. – 271 с.
65. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / В. Б. Евароўскі [і інш.]. ; пад рэд. В. Б. Евароўскага, А. А. Лазарэвіча. – Мінск : Беларус. навука, 2008–2013. – Т. 1–3.
66. Кутузова, Н. А. Нация, религия и государственность в полемической литературе Беларуси конца XVI – первой половины XVII в. / Н. А. Кутузова. – Минск : Право и экономика, 2005. – 98, [1] с.
67. Новик, И. М. С. Я. Вольфсон и белорусская советская философия 20-х гг. XX в / И. М. Новик // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2013. – № 1. – С. 5–9.

С. Г. Карасёва¹, Т. П. Короткая², Н. А. Кутузова³

¹Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

²Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

³Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В БЕЛАРУСИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ

Прослеживается процесс институционального оформления религиоведения и философии религии в Республике Беларусь в период 1991–2017 гг. Очерчены итоги и особенности этого процесса: закрепление дисциплины в системах образования и науки; создание религиоведческих центров.

Ключевые слова: религиоведение, философия религии, религиоведческие центры

S. Karassyova¹, T. Karotkaya², N. Kutuzova³

¹Belarusian State University, Minsk, Belarus

²Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

³Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

RELIGIOUS STUDIES IN BELARUS: INSTITUTIONS AND SUBJECT FIELD

The article is devoted to the process of institutionalization of religious studies in Belarus in the period 1991–2017. The results and features of this process are outlined: the consolidation of the discipline in the systems of education and science; creation of religious studies centers.

Keywords: religious studies, philosophy of religion, religious studies centers

Под *религиоведением* в данной статье понимается академическая дисциплина, изучающая религиозные феномены во всех их формах и аспектах и использующая в своих построениях как анализ эмпирического материала, так и теоретическое моделирование. В мировой науке из многовековой и обширной традиции изучения религии религиоведение обособилось в самостоятельную дисциплину. Для других дисциплин, сформировавших эту традицию, религия выступала и выступает лишь частью или случайным фрагментом их предметных областей, тогда как для религиоведения она составляет исключительный предмет исследования, рассматриваемый комплексно и систематически. К широкой области изучения религии можно отнести и научный атеизм, который является скорее практической реализацией определенной системы взглядов – диалектико-материалистической, критически избобличающей религию, – чем непредвзятым, строгим и систематическим ее исследованием.

Помимо отмеченных дисциплинарных рамок следует установить также исторические границы, связанные с обособлением академической сферы Беларуси

от единого советского академического пространства. Точкой отсчета для становления постсоветских научных исследований в Беларуси является 1991 год, который можно рассматривать как начало формирования собственно белорусского религиоведения.

В настоящее время религиоведение в Беларуси представлено как учебная дисциплина в системе высшего образования, как специальность в системе подготовки научных кадров и научное направление.

Вскоре после 1991 г. прежний *научный атеизм* был заменен в белорусской системе образования мировоззренчески нейтральными номинациями: в 1993 г. в учебных планах всех профилей и специальностей высшего образования Беларуси появилась дисциплина *история и теория религии и свободомыслия* (с 1998 г. – *религиоведение*).

В номенклатуре специальностей научных работников Республике Беларусь в 1995 г. появилась специальность 09.00.13 – *религиоведение, философская антропология, философия культуры* [1]. Постановлением Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (ВАК Республики Беларусь) № 4 от 8 июня 2009 г. она была разбита на две: 09.00.13 – *философская антропология, философия культуры* и 09.00.14 – *философия религии и религиоведение* [5].

Религиоведение в сфере образования Беларуси

В начале 1990-х годов рядом документов Министерства образования Республики Беларусь в перечень социально-гуманитарных дисциплин высшего образования была включена дисциплина *история и теория религии и свободомыслия*, вскоре переименованная в *религиоведение*. В 1998 г. из *обязательных* дисциплин социально-гуманитарного блока она была переведена в разряд курсов *по выбору*.

Статус *религиоведения* как дисциплины *по выбору* привел к его постепенному вытеснению из учебных планов. Вступление Беларуси в мае 2015 г. в Болонский процесс привело к изменению структуры и содержания учебных планов, что повлекло окончательное вытеснение *религиоведения* из системы высшего образования. Исключения составляют лишь единичные кафедры белорусских вузов, которые считают целесообразным преподавание этого предмета будущим специалистам социально-гуманитарного профиля (например, кафедра философии культуры Белорусского государственного университета).

Содержание учебных программ по *религиоведению* как дисциплине социально-гуманитарного цикла (с момента его введения под названием *история и теория религии и свободомыслия*) базировалось на справочном минимуме сведений о наиболее влиятельных и древних религиозных традициях. С 2000 г. этот вариант курса был закреплен типовыми программами, разработанными Республиканским институтом высшей школы [2]. Типовая программа 2011 г. структурировала *религиоведение* как систему знаний о теории и истории ре-

лигии, свободомыслия и свободы совести, в том числе применительно к истории Беларуси. Предполагался анализ теоретических аспектов религии, характеристика ранних, национальных и мировых религий, новых религиозных движений, феномена и форм свободомыслия, предусматривается изучение развития религии и свободомыслия в Беларуси, рассмотрение понятия свободы совести и ее законодательного закрепления в международных и отечественных правовых документах.

Образцом для подготовки учебно-методических материалов по *религиоведению* служили учебники, издававшиеся в России (прежде всего, учебники Л. С. Васильева, В. И. Гараджи, И. Н. Яблокова). При этом качество наиболее тиражных (как стереотипных, так и авторских) белорусских учебников и пособий по *религиоведению* (например, подготовленных А. А. Кругловым, В. А. Одиноченко, Т. К. Короткой, В. Р. Языковичем, В. В. Старостенко и др. [3]) было достаточно высоким. В целом количество различных учебно-методических изданий по *религиоведению* (от программ до учебников, утвержденных Министерством образования Республики Беларусь) превышает полсотни наименований.

Следует отметить, что *религиоведение* было также введено в качестве дополнительной специальности в нескольких вузах Беларуси на волне «религиозного бума» [4] и резкого подъема интереса к знаниям о религиях в 1991–2000 гг. Так, подготовку по специальности *история* с дополнительной специальностью *религиоведение* (1-21.03.01.05 – *история, религиоведение*) осуществляют исторические факультеты Белорусского государственного университета, Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова. Подготовка по специальности *теология* с дополнительной специальностью *религиоведение* (1-21.01.01 – *теология, религиоведение*) – Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета (Институт теологии БГУ) и исторический факультет Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. Реальную подготовку по дополнительной специальности осуществляет лишь Институт теологии БГУ.

Религиоведение в системе подготовки научных кадров Беларуси

За период с 1995 г. диссертации по специальностям религиоведческой тематики защищались редко. В 2000 г. О. В. Дьяченко защитил диссертацию «Движение пятидесятников в Беларуси (на материалах Могилевской области)» по специальности 09.00.06 – *философия религии*, по специальности 09.00.13 были защищены следующие диссертации: С. Г. Мовсесян «Становление коммуникативной парадигмы исследования знака: сравнительный анализ трансцендентальной философии и православного богословия» (2007), В. И. Ионе «Феномен человека в вероучении и религиозной практике Церкви Саенто-

логии» (2008), Н. А. Никонович «Теория мифа М. Элиаде: философско-культурологическое значение» (2014). Диссертация В. К. Борецкой «Концепции церковно-государственных отношений в современных социальных учениях православия и католицизма (компаративный анализ)» была защищена по специальности 09.00.14 (2011). Однако к религиозоведческой тематике можно отнести диссертации из других областей социально-гуманитарного знания. Так, заметными событиями стали защиты диссертаций Г. З. Озема «Территориальная структура религиозной сферы и конфессиональное районирование Беларуси» (25.00.24 – *экономическая, социальная и политическая география*, 2010), Н. Н. Сухотского «Взаимодействие учреждений общего среднего образования и религиозных организаций Беларуси в воспитании учащихся: социологический анализ» (22.00.04 – *социальная структура, социальные институты и процессы*, 2014), В. А. Мартиновича «Возникновение и миграция новых религиозных движений в Беларуси: методологический аспект» (22.00.01 – *теория, методология и история социологии*, 2016).

Исследования религии в системе философского знания в Беларуси

В системе научного знания Беларуси изучение религии имеет давнюю историю, идущую от становления учреждений советской науки в 20-е годы XX в. На протяжении существования Академии наук Беларуси (начиная с 1931 г.) эти исследования проводились в основном ее институтами – Институтом философии, Институтом истории, Институтом социологии и Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора.

Институт философии НАН Беларуси сформировал собственную школу исследований религии (мировоззренческой и методологической основой которой до 1991 г. служили диалектико-материалистическая философия и научный атеизм) [6]. Ядро школы составили исследователи Е. С. Прокошина, С. А. Подокшин, И. Ф. Рекуц и др. К воспитанникам школы, значительно расширившим ее методологические и концептуальные подходы, можно отнести Т. П. Короткую, Н. А. Кутузову, В. Р. Языковича, О. В. Дьяченко, В. В. Старостенко, С. Г. Карасёву и др. Эта школа функционировала в рамках отдела истории философии, поэтому ее разработки теснейшим образом были связаны с исследованием истории философии и духовной культуры Беларуси в целом. Спецификой исследований религиозоведческого центра в Институте философии стали, во-первых, междисциплинарный подход; во-вторых, практико-ориентированная направленность.

Укажем основные направления научных исследований религиозоведческого характера в академических институтах.

Историко-философская и методологическая концептуализация религии, атеизма, свободомыслия и свободы совести в духовном наследии Беларуси, приоритет в которой принадлежит Институту философии. Как известно, фи-

лософская мысль Беларуси, ее содержательная наполненность теснейшим образом связана с христианской традицией. Начальный этап философии восходит к XI–XII вв. Именно в этот период был сформулирован ряд положений, которые затем прочно вошли в философию последующего периода: эстетизация и этизация философских идей, интерес к проблеме человека и общественно-политической проблематике, художественная окрашенность философского творчества. Принятие христианства дало толчок развитию письменности, зодчества, культуры Древней Руси в целом. Фактически сама философская рефлексия после возникновения христианства и ассимиляции его идей не может выйти за пределы христианства, которое задает новый импульс философскому дискурсу. В истории философии можно фиксировать три основные установки, в которых философская рефлексия решала основную проблему взаимоотношения веры и знания, религии и философии. *Первая установка* нацелена на синтез веры и знания, она представлена различными вариантами христианской философии. *Вторая установка* стремится к противопоставлению веры и знания, пытается найти критерии автономии этих сфер. И, наконец, *третья установка* стремится отвергнуть веру, философствовать вне веры. Эти установки в процессе развития европейской культуры претерпели значительную эволюцию. Философия средних веков – прежде всего патристика и схоластика – задали вектор развития новому смысловому образованию христианской философии. Начиная с эпохи Просвещения в европейской философии получают распространение течения, которые ориентировались на развитие естествознания и техники и полагались основой социального прогресса. Следует отметить, что все отмеченные установки взаимоотношения разума и веры мы находим в интеллектуальном пространстве Беларуси.

Интеллектуальное пространство Беларуси начиная с XIV в. становится своеобразным пограничьем между Востоком и Западом Европы. Здесь не только сталкиваются политические интересы России и Польши, но и происходит встреча двух духовно близких, но все-таки различных миров – православия и католицизма. Затем в это противостояние включается протестантизм (с XVI в.), а начиная с эпохи Просвещения в более или менее систематической форме – идеи рационализма и материализма. Все это ставит перед исследователями ряд непростых задач. Прежде всего необходимо исследовать формы проявления, персоналии и, если это возможно, определенную специфику бытования в интеллектуальном пространстве Беларуси религиозной философии в таких ее существенных формах, как патристика (восточная и западная), схоластика (так называемые первая схоластика и вторая схоластика, связанная с периодом Контрреформации в Беларуси и деятельностью ордена иезуитов). Сложной и чрезвычайно актуальной является оценка деятельности и исторической судьбы унии на белорусских землях, ее роль в духовной культуре Беларуси.

Этот период основательно исследовался историками, филологами, искусствоведами. Ряд видных религиоведов – в частности Е. С. Прокошина («Меле-

тий Смотрицкий», Минск, 1966; «Идеи гуманизма в полемической литературе в начале XVII в» в кн. «Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии», Минск, 1977; и др.), Н. А. Кутузова («Нация, религия и государственность в полемической литературе Беларуси», Минск, 1999), В. В. Старостенко («Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.)», Могилев, 2001) – опубликовали исследования по данному периоду духовной культуры Беларуси. Актуальными являлись оценки наследия этой эпохи, реконструкция идей, характерных для указанного периода, а также отдельных персоналий.

Изучение религиозной философии является одним из важнейших направлений отечественной мысли. Ее актуальность видится в восстановлении смыслового поля интеллектуального пространства Беларуси, а также в связи с проблемой оценки – роли и значения основных конфессий в истории духовной культуры Беларуси. Отметим удачные и перспективные исследования белорусских ученых в этом направлении. Так, С. Г. Карасёва защитила кандидатскую диссертацию и опубликовала ряд статей, посвященных творчеству выдающегося русско-белорусского богослова, философа, публициста А. И. Бровковича, тем самым были заложены основы для изучения существенного и малоизученного пласта так называемой духовно-академической философии XIX–XX вв., представленной в духовных академиях этого периода. Идеиные установки и формы деятельности православия в Беларуси конца XIX – начала XX в. изучала Н. А. Кожич. Религиозной философии в Беларуси начала XX в. посвятила ряд работ Т. П. Короткая («Религиозная философия в Белоруссии начала XX века», Минск, 1983, и др.). Уже с 70-х годов XX в. начинает активно исследоваться религиозно-философская мысль католицизма [7]. Глубокий анализ проблем католического возрождения в Беларуси, и в частности творчества ксендза А. Станкевича, дал видный белорусский историк философии В. М. Конон.

Важной составляющей усилий белорусских религиоведов является исследование традиций свободомыслия и атеизма в белорусской культуре. Общеизвестно, что в советский период именно эта традиция считалась научно достоверной. После изменения мировоззренческих установок в отношении религии и церкви многие исследователи пришли к выводу о том, что свободомыслие и атеизм являются чем-то необязательным в культуре Беларуси. Однако ряд известных белорусских религиоведов – Е. С. Прокошина, А. А. Круглов, В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко – в своих работах показали присутствие в белорусской культурной традиции свободомыслия [8].

Важным направлением религиоведческих исследований является *сравнительное религиоведение*. Учеными-религиоведами обстоятельно изучались особенности проявления в Беларуси баптизма, старообрядчества, иеговизма. По результатам коллективных полевых исследований опубликованы несколько коллективных монографий [10]. Е. С. Прокошина руководила религиовед-

ческой группой в Институте философии. В сотрудничестве с рядом авторов (К. К. Койта, Т. П. Короткая и др.) написан труд «Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособление» (Минск, 1987). В основу этой работы положены материалы бесед-интервью с ксендзами, архивные материалы. Также ученые подготовили и опубликовали серию коллективных монографий по проблемам новой религиозности [11]. Появился первый материал о пятидесятничестве в Беларуси [12]. Как известно, до 90-х годов XX в. работы по конфессиональной истории были чрезвычайно малочисленны; фактически этот аспект национальной истории и культуры изучался слабо. С 90-х годов XX в. активизируется исследовательских интерес в этом направлении, публикуется ряд работ [13]. Приоритет в развитии данного направления принадлежит ученым Института истории НАН Беларуси.

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси (в сфере интересов которого религия попадает как один из аспектов народных традиций и современной этноконфессиональной структуры общества) в период с 1991 по 2011 г. издал ряд исследований, осуществленных А. В. Гурко (Верещагиной) и А. В. Гурко [14].

Совместно с российскими и польскими коллегами завершены некоторые издательские проекты, посвященные истории религиозной философии [9].

Важное место в цикле религиоведческих исследований занимает *философская гносеология и семиотика религии*. В рамках этого направления особое внимание уделялось анализу религиозной философии в России и Беларуси в начале XX в. [15].

Современная теория мифа, феноменология и онтология религии является относительно новым направлением, в основе которого лежит изучение религиоведческого подхода румынского автора М. Элиаде: на основании его идей разработана типологизация и классификация культур по мифо-религиозному признаку [16].

Поликонфессиональность белорусского общества сделала актуальными *исследования политико-правовых аспектов государственно-конфессиональных отношений, проблем национальной безопасности*. Данное направление является одним из приоритетных в настоящее время. В центре внимания находятся проблемы реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания в Республике Беларусь, проявления религиозного радикализма, фундаментализма, социальные концепции новых религиозных организаций, партнерские отношения религиозных организаций с органами власти и формы их репрезентации в общественном пространстве и др. [17].

Изучение состояния, сущности и динамики развития современного религиозного сознания является перспективным направлением научных исследований. Для того чтобы глубоко и масштабно представлять характер и сущность идейных процессов, протекающих в современном белорусском обществе, необходимо комплексное изучение религиозного фактора, его влияния

на динамику социокультурных процессов. С начала 1990-х годов в Республике Беларусь отмечается рост религиозности всех слоев населения, что было выявлено в социологических исследованиях. Религиозный фактор начинает играть важную роль в общественно-политической, духовной жизни страны. На смену критике религии и церкви пришли идеи о том, что религия является основой национальной культурной традиции, тесно связана с морально-этическими, духовными ценностями народа. Выявились некоторые исследовательские перспективы: во-первых, изучение религиозного сознания на междисциплинарной основе с привлечением специалистов в областях философии, религиоведения, истории, социологии и т. п.; во-вторых, исследовательские интерпретации феномена религиозного возрождения. Исследователи отмечают, что современное религиозное сознание зачастую имеет «размытый характер», сочетает в себе разнообразные идеи и представления: рационалистические, религиозные, квазинаучные, оккультно-мистические. Страна массового атеизма стала чрезвычайно поспешно позиционировать себя как страна высокой религиозности. Именно поэтому феномен религиозности требует постоянного и глубокого изучения. Важным моментом в этом процессе является анализ особенностей деятельности разных конфессий, характер их взаимоотношений и их влияние на сознание и поведенческие стереотипы верующих.

Одним из наиболее интересных современных проектов является исследование группы ученых под руководством С. Г. Карасёвой «Модели аутентичной религиозности на основе изучения жизненных позиций представителей традиционных и новых религий в Беларуси». Исследователи предполагают, что в различных образцах аутентичной религиозности – традиционных и современных – существуют сходные устойчивые характеристики, которые могут быть эксплицированы, переформулированы с помощью современного религиоведческого метаязыка и приняты в качестве индикаторов данного феномена в дальнейших исследованиях. Современная аутентичная религиозность в основных своих характеристиках соответствует идеальным типам традиционных религиозных личностей, но осмысливается и выражается с помощью современных лексико-семантических средств. Процесс становления аутентично религиозного индивида включает в себя фазы кризиса, поиска и обретения трансцендентного смысла. В сложной системе жизненных мотиваций аутентично религиозного индивида доминирующими становятся трансцендентные смыслы, что радикально меняет весь его образ жизни: от стратегических решений до повседневного поведения. Исследователи считают, что религиозность может быть названа аутентичной, если она является осмысленным ответом на вопрос о предельной перспективе существования (о предельном смысле жизни) и формирует религиозно мотивированного индивида, реализующего себя в действительно религиозном образе жизни. Для того чтобы в стране и далее сохранялись стабильность, отсутствовали напряженность и столкновения на религиозной почве, необходимо изучение конфессиональ-

ных процессов с целью выявления тенденций и особенностей развития религиозного сознания в современной Беларуси.

Популярность *социологии религии* отмечена с 90-х годов XX в. Известный белорусский социолог Л. Г. Новикова и другие ученые выявили резкий рост религиозности населения страны. Начиная с 1991 г. Институтом социологии НАН Беларуси проводились масштабные исследования динамики и уровня религиозности населения Беларуси в рамках собственных программ и совместно с Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (1994, 1997 гг.). Их результаты опубликованы в монографии Л. Г. Новиковой и в ряде статей в белорусских научных периодических изданиях. Эти исследования продолжили традицию социологии религии, которая уже существовала в Беларуси, но стали масштабнее и шире. Причем следует подчеркнуть, что наряду с головными социологическими центрами небольшие исследования проводились и в регионах республики. Можно вычленил еще одну важную проблему: как воспринимают иную конфессию верующие традиционных христианских направлений современной Беларуси. Здесь можно выделить уровень теоретического сознания и уровень обыденного сознания рядовых верующих. Православная и католическая церкви в Беларуси проводят сегодня ряд совместных мероприятий – конференций, проектов, посвященных экологии, защите семейных ценностей и т. п.

Для обыденного сознания рядовых верующих также характерны идеи веротерпимости, добрососедства. Социологи исследовали, как современные рядовые верующие относятся к другим конфессиям (см. Л. Г. Новикова «Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления»). Важно подчеркнуть, что отношение к другим конфессиям теснейшим образом связано с формируемой на основе общей культуры системой ценностей, которые доминируют у верующих тех или иных конфессий как религиозного, так и нерелигиозного порядка (отношение к труду, чувство долга, справедливости и т. д.). Л. Г. Новикова выделила основные смысложизненные ценности, а также экономические и политические ценности (ценности закона, частной собственности, прав человека, личной ответственности и т. п.). Тема ценностных ориентаций верующих неоднократно становилась объектом научных исследований [18].

Экспертное религиоведение

Становление системы экспертных сообществ и их участия в принятии государственных решений для белорусского общества фактически является симптомом расширения общественного участия. Первой «ласточкой» в этом процессе стало становление белорусского экспертного религиоведческого сообщества. Данное сообщество прошло ряд этапов становления, демонстрируя смещение приоритетов и фокуса своей деятельности от разовых экспертиз материалов религиозных организаций до формирования целостного и продук-

тивного направления экспертного религиоведения. Можно эксплицировать и охарактеризовать следующие основные этапы становления экспертного религиоведения.

Первым этапом можно считать период с 15 августа 1993 по 15 февраля 1994 г. – время работы временной экспертной комиссии при Совете по делам религий при Совете Министров Республики Беларусь. Данная комиссия была создана в соответствии с распоряжением начальника управления по делам социально-культурного комплекса Совета Министров Республики Беларусь от 23 июля 1993 г. В ее состав вошли два религиоведа – ведущие научные сотрудники Института философии и права НАН Беларуси Е. С. Прокошина и И. Ф. Рекуц, а также пять представителей органов власти. Комиссия создавалась с конкретной целью – для осуществления религиоведческой экспертизы некоторых новых религиозных организаций, которые уже прошли государственную регистрацию в статусе общественных объединений и фактически занимались религиозной деятельностью.

Несмотря на необходимость религиоведческих экспертиз при регистрации религиозных объединений, высокую степень наукоемкости в работе госоргана по делам религий, работа экспертного религиоведческого сообщества по заданиям госоргана носила разовый характер вплоть до середины 1997 г.

Вторым этапом становления экспертного религиоведения можно считать период с 1997 по 2002 г. – время функционирования Экспертного совета при Государственном комитете по делам религий и национальностей Республики Беларусь. Первое Положение об Экспертном совете было утверждено 12 мая 1997 г. В нем перечислялись его основные задачи: подготовка предложений по устранению влияния деструктивных сект на население республики; координация деятельности министерств по преодолению негативных последствий влияния деструктивных сект; изучение деятельности организаций, распространяющих псевдорелигиозные учения, подготовка экспертных заключений по вероучениям, культу и уставам новых для Республики Беларусь религиозных организаций. Экспертный совет создавался по принципу личного согласия специалистов-религиоведов и официального представительства республиканских органов госуправления. Работа Экспертного совета была в значительной степени формализована: появилась периодичность заседаний, велись протоколы, по итогам заседаний принимались рекомендации, которые проводились постановлениями коллегии, приказами или предписаниями Госкомитета. Энтузиазм членов Экспертного совета, в составе которого были известные ученые – религиоведы (А. А. Круглов, Е. С. Прокошина), психологи (Е. К. Агеенкова), психиатры (Е. И. Скугаревская), был очень велик, именно благодаря их деятельности и стало формироваться экспертное религиоведческое сообщество в республике, что было очень важно после многолетнего доминирования научного атеизма.

Теоретические разработки членов Экспертного совета имели научный приоритет в областях изучения новой религиозности (серия коллективных науч-

ных монографий о некультовых объединениях в Беларуси, 1998–2005 гг. [11]). Фактически можно говорить о формировании экспертного полевого религиоведения, психологии религии. На базе аспирантуры Института философии НАН Беларуси в 1990-е годы было подготовлено целое поколение экспертов-религиоведов (Н. А. Кутузова, О. В. Дьяченко, В. В. Старостенко и др.).

Третьим этапом стал период с 2002 по 2006 г. В ноябре 2002 г. был принят новый Закон «О свободе совести и религиозных организациях». Ученые и преподаватели высшей школы, специализирующиеся на религиоведческих исследованиях, привлекались к государственной экспертизе в качестве членов Экспертного совета при аппарате Уполномоченного по делам религий и национальностей (Уполномоченный является правопреемником Госкомитета по делам религий и национальностей). Экспертно-аналитическая деятельность ученых-религиоведов связана с выполнением заданий аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей, других республиканских ведомств и касается разработки терминологии, необходимой для корректировки законодательной базы и конфессиональной политики; разработки методологии исследования определенных религиозных организаций; практической экспертной работы с материалами конкретных организаций, подготовки методических рекомендаций по осуществлению контрольных функций местными исполнительными и распорядительными органами, а также иными заинтересованными органами, осуществляющими контроль над деятельностью религиозных организаций (по заданию или согласованию с аппаратом Уполномоченного по делам религий и национальностей). Ученые-религиоведы входят в состав территориально-административных комиссий содействия контролю за выполнением законодательства Республики Беларусь о свободе совести и религиозных организаций.

Религиоведческие центры

Включение дисциплины *религиоведение* в учебные планы высшей школы переориентировало преподавателей философии, истории, некоторых других гуманитарных дисциплин со сциентистской по сути и нормативной по установкам диалектико-материалистической (атеистической) парадигмы исследований на антисциентистские, в большей мере дескриптивные (и мировоззренчески нейтральные) подходы – феноменологический, культурологический, исторический, социологический и др. [19]. В белорусской системе образования началась работа по созданию новой модели преподавания религиозной истории и культуры. Система белорусского высшего образования оказалась восприимчивой к потребностям развития новой дисциплины. Наибольшее количество изданий религиоведческой тематики составляют учебно-методические материалы, пособия, учебники.

Особый статус среди образовательных структур Беларуси, реализующих преподавание религиоведения, занимает кафедра религиоведения Института тео-

логии БГУ. Содержательную основу ее работы составляет православная теология в сочетании с западными методологическими и концептуальными подходами, а основной объем преподавания – многочисленные религиоведческие курсы.

Религиоведение продолжает традиции во многом благодаря отдельным исследовательским центрам, которые возникают в порядке научной инициативы, например: региональный центр религиоведческих исследований при кафедре философии исторического факультета Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (создан в 2009 г.) [20]; Международное общественное объединение «Центр изучения современной религиозности» (инициирован к созданию в 2009 г. членами Экспертного совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей); Центр религиоведческих исследований факультета философии и социальных наук БГУ (в 2013 г.). В Центре религиоведческих исследований факультета философии и социальных наук БГУ были осуществлены два масштабных исследовательских проекта. Это, во-первых, исследование состояния и перспектив возможного включения в школьные программы курсов о религии (религиях) [21] и, во-вторых, исследование состояния религиозности в современной Беларуси [22]. Рекомендации по результатам первого проекта представлены в Министерство образования Республики Беларусь, выводы по результатам второго (который еще продолжается) регулярно представляются в аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей. Кроме того, результаты обоих проектов используются в образовательном процессе.

В Беларуси уже достаточно давно (с 1997 г.) действует небольшая собственно религиоведческая структура – Информационно-консультативный центр им. преподобного Иосифа Волоцкого, изучающий (в теоретическом и прикладном аспектах) вопросы новых религиозных движений. В 2016 г. он был преобразован в Синодальный центр сектоведения им. преподобного Иосифа Волоцкого Белорусской Православной Церкви. Его антикультулистская направленность несколько ограничивает интеграцию центра в светские научные и образовательные структуры. Хотя благодаря профессиональному уровню и результатам работы его руководителя В. А. Мартиновича центр хорошо и широко известен в Беларуси и пользуется авторитетом. Одно из последних изданий, подготовленных центром, – монография его руководителя по нетрадиционной религиозности в Беларуси [23]. За годы работы этой структуры в ней собрана богатейшая библиотека книг и документов по тематике деятельности, а также создан и функционирует сайт с обширной электронной библиотекой.

В апреле 2011 г. на заседании Совета директоров Ассоциации исследовательских институтов философии стран СНГ, Европы и Азии (Минск) было заявлено о создании Ассоциации национальных центров религиоведческих и этнокультурных исследований, что подтолкнуло процессы консолидации белорусского профессионального сообщества и организации национальной сети религиоведческих центров.

Особенность белорусских разработок заключается в их прикладной направленности, чисто теоретические проблемные поля собственно философии религии остаются преимущественно невостребованными в академической среде. Среди наиболее важных проблем, которые задают перспективы развития религиоведению, следует отметить: во-первых, зарождающееся направление *религиоведческой регионалистики*, обусловленной особенностями конфессиональной структуры регионов Беларуси, а также различной степенью репрезентации религиозных организаций в общественном пространстве Беларуси; во-вторых, по-прежнему актуальны исследования состояния *государственно-конфессиональных отношений и эффективной реализации прав граждан Республики Беларусь в области свободы совести и вероисповедания*; в-третьих, концептуальное построение *моделей аутентичной религиозности* на основе междисциплинарных методологических программ позволяет сформулировать новую интерпретацию религиозной идентичности, понять религиозную мотивацию социального поведения и коммуникации.

Список использованных источников

1. В 2000 г. название специальности менялось на: *философия и история религии, философская антропология, философия культуры*, но в 2001 г. было восстановлено в предыдущем варианте: *религиоведение, философская антропология, философия культуры*. – См.: Приказ Государственного высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 04.05.2000 г. № 11-Д «О внесении изменений и дополнений в номенклатуру специальностей научных работников Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Белорусское законодательство. – Режим доступа: <http://www.lawbelarus.com/repub2008/sub34/text34506/index.htm>. – Дата доступа: 01.03.2017.
2. См.: Факультет философии и социальных наук. Специальности: философия, социология, Учебные планы специальностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bsu.by/ru/main.aspx?guid=4731>. – Дата доступа: 01.03.2017; Религиоведение: типовая учеб. программа для высш. учеб. заведений / сост.: В. В. Старостенко [и др.]. – Минск : РИВШ, 2011. – 40 с.
3. См.: Адзіночанка В. А. Релігіязнаўства : вучэб. дапам. для студэнтаў ВНУ. – Мінск : Універсітэцкае, 2001. – 239 с.; Короткая Т. П., Стаценко О. А. Религиоведение : учеб.-практ. пособие. – Минск : БГЭУ, 2001. – 39 с.; Короткая Т. П. Религиоведение: религии в Беларуси : учеб. пособие. – Минск, БГЭУ, 2004. – 98 с.; Костюкович П. И. Религиоведение : учеб. пособие для студентов вузов. – Минск : ООО «Новое знание», 2001. – 191 с.; Религиоведение: учеб. пособие для студентов вузов философских специальностей / М. Я. Ленсу [и др.]. – Минск : Новое знание, 2003. – 445 с.; Старостенко В. В. Религиоведение : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования. – Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2005. – 297 с.; Языкович В. Р. Религиоведение : курс лекций. – Минск : РИВШ, 2007. – 346 с.; Круглов А. А. Религиоведение : пособие для студентов вузов. – Минск : Тесей, 2008. – 646 с.; Старостенко В. В., Дьяченко О. В. Религии в современной Беларуси : пособие. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2012. – 192 с.; Круглов А. А. История религий : пособие. – Минск : БГУ, 2015. – 407 с.; Религиоведение : хрестоматия / авт.-сост. П. И. Костюкович. – Минск : Новое знание, 2000. – 480 с.; Мифы и сакральные тексты религий мира : хрестоматия по религиоведению / авт.-сост. В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 400 с.; Козловская Н. В. История религии : хрестоматия : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по ист. специальностям. – Минск : Выш. шк., 2012. – 288 с.; История религии и свободы совести в Беларуси

в документах и материалах : в 4 ч. / авт.-сост.: В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. – Ч. 3 : Со второй половины XVIII в. до октября 1917 г. – 260 с.; и др.

4. См.: Новикова Л. Г. «Религиозный бум» в Беларуси: миф или реальность // Социология. – 1999. – № 2. – С. 29–36; Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И. И. Пирожник [и др.] // Там же. – 2006. – № 4. – С. 46–55.

5. См.: Постановление Президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 5 декабря 1995 г. № 125 «Аб зацвярджэнні Наменклатуры спецыяльнасцяў навуковых работнікаў Рэспублікі Беларусь» [Электронный ресурс] // Pravo.by: белорус. правовой портал. – Режим доступа: <http://arc.pravoby.info/documentf/part0/aktf0240.htm>. – Дата доступа: 01.04.2017; Номенклатура специальностей научных работников Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Аттестация. – 2009. – Вып. 1-2, архив. – Режим доступа: <http://journal.vak.org.by/index.php?go=Pages&in=view&id=212>. – Дата доступа: 05.04.2017.

6. См.: [Кутузова Н. А.] Научная школа в области философии религии и религиоведения // Ин-т философии НАН Беларуси: источник и символ самосознания культуры / А. А. Лазаревич (рук.) [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2011. – С. 270–273.

7. Бабосов Е. М. Тейярдизм: попытка синтеза науки и христианства. – Минск : Выш. шк., 1970. – 263, [1] с.; Его же. Научно-техническая революция и модернизация католицизма. – Минск : Наука и техника, 1971. – 455, [1] с.; и др.

8. См. например: Круглов, А. А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.) / А. А. Круглов. – Минск : Беларусь, 1989. – 365, [2] с.; Старостенко В. В. Свободомыслие и свобода совести в Беларуси: очерки истории. – Могилев : Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2004. – 264, [1] с.; и др.

9. Вопросы религии и религиоведения. Вып. VII: Антология отечественного религиоведения: Религиоведение Беларуси : сборник. Ч. 2 : Очерки истории религиозно-философской мысли Беларуси (актуальные проблемы конца XX – начала XXI в.) / сост. и общ. ред. Н. А. Кутузовой, А. А. Лазаревича, В. В. Шмидта. – М. : ИД «МедиаПром», 2011. – 567 с.; Na pograniczu. Studia z filozofii religii / Białoruska Akademia Nauk w Mińsku, Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania w Warszawie ; red. nauk.: W. Słomski, И. Михеева. – Warszawa, 2011. – 563 с. (совместно с польскими коллегами); Kutuzova N. Islam within the Religious Space in Belarus // World Religions in the Context of the Contemporary Culture: New Perspectives of Dialogue and Mutual Understanding. Christianity and Islam in the Context of Contemporary Culture: New Prospects of Dialogue and Mutual Understanding in the Russian Federation and Eastern Europe, in Central Asia and the Caucasus / eds. D. Spivak, S. Shankman. – St. Petersburg : St. Petersburg Branch of the Russian Institute for Cultural Research / Russian Baltic Information Center “Blitz”, 2011. – P. 63–73.

10. Баптизм и баптисты : (социол. очерк) / [С. И. Деришев и др.]. – Минск : Наука и техника, 1969. – 318, [1] с.; Иеговизм / [Т. П. Короткая и др.]; ред. М. Я. Ленсу. – Минск : Наука и техника, 1981. – 132, [2] с.

11. Неокультовые объединения в Беларуси / Е. Прокошина [и др.]. – Минск : Веды, 1998. – 185 с.; Минск : Четыре четверти, 1999. – 200 с. (дополненное издание); Неокульты: «новые религии» века? / Е. Прокошина [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2000. – 240 с.; 2002. – 260 с. (дополненное издание); Неокульты: идеология и практика / Е. Прокошина [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2005. – 195 с.; Современная религиозная ситуация в Беларуси: состояние и перспективы развития / О. Дьяченко [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2005. – 160 с.

12. Дьяченко О. В. Миссионерская деятельность пятидесятнической церкви в Беларуси / Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова. – Могилев : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 1999. – 111, [2] с.; Его же. Пятидесятничество в Беларуси / Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова. – Могилев : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. – 186, [2] с.

13. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / [В. В. Грыгор’ева і інш.]; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 337, [2] с.; Кудрявцев В. В. Лекции по истории религии и свободомыслия : учеб. пособие для вузов / Гуманитар.-экон. негос. ин-т Респ.

Беларусь. – Минск : НТООО «ТетраСистемс», 1997. – 207 с. Короткая Т. П., Осипов А. И., Теплова В. А. Христианство в Беларуси: история и современность. – Минск : Обществ. об-ние «Молодеж. науч. о-во», 2000. – 71 с.; Религия и церковь: крат. науч.-попул. очерк / А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : ПКП «Арти-Фекс», 1998. – 111, [1] с.; Ярмусик Э. С. Католический костел в Беларуси в 1945–1990 годах / Грод. гос. ун-т им. Я. Купалы. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 567 с.; и др.

14. См.: Гурко [Верацагіна] А. У. Гісторыя канфесій на Беларусі ў другой палове ХХ стагоддзя / Ін-т сац.-паліт. даслед. пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэсп. Беларусь. – Минск : ІСПД, 1999. – 136 с.; Яе ж. Гісторыя канфесій у Беларусі: мінулае і сучаснасць : дапам. для настаўнікаў. – Минск : Тэхналогія, 2000. – 157 с.; Ее же. Конфессиональная ситуация в Республике Беларусь: этнический и исторический аспекты. – Минск : ИСПИ, 2001. – 102 с.; Ее же. Новые религии в Республике Беларусь : этнол. исслед. – Минск : Тэхналогія, 2003. – 242 с.; Ее же. Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи. – Минск : Изд-во МИУ, 2006. – 274 с.; Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imef.basnet.by/admingurk.html>; <http://www.imef.basnet.by/narodgurk.html>. – Дата доступа: 01.03.2017; и др.

15. Короткая Т. П. Религиозная философия в Белоруссии начала XX века: крит. анализ / под ред. Е. С. Прокошиной. – Минск : Наука и техника, 1983. – 106, [2] с.; Ее же. В поисках новой рациональности: религиозная философия в России конца XIX – начала XX в. / под ред. Ю. А. Гусева. – Минск : Навука і тэхніка, 1994. – 188, [2] с.; и др.

16. Nikonovich N. El paradigma del mitoontológico de Mircea Eliade y susignificación metodológica // ANDULI. Revista Andaluza de Ciencias Sociales. – 2011. – N 10. – P. 121–126; Idem. El proyecto de la ontología religiosa de M. Eliade y el problema de la síntesis de los paradigmas // Pensamiento Americano. Revista de la Facultad de Humanidades y Ciencias Sociales de la Corporación Universitaria Americana. – 2016. – N 9 (16). – P. 45–57.

17. Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь : сб. докум. и материалов. – Минск, 2005. – 336 с.; Котляров И. В. Политико-конфессиональные процессы в современной Беларуси. – Минск : Белинформпрогноз, 1996. – 11 с.; Земляков Л. Е. Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования. – Минск : Респ. ин-т выс. шк., 2001. – 207 с.; Круглова Г. А. Христианская глобалистика: генезис и основные концепции : учеб. пособие. – Минск : ГИУСТ, 2007. – 125 с.; Прокошина Е. С. Свобода совести – декларация и реализация // Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь : сб. докум. и материалов. – Минск : Четыре четверти, 2005. – С. 280–286; Кутузова Н. А. Политика «человеческого измерения» и обеспечение свободы совести и вероисповедания // Иппокрена. – 2009. – № 3. – С. 89–96; Старостенко В. В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2011. – 272 с.; Свобода совести в Республике Беларусь: нормативно-правовое обеспечение : сб. докум. / авт.-сост. В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 284 с.; Религиозные организации в общественном пространстве Беларуси и Украины: формирование механизмов партнерства / Н. Кутузова [и др.]. – Вильнюс : Европ. гуманитар. ун-т, 2014. – 236 с.

18. См.: Новикова Л. Г. «Религиозный бум» в Беларуси: миф или реальность // Социология. – 1999. – № 2. – С. 29–36; Ее же. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). – Минск : БТН-информ, 2001. – 132 с.; Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И. И. Пирожник [и др.] // Социология. – 2006. – № 4. – С. 46–55; Новикова Л. Г., Белая Е. А. О специфике религиозного поведения верующих основных христианских конфессий в современной Беларуси // Там же. – 2007. – № 4. – С. 140–150; Старостенко В. В. Современное состояние и особенности религиозности населения Могилевщины // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. – Магілёў : УА «МДУХ», 2013. – С. 357–363; Ленсу М. Я., Прокошина Е. С., Языкович В. Р. Студенчество и религия: проблема мировоззренческого выбора / отв. ред. Я. С. Яскевич ; Респ. ин-т выс. шк. – Минск : РИВШ, 1999. – 111 с.; Основные закономерности в религиозном сознании населения Республики Беларусь в современных условиях: социологические исследования, учитывающие тенденции рели-

гиозного поведения населения и ценностные ориентации представителей различных христианских конфессий в период после Чернобыльской катастрофы / И. Н. Дунаева [и др.]. – Минск : [б. и.], 1995. – 49 с.; Акинчиц И. И. Современный верующий. – Брест : [б. и.], 1999. – 242, [1] с.; Ценностные ориентации молодежи в сфере религии / Е. М. Бабосов [и др.] // Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / Е. М. Бабосов [и др.] ; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Современное слово, 2001. – С. 102–111; Шкурова Е. В., Карасева С. Г., Белов А. А. Отношение старшеклассников и родителей школьников г. Минска к перспективе изучения факультативного курса о религии/религиях: отчет о результатах социологического исследования. – Минск : Четыре четверти, 2011. – 92 с.

19. См.: Бреская О. Ю. Религиоведение в Беларуси в XXI веке: контекст социолога религии [Электронный ресурс] // Религиоведение на постсоветском пространстве : материалы междунар. науч.-практ. конф. / ИТ БГУ, МРО, АНО «ННИЦ», МААР, ж-л «Религиов. исследования»; др. – Волгоград : Барс, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

20. Могилевский религиоведческий центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://msu.by/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=656&Itemid=646. – Дата доступа: 11.04.2017; Лисичкин В. М. Проблемы конфессиональных процессов и свободы совести в Республике Беларусь в исследованиях Могилевского религиоведческого центра // Религия и общество – 10 : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 364–370; Его же. Религиоведческий компонент образовательной деятельности в историографии Могилевского религиоведческого центра // Религия и мораль: традиции в духовной культуре Беларуси : сб. материалов респ. науч.-практ. конф. – Могилев : УО «МГОИРО», 2016. – С. 107–113.

21. Результаты представлены в ряде научных статей и в монографии: Шкурова Е. В., Карасева С. Г. Религия в образовании: к вопросу о введении в школьную программу курса о религии (религиях) // Социология. – 2011. – № 3. – С. 108–115; Их же. Предпосылки и перспективы включения курса о религии/религиях в школьную программу в Беларуси (по результатам социологического исследования 2011–2013 гг., г. Минск) // Социология. – 2014. – № 2. – С. 130–141; Их же. Знания о религии в школах Беларуси: состояние и перспективы. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – 163 с.

22. Результаты исследования последовательно опубликованы в виде научных статей: Карасева С. Г., Шкурова Е. В. Многомерный кросskonфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация // Социология. – 2012. – № 3. – С. 123–133; Карасева С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И. Исследования религиозности в Беларуси: новые подходы // Философия и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 62–66; Их же. Исследование религиозности в Беларуси: кросskonфессиональный подход // Там же. – 2015. – № 1. – С. 53–58; Карасева С. Г. Религиозная ситуация в современной Беларуси: понятие, источники данных, основные характеристики // Там же. – 2015. – № 4. – С. 9–14; Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012–2015) / С. Г. Карасева [и др.] // Там же. – 2016. – № 1. – С. 82–91; Значимость религии в оценках религиозного населения Беларуси (по данным исследования 2012–2016 гг.) / С. Г. Карасева [и др.] // Там же. – 2016. – № 3. – С. 82–88; Карасева С. Г., Шкурова Е. В. Особенности религиозности населения Беларуси: мировоззренческий аспект (по данным исследования 2012–2015 гг.) // Социология. – 2016. – № 4. – С. 81–94; и др.

23. См.: Мартинович В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. – Минск : МинДА, 2015. – 560 с.

П. А. Водопьянов¹, Н. Е. Захарова², А. С. Червинский²

¹Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь

²Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется процесс становления социоэкологической проблематики как объекта философско-методологического исследования, выявляются основные предпосылки формирования комплексного подхода к научной интерпретации феномена утраты оптимальности в социоприродном взаимодействии, определяются перспективы социально-экологической проблематики в творчестве белорусских ученых.

Ключевые слова: *социоэкологическая проблематика, философско-методологические исследования, устойчивое развитие, качество природной среды обитания, перспективы философско-экологических исследований*

P. Vodopyanov¹, N. Zakharova², A. Chervinsky²

¹Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

²Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL-ECOLOGICAL PROBLEMS IN THE CONCEPTUAL STRUCTURE OF DOMESTIC PHILOSOPHY

In the article, the process of formation of social-ecological problems as an object of philosophical and methodological research is analyzed; the basic preconditions of formation of complex approach to the scientific interpretation of the phenomenon of loss of optimality in social-natural interaction are revealed; the prospects of social and ecological problems in the works of Belarusian scientists are determined.

Keywords: *social-ecological problems, philosophical and methodological research, sustainable development, quality of the natural environment, perspectives of philosophical and ecological research*

Формирование концептов социальной экологии как научной проблемы

Изучение проблем общества и природы и традиции академической философской школы социально-экологических проблем были заложены в Институте философии и права АН БССР в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. Первый международный экологический форум – Стокгольмская конференция ООН по окружающей среде (1972 г.) – приняла «Декларацию принципов» по основным экологическим проблемам человечества, рассчитанную на перспективу. Этому способствовало также возросшее внимание мировой науч-

ной элиты и международных организаций к экологическим последствиям антропогенной активности, выход в свет докладов Римского клуба, модельных прогнозов социобиосферной динамики, выполненных под руководством Дж. Форрестера, Д. Медоуза, Э. Ласло, М. Месаровича, А. Печчеи, Я. Тинбергена и др. Широко известны стали работы советских ученых – М. М. Камшилова, Н. Н. Моисеева, Э. В. Гирусова, И. Д. Лаптева, Н. Федорова, Э. С. Маркаряна, Н. Реймерса, М. Д. Гвишиани, А. Горелова, П. А. Водопьянова и др. Лейтмотивом большинства исследований экологических проблем явилась серьезная озабоченность экспертов и ученых масштабами преобразования биосферы. Последствия наряду с экологическими могли нести угрозы сохранению нормальных условий существования человека. Первым этапом научных исследований в данном направлении стал период констатации и анализ фактов, свидетельствующих об интенсивном истощении природных ресурсов и ухудшении качества окружающей среды.

Серьезным вкладом в философско-экологическую проблематику стали книги П. А. Водопьянова: «Устойчивость в развитии живой природы» (Минск, 1974), «Динамическое равновесие природы и человека», «Человек, природа, производство: современный этап взаимодействия» (Минск, 1977). П. А. Водопьянов одним из первых в республике выходит за пределы сугубо биологических вопросов в сферу широкой экологической проблематики, затрагивающей социоприродные проблемы современного мира и озабоченность судьбами в нем всего живого. Категория устойчивости трактуется исследователем как важная философская и социальная проблема, весьма актуальная в плане обоснования возможности оптимизации социоприродного взаимодействия [1, 2].

Под научным руководством основоположника экологической школы П. А. Водопьянова были успешно защищены кандидатские диссертации его учеников Н. Е. Захаровой «Социально-экологическое моделирование и критика буржуазных концепций природопользования» (1984) и А. С. Червинского «Биотехносфера как объект философско-методологического анализа» (1984).

Представителями данной школы осуществлялся синтез развития естественнонаучного и социально-философского знания. Разработано философское и научное содержание базовых категорий и понятий социальной экологии, определена их конструктивная роль в развитии теоретического знания и социальной практики. Вопросам методологии функционирования систем, в том числе и биологических, уделял внимание А. К. Манеев – автор известных трудов в области логики и методологии научного познания. Его работы дают ответ на вопросы закономерностей устойчивого функционирования биосистем как сложных динамических систем, не обладающих деструктивным характером. Определяя уровень допустимо возможной взаимопротиворечивости, можно максимально гибко защищать их внутренние и внешние биоструктуры [3].

Под руководством академика АН БССР К. П. Буслова в Институте философии и права начались исследования по социальным аспектам возникающих глобальных и региональных экологических проблем, была опубликована коллективная монография «Социальные аспекты экологии» (Минск, 1983). Это положило начало развитию отечественной социальной философии в области осмысления и решения социально-антропологических аспектов экологии, изучения вопросов экологизации сознания и культуры белорусского общества. В особенности эти исследования оказались актуальными после аварии на Чернобыльской АЭС, когда потребовались разработки механизмов социокультурной адаптации к экстремальным экологическим условиям. Большую роль сыграл в инициации этих программ академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов, возглавлявший в этот период академический институт. В его работах особое внимание уделено социальным последствиям аварии на Чернобыльской АЭС и предложена система рекомендаций конструктивного решения проблем населения, застигнутого атомной бедой [4]. Многие из них актуальны и сегодня – необходимость комплексных исследований биогеохимического производства радионуклидов в экосистемах, анализа биохимических объектов в условиях снятия или снижения на них хозяйственной нагрузки, мер по совершенствованию способов перезахоронения местных продуктов дезактивации; организация адресного, достоверного, научно обоснованного информирования местного населения; создание программ формирования активной жизненной позиции у молодежи из регионов, пострадавших от радионуклидного загрязнения, что вызывало необходимость индивидуального подхода к каждому жителю с учетом его биопсихических особенностей, уровня образования и культуры [5, 9, 11].

В своих работах, посвященных методологии социального проектирования, Г. А. Антонюк обосновал научные методы социоэкологического проектирования, которые должны опираться на знание объективных законов биосферы и социальных институтов человеческой цивилизации, конструктивных особенностей изучаемых объектов, потребностей субъектов; обозначил различие экосоциальных проектов, в которых будущее определяется на основе обыденных представлений о действительности, и проектов, при построении которых следует опираться на теоретические представления.

Возможности реального целенаправленного формирования и совершенствования системы экологических потребностей белорусских граждан на основе возрастных и социальных характеристики их бытия были проанализированы в монографии И. Я. Жибуля «Экологические потребности: сущность, динамика, перспективы» (1991).

В работе П. А. Водопьянова и А. И. Зеленкова «Динамика биосферы и социокультурные традиции» (Минск, 1987) исследовались основные особенности детерминирующего влияния социокультурных традиций, характерных

для различных общественных систем, на процессы функционирования и динамики биосферной организации. Особый акцент был сделан на системное воспроизводство биотических, абиотических и антропогенных характеристик биосферы в соответствии с требованиями сопряженной, совместной эволюции человека и природной среды его обитания. Системный подход к исследованию актуальных проблем динамики современной биосферы позволил комплексно проанализировать возможные формы воздействия человека на биосферу, наметить контуры сбалансированной эволюции общества и окружающей среды на основе гармонизации структуры социальных потребностей и усиления роли духовных факторов. Особое внимание в данной работе уделено выявлению экологического потенциала культурных традиций, характерных для различных социальных систем.

Исходя из осмысления жизненно значимых проблем современности (исторической динамики численности населения, проблемы голода и истощения ресурсов, масштабов природных и социальных катастроф) П. А. Водопьяновым и В. С. Крисаченко в работе «Великий день гнева: экология и эсхатология» (Минск, 1993) была предложена новая стратегия дальнейшего развития человечества на основе утверждения новых ценностных императивов социоприродных отношений. Проблемам экологии были посвящены исследования Э. В. Клесовой, Ю. М. Манина, П. С. Карако [6–8].

Основным содержанием работы научного коллектива Института философии НАН Беларуси в конце 1990-х годов по философско-экологической проблематике стали определение научно-методологических принципов философского осмысления взаимодействия в системе «человек – природа – общество»; изучение проблемы формирования экологического сознания; формирование теоретико-методологических основ экологической культуры и моделирования социоприродной практики; исследование духовно-нравственных проблем биотехнологического прогресса; аксиологические акценты экологической культуры и ее роли в развитии человеческого потенциала, ее демографической, образовательной, идеологической составляющих; разработка социокультурных механизмов адаптации человека к экстремальным экологическим условиям [13–18].

В целом ряде индивидуальных и коллективных монографий были сформулированы решающие меры социокультурной адаптации к экстремальным экологическим условиям (на основе изучения последствий Чернобыльской аварии); социокультурные принципы оптимизации социально-экологической политики государства, вытекающей из объективной необходимости возрастания роли экологической культуры населения страны; экологические факторы формирования демографической политики государства; вопросы устойчивости социоприродного развития Беларуси в условиях нового этапа глобализации; возникновение морально-этических проблем в связи с прогрессом биотехнологического развития [14, 15, 20, 29].

**Социально-экологическая тематика в Институте философии
НАН Беларуси: реальность и перспективы**

В настоящее время социально-экологические исследования продолжают в Центре социально-философских и антропологических исследований в составе научно-исследовательской группы в области философских проблем социальной экологии в рамках задания Государственной программы научных исследований на 2016–2020 годы «Философско-мировоззренческие, социально-экологические и психологические параметры человеческого развития и качества жизни в Республике Беларусь». В ходе выполнения его и предыдущих заданий рассматривается социальная продуктивность и методологическая ценность экологически императивного подхода к формированию экономической политики и рациональной структуры потребностей личности в условиях постиндустриального перехода, определены сущностные экологические характеристики потребления, которое современный человек рассматривает как экзистенцию, что в условиях потребительского общества рождает чувство идентичности, социализации, культуры.

Учеными в работах [17, 22, 24, 25, 31, 36] выявлены социально-экологические приоритеты систематизации показателей качества жизни белорусского общества и формирование представлений о качестве жизни в условиях постиндустриального перехода, влияние исторических экологических ценностей на ряд показателей качества жизни населения Беларуси (здоровье, питание, труд, отдых); раскрываются изменения в представлениях человека о надлежащем качестве жизни, продолжительности жизни, механизмах поддержания его здоровья. На теоретическом, философском уровне представлена системная концепция многофакторной оптимизации социально-экологического развития белорусского общества в диалектическом единстве управленческих, научно-технологических, экономических, социальных, духовно-культурных и образовательных факторов. Определены доминанты во взаимодействии социокультурных и экологических факторов для развития человеческого потенциала и повышения качества жизни населения Беларуси в условиях новых технологических укладов [24, 25, 34, 36].

При разработке методологии по созданию здоровьесберегающей среды, включая комплекс материально-экономических, психолого-физиологических и ценностно-экологических факторов повышения ее качества, участниками проектного задания выявлены базовые принципы надлежащего качества жизни и культурно-духовный потенциал общества в восприятии ценностей здорового образа жизни, а также показаны доминирующие негативные факторы социальной фрустрации и девиаций относительно самосохранительного поведения, в том числе и в молодежной среде.

В совокупности опубликованные работы свидетельствуют о том, что в отечественной социальной экологии разработана парадигма динамической

связи (синергии) здоровья и социально-экологической безопасности для транзитивных обществ на основе адекватной требованиям постиндустриального развития системы ценностей. Поскольку здоровье становится социальным свойством личности, обеспечивая человеку в условиях рыночной экономики необходимое жизнедействие, недостаточная здоровьесберегающая активность населения требует усиления таких социокультурных механизмов воздействия, как экологическая культура, информация, в какой-то мере экономическое стимулирование. Доказывается, что адекватная модель здоровья населения и здорового образа жизни превращается в цель социальной политики государства. Особенности характера взаимоотношений разных поколений можно использовать как средства формирования устойчивых позитивных межличностных и социальных отношений в поддержании здоровьесберегающей активности населения [26–28, 35, 36].

Вместе с тем в настоящее время возрастает актуальность исследования социокультурных приоритетов развития Беларуси в условиях глобальной экологической нестабильности, разработки адекватной современному состоянию окружающей среды типологии глобальных социально-экологических рисков и угроз, параметризации гуманитарно-экологической безопасности и устойчивого социоприродного развития, изучения важнейших форм и уровней влияния глобальной экологической нестабильности на темпы и характер социодинамики [13, 30–33, 35, 37–39].

Особую значимость в формировании стратегии устойчивого развития белорусского общества имеет определение механизмов адаптации негативных экологических факторов посредством использования национально-культурных традиций и приоритетов экологического сознания, характерных для Беларуси. В связи с этим изучены национальные традиции в становлении современной экологической культуры и выявлены особенности сохранения и передачи экологического опыта [18, 41–44].

В работах П. А. Водопьянова, А. И. Зеленкова, П. М. Бурака, П. С. Карако, Н. Е. Захаровой, В. В. Анохиной, С. П. Онуприенко раскрыта роль глобального эволюционизма как методологии формирования устойчивой социоприродной стратегии и методологии образования, его статус как новой парадигмы современной науки [45–52].

Исследования, посвященные социокультурным и экологическим последствиям чернобыльской катастрофы, заслуживают особого внимания для Республики Беларусь, осуществляющей строительство Белорусской АЭС, в целях обеспечения надежности человекомерных систем, профилактики как непреднамеренных, так и целенаправленных действий, которые нарушают нормативные режимы функционирования технических систем, а также обеспечения психологической адаптивности и готовности к работе и проживанию в стрессогенных условиях. Остаются актуальными и вопросы биокультурной адаптации к экстремальным экологическим условиям, которые связаны с развити-

ем новых технологий. Белорусские философы принимают активное участие в разработке модели информационно-обучающей системы по формированию навыков эколого-безопасного поведения на основе позитивных ценностно-мировоззренческих установок [15, 19, 22, 53–58].

Социологическими исследованиями существенно дополняется построение прогноза и модели динамики экологических ценностей населения Беларуси в современных условиях. В работах ряда авторов систематизированы рискогенные (экономические, политические, социальные, экологические, культурные) факторы, воздействующие на динамику экологических ценностей населения Беларуси; разработана теоретическая модель экологического сознания и поведения населения; эмпирически исследованы экологическое сознание и поведение населения с выделением типов поведения по критерию значимости экологических ценностей. Л. Г. Титаренко, Д. А. Широкановым, Е. А. Хмеленок, И. А. Сосуновой созданы оценочно-инструментальные методики определения социально-психологических особенностей культурно-экологической мотивации населения Беларуси в современных условиях [58–60].

Еще одним важным направлением, созвучным социально-экологической тематике, является расширение идей человекомерности и человекоразмерности науки с экологическими идеями, которые именуют идеями природомерности (признания природы как ценности) и природоразмерности, включающей практики заботы об охране окружающей среды в практику цивилизационного и социокультурного бытия человека [61–65].

Значительный вклад белорусских ученых в развитие философско-методологических основ комплексных социэкологических исследований, разработку основных принципов оценки качества природной среды обитания был высоко оценен. Сотрудники Института философии НАН Беларуси Д. И. Широканов, М. К. Буслова, А. С. Червинский удостоены премии академий наук Украины, Беларуси и Молдовы за 2009 год. Предложенный ими в коллективной монографии «Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям» [65] подход к проблеме комплексного трансдисциплинарного исследования состояния качества природной среды в экологически экстремальных условиях оказался востребованным при разработке стратегии реабилитации в постчернобыльских регионах Беларуси.

Перспективы и ориентиры философско-экологических исследований

В современных условиях глобального экологического кризиса и возрастания значения над-материальной сферы общественного развития определяющая роль принадлежит не тому, что есть, а тому, чего пока нет, но что возможно или должно быть: культурно-духовным, научно-рациональным, нравственным, педагогическим и другим идеалам, открывающим возможность конструирования реальности. Для каждой эпохи, как и для настоящего переходного

периода к неоиндустриальному развитию, существуют свои нерешенные проблемы, своя система ценностей и норм, смыслов и значений, образов восприятия и вкусов, стилей, моды и других социально-культурных кодов. То, что было реальностью формирования идеалов и норм для индустриальной эпохи советского времени, не актуально для современной социально-экономической системы нашего общества.

Возрастающее соперничество между основными мировыми центрами силы в политике, экономике, военной мощи, культурно-информационном влиянии смещается из плоскости инструментально-технологической в плоскость услуг, идей, интеллекта и информации. Несмотря на лавинообразный характер выдающихся научных и технических достижений, действующие социально-экономические и социокультурные механизмы успевают в кратчайшие сроки воплощать эти достижения в новейших технологиях, а затем и в потребительских товарах и услугах современного общества. Более того, эти механизмы становятся все более восприимчивыми к научно-техническим новшествам, которые в свою очередь непрерывно генерируют импульсы дальнейших преобразований. Однако гуманитарная, нравственно-этическая оценка перспективы преобразования не просто внешних условий, но содержания, цели, смысла, самой ткани человеческого бытия неизменно запаздывает [16, 18, 29, 49, 55, 61, 63].

Производство поглощает все большие объемы энергии, труда, сырья и капитала, оно становится все более технологичным, но в целом разрушительность производства для окружающей среды растет, а долговечность товаров снижается. Однако есть товары, увеличить выпуск которых при всем желании невозможно, – это биоресурсы, такие как свободная земля, воздух, вода, леса, запасы рыбы в реках и морях и т. п. В условиях, когда они становятся дефицитом, неважно, какую цену за них предлагают, можно только перераспределить их между большим числом пользователей.

В начале XXI в. назвали проблемы, решать которые в принципе не представляется возможным в рамках экономико-центричного «разумного эгоизма». Для их успешного решения необходима существенная реорганизация мотивационной структуры, заложенной в эпоху европейского модерна XV–XX вв. Еще в 60-е годы XX в. ее изменения были обозначены в социологии, в рамках постэкономических изменений в структуре потребностей: с повышением уровня образования и культуры населения доля трат на материальные нужды падает, а расходы на постматериальное – возрастают. В связи с этим меняются и факторы социальной удовлетворенности, к примеру, характер труда и его престижность, критерии общего качества жизни, куда входят собственное здоровье, качество питания, отдыха, культурный выбор, качество природного окружения, которые стали играть бóльшую роль, нежели оплата труда и уровень жизни.

При низком уровне экономического развития даже небольшие экономические выгоды повышают уровень субъективного благополучия, увеличивают продолжительность жизни. Для каждого отдельно взятого человека приори-

тетом служит максимизация экономических выгод, а для общества приоритетом становится экономический рост. Данная стратегия оказывается достаточно эффективной для обеспечения роста благосостояния, однако существует до тех пор, пока общество не подойдет к определенному порогу развития. Для человека в данных условиях внеэкономические, нематериальные аспекты жизни становятся все более значимыми, определяющими. После достижения этой пороговой точки рациональным является акцентирование всех усилий на повышение качества и экологической безопасности жизни населения, а не на стремлении к экономическому росту.

Этот сдвиг связан со значительными изменениями на индивидуальном уровне, а именно изменением ценностей: смещением внимания с экономической и социальной безопасности на качество окружающей среды и возможностью творческого самораскрытия личности, что приводит к изменению ценностей с выживания в сторону саморазвития и творческого выбора, которые становятся прямым способом максимизировать счастье и удовлетворенность жизнью через духовные ценности и гуманизацию отношений.

Если трактовать благополучие по А. Маслоу, то нужно четко разделить понятия «выживание» и «жизнь». Экономический рост в современном мире ассоциируется с повышением общего уровня образования, здоровья, большей продолжительностью жизни, меньшей детской смертностью, более удобной общественной инфраструктурой и системой социального обеспечения, которая страхует от основных рисков (болезнь, безработица, потеря трудоспособности по старости). В этом перечне принципы экологической безопасности жизни, качество окружающей среды имплицитны, присущи практически каждому из этих показателей.

На основании этого можно сделать вывод о том, что в настоящее время человечество движется к признанию приоритета социально-экономических и экологических ценностей как более важных, чем ценности исключительно материального благополучия, а именно к устойчивому развитию, здоровому образу жизни, сохранению окружающей среды, развитию личности, духовному совершенствованию.

В содержании социальной политики и управления акцент смещается с чисто экономических показателей на продуцировании ценностных, в том числе внеэкономических, критериев качества жизни. При этом показатель уровня благосостояния рассматривается как рост человеческого потенциала нации и приращение субъективного благополучия, который функционально зависит как от социально-экономических, так и от духовно-культурных, образовательных, демократических, экологических факторов.

Теоретико-методологическая разработка понятия «качество жизни» в современных экологических условиях становится необходимой для выработки программ установления гармонии общества и биосферы. В связи с возрастанием организующей роли информации и знания, прорастающих в культуру

мировоззрения, на первый план выходят вопросы выяснения роли качественных характеристик окружающей среды в обеспечении жизнеспособности общества. Подлинная эффективность общества может проявляться только в возрастании ценностно-экологической мотивации социального проектирования, в научном подходе к управлению общественным и социоприродным развитием, в инновационных разработках природосбережения и экономии энергии. В частности, средняя продолжительность жизни в условиях современного техногенного общества растет не за счет укрепления природного потенциала физического и социального здоровья, а благодаря преодолению «критических ситуаций» в человеческой жизни (детской смертности, инфекционных заболеваний, кризисных явлений и т. д.). Отсюда и феномен здоровья понимается не как простой результат реализации биологического потенциала для продолжительной жизни, а как искусственное, социокультурное, технологическое обеспечение максимальных возможностей долголетия человеческого организма.

Поэтому важнейшей составляющей оценки качества жизни становятся социально-экологические показатели и приоритеты, не до конца выявленная природа которых и присущие им противоречия накладывают свой отпечаток на ценностные ориентации людей.

Гармонизация как окружающей среды, так и интеллектуально-физиологической внутренней среды человека, а также психологического климата в семье и в трудовом коллективе – все это закономерно фокусируется в анализе понятий «экологическая безопасность» и «качество жизни». Надеяться на осуществление принципов личной сдержанности в удовольствиях, рациональности и экологичности в потреблении, в экономии ресурсов, бережном отношении к природе во имя будущих поколений возможно только в единстве с образовательными и социокультурными основаниями воспитания творческой личности ноосферного типа.

«Концепция национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года» в числе главных приоритетов определяет развитие человеческого потенциала и рост качества жизни населения страны. Решающими условиями успешного осуществления данной стратегии являются: поддержание надлежащего качества природных систем, расширение сферы «зеленой экономики», обеспечение экологической безопасности, системная работа по улучшению материальных и нематериальных компонентов благосостояния личности и общества. Все это невозможно без адекватной требованиям времени деятельности по развитию человеческого потенциала на основании экологической культуры, мышления и мировоззрения. Повышенный интерес к ценностной проблематике – это результат более глубокого понимания природы человеческого познания, его социокультурной обусловленности, целостности. Проникновение в закономерности познавательного процесса позволяет обнаружить ценностный компонент в экономической, социальной и экологической сфере общества. Важнейшее значение

в реализации конструктивного мироощущения людей как одного из основных индикаторов высокого уровня их жизни принадлежит разработке новых программ экологического воспитания и образования.

Помимо образовательных парадигм к механизмам роста человеческого потенциала относятся новые подходы в психологии, которые позволяют рассматривать человека не только через совокупность знаний о биологическом субъекте, но и сквозь призму знаний о культурно-ценностных универсалиях, идеалах и принципах человеческого бытия. Экологическая культура – это идеальная объективная форма, которая должна стать реальной формой психики и сознания современного человека.

В поисках оптимальных условий развития человека и качества его жизни определяющими становятся не столько материально-технические, информационные, технологические факторы, сколько ценностно-культурная мотивация, мировоззренческие и интеллектуально-образовательные доминанты общественного развития. Анализ социокультурных и экологических аспектов качества жизни позволяет выявить и расширить содержание понятия человеческого потенциала, отражаемое в ежегодных Отчетах ООН по развитию человека, что является важным для улучшения социально-экологических характеристик международных показателей Республики Беларусь и повышения ее мирового рейтинга.

Одним перспективных и одновременно социально востребованных направлений развития отечественной философии представляется методологическое обеспечение социально-экологических исследований в контексте разработки концептуальных оснований общей стратегии реабилитации качества природной среды обитания в постчернобыльских регионах Беларуси.

Следует сказать, что сама концепция минимизации (изначально «ликвидации») последствий чернобыльской аварии на протяжении всего поставарийного периода претерпевала серьезные конструктивные изменения: с переходом от концепции «зон радиоактивного загрязнения» до нынешней оценочной концепции, базирующейся на нормативном представлении о «бэрах» (биологическом эквиваленте радиоактивности).

Одним из важнейших аспектов концептуальной разработки проблемы постчернобыльской Беларуси является функциональный анализ перспектив устойчивого развития, прикладное значение которого применительно к исследуемой проблематике проявляется в способности атрибутивной оценки сложно организованных объектов, имеющих выраженную социоприродную сущность. Исходя из представления о приоритетности комплексного подхода к анализу феномена социоприродного взаимодействия на различных уровнях экологической оптимальности необходимо осознать, что базовую основу концептуальной схемы составляют общетеоретические, большей частью философско-методологические аспекты проблемы структурного построения системы оценочных критериев, поскольку именно на этом уровне наиболее пол-

но проявляются эвристические потенции оценочных принципов, способных обеспечить не только теоретическую эффективность научного анализа, но и во многом обусловить реальную прагматику прикладных аспектов непосредственно практической деятельности.

В новых социоэкологических условиях принципиально новым должен быть и подход к разработке механизма оценочной процедуры: к обоснованию новых, адекватных сложившейся ситуации критериев, формированию системы экологических нормативов, учитывающих возможность образования синергетических эффектов взаимоналожения факторов, обоснованию оценочных принципов, отражающих иерархическую зависимость качественных характеристик природных процессов.

Концептуальный конструкт научной интерпретации феномена устойчивого развития в ситуации деградации качества среды также должен быть адаптирован к реальному характеру протекания деструктивных процессов в окружающей человека природной среде. В данных условиях свою специфику приобретает система оценочных критериев. Именно это обстоятельство актуализирует философско-методологические разработки в социально-экологической проблематике.

Дальнейшие научные поиски видятся в глубокой связи с новым философским пониманием сохранения сущности и критериев развития человека. Человеческое развитие и повышение качества жизни зависит не только и не столько от радикальных изменений в сфере экономики, технологий и техники, сколько базируется на ценностно-экологической, социально-культурной, нравственной мотивации, на мировоззренческих, психологических, интеллектуально-образовательных доминантах личности и общества. Предлагаемый подход позволит рассматривать возможности повышения качества жизни населения через включение таких креативных составляющих парадигмы развития человека XXI в., как социально-культурные доминанты и экологические ценности, что является новым и инновационным направлением в развитии социально-гуманитарного знания. Важно не только осуществить философский анализ проблем человеческой телесности в контексте развития новейших биотехнологий, геномной инженерии и других высоких технологий, проектов транс- и постгуманизма, но и выявить важнейшие экологические параметры социотехносферы в условиях социальной модернизации; рассмотреть экзистенциальные проблемы человека и «социальные болезни» в современном белорусском обществе, разработать опережающие методики экологического воспитания и образования, способствующие их решению; определить функциональную роль и возможности мониторинга и управления человеческим фактором в создании и функционировании социотехноэкологических систем; раскрыть и уточнить спектр теоретико-методологических составляющих концепции «общественного счастья» как новой парадигмы системной целостности физических, психических, мировоззренческих, интеллектуальных и духовно-нравственных качеств человека.

Список использованных источников

1. Водопьянов, П. А. Устойчивость и динамика биосферы / П. А. Водопьянов ; науч. ред. А. Б. Георгиевский. – Минск : Наука и техника, 1981. – 245, [1] с.
2. Водопьянов, П. А. Экологические последствия научно-технического прогресса / П. А. Водопьянов. – Минск : Наука и техника 1982. – 72 с.
3. Манеев, А. К. Движение, противоречие, развитие / А. К. Манеев ; науч. ред.: Ю. А. Харин, М. Я. Резников. – Минск : Наука и техника, 1980. – 164, [2] с.
4. Бабосов, Е. М. Социальные последствия Чернобыльской катастрофы, пути их преодоления / Е. М. Бабосов ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : БТН-информ, 2001. – 219 с. – (Библиотека социологии: методология, методика и техника социологических и маркетинговых исследований).
5. Червинский, А. С. Разработка и обоснование предложений по обеспечению использования радиоактивно опасных земель сельскохозяйственного и лесохозяйственного назначения / Гос. программа по преодолению последствий катастрофы на ЧАЭС: отчет о НИР / Ин-т философии и права АН Беларуси ; рук. темы: Н. В. Сторожев, А. С. Червинский. – Минск, 1993. – С. 3–10.
6. Клесова, Э. В. Природа и человек: философский очерк / Э. В. Клесова. – Минск : Изд-во БГУ, 1979. – 176 с.
7. Манин, Ю. М. НТР и экологизация производства / Ю. М. Манин ; ред. Е. М. Бабосов. – Минск : Наука и техника, 1979. – 133, [2] с.
8. Карако, П. С. Революция в современной биологии и ее социальные аспекты / П. С. Карако. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 255 с.
9. Экологические и социокультурные аспекты устойчивого развития : сб. ст. / под ред. П. А. Водопьянова. – Минск : Акад. наук Беларуси, 1997. – 178 с.
10. Беларусь: социально-экологические проблемы / под ред. А. А. Лазаревича. – Минск : Беларус. кнігазбор, 1999. – 252 с.
11. Экология и социальное развитие / [С. И. Онуприенко и др.] ; под ред. Д. И. Широканова. – Минск : Право и экономика, 2001. – 246, [2] с.
12. Социальная экология: новые подходы в теории и практике / [С. П. Онуприенко и др. ; науч. ред. В. И. Парфенов]. – Минск : Право и экономика, 2005. – 306, [1] с.
13. Захарова, Н. Е. Проблемы социоприродного моделирования в контексте глобализации / Н. Е. Захарова. – Минск : Беларус. наука, 2005. – 120, [2] с.
14. Лазаревич, Н. А. Биотехнологические проблемы современной социальной экологии / Н. А. Лазаревич ; под ред. С. П. Онуприенко. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 210, [2] с.
15. Экологическая безопасность в динамике социокультурного развития / [Н. Е. Захарова и др. ; науч. ред. Д. И. Широканов]. – Минск : Беларус. наука, 2007. – 168, [2] с.
16. Захарова, Н. Е. Духовный потенциал экологического императива / Н. Е. Захарова // Интуитивно-эвристический потенциал человека : материалы 14-й Междунар. Нижегород. ярмарки идей. – Н. Новгород, 2011. – С. 121–125.
17. Захарова, Н. Е. Императивно-экологическая модель экономики / Н. Е. Захарова // Система экономической сферы общества : материалы 15-й Междунар. Нижегород. ярмарки идей (Нижний Новгород, 27–29 мая 2012 г.). – Н. Новгород : Изд-во Гладкова О. В., 2012. – С. 170–175.
18. Захарова, Н. Е. Социально-экологический ракурс достоинства личности и прав человека / Н. Е. Захарова // Логика достоинства и свободы личности / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск : Беларус. навука, 2016. – С. 426–428.
19. Червинский, А. С. Особенности ноосферного развития в пост-Чернобыльской Беларуси на современном этапе / А. С. Червинский // Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям. – Минск : Право и экономика, 2009. – Разд. 3.2. – С. 185–194.

20. Захарова, Н. Е. Социально-экологические и культурные доминанты современного транзитивного общества / Н. Е. Захарова // Система экологической сферы общества : 16-я Междунар. Нижегород. ярмарка идей. – Н. Новгород : Изд. салон ИП Гладкова О. В., 2013. – С. 81–88.
21. Захарова, Н. Е. Понимание оптимума в социально-экологической практике / Н. Е. Захарова // Система социальной сферы общества: 19-я Международная Нижегородская ярмарка идей. – Н. Новгород, 2016.
22. Лазаревич, Н. А. Качество жизни в условиях антропологического кризиса / Н. А. Лазаревич // Труды БНТУ. Сер. История, философия, филология. – 2012. – № 5 (152). – С. 100–102.
23. Захарова, Н. Е. Экологическая безопасность / Н. Е. Захарова // Белорусский путь / О. В. Пролесковский [и др.] ; под ред. О. В. Пролесковского, Л. Е. Криштаповича. – Минск: Маст. літ., 2012. – С. 500–525.
24. Лазаревич, Н. А. Реализация экологических потребностей общества в современных условиях / Н. А. Лазаревич // Труды БГТУ Сер. История, философия, филология. – 2015. – № 5 (178). – С. 105–108.
25. Червинский, А. С. Комплексная оценка качества природной среды в контексте ноосферных ценностей / А. С. Червинский // Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям. – Минск : Право и экономика, 2009. – Разд. 3.1. – С. 154–164.
26. Захарова, Н. Е. Здоровый человек – здоровое государство / Н. Е. Захарова // Белорусский путь / О. В. Пролесковский [и др.] ; под ред. О. В. Пролесковского, Л. Е. Криштаповича. – Минск : Маст. літ., 2012. – С. 360–379.
27. Захарова, Н. Е. Культура здоровья личности как социально-экологический феномен / Н. Е. Захарова // Молодежь в зоне риска: социально-культурные основы профилактики пьянства и алкоголизма / О. А. Павловская [и др.] ; под ред. О. А. Павловской ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 341–350.
28. Онуприенко, С. П. Экологическая культура в сознании детей и взрослых Беларуси: грани становления = Ecological culture in the minds of children and adults of Belarus: the points of becoming / С. П. Онуприенко. – Минск : Экоперспектива, 2015. – 216 с.
29. Водопьянов, П. А. Формирование человеческих качеств в условиях глобализации / П. А. Водопьянов // Формиране на гражданина и професионалиста в условията на университетското образование : сб. – Габрово : Университет, 2012. – С. 127–132.
30. Водопьянов, П. А. Стабильное будущее в контексте идей устойчивого развития / П. А. Водопьянов // Высшая школа: проблемы и перспективы. – Минск : РИВШ, 2015. – С. 135–140.
31. Водопьянов, П. А. Рационализация жизнедеятельности социума: возможности и принципы / П. А. Водопьянов, Ч. С. Кирвель // Труды БГТУ. Сер. 5, История, философия, филология. – 2016. – № 35 (187). – С. 97–101.
32. Волнистая, М. Г. Теория социальных систем и концепция устойчивого развития в Республике Беларусь / М. Г. Волнистая, Е. В. Матусевич // Научные труды РИВШ : сб. науч. ст. – Минск, 2010. – Вып. 9 (14). – Ч. 1 : Философско-гуманитарные науки. – С. 29–36.
33. Зеленков, А. И. Блеск и нищета глобализации / А. И. Зеленков // Философия и социальные науки. – 2013. – №3/4. – С. 4–12.
34. Лазаревич, Н. А. Биотехнологический прогресс: естественнонаучные и социальные основания / Н. А. Лазаревич // Философия. Методология. Познание : сб. науч. тр. к 85-летию академика Д. И. Широканова / науч. ред.: А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2014. – С. 162–170.
35. Лазаревич, Н. А. Экологические основания политики современных государств / Н. А. Лазаревич // Беларусь и Россия в европейском контексте: проблемы государственного управления процессом модернизации : Междунар. науч. конф., г. Минск, 20–21 окт. 2011 г. – Минск : Право и экономика, 2012. – С. 295–298.

36. Онуприенко, С. П. Доминирующие факторы социально-экологической деятельности в контексте современных проблем белорусского общества / С. П. Онуприенко // Вест. Брест. гос. ун-та. Сер. Философия. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 5–11.
37. Савченко, В. К. Глобальные изменения и судьбы цивилизации / В. К. Савченко ; Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2015. – 173 с.
38. Савченко, В. К. Тенденции процесса глобализации и пути планетарной синергии и гармонизации / В. К. Савченко // Философские исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Вып. 1. – С. 97–116.
39. Сыкало, А. И. Портрет устойчивого развития в рамках самоорганизации [о социальной философии] / А. И. Сыкало // Техника безопасности. – 2010. – № 3. – С. 211–214.
40. Chervinski, A. S. Philosophical and methodological foundations of a comprehensive assessment and management of environmental quality / A. S. Chervinski // Научный результат. Сер. Социология и управление. – 2013. – № 3. – С. 62–66.
41. Анохина, В. В. Культурная традиция как механизм сохранения и передачи экологического опыта (Гл. VI, § 2) [Электронный ресурс] / В. В. Анохина // Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни / под науч. ред. А. И. Зеленкова ; А. И. Зеленков [и др.] ; Беларус. гос. ун-т, Факультет философии и социальных наук, Кафедра философии и методологии науки. – Минск, 2011. – 292 с. – Рус. – Деп. в ГУ «БелИСА» 31.05.2011 г., № Д201113. – С. 206–220. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/2844>.
42. Захарова, Н. Е. Социоэкологические основания формирования интеллектуального потенциала личности / Н. Е. Захарова // Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь / Е. М. Бабосов [и др.] ; науч. ред. И. Я. Левяш. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 254–257.
43. Зеленков, А. И. Динамика научно-исследовательских программ в современной экологии / А. И. Зеленков // Актуальные вопросы антропологии : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2013. – Вып. 8. – С. 16–34.
44. Зеленков, А. И. Парадигмальный статус экологии в современной науке / А. И. Зеленков // Синтез философии, науки, культуры: к 80-летию акад. В. С. Степина. – Минск : БГУ, 2014. – С. 275–286.
45. Зеленков, А. И. Социокультурные и методологические приоритеты современной экологии (Гл. IV, § 5) [Электронный ресурс] / А. И. Зеленков // Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни / под науч. ред. А. И. Зеленкова ; А. И. Зеленков [и др.] ; Беларус. гос. ун-т, Факультет философии и социальных наук, Кафедра философии и методологии науки. – Минск, 2011. – 292 с. – Рус. – Деп. в ГУ «БелИСА» 31.05.2011 г., № Д201113. – С. 206–220. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/2844>.
46. Бурак, П. М. Ноосферный «дрейф» общества, цивилизационный конформизм и мегацикл развития жизни / П. М. Бурак // Знать, чтобы предвидеть: социологические этюды. – Минск : БГУ, 2015. – С. 97–112.
47. Бурак, П. М. Вызовы современного общества и тенденции спонтанной коэволюции / П. М. Бурак // Труды БГТУ. Сер. 5, История, философия, филология. – 2016. – № 35 (187). – С. 102–106.
48. Карако, П. С. Экологическая философия – одно из направлений современной философии / П. С. Карако // Вест. Полес. гос. ун-та. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2009. – № 2. – С. 11–17.
49. Карако, П. С. Экологическое сознание в свете ноосферных идей В. И. Вернадского / П. С. Карако // Чалавек. Грамадства. Свет. – 2011. – № 1. – С. 13–21.
50. Карако, П. С. Экологическая эстетика: становление, сущность и роль в оптимизации социоприродных взаимоотношений / П. С. Карако // Вест. Полес. гос. ун-та. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2010. – № 2. – С. 31–46.
51. Карако, П. С. «Природа жизнью богата...»: природа и человек в творчестве Ф. Шиллера / П. С. Карако // Чалавек. Грамадства. Свет. – 2010. – № 1. – С. 8–18.
52. Карако, П. С. Эстетика природы / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2012. – 245 с.

53. Зеленков, А. И. Чернобыльский след в Беларуси: социально-гуманитарный контекст / А. И. Зеленков // 20 конкурсных лет (БРФИ, 1991–2011). – Минск, 2012. – С. 681–689.
54. Тегако, Л. И. Роль экологии человека в формировании экологической культуры общества / Л. И. Тегако // Экологическая антропология / Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 2011. – С. 321–324.
55. Савченко, В. К. Поведение человека: медико-генетические, социальные и этические аспекты / В. К. Савченко // Актуальные вопросы антропологии. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Вып. 9. – С. 326–349.
56. Титаренко, Л. Г. Экологические ценности и экологическое поведение в обществе риска / Л. Г. Титаренко, И. А. Сосунова // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2015. – № 4. – С. 99–102.
57. Титаренко, Л. Г. Экологические ценности и образ жизни / Л. Г. Титаренко, Д. А. Широканов // Качество и жизнь. – 2015. – № 2. – С. 79–83.
58. Титаренко, Л. Г. Экологическое образование и население Беларуси / Л. Г. Титаренко, Д. А. Широканов // Формирование профессиональной компетенции специалистов в системе непрерывного образования : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 2011 г. – Воронеж : Науч. кн., 2011. – С. 93–104.
59. Самерсова, Н. В. Экологическая культура личности : социокультурный аспект / Н. В. Самерсова. – Минск : Беларус. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – 282 с.
60. Хмеленок, Е. А. К проблеме определения понятия «экологическая ценность» / Е. А. Хмеленок // Вест. Полес. гос. ун-та. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2010. – № 2. – С. 63–68.
61. Лазаревич, Н. А. Биотехнологии и социальная ответственность / Н. А. Лазаревич // Наука и инновации. – 2012. – № 7. – С. 25–27.
62. Лазаревич, Н. А. Достоинство личности и права человека как проблема биоэтики / Н. А. Лазаревич // Логика достоинства и свободы личности / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск : Беларус. навука, 2016. – С. 162–173.
63. Савченко, В. К. Научный прогресс в этическом измерении достоинства личности: casus genome humani / В. К. Савченко // Логика достоинства и свободы личности / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск : Беларус. навука, 2016. – С. 174–185.
64. Яскевич, Я. С. Философская антропология и биомедицинские исследования человека / Я. С. Яскевич // Наука и инновации. – 2010. – № 6. – С. 32–34.
65. Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям / Д. И. Широканов [и др.] ; Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2009. – 201 с.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 101.1+007

Поступила в редакцию 06.06.2017
Received 06.06.2017

Э. М. Сороко¹, А. В. Колесников¹, В. П. Старжинский²

¹Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

²Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В период последней четверти XX в. возникла новая трансдисциплинарная парадигма, оказавшая глубокое влияние на формирование современного сложносистемного мышления и общей научной картины мира. Процесс смены парадигм затронул и белорусское философское сообщество. В статье рассматриваются те процессы, происходящие в белорусской философской мысли, где позитивно заявили о себе диалектика сущего, открытия в области динамики сложных самоорганизующихся систем, а также в целом парадигма синергизма и трансдисциплинарности.

Ключевые слова: универсализм, синергетика, трансдисциплинарность, пост-неклассическая наука, детерминизм, диалектика хаоса и порядка, сложносистемное мышление, конструктивная методология, теория систем, кибернетика, тектология

E. Soroko¹, A. Kolesnikov¹, V. Starzhinsky²

¹Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

²Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF TRANSDISCIPLINARY RESEARCH

During the last quarter of the 20th century, a new transdisciplinary paradigm emerged. It influenced the formation of modern complex-system thinking and the general scientific picture of the world. The process of change of paradigms touched also the Belarusian philosophical community. The article is focused on the processes that take place in the Belarusian philosophical thought, where the dialectics of existence, the dynamics of complex self-organizing systems, the paradigm of synergism and transdisciplinarity positively declared themselves.

Keywords: universalism, synergetics, transdisciplinarity, post-nonclassical science, determinism, dialectics of chaos and order, complex-system thinking, constructive methodology, theory of systems, cybernetics, tectology

Универсализм и транздисциплинарность как эволюционирующие и самоуглубляющиеся парадигмы новой философии

Становление и развитие междисциплинарных подходов, формирование целостного взгляда на современную научную картину мира, развитие синергетических исследований в белорусском философском сообществе следует рассматривать в контексте общемировых интеллектуальных тенденций, которые восходят к давним традициям. Если обратиться к достаточно далекому прошлому, выйти за рубежи так называемой новой эры и пристально взглянуть в тенденции формирования философской мысли, то можно обнаружить, что устои европейской философии с самого начала зависели от действия двух противоположных и в то же время пересекавшихся парадигм философствования – универсализма и атомизма. Они представляли собой противоположно направленные пути объяснения и определения земных вещей: как *уни-модальных частей* (элементов) космического целого, которое их порождает и определяет (универсализм); как *совокупности* (целостности) элементов (частей, атомов), из сочетания которых они возникают и которые их определяют (атомизм). Развитие философии со временем показало, что эти пути «вниз» (от целого к частям) и «вверх» (от частей к целому) взаимосвязаны и взаимодополнительны. Но данному пониманию предшествовала долгая история противостояния сторонников этих различных парадигм. Сами же обозначенные парадигмы являли собой разные формы решения проблем соотношения общего и единичного, целого и частей, сущности и существования, уединенного и множественного, человеческого и природного.

Универсализм соответствует специфике философии как знания о всеобщем и поэтому выступает ее ведущей парадигмой. Строя универсум рассуждения об объектах, универсализм использует метод универсального синтеза, что позволяет получать более объективное знание об этом универсуме и его частях. Определяя объекты исходя из целого универсума рассуждения, универсализм использует метод дедукции, дающий более точное знание. Синтезируя позитивные элементы различных систем и течений философии, современный гуманистический универсализм позволяет постепенно сокращать односторонность и гипотетичность философского знания и строить его более надежный универсум.

Но познавательные возможности парадигмы универсализма не безграничны. Его недостатки являются продолжением его достоинств, а именно: неизбежная незавершенность синтеза как универсума рассуждения, так и универсума философии поддерживает некоторую неопределенность знания об универсуме рассуждения и о внутреннем строении его объектов. Определяя отдельные объекты как следствие и конкретизацию общих свойств их универсума, выделяя всеобщее в объектах в качестве главного аспекта их сущности, классический универсализм нуждается в транздисциплинарной парадигме, которая зиждется на всеобщих диалектико-синергичных принципах.

На пути к освоению трансдисциплинарной парадигмы

Становление сложносистемного мышления и трансдисциплинарных идей в белорусском философском сообществе тесно связано с комплексом исследований, которые проводились в разные годы в Институте философии НАН Беларуси (Институте философии и права АН БССР), а также деятельностью сектора диалектического материализма и философских вопросов естествознания, проходившей под руководством Д. И. Широканова. В отделе был сформирован коллектив мультидисциплинарных специалистов и школа междисциплинарного комплексного философского осмысления достижений различных наук, чья деятельность немало способствовала формированию целостной научной картины мира в рамках интегрированного идейного пространства Советского Союза и нашей республики.

1970-е годы ознаменовались разработкой проблем, раскрывающих сущность, структуру и методы научного познания. Начало работы в данном направлении было положено коллективной монографией «Проблема уровней и систем в научном познании» [1], в которой на основе методологии системно-структурного анализа рассматривались идеи форм и уровней организации движения материальных систем (Д. И. Широканов), проблемы функционального уровня и релятивные категории системного анализа (А. К. Манеев), структурные уровни в неорганической природе (И. И. Жбанкова), саморегуляция биологических систем на различных уровнях организации (П. А. Водопьянов), соотношение системности и стохастичности в иерархии уровней биологической организации (А. И. Филюков), роль и место идеи вероятности в системе кодирования информации (Е. В. Дмитриев) и др. Данная линия исследования продолжилась в коллективной монографии «Закономерности и методы познания современной науки» [2], в которой раскрывались роль философских категорий как форм развития синтеза в познании (Д. И. Широканов), особенности проявления синтеза научных знаний в творчестве (А. И. Петрушик), диалектика исторического и логического в процессах математизации современной науки (Т. А. Горолевич).

В этот же период в белорусской академической философии закладывался фундамент работ в области, которая условно может быть обозначена как педагогическая синергетика. В центре внимания в данном контексте находились проблемы развития системы образования с позиций открытости, сотворчества, «синергии» и ориентации на творческое саморазвитие личности.

В 1990–2000-е годы научно-исследовательская группа Института философии НАН Беларуси в области философии науки, техники и информационных процессов под руководством А. А. Лазаревича приступила к выявлению и изучению становления информационного общества; вела разработку целостной концепции социализации достижений научно-технического прогресса, информационных технологий, интегральных форм информации и знания

как факторов инновационной динамики белорусского общества; проводила анализ философских проблем научно-технического и технологического прогресса, научных и технико-технологических предпосылок и основ общественного развития; философско-логический анализ сложных самоорганизующихся систем в современной науке и культуре [3–7].

В. К. Лукашевич обратил внимание на самостоятельное значение и характер взаимодействия науки с прикладными сферами, в частности со сферой инновационной деятельности, где востребована методология междисциплинарных, мульти- и трансдисциплинарных исследований [8]. В этом контексте исследователь обозначил несколько ключевых проблем, уровень осмысления и способ постановки которых могут существенно повлиять на направленность и темпы эволюции методологического сознания современного научного сообщества: во-первых, проблема конструктивной размерности предмета мульти- и трансдисциплинарных исследований, задаваемого их целями, недостаточно определенно сопряженными с представлениями о необходимых средствах их достижения (необходимые средства создаются, как правило, в русле монодисциплинарных исследований); во-вторых, проблема конфигурационной определенности объекта исследования путем онтологизации конструктивно выделенного предмета и, в-третьих, проблема определения резонансной сферы как реальности, закономерно (но нецелесообразно) сопряженной с содержанием первых двух элементов.

Будучи профессиональным математиком по образованию, Т. А. Горолевич занималась сравнительными междисциплинарными исследованиями философии и математики. В качестве критериев ученым выделялись: всеобщность, логика построения теорий, диалектический характер теоретических построений (особенно в самой математике). Общее в этих глобальных ветвях знания, а также их различия нашли свое отражение в главах коллективной монографии «Современное естествознание в системе науки и практики» [9].

Проблему проектирования систем, в частности систем самоорганизующихся, а также творческую активность субъекта в познании исследовал А. И. Петрушик [10]. В основе проектно-конструкторского творчества, как утверждает исследователь, лежит свободный выбор возможностей, присущих объекту, субъекту и условиям их взаимодействия. Современный конструктор, подчеркивает А. И. Петрушик, не производит искусственных объектов, он только проектирует их, то есть создает модели, образцы, формы будущих объектов с указанием, как их производить и потреблять, выраженным на языке графики и символов. На стадии проектирования совершаются основные творческие процессы формообразования в мире искусственного. Производство затем преобразует искусственный мир посредством материализации проекта. В распоряжении современных проектировщиков находится производство, обладающее способностью преобразовывать уникальную творческую идею во всеобщий элемент предметного бытия. В широком распространении конст-

руирования ученый усматривает одну из причин всеобщности процессов интеграции и синтеза в современном научном познании. Идеи А. И. Петрущика в современном мире могут рассматриваться в разрезе распространения аддитивных технологий как универсального средства материализации конструктивной мысли и взаимных превращений естественного и искусственного.

В контексте постнеклассической парадигмы может анализироваться конструктивная методология, разрабатываемая В. П. Старжинским [11, 12]. Конструктивная методология предусматривает регламентацию не только когнитивных процессов, но и проектно-конструктивную деятельность в различных сферах культуры. Более того, определение науки как культурного феномена – саморазвивающейся системы дает основание рассчитывать на применимость элементов конструктивной методологии в качестве способов инновационного развития как материальной, так и духовной сферы.

В. П. Старжинский поставил проблему технократизма в инженерном образовании и предложил конструктивную методологию в качестве способа его преодоления. Гуманизация образования рассматривается им как реконструкция образовательной сферы в направлении гуманизма, то есть утверждения гуманистических ценностей и приоритетов. Реконструкция содержит созидательную программу преобразований и деконструкцию. Смысл позитивной программы преобразований существующей системы инженерного (и не только) образования состоит в достижении ситуации самообразования, самоорганизации, самодисциплины. Деконструкция направлена против различных форм насилия в образовательной среде, технократизма, эскалации бездуховности личности, самоотчуждения.

Гуманизация образования означает преобразование авторитарной технократической образовательной модели в человекоцентристскую. В процессе гуманизации образования предполагается смена: предметной организации *содержания* обучения – от дисциплин к проблемам; созерцательных *методов* на активные – от авторитаризма к автодидактизму и самообразованию; *цели* образования – от знаний, умений, навыков (ЗУНов) к личностному развитию; *механизма* образования – от социализации к гуманистически ориентированному развитию через творческую деятельность; *средств* образования – от науки к культуре в целом.

Как конструктивная проблема гуманизация инженерного образования включает построение и последовательный переход от концептуальной модели к инструментальной. Создание концептуальной модели гуманизации образования предусматривает выявление гуманистического смысла образования и культуры, гуманизации, а также связанной с ней проблемы духовности. Среди направлений гуманизации инженерного образования выделяются: гуманитаризация образования, демократизация как переход к самоуправлению, реализация идей «педагогике сотрудничества», индивидуализация как переход от социально-значимых к личностно-индивидуальным мотивам и позна-

вательным интересам субъекта образования, целью которых является свободное и всестороннее развитие личности.

Инструментальная модель гуманизации инженерного образования предполагает не только осознание проблемы на теоретическом уровне посредством формирования концептуальной модели, но и создание конкретных практических решений, предусматривающих систему нормативных знаний, ориентированных на различных субъектов деятельности. А именно: субъекта-учителя, представляющего собой обобщенную образовательную систему; субъекта-студента, осуществляющего образовательную деятельность; субъекта – будущего специалиста, носителя профессиональных навыков, а также субъекта управления и перепроектирования образовательных систем; субъектов образовательного взаимодействия на уровне кафедр, деканатов и других управляющих и научно-методических структур.

Достоинство научных изысканий В. П. Старжинского состояло не только в построении целостной концепции гуманистической реконструкции инженерного образования, но и разработке метода решения проблемы – конструктивной методологии. Применение конструктивной методологии позволило ее автору получить ряд решений в сферах образования (системы «Антиплагиат», «Антикоррупция»), проектирования информационно-коммуникативных систем безопасности, проектирования инновационной инфраструктуры (концепция развития Парка высоких технологий Республики Беларусь).

Проектирование как совокупность трансдисциплинарных методов разрабатывалось в рамках инженерных наук. Экстраполяция этих методов на другие сферы человеческой деятельности – бизнес, образование, медицину, привело к осознанию ее философского статуса. В самом деле, конструктивная методология регламентирует не только когнитивные процессы, но и проектно-конструктивную деятельность в различных сферах культуры. Более того, рассмотрение науки как культурного феномена – саморазвивающейся системы дает основание полагать, что конструктивная методология является основным способом инновационного развития как материальной, так и духовной сфер. Другими словами, предметом регламентации конструктивной методологии является культуротворчество, которое включает в себя не только производство артефактов, но и самосозидание (самообразование) личности в этом творческом процессе.

Использование конструктивной методологии при проектировании инновационной инфраструктуры Парка высоких технологий Республики Беларусь способствовало созданию кластера европейского масштаба в сфере информационно-коммуникативных технологий.

Что же представляет собой инновационная методология, или методология постнеклассического этапа развития науки? Сверхзадачей современной методологии науки является получение ответов на, казалось бы, простые вопросы: каковы социально-культурные механизмы развития и трансформации совре-

менной науки? В силу каких причин наука из системы фундаментальных и прикладных исследований превращается в единую научно-технологическую инновационную деятельность, которую наукой в классическом понимании и назвать трудно? Как можно ответить на вопрос: почему процесс создания компьютерной программы не относится к сфере науки? Как оценивать с позиций неклассической рациональности интеллектуальное содержание инновационных видов деятельности, благодаря которым отдельные страны третьего мира превратились в лидеров экономического развития и процветания? Ответ на эти и другие вопросы заключается в специфике современной науки, которая получила название постнеклассической и по существу является интеллектуальным ресурсом инновационной деятельности.

Данный подход позволяет рассматривать, например, информационные технологии не просто как хозяйственную деятельность и даже не столько как производство товаров и услуг, а как вид культуротворчества, в котором интегрированы потенциальные возможности науки, образования и высоких технологий. С этих позиций инновационное развитие конструктивно и означает культуротворчество как процесс создания материальных и духовных ценностей посредством интеллектуального, технологического и социально-организационного ресурса, ограниченного пространством финансовых и нормативно-правовых условий.

Отсюда вытекает, в частности, что коммерциализация является атрибутивной характеристикой инновационного развития лишь для народно-хозяйственной деятельности или создания экономических артефактов (товаров и услуг). В общем случае культуротворчества как инновационного развития состоятелен принцип завершенности или полноты цикла развития – решения проблемы, внедрения в практику. Последнее можно трактовать как появление новообразования в сфере культуры, а инновационное развитие – как основной механизм моделирования человекодержущих систем, основанный на интеллектуальном ресурсе для получения дополнительной ценности – позитивного новообразования в культуре, достижения новой степени развития системы в ее стремлении к саморазвитию.

Н. И. Жуков исследовал глубокую сущностную взаимосвязь тетрады – теории систем, кибернетика, синергетика и информатика [13, 14]. Иногда сюда добавлялась тектология как исторически первая попытка создания общей теории систем, осуществленная А. А. Богдановым. Одним из первых в отечественной философской традиции Н. И. Жуков с позиции неформального и неортодоксального марксизма обратился к проблеме сознания, опираясь на методологию и теорию функциональной информации (будучи до конца жизни преданным и откровенным сторонником порождаемых на этом поприсе взглядов). Существенный вклад ученый внес в становление системы философского образования, особенно в области философских вопросов естествознания и техники. Его книги по философским вопросам математики,

кибернетики, информатики, теории систем и синергетики составили основу философской подготовки научных кадров высшей квалификации в нашей республике и за ее пределами.

Тенденция к построению целостного мировоззрения, включающая в себя все мироздание как единую систему, ярко проявилась в деятельности Г. А. Жебита, стараниями которого в Академии наук начал функционирование Междисциплинарный научный клуб по организационно-управленческой проблематике, где в разное время выступали многие крупные отечественные и зарубежные ученые и специалисты. Заседания клуба проводились с весьма высокой интенсивностью – каждую неделю по средам. Несмотря на это, представленные доклады, как правило, отличались яркостью и вызвали неизменный интерес трансдисциплинарного сообщества, сформировавшегося вокруг клуба. План работы составлялся на год, а затем неизменно реализовывался. На заседаниях клуба выступали маститые и молодые ученые разных специальностей (среди них – академики Л. В. Хотылёва, Е. М. Бабосов, А. П. Достанко, В. А. Лабунов, П. Г. Никитенко, член-корреспондент Л. М. Томильчик, В. И. Стражев и др.), дипломаты (активное участие в работе клуба принимал посол Китайской Народной Республики), политики, деятели культуры и искусства (гостями клуба были народный художник и академик М. А. Савицкий, актеры В. В. Гостюхин, Н. Н. Ерёменко), военачальники (неоднократно посещал клуб Герой Советского Союза, последний Главнокомандующий ВМФ СССР, заместитель министра обороны СССР, адмирал флота В. Н. Чернавин). Г. А. Жебит обосновывал идею создания всеобщей теории организации и управления (самоорганизации и самоуправления), связывающей воедино материал многих наук с целью построения более разумного, справедливого и гуманного общества [15]. Феномен организации и управления (самоорганизации и самоуправления) рассматривался Г. А. Жебитом в универсальном космическом масштабе, как всеобщее явление. Отсюда происходило стремление ученого к синтезу различных наук и построению единой картины рационально организованного мира и столь же рационально организованного и управляемого социума. Деятельность Г. А. Жебита оказала весьма заметное интегрирующее влияние на развитие трансдисциплинарных исследований в Беларуси в целом и в Академии наук в частности, особенно в период нестабильности начала 1990-х годов.

Ассимиляция и развитие синергетических идей в поле философских исследований

Особенное развитие как философская концепция синергетика получила в постсоветских республиках. Это во многом определяется традиционной для нашего цивилизационного типа установкой научного сообщества на построение единой целостной научной картины мира. Значительные усилия по развитию синергетической научной картины мира, интеграции синергетического мировоззрения в систему философского знания, а также по внедре-

нию ее элементов в содержание школьного и вузовского образования принимаются в Российской Федерации. Исследования в этом направлении активно ведутся в Институте философии РАН, Институте прикладной математики РАН им. М. В. Келдыша, многих других научных и образовательных центрах. Разнообразные аспекты развития синергетического мировоззрения рассматривались в работах С. П. Курдюмова, С. П. Капицы, Г. Г. Малинецкого, В. И. Аршинова, Д. С. Чернавского, Е. Н. Князевой, В. Г. Буданова и др.

Проблемы взаимоотношения и онтологического статуса случайного и необходимого, хаоса и порядка живо интересовали и белорусских исследователей. В Беларуси еще в 1960 г. вышла в свет книга Д. И. Широконова «Диалектика необходимости и случайности» [16]. Она открыла путь к поиску процесса установления меры во взаимодействии двух противоположностей как важнейших сфер бытия – процессов жесткой детерминации и стохастики. Автор рассматривает категории диалектики отдельного – общего, возможности – действительности, а также категории «повторяемость», «противоречие», ставит проблему о соотношении динамических и статистических закономерностей. В книге намечено направление последующих крупных работ в области систематизации логических структур диалектики, ее принципов, выявления ценностного аспекта науки и ее социокультурной размерности. Анализ проблематики детерминизма разворачивается в тесной корреляции с выяснением соотношения законов различной степени общности, проблемами автономности систем и их детерминации внутренними и внешними условиями, также значительное внимание уделяется типам субординации систем.

В Республике Беларусь основоположником философско-синергетических исследований выступил Э. М. Сороко. Его работа «Структурная гармония систем» [17] послужила отправной точкой для постепенного перехода от системного мышления к формирующемуся системно-синергетическому мировоззрению, представлениям о системах сложного состава («микстах»), воплощенного в структуре этих систем ограниченного разнообразия как предпосылки постижения сущности их гармонии. В центре внимания ученого находится понятие гармонии, его природа, происхождение и математическое выражение. Ряд идей, высказанных в работе Э. М. Сороко, созвучны и фактически могут рассматриваться как провозвестники зарождавшейся в 1980-е годы фрактальной геометрии, а также теории самоорганизованной критичности. Известный, самобытный автор, а также специалист в области информатики, проблематики гармонии, чисел Фибоначчи и золотого сечения, фрактальной парадигмы А. П. Стахов высоко оценил вклад Э. М. Сороко в развитие указанной проблематики, изложив свою точку зрения в статье «Вклад белорусского философа Эдуарда Сороко в развитие общей Теории Гармонии и Золотого Сечения» [18]. Его оценка автору настоящей статьи особенно дорога.

Исторически первые «вхождения» синергетической парадигмы в поле белорусской философской мысли связаны с идеями гармонии и системного

мышления, отраженными в упомянутой монографии Э. М. Сороко [17]. В научном сообществе по-разному относятся к теориям, связанным с соотношением золотого сечения. Между тем в дальнейшем развитии синергетики, и особенно фрактальной геометрии, значимость и обоснованность этих «особых» соотношений в научном познании получили свое подтверждение. Стало более понятно происхождение особых взаимосвязей этих чисел с самыми разнообразными процессами и системами в природе. Они связаны с распространенностью фрактальных структур в природе, а особые числа есть не что иное, как математическое следствие данного факта.

Обобщая одну из мыслей А. Эйнштейна о том, что измерения материи суть не что иное, как разные типы дрожащей струны, можно прийти к идее о том, любое из потенциально бесконечного множества раздвоенных единств как бинарных оппозиций с измеримыми сторонами метафорически представимо в виде струны. Используя метафору струны, можно сказать, что природа «многомерно музыкальна». Понятно, что в этой множественно-струнной картине в каждой из бинарных оппозиций составляющие ее «агенты действия» – сами члены, или стороны отношения, не способны выразиться через что-то иное, кроме как лишь через свою противоположность. Поскольку в данном подходе к проблеме гармонизации сложных систем и обеспечения системного качества вещей, когда те обретают гармонию и меру, концептуальную роль играет оптимальное *распределение*, то в центре внимания находятся уже не идея и не материя, поделившие философский мир на материалистов и идеалистов (небезызвестные «линия Платона» и «линия Демокрита»), а факторы топологии и метрики, когеренции начал.

В итоге всеобщую методологическую значимость приобретает стоячая волна этой струны с ее узлами и пучностями. В концепции Э. М. Сороко узлы ее – это так называемые обобщенные золотые сечения, играющие роль инвариантов, аттракторов единой меры, к которой сходятся крайности, стороны оппозиции. Будучи измеримыми, эти крайности сами по себе обладают каждая своей мерой. Между узлами меры расположены антиузлы, или «пучности» стоячей волны. Их использование оказывается весьма продуктивным при исчислении энтропийной интегральной меры.

Философское сообщество быстро оценило смысл и значение синергетики для философии. Между тем для полноценного понимания феноменов, исследуемых синергетикой, требуется математическая компьютерная подготовка. Смысл новой парадигмы скрыт в специфических математических моделях, исследование которых невозможно без быстродействующих вычислительных машин, оснащенных средствами графического отображения. Именно поэтому в общем-то простые и фундаментальные идеи синергетики не могли появиться раньше инструмента, с помощью которого их можно увидеть, а именно графического компьютера. Смыслообразующие конструкты и философские идеи синергетики возникли из интерпретации новой компьютерной математики

и фрактальной геометрии. Для того чтобы проникнуть и увидеть этот новый мир в данном случае необходим компьютер, так же как для того, чтобы увидеть микромир и поверить в существование микроорганизмов необходим микроскоп, а для того, чтобы поверить в существование гор на Луне или колец Сатурна, необходим телескоп. При этом значение синергетики не исчерпывается эстетически привлекательной, загадочной и странной компьютерной графикой. Это новая трансдисциплинарная идея, которая влечет за собой не только революционные изменения в научной картине мира, но и открывает новые перспективы в области самопознания человека, когнитивных науках (в НАН Беларуси эти работы ведутся в рамках недавно созданного кластера искусственного интеллекта, в частности сотрудниками лаборатории робототехники Объединенного института проблем информатики).

В настоящее время актуальной проблемой выступает необходимость интеграции синергетики в содержание высшего образования, а также систему подготовки кадров высшей научной квалификации. Данной проблеме посвящена монография А. В. Колесникова [19], в которой обсуждается ряд моделей, раскрывающих парадигмальный смысл основополагающих концепции и теорий синергетики. На основе данной системы моделей были разработаны комплексные лабораторные работы, которые органично сочетают в себе материал синергетики с конкретным и полным изложением прикладных умений и навыков по некоторым основным разделам прикладной информатики. В данном случае была в полной мере реализована концепция «синергетика-in», сформулированная В. Г. Будановым. В разное время данный учебно-методический комплекс внедрялся в учебный процесс в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, на факультете философских и социальных наук Белорусского государственного университета, в Республиканском институте высшей школы. В сочетании с программными и тематическими материалами по внедрению синергетики в учебный процесс, разработанными Э. М. Сороко, учебно-методический комплекс представляет собой значимое достижение трансдисциплинарных и синергетических исследований, проводившихся небольшой группой энтузиастов во главе с А. В. Колесниковым в соавторстве с междисциплинарным исследователем, математиком и педагогом С. Н. Сиренко [20].

Как это всегда бывает в истории науки, со временем новые фундаментальные научные идеи проникают и материализуются в технике. Синергетика тесно связана с новой робототехнической революцией, выступая в качестве одной из философских, идейных и математических основ создания бионических роботов, приближающихся по своим свойствам к живым организмам. Она позволит машинам в недалеком будущем приблизиться и стать похожими на живые организмы – творения живой природы по уровню своей функциональности и способности действовать в незнакомых и переменных средах [21].

Применение когнитивного компьютерного моделирования в философских исследованиях, интеграции материала синергетики в образовательный процесс, выявлению путей возможного применения синергетики в качестве идейной основы полиагентного моделирования человекомерных систем, а также для инновационных робототехнических систем составляет предмет изучения в работах А. В. Колесникова.

По инициативе доктора философских наук, профессора В. И. Чуешова в учебный процесс был введен курс «Синергетические концепции управления», который на протяжении определенного периода времени преподавался студентам и слушателям Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Остается только сожалеть, что в силу административных причин столь важное и значимое начинание более не представлено в содержании учебного процесса.

Влияние синергетики распространилось далеко за пределы математического и естественнонаучного знания. Идеи синергетики глубоко проникли и в гуманитарные области знания. Белорусское философское сообщество не стало исключением. Так, особенности динамики культуры с синергетических позиций исследовала доктор философских наук М. А. Можейко. В ее работах нашел отражение парадигмальный сдвиг научного знания, произошедший под влиянием синергетики.

Вклад в осмысление новой научной парадигмы, а также ее включение в новую научную картину мира внесли и философские кафедры технических вузов. Так, по инициативе доктора философских наук, профессора Ю. А. Харина, а также нынешнего заведующего кафедрой кандидата философских наук Г. И. Малыхиной в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники на протяжении ряда лет проводится серия авторитетных международных конференций под общим названием «Великие преобразователи естествознания». В разное время форумы посвящались всемирно известным ученым, которые внесли наибольший вклад в развитие науки. В их числе были и основоположники синергетики, а также ряд исследователей, чья деятельность так или иначе была связана с проблематикой синергетики, что позволяло поднять и всесторонне обсудить данный круг вопросов.

Белорусская философская мысль на путях трансдисциплинарного синтеза и в поисках целостной научной картины мира

Белорусский этнос представляет собой неотъемлемую часть славянского мира со свойственным ему космичным мировоззрением, что нашло свое отражение в преданиях, музыке, художественном творчестве, в частности в народном орнаменте, а также впоследствии в стремлении к синтезу единой, целостной научной картины мира, построенной на общих философских основаниях. Данные национальные особенности проявлялись в процессе исторического развития белорусской мысли, культуры в целом, а также оказывают на нее свое влияние и в настоящее время.

Современный период исторического развития является переломным. В данных условиях остро актуальность приобретает проблема выработки новых, соответствующих вызовам времени и современному уровню развития науки философско-мировоззренческих оснований новой постнеклассической научной картины мира. При этом следует учитывать цивилизационную специфику и не идти по пути некритического прямого заимствования чьих-либо готовых рецептов. Представляется, что конструктивной основой для разработки адекватных философско-мировоззренческих оснований новой парадигмы может служить синтез критически переосмысленных положений неформального и недогматического диалектического материализма, наиболее глубоких, креативных научных идей философии космизма, а также современной синергетики. Основным результатом данных поисков должна явиться гибкая открытая система основополагающих философско-мировоззренческих принципов и положений, позволяющая адекватно интерпретировать и структурировать современные научные данные, формировать на их основе целостную научную картину мира, а также использовать ее в процессе модернизации содержания национального образования.

Значительное влияние на развитие научного мировоззрения во всем мире оказала синергетика. По существу, из физико-математической дисциплины она превратилась в философскую и общенаучную концепцию, которая в значительной степени определяет в настоящий момент направление развития общей научной постнеклассической картины мира. Во многом именно развитие новой общенаучной парадигмы синергетики легло в основу выделения этапа постнеклассической науки в известной классификации крупнейшего российско-белорусского философа В. С. Стёпина, которая является общепринятой в философском сообществе.

В настоящее время остро ощущается необходимость синтеза различных фундаментальных философско-мировоззренческих направлений в единую концепцию. Такая концепция может быть сформирована лишь на основе широкого трансдисциплинарного синтеза философских оснований с достижениями современной науки. Трансдисциплинарность и синергия знаний определяют собой ключевое перспективное направление развития современной белорусской философской мысли, формирующей идейную базу всего научного познания и научно-технического прогресса.

Список использованных источников

1. Проблема уровней и систем в научном познании / [Д. И. Широканов и др.] ; Акад. наук БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1970. – 255 с.
2. Закономерности развития и методы познания современной науки / [М. К. Буслова и др. ; ред.: Д. И. Широканов, А. К. Манеев] ; Акад. наук БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1978. – 296 с.
3. Героименко, В. А. Знание. Компьютер. Общество / В. А. Героименко, А. А. Лазаревич, Л. Г. Титаренко. – Минск : Наука и техника, 1992. – 151 с.

4. Лазаревич, А. А. Научное знание в информационном обществе / А. А. Лазаревич. – Минск : Наука и техника, 1993. – 99 с.
5. Лазаревич, А. А. Глобальное коммуникационное общество / А. А. Лазаревич. – Минск : Беларус. наука, 2008. – 350 с.
6. Проблема информационной безопасности в постиндустриальном обществе / А. А. Лазаревич [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск, 2006. – 391 с.
7. Грядущее информационное общество / А. А. Лазаревич [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 392 с.
8. Лукашевич, В. К. Ментальные вызовы современности: когнитивные следствия и рациональные противовесы / В. К. Лукашевич // Философия. Методология. Познание: сб. науч. тр. к 85-летию акад. Д. И. Широканова / науч. ред.: А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск, 2014. – С. 189–197.
9. Современное естествознание в системе науки и практики / под ред. Ю. В. Сачкова, Т. А. Горолевич. – Минск : Наука и техника, 1990. – 216 с.
10. Петрущик, А. И. Творческая активность субъекта в познании / А. И. Петрущик. – Минск : Наука и техника, 1975. – 141 с.
11. Старжинский, В. П. Гуманизация инженерного образования: философско-конструктивный подход / В. П. Старжинский. – Минск : Ремико, 1997. – 195 с.
12. Старжинский, В. П. На пути к обществу инноваций / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – Минск : РИВШ, 2016. – 446 с.
13. Жуков, Н. И. Общая теория систем и кибернетика в структуре научного знания / Н. И. Жуков // Вопр. философии. – 1979. – № 4. – С. 68–75.
14. Жуков, Н. И. Философские основы теории систем, кибернетики и информатики / Н. И. Жуков. – Минск : Веды, 1997. – 171 с.
15. Жебит, Г. А. Организационно-управленческая деятельность: проблемы и перспективы развития / Г. А. Жебит. – Минск : Наука и техника, 1983. – 198 с.
16. Широканов, Д. И. Диалектика необходимости и случайности / Д. И. Широканов. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 249 с.
17. Сороко, Э. М. Структурная гармония систем / Э. М. Сороко. – Минск : Наука и техника, 1984. (4-е изд.: М. : U.R.S.S., 2012). – 264 с.
18. Стахов, А. П. Вклад белорусского философа Эдуарда Сороко в развитие общей Теории Гармонии и Золотого Сечения [Электронный ресурс] / А. П. Стахов // Академия Тринитаризма. М., Эл. №77-6567, публ. 13461, 21.06.2006. – Режим доступа : <http://www.trinitas.ru/doc/0232/009a/02321021.htm>. – Дата доступа: 06.06.2017.
19. Колесников, А. В. Повышение эффективности образования в вузе. Компьютеризация, когнитивный подход и организационное совершенствование / А. В. Колесников. – Минск : БИП-С Плюс, 2009. – 256 с.
20. Сиренко, С. Н. Информатика: практикум на основе междисциплинарных заданий с элементами моделирования и синергетики : учеб.-метод. пособие / С. Н. Сиренко. – Минск : РИВШ, 2015. – 186 с.
21. Колесников, А. В. Эволюция машин: новый виток / А. В. Колесников // Беларус. думка. – 2016. – № 7. – С. 96–102.

А. А. Лазаревич, С. А. Мякчило

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются теоретико-методологические предпосылки, истоки и пути становления белорусской школы исследований в области философских и социально-ценностных проблем информационного общества. Приводится краткий обзор важнейших философско-методологических разработок, полученных в ходе деятельности школы в 1990–2010-е годы. Дается характеристика их связи с актуальными направлениями исследовательской работы в области теории информационно-коммуникационных процессов, виртуалистики, сетевой философии и этики, социально-гуманитарных технологий, проблем информационной и духовной безопасности общества. Раскрываются задачи, стоящие перед школой на перспективу.

Ключевые слова: *постиндустриальная трансформация, информационное общество, эпистемология, сетевое общество, сетевая культура, Homo Informaticus, информационная безопасность*

A. Lazarevich, S. Miakchilo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

RESEARCH IN THE FIELD OF PHILOSOPHY AND EPISTEMOLOGY OF THE INFORMATION SOCIETY

The article considers the theoretical and methodological preconditions, the sources and ways of formation of the Belarusian school of research in the field of philosophical and social-value problems of information society. The authors work out a digest of the most important philosophical and methodological developments received by researchers of the school between the 1990s and 2010s, their connection with the current areas of research in the field of the theory of information and communication processes, virtualistics, network philosophy and ethics, social and humanitarian technologies, problems of information and spiritual security of society. The tasks that the school faces are also revealed.

Keywords: *post-industrial transformation, information society, epistemology, network society, network culture, Homo Informaticus, information security*

Одним из важнейших проблемных полей современной гуманитаристики, которое привлекает к себе внимание исследователей и школ, работающих и в рамках логико-методологической ветви философского познания, и в сфере социально-антропологических дисциплин, является теория становления информационного общества. Это многоуровневый комплекс проблем, охватывающий как механизмы циркулирования информации и оборота знаний

в современных социально-производственных процессах, так и закономерности восприятия и обработки информации индивидом, группой, сложным социальным субъектом, специфику социального поведения в контексте насыщенных информационно-коммуникационных взаимодействий, связанные с этим изменения общественной культуры, этических норм и эстетического канона, убеждений и верований людей. Именно поэтому проблематика информационного общества стала предметом пристального внимания философов-когнитивистов, методологов, представителей теоретического и эмпирического обществоведения, социальных психологов и технологов, репрезентантов целого ряда научных и инженерных дисциплин на рубеже социально-гуманитарного и технознания.

Понятие «информационное общество», чье вхождение в научно-философский тезаурус во второй половине XX в. связано с именами Ю. Хаяши, Ф. Махлупа и Т. Умесао, а в дальнейшем М. Пората, Й. Масуда, Т. Стоуньера, М. Кастельса, Э. Тоффлера, У. Мартина, С. Хилтц, М. Туроффа и других исследователей, первоначально фиксировало кластер социальных и экономических эффектов, которые дает процесс компьютеризации, открывающий людям доступ к источникам информации, делающий результат труда информационно емким, а сам информационный продукт – движущей силой развития и структурного совершенствования общественных отношений. По мере распространения технологической революции конца XX – начала XXI в., связанной с прочным и массовым вхождением электронных устройств обработки информации и коммуникаторов в жизнь людей, это понятие становилось все более универсальным по своему содержанию, многоплановым. Уже сегодня информационное общество воспринимается как особая форма организации социального бытия, специфическая целостность производственных процессов, социальных технологий их проекцией в плоскость общения и взаимоотношений широкого круга людей и общественных институтов, а также духовной жизни социума.

Отметим, что процесс становления информационного общества следует рассматривать как сложноорганизованную целостность, в структуре которой налицо как минимум две линии социально-технологических преобразований. Это, во-первых, собственно информационная революция, сопряженная с лавинообразным ростом информации, и, во-вторых, революция в средствах и технологиях социализации информации. Сам по себе рост информации не создает информационного общества. Информация должна быть социализирована, то есть обнаружена, востребована и использована. Опираясь на это понимание, В. Иноземцев еще на рубеже XX и XXI вв. указывал на противопоставление «некоего “информационного” сектора сфере услуг, поскольку хотя его продукт в основном представлен услугами особого рода, они зачастую обладают рядом специфических качеств, существенно отличающих их от традиционных товаров» [1, с. 4]. Как следствие, в информационном обществе

формирующийся сектор нематериальных товаров и услуг, называемых «интеллектуальными», «информационными», «электронными», не просто дополняет сложившуюся структуру производственно-экономических секторов, но и стремится переформатировать ее, выдвигая новые типы потребительского поведения, новые формы социальных отношений (совместное распределенное в пространстве и времени производство программного продукта в режиме сетевой институализации, характерное для практики краудсорсинга, сети общения и установления профессиональных контактов, десятки других примеров).

В современном мире процесс информатизации задает общую технологическую парадигму развития человеческого капитала, а информация становится одним из основных факторов организации и управления в социальном пространстве. Важно учитывать, что взаимодействие социального и технологического начала в культуре – это двусторонний процесс. Во-первых, складывается понимание формирующегося информационно-коммуникационного пространства как антропологического фактора – того, что влияет на направление эволюции человека и человечества. Во-вторых, имеет место не просто освоение технологий, но и социализация техносферы. Характеризуя эту ситуацию, выдающийся французский социальный критик Ж. Бодрийяр отмечает, что «человеческое... и функциональное... действуют в тесном сообщничестве: мир людей проникнут технической целесообразностью, но при этом и сама техника проникнута целесообразностью человеческой – на благо и во зло» [2, с. 98]. Это подразумевает как изменение, совершенствование технологий в соответствии с социокультурными условиями, так и преобразование жизненного мира человека в соответствии с типичными форматами пользования ими.

Сетевые коммуникации резко меняют облик жизненного мира людей, сложившийся в индустриальную эпоху. Заметные составляющие этих изменений – это прежде всего новые способы организации повседневной и профессиональной деятельности, новые модели ведения бизнеса, общественного управления, информирования, образовательной деятельности. Этим обусловлено формирование «компьютерно-сетевого сознания», соответствующих ему новых поведенческих матриц информационного производства и потребления, которое не только производит новую систему статусов, ожиданий, жизненных и профессиональных идеалов, но и в целом изменяет пространство культуры, отчасти угрожая его гомогенности, поскольку сопровождается ростом множества самостоятельных субкультур, стилистик, локусов. Последние активно конкурируют, а иногда и враждуют друг с другом, подпитываясь общением, формированием групповых идентификаций в рамках различных «площадок» глобального коммуникационного пространства.

Налицо увеличение культурно-компетентностного разрыва между поколениями по критерию владения новейшими информационно-коммуникационными средствами, вовлечения их в повседневность (и речь здесь идет не только о выполнении социальных, профессиональных функций, но и о многообра-

зии эмоциональной жизни, о динамике экзистенциальных смыслов личности). Не случайно говорят о вхождении в социальную активность демографической группы, обозначаемой как «поколение Z», – качественно нового слоя «коренных жителей цифрового пространства» (Г. Смолл), демонстрирующих специфические черты социализации, общения, поисково-ориентационной деятельности, которые уже не только отражаются в повседневных привычках, но и, по-видимому, укоренены в организации нервной деятельности, в сетях нейронов головного мозга [3].

Предметом беспокойства оказывается ситуация ценностно-мировоззренческой транзитивности, ощущение «временности», «ненастоящести» различных жизненных отрезков и ситуаций, аранжированных по канонам клиповой культуры и «клипового сознания», а также проживание жизни по модели «подготовки к чему-то другому, более значимому». Эти черты мировоззрения, наряду с размыванием границ идентичности «традиционных» социальных групп (таких как этнические, профессиональные сообщества), формированием транскультурной «цифроцентричной» картины мира и гибридного, пиджинизированного языка «поколения Z», становятся общей парадигмой и самопонимания, и самопроектирования современного человека.

Становится заметным то явление, который российский теоретик менеджмента Е. Кузнецов называет «формированием новой субъектности» [4]: от товаров и вещей – к впечатлениям и переживаниям, стирание грани между обладанием и переживанием обладания. Этот процесс сопровождается видоизменением эмоциональной памяти (новая культура материализации переживаний), а наряду с ней – и трансформация памяти семантической, вследствие которой информационно-коммуникационное пространство, Интернет, начинает выступать как средство самоосознания, не просто источник информации, а хранилище личностно релевантных данных (феномен «трансактивной памяти» см.: [5]).

В силу перечисленных и других характерных своих черт информационное общество как актуалия цивилизационного развития стимулирует социальный заказ на разработку средств когнитивного картографирования, мягкого управления, прогнозирования не только социальной коммуникации как таковой, но и более масштабных, универсальных процессов культуротворчества, нацели- и государственного строительства, поскольку в них участвуют люди и институты – субъекты вновь формирующегося информационно-коммуникационного пространства, репрезентанты «поколения Z». Ответом на это ожидание общества и его институтов стало формирование исследовательских центров, научных школ и «фабрик мысли» в области информационного общества по всему миру.

Не обошел стороной этот процесс и Республику Беларусь. С конца 1980-х годов в стенах Института философии НАН Беларуси, а также в Белорусском государственном университете, Белорусском государственном университете

информатики и радиоэлектроники, Белорусском национальном техническом университете, Академии управления при Президенте Республики Беларусь складывается особое направление философско-методологических исследований. Оно связано с разработкой синтезного понимания процессов информатизации и формирования структур информационного производства в нашей стране в контексте трендов становления глобальной информационной цивилизации, закономерностей функционирования научного, инженерного, управленческого и повседневного знания как основного содержания информационного производства, а также механизмов социализации и менеджмента знаний в общественной жизни, формирования особых когнитивно-психологических и поведенческих компетенций людей. Предмет разработок в рамках этого перспективного направления можно обозначить как философия и эпистемология построения информационного общества в национальном и глобальном масштабах.

Ресурсом концептуальных средств для данного направления выступила прежде всего обширная традиция социально-философского дискурса, сложившаяся во второй половине XX в., – теория постиндустриального развития. Постиндустриальное развитие предполагает доминирование в структуре общественно-экономической деятельности сферы услуг с перераспределением областей занятости людей в сторону обслуживания не производства (в традиционном смысле слова), а самих себя: торговля, транспорт, здравоохранение, финансы, индустрия отдыха и развлечений, образование, наука, управление и т. д. Как отмечал один из важнейших теоретиков постиндустриализма Д. Белл, центральная роль в данном типе развития принадлежит научно-теоретическому знанию как источнику инноваций и социально-политических решений, средству самоподдерживающегося технологического роста, предпосылке создания новых поколений «интеллектуальной» техники и др. Основной смысл постиндустриальной теории заключается в обосновании возможности преодоления проблем технико-экономического роста и перехода к развитию культуры и человека, стимулированию духовно-гуманистической составляющей жизни. Человек, его духовно-культурный, интеллектуально-образовательный потенциал, профессионализм и ответственность выдвигаются на авансцену социального прогресса.

Вместе с тем развитие теории постиндустриализма нередко сопровождалось попытками «подогнать» эту концепцию под активно развивающиеся сегодня процессы информатизации общества, становления рынка информационных технологий, новой системы коммуникаций. Именно в силу указанных попыток чаще всего и происходит буквальное отождествление понятий постиндустриального и информационного общества. Несмотря на близость и относительную «родственность» этих понятий, они все же имеют ряд принципиальных различий. Подчеркивая эту методологическую дистинкцию, сам Д. Белл отмечает, что «по мере того, как мы приближаемся к концу двадцато-

го столетия, становится все более очевидным, что мы вступаем в информационную эру. Это означает не просто развитие существующих ранее способов коммуникации, а вызывает к жизни новые принципы социальной и технологической организации... Новая информационная эра базируется не на механической технике, а на “интеллектуальной технологии”, что позволяет нам говорить о новом принципе общественной организации и социальных перемен» [6, с. СХХ–СХХI]. В нашу эпоху развитие информационно-коммуникационных технологий становится движущей силой экономического и научно-технического прогресса, формирования новых наукоемких производств и секторов экономики. Именно это обстоятельство и дает основание характеризовать современную историческую эпоху как «эпоху информационного общества» [7].

Данное явление наиболее заметно проявляет себя в государствах, где цифровая трансформация совпала по времени с глубинными социально-политическими преобразованиями, формированием новых жизненных укладов, новой политической культуры. Именно такое сочетание трендов социальной динамики характерно для постсоветских стран, и в частности для Республики Беларусь. Белорусское общество вследствие суперпозиции двух модернизационных линий: социально-политической и технологической модернизации, – демонстрирует сложный синтез доиндустриального (традиционноцентричного), индустриального (функциоцентричного) и постиндустриального (ценностноцентричного) укладов, каждый из которых имеет своих носителей в лице людей и социальных институтов, воплощается в тех или иных формах социальной коммуникации и по-своему воздействует на обретение важных социальных компетенций подрастающим поколением.

Мировоззрение детей и молодых людей, которые завтра будут определять облик белорусского общества, сегодня складывается в условиях многоуровневой, зачастую парадоксальной социализации, во многом соответствующей признакам префигуративной культуры (М. Мид). Первичная среда формирования общественных навыков (семья, школа) в ряде существенных аспектов, характеризующих идейно-ценностное содержание личностного опыта, отстает под натиском экспансии вторичной – виртуально-сетевой – среды (см. об этом [8]). Тем самым в контексте обращенной социализации первичная и вторичная социализации фактически меняются местами, и более того: первичным обликом человека становится его «сетевое» лицо, первичным референтными связями – контакты в виртуальном мире (в том числе так называемые «социальные круги», см.: [9]), а облик и статус в реальном мире – производным. Это порождает риски социализации, вызывает кажущиеся спонтанными и оттого весьма опасные эксцессы асоциального поведения (в дни 2017 года, когда писалась эта статья, у всех на слуху было расследование деятельности деструктивных сетевых групп, известных под общим ярлыком «игра “синий кит”»), однако это не единственный и, к сожалению, видимо, не последний пример).

Так или иначе, статистика показывает, что Республика Беларусь характеризуется сравнительно высокими показателями проникновения информационно-коммуникационных услуг и сервисов в масштабе Восточной Европы. Развитие информационно-коммуникационного пространства в Беларуси носит достаточно устойчивый характер. Темпы роста пользовательской базы востребованных информационно-коммуникационных технологий не снижаются на протяжении более 10 лет. Половозрастная структура интернет-пользователей в целом соответствует пропорциям социально активных групп населения. Сравнительно высокий и притом стабильный уровень охвата социальными сетями подтверждает, что информационно-коммуникационные технологии прочно вплетены в повседневную жизнь людей. Повышается роль социальных сетей в бизнесе, продвижении товаров и услуг.

Белорусская школа в области философии и эпистемологии информационного общества активно работает над раскрытием социальных эффектов процесса информатизации, затрагивающего профессиональную и повседневную жизнь, поведение и этический выбор людей. С развитием компьютерных технологий и совершенствованием механизмов функционирования информации и социальной коммуникации оказалось возможным иначе оценить целостность и единство человеческой цивилизации, принципы самоорганизации людей на основе широкого доступа к информационным ресурсам и гуманизации системы власти, деструктуризацию традиционных моделей управления. Сама по себе информатизация формирует как новые типы профессиональных компетенций, так и новую социальную стратификацию (разделительные отношения по критерию обладания/необладания определенной информацией, технологиями, ресурсами). По мере развития информационного общества акцент в этой стратификации переносится с критерия владения информацией на критерий наличия компетенций по производству и воспроизводству структур информации и данных, управления и фильтрации информационных потоков. Приоритет отдается не готовым рецептам определенных социальных действий, а информации как основе поиска самостоятельных решений, инициатив. В связи с этим знания и квалификация субъекта становятся важнейшим атрибутом социальной активности, в том числе – власти и управления, информация и информационные технологии предстают как важнейший, определяющий экономический, научно-технический, социально-культурный ресурс.

Отправной точкой в исследовании этих проблем белорусскими философами послужили публикации по методологии кибернетики и роли информации в сложных процессах социального и человеко-машинного взаимодействия, управляющих схемах. Одним из первых свои идеи в данной области в системном виде представил известный белорусский ученый Н. И. Жуков [10–12]. Идеинотеоретической и методологической базой нарождающегося направления по философии информационных процессов стали работы видных ученых в области логики и методологии научного познания, философии технико-техно-

логического развития, междисциплинарных исследований Е. М. Бабосова, Л. В. Уварова, Е. В. Дмитриева, Г. И. Щербицкого, В. А. Героименко. Программа первых исследований в этом проблемном поле была задана потребностями в анализе философско-методологических и социокультурных аспектов феномена информации как фактора научно-технического прогресса и общественного регулятива, гносеологических процессов производства и потребления информации (см., в частности, [13–15]). Характер реализации этой программы был связан со сложившейся в 1970–1980-е годы в белорусской философии продуктивной ориентацией на раскрытие различных аспектов информационно-знаниевой культуры личности, которая вовлечена в творческую деятельность, научный поиск [16]. Исследование было ориентировано на осмысление причин социально-этических противоречий индустриализма и поиск новых моделей социального развития, которые учитывали бы роль и значение духовно-культурных и интеллектуальных возможностей человека в сочетании с активно развивающимися информационно-компьютерными технологиями социальных коммуникаций, что нашло отражение, в частности, в монографии [17].

Выход последней из упомянутых работ, авторами которой выступили В. А. Героименко, А. А. Лазаревич и Л. Г. Титаренко, стал одним из первых результатов вновь формирующейся научной школы. Именно в это время, в начале 1990-х годов, ее предыстория сменилась этапом самостоятельной истории, когда сначала на базе исследовательской группы, затем – сектора философских проблем науки и техники, а позже – отдела философии науки, техники и информационных процессов Института философии НАН Беларуси проводилась исследовательская работа в рамках таких заданий государственных научных программ, как «Сознание и культура: философские традиции и компьютерные новации» (научный руководитель – В. А. Героименко), «Информационно-когнитивные и технологические основы общественного развития» (научный руководитель – А. А. Лазаревич), «Постиндустриальная трансформация общества: научно-мировоззренческие, информационно-эпистемологические и социально-психологические аспекты» (научный руководитель – А. А. Лазаревич). Начал складываться научный коллектив, достижением которого явилась разработка философско-методологических и научно-эпистемологических принципов, лежащих в основе формирования политики и идеологии постиндустриального развития, становления информационного общества. Были показаны сущность и издержки технократизма как идеологии и практики управления общественным развитием в индустриальную эпоху. В работах конца 1990-х – начала 2000-х годов сделан вывод о необходимости мировоззренческого «сдвига», влекущего новое ценностное обогащение повседневной жизни людей в контексте проникновения в нее информационно-коммуникационных технологий на основе принципов креативности, ответственности, приоритета саморазвития и гуманизма. Рассмотрены проблемы выработки нового комплекса психосоциальной адаптации в информацион-

но-технологических условиях информационного общества с измененными принципами социального взаимодействия и социальной коммуникации; сформулированы принципы трансформации индустриального общества в постиндустриальное применительно к условиям транзитивных экономик и культур. Намечены подходы к обоснованию нетрадиционных форм и путей постиндустриальной трансформации белорусского общества, которые вытекают из анализа своеобразной ситуации сочетания индустриальных и постиндустриальных ценностей с устойчивой ориентацией на процессы информатизации общества.

Результаты исследований воплотились в серию книжных публикаций, посвященных трансформации статуса науки и научного знания в информационном обществе, пониманию их роли в качестве источника социально-технологического прогресса [18]; философско-аксиологической оценке процессов социализации информации и знаний, становления системы информационной безопасности общества и вызовов для нее, складывающихся в условиях информационной и культурной глобализации [19]; вопросам онтологии формирующегося информационно-коммуникационного пространства и, в частности, виртуальной реальности, ее адекватному философскому пониманию [20]. Обобщая эти идеи, А. А. Лазаревич в своей монографии [21] раскрывает взаимодействие двух фундаментальных процессов: с одной стороны, производства и функционального использования информации и с другой – ее оборота (приобретения, хранения трансляции, модификации), – в качестве движущей силы социодинамики в контексте постиндустриального способа производства, источника социальных инноваций. Социальная коммуникация показывается как синергия информации и личностных знаний, науки и технологии, разума и культуры.

Выход этих работ, их обсуждение, дискуссия вокруг них в рамках методологических семинаров и конференций стали катализатором формирования в Институте философии НАН Беларуси постоянной научно-исследовательской группы в области философии науки, техники и информационных процессов под руководством А. А. Лазаревича. Она разрабатывает такие направления научных исследований, как анализ философских проблем научно-технического и технологического прогресса, научных и технико-технологических предпосылок и основ общественного развития; философско-логический анализ сложных самоорганизующихся систем в современной науке и культуре; синергетические аспекты становления информационного общества; разработка целостной концепции социализации достижений научно-технического прогресса, информационных технологий, интегральных форм информации и знания как факторов инновационной динамики белорусского общества; исследование духовно-мировоззренческого и социально-культурного смысла процессов информатизации общества; обоснование способов социальной идентификации, рациональной адаптации и самореализации личности в глобальном

информационном пространстве; раскрытие роли современных информационных технологий в образовании и воспитании; разработка методологических оснований диагностики качества социоприродной среды, исследования социально-экологической динамики в условиях постиндустриального развития общества; обоснование стратегии развития системы дистанционного образования для городских и сельских жителей Республики Беларусь.

Специалистами, представляющими эту группу, изучены особенности трансформации информационно-коммуникативной и технологической сферы общества в условиях кризиса индустриальной эпохи и перехода к постиндустриальному развитию. Проанализирована информационно-когнитивная природа жизнедеятельности человека и общества, формы и содержание ее проявления в периоды изменения основных социотехнологических укладов. Показано, что реализация интеллектуально-образовательных идеалов в современном обществе обусловлена культурно-коммуникативной репрезентацией информации и знаний. В этом контексте выявлены такие типологии социальной информации, как объективная и субъективная, естественная и искусственная. Разработана структура постиндустриальной коммуникации, показана тенденция усиливающейся зависимости живых человеческих отношений от различных форм искусственных информационно-технологических посредников. Исследованы феномены виртуализации сознания человека и социальных отношений в условиях активного развития информационно-компьютерных технологий. Выработано содержание понятия «виртуальная реальность», выделены его основные методологические и мировоззренческие функции.

Исследовательская деятельность в данном направлении продолжилась в 2010-е годы в рамках выполнения ряда заданий государственных программ научных исследований («Разработка философско-методологических основ и ценностных принципов построения информационного общества в Республике Беларусь, социализации и гуманизации информационно-коммуникационных технологий», 2011–2012 гг.; «Философско-эпистемологические основания проектирования и реализации социогуманитарных технологий в условиях становления информационного общества», 2016–2020 гг.), отдельных исследовательских проектов («Трансформация норм рациональности в постиндустриальной культуре», «Сетевая парадигма в современной социокультурной динамике: философско-методологический анализ», «Проблема человекомерности современных информационных технологий: философско-методологический анализ», «Философско-логические основы инновационного развития знания в контексте глобальной информатизации социума» и др.). В ходе этих работ была сформулирована концепция динамики индивидуального и общественного сознания в условиях резкого возрастания значимости информационно-коммуникационных технологий и виртуальной реальности в жизни общества. Концепция обосновывает природу, направления и ценностно-миро-

воззренческие аттракторы динамики сознания, самосознания и идентификации личности, социально-демографической группы, общества в целом в условиях становления социокультурного уклада, связанного с резко возросшей ролью информационно-коммуникационных средств и технологий виртуальной реальности в повседневной жизни людей. Она опирается на понятия и критерии интеллектуализации практики, социализации и гуманизации высоких технологий. В концепции эксплицирована матрица позитивных возможностей и рисков функционального и социально-мировоззренческого освоения технологий, их генезис и взаимосвязь в контексте общественной модернизации. Раскрываются основания стратегии «мягкого» рефлексивного управления процессами развития информационного общества в Беларуси.

Как и в предыдущие годы, работа сотрудников Института философии НАН Беларуси по этому направлению была поддержана учеными, представляющими учреждения высшего образования Республики Беларусь. Так, в стенах Белорусского государственного университета под руководством доктора социологических наук А. В. Рубанова в 2011–2015 гг. выполнялся научно-исследовательский проект «Состояние, тенденции и перспективы развития информационного общества в Республике Беларусь», коллектив под руководством кандидата философских наук А. Я. Сарны работал над темой «Интернет как средство реализации коммуникативных практик белорусской молодежи». В Брестском государственном техническом университете выполнялся научно-исследовательский проект «Ценностное сознание молодежи Беларуси в условиях формирования постиндустриального общества: особенности, приоритеты и динамика развития» (руководитель – кандидат философских наук Г. М. Грибов). В настоящее время в стенах Белорусского государственного университета реализуется пятилетняя исследовательская программа по теме «Состояние, тенденции, перспективы развития интернет-сообществ и информационно-коммуникативных технологий в Республике Беларусь; их проникновение в организацию повседневной жизнедеятельности людей» (руководитель – доктор социологических наук А. В. Рубанов), ведется изучение коммуникативных практик жителей белорусских городов в условиях распространения информационно-коммуникационных технологий.

Совокупным результатом всех названных работ стала разработка гибкого междисциплинарного методологического инструментария по анализу и решению социогуманитарных проблем становления информационного общества в Беларуси. С его помощью в 2010-е годы получены выводы и рекомендации, отражающие позитивный потенциал и риски информатизации, угрозы информационной безопасности общества и пути их преодоления. Они нашли отражение в аналитическом докладе «Человек в пространстве электронных сетевых коммуникаций: возможности, риски, проблемы общественно-государственного управления», который был подготовлен авторским коллективом под руководством А. А. Лазаревича, заслушан на заседании Президиума

НАН Беларуси, направлен для изучения в ряд министерств и ведомств. Полученные выводы отражены в монографии «Становление информационного общества. Коммуникационные, эпистемологические и культурно-цивилизационные основания» [22], обсуждающей проблематику культурно-ценностных оснований информационного общества как особой формы социальности, векторов и «пределов роста» техногенной цивилизации, горизонтов антропологической динамики бурно развивающихся сетевых взаимодействий, интернет-технологий, виртуальной реальности, а также характера и потенциала социотехнологических инструментов управления информационно-коммуникационной средой. Эта тема получила продолжение и развитие в серии научных и учебно-методических работ, находящих применение в системе образования и повышения квалификации (журналисты, менеджеры IT-сектора, специалисты по связям с общественностью и др.).

Основные выводы указанных публикаций можно охарактеризовать следующим образом.

Обсуждение проблем информационного общества в условиях модернизации социально-экономической системы Беларуси должно соответствовать четкому критерию человекомерности и социальной ответственности, и на этом поле может быть выработан новый формат межсекторного сотрудничества, в котором с одной стороны выступит наука, причем в единстве гуманитарных, естественнонаучных и технических дисциплин, а с другой – государство, общество, культура и образование. Магистральной целью этого сотрудничества служит лучшая адаптация человека к жизни в условиях информационного общества, а одна из основных задач – выработка принципов стратегического планирования и управления сетевой коммуникационной средой.

Результатом укоренения информационно-коммуникационных технологий в социуме является формирование сетевого общества, которое характеризуется особой пространственно-временной организацией, перцептивной сжатостью пространства и обратимостью времени. Сосуществование в сознании человека двух (и более) независимых режимов времени и пространства актуализирует проблему соотношения «реального» и «виртуального», а точнее «первичной» и «вторичной» (сконструированной) реальности. В целом человек эпохи электронных коммуникаций постоянно взаимодействует с не имеющими реальной природы конструкциями, симулякрами – информационными, культурными, идеологическими. Они не только претендуют на достоверность, но и даже более ярки, убедительны, чем сами объективные факты. А это означает, что эмпирико-прагматическая стратегия жизни, опора на жизненный опыт и наблюдения, все чаще будет давать сбой, приводить человека к мировоззренческим противоречиям и растерянности. В этих условиях необходимо заново осмыслить критерии достоверности и мнимости, истинности и ложности, заложенные в сознании, заново оценить и раскрыть регулятивную функцию гуманитарных компетенций личности.

Одной из антропологически значимых тенденций сетевого общества является формирование специфической сетевой культуры. Для нее характерно тесное переплетение и взаимный переход инструментальной и коммуникативной рациональности; существование культуры в режиме спектра субкультур; акцент на самопрезентацию, которая важнее реальных творческих способностей субъекта; формирование особого, причем транснационального языка, особой фразеологии, «новой мифологии» сетевых сообществ. Развитие сетевой культуры тесно увязано с феноменом «сетевой экономики», который охватывает новые формы и виды производительной деятельности, трудового участия, распределения общественного богатства под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий.

Оценка антропологических характеристик сетевой культуры и сетевой экономики выявляет примерный паритет «положительных» и «отрицательных» эффектов для человека. На наших глазах возникают и отрабатываются новые механизмы управления массовым поведением через контроль над сознанием. Свобода в выборе социально-трудовой ниши оборачивается как утратой социальных гарантий, так и традиционных критериев социального комфорта. Возможность отыгрывать в жизни несколько альтернативных ролей и тем самым полнее реализовать себя приводит к стиранию границы между «подлинным» и «виртуальным» измерением жизни. Персонализация трудового участия оказывается связанной с атомизированием личности, с тем, что в любой жизненной коллизии «приходится рассчитывать только на себя». Несмотря на количественный рост социальных контактов и связей (в частности, через «дружбу» в социальных сетях), снижается качество общения, плотность семейных и дружеских связей, эмпатия.

Перечисленные здесь и другие культурно-антропологические противоречия складываются в группу деструктивных факторов, которые в упомянутом докладе обозначены как риски сетевого общества. Это, во-первых, стохастичность социального пространства, которая затрудняет выработку адекватных антропологических сценариев завтрашнего дня. Во-вторых, повышение степени «легковерности» и управляемости человека за счет отключения когнитивно-психологических фильтров сознания, следствием чего являются новые виды зависимостей (интернет-зависимость, игровая и др.). В-третьих, перенос сетевых моделей общения и поведения в «традиционное» общество, своего рода «воинственность сетевого либерализма», чреватая гражданским противостоянием и анархией. В-четвертых, ряд эффектов, связанных с избыточностью сетевых коммуникаций, их давлением на сознание и эмоции, десубъективизацией человека как элемента, а не актора сетесетью коммуникационного процесса. Неслучайно исследователи отмечают, что в современном обществе «усугубляется “бессубъектность” человеко-компьютерного взаимодействия, в техницистских моделях которого человек фигурирует лишь как абстрактный элемент, лишенный “человеческого лица” и личностного начала» [23, с. 20].

Сказанное не следует воспринимать как аргументацию отказа от сетевых технологий или их механического ограничения. Становление информационного общества – это объективный социально-исторический процесс, от которого зависит благосостояние и нашей страны. Вопрос сводится лишь к тому, сумеем ли мы планомерно подготовиться к нарастающим переменам. В этом немаловажную роль призвано сыграть философское знание, вырабатывающее понятие о критических, принципиально важных параметрах «человечности». С использованием арсенала философской методологии можно и нужно прояснить соотношение реального и виртуального в жизненном опыте; продемонстрировать перспективу развития образованности, профессиональных и культурных компетенций человека.

Важнейшим субъектом информационного общества является человек, обладающий набором особых социальных и психокогнитивных характеристик. Можно говорить о формировании информационно-подготовленной личности, которой соответствует особое символическое наименование – «Homo Informaticus» [24, 25]. Для информационно-подготовленной личности типичным является навык работы с параллельными гетерогенными потоками информации, умение ориентироваться в них, каталогизировать, обобщать. Ее характеризует особый, более сложный, чем в привычной среде, порядок самопонимания в треугольнике «я-реальное», «я-идеальное», «я-коммуникативное» (сетевое). Еще одна черта представлена феноменами клипового мышления и мозаичной картины мира, структура и содержание которой не продиктованы одним общим принципом, сочетают несочетаемые, не вытекающие друг из друга убеждения, мотивы, ценности. Человек сетевой культуры демонстрирует изменение приоритетов профессиональной и досуговой деятельности. Меняется конфигурация персонального пространства, размываются его границы. Невозможность прожить жизнь публично, «экс-коммуникация» становится одной из наиболее остро переживаемых угроз. Наконец, для человека сетевой культуры характерна высокая аддиктивность.

Естественной реакцией на обозначенные процессы со стороны и государства, и общества является стремление каким-то образом повысить степень управляемости электронно-сетевой среды. Эта задача не нова, и на сегодняшний день как в мире, так и в Республике Беларусь уже сформировались определенные подходы к ее решению. В их числе – вовлечение сетевых сообществ в деятельность под эгидой государства; поощрение социально-значимого интернет-активизма; мониторинг общественных настроений; контроль и ограничение доступа к социально-деструктивной информации; улучшение качества социального сервиса с помощью информационно-коммуникационных технологий; повышение прозрачности и ответственности в деятельности государственных органов. Сбалансированная стратегия управления процессами строительства информационного общества должна опираться на ряд условий. Это, во-первых, понимание того, что построение информационного

общества не сводится к политике информатизации. Во-вторых, необходимо широкое внедрение механизма социально-гуманитарной (правовой, психологической, нравственной, культурологической и др.) экспертизы процесса информатизации, конкретных мероприятий, технологий и сервисов. В-третьих, усилия государства и общественных институтов должны быть направлены на формирование информационной культуры (медиакомпетентности) широких слоев граждан.

В рамках белорусской традиции философии и эпистемологии информационного общества сформулирован набор ценностных ориентиров информационной трансформации социума. Он опирается на идею сближающегося развития индустрии информационно-коммуникационных технологий и общества, то есть предполагает, с одной стороны, гуманизацию этих технологий, с другой – повышение информационной культуры (медиакомпетентности) граждан. В соответствии с положениями Женевской декларации и плана действий по информационному обществу, принятых в 2003 г., «построение информационного общества, ориентированного на интересы людей, является общим делом, требующим сотрудничества и партнерских отношений между всеми заинтересованными сторонами... Каждый человек должен иметь возможность овладеть навыками и знаниями, необходимыми для понимания сути информационного общества» [26, с. 11–12]. Этот конвергентный процесс должен следовать таким критериям, как человекомерность (акцент на удовлетворение подлинных познавательных, культурных, духовных потребностей человека); этичность (для любого социально значимого действия, поступка информационно-коммуникационная среда предстает как пространство массовой репликации, подражания, что накладывает особую нравственную ответственность на человека за последствия подражания его действиям, которая выступает противовесом его сетевой свободы); креативность (стимулирование возможностей для творческой самореализации человека, в т. ч. путем борьбы с эффектами унификации, омассовления, а также за счет ограничения тех видов деятельности и коммуникаций, которые направлены на некритическое копирование, подражание виртуальным «авторитетам»); стереоскопичность (среда жизнедеятельности человека должна отражать и соответствовать полноте его интеллектуальной и эмоциональной жизни, не сводиться к набору рассудочных алгоритмов).

Наряду с несомненными позитивными сторонами нового, «информационного» уклада жизни, обращает на себя внимание реализация принципов безопасности человека и устойчивого развития общества в условиях глобального информационного пространства. Они конкретизируются в проблемах качества производимой информации, ее осмысленного «усвоения» как индивидуальным, так и общественным сознанием, социально-психологической адаптации человека в условиях новых технологий, наконец, социально-нравственного и законодательного обеспечения регулирования информационных

процессов в обществе. Существенной проблемой становится само по себе различие в уровне информационно-коммуникационных компетенций – феномен «цифрового неравенства», которое чревато возникновением новых форм эксплуатации, углублением экономического и социального неравенства и в результате – ростом нестабильности как в отдельных государствах, так и в мире в целом.

Все эти проблемы требуют тщательного, методологически выверенного обсуждения и решения с использованием арсенала средств философии, когнитивных наук, инноватики, социального знания, антропологии и демографии. Особое место среди них, безусловно, занимает проблема информационной безопасности – составная часть более общей проблемы обеспечения национальной безопасности, пути решения которой сегодня претерпевают существенные изменения. Если раньше национальная безопасность преимущественно обеспечивалась деятельностью специальных институтов государства, то сегодня – в условиях активизации процессов, имеющих наднациональный, надгосударственный характер, крайне интенсивного развития мобильных коммуникационных средств и технологий (включая средства присвоения и искажения социально значимой информации, создания настроений и манипулирования общественным мнением) – национальная безопасность становится не просто комплексной проблемой общества, но и задачей тесного сотрудничества органов власти, негосударственных институтов, самих граждан. События последних лет в мире свидетельствуют о росте числа конфликтов, задействующих средства информационного противостояния, пропаганды и контрпропаганды. Понятие гибридной войны (ведущейся как традиционными, так и информационно-коммуникационными средствами) перешло со страниц аналитических отчетов в повседневную риторику средств массовой информации, стало предметом широкого обсуждения и породило не только справедливые опасения в компетентных кругах, но и питательную среду для технофобии. В целом, как отмечают современные российские авторы, «ни многообещающие совместные заявления лидеров мировой политики, ни успехи, достигнутые на пути реализации соответствующих программ, не привели к созданию мирного и процветающего глобального информационного общества», следствием чего и является все более очевидный социально-этический кризис, своего рода «информационная война», театры действий которой наблюдаются «едва ли не во всех секторах глобальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, в сфере производства и потребления различных видов инфокоммуникационных технологий и услуг» [27, с. 7]. В данном контексте нельзя обойти стороной выяснение следующих трех групп факторов, влияющих на степень информационной безопасности постиндустриального общества: безопасность содержания самой информации (социальные требования к производству информации); возможности социального, в том числе законодательного, регулирования информационных потоков

в обществе; саморегуляция индивидуального сознания человека, объективно включенного в глобализирующееся информационное пространство, а также роль и значение в этом процессе воспитательных, образовательных и культурных институтов современного общества.

Несмотря на возможные издержки и противоречия, грядущее информационное общество представляет собой новую объективную стадию социально-экономического, научно-технологического и духовно-культурного развития постиндустриального мира. Белорусская традиция исследований в области философии и эпистемологии информационного общества вносит весомый вклад в стереоскопичное, трансдисциплинарное осмысление этих процессов и поиск ответов на вызовы глобальной информационно-цифровой трансформации.

Список использованных источников

1. Иноземцев, В. Л. Расколота цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи / В. Л. Иноземцев // *Вопр. философии*. – 1999. – № 5. – С. 3–18.
2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. С. Зенкина. – М. : Рудомино, 1995. – 172 с.
3. Small, G. Meetyouri Brain / G. Small, G. Vorgan // *Scientific American Mind*. – 2008. – Vol. 19, N 5. – P. 42–49.
4. Кузнецов, Е. Россия и мир технологического диктата / Е. Кузнецов // *Россия в глобальной политике*. – 2016. – № 2. – С. 70–83.
5. Sparrow, B. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips / B. Sparrow, J. Liu, D. M. Wenger // *Science*. – 2011. – Vol. 333, iss. 6043. – P. 776–778.
6. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт соц. прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – CLXX, 783 с.
7. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
8. Лазаревич, А. А. Наше интернет-поколение / А. А. Лазаревич // *Беларус. думка*. – 2014. – № 10. – С. 86–93.
9. Пипич, О. Социальные круги в исследованиях социальных сетей: толкование понятия и перспективы его применения / О. Пипич // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2012. – № 4. – С. 142–147.
10. Жуков, Н. И. Философские основы кибернетики / Н. И. Жуков ; науч. ред. А. Г. Спиркин. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1970. – 116 с.
11. Жуков, Н. И. Информация: философский анализ центрального понятия кибернетики / Н. И. Жуков ; ред. В. И. Степанов. – Минск : АН БССР, 1971. – 280 с.
12. Жуков, Н. И. Философские основы теории систем, кибернетики и информатики : учеб. пособие для вузов / Н. И. Жуков. – Минск : ЗАО «Веды», 1997. – 169 с.
13. Гносеологические проблемы формализации / АН БССР, Ин-т философии и права ; [Л. В. Уваров, А. К. Манеев, И. И. Жбанкова ; редкол.: Д. П. Горский (отв. ред.) и др.]. – Минск : Наука и техника, 1969. – 268 с.
14. Информация: философский анализ центрального понятия кибернетики / ред. В. И. Степанов. – Минск : АН БССР, 1971. – 280 с.
15. Дмитриев, Е. В. Диалектика содержания и формы в информационных процессах / Е. В. Дмитриев ; АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1973. – 224 с.
16. Героименко, В. А. Личностное знание и научное творчество / В. А. Героименко ; под ред. М. А. Слемнева ; АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1989. – 208 с.

17. Героименко, В. А. Знание. Компьютер. Общество / В. А. Героименко, А. А. Лазаревич, Л. Г. Титаренко ; под ред. М. А. Слемнева ; Акад. наук Беларуси, Ин-т философии и права. – Минск : Наука і тэхніка, 1992. – 149 с.
18. Лазаревич, А. А. Научное знание в информационном обществе / А. А. Лазаревич ; под ред. В. А. Героименко ; Ин-т философии и права. – Минск : Наука і тэхніка, 1993. – 101 с.
19. Грядущее информационное общество / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии ; [А. А. Лазаревич и др.]. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 391 с.
20. Карпенко, И. Д. Философский анализ виртуальной реальности / И. Д. Карпенко ; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2003. – 91 с.
21. Лазаревич, А. А. Глобальное коммуникационное общество / А. А. Лазаревич ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. наука, 2008. – 349 с.
22. Лазаревич, А. А. Становление информационного общества. Коммуникационные, эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / А. А. Лазаревич ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. наука, 2015. – 537 с.
23. Островский, А. М. Социально-философские основания гуманизации человеко-компьютерного взаимодействия / А. М. Островский. – М. : Издатель Островский А. М., 2010. – 583 с.
24. Абрамов, М. Г. Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus / М. Г. Абрамов // Человек. – 2000. – № 4. – С. 33–34.
25. Градинарова, Е. А. «Информационный человек»: его проблемы в эпоху постмодерна / Е. А. Градинарова // Вопр. гуманитар. наук. – 2004. – № 5. – С. 129–131.
26. Декларация принципов // Всемирный Саммит по информационному обществу / МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех». – СПб., 2004. – С. 9–17.
27. Алексеев, А. П. Информационная война в информационном обществе / А. П. Алексеев, И. Ю. Алексеева // Вопр. философии. – 2016. – № 11. – С. 6–14.

А. И. Левко¹, Т. Н. Буйко²

¹Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

²Белорусский государственный университет физической культуры, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ: ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ

В статье дан анализ истории формирования белорусской философии образования как самостоятельной дисциплины. Становление философии образования в Республике Беларусь представлено в его многовекторности и противоречивости, в многообразии исследовательских программ, конкурирующих между собой. Они сформулированы в рамках различных версий научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической), фундированы концепциями, созданными в русле философии экзистенциализма, социокультурной программы, конструктивизма, постмодернистского мышления. Данные программы были задействованы в последние десятилетия для философских исследований образования, направленных на поиск методологии интересубъективного, межличностного и межгруппового взаимодействия (в том числе в педагогической практике) в условиях социальной мобильности эпохи глобализма.

Ключевые слова: философия образования, кризис классической рациональности, ценности и универсалии культуры, культурный код, постсоветское образовательное пространство, парадигма образования, цели образования, системомыследеятельностная методология

A. Levko¹, T. Buiko²

¹Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

²Belarusian State University of Physical Culture, Minsk, Belarus

PHILOSOPHY OF EDUCATION IN BELARUS: FORMATION OF RESEARCH PROGRAMS

The article analyzes the history of the formation of philosophy of education as an sovereign discipline within the Belarusian philosophic thought. This process is represented in its multi-vector and contradictory nature, in the diversity of competing research programs. They are formulated in the framework of various versions of scientific rationality (classical, nonclassical, post-nonclassical), are grounded in concepts created in the context of the philosophy of existentialism, the sociocultural program, constructivism, postmodern thinking. These programs have been used in recent decades for philosophical studies of education aimed at finding a methodology for intersubjective, interpersonal and intergroup interaction (including in pedagogical practice) in the conditions of social mobility of the era of globalism.

Keywords: philosophy of education, crisis of classic rationality, values and universals of culture, culture code, post-Soviet education space, system-thought-activity methodology

Философия образования – область философского знания, которая охватывает исследования, посвященные теоретической проблематике, целям и ценностным основаниям образования, принципам формирования его содержания и направленности. Оформлению этой специализированной философской дисциплины предшествовали социально-педагогические концепции первой по-

ловины XX в., развивавшиеся на основе учений бихевиоризма, психоанализа, прагматизма, философской антропологии. В ту пору в образовательной практике все более обнаруживалось, что традиционная парадигма образования начинает давать сбои. Поэтому важными источниками философии образования явились массовые общественные движения за гуманитаризацию образования и гуманизацию способов школьного обучения, за альтернативные школы, способствовавшие развитию прогрессивной антиавторитарной педагогики, дитя-центризма в педагогике.

Антропологический и, соответственно, методологический «повороты» постклассической философии способствовали обращению философов к пересмотру постулатов традиционной образовательной парадигмы. В постклассической философии обнаружилось повышенное внимание к целостному человеку, начались поиски адекватных способов представления гуманитарного знания, повышения его роли в образовательном процессе. Это «движение» философии и образовательной практики навстречу друг другу имело своим следствием дисциплинарное оформление философии образования. К концу XX в. в ее развитии оформилось несколько направлений:

1) эмпирико-аналитическое (немецкая линия: А. Фишер, Р. Лохнер, В. Брезинка; англо-американская: И. Шеффлер, Р. Петерс, П. Херст);

2) педагогическая антропология (гуманитарная педагогика Г. Ноля, В. Флитнера, Е. Венигера, экзистенциально-диалогическая философия образования М. Бубера, гуманистическая педагогика К. Роджерса, герменевтические и экзистенциальные направления: О. Больнов, Г. Рот, М. Лангефельд, И. Дерболав, К. Динельт; диалогическое направление: Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси);

3) критико-эмансипаторская философия образования (К. Молленхауэр, В. Бланкерц, В. Лемперт, В. Клапки);

4) постмодернистское (Д. Ленцен, В. Фишер, К. Вюшне, Г. Гизеке, С. Ароновиц, У. Долл) и др. (см.: [1]).

Становление и развитие философии образования в Беларуси происходило на рубеже XX–XXI вв. В этом процессе отразились как исторические пути формирования белорусской государственности, социально-экономические трудности переходного периода, так и актуальные теоретико-методологические проблемы реформирования мировой и национальной систем образования.

К началу данного исторического этапа образование в отечественной гуманитаристике рассматривалось с нескольких мировоззренческих ракурсов: с позиции марксистско-ленинской философии, с позиции психолого-педагогической науки, а также через призму позитивистской философии и социологии, утверждающих научное знание в качестве основы содержания образования. В целом это положение дел соответствовало традиционному пониманию образования в европейской культуре с соответствующими идеологическими поправками.

Отмена монополии марксистско-ленинской идеологии в 1990-е годы привела к необходимости поиска новых теоретико-методологических и идеологических оснований. Это и явилось причиной обращения белорусских ученых к предельным основаниям образовательной реальности в рамках дисциплины философии образования. Исследовательские программы в этой области формировались в нашей стране на основе западной философии образования и советской традиции «философских вопросов педагогики». Среди них можно выделить как ориентированные на традиционную парадигму с акцентуацией научной основы содержания образования, так и сосредоточенные на обосновании более широкого, социокультурного контента образования и соответствующих диалоговых, intersубъективных методов реализации этого контента. Вместе с тем отличительной чертой исследовательских программ философии образования в современной Беларуси является ориентация не на личностно-экзистенциальные, а прежде всего на социокультурные аспекты образовательной реальности.

Первые шаги на пути переосмысления фундаментальных оснований образовательной реальности были сделаны в нашей стране в рамках освоения системомыследеятельностной методологии (СМД-методологии), разработанной Г. П. Щедровицким и его последователями – участниками Московского методологического кружка. С помощью приемов СМД-методологии, и в частности с применением техники организационно-деятельностной игры, еще в советское время был инициирован анализ ситуации в системе образования в ряде республик. Так, в ноябре 1988 г. проводилась организационно-деятельностная игра «Анализ ситуации в системе образования Латвии», а в ноябре 1990 г. подобная игра была организована в Беларуси с участием представителей Министерства образования, вузовских работников. Впоследствии СМД-методология использовалась в системе переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров Республики Беларусь. В числе основных ее проводников в практику работы с педагогами выступили Б. В. Пальчевский, Н. И. Масюкова, а в системе неформального образования – В. В. Мацкевич.

Помимо этого на рубеже веков в Республике Беларусь сформировалась более общая версия философии и методологии образования. Значительным событием явились работы ректора Республиканского института высшей школы М. И. Демчука «Высшая школа и стратегия инновационного развития Республики Беларусь» [2], «Системная методология инновационной деятельности» [3]. Актуальным проблемам философии образования были посвящены монография и диссертационное исследование на соискание степени доктора философских наук Т. Н. Буйко «Философия образования: старая традиция или новая дисциплина?» [1]. В них, в частности, отмечено, что понятие философии образования отражает реально существующую совокупность проблем, конституирующих особый предмет исследования образовательной сферы – предельные основания образования как социокультурного феномена и атрибута

человеческого бытия. Западная философия образования оценивалась автором с позиции философских универсалий и их роли в обобщении опыта человечества, организации мышления и построении мировоззрения человека.

Данное исследование во многом подытожило работу Ученого совета философии непрерывного образования при Национальном институте образования Министерства образования Республики Беларусь. Совет был создан по инициативе доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля образования Республики Беларусь Н. И. Латыша. В состав Ученого совета вошли такие известные белорусские философы, социологи, историки, психологи и педагоги, как доктора наук, профессора В. И. Андреев, Т. Н. Буйко, В. И. Капранова, А. И. Левко, В. У. Протченко, А. Т. Растунов, В. А. Салеев, С. В. Снапковская, В. П. Старжинский, кандидаты наук В. А. Бондарев, А. К. Воднева, Ю. М. Загуменнов, Н. А. Залыгина, Э. Н. Крайко, М. Ф. Печенко, В. П. Плиско, Н. Н. Яковлева и др. Самим названием этой структуры подчеркивался характер развиваемых ею ценностных установок: непрерывное образование рассматривалось как возможность реализации личностного потенциала, являющейся необходимым условием развития свободного, справедливого, демократического общества, которое в свою очередь способно предоставить всем слоям общества эту возможность изменения своего статуса за счет повышения уровня образования и улучшения качества жизни.

Смысл и логика образования, считал Н. И. Латыш, заключается в постижении самого важного и в то же время самого трудного и сложного из всех искусств – искусства жить. «Такое понимание современного образования базируется на осмысливании и развитии его фундаментальных основ, ориентации на национальные и общечеловеческие ценности. К ним, прежде всего, относится социально-культурная природа образования. То есть система образования выступает одной из тех органичных частей общества и культурной жизни, которая не может рассматриваться и оцениваться отдельно. Она выполняет свою миссию успешно только тогда, когда осознает и обеспечивает интересы личности, нации, общества и государства на различных исторических этапах. Именно поэтому современное человечество кардинально меняет свое отношение к образованию» [4, с. 6]. Результатом, по мнению исследователя, становится формирование «образовательного общества», связанное с вызовами времени на рубеже XX–XXI вв., складыванием особой социокультурной ситуации, регулируемой «логикой постмодернизма», а также необходимостью изменения форм и принципов общественного бытия, организованности и развития культуры.

Поиску новых методологических подходов и принципов развития образовательного пространства в этих условиях было посвящено монографическое исследование В. Г. Бондарева «Современные парадигмы образования: на пути к целостности и самоорганизации» [5], выполненное при консультативном участии академика НАН Беларуси Д. И. Широконова. Одно из основных на-

правления в обновлении педагогического мышления, как и образования в целом, В. Г. Бондарев видел «в выявлении (и конструировании из вычлененных фрагментов) важнейших... духовно-культурных феноменов нашего времени, своевременном и сознательном преломлении их в теории и практике обучения и воспитания». Не искаженные идеологизацией и догматизмом образцы научной и философской мысли могут стать, по мнению философа, эффективным основанием педагогического мышления. К ним можно отнести, считал В. Г. Бондарев, «идею ноосферы в разработке В. И. Вернадского, общенаучную системно-организационную концепцию (подход), идею диалога как принципа развития культуры М. М. Бахтина» [5, с. 3–4].

Ответ на вопросы о том, может ли образование изменить общество и как это должно происходить, по мнению В. Г. Бондарева, вынуждает обращаться и к относительно новым идеям, принципам и понятиям теоретической кибернетики или общенаучной теории самоорганизации – синергетике. «В условиях современных объективно нарастающих поликультурности, духовно-культурного плюрализма, вероятно, это и есть “синергетическо-холистский ключ” решения проблем» [5, с. 75]. Данные методологические принципы легли в основу разработанного В. Г. Бондаревым в содружестве с Н. И. Латышем и Т. Н. Буйко курса лекций для аспирантов и соискателей Национального института образования Министерства образования Республики Беларусь [6].

В становлении исследовательских программ белорусской философии образования немалую роль сыграли работы группы исследователей под руководством М. А. Гусаковского. Получив в начале 1990-х годов задание от Министерства образования Республики Беларусь сформулировать концепцию «Национальная школа Беларуси», эта группа видела свои задачи в разработке социокультурных и социально-педагогических вопросов национальной школы как института национально-государственного возрождения, этнокультурной идентификации и гармонизации межнациональных отношений. При этом основу содержания образования, по мнению членов данного исследовательского коллектива, должны составлять те смыслы, которые освоены национальной культурной традицией. Таким образом, главная задача национальной школы – «разбудить смыслы, спящие в словах и текстах белорусской культурной традиции. Вторая задача – вписать последнюю в мировой контекст» [7, с. 30].

По мере формирования постнеклассической философии и науки, со второй половины XX в. в социально-философской проблематике произошло смещение акцента с «редукционистской методологии», представляющей социальность как квазивещественную, на понимание социальности как совокупности intersubъективных коммуникаций, процессов самоопределения и идентификации личности, формирования и динамики ее духовных качеств, нравственных компетенций. Характерным примером научно-практического исследования, позволившем сформулировать значимые философско-педагогические выводы в этой области, может служить проект «Жизненное самоопределе-

ние учащихся старших классов общеобразовательных школ Республики Беларусь», реализованный на базе Национального института образования под руководством А. И. Левко. В 1991–1992 гг. и затем в 1996–1997 гг. было обследовано 3500 учащихся 9–11-х классов общеобразовательных школ нашей страны. Многомерный математико-статистический факторный анализ данных признаков позволил выделить четыре основные группы характеристик учащихся общеобразовательных школ Беларуси: нравственно-волевые качества, критичность в оценке своих возможностей, познавательная активность и целеустремленность, – и определить их роль в жизненном самоопределении личности. В своей совокупности эти качества, по результатам исследования, определяют степень самостоятельности личности, а она в свою очередь во взаимосвязи с социальными условиями становится важным фактором их жизненного самоопределения [11, с. 97–99].

Исследованием была обоснована правомерность исторического подхода к проблемам развития национальной культуры, осуществлено выделение основных социокультурных особенностей регионов Беларуси, столицы, областных городов и обычных деревень. Полученные результаты позволили на конкретных фактах доказать существование этничной и поселенческой традиций в духовной культуре белорусов. Это исследование явилось первым в Республике Беларусь опытом определения этнокультурных особенностей формирования мировоззрения личности в регионах Центральной Беларуси, Поозерья, Поднепровья, Понеманья, Восточного и Западного Полесья с помощью математико-статистических методов их анализа. Это в свою очередь позволило выявить национально-региональные проблемы белорусской школы, социальные проблемы сельской и городской школы.

Итоги первого этапа исследования (1991–1992 гг.) изложены в коллективной работе «Жизненное самоопределение учащихся Республики Беларусь: опыт социологического исследования» (Минск, 1995). Результаты конкретно-социологического исследования, проведенного по той же методике в 1996–1997 гг., отражены в коллективной монографии «Социокультурные факторы формирования личности ученика общеобразовательной школы» (Минск, 1999). Дальнейшее философское осмысление поднятых проблем осуществлено в книге А. И. Левко и Л. В. Ахмеровской «Проблема ценности в системе образования» [9], монографиях А. И. Левко «Теоретико-методологические проблемы образования: социокультурный анализ» [10] и «Педагогика творчества» [11]. В них дается анализ кризиса традиционной парадигмы образования, базирующейся на классической рациональности и достижениях современного естествознания. При этом экономический и политический кризис общества рассматривается сквозь призму кризиса духовности, дефицита возможностей внутренней самореализации людей на основе нравственных, эстетических, религиозных идеалов, призванных стать глубокими убеждениями, духовными потребностями и основными мотивами поведения и деятельности [11, с. 3].

Для преподавателей педагогических вузов А. И. Левко предложил и свою авторскую учебную программу переподготовки преподавателей высшей школы «Философия и социология образования» по специальности «Современные технологии университетского образования» (2009). Она содержит два модуля (философия образования и социология образования) и предусматривает по завершении изучаемого курса проведение круглого стола «Социология образования и социология знаний как теоретико-методологическая и эмпирическая основа проектирования образовательных систем». Как бы кульминацией в данном направлении исследования явились монография А. И. Левко «Методология науки: социально-культурный анализ» [12], рассчитанная в основном на магистрантов, осваивающих курс философии и методологии науки и сдающих по его результатам экзамены кандидатского минимума, а также рукопись его новой монографии «Философия, наука и образование в эпоху глобализации».

Философия образования в исторической ретроспективе представлена в исследованиях В. П. Старжинского и М. И. Вишневого. Докторская диссертация В. П. Старжинского была посвящена проблемам гуманизации вузовского образования, а докторская диссертация М. И. Вишневого – рассмотрению философского синтеза как мировоззренческой основы образования. Их содержание нашло свое отражение в ряде публикаций, таких как: «Философия образования и проблемы человека» М. И. Вишневого, В. А. Костенича, Я. И. Трещенка [13], сборники научных статей «Философско-педагогические проблемы непрерывного образования» под редакцией М. И. Вишневого и Е. И. Снопковой [14, 15], а также пособие для магистрантов и аспирантов В. П. Старжинского и В. В. Цепкало «Динамика науки и инновационное развитие» [16], их же монографическое исследование «На пути к обществу инноваций» [17].

В качестве позитивного примера международного сотрудничества в области философии образования в рамках СНГ и ЕАЭС можно рассматривать деятельность совместного коллектива сотрудников Института философии НАН Беларуси и Института философии РАН для разработки проекта «Онтологические и аксиологические основания современного образовательного процесса». С белорусской стороны в группу разработчиков входили профессора В. И. Бовш, М. И. Вишневский, А. И. Левко, С. С. Кашлев, В. Н. Гирина, с российской – профессора В. М. Розин, В. А. Лекторский, И. К. Лисеев, Р. Г. Апресян и Ф. Т. Михайлов. В рамках исследования была обоснована социально-философская концепция, раскрывающая специфику и диалектическую взаимосвязь онтологических и аксиологических оснований образовательного процесса в Республике Беларусь и Российской Федерации на современном этапе с учетом мировых тенденций в области образования.

На сегодняшний день в Республике Беларусь сложился масштабный научно-исследовательский потенциал в области философии и социологии об-

разования, представленный исследователями, коллективами и школами, работающими как в Национальной академии наук Беларуси, так и в учреждениях высшего образования страны. Данный аналитический обзор – лишь первая попытка своеобразной «инвентаризации» имеющихся в данном плане резервов. До сих пор координация усилий отдельных авторов и исследовательских групп не находится на должном уровне, а имеющиеся разработки в области философии образования весьма разнятся в методологическом плане и недостаточно ссылаются друг на друга.

Налицо расхождение представлений белорусских философов и социологов относительно самой сути образования, истории его становления и развития, роли университетского и общего образования, обучения и социального взаимодействия в становлении культуры личности. Исследователи, исповедующие в той или иной форме модернистские и отчасти постмодернистские взгляды на культуру, по-прежнему суть образования усматривают в обучении, видя его одним из базисных феноменов культуры европейского типа, закрепленного в древнегреческой философской традиции, которая имеет свои основания в наследуемом социальном опыте. Философы экзистенциалистской ориентации рассматривают образование через конституирование пространства свободы как среды воспитания разума и творчества, необходимо сопряженного с выстраиванием соответствующего этоса в рамках дискурса аргументации и обсуждения. Представители СМД-методологии видят в образовании форму организации мышления и складывающийся на этой основе универсум знания. Камнем преткновения по-прежнему остаются проблемы культурного развития, анализ его духовно-нравственных, интеллектуальных, индивидуальных и социальных источников, осмысление роли универсальных и дисциплинарно-специализированных подходов в развитии мышления человека.

Такое методологическое многообразие отечественной философии образования можно рассматривать как интересный для изучения феномен, потенциальный источник новых творческих подходов. Но оно же, безусловно, является и существенным препятствием на пути выработки единой теоретико-методологической и идейной основы реформирования национальной системы образования. Выработка в нашей стране адекватной национальной политики в сфере образования напрямую связана с диалогом между представителями различных теоретико-методологических направлений, предлагающих свои программы исследования различных аспектов и составляющих образовательной реальности.

Список использованных источников

1. Буйко, Т. Н. Философия образования: старая традиция или новая дисциплина? / Т. Н. Буйко. – Минск : НИО, 2000. – 210 с.
2. Демчук, М. И. Высшая школа и стратегия инновационного развития Республики Беларусь / М. И. Демчук. – Минск : РИВШ, 2006. – 299 с.
3. Демчук, М. И. Системная методология инновационной деятельности / М. И. Демчук, А. Т. Юркевич. – Минск : РИВШ, 2007. – 303 с.

Философия образования в Беларуси: формирование исследовательских программ

---

4. Латыш, Н. И. Образование на рубеже веков / Н. И. Латыш. – Минск : НИО, 2000. – 215 с.
5. Бондарев, В. Г. Современные парадигмы образования: на пути к целостности и самоорганизации / В. Г. Бондарев. – Минск : НИО, 2003. – 128 с.
6. Бондараў, У. Р. Уводзіны ў філасофію адукацыі : курс лекцый і планы семінарскіх заняткаў / У. Р. Бондараў, Т. М. Буйко, М. І. Латыш. – Мінск : НІА, 1998. – 116 с.
7. Гусаковский, М. А. «Разбудить» смыслы / М. А. Гусаковский // Адукацыя і выхаванне. – 1994. – № 9. – С. 29–30.
8. Левко, А. И. Социальные проблемы образования: история и современность / А. И. Левко. – Минск: НИО, 1993. – Ч. 2.
9. Левко, А. И. Проблема ценности в системе образования / А. И. Левко, Л. В. Ахмерова. – Минск : НИО, 2000. – 311 с.
10. Левко, А. И. Теоретико-методологические проблемы образования: социокультурный анализ / А. И. Левко. – Минск : Бестпринт, 2003. – 311 с.
11. Левко, А. И. Педагогика творчества / А. И. Левко. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2008. – 247 с.
12. Левко, А. И. Методология науки: социально-культурный анализ / А. И. Левко. – Минск : Бестпринт, 2012. – 193 с.
13. Вишневский, М. И. Философия образования и проблема человека / М. И. Вишневский, В. А. Костенич, Я. И. Трещенок. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 1997. – 69 с.
14. Философско-педагогические проблемы непрерывного образования : сб. науч. ст. [Междунар. науч.-практ. конф.], 14–15 мая 2015 г., [г. Могилев / под ред. М. И. Вишневского, Е. И. Снопковой]. – Могилев : МГУ, 2015. – 416, [1] с.
15. Философско-педагогические проблемы непрерывного образования : сб. науч. ст. : [материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев], 12–13 мая 2016 г. / [под ред. М. И. Вишневского, Е. И. Снопковой]. – Могилев : МГУ, 2016. – 378, [1] с.
16. Старжинский, В. П. Динамика науки и инновационное развитие : пособие для магистрантов и аспирантов / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. нац. техн. ун-т, Парк высоких технологий Респ. Беларусь. – Минск : БНТУ, 2013. – 388, [1] с.
17. Старжинский, В. П. На пути к обществу инноваций / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2016. – 445 с.

С. І. Санько

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ЭТНАФІЛАСОФСКІЯ ДАСЛЕДАВАННІ Ў БЕЛАРУСІ: ПРАЗ МІНУЛАЕ Ў БУДУЧЫНІЮ

Пададзена кароткая гісторыя развіцця сучасных этнаарыентаваных даследаванняў (этнонавукі), у прыватнасці такіх кірункаў, як этнаметафізіка, этнаанталогія і этнафіласофія, прызваных эксплікаваць тыя няяўныя дапушчэнні аб паходжанні і будове ўсяго існага ў цэлым, што ляжаць у падмурку светапогляду традыцыйных супольнасцей. Сцвярджаецца, што сутнасць і этнафіласофіі, і прафесійнай нацыянальнай філасофіі палягае ў рэалізацыі падзей думкі, аб'ектывавальных у стварэнні канцэптаў, а адрозненне – у спосабах камунікацыі і трансляцыі вынікаў: вусным у першым выпадку і пісьмовым у другім. Выказваецца ўпэўненасць, што разгортанне даследаванняў у галіне беларускай этнафіласофіі паспрыяе адкрыццю новых небакраяў, у якіх будуць паўставаць унікальныя паслядоўнасці падзей думкі, што канстытуюць самабытную нацыянальную філасофію.

Ключавыя словы: этнанавука, этнаметафізіка, этнаанталогія, этнафіласофія, нацыянальная філасофія, светапогляд, падзея думкі, стварэнне канцэптаў

С. И. Санько

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЭТНОФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ: ЧЕРЕЗ ПРОШЛОЕ В БУДУЩЕЕ

Представлена краткая история развития современных этноориентированных исследований (этнонауки), в частности таких направлений, как этнометафизика, этноонтология и этнофилософия, призванных эксплицитировать те неявные допущения о происхождении и строении всего сущего в целом, что лежат в основе мировоззрения традиционных сообществ. Утверждается, что суть и этнофилософии, и профессиональной национальной философии заключается в реализации событий мысли, объективируемых в создании концептов, а различие – в способах коммуникации и трансляции результатов: устным в первом случае и письменном во втором. Выражается уверенность, что разворачивание исследований в области белорусской этнофилософии способствует открытию новых горизонтов, в которых будут возникать уникальные последовательности событий мысли, конституирующие самобытную национальную философию.

Ключевые слова: этнонаука, этнометафизика, этноонтология, этнофилософия, национальная философия, мировоззрение, событие мысли, создание концептов

S. San'ko

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**ETHNOPHILOSOPHICAL RESEARCH IN BELARUS:
THROUGH THE PAST TO THE FUTURE**

A brief history of the development of modern ethno-oriented studies (ethnoscience) is presented, in particular, ethnometaphysics, ethnoontology and ethnophilosophy, designed to explicate those implicit assumptions about the origin and structure of the whole being that underlie the world outlook of traditional communities. It is argued that the essence of both ethnophilosophy and professional national philosophy consists in the realization of the events of thought objectified in the creation of concepts, and the difference lies in the ways of communication and translation of the results: oral in the first case and written in the second. There is expressed confidence that the development of research in the field of Belarussian ethnophilosophy will contribute to the discovery of new horizons, in which unique sequences of events of thought will arise that constitute an original national philosophy.

Keywords: *ethnoscience, ethnometaphysics, ethnoontology, ethnophilosophy, national philosophy, world outlook, event of thought, creation of concepts*

Адной з надзённых задач беларускай філасофіі, як пра гэта сведчаць, у прыватнасці, матэрыялы круглага стала, якія публікуюцца ў гэтым выпуску штогодніка, ёсць выпрацоўка стратэгіі станаўлення і развіцця нацыянальнай філасофіі, здольнай стаць грунтоўным адказам на існуючы сацыяльны запыт на фарміраванне духоўна-светапоглядных асноў нацыянальнай ідэнтычнасці і дзяржаўна-культурнага будаўніцтва. Адным з перспектыўных напрамкаў вырашэння гэтай задачы з'яўляецца беларуская традыцыя этнафіласофскіх даследаванняў, якая была запачаткавана вядомым філасофскім эсэ І. Абдзіраловіча «Адвечным шляхам», рэактуалізавана ў працах канца ХХ – пачатку ХХІ ст. такіх беларускіх філосафаў, як У. М. Конан і Э. К. Дарашэвіч, і набыла новы імпульс для развіцця ў сувязі з прадпрынятымі спробамі сінтэзу еўрапейскіх кантынентальных і англа-амерыканскіх даследчых праграм у галіне культурнай антрапалогіі, філасофіі свядомасці, лінгвістычнай філасофіі, гісторыі ідэй і канцэптаў і семіётыкі культуры.

Яшчэ ў 50–60-я гады ХХ ст. найперш у амерыканскай культурнай і кагнітыўнай антрапалогіі пад уплывам структурнай лінгвістыкі Бенджаміна Уорфа і яго прац аб сувязі мыслення і мовы [1], а таксама даследаванняў Фрэнка Спека культур канадскіх індзейцаў [2] вылучыўся адмысловы кірунак, які атрымаў назву *этнанавука (ethnoscience)*¹. У гэты ж час фокус цікавасці даследчыкаў стаў ссоўвацца ў бок вывучэння светапоглядных асноў народных культур, эксплікацыі няўнай анталогіі, імплікаванай у катэгорыях мовы, народнай фразеалогіі, міфах і рытуалах, фальклору. У 1960 г. вядомы амерыканскі антраполог А.-І. Холаўэл [4] у эсэ «Анталогія Аджыбва, паводзіны і светапогляд» прапанаваў тэрмін «этнаметафізіка» (*ethnometaphysics*) для пазначэння той «наіўнай» метафізікі (анталогіі), якая ўбудаваная ўва ўсе значныя эле-

---

¹ Больш падрабязна пра гэта гл. [3].

менты традиційнай – або, у іншай тэрміналогіі, мясцовай (*local*) – культуры. Абгрунтоўваючы сваю пазіцыю, А.-І. Холаўэл пісаў: «Чалавечым істотам у любой культуры дадзена кагнітыўная арыентацыя ў космасе; існуюць “парадак” і “прычына” хутчэй, чым хаос. Існуюць нагадкі на асноўныя дапушчэнні і прынцыпы, нават калі і здараецца, што яны свядома не фармулююцца і не артыкулююцца самімі людзьмі. Мы сутыкаемся з філасофскімі канатацыямі іх думкі, прыродай свету існага, як яны разумеюць яго. Калі мы прасочым гэтую праблему досыць глыбока, то хутка патрапім на адносна недаследаваную тэрыторыю: этнаметафізіку!» [4, с. 20]. К. Шылбрэк так выразіў вядучую ідэю этнаметафізікі: «...розныя культуры маюць розныя метафізічныя ўяўленні і, такім чынам, легітымны раздзел вывучэння культуры – гэта вывучэнне яе кагнітыўнай арыентацыі на рэальнасць як такую» [5, с. 96].

У тым жа зборніку, у якім апублікавана эсэ А.-І. Холаўэла, было змешчана таксама эсэ Дж. Кэмпбела «Прымітыўны чалавек як метафізік» [6]. Новы кірунак быў інспіраваны працамі Ф. Боаса, Л. Леві-Бруля, Б. Маліноўскага, П. Радэна. Пазней, з сярэдзіны 1990-х гадоў, пасля публікацый П.-Дж. Хаўнтанджы [7], асабліва ў асяродку аўтараў афрыканскага паходжання, набываюць папулярнасць даследаванні этнафіласофіі той або іншай традыцыйнай культуры.

Прыкладна ў гэты ж час, у 1962 г., Э. Роўз выступіў са сваім праектам этнаанталогіі (*ethno-ontology*) [8], які прадугледжваў перш за ўсё вывучэнне спосабаў чалавечага стаўлення да рэчаў свету: іх пачуццёвае сарціраванне і азначванне (гласіраванне), класіфікацыю, узаемнае размяшчэнне ў прасторы жыццёвага свету і г. д., але таксама і да іншых людзей, з якімі кожны індывід знаходзіцца ў шматстайных адносінах. Этнаанталогія, як і этнаметафізіка, перш за ўсё заснаваная на відавочных і няяўных дапушчэннях адносна таго, што ў свеце ёсць, што можа быць, што павінна быць, што магло бы быць і г. д.

Даследаванні А.-І. Холаўэла былі працягнуты Т.-У. Овэрхолтам і Б.-Дж. Калікотам ужо ў 80-х гадах ХХ ст. Вучоныя прапанавалі наступнае разуменне этнаметафізікі: «Этнаметафізіка можа разумецца як субдысцыпліна філасофіі (якая стасуецца з метафізікай, як этнагісторыя з гісторыяй), скіраваная на даследаванні і аналіз канцэптальных структур розных культур» [9, р. ХІ]. А яшчэ праз 10 гадоў Д. Макфэрсан і Дж.-Д. Раб [10] зрабілі спробу вызваліць этнаметафізіку ад уласцівага этнанавуцы ўвогуле і спадкаванага ёю ад гіпотэзы «лінгвістычнай адноснасці» Б. Уорфа рэлятывізму. Яны зыходзілі з так званай «поліцэнтрычнай перспектывы», паводле якой усе культуры маюць у сваёй падставе не зводзімыя адны да адных і не сувымерныя паміж сабой канцэпцыі рэальнасці [10, р. 10]. Пазіцыю Макфэрсан і Раба можна назваць культурна-экалагічнай, пры якой акцэнт робіцца на неабходнасці захавання культурнай разнастайнасці зямной цывілізацыі для яе ж уласнага ўстойлівага развіцця.

Але цікавая рэч: амерыканская культурная антрапалогія прыйшла да фармулявання канцэпцый этнаметафізікі і этнаанталогіі, зыходзячы з дасягненняў

этналінгвістыкі, аднак яшчэ задоўга да таго ў кантынентальнай еўрапейскай філасофіі быў ажыццёўлены першы «этнаметафізічны» праект. Гаворка ідзе аб дэканструкцыі гісторыі еўрапейскай метафізікі М. Хайдэгера. Метафізіка для яго – сутнаснае ядро еўрапейскай традыцыі і яе гістарычны лёс вызначаецца тым, як быццё інтэрпрэтуецца зыходзячы з разумення таго або іншага роду існага. Гісторыя еўрапейскай культуры – гэта гісторыя паслядоўнай змены «прынцыповых метафізічных пазіцый» як градацый інтэрпрэтацыі і «забывання быцця». У 1965 г. М. Хайдэгер дае і тыпалогію гістарычных інтэрпрэтацый быцця:

«1. Быццё існага як *ύποκειμενον*, што складаецца з *φύσει όντα*, з сябе ўзрастаючага, і з *θήσει όντα*, чалавекам вырабленага.

2. Быццё існага як створанасць.

3. Вызначаны праз Я-суб'ект аб'ект або прадмет» [11, S. 154].

Нездарма апошнім часам назіраецца тэндэнцыя разглядаць працы самага М. Хайдэгера ў этнаанталагічным ключы [12]. Гэта справядліва, прынамсі, у дзвюх адносінах. Па-першае, сама фундаментальная анталогія М. Хайдэгера ў значнай ступені ўяўляе сабой эксплікацыю семантычных і граматычных структур роднай яму нямецкай мовы з выкарыстаннем рэсурсаў састарэлай і дыялектнай лексікі. З гэтым звязаныя немалыя цяжкасці пры перакладзе прац філосафа на іншыя мовы. Па-другое, менавіта ён даў выдатную па сваёй цэласці панараму старажытнагрэчаскай анталогіі, узрослай на глебе светапогляду і мовы антычных грэкаў. Эфектыўнай прыладай яму служылі ўважлівы семантычны і этымалагічны аналіз слоў старажытнагрэчаскай мовы, з дапамогай якіх выяўляліся ключавыя канцэпты этнаметафізікі грэкаў, а таксама і шматлікія прыёмы, якія выкарыстоўваюцца ў сучаснай кагнітыўнай лінгвістыцы і этналінгвістыцы. Звяртаючыся да дафіласофскага і нефіласофскага (гутарковага і паэтычнага) ужытку старажытнагрэчаскай мовы, М. Хайдэгер сістэматычна інтэрпрэтаваў сродкамі нямецкай мовы такія базавыя паняцці антычнай метафізікі, як «існае» (*τό όν*), «існасць» (*ουσία*), «ісціна» (*ἀλήθεια*), «прырода» (*φύσις*) і інш.

Аднак уздым этнанавуковых даследаванняў у 1960-я гады ўжо ў 1970-я відавочна пайшоў на спад, што было звязана з практычнай неверыфікуемасцю і, адпаведна, нефальсіфікуемасцю атрыманых вынікаў. Рэч у тым, што ў герменеўтычнае кола культуры, якая даследуецца або апісваецца, можна ўваходзіць самымі рознымі спосабамі, і тое, як будзе здзейсненае такое ўваходжанне, залежыць у ладнай ступені як ад кампетэнцыі і здольнасці (таленту) даследчыка, так і ад уласцівых яму самаму структур прадразумення (Х.-Г. Гадамер) [13]. Крызіс «класічнай» этнанавукі быў натуральна звязаны з агульным крызісам структуралісцкай парадыхмы (як у лінгвістыцы, так і ў антрапалогіі), а таксама з жорсткай крытыкай з боку паўсталага постструктуралізму, а таксама эвалюцыянісцкіх і матэрыялістычных плыняў у антрапалогіі. Неўніковы суб'ектывізм і рэлятывізм «класічнай» этнанавукі, а таксама зыходная арыен-

тацыя на апісанне «экзатычных» культур з рэзка адрознымі ад еўрапейскай культуры мадэрна таксаноміямі зрабілі натуральным яе наступнае збліжэнне з такімі моцна ідэалагізаванымі плынямі постмадэрнісцкага мыслення, як посткаланіяльныя даследаванні (*postcolonial studies*), фемінізм (*feminism*) і мультикультуралізм (*multiculturalism*), а разам з тым істотна падарвалі давер да этнанавукі з боку многіх антрапологаў і філосафаў.

На жаль, досвед узнаўлення імпліцытнай анталогіі, якая ляжыць ў падмурку еўрапейскіх этнакультур, меў хутчэй толькі негатыўны працяг у дэканструктывізме Ж. Дэрыда і постструктуралізме, апантаных пафасам пераадолення «еўропацэнтрызму» і метафізікі наогул як спараджэнняў цывілізацыі Захаду і ўзятых на ўзбраенне шматлікімі прадстаўнікамі амерыканскай этнанавукі. Відаць, менавіта гэты антыеўрапейскі пафас паўплываў на тое, што этнанавука наогул і этнаметафізіка (этнаанталогія) не атрымалі ў многіх краінах Еўропы колькі-колечы прыкметнага прызнання. Выключэннем з'яўляюцца некаторыя канкрэтныя этнанавукі, такія як этнабатаніка, этнамедыцына, этнапсіхалогія, этнапедагагіка, этнаэкалогія, этнафармакалогія, этнадыеталогія і некаторыя іншыя, што маюць пэўную практычную каштоўнасць.

Разам з тым крытычны пафас, накіраваны супраць еўрацэнтрызму, спрычыніўся да паўстання такога, цяпер вельмі папулярнага ў посткаланіяльных даследаваннях, але і двухсэнсоўнага, тэрміна, як «еўрапейская этнафіласофія». Адзін з сучасных крытыкаў еўрацэнтрызму выразіў гэта наступным чынам: «Інстытут заходняй думкі, які называецца еўрацэнтрызмам, нарцысічным або гегеманічным, – гэта такая канстытуцыя думкі, або *mentalité*, якая дае прывілеі Захаду або Еўропе як культурнай, палітычнай, эканамічнай, інтэлектуальнай і маральнай сталіцы зямнога шара. Гэта не што іншае, як *еўрапейская этнафіласофія* [курсіў мой. – С. С.], абвешчаная ўніверсальнай. Што пачыналася як правінцыяльнае на Захадзе, становіцца ўніверсалізаваным, тады як тое, што ёсць правінцыяльным на не-Захадзе, застаецца правінцыяльным назаўсёды. Еўрацэнтрызм роўназначны слепаце сучасных еўрапейскіх інтэлектуалаў, каб прызнаць або прыняць Іншасць нееўрапейскага Іншага...» [14, р. 195]. Але ўвесь кур'ёз сітуацыі ў тым, што «вызваленчыя» ідэалогіі другой паловы ХХ ст. больш спрычыніліся не да эмансipaцыі «нееўрапейскага Іншага», а да апраўдання і спрыяння буйнамаштабнай агрэсіі «Іншасці» на еўрапейскую культурную прастору, што, з іншага боку, паўплывала на абвастрэнне пачуцця сваёй «Іншасці» еўрапейскімі этнасамі і новыя пошукі «сваіх Іншых».

Шырокаму ўжыванню тэрміна «этнафіласофія» ў еўрапейскіх краінах пакуль перашкаджаюць яго ўвядзенне ў кантэксте пошукаў афрыканцамі ўласнай культурнай ідэнтычнасці і ідэалагічнае выкарыстанне супраць еўропацэнтрызму. Да таго ж у сучаснай аб'яднанай Еўропе выкарыстанне гэтага тэрміна ў дачыненні да саміх еўрапейскіх этнакультур можа ўспрымацца як «непаліткарэктнае», у тым ліку і з увагі на тое, што тэрміны накшталт

«Volksphilosophie» і «Volkswissenschaft», папулярныя ў XIX і ў пачатку XX ст., з ладнага дыскрэдытавалі сябе ў нацысцкай Германіі. Аднак разам з гэтым адбываецца і відавочная дэідэалагізацыя тэрміна, што бачна ў наступным выказванні Б. Холені і В. Дзю Буа: «Тэрмін “этнафіласофія” займае найбольш значны ўплыў у галіне афрыканскай філасофіі. Гэта кур’эзнае слова ў тым, што яго значэнне на працягу апошніх дзесяцігоддзяў змянілася спачатку ад тэрміна абразы, фактычна выкрывальніцтва, да нарматыўнага цяпер тэрміна, які ў прынцыпе можа быць дастасаваны да таго, што называецца “філасофіяй” у любой культуры» [15, р. 74].

Яшчэ раней Ф.-М. Вімер у артыкуле з характэрнай назвай «“Этнафіласофія” – выйсце ці тупік?» даў даволі шырокае вызначэнне «этнафіласофіі»: «“Этнафіласофскай” ёсць *усякая* філасофія, калі яна яўна развіваецца або няўна прысутнічае ў інстытутах, формах маўлення, прымаўках і г. д., калі яна прадукт індывідуальнага, называнага мысляром, або вынік калектыўных паводзін, паколькі яна выяўляе этнічную або культурную прыкмету і гэтым адрозніваецца ад філасофіі іншых культурна або этнічна вызначаных груп» [16, р. 160]. Даследчык нават абвясціў этнафіласофію той рэальнай альтэрнатывай, якая ў «палілогу» дазволіць пазбавіцца небяспечных крайнасцей «цэнтрысцкага ўніверсалізму і сепаратысцкага партыкулярызму» [16, р. 159].

У прапанаваным разуменні этнафіласофіі слабае месца – неадрозненне этнічнай філасофіі і філасофіі нацыянальнай. Хоць этнагенез і нацыягенез могуць быць гістарычнымі этапамі адной адносна аднастайнай камунікатыўнай супольнасці, да таго ж з’яднанай з блізкім ці далёкім крэўным сваяцтвам, у агульным выпадку гэта не так. З пэўнымі агаворкамі гэта можна стасаваць да традыцый філасофствавання Грэцыі, Індыі, Кітая. Ва ўсіх іншых выпадках нацыянальныя філасофіі паўставалі ў выніку рэцэпцый і больш-менш паспяховых апрапрыяцый іншаэтнічных традыцый. Для еўрапейскіх філасофій адносна паспяховасць апрапрыяцый старагрэчаскай філасофіі гарантавалася адносна аднастайнасцю зыходных светапоглядных асноў этнічных культур грэкаў, італікаў, кельтаў, германцаў, славян, балтаў. І ўсё ж акурат у выпадках паспяховых апрапрыяцый філасофія зазнавала істотныя трансфармацыі. М. Хайдэгер выявіў цэлы шэраг такіх паказальных прыкладаў. Вось адзін з іх: «Для грэкаў наяўна прысутнае ёсць спадручнае (што ляжыць пад рукой). Ляжаць па-грэчаску выражаецца словам $\kappa\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota$. Так што спадручнае выражаецца словам $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\kappa\epsilon\iota\mu\epsilon\nu\omicron\nu$. Пазней рымляне пераклалі літаральна $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\kappa\epsilon\iota\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ словам *subiectum*, але гэты *subiectum* спачатку не меў дачынення да суб’екта ў сэнсе “Я”. Яшчэ ў Сярэднявеччы слова *subiectum* выкарыстоўвалася для ўсяго спадручнага... Сёння звычайна пад суб’ектам разумеюць Я, у той час як слова “аб’ект” было пакінута для абазначэння неналежаных Я рэчаў або прадметаў. Аб’ектыўнае ў сярэднявечным сэнсе тое, што выражае прысутнае толькі ў маім уяўленні і вылучна праз гэта нешта кінутае перада мною, у сучасным моўным ужытку ёсць суб’ектыўнае, проста ўяўленае, неспраўднае.

Ці маем тут справу толькі з пераменаю у словаўжыванні? Не. Справа зусім у іншым. І не ў чым іншым, як у радыкальнай змене стаўлення чалавека да існага.

Тое, што здарылася гэтая перамена ў разуменні быцця, ёсць перадумова, што мы існуем сёння ў навукова-тэхнізаваным свеце» [11, S. 153].

Б. Холен бачыў адрозненне этнічнай і нацыянальнай філасофіяй у тым, што першая – гэта «філасофія народаў, а не асоб» [15, р. 75]. Але гэтая формула – даніна постасветніцкім этнаграфічным забабонам, згодна якім традыцыйныя этнічныя культуры характарызуюцца перавагай калектыўнага «мы» над індывідуальным «я» і адсутнасцю самага ўяўлення пра аўтарства. Мадэрны міф пра «аўтара» быў дэзавуяваны М. Фуко [17] і Р. Бартам [18] у тым сэнсе, што аўтар больш не ўяўляецца тым, хто *стварае* ўнікальны прадукт – тэкст, падобна да таго, як біблейскі Бог стварае свет у чыне сваёй свабоднай творчасці, а хутчэй тым, хто *рэкамбінуе* ў тэкст розныя кшталты «пісьма», «ніводзін з якіх не ёсць зыходным; тэкст – гэта тканка з цытат, парэштак многіх культурных крыніц» [18, р. 15]. Мадэрны аўтар гэтак жа чэрпае з наяўнага рэпертуару «цытат», як таленавіты традыцыйны выканаўца не проста ўзнаўляе па памяці засвоеныя ананімныя творы, а кожны раз кампануе іх з наяўнага рэпертуару тэм, матываў, сюжэтаў, вобразна-сімвалічных сродкаў. Так што адрозненне іх у нечым іншым.

Думаць, мысліць і ў традыцыйных, і ў сучасных грамадствах можна толькі самастойна – сваёй уласнай галавой, і традыцыйныя лакальныя супольніцтвы гэтак жа добра ведаюць сваіх мясцовых разумовых здольнікаў, як сучасныя грамадствы – арыгінальных або таленавітых «аўтараў», уся розніца – у спосабе і механізмах камунікацыі і трансляцыі сваіх здабыткаў. У першым выпадку – гэта вусная камунікацыя і трансляцыя карыснага для супольнасці разумага досведу праз механізмы калектыўнай (культурнай) памяці (у сэнсе Я. Асмана [19, S. 56 і інш.] і Ю. М. Лотмана [20]), у другім выпадку – гэта камунікацыя і трансляцыя праз пісьмовыя творы².

Уласнай справай філасофіі (у шырокім сэнсе, які ўключае таксама і этнафіласофію) было і застаецца самастойнае творчае мысленне, да якіх бы праблемных палёў яно не дастасоўвалася і наколькі б у розных гістарычных абставінах спосабы такога дастасавання не выдаваліся б або ўспрымаліся б як філасофія *par excellence*. У самым агульным выпадку самастойнае творчае мысленне палягае ў пракрэсліванні ўнікальнай траекторыі ў сэнсавым універсуме культуры і здабыванні дзякуючы гэтаму ўнікальнай перспектывы дзеля схоплення гэтага сэнсавага ўніверсуму ў яго непаўторнасці і цэласнасці. Там і тады, дзе і калі гэта здараецца, кажуць, што адбываецца падзея думкі. Аб'ектываваным, крышталізаваным, замацаваным у слове вынікам такой падзеі аказваецца стварэнне філасофскага канцэпту, які дазваляе нават аб абдызённых рэчах выказвацца філасафічна.

² Пра тыпалагічныя асаблівасці гэтых форм культурнай памяці больш падрабязна гл.: [21; 22, s. 34, 36].

Калі гэтая аб'ектывацыя мае пісьмовую фіксацыю можна пэўна казаць пра аўтара, імем якога пазначаецца паваротны пункт у развіцці думкі. Але нават у рамках існуючага гісторыка-філасофскага канона гэта не заўсёды магчыма. Так, нам напэўна невядома, хто здзейсніў падзею думкі, у выніку якой гутарковае слова *κόσμος* 'парадак, будова, дзяржаўны лад, упрыгожванне' стала абазначаць 'свет, сусвет, светалад', гэта значыць філасофскі канцэпт *κοσμος* (*космас=сусвет*³). У гэтым новым філасофскім значэнні слова *κόσμος* адзначаецца з VI ст. да н. э. Традыцыя прыпісвае аўтарства або Піфагору, або Парменіду, хаця, нібыта, першыя інтуіцыі Космасу як упарадкаванага Светаладу прысутнічаюць ужо ў Анаксімандра і Анаксімена [23, р. 208]. Трэба таксама мець на ўвазе, што ў піфагарэйскай школе існавала традыцыя ўсе яе дасягненні прыпісваць свайму легендарнаму заснавальніку, а той фармуляваў палажэнні свайго вучэння афарыстычна ў вуснай форме, у выглядзе так званых акусм (ст.-гр. *ἄκουσμα* 'пачутае', параўнаем аналагічнае ст.-інд. *śruti* 'пачутае', 'канон свяшчэнных тэкстаў').

Зусім іншая падзея думкі мела вынікам з'яўленне рускага канцэпту *вселенная* і абавязана яна найперш перакладам грэчаскіх хрысціянскіх тэкстаў. У старарускую мову слова *вселенная*, *уселенная*, відаць, трапіла з царкоўна-славянскай, дзе яно было амаль літаральным перакладам (калькай) грэчаскага слова *οἰκουμένη* 'абжытая зямля, зямля, свет' (ад дзеяслова *οἰκέω* «я жыву, пражываю») і пераважна азначала 'населеная зямля' (*terra habitata*) 'населенае месца' і нават 'усіх насельнікаў зямлі' (*habitantes*) [24, с. 363; 25, ст. 402; 26, ст. 1264]. Аднак ужо ў помніках XI ст. адзначаецца і значэнне 'свет, Сусвет'. Грэчаскае ж слова *κόσμος* перакладалася або як *миръ*, або як *всь миръ*, што таксама было інавацыяй [27]. Толькі гэтая падзея думкі таксама засталася ананімнай.

Аднак, якая падзея думкі прывяла да з'яўлення беларускага слова *Сусвет* і адпаведнага яму сэнсавага адзінства, або канцэпту (*сусвет*), нам напэўна невядома. Нягледзячы на наяўнасць у рускай і ўкраінскай мовах аднакаранёвых слоў, там яны не развіліся да абазначэння найважнейшага светапогляднага канцэпту. І ўвогуле, з усіх славянскіх моў толькі беларуская характарызуе суцэльны Універсум як *Су-свет*, гэта значыць як спарадкаваную сукупнасць светаў, падобна да таго, як *су-зор'е* пазначае бачную на небе спарадкаваную сукупнасць зорак (параўнаем таксама *су-квецце* 'спалучэнне кветак, сабраных у выглядзе парасоніка, мяцёлкі і г. д.', *су-гучча* 'адначасовае спалучэнне некалькіх гукаў рознай вышыні'). Мы можам канстатаваць, што да пачатку XX ст. такое, імплікаванае ў сэнсавую структуру слова, разуменне сусветнага цэлага было рэальнасцю. Пра гэта могуць сведчыць наступныя радкі з «Новай зямлі» Я. Коласа: «...Нябёсаў багны патайныя. / *Ў чародах светаў незлічонных, / Нерасчытаных, неадмкнёных...*»; «...*У звязку гэтых светаў божных, / Таемных, страшных і прыгожых...*»; «...Калі стваралісь Богам *светы...*».

³ Тут, як прынята, канцэпты, у адрозненне ад слоў, абазначаюцца малымі капітэлямі.

Можна меркаваць, што гэта стала своеасаблівай рэфлексіяй складанага грамадскага ладу (сацыяльнага свету) Вялікага Княства Літоўскага, стабільнасць якога доўгія стагоддзі грунтавалася на досведзе гарманізацыі інтарэсаў розных этнічных (спачатку беларускай і літоўскай, таксама ўкраінскай і польскай, пазней татарскай і габрэйскай) і розных канфесійных (праваслаўнай, каталіцкай, пратэстанцкай, мусульманскай, іўдзейскай) супольнасцей, які зрабіў свой унёсак і ў фарміраванне такой «брэндавай» рысы беларускага менталітэту, ак талерантнасць. Некалькі іншых паказальных прыкладаў дастасавання кампаратыўнага метаду для вывучэння шэрага ключавых канцэптаў беларускай этнафіласофіі пададзены ў [28, 29].

Паколькі этнафіласофія развінаецца амаль выключна ў сферы вуснай камунікацыі і аб'ектывуе вынікі колішніх падзей думкі ў гутарковай мове, то для пранікнення ў яе глыбіні мова апынаецца ці не адзіна надзейным інструментам і адначасна крыніцай гістарычнай рэканструкцыі. І яна багатая што можа паведаміць і пра яе носьбітаў, і пра раннюю «кагнітыўную гісторыю» народа і яго светапогляд. Не дзіўна таму, што першымі гэтую цаліну пачалі апрацоўваць філолагі, а найперш тыя з іх, хто працуе ў такіх галінах, як этналінгвістыка і лінгваканцэпталогія⁴. Менавіта даследніцы, ангажаваныя ў этналінгвістычныя даследаванні, аднымі з першых на Беларусі ўвялі ў навуковы ўжытак само слова *этнафіласофія*. Так, Т. В. Валодзіна, са спасылкай на больш раннюю працу заснавальніка і лідара Люблінскай школы этналінгвістыкі Е. Бартмінскага, у сваёй грунтоўнай манаграфіі «Цела чалавека: слова, міф, рытуал» адзначыла, што кампанент *этна-* можа разумецца суб'ектна і рабіць адсылку да пэўнай сацыяльнай ці нацыянальнай групы «як стваральніка і носьбіта пэўнай сферы ведаў і пэўнай культурнай сістэмы», і тады «такія навуковыя дысцыпліны як *этнанавука* (англ. *ethnoscience*), *этнабатаніка*, *этнафіласофія* праводзяць “суб'ектную рэканструкцыю”, бо імкнучца глядзець на свет вачыма носьбіта моўнага калектыву» [30, с. 23] (параўнаем таксама [31, с. 152]). Адначасна тэрмін «этнафіласофія» ў іншым кантэксце з'явіўся і ў публікацыі аўтара і С. А. Мякчылы, прысвечаным філасофска-метадалагічным аспектам вывучэння беларускай этнанавукі [3, с. 12].

Добры грунт для разгортвання этнафіласофскіх даследаванняў у нашай краіне быў закладзены шматгадовымі штудыямі народных ведаў, запачаткаванымі даследаваннямі Л. І. Мінько яшчэ ў канцы 60-х гадоў XX ст. [32, 33]. Гэтыя даследаванні відавочна актывізаваліся ў апошняе дзесяцігоддзе, вынікам чаго стала з'яўленне шэрага публікацый па этнабатаніцы (І. А. Швед), этнаарніталогіі (М. А. Камарова, Т. М. Рамза, А. Л. Садоўская), этнагеаграфіі і этнатапаграфіі (У. А. Лобач), этнаанатоміі і этнамедыцыне (Т. В. Валодзіна), этнаметэаралогіі (Ю. Янкоўскі, М. П. Антропаў), этнаастраноміі (Ц. В. Авілін) і рэалізацыя маштабнага праекта стварэння этналінгвістычнага атласа Беларусі (кіраўнік М. П. Антропаў).

⁴ Агляд дасягненняў у гэтых галінах гл.: [34, 35].

Такая актывізацыя этнанавуковых даследаванняў на Беларусі, безумоўна, вымагае і разгортвання адпаведных даследаванняў па метадалогіі беларускай этнанавукі. Несумненную цікавасць уяўляюць кагнітыўныя аспекты функцыянавання традыцыйнай культуры, спецыфічныя для беларускай этнакультуры спосабы катэгарызацыі, «семантычнага карціравання», сэнсавай разметкі жыццёвага свету. Дагэтуль, па сутнасці, не даследавалася сама логіка, якая імпліцытна кіруе сістэмай народных ведаў. Патрабуюць эксплікацыі філасофска-светапоглядныя асновы бытавання этнанавукі, найперш тая анталогія, што ляжыць у падмурку народных ведаў пра свет, чалавека і грамадства (этнаметафізіка).

Праца філосафаў пачынаецца там, дзе лінгвісты (шырэй, філолагі) і этнографы, як правіла, ставяць кропку. Аналіз канкрэтных канфігурацый ідэй і ключавых канцэптаў беларускай інтэлектуальнай культуры ў гістарычнай перспектыве застаецца актуальнай задачай беларускай філасофіі. Асабліва гэта датычыць эпох, слаба або наогул недакументаваных пісьмовымі помнікамі. Між тым для гісторыі інтэлектуальнай культуры гэтыя эпохі не менш важныя, бо менавіта тады адбываліся першасныя канцэптуалізацыі і катэгарызацыі навакольнага свету і складваўся канцэптуальны рэпертуар, з ладнага задзейнічаны ў пазнейшыя пісьмовыя эпохі.

Выглядае зусім невыпадковым і сімптаматычным, што два вядомыя даследчыкі гісторыі філасофіі Беларусі, якія спрычыніліся да таго, каб гэтая галіна ведаў набыла ў нашай краіне дысцыплінарны статус, У. М. Конан і Э. К. Дарашэвіч, у розныя часы і на розных асабістых падставах звярнуліся да сур'ёзнага вывучэння беларускай фальклорнай культуры. Кніга У. М. Конана мела вельмі сімвалічную назву «Ля вытокаў самапазнання: станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору». У ёй філосаф зусім небеспадстаўна адзначае, што фальклор з'яўляецца «гістарычна першай формай чалавечай духоўнасці» [36, с. 28]. Свае штудыі У. М. Конан працягнуў у шэрагу артыкулаў [37, 38], дзе зрабіў спробу выявіць рэпертуар ключавых міфалагем і архетыпаў народнай культуры беларусаў, у раздзеле «Эстэтыка народнай культуры» 1-га тома «Гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі» [39], у 1-м томе сваёй незавершанай «Гісторыі эстэтычнай думкі Беларусі» [40]. Спрычыніўся філосаф і да развіцця даследаванняў у такой галіне народных ведаў, як этнапедагогіка [41].

У сваю чаргу Э. К. Дарашэвіч звярнуўся да тэарэтычных аспектаў вывучэння народнай культуры, што вылілася ў шэраг публікацый, сярод якіх заўважнае месца займае яго «Тэорыя фальклору» [42]. У асяродку ўвагі філосафа – магчымасці бытавання і рэвіталізацыі фальклору ў сучасным свеце з яго неўніковай урбанізацыяй і глабалізацыяй [43, 44]. Зусім блізка да інтэнцый аўтара гэтага артыкула гучыць адзін з праграмных тэзісаў Э. К. Дарашэвіча: «Асэнсаванне спадчыны традыцыйнай культуры, пошук форм яе інтэграцыі ў сучаснасць – актуальная тэарэтычная і практычная праблема для

еўрапейцаў XXI стагоддзя, якія з увагай глядзяць на Усход, што дэманструе жыццяздольны сінтэз традыцый і мадэрнізму (Японія, Карэя, Кітай, Індыя, Арабскія Эміраты), які вядзе ўсходнія нацыі да эканамічнага і культурнага дамінавання ў свеце» [43, с. 165].

Трэба адзначыць, што з другой паловы 2000-х гадоў даследаванні светапоглядных, анталагічных і кагнітыўных падмуркаў традыцыйнай культуры беларусаў пачалі праводзіцца ў Інстытуце філасофіі НАН Беларусі ў рамках праектаў, падтрыманых грантамі Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў: «Традиционная культура Беларуси как объект когнитивно-контрастного и структурно-семиотического изучения» (грант Г06-047 ад 1 красавіка 2006 г.), «Філасофска-светапоглядныя і метадалагічныя аспекты вывучэння беларускай этнанавукі» (грант Г09-148 ад 15 красавіка 2009 г.) і «Этнасеміётыка, нараталогія і герменеўтыка беларускага фальклорнага тэксту: тэорыя, метадалогія, практычнае прымяненне» (грант Г12-040 ад 15 красавіка 2012 г.), выканаўцамі якіх былі С. І. Санько (кіраўнік праектаў), С. А. Мякчыла, А. В. Дзерман і вядомая даследчыца ў галіне этнамедыцыны беларусаў Т. В. Валодзіна. Адметнай рысай гэтых даследаванняў стала спалучэнне падыходаў, распрацаваных у такіх галінах сучаснай гуманітарыстыкі, як кагнітыўная (і кантрастыўная) культуралогія (антрапалогія), семіётыка культуры і гісторыя ідэй і канцэптаў.

Гэта дазволіла перафармуляваць задачу этнафіласофскіх даследаванняў наступным чынам: інкарпараваць этнафіласофію ў сучасны нацыянальны філасофскі дыкурс такім чынам, каб забяспечыць рэвіталізацыю першай праз развіццё аўтэнтчных форм філасофскага мыслення.

Гэта, вядома, запатрабуе радыкальнага перапрачытання па-беларуску (не проста перакладу, хаця і гэта таксама) існуючага гісторыка-філасофскага канона⁵, у якім пакуль не так многа месца можа знайсціся для беларускай нацыянальнай філасофіі, як, зрэшты, і для літоўскай, украінскай і іншых філасофій, прымусяць з новым «мікраскопам» углядзецца як у запазычаныя з іншых традыцый філасофскія канцэпты (а іх большасць), так і ў нерэфлексіўна атрыманыя ў спадчыну свае ўласныя. Гэта добра разумеў Ф. Ніцшэ, калі пісаў у сваіх накідах, апублікаваных пасмяротна пад назвай «Воля да ўлады»: «Што нарэшце даходзіць да свядомасці філосафаў: яны не павінны болей дазваляць сабе быць толькі адоранымі паняццямі, не павінны толькі ачышчаць і прасвятляць іх, але найперш *вырабляць, ствараць, усталёўваць* і пераконваць у іх. Дагэтуль цалкам давяралі сваім паняццям, як нейкаму чароўнаму *пасагу* з нейкага чароўнага свету: але ён быў урэшце рэшт спадчынай нашых самых далёкіх, самых глупых, але і самых кемлівых продкаў. Ён належыць той *пашане* да Таго, *што знаходзіцца ў нас*, магчыма да *маральнага элемента ў пазнанні*. Найперш неабходны абсалютны скепсіс у дачыненні да перадава-

⁵ Гл., напрыклад, нашу раннюю спробу перачытаць старагрэчаскую этнафіласофію па-беларуску: [47].

ных з пакалення ў пакаленне паняццяў (якім, *магчыма*, аднойчы ўжо валодаў Адзін Філасаф – натуральна, Платон, – бо ён *навучыў супрацьлегламу*)» [45, S. 286].

Антыплатонаўскі пафас апошніх слоў абумоўлены некрытычным стаўленнем самога Ніцшэ да гісторыка-філасофскага канона, у якім апрапрыяваны хрысціянскімі філосафамі Платон выступаў ці не галоўным прадвеснікам новага светапогляду і новай ідэалогіі. І філасофія, і філалогія XIX ст. яшчэ не былі здольныя ўбачыць, што менавіта Платон быў першым, хто свядома рабіў тое, што ў цытаваным урыўку абвясціў Ніцшэ як надзённую задачу для філасофіі: вырабленне, стварэнне паняццяў (*Begriffsschaffung*)⁶. Платону і нікому іншаму філасофія абавязана пераўтварэннем гутарковых слоў *οὐσία* ‘маёмасць (найперш нерухомая)’ у філасофскі канцэпт *οὐσία=існасць* [46, р. 9–18], параўнаем блр. *іста* ‘асноўны капітал’, *ісціна* ‘пазыка без працэнтных прырашчэнняў або сума чыстага падатку без пені, чысты капітал, сапраўдная колькасць чагосьці ўзятага або пазычанага’, ням. *Anwesen* ‘невялікі маёнтак, зямельны ўчастак, вясковы двор, падворак, сядзіба’ (пры *Wesen* ‘існасць’) [11, S. 152], *παράδειγμα* ‘узор, прыклад, падабенства, выява’ – у *ΠΑΡΑΔΕΙΓΜΑ=ПАРАДЫГМА*, *ἰδέα* ‘знешні выгляд, знешнасць’ – у *ἰδέα=ідэя*.

Але, як заўважыў Сакрат у дыялогу «Кратыл» (Plat. *Crat.* 388e–389a): οὐκ ἄρα παντὸς ἀνδρός, ὃ Ἑρμόγενες, ὄνομα θέσθαι ἐστὶν ἀλλὰ τινος ὀνοματούργου: οὗτος δ' ἐστὶν, ὡς εἴκεν, ὁ νομοθέτης, ὃς δὴ τῶν δημιουργῶν σπανιώτατος ἐν ἀνθρώποις γίγνεται. – «Дык вось, Гермаген, не справа ўсякага чалавека накладаць імя⁷, але толькі такога, хто ёсць імятворца. Ён жа, відаць, і ёсць заканадаўца, а гэтакі з майстроў найрадзей трапляецца сярод людзей».

Аднак для такой творчасці канцэптаў неабходнае такое ж падазрона-даверлівае стаўленне да сваёй мовы, як у Платона (гл. дыялог «Кратыл») ды і ў самога Ніцшэ, бо яно стварае належную дыстанцыю, якая вызваляе ад маўленчых аўтаматызмаў і разам з тым робіць мову сапраўды сваёй. Адсюль цікавасць Сакрата ў дыялогах Платона да этымалогіі (ст.-гр. *ἔτυμον* ‘сапраўднае, першапачатковае значэнне слова; праўда, ісціна’), якая ўважалася адным з 15 спосабаў пераканання ў прадстаўнікоў платонаўскай школы [49, с. 63]. І па словах Ніцшэ, «die Etymologie bahnt eine Geschichte des Begriffs an» – «этымалогія гаціць шлях гісторыі паняццяў» [50, S. 395].

⁶ Параўнаем: «Філасофія... – гэта дысцыпліна, якая палягае ў тым, каб *ствараць* канцэпты» [48, р. 10]).

⁷ Для перакладу *ὄνομα θέσθαι* замест звычайнага «ўсталёўваць імя» тут выкарыстаны старажытны беларускі рытуальны тэрмін *накладаць імя*, які ўяўляе формулу, першы кампанент якой семантычна адпавядае ст.-гр. *θέσθαι* (параўн. ст.-інд. *nāmadha* ‘той, хто накладае (усталёўвае, дае) імя’ пры *dhā* ‘класці, змяшчаць’ < i.-e. **dhē-* ‘усталёўваць, класці, змяшчаць’), а другі кампанент адпавядае этымалагічна (< i.-e. **nmen-*/**enmen-*). Беларуская формула яўна гучыць у калянднай песні: «...Раду радзілі, чым імя *накласць*, / ... / Да й *наклалі імём* да Ёсусам Хрыстом, / ... / Да Ёсусам Хрыстом, святым Ражжаством» [51, с. 331–332]. Аб значэнні формальных выразаў для рэканструкцыі старажытнага светапогляду гл. нашу нядаўнюю публікацыю: [29].

Унікальная траекторыя, якую пракрэслівае падзея думкі ў сэнсавай прас-торы культуры, усталёўвае ўнікальныя суадносіны паміж сэнсавымі адзінствамі (ідэямі), што маюць асаблівае жыццёвае значэнне для дадзенага этнасу. Гэтыя сэнсавыя адзінствы могуць быць названы віртуальнымі карэлятамі канцэптаў. Сапраўднымі канцэптамі яны становяцца толькі, калі актуалізуюцца ў камунікатыўным акце: або ва ўнутраным маўленні філосафа (параўнаем ў Платона (Plat. *Soph.* 263e): οὐκοῦν δiάνοια μὲν καὶ λόγος ταῦτόν: πλὴν ὁ μὲν ἐντὸς τῆς ψυχῆς πρὸς αὐτὴν δiάλογος ἄνευ φωνῆς γιγνόμενος τοῦτ' αὐτὸ ἡμῖν ἐπωνομάσθη, δiάνοια; – «Ці мысленне і маўленне не ёсць адным і тым жа, апроч таго, што мысленне – гэта, так мы яго называем, бязгучнае сумоўе, што адбываецца ў душы з самой сабою»), або ў працэсе дружалюбнай гутаркі, апасродкаванай або не апасродкаванай пісьмом. Невыпадкова ў дыялогу «Мэнан» Сакрат перад тым, як прадэманстраваць, што і неадукаваны чалавек можа ўзгадаць ключавыя ідэі геаметрыі, пытаецца (Plat. *Meno* 82b): Ἐλλῆν μὲν ἐστὶ καὶ ἐλληνίζει; – «А ён сапраўды грэк? І размаўляе па-грэчаску?». Бо ў адваротным выпадку сэнсавыя адзінствы (ідэі), якія меў на ўвазе Сакрат, былі б для простага чалавека недаступныя. Зрэшты, для грэкаў сама грэкамоўнасць была ледзь не сінонімам культурнасці.

Падсумоўваючы ўсё сказанае, можна адзначыць, што беларуская этнафіласофія можа стаць натуральным месцам сустрэчы нацыянальнай філасофіі з *уласнай* мовай і *ўласнай* традыцыяй і такім вяртаннем да вытокаў, якое дае ўнікальны шанец беларускаму мысленню ў паскораным тэмпе прайсці тры эвалюцыйныя фазы, на якія грэкам спатрэбіліся стагоддзі (балазе, тут ёсць у каго павучыцца), і, перажыўшы іх нанова, больш упэўнена зірнуць у будучыню. Метадычна дэканструюючы ўласную традыцыю мыслення, этнафіласофія разам з тым расчыняе тры небакраі, у якіх будуць паўставаць новыя ўнікальныя паслядоўнасці падзей думкі, што і канстытуююць нацыянальную філасофію. І тады брэнд «беларуская філасофія» перастане быць авансам, а будзе адпавядаць рэальнаму стану рэчаў.

Скарачэнні, выкарыстаныя ў артыкуле

блр. – беларускае
і.-е. – індаеўрапейскае
ням. – нямецкае

ст.-гр. – старагрэчаскае
ст.-інд. – стараіндыскае

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Whorf, B. L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings / B. L. Whorf; J. B. Carroll (ed.). – Cambridge, Mass. : Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. – 278 p.
2. Speck, F. G. Naskapi: the Savage Hunters of the Labrador Peninsula (Civilization of the American Indian) / F. G. Speck. – Univ. of Oklahoma Press, 1935. – 257 p.
3. Санько, С. І. Праблемы і перспектывы вывучэння беларускай этнанавукі ў кантэксце філасофска-метадалагічных даследаванняў / С. І. Санько, С. А. Мякчыла // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2009. – № 4. – С. 10–18.

4. Hallowell, A. I. Ojibwa Ontology, Behavior, and World View / A. Irving Hallowell // *Culture in History : Essays in Honor of Paul Radin / Stanley Diamond (ed.)*. – New York : Columbia Univ. Press, 1960. – P. 19–52.
5. Schilbrack, K. Myth and Metaphysics / Kevin Schilbrack // *Thinking Through Myths: Philosophical Perspectives*. – London ; New York : Routledge, 2002. – P. 85–100.
6. Campbell, J. Primitive Man as Metaphysician / Joseph Campbell // *Culture in History : Essays in Honor of Paul Radin / Stanley Diamond (ed.)*. – New York : Columbia Univ. Press, 1960. – P. 380–392.
7. Hountondji, P. J. African Philosophy: Myth and Reality / P. J. Hountondji. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 1996. – 248 p.
8. Rose, E. Uniformities in Culture: Ideas with Histories / Edward Rose // *Decisions, Values and Groups : Proceedings of a Conference held at the University of New Mexico / Norman Foster Washburne (ed.)*. – Oxford ; London ; New York ; Paris : Pergamon Press, 1962. – Vol. 2. – P. 154–176.
9. Overholt, Th. W. *Clothed-in-Fur, and Other Tales: an Introduction to an Ojibwa World View / Thomas W. Overholt, J. Baird Callicott*. – Washington : Univ. Press of America, 1982. – XVII, 179 p.
10. McPherson, D. H. Indian from the Inside: a Study in Ethno-Metaphysics / Dennis H. McPherson, J. Douglas Rabb. – Thunder Bay, Ontario : Centre for Northern Studies, Lakehead University, 1993. – 165 p.
11. Heidegger, M. *Zollikoner Seminare : Protokolle, Zwiegespräche, Briefe. 3., um Register ergänzte Auflage / Martin Heidegger ; Hrsg. von Medard Boss*. – Frankfurt a/Main : Vittorio Klostermann, 2006. – 381 S.
12. Takahashi, T. Community and the Law of Return: between Ethics and the Question of Being / Tetsuya Takahashi // *Review of Japanese Culture and Society*. – 1995. – Vol. VII : Encounters with the Other : Philosophical Perspectives from Japan and the West. – P. 27–39.
13. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
14. Jung, Hwa Yol. Edouard Glissant's Aesthetics of Relation as Diversity and Creolization / Hwa Yol Jung // *Postcolonialism and Political theory / Nalini Persram (ed.)*. – Lanham ; Boulder ; New York : Lexington Books, 2007. – P. 193–225.
15. Hallen, B. «Ethnophilosophy» Redefined? / B. Hallen, W. E. B. Du Bois // *Thought and Practice*. – 2010. – Vol. 2, No. 1. – P. 73–85.
16. Wimmer, F. M. Ethnophilosophie – Ausweg oder Irrweg? / Franz Martin Wimmer // *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*. – 1995. – Bd. 24, Nr. 2. – S. 159–167.
17. Foucault, M. Qu'est-ce qu'un auteur? / Michel Foucault // *Bulletin de la Societe Francaise de Philosophie*. – 1969. – Vol. LXIII, No. 3. – P. 73–104.
18. Barthes, R. La mort de l'auteur / Roland Barthes // *Manteia*. – 1968. – No. 5. – P. 12–17.
19. Assmann, J. Das kulturelle Gedächtnis : Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen / Jan Assmann. – München : C. H. Beck, 2007. – 344 S.
20. Лотман, Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума / Ю. М. Лотман // *Семиосфера / Ю. М. Лотман* – СПб. : Искусство–СПб., 2010. – С. 557–567.
21. Лотман, Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур / Ю. М. Лотман // *Языки культуры и проблемы переводимости / отв. ред. Б. А. Успенский*. – М. : Наука, 1987. – С. 3–11.
22. Sańko, S. Mitologia jako przedmiot badań historyczno-filozoficznych / Siergiej Sańko // *Colloquia communia*. – 2009. – Nr. 1–2 (86–87) : *Współczesna filozofia białoruska / pod red. Haliny Rarot*. – S. 31–39.
23. Guthrie, W. K. C. A History of Greek Philosophy / W. K. C. Guthrie. – Cambridge ; London ; New York : Cambridge Univ. Press, 1985. – Vol. 1 : The Earlier Presocratics and the Pythagoreans. – XV, 539 p.
24. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1986. – Т. I : А–Д. – 576 с.

25. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1893. – Т. 1 : А–К. – IX с., 806 ст.
26. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1912. – Т. 3 : Р–Я и доп. – 1684, 272 ст., 13 с.
27. Толстая, С. М. К семантической истории слав. *mirъ и *svěť / С. М. Толстая // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / отв. ред.: В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. – М. : Языки славян. культур, 2012. – С. 58–74.
28. Санько, С. І. Слав. *svěť* 1) 'lux', 2) 'mundus' у святле архаічных уяўленняў аб прыродзе зроку / С. І. Санько // Филос. исследования. – Минск : Беларус. навука, 2016. – Вып. 3. – С. 155–166.
29. Санько, С. І. Значэнне формульных выразаў для рэканструкцыі светапогляду старажытнага насельніцтва Беларусі (на прыкладзе блр. *вольны свет*) / С. І. Санько // Першы міжнар. навук. кангрэс беларус. культуры : зб. матэрыялаў (Мінск, Беларусь, 5–6 мая 2016 г.) / гал. рэд. А. І. Лакотка ; Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2016. – С. 694–698.
30. Валодзіна, Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Таццяна Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.
31. Садоўская, А. Л. Этналінгвістыка як навука. Задачы і мэты, аб'ект і прадмет этналінгвістычнага даследавання / А. Л. Садоўская // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы. – 2008. – Вып. 7. – С. 148–154.
32. Минько, Л. И. Народная медицина Белоруссии : крат. ист. очерк / Л. И. Минько. – Минск : Наука и техника, 1969. – 105 с.
33. Минько, Л. И. Народные веды / Л. И. Минько // Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – С. 103–133.
34. Антропов, Н. Белорусская этнолингвистика сегодня: реализация идей / Н. Антропов, Т. Володина // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. – Lublin, 2006. – Т. 18. – S. 47–65.
35. Щербин, В. Белорусская концептология: на этапе самоопределения / Вячеслав Щербин // Etnolingwistyka. – 2009. – Т. 21. – S. 171–185.
36. Конан, У. М. Ля вытокаў самапазнання: станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору / У. М. Конан. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 238 с.
37. Конан, У. Архетыпы беларускага менталітэту: спроба рэканструкцыі паводле нацыянальнай міфалогіі і казачнага эпасу / У. М. Конан // Беларусіка – Albaruthenica / рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск : Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны, 1992. – Кн. 2. – С. 18–28.
38. Конан, У. М. Архетыпы нашай культуры: міфы і міфалагемы // Адукацыя і выхаванне. – 1996. № 1, 3–11.
39. Конан, У. М. Эстэтыка народнай культуры / У. М. Конан // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т. 1 : Эпоха Сярэднявечча / В. Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал.: В. Б. Евароўскі [і інш.]. – С. 488–496.
40. Конан, У. М. Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі : у 3 т. / У. М. Конан. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 1 : X ст. – 1905 г. – 439 с.
41. Народная педагогіка беларусаў / У. М. Конан [і інш.]. – Мінск : НІА, 1996. – 165 с.
42. Дарашэвіч, Э. Тэорыя фальклору / Э. Дарашэвіч // У тэзаўрусе Беларусі : да 80-годдзя Энгельса Дарашэвіча / укл. М. А. Козенка. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2011. – С. 10–80.
43. Дарашэвіч, Э. Фальклор у тэзаўрусе культуры / Э. Дарашэвіч // Современные интеграционные процессы и Республика Беларусь: европейский и евразийский контекст. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 15–16 мая 2014 г.) : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 165–167.
44. Дарашэвіч, Э. К. Глобальная праблема аўтэнтчнасці / Э. Дарашэвіч // Аўтэнтчны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання (памяці антрапалага Зінаіды Мажэй-

кі) : зб. навук. прац [удзельнікаў X Міжнар. навук. канф., Мінск, 29 крас. – 1 мая 2016 г.] / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў [і інш.]. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2016. – С. 32–35.

45. Nietzsche, F. *Gesammelte Werke* / Friedrich Nietzsche. – München : Musarion-Verl., 1925. – VII, 378 S.

46. Berger, H. H. *Ousia in de dialogen van Plato: een terminologisch onderzoek* / Herman H. Berger. – Leiden : E. J. Brill, 1961. – 326 p.

47. Санько, С. Канстытутыўныя элементы антычнага космасу як эталоннага для стараеўрапейскай тэматычнай культуры / С. Санько // *Kryujā: Crivica. Baltica. Indogermanica*. – 1994. – № 1. – С. 104–126.

48. Deleuze, G. *Qu'est-ce que la philosophie?* / Gilles Deleuze, Félix Guattari. – [Paris] : Les éditions de minuit, 1991. – 207 p.

49. Лосев, А. Ф. Ранние диалоги Платона и сочинения платоновской школы / А. Ф. Лосев // *Платон. Диалоги* / сост., ред. и автор вступ. статьи А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1986. – С. 3–65.

50. Nietzsche, F. *Werke : kritische Gesamtausgabe* / Friedrich Nietzsche ; Begründet von G. Colli und M. Montinari ; Weitergeführt von W. Müller-Lauter und K. Pestalozzi ; Hrsg. von F. Bornmann. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1993. – Abteil. II. – Bd. 3 : *Vorlesungsaufzeichnungen* (SS 1870 – SS 1871) / Bearb. von F. Bornmann und M. Carpitella. – VI, 441 S.

51. Марченко, Ю. И. Зимние празднично-поздравительные песни в районах русско-белорусско-украинского пограничья / Ю. И. Марченко // *Русский фольклор : материалы и исследования*. – СПб. : Наука, 1999. – Вып. XXX. – С. 320–373.

М. Б. Завадский, Н. С. Ильюшенко

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

В статье анализируются современные тенденции развития философского знания, которые состоят в том, что потенциал философского мышления начинает систематически и целенаправленно применяться в социальных практиках, где философия традиционно не присутствовала. Практическое устремление философии раскрывается на примере философского консультирования, философии для детей и философии в бизнесе. Отмечаются особенности рецепции этих подходов в белорусском академическом сообществе.

Ключевые слова: *практическая философия, философское мышление, философское консультирование, философия для детей, философия в бизнесе*

M. Zavadski, N. Iliyushenko

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PRACTICAL PHILOSOPHY: CURRENT TRENDS, NATIONAL SPECIFICITY

In the article, the current trends of the development of philosophical knowledge are analyzed that consist in the fact that philosophical thinking begins to be used systematically and purposefully in social practices, where philosophy was not traditionally present. Practical intention of philosophy is disclosed on the example of philosophical counseling, philosophy for children, and philosophy in business. The features of the reception of these approaches in the Belarusian academic community are noted.

Keywords: *practical philosophy, philosophical thinking, philosophical counseling, philosophy for children, philosophy in business*

В последние годы в социогуманитарном знании все большее внимание уделяется трансформациям, сопутствующим процессу формирования нового типа социальности – обществу, основанному на знаниях, – и его экономической подсистеме, которая получила название «экономика знаний». Специфика последней состоит в предъявлении ряда требований к подготовке специалистов высокотехнологичных отраслей и научных кадров, которые должны обеспечивать не только разработку фундаментальных концепций и теорий, но и способствовать внедрению полученных результатов в сферу производства, деятельность социальных институтов и т. д. Достижению данной цели в Республике Беларусь служит формирование кластерных научно-практических структур, объединяющих в себе исследовательский потенциал академиче-

ской науки и инфраструктуру внедрения наукоемкой продукции, услуг, иных разработок в различные сферы социально-экономической жизни страны.

В сфере философии функцию такого интегрирующего звена, работающего по кластерному принципу, выполняет Республиканский центр фундаментальной и практической философии, основанный в 2015 г. на базе Института философии НАН Беларуси. Деятельность Центра направлена на объединение усилий ученых, работающих в различных областях философского знания, на обеспечение междисциплинарного, межотраслевого взаимодействия, выстраивание плодотворного диалога между академической и вузовской наукой. В задачи Центра включены: разработка стратегии дальнейшего развития национальной философии как методологической и ценностно-мировоззренческой основы модернизации белорусского общества; координация проводимых в республике научных исследований по философским дисциплинам; организация деятельности совместных кафедр-лабораторий, филиалов кафедр, объединяющих академический и вузовский сектор науки; расширение международных связей философского сообщества республики (выполнение функции контактной среды международного сотрудничества в области социально-гуманитарных наук); развитие сети методологических семинаров для педагогов, работников органов власти и управления, специалистов кадровых и маркетинговых служб, исследователей; совершенствование практико-ориентированной подготовки кадров высшей квалификации в области философских наук и др. [1]. Таким образом, помимо традиционных для философии фундаментальных исследований, деятельность Республиканского центра фундаментальной и практической философии сфокусирована на применении научных разработок в различных сферах практики.

Для того чтобы более полно охарактеризовать практическую составляющую современных философских разработок, представляется необходимым подробно рассмотреть само понятие «практическая философия», а также раскрыть специфику самых значимых областей ее востребованности. Среди них можно выделить, в частности, философское консультирование, философию в школе, философию в бизнес-сфере.

Общеизвестно, что систематическое разделение философского знания на теоретические и практические науки восходит к Аристотелю. По мысли «отца современной науки», на вершине теоретических наук находится метафизика как первая философия. Метафизика не имеет практической ценности, потому что знание о предельных основаниях сущего, добываемое ею, самодостаточно. Практические науки вторичны, служат внешним по отношению к ним целям и направлены на постижение человеческой деятельности, явлений социального порядка. Практическая философия включает этику (учение о добродетельной жизни) и политику (учение о наилучшей организации социально-политической жизни). В истории философии эта классификация неоднократно воспроизводилась и уточнялась. Вплоть до сегодняшнего дня

разграничение философии на фундаментальную и практическую полностью не утрачивает своего значения, хотя проводить его становится сложнее из-за углубления междисциплинарных связей.

Понятие практической философии употребляется также в контексте, связанном с фундаментальными изменениями и самокритикой, которые претерпела западная философская традиция на современном этапе. Преодоление монизма, субстанциализма, трансцендентализма, универсализма, идеологической ангажированности, «воли к власти» классического типа философствования принципиально меняет представление о самой философии. Понятие практической философии в этой трактовке применяется для уточнения постметафизического состояния современного философского мышления, диагностированного Ю. Хабермасом [2]. Когда философия не ограничивается постижением многообразия форм человеческой деятельности и действия, а рефлексивирует над своими предпосылками и осознает себя как составляющую практики. Речь идет о «внутренней практизации» теоретической сердцевины философского мышления [3, с. 5] и переосмыслении жесткого разделения между теорией и практикой, теоретическим и практическим. С этой перспективы теоретическое знание неизбежно опосредуется общественными, культурными, экономическими, властными контекстами, а практическая жизнь во всем спектре социальных полей оказывается теоретически «нагруженной». В этой современной версии практическая философия может быть определена как междисциплинарное направление исследований, которое изучает ценностные основания действия человека в условиях изменяющегося жизненного мира. Такая интерпретация сущности и проблемного поля философии разрабатывается в трудах западных философов (Х.-Г. Гадамера, Х.-У. Гумбрехта, Х. Йоаса и др.), а также белорусских и российских исследователей (В. Н. Фурса, И. Н. Инишева, Е. В. Борисова и др.).

Не только трансформация философской рациональности, но и усложнение и прагматизация общественной жизни, «гаджетизация» мира повседневности, гуманитарный и образовательный кризисы, распространение логики рыночных отношений на внеэкономические сферы вызвали к жизни новые формы бытования философского знания, акцентирующие его практическую полезность. Философия как методически организованная практика мышления получает систематические импульсы для актуализации в областях конкретного социального опыта, находящегося за пределами научно-образовательных институтов, в которых традиционно культивировалась философская мысль. При данном прочтении практическая философия, по сути, отождествляется с философствованием, практикой философского мышления, или философской практикой (англ. – *practical philosophy, philosophy practice*, нем. – *philosophische Praxis*, фр. – *pratique philosophique*), в различных профессиональных и бытовых сферах и может быть конкретизирована на примере таких философско-педагогических новаций, как философское консультирование, философия для де-

тей и философия в бизнесе. Помимо сказанного эти направления объединяет ориентация на применение потенциала философствования как инструмента в углублении самопонимания, усовершенствовании когнитивных навыков, критичности мышления, проблематизации стереотипных подходов. Именно это, последнее толкование взято за основу в настоящей статье. С его помощью мы проиллюстрируем тенденции практической востребованности философского знания на основе указанных стратегий, отмечая особенности их рецепции в белорусском академическом сообществе.

Рычагом формирования философской культуры на уровне межличностной интеракции, происходящей в неформальном пространстве, выступает направление практической философии, за которым закрепилось название «*философское консультирование*». Под ним понимается интеллектуальная коммуникативная практика, предполагающая методически организованный диалог клиента и профессионального философа о мировоззренческих и смысложизненных проблемах, экзистенциальных ситуациях, нравственных противоречиях мира повседневности, принципах правильного мышления, счастливой жизни и тому подобном с применением философского инструментария и опорой на многовековую мудрость мыслителей разных эпох и культур.

Философское консультирование основывается на понимании философии в ее сократовском варианте, когда последняя выступала не только стремлением к истине, формой ораторского искусства, техникой логического доказательства, но и поиском добродетельной и осмысленной жизни, достойной того, чтобы ее прожить.

Принято считать, что подход к философии как к практике консультирования клиентов впервые был предложен немецким философом Гердом Ахенбахом в 1981 г. В следующем году им было основано Общество философского праксиса, которое с 1997 г. обрело международный статус. Сегодня организации философского консалтинга есть во Франции, Швейцарии, Израиле, Японии и многих других странах.

По мысли Г. Ахенбаха, философское консультирование как практика философствования должно руководствоваться следующими принципами: не существует такой философской концепции, которую нужно «приложить» к ситуации клиента, книги и философские теории – не лекарства, которые «выписываются» посетителям; не следует рассматривать конкретного посетителя как частный случай теории или пример для правила; философ предлагает клиенту расширить горизонты понимания жизненных невзгод с помощью не столько конкретного направления в философии, сколько за счет интериоризации философской установки, которая призвана направить его на свой собственный путь мышления, ориентирующий на постижение своей жизни как единого целого; в этом интеллектуальном путешествии философ не ментор, но попутчик, который, правда, должен направлять философскую рефлекссию и пресекать использование логических ошибок в рассуждении [4]. Таким об-

разом, суть подхода Г. Ахенбаха состоит в применении рационально-критического потенциала философии как таковой и философского метода в целом, а не отдельных философских теорий.

Выявление отличия между философией и психотерапией является ключевым моментом в определении философского консультирования. По Г. Ахенбаху, модель разделения труда, строгой демаркации областей компетенции психотерапии и философии является упрощением и не соответствует современному уровню развития философии науки. Отношения между философией и психотерапией наиболее адекватно описываются диалектикой сотрудничества и соперничества [5]. Сотрудничество проявляется в том, что психотерапия заимствует у философии теоретические основания, методологические принципы, этические идеи и проч. Соперничество может наблюдаться на примере того, когда клиент с одними и теми же проблемами и запросами может обратиться как к психологу, так и к философу.

В целом философское консультирование претендует на преодоление психотерапевтической парадигмы. Депсихологизация и дедиагностизация рассматриваются в качестве презумпции философской практики. Посетитель должен восприниматься как воплощение не психического субъекта, а рефлексивной индивидуальности. От любых суждений и концептов о психологическом мире человека желательно воздержаться, как и от способов мышления, применяемых в повседневной жизни. В отличие от устремления психотерапевтических подходов выявить «научную объективность» в коммуникации, описываемого понятием *Unterlegen*, интерпретация встречи философа-консультанта с посетителем, свободная от предустановленных схем, интерпретаций, моделей объяснения, призвана дать последнему импульс в выстраивании свежего взгляда на образ себя, самопонимания и самоистолкования (процесс, характеризуемый понятием *Auslegen*) [6].

Интенции Г. Ахенбаха были подхвачены целым рядом мыслителей, философов и психологов. Вклад в теорию и практику философского консультирования внесли Ш. Шустер, Р. Лахав, П. Раабе, Л. Маринофф, М. Соте и др. Толкование практической философии в русле философского консультирования разрабатывается российскими учеными С. В. Борисовым, Л. Е. Балашовым, В. В. Черненко.

В целом в философском консультировании можно выделить три уровня, на которых происходит работа:

1) герменевтический – достижение самопонимания, понимания инаковости, чуждости другого и его близости, подобия; интерпретация фундаментальных принципов личного мировоззрения, ценностных оснований своих действий, моральных выборов;

2) образовательный – активизация интеллектуального потенциала и когнитивных ресурсов личности, развитие навыков философского вопрошания, логически выверенного, последовательного, доказательного мышления, уме-

ния увидеть за своей личной проблемой проблему человечества, которую осмысливали философы;

3) терапевтический – дополнительный эффект от усилий по восстановлению целостного взгляда на свою жизненную историю, рефлексивного центра внутри собственного самосознания, раскладыванию по полочкам событий и мотивов принятых решений.

Одним из первых опытов комплексного осмысления сущности и содержания феномена философского консультирования в белорусской академической науке стал проект под эгидой Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Философское консультирование: методологические основания, принципы реализации и перспективы развития в Республике Беларусь», реализованный авторами настоящей статьи. Посредством изучения историко-культурных истоков и мирового опыта реализации данного направления было осуществлено междисциплинарное исследование феномена философского консультирования, определены его социокультурные и методологические основания, принципы реализации, обозначены перспективы его применимости в рамках постсоветской гуманитаристики.

Очевидно, что опыт философского консультирования может и должен быть востребован в работе различных структур. Так, полученные знания были интегрированы в деятельность уже упомянутого Республиканского центра фундаментальной и практической философии, функционирующего при Институте философии НАН Беларуси. Также на базе Института философии была организована работа по оказанию философских консультаций в области формирования логико-методологических компетенций исследователей. В рамках данной деятельности сегодня ведутся занятия, направленные на овладение основами современной логики и методологии научного познания с решением практических задач; осуществляется обучение приемам структурирования теоретической и фактической информации, схематизации проблемы и теоретического рассуждения; проводятся практикумы по развитию навыков понимания, интерпретации научного текста; организуются тренинги по построению определений и доказательств, логической систематизации, созданию перечней аспектов и функций понятия, явления, формулированию закономерностей; проводятся семинары, консультации по методике и психологии общения в научном коллективе. Предполагается, что кафедра-лаборатория социогуманитарной экспертизы, действующая при Институте философии совместно с Институтом социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, будет вовлечена в продвижение и апробацию подходов практико-ориентированной философии, философского консалтинга.

Полагаем, что перспективными направлениями для исследования отечественной философской школой в рамках представленного направления можно считать: выявление систематической связи философского консультирования

с другими разделами философско-практического знания; адаптацию концепции философского консультирования к национальному научно-гуманитарному и социокультурному контексту; разработку конкретных методик на основе философского консультирования, ориентированных на предотвращение социальных девиаций, в особенности среди подрастающего поколения; системное изложение основ работы практикующего философа с различными возрастными (молодежь, люди «третьего возраста»), социальными, этническими группами населения; разработку пакета вспомогательных материалов, выступающих методическим обеспечением оказания философско-консультационных услуг.

Обращает на себя внимание и растущая тенденция *применения философских практик в обучении детей*. Речь идет о внедрении элементарных основ философского знания в школьные занятия, систему дополнительного образования, в соответствующие учебные программы для школьников разных возрастов.

В современном мире отмечается стремительный рост объема знаний и информации, сочетание требований к наличию специальной подготовки и широкого общекультурного кругозора. В образовании акцент переносится с передачи знания, их механического воспроизводства на формирование личных и когнитивных компетенций, способности самостоятельно добывать знание, в том числе ранее не известное. В формирующейся экономике знания чрезвычайно актуализируется навык творческого мышления, оперирования сложными структурами знаний. Развитие аналитического, критического мышления становится необходимым условием ориентации в мире. На решение этих задач и направлено внедрение в среднее образование курса *философии для детей*.

Вопреки бытующему представлению о том, что философия для детей является чем-то избыточным и экстравагантным, академическое сообщество во всем мире приходит к пониманию, что навыкам мышления, общеметодологической культуре, межпредметным компетенциям нужно целенаправленно учиться [7]. Включение элементарных знаний по философии в образовательный процесс школ рассматривается как средство формирования креативности, этичности, гражданской ответственности, здоровой скептичности. Практическая философия в форме логико-философских задач, дискуссионных вопросов, сократического диалога, парадоксов важна для воспитания навыков работы с массивами информации, способности ориентироваться в нестандартных ситуациях.

В некоторых странах, таких как Германия, Франция, где национальная философия имеет богатые традиции и вплетена в национально-культурную идентичность, философские учебные предметы давно преподаются в школах. Пожалуй, можно говорить о трех подходах в реализации школьного философского образования:

1) «академический» подход, представляющий собой «облегченный» вариант университетского курса по философии (М. Гурина, П. С. Гуревич, Е. В. Золотухина-Аболина и др.);

2) «художественный» подход, построенный на основе увлекательных историй из философских учений и жизни мыслителей или предметных дискуссий на философские темы (коммерчески успешные издательские проекты Ж.-П. Монгена, О. Бренифье);

3) «смешанный» подход, реализованный М. Липманом в программе «Философия для детей», среди русскоязычных представителей данного подхода нужно выделить работы Н. С. Юлиной, С. В. Борисова, Л. Т. Ретюнских.

Обратимся к последнему подходу, поскольку он представляет собой наиболее детально и глубоко проработанный вариант обучения детей основам философского мышления, предусмотренный к последовательной реализации в школах с 1-го по 11-й класс. Программа «Философия для детей» получила признание ЮНЕСКО, рекомендована для реализации Комиссией по образованию Европейского парламента, иными международными культурно-образовательными организациями.

Концептуальные основы направления «Философия для детей» заложены в 1970-е годы американскими философами и педагогами. Сотрудниками Института по развитию философии для детей (Монтклерский университет, США) под руководством М. Липмана была разработана программа для школ, получившая позднее международное признание. Ее суть состояла в том, что школам необходимы предметы, которые целенаправленно и непосредственно развивали бы у детей когнитивные навыки аргументированно, логично, диалогически мыслить, уяснять взаимосвязи между различными предметами и науками, вырабатывать оправданные основания для поступков и социальных действий. Профессиональный инструментарий философии, изложенный в адаптированной для школьников форме, представлялся для этих целей как нельзя более подходящим [8, 9].

Экспериментальная работа исследователей опровергла царившее долгое время в педагогической науке представление о том, что способности к абстрактному и рационально-критическому мышлению проявляются только к 12–14 годам. Тесты, проведенные М. Липманом и его коллегами, показали, что дети, занимавшиеся в философских классах, демонстрировали лучшие результаты освоения других образовательных предметов – математики, языков и проч. Оказалось, что интеллектуальный и творческий потенциал детей был тем выше, чем раньше они приобщались к рациональному мышлению, активизировали и тренировали когнитивные навыки, пытались понять универсальный язык философии. Помимо этого, философия для детей работает «напрямую» над теми задачами, которые являются второстепенными и дополнительными для других предметов. Например, над выковыванием критического, логически выверенного мышления, пониманием важности этических основ поступков, гражданским воспитанием, эстетической культурой и т. д.

Надо сказать, некоторые фрагменты философских знаний в разные периоды становления белорусской системы образования были представ-

лены на разных ступенях обучения в рамках таких школьных предметов, как «Человек и мир», «Человек и общество», «Человек. Природа. Общество», «Человек. Общество. Государство», «Обществоведение». В условиях совершенствования отечественной системы школьного образования потенциал философии как факультативного учебного предмета и соответствующей интеллектуальной коммуникативной практики может оказаться высоко востребованным.

Проблематика преподавания философии в школе является относительно новой для белорусских философов и педагогов, и ее значимость остается пока недостаточно оцененной. Хотя шаги в направлении осмысления феномена и проблемы были сделаны. В связи с этим следует отметить проект «Практическая философия как инструмент самоидентификации и социализации подростков», выполненный молодыми учеными Института философии НАН Беларуси и поддержанный Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований. В исследовании был осуществлен анализ основных форм и методов практической философии в контексте вопроса об их применимости в школьной практике для учащихся подросткового возраста. Выявлена роль философского инструментария в формировании личностной идентификации старших школьников, поиске способов решений этических, мировоззренческих, когнитивных противоречий, возникающих в процессе взросления и социализации. Разработки в области философского школьного образования велись в Минском государственном педагогическом университете имени М. Танка. Опыт преподавания философии школьникам был апробирован в курсе «Введение в культурологию», прочитанном учащимся старших классов в рамках сотрудничества Института философии НАН Беларуси и Минского государственного дворца детей и молодежи.

Преподаватели факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета и научные сотрудники Института философии НАН Беларуси проводят занятия в *Школе юного философа «Пайдейя»*, рассчитанной на школьников 9–11-х классов. Программа этой школы предполагает знакомство с профессией философа как ученого и преподавателя, основами философских дисциплин, изучаемых в университете, и герменевтическую работу с философскими текстами. Ученики пробуют себя в качестве участников философских дискуссий, принимают участие в работе круглых столов по наиболее актуальным современным проблемам. Занятия в школе направлены на развитие навыков критического мышления, логичного рассуждения, умения рационально решать различные проблемные ситуации. Также на базе факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета с 2014 г. проводятся национальные отборочные этапы на Международную олимпиаду по философии среди школьников, которую ежегодно организует Международная ассоциация философских обществ при поддержке ЮНЕСКО.

В целом перед отечественными философами и педагогами в рамках освоения рассмотренного направления стоят следующие задачи: инициирование

комплексного и систематического исследования фундаментальных и прикладных проблем обучения школьников основам философских знаний с учетом возрастных особенностей и мировой практики преподавания философии в школе; изучение потребностей и возможностей национальной системы среднего образования Республики Беларусь во включении блока знаний по формированию философской (логической, этической и т. п.) культуры учащихся; встраивание философии для школы в наследие советской традиции школьного образования; разработка учебно-методического комплекса по школьному философскому образованию и конкретных учебных планов для разных ступеней (классов) обучения, адаптированных под запросы белорусской школы и общества в целом; апробация учебных курсов философской направленности в системе дополнительного образования.

Задачи модернизации экономики, повышения конкурентоспособности предприятий и фирм на рынке достигаются не только благодаря наращиванию их технико-технологической оснащенности, но также за счет повышения качества человеческого капитала, развития и совершенствования компетенций руководителей и сотрудников. Одним из наиболее значимых факторов данного процесса, помимо прочих, выступает использование потенциала науки. Применение методологических и идейных достижений практической философии в области управления предприятиями и организациями сегодня является признанным и доказавшим свою эффективность направлением работы профессиональных философов во многих странах мира (Франция, США, Германия и др.). Однако такое *«философское сопровождение»* бизнеса для нашей страны является относительно новой практикой, только начинающей набирать популярность, а потому требующей своего всестороннего осмысления и подробного описания.

Раскрытие специфики использования инструментария практической философии в бизнес-сфере нуждается прежде всего в преодолении кажущейся пропасти между философией и всякой деловой активностью. Обыденное сознание исходит из представления о том, что бизнес в силу его ориентации на реализацию конкретных прагматических решений и получение прибыли противостоит философии с ее оторванностью от реальной жизненной практики, абстрактностью и отсутствием ориентации на материальное. Тем не менее, как замечает известный эссеист А. де Боттон, сходство двух сфер деятельности заключается в единстве их конечной цели, которая была определена Аристотелем как *eudaimonia*, или «процветание» [10]. Именно стремление к процветанию индивида и, как следствие, всего общества является тем, что в подавляющем большинстве определяет направленность не только бизнеса, но и человеческой жизни как таковой.

Помимо сказанного следует отметить, что основой любого бизнеса является предпринимательство, обычно реализуемое субъектом, которого отличает от других членов общества наличие комплекса особых личностных качеств. К наиболее существенным из них в разные эпохи осмысления феномена пред-

принимательства относили: способность к риску (Р. Кантильон); ориентацию на внедрение и привнесение инноваций в практическую деятельность (Й. Шумпетер); способность быстро реагировать и приспосабливаться к изменениям актуального экономического, политического, социального контекста, самостоятельно принимать управленческие решения (Л. Мизес и Ф. Хайек). Поскольку в исследовании предпринимательства акцент все больше делался не на внешних факторах, определяющих потенциальную возможность индивида организовать свое дело, но на наборе личностных особенностей индивида, позволяющих ему реализовывать свою деятельность как некоторое «воплощение рациональности» (М. Вебер), постольку оказывается, что любое предпринимательство, а значит, и бизнес, не могут быть поняты вне мировоззренческих основ человеческой жизни. Очевидно, что полноправным субъектом экономической деятельности может быть только тот индивид, чья активность является осмысленной, подчиненной целям, регулятивным идеям и в итоге ценностям и идеалам, рефлексия над которыми традиционно осуществляется в рамках философского знания.

Но чем именно помогает философия бизнесу сегодня? Среди проблем, с которыми бизнесмены и управленцы обращаются к профессиональным философам, можно выделить целый ряд вопросов.

Так, при работе с нестабильно функционирующими организациями специалисты в области практической философии помогают решить проблемы поиска новых кадровых решений, достичь цели усиления мотивации сотрудников коллектива, наладить эффективную обратную связь с работниками. Для стабильно функционирующих организаций проводится работа по выявлению скрытых резервов производительности, путей снижения внутренних издержек, устранения «узких» мест, лежащих в плоскости организации работы, стиля руководства, межличностных отношений, общего психологического комфорта. При работе с индивидуальными предпринимателями и некоторыми руководителями предприятий, организаций и фирм ключевым становится решение проблемы доверия, развития навыков саморефлексии, критического мышления. Не менее востребованным бывает решение проблем, связанных с целеполаганием, корректированием реакций на негативные факторы, непредвиденные обстоятельства и сложные жизненные ситуации. Также ведется работа по преодолению мировоззренческих ограничений, тормозящих желание руководителя расти и развиваться в выбранном им направлении. При работе с «новичками» бывает полезной проработка вопросов возможных форм самовыражения и самореализации личности в бизнесе, предпринимательской или управленческой деятельности.

Следует указать, что практическая философия не может быть отождествлена с получившими сегодня большую популярность тренингами лидерства или коуч-сессиями. Это связано с тем, что в последних в подавляющем большинстве случаев работа направлена на развитие навыков делового общения,

на обучение быстрому повышению прибыли, на трансформацию определенных аспектов поведения управленца. Все эти виды деятельности вносят свои коррективы, но не трансформируют фундаментальные личностные установки руководителя. Как правило, при такой работе из виду упускается мир ценностей, мировоззренческих ориентаций и идей делового человека, на работу с которыми направлена практическая философия.

В качестве средств и методов практической философии можно назвать: проведение структурированных бесед, включающих самооценку ценностей и целей делового человека; развитие навыков правильной постановки вопросов; использование технологий принятия управленческих решений на рациональной основе; применение приемов развития креативного, инновационного и системного мышления; обучение приемам выстраивания эффективной коммуникации с подчиненными на основе диалога с учетом обратной связи; использование методик анализа высказываний, мнений, техник аргументации и др.

О. Бренифье, активно развивающий метод философских консультаций в сфере бизнеса, акцентирует внимание на развитии следующих компетенций: на развитии навыков аргументации; на обучении поиску и обнаружению проблемных мест в речи оппонента, тренировке техник убеждения; на освоении техник интерпретации; на оттачивании навыков ведения диалога, преподнесения критических аргументов.

В качестве конкретного примера технологии, направленной на прояснение жизненных ценностей и мировоззренческих установок, можно отметить методику «SANE», которая состоит в поиске ответов на ключевые смысло-жизненные вопросы, сформулированные выдающимися философами: «Сократ: Каким будет самый сложный вопрос, который некто может задать мне в данной ситуации? Аристотель: Какие добродетели характера важны для меня, и как я буду их воплощать? Ницше: Как я буду направлять свою “волю к власти”, управлять своими личными интересами и действовать в соответствии с моими избранными ценностями? Экзистенциалисты: Как я возьму на себя полную ответственность за свой выбор и за результаты, к которым он ведет?» [11].

При выполнении данного задания важно помнить, что оно не является академическим упражнением, а значит, не содержит единственного верного ответа. Серьезные размышления над предложенными вопросами могут позволить обнаружить новые способы преодоления различного рода финансовых и этических дилемм, стоящих перед фирмой или организацией, изменить стиль руководства и т. д.

Среди результатов, которые могут быть достигнуты посредством обращения к арсеналу методов практической философии, следует назвать: повышение эффективности управления фирмой, организацией, предприятием; осуществление рационального планирования деятельности управления посредством обнаружения и ликвидации «слепых пятен»; раскрытие интеллектуального и творческого потенциала сотрудников; сплочение коллектива вокруг реше-

ния поставленных задач; минимизация конфликтных ситуаций, повышение лояльности сотрудников к управляющим и др.

Необходимо отметить ряд значимых шагов по развитию практической философии в бизнес-среде Республики Беларусь. Прежде всего осознана потребность в освоении опыта зарубежных коллег, отмечается наличие устойчивого интереса не только к накоплению теоретических знаний в данной области, но и к выстраиванию полноценного диалога между представителями бизнес-сообщества и академическим миром. Площадка для встреч и обсуждения вопросов взаимодействия была создана при Центре управления знаниями и компетенциями Института философии НАН Беларуси. В 2015 г. здесь была проведена Вторая международная научная конференция «Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации». В рамках мероприятия свои усилия объединили не только ученые-философы – авторы теоретических разработок в области интеллектуальной культуры и интеллектуального капитала общества, но и практики сферы управления знаниями, специалисты по организационному развитию, бизнес-консультанты, а также руководители и специалисты инновационно ориентированных предприятий. На базе Центра управления знаниями и компетенциями также велась работа по уточнению сущности и специфики компонентов процесса управления знаниями в бизнес-среде; разработке моделей действий, направленных на повышение эффективности бизнес-процессов компаний и повышения уровня продаж [12]; созданию инструментария для проведения аудита знаний компаний; внедрению принципов формирования баз знаний на предприятиях; разработке методологии, процедур, сценариев и технологий обобщения, фиксации, кодификации и распространения знаний организации и др.

Сотрудниками Института философии НАН Беларуси осуществляется деятельность по аудиту социально-психологического климата и корпоративной культуры организаций на основании разработанной программы мониторинговой и экспертной работы в организациях. Она включает в себя: комплексную диагностику психологического климата и межличностных отношений в коллективе; диагностику применяемого в организации, ее отдельных подразделениях и службах стиля руководства, его эффективности; определение уровня сплоченности коллектива, психологической совместимости работников; диагностику мотивации, интеллекта, креативности, коммуникативных компетенций, жизненной позиции и приоритетов работников; выявление отношения к руководителю со стороны коллектива, а также неформальных лидеров, работников с высоким управленческим потенциалом; выявление замечаний, продуктивных предложений работников по поводу деятельности предприятия. Важное место в данной деятельности также занимает работа по развитию инновационной культуры мышления как особого системного качества личности специалиста или управленца. Ядро данной компетенции составляет сочетание профессиональных знаний и общекультурных умений (находить

и осваивать информацию, строить диалог и взаимодействие, понимать других и добиваться от них понимания).

Различные аспекты внедрения практической философии на предприятия и в организации страны разрабатываются также представителями других научных и образовательных учреждений. Так, необходимо отметить разработку и апробацию в Полесском государственном университете программы курса «Философия бизнеса» предназначенного для обучающихся экономических специальностей вузов. Опыт педагогической работы нашел отражение в учебно-методическом пособии [13].

В заключение статьи следует отметить, что становление практической философии как элемента национального философского дискурса связано с актуализацией и освоением эвристического, трансформирующего, смыслосоздающего компонентов философского знания, современных концепций практико-ориентированной философии, а также рефлексией над особенностями применения данных подходов в существующем социально-культурном контексте и в синтезе с национальным философским наследием. Дальнейшее изучение таких направлений практической философии, как философское консультирование, философия в школе и философия в бизнес-сфере, является перспективным и для белорусской академической науки, и для белорусского общества в целом. Это обусловлено все большей востребованностью перехода от философской теории к импликации ее достижений в область принятия практических решений, реализуемых в социальной, образовательной, экономической сферах общества. Также сегодня все более осознается важность установления и исследования функциональной и методологической взаимосвязи практической философии и таких феноменов, как гуманитарная экспертиза, социогуманитарные технологии, философия образования, философия психологии, философия диалога и коммуникации. Именно на данные перспективные области нацелено внимание сотрудников Института философии НАН Беларуси, занятых разработкой актуальных и значимых для страны проблем и вопросов.

Сделанные шаги по направлению к институционализации практической философии, разработке ее отдельных аспектов сегодня сопровождаются комплексом мероприятий по популяризации достигнутых результатов. Проводятся встречи с представителями бизнес-сообщества, сферы образования, учеными из других научных областей; организуются презентации инновационных разработок, проектов; ведется их продвижение в интернет-пространстве. Благодаря разрабатываемым проектам философия становится необходимой и полезной составляющей многих социальных практик. Важно, чтобы деятельность по развитию форм, инструментов, техник и методик практической философии приобрела и укрепила ее самостоятельный статус в структуре академических исследований, реализовала свой потенциал в качестве фактора, содействующего лучшему общественному пониманию науки, продвижению идеалов, целей и ценностей гуманитарного знания в социокультурном пространстве.

Список использованных источников

1. Лазаревич, А. А. Республиканский центр фундаментальной и практической философии – перспективный кластер по изучению и развитию интеллектуальной культуры Беларуси / А. А. Лазаревич // Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации : материалы Второй междунар. науч. конф., г. Минск, 12–13 нояб. 2015 г. / Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2016. – С. 16–19.
2. Habermas, J. Motive nachmetaphysischen Denkens / J. Habermas // Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze / J. Habermas. – Frankfurt a/M. : Suhrkamp, 1988. – S. 35–60.
3. Борисов, Е. Практический поворот в постметафизической философии / Е. Борисов, И. Инишев, В. Фурс. – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – Т. 1. – 212 с.
4. Achenbach, G. B. Kurzgefaßte Beantwortung der Frage: Was ist Philosophische Praxis / G. B. Achenbach // Zur Einführung der Philosophischen Praxis: Vorträge, Aufsätze, Gespräche und Essays, mit denen sich die Philosophische Praxis in den Jahren 1981 bis 2009 vorstellte. Eine Dokumentation / G. B. Achenbach. – Köln : Dinter, 2010. – S. 15–18.
5. Achenbach, G. B. Philosophy, philosophical practice and psychotherapy / G. B. Achenbach // Essays on philosophical counseling. – New York : Univ. Press of America, 1995. – P. 61–74.
6. Schuster, S. What do I mean when I say «Philosophical Counseling» / S. Schuster // Perspectives in philosophical practice. – Doorwerth : Verening Filosofische Praktijk, 1997. – P. 20–34.
7. Philosophy, a School of Freedom. Teaching Philosophy and Learning to Philosophize : Status and Prospects. – Paris : UNESCO, 2007. – 279 p.
8. Lipman, M. Thinking in Education / M. Lipman. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 316 p.
9. Юлина, Н. С. Философия для детей / Н. С. Юлина. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2005. – 464 с.
10. Botton, de A. Business and Philosophy [Электронный ресурс] / A. de Botton. – Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/alain-de-botton/business-and-philosophy_b_4170623.html – Дата доступа: 02.05.2017.
11. Brendel, D. How Philosophy Makes You a Better Leader [Электронный ресурс] / D. Brendel. – Режим доступа: <https://hbr.org/2014/09/how-philosophy-makes-you-a-better-leader> – Дата доступа: 02.05.2017.
12. Мирошниченко, А. Н. Совершенствование продаж с помощью управления знаниями / А. Н. Мирошниченко // Экономика. Финансы. Управление. – 2015. – № 2. – С. 78–80
13. Гориш, И. В. Философия бизнеса: метод. рекомендации по подготовке к семинар. занятиям для студентов всех форм обучения / И. В. Гориш. – Пинск : ПолесГУ, 2013. – 61 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- **Адуло Тадеуш Иванович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: tadoul@mail.ru;
- **Бобков Игорь Михайлович**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: ihar1964babkov@gmail.com;
- **Бабосов Евгений Михайлович**, академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Баженов Валентин Александрович**, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия;
- **Буйко Татьяна Николаевна**, доктор философских наук, доцент, Белорусский государственный университет физической культуры, Минск, Беларусь;
- **Винокурова Светлана Петровна**, доктор философских наук, профессор, Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь;
- **Водопьянов Павел Александрович**, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь;
- **Воленьски Ян (Woleński Jan)**, доктор философских наук, профессор, Ягеллонский университет, Краков, Польша;
- **Ганчев Петко**, доктор философских, доктор политических наук, профессор, Председатель Геополитического центра «Евразия», София, Болгария;
- **Еворовский Валерий Борисович**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: valewr@hotmail.com;
- **Завадский Михаил Борисович**, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: zavadski.mikhail@gmail.com;
- **Захарова Наталья Евгеньевна**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Игнатов Владимир Константинович**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Ильюшенко Надежда Сергеевна**, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: n.iliushenko@gmail.com;
- **Йосипенко Сергей Львович**, доктор философских наук, Институт философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины, Киев, Украина;
- **Карасёва Светлана Геннадьевна**, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь;
- **Колесников Андрей Витальевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Колчигин Сергей Юрьевич**, доктор философских наук, профессор, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан;

- **Короткая Татьяна Петровна**, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь;
- **Куиш Александр Леонтьевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: alkuish@mail.ru;
- **Кутузова Наталия Александровна**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Лазаревич Анатолий Аркадьевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: a.a.lazarevich@gmail.com;
- **Лаптёнок Александр Сергеевич**, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь;
- **Левко Анатолий Игнатьевич**, доктор социологических наук, профессор, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Легчилин Анатолий Александрович**, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь;
- **Лукашевич Владимир Константинович**, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь;
- **Малахов Данила Владимирович**, кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Малинецкий Георгий Геннадьевич**, доктор физико-математических наук, профессор, Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, Москва, Россия;
- **Мамедзаде-оглы Ильхам Рамиз**, доктор философских наук, профессор, Институт философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан;
- **Мякчило Степан Антонович**, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Орлов Сергей Владимирович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия;
- **Павловская Ольга Александровна**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Павлюкевич Вадим Иосифович**, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Подолинская Елена Олеговна**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Позняков Валерий Владимирович**, доктор философских наук, профессор, Республиканский институт высшей школы Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь;
- **Пунченко Олег Петрович**, доктор философских наук, профессор, Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Одесса, Украина;
- **Сагикызы Аяжан**, доктор философских наук, профессор, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан;
- **Салеев Вадим Алексеевич**, доктор философских наук, профессор, Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь;
- **Санько Сергей Иванович**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: siarhey.sanko@gmail.com;

Сведения об авторах

- **Сороко Эдуард Максимович**, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Старжинский Валерий Павлович**, доктор философских наук, профессор, Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь;
- **Степаненко Наталья Ананьевна**, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Червинский Александр Сергеевич**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь;
- **Шауласкас Мариус-Повилас (Šaulauskas Marius Povilas)**, доктор философских наук, профессор, Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва;
- **Широканов Дмитрий Иванович**, академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

**Редакционная коллегия приглашает авторов к публикации
в ежегодном сборнике научных трудов
Института философии НАН Беларуси «Философские исследования»**

Тематические приоритеты (рубрики):

- Проблемы онтологии и теории познания
- Философские проблемы социальной динамики
- Философско-антропологические исследования
- Аксиологические аспекты социального бытия
- Философско-методологические проблемы науки и техники
- Историко-философские исследования
- Философия культуры и образования
- Проблемы формирования экологической культуры
- Национальная философская мысль

Статьи, оформленные согласно указанным ниже требованиям, в распечатанном виде принимаются по адресу: 220070, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, к. 810, Институт философии НАН Беларуси, и в электронном виде на e-mail: journal@philosophy.by. Справки по телефону: 8-017 284 29 25.

Требования к оформлению работ

Объем печатного материала должен составлять от 0,4 до 0,8 авт. л. (или 16 000–36 000 знаков с пробелами). Текст предоставляется в формате Word for Windows, шрифт Times New Roman, кегль 14, с абзацным отступом 1,2 и выравниванием справа и слева, межстрочный интервал одинарный, страницы не нумеруются; все поля – 2 см.

Следуя через один интервал, в статье помещаются следующие элементы ее структуры:

УДК;

посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора;

посередине строки – место работы автора, город, страна;

посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи (не более двух строк);

резюме на русском языке;

ключевые слова на русском языке;

Информация для авторов

посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора по-английски;

посередине строки строчными буквами – место работы автора, город, страна по-английски;

посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи по-английски;

резюме по-английски;

ключевые слова по-английски;

основной текст;

посередине строки жирным шрифтом – название «Список использованных источников»;

список использованных источников, который оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008/СТБ 7.208-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на источник указываются в тексте в квадратных скобках: номер источника, номер страницы (например, [10, с. 795]); нумерация источников – в порядке цитирования или в алфавитном.

Рисунки к статье предоставляются в форматах jpg или tiff.

В конце статьи данные автора: полностью фамилия, имя и отчество; степень, звание, должность, место работы, телефон для контактов, адрес почтовый и электронный.

К статье прилагается рецензия, заверенная учреждением рецензента.

Редакционная коллегия вправе отклонять материалы, не соответствующие тематике сборника, требованиям к научному уровню, объему, оформлению и корректуре.

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Редактор *И. А. Старостина*
Художественный редактор *Д. А. Комлев*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *О. А. Толстой*

Подписано в печать 11.10.2017. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 31,36. Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 150 экз. Заказ 199.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.